Сергей Саканский

Друг мой сыщик

Книга # 1 (2007)

Книга # 2 (2008)

Книга # 3 (2010)

Книга # 4 (2011)

Книга # 5 (2011)

Книга # 6 (2011)

Книга # 7 (2009)

Книга # 8 (2014)

Книга # 9 (2013)

Книга # 10 (2010)

Книга # 11 (2013)

Книга # 12 (2009)

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: астрологический знак и фигурка Стрельца.

Сергей Саканский

Призрак с арбалетом

Жаров зашел на Морскую, как всегда, поболтать, не ожидая от сегодняшней оперативной сводки ничего интересного для своей газеты. Был прохладный зимний вечер, уже переходящий в ночь, из открытой форточки тянуло дымной горечью чьих-то каминов и печей.

Лейтенант Клюев сидел за стеклом, отделяющим дежурную часть от посетителей. Он посмотрел на Жарова исподлобья и снова уткнулся в монитор.

– Квартирная кража в Массандре, два уличных ограбления, масса пьяниц, – бесцветным голосом сообщил он.

Жаров насторожился: что-то у Клюева определенно есть – слишком безразлично звучал его голос.

– И одно убийство.

Жаров зашел за барьер, зацепил ногой стул и устроился рядом с лейтенантом. Кроме них двоих в дежурке никого не было: напарник, наверное, спал в кабинете на стульях. Клюев продолжал:

– Бомж. На Дарсане. Застрелен.

Это было еще не все: Жаров понял, что сенсация не исчерпана. Петька Клюев в детстве мечтал быть актером, любил и умел держать паузы.

– Как-то не вяжется, – сказал Жаров. – Бомж – и застрелен.

Клюев мрачно улыбнулся.

– Если еще учесть, из чего его застрелили.

– Ну, и?

– Из арбалета.

– Как-как?

– Из обыкновенного арбалета. Короткой стрелой.

Жаров помолчал.

– Чушь какая-то, – наконец сказал он. – Арбалет – мафиозное оружие. Одна стрела стоит больше, чем все имущество бомжа.

– Думаю, у тебя получится интересная статья, – сказал Клюев. – Выстрел был произведен с близкого расстояния. Похоже, что убийца хорошо знал жертву. Следов – никаких.

– Некто с арбалетом и бомж. Странное знакомство… Собаку запускали?

– Нет. Зафиксировали, отсняли и увезли. Пилипенко не стал вызывать собаку. Она доведет до ближайшего угла. Если у убийцы есть арбалет, то наверняка есть и машина. Только собаку зря гонять…

– Давно это было?

– Два часа назад.

– Где бомж-то?

– В морге, где ж ему быть? Можешь расслабиться: до завтра не уйдет.

– Личность убитого выяснили?

– У него был паспорт. Весь в печатях: изрядно помотался мужик. Пятидесяти трех лет. – Клюев вскинул глаза на монитор, прочитал:

– Кручинин Василий Петрович.

Жаров достал свой блокнот, щелчком раскрыл и записал имя убитого.

– Фото сделали?

– Посмотри в компьютере.

Клюев дернул мышью. Жаров заглянул в монитор и увидел человека, лежащего ничком у бордюра. Руки были вывернуты за спину: человек пытался вытащить стрелу. Клюев перевел кадр. Крупным планом был взят затылок убитого, выпуклый и объемный в свете вспышки. Толстая стрела с вычурными стабилизаторами глубоко засела в ложбинке шеи. Длинные седые волосы разметались по отполированным камням тротуара. Из щели между камнями торчал пучок травы, отбрасывая четкую черную тень. Композицию завершала шляпа, валявшаяся на расстоянии вытянутой руки от ее владельца.

Жалкое, отвратительное зрелище… Такая фотография в газету не пойдет: отцы города уже не раз выговаривали Жарову, что иллюстрации в «Курьере» шокируют читающую публику.

– Для бомжа он слишком хорошо одет, – заметил Жаров.

– Это ерунда. Сейчас на свалку выбрасывают довольно приличную одежду.

– Признаков ограбления, конечно, нет? – спросил Жаров.

– Грабить было нечего. Три гривны и мелочь. Возможно, взяли его глаза.

Жаров вздрогнул.

– Как это – глаза?

Лейтенант закрыл лицо ладонями.

– Вот так. Пора бы привыкнуть, пан журналист. На нашей милицейской мове это значит, что жертва видела что-то, чего видеть была не должна.

* * *

За дверью послышался какой-то шум. Жаров оглянулся. Дверь распахнулась и в управление быстро вошла женщина. За ней следовал тщедушный молодой человек, было ясно, что главная в этом дуэте – она.

– Как мне сделать заявление? – официальным тоном спросила посетительница.

– Да вы присаживайтесь, – махнул рукой Клюев. – Заявление, на предмет – чего?

Женщина села на скамью, заложив ногу за ногу. Это была красавица, на таких смотришь с легкой грустью: они всегда принадлежат другим…

Пока она рассказывала, взволнованная и раскрасневшаяся, Жаров украдкой любовался ею. Темные волосы, заплетенные в короткую толстую косу, украшенную алым бантом. Стройные ноги в дорогих колготках.

Оказалось, что они с мужем приехали в Ялту сегодня вечером. Не успели даже расположиться. Остановились в частном пансионате. Случилось так, что они поссорились, и муж, что называется, хлопнул дверью и ушел. Провериться, остыть.

– Но прошло больше трех часов… Уже ночь… Он никогда не был в этом городе. Главное – мобильник не отвечает. Я волнуюсь, сделайте же что-нибудь! – закончила она.

Клюев молчал, пощелкивая кнопкой мыши. Жаров знал, что он скажет.

– Видите ли… – осторожно начал лейтенант. – По закону, чтобы оформить заявление о розыске, нужно выждать не три часа, а три дня.

– Вот и я ей говорил! Три дня, – встрял молодой человек.

Жаров неприязненно посмотрел на него.

– А вы, собственно, кто? – спросил он.

– Я? – возмутился молодой человек. – Никто. Я просто живу в том же пансионате. Меня попросили проводить…

По закону жанра, он и должен быть убийцей, подумал Жаров. Убийца появляется сразу. Только в жизни все бывает наоборот: преступник – человек со стороны. Кроме того, никакого преступления нет. Сидит сейчас этот муж где-нибудь в «Ванде» и смотрит стриптиз. Может быть, уже и девушку снял…

– К тому же, я учусь на юридическом, – продолжал молодой человек писклявым голосом. – И знаю, что вы обязаны зафиксировать обращение.

– Это – само собой! – невозмутимо пожал плечами лейтенант.

Жаров встал и захлопнул свой блокнот.

– Покажите мне место происшествия, – сказал он.

Клюев хитро посмотрел на него. Эти двое понятия не имели, кто такой Жаров. Для них он был человек, сидевший в управлении милиции, хоть в штатском, но рядом с лейтенантом: наверное, следователь или оперативник… Клюев был только рад, что старому другу удалось избавить его от таких нервных посетителей. Жаров же нащупывал себе материал.

ПРОПАВШИЙ МУЖ НАЙДЕН!
ТАЙНА ПРОПАВШЕГО МУЖА…
ПРОПАВШИЙ МУЖ: СТОИТ ЛИ ЕГО ИСКАТЬ?

Двенадцатиполосный «Крымский криминальный курьер», печатный орган, зарегистрированный менее года назад, только набирал обороты. Жаров был его главным редактором, владельцем и корреспондентом одновременно. Более того, весь штат газеты и состоял из одного Жарова. Внештатников было достаточно: ялтинские старушки и старшеклассники забрасывали почтовый ящик запутанными историями о грандиозных преступлениях на бытовой почве и крутыми рассказами из бандитской жизни. Двое внештатников были друзьями детства Жарова: лейтенант Клюев и следователь Пилипенко. Большая часть реальной информации исходила от них.

Материала для такой газеты в курортном городе хватало, номер выходил раз в неделю, в киосках не залеживался, основной тираж забирала подписка. Правда, сейчас, в межсезонье, напряжение на газетных полосах было ослаблено, Жарову даже пришлось печатать из номера в номер дурацкий детектив собственного сочинения и тискать нелепые, но эффектно поданные информации, вроде той, которая намечалась в связи с убежавшим мужем. Правда, что-то в поведении лейтенанта настораживало: возможно, за этим ординарным случаем стоит настоящая сенсация. Журналистский стаж Жарова насчитывал почти пятнадцать лет, за эти годы у него развилось обостренное чутье на происшествия.

* * *

Заявители повели журналиста в свой пансионат, Жаров шел рядом с постоянно лопочущей красивой женщиной и втайне радовался, что он – не ее супруг. Глупенькая, самодовольная, болтливая… Приятно отметить недостатки красавицы, особенно, если она не твоя. Кроме того, быть мужем красивой женщины хлопотно и опасно: могут, в конце концов, отбить.

Студент покашливал, придерживая воротник, ночной бриз нападал из-за угла, гуляя в проемах между домами, унося в сторону моря городские дымы. Дождь, который собирался весь вечер, был побежден холодом.

За то время, пока они шли до пансионата, Жаров узнал многое. Женщину зовут Лариса Слепцова, а мужа – Борис, с той же фамилией. Живут они в Москве, муж бизнесмен, у него дело, хоть маленькое и не очень прибыльное, но свое. Выдалось несколько свободных дней, решили отдохнуть, сменить обстановку («были и другие причины»), они нашли по знакомству адрес частного пансионата, позвонили хозяйке, и вот они здесь.

Все это прозвучало справа, где шла Лариса. Слева, со стороны молодого человека, тоже прошел достаточный объем информации. Виктор Колышев, студент на каникулах, российское гражданство («Воронеж – слыхали о таком городе»), холост…

Жаров привык вычленять информацию в любом, даже самом сумбурном потоке.

– Какие причины, Лариса? Вы сказали – другие причины, – уточнил Жаров.

Женщина закусила губу.

– Моему мужу угрожали, – поколебавшись, сказала она.

– Кто? Когда?

– Последний раз – сегодня утром. Вы хотите знать, кто? Мы с ним тоже хотим это знать.

Лариса остановилась, как оказалось, чтобы открыть свою сумочку. Прямо над ними был уличный фонарь, в желтом свете кружила ночница, как бы тоже проявляя любопытство к небольшой открытке, которую Лариса протянула Жарову.

Обыкновенная поздравительная открытка с цветами. На обороте надпись, одно слово:

севодня

Внизу был нарисован астрологический знак стрельца. С орфографией у таинственных мстителей было плохо.

– Как вы получили это послание?

– Оно было в почтовом ящике.

– Но сегодня утром, как я понимаю, вы были еще в Москве?

– Конечно. Как раз выходили, собирались в аэропорт. И проверили почту.

– В таком случае, вряд ли вам что-то угрожает. Вы ведь в полутора тысячах километрах от Москвы.

– Я не уверена, – сказала Лариса и быстро посмотрела по сторонам.

Жаров мысленно поставил себя на ее место. Незнакомый ночной город, пустые переулки, неизвестно куда ведущие, черные провалы между кустами… Зимняя Ялта не радует приезжих.

Почему они решили отдохнуть именно здесь – мало ли на свете Египтов да Кипров, где круглый год сезон? И что тут делает этот одинокий студент?

* * *

Впрочем, насчет студента вопрос выяснился быстро: он был старым знакомым хозяйки пансионата. «Пансионат» оказался обыкновенным домом в частном секторе на улице Коновальца, куда они дошли через пятнадцать минут. За чугунными воротами, оставшимися с дореволюционных времен, горел желтый свет, озаряя настоящий средиземноморский садик.

В советскую эпоху такие апартаменты назывались «ялтинская халупа». Специально, чтобы повысить плату для курортников, как и во многих других домах, здесь были произведены революционные преобразования. Сделали евроремонт, поставили перегородку, чтобы обеспечить отдельный вход, устроили дополнительный санузел. В небольшом саду стояли три дерева – лавр, инжир и грецкий орех. Забор зарос виноградом, вдоль тропинок возвышались кадки для летних цветов, теперь пустые. После ремонта сад стал относиться к гостевой части здания, а у хозяйской остался свой захламленный уголок с выходом через кухню. Хозяйка жила в прикухонной комнатке, пользовалась туалетом во дворе, из городской канализационной сети. Все это можно было озаглавить – «Блеск и нищета европейского курортного города».

Всего в пансионате было четыре комнаты: одну уже неделю занимал студент, одну сегодня сдали супругам, две остальных пустовали. Комнаты выходили в общий холл, откуда можно было пройти коридором на кухню, в ванну и туалет. В холле стояла веерная пальма. Действительно – пансионат.

Было около одиннадцати. Жаров ожидал, что пропавший муж явится с минуты на минуту.

Хозяйка еще не спала. Лариса не могла найти себе места, ходила из комнаты в комнату. Жаров собрал всех троих, включая студента, в холле, как это делал Эркюль Пуаро, и провел общую беседу.

События развивались так. Сегодня вечером, примерно в половине седьмого приехали и расположились супруги. Они постоянно ссорились, громко кричали, расставляя вещи и хлопая створками шкафов. Студент, потревоженный шумом, зашел к хозяйке и поинтересовался, в чем дело. Вскоре разъяренный муж выбежал на улицу. Жена пожаловалась хозяйке на свою тяжелую долю. Вместе они около часа смотрели телевизор, затем Лариса начала не на шутку волноваться. Звонила мужу по мобильному, тот не отвечал. Еще через час волнение перешло всякие границы, женщины разбудили студента, который к тому времени уже почивал, и принялись обсуждать, что им делать дальше. Брошенная жена стремилась бежать в милицию, студент ее отговаривал, аргументируя тем (надо заметить, справедливо), что в этом не будет никакого толку, но женщина настояла, и молодой человек был вынужден проводить ее.

– Ну и? – обратилась к Жарову Лариса, когда разговор был исчерпан.

– Что? – не понял Жаров.

– Вы намерены искать или нет?

Жаров украдкой подавил зевок, подумал, что, в принципе, не прочь прогуляться, к тому же, ему нравилось, что его принимают за матерого сотрудника МВД, который расследовал на свеем веку немало запутанных дел и наверняка умеет драться и стрелять… Внезапно его осенило.

– Дайте мне телефон вашего мужа, – спросил он.

Жаров вызвал указанный номер. Действительно, если жена и муж в ссоре, то вполне понятно, что он не отвечает именно ей, видя ее имя на дисплее. Но на посторонний звонок с неизвестным номером он может ответить.

Расчет оказался неверным. Жаров слышал гудки – так, будто бы телефон звонил, а его хозяин просто не хотел отвечать. В то же время, было ясно, что аппарат не отключен, иначе бы в трубке прозвучал голос оператора. Интересно, насколько у этого человека хватит терпения держать в кармане звонящий телефон? Или, может быть, телефон играет красивую мелодию, и он с удовольствием слушает ее, уже лежа в постели в каком-нибудь другом пансионате, в обнимку с другой женщиной?

Гудки прекратились, связь автоматически оборвалась. Жаров упорно позвонил еще раз. Тот же эффект. В ушах у него звенело от гудков, ему даже показалось, что он слышит где-то совсем близко тонкий мелодичный звонок…

Жаров решительным жестом надел свой берет.

– Как выглядел ваш муж?

Женщина вскинула на него удивленные глаза. Жаров поправился:

– Я хотел сказать: как выглядит.

Он поймал себя на том, что подсознательно ожидает, что с мужем произошло несчастье. То ли информация о гибели бомжа, то ли общее его настроение, зимний застой – все это суммировалось в некое тяжелое чувство.

– На нем была коричневая шляпа, длинный коричневый плащ… Что с вами?

Женщина не на шутку встревожилась, поскольку Жаров не успел справиться со своим лицом. Перед его глазами встала фотография, увиденная на мониторе лейтенанта Клюева. Именно в коричневом плаще был бомж, убитый сегодня на Дарсане, и именно коричневая шляпа лежала рядом с ним на камнях тротуара.

* * *

Жаров прошел по средиземноморскому саду к чугунным воротам, ветка инжира шершаво полоснула его по лицу.

Выходит, что человек, убитый на Дарсане, вовсе не бомж, а этот самый пропавший муж? Ерунда: мало ли на свете длинных плащей и коричневых шляп… К тому же, как сказал лейтенант, у бомжа имелись документы. Да и седые волосы, которые хорошо запомнились Жарову, были грязные, спутанные, явно не принадлежащие московскому бизнесмену, который, скорее всего, аккуратно и коротко пострижен, если вообще не лысый, по известной уголовной моде.

Пройдя несколько шагов по улице Коновальца, Жаров миновал витрину магазина и вышел к реке. Двор пансионата был угловым, одной стороной выходил прямо на берег Учансу. Вода шумела довольно сильно, это значило, что в горах прошел дождь. Полная луна, прорываясь пунктиром среди облаков, хорошо освещало эту, всегда темную улицу. Чтобы попасть к городской цивилизации, к троллейбусам и машинам, надо было пройти через пешеходный мостик над рекой. Скорее всего, убежавший муж пошел именно этим путем: не будет же он карабкаться наверх, в незнакомые жилые кварталы? Издали, со стороны троллейбусной остановки доносились голоса и женский смех, здесь же у каменного парапета, стоял лишь ровный голос несущейся к морю воды.

Жаров ступил на мостик, металлический гул его шагов смешался с шумом реки. Он остановился, облокотясь на перила, закурил, глядя вдоль русла, вьющегося между крупных камней. Лунный свет колыхался на пенистой воде.

Можно пойти в центр, тем возможным путем, каким мог бы возвращаться в эту часть города пропавший. Если он не встретится по дороге, то Жаров поищет его в ночных кабаках, начиная с «Ванды». Человека в коричневой шляпе найти несложно…

Странная мысль, что убийство бомжа как-то связано с этим исчезновением, не покидала Жарова. Допустим, некие враги на самом деле заказали бизнесмена: кто знает, что там сейчас происходит, в Москве и России, какие новые бандитские войны? Исполнитель, имея на руках приметы жертвы, совершил ошибку, застрелив из символического арбалета ни в чем не повинного бомжа…

Символического! Жаров понял, что его беспокоило последние полчаса: ведь на открытке, показанной Ларисой, был изображен вовсе не знак стрельца, а просто-напросто арбалет. Человеку в коричневой шляпе угрожает опасность, и надо бы срочно найти его.

Жаров снова вызвал его номер и через несколько секунд уже ошарашенно оглядывался вокруг. Значит, ему вовсе не показалось, что где-то далеко и мелодично звонит телефон. Звук действительно был слышен в доме, и раздается он здесь, прямо под его ногами!

Бизнесмен уронил аппарат, пока шел по мосту, – мелькнуло у Жарова в голове. Он перегнулся через перила и увидел, наконец, что среди речных валунов, частично погруженный в реку, лежит труп.

Жаров не сомневался, что этот человек мертв. Его голова была скрыта под водой, полы плаща задраны от падения с моста. Телефон, звонивший у него на поясе, замолчал, отмерив положенные сорок секунд. И снова зазвучала мелодия: наверное, на сей раз его вызывала перепуганная жена. Мобильник висел на ремешке, в нескольких сантиметрах от воды: зеленые блики от звонков коротко освещали воду, нитку водоросли, вытянутой вдоль течения…

Жаров вызвал личный номер Пилипенки и коротко сообщил ему о своей находке. Следователь попросил ничего не трогать и никуда не уходить. Естественно, мог бы и не напоминать… Жаров достал фотоаппарат, хотел было снять, но передумал: все равно будет фотограф и сделает это куда лучше него.

Он перемахнул через барьер и, соскальзывая с мокрых голышей, подошел к телу. Как большинство ялтинцев зимой, в темном, полном щербатых лестниц городе, Жаров носил с собой маленький фонарик. То, что он увидел в неярком синем свете, потрясло его. И дело было не в том, что из шеи трупа торчала короткая вычурная стрела – именно это он и ожидал увидеть.

Рядом с убитым лежала шляпа. Это не была какая-нибудь коричневая шляпа, похожая на шляпу застреленного бомжа. Это просто-напросто была точно такая же шляпа.

* * *

Машина подошла со стороны троллейбусной остановки, под мостом сразу стало шумно и светло. Полыхал блиц фотографа, оперативники переговаривались, включали рацию. Подъехала труповозка, и среди косматых кипарисов показались силуэты санитаров с носилками.

Жаров косился на окна пансионата: они были темными – как раз окна тех комнат, которые пустовали. Лучшие же комнаты, отданные сейчас жильцам, выходили в живописный средиземноморский дворик. Жарову не хотелось, чтобы Лариса услышала шум с улицы и прибежала сюда. Ее вскоре пригласят на опознание, и происходить это будет не здесь, а в официальной обстановке отделения судмедэкспертизы, куда ее доставят на служебной машине…

Следователь Пилипенко то хлопал кулаком в ладонь, то зевал в кулак, то снимал и протирал постоянно потеющие очки. Наверное, прошлая ночь у него тоже была бессонной.

– Что ты об этом думаешь? – спросил его Жаров.

– То же, что и ты, – ответил Пилипенко. – Одно убийство было случайным.

Жаров кивнул.

– Или случайными были оба, – продолжал следователь, – и тут просто какой-то тинэйджер, фанатик компьютерных игр, испытывает арбалет, который купил за папины деньги на барахолке.

Жаров покачал головой.

– Или оба убийства не случайны, – закончил свою мысль Пилипенко.

Жаров рассказал ему о знаке, который видел на открытке. Пилипенко вскинул на него глаза:

– Это любопытно. Ты еще не хочешь спать? Прогулялся бы к «Спартаку», потусовался среди бомжей. Думаю, они еще не все расползлись.

– У тебя, наверное, уже есть версия, и ты, как всегда, держишь ее при себе, – с раздражением сказал Жаров.

– Версия-то есть, – невозмутимо ответил Пилипенко. – Только твоя мне тоже нужна, так сказать – независимая. При сложении с моей мы получим результирующую, идет?

Жаров двинулся было пешком, но, увидев, что к остановке подходит троллейбус, запрыгнул на площадку. Версия была простой, и в тоже время – фантастической: кому-то понадобилось переодеть бомжа в бизнесмена. Вот только зачем? Ведь для того, чтобы произвести метаморфозу убедительно, надо было изменить и внешность бомжа, по крайней мере, постричь ему волосы. В принципе, человек в коричневой шляпе и в длинном плаще может подпасть под какое-то условное словесное описание. Только кто и как может его использовать?

Мало-помалу Жаров пришел к выводу, что никому, кроме самого убитого, такая операция была ни к чему. Но как он успел все это: нашел бомжа, уговорил его переодеться, выследил киллера и как-то подсунул ему бомжа… Маловероятно.

Напротив кинотеатра «Спартак», на лавочках под густыми магнолиями было известное место обитания бездомных. Они встречались тут по утрам, тут же собирались и поздними вечерами. Жаров, конечно, знал некоторых из них: порой они владели такой информацией, которую не раздобудешь больше нигде.

Бывший мореман Славка, по кличке Слива, сидел на лавочке, насупившись, с пивной бутылкой в руке. Вероятно, он только что опустошил ее и теперь раздумывал, как раздобыть следующую.

В магазинчике на остановке Жаров предусмотрительно запасся крепкой «Оболонью». Славка, конечно же, оказался весьма словоохотливым.

– Кручину я хорошо знаю, – сказал он и тут же поправился: – Кручинина Василия Петровича, учителя.

– Учителя? – удивился Жаров.

– Бывшего. Выгнали за пьянство, без права занимать должность. Пошел в грузчики, потом – в бомжи. Помотался по бывшему Союзу. Хороший человек, умный. Кстати, как раз сижу и жду тут его.

Что-то настораживало в испитом лице Сливы – какое-то уверенное, довольное выражение, будто учитель Кручинин, который уже никогда не придет, должен был его облагодетельствовать.

– Ты свою загадочность оставь, – строго сказал Жаров. – Чего такого он тебе наобещал?

Лицо Сливы сделалось скучным, Жаров хорошо знал это выражение. Он достал свой бумажник. С деньгами было, как всегда туговато: две двадцатки, пятерка и мелочь. Двадцатку было жалко, тем более, что это Сливе упиться просто. Пятерки, напротив, мало. Был бы червонец – дал бы в самый раз.

Жаров наскреб семь гривен с мелочью и протянул бомжу. Тот ссыпал мелочь в широкий карман пальто, а пятерку флегматично засунул за подвернутый обшлаг рукава.

– Короче, дело у него намечалось. И эти башли, – Слива тронул свой рукав, – теперь нам так, семечки…

– Ну, давай, я внимательно слушаю, – терпеливо произнес Жаров, зная, насколько эфемерны прожекты такого рода людей.

Оказалось, что сегодня вечером Кручинин связался с каким-то человеком, намекнул Сливе, что ожидает некую хорошо оплачиваемую работу, оставил вещи и ушел вместе со своим новым компаньоном. Оба пошли пешком в сторону Партизанской. Все совпадало: оттуда они вполне могли подняться на Дарсан, где Кручинин нашел свою смерть. Подобная информация стоила семи гривен с мелочью.

– Скажи-ка мне, как был одет Кручинин? – спросил Жаров. – Он был в коричневой шляпе, в длинном плаще?

Глаза бомжа поползи на лоб, он замахал обеими руками.

– Да что вы, нет! В шляпе и плаще как раз был тот цивильный, что нанял его.

– Во сколько примерно это было?

– Не примерно, а точно. Они пошли по Кирова, по левой стороне, и было это без десяти восемь.

Жаров двумя пальцами приподнял левый рукав пальто бомжа.

– Не вижу, чтобы ты обзавелся часами.

– В кинотеатре, – Слива указал в сторону «Спартака», – как раз кончился сеанс, и люди выходили на улицу.

* * *

Жаров пошел дворами на Морскую, надеясь, что Пилипенко уже вернулся в управление. Значит, около восьми вечера пропавший муж был еще жив. Жаров обнаружил труп в одиннадцать. Около семи бизнесмен поссорился с женой и выбежал на улицу. От пансионата до «Спартака» десять минут быстрой ходьбы. Здесь он встречает бомжа и предлагает ему некую работу. Ведет его на Дарсан – это еще минут двадцать. Там он снимает с себя шляпу и плащ и отдает их бомжу, убедив его в том, что этот маскарад безопасен. Странно, конечно, что бомж не заподозрил неладное: ведь если к тебе подходит на улице незнакомый человек, прелагает деньги и просит переодеться…

Впрочем, почему незнакомый? Можно ведь допустить, что бомж и бизнесмен знали друг друга? Что может быть между ними общего? Не так давно все жили в одной большой стране, где деление на богатых и бедных было не столь радикально… Бомж когда-то был учителем. Возможен такой случай, что он работал в той же школе, где учился будущий бизнесмен?

Наверное, место встречи было заранее известно – место на Дарсане, куда должен был явиться Слепцов. Скорее всего, он просто разыграл ссору, чтобы отвязаться от жены и иметь повод уйти в город в одиночку.

Бизнесмен обещает бомжу деньги за то, чтобы тот сыграл его роль. Бомж переодевается, приходит на встречу и получает стрелу в шею. Слепцов в это время прячется где-то поблизости.

Затем он возвращается домой. Не зная города, он идет традиционным путем: вниз со склона Дарсана на Партизанскую, потом по Кирова к «Спартаку» и по Ломоносова – в пансионат. Но киллер, увидев, что его обманули, спускается с Дарсана прямо на улицу Коновальца и там, на темном мосту, поджидает жертву…

Что-то в этой версии не вязалось. Ну, кончено! Если Слепцов отдал Кручинину свою шляпу и плащ, то почему же он тогда тоже был в шляпе и плаще?

Жаров остановился под фонарем, снял с себя берет, задумчиво осмотрел его изнутри… А что, если эта операция была продумана с самого начала и бизнесмен мог сразу надеть на себя двойную одежду – шляпу вставить в шляпу?

В управлении на Морской было оживленно: напарник Клюева проснулся и деловито звонил куда-то, был Пилипенко, эксперт-криминалист Леня Минин, двое оперативников. На дверцах шкафа, на проволочных вешалках висели два коричневых плаща и две коричневых шляпы.

Жаров взял обе шляпы и попытался вставить одну в другую. Пилипенко рассмеялся:

– Я уже пробовал. Не лезет.

– Значит, наши версии совпали?

– Не совсем. Какие у тебя новости?

Жаров рассказал все, что услышал от Сливы, обратив внимание на время, когда бомж и бизнесмен исчезли из его поля зрения.

– Этого не может быть, – Минин похлопал Жарова по плечу. – Но все равно, спасибо за информацию.

– Ты хочешь сказать, что уже определил время смерти? Ну, и?

– Когда был убит Кручинин, экспертиза покажет, а Слепцов умер не позже семи часов вечера.

Жаров с недоверием уставился на Минина.

– Экспертизу с бомжом не сделали, а с бизнесменом уже успели?

– Нет, не успели. Я сделал заключение не как эксперт, а как метеоролог.

– В каком смысле – метеоролог? – не понял Жаров.

Все присутствующие в дежурке с жалостью посмотрели на Жарова: они уже все знали, только он один был в неведении.

– Если бы труп упал с мостика в воду, то он был бы весь мокрый. Но он лежал наполовину в воде, и верхняя часть одежды была сухой. По радио передали, что в заповеднике уже идет дождь и через полчаса он может накрыть город. Но тучи развеялись, и на нас, слава Богу, не упало ни капли. Это не труп был сброшен в воду, а вода сама пришла к трупу. От дождя уровень в реке повысился. И было это в районе семи часов вечера.

– Кого же тогда видел Слива у «Спартака»?

– Получается, что он видел призрака.

Все замолчали. Пилипенко сидел в глубоком раздумье, уставившись в монитор и мерно пощелкивая клавишами. Жаров заглянул через его плечо. Пилипенко играл в тетрис, будто бы, сев на обычное место лейтенанта Клюева, приобрел и его привычку. Лицо следователя было мрачно.

– Подумай, – обратился он к Жарову, – может быть, ты не все рассказал? Вспомни любую информацию, даже самую незначительную.

Жаров мысленно пробежал последние два часа своей жизни…

– Когда я стоял на мосту, – кто-то звонил на мобильник жертвы, – сообщил он.

– Очень хорошо, – сказал Пилипенко. – Что еще?

– Бомж, Василий Петрович Кручинин, был когда-то учителем.

– Интересно, – бесцветным голосом заметил Пилипенко. – А дальше?

– Студент, сосед убитого, родом из Воронежа.

– Замечательно, – сказал Пилипенко с той же интонацией, но от внимания Жарова не ускользнул его легкий щелчок пальцами под столом. – Значит так. Немедленно вызываем собаку.

Его вдруг словно подменили. Что-то в словах Жарова заставило следователя действовать. Все вокруг пришло в движение: дежурный звонил в питомник, эксперт собирал свой чемоданчик. Жаров заметил, что он проверил и положил туда набор для снятия отпечатков пальцев. Жаров знал, что лучше не приставать сейчас к Пилипенке с расспросами, но тот сам подошел к нему.

– Если хочешь, давай, отправляйся вместе с кинологом.

– Разумеется, хочу! – обрадовался Жаров, который, с тех пор как все завертелось, чувствовал себя одиноким. – Кинолог, конечно же – на Коновальца?

– Конечно же – на Дарсан, – следователь выбросил руку в сторону окна, выходящего на северо-запад.

Жаров удивился, но смолчал. «уазик» с кинологом и собакой прибыл через несколько минут. Следователь, эксперт и еще трое ребят сели в «газель». Если понадобилась опергруппа, то Пилипенко точно знал, где искать убийцу.

* * *

Милицейский «уазик», натружено урча по серпантину улицы Войкова, взобрался на восточный склон Дарсана за семь минут. Жаров бросил взгляд на темные окна школы, где они учились с Вовой Пилипенко, когда-то неопределенно давно, совсем в другие времена. Овчарка сидела смирно, прижимая уши от резкого перепада давления. Кинологом был Леха Ярцев, бывший офицер, дослуживающий свой запас в милицейском питомнике. Он придерживал Ральфу за ошейник, успокаивающе поглаживая по холке.

– Здесь, что ли? – спросил водитель, имея в виду место убийства Кручинина.

Жаров и Ярцев вышли, кинолог заботливо, словно даму, вытянул собаку из машины. В темноте Жаров не сразу узнал место, изображенное на фотографии. В современной практике никто не обводил контуры тела, если убийство произошло на улице, чтобы не шокировать прохожих, но несколько меток положения конечностей по точкам, все же было сделано белой краской. Жаров увидел тот самый пучок травы, пробивающийся между камней тротуара, место, где лежала шляпа, пятно крови на ступеньке, словно брошенная красная тряпка. Ральфа возбужденно завертелась, Ярцев прижал ее голову к своим коленям.

Жаров огляделся. Это был небольшой тупичок, поднимающийся вверх по склону: такие устраивают на горных дорогах и крутых улицах, на случай, если откажут тормоза. С одной стороны улица была отсечена стеной, сложенной из крупного ялтинского камня, с другой был обрыв в чей-то сад, крыша дома начиналась прямо у ног. Улицы на склонах устроены так, что не заметишь происходящего в двух шагах от тебя. Именно здесь было совершено убийство, а в то же самое время под этой волнистой крышей из темно-зеленого еврошифера, может быть, кто-то пил чай… Весь город отсюда был виден, будто стоял вокруг черной сверкающей стеной, а далеко в море поблескивали огни тяжелого буксира, тянущего баржу из Босфора на Керчь. Трудно представить, что в этом мирном искрящемся мире всего лишь несколько часов назад случились такие жестокие и гнусные события.

Во имя чего? Подробности, возможно, вскоре выяснятся, или же, как оно чаще бывает, – не выяснятся никогда. Но мотивация у всех этих преступлений, как правило, одна – деньги. И тем более страшно, что в чью-то чудовищную игру был вовлечен ни в чем не повинный человек – бомж, спившийся учитель, который когда-то стучал мелом по доске, размахивал указкой, пытаясь вытащить из темноты невежества чьих-то детей… За гроши.

* * *

Ральфа взяла след сразу, потянув кинолога за собой на длинном поводке. Добежав до ближайшего «сократа» – лестницы, по которой можно было срезать, сократить поворот, собака залаяла туда, в черноту прохода.

– Отставить! – вдруг крикнул Жаров, поймав себя на том, что выражается по-военному, по-ментовски, настолько он уже вжился в образ за годы работы рука об руку со служителями порядка.

Он подбежал к «сократу» и посмотрел вниз, где в темноте тускло поблескивала каменная лестница, отполированная за последние сто лет миллионами башмаков.

– Это не тот след.

– Ты почем знаешь? – недовольно спросил Ярцев.

– Это либо обратный след бизнесмена, либо след учителя, когда он шел вверх, с Партизанской. А нам нужен след убийцы.

Ярцев оттащил Ральфу обратно, усадил ее, успокоил большой ладонью. Собака сначала покрутилась на месте, с тоской поглядывая по прежнему выбранному направлению, затем вдруг припала к земле. Новый след вел наверх.

Снова натянулся поводок во всю свою длину, и снова кинолог побежал за собакой. На сей раз, Жаров бросился за ним.

Поднявшись на один поворот, Ральфа вдруг резко завернула влево. Они пробежали под городской канатной дорогой, пустые железные кабинки мерно раскачивались на ветру, бликуя в свете луны, семья ежей прошелестела в кустах, собака повела головой в сторону, но Ярцев требовательно дернул ее за поводок.

Ральфа спускалась с Дарсана по улице Щорса, и пока было не ясно, куда именно выведет след – в сторону Коновальца или куда-то еще. Двое подростков, увидев бегущих за собакой людей, остановились, не донеся пивные бутылки до рта.

Внезапно Ральфа затормозила, набросилась на решетку водостока. Ярцев хотел было дернуть за поводок, но Жаров схватил его за рукав.

– Постой. Это неспроста.

Он нагнулся над решеткой, подергал ее. Так и есть: решетка болталась. Жаров приподнял ее и сдвинул на тротуар. Достал фонарик и посветил в неглубокий колодец. Внизу, по каменному желобу, бурля и искрясь, бежал поток.

– Это из-за дождя в горах, – задумчиво проговорил Жаров. – Обычно в таких ручьях лишь тоненькая струйка. Сейчас что угодно унесет.

Жаров пнул ногой кусок цемента, отколовшийся от кромки люка. Обломок смыло водой, едва он коснулся струи. Минут через пять, пронесясь по коммуникациям города, он навсегда исчезнет в пучине моря. То же самое уже произошло с арбалетом, и бесполезно его искать…

То есть – как? Жаров во второй раз за вечер поймал себя на идиотской мысли. Если киллер выбросил свое оружие в водосток, то как же он потом воспользовался им на мосту?

Но он определенно трогал решетку: служебная собака не человек и не может лгать. Но если киллер открывал люк, то для чего?

Сумбур. Получается, что ему вовсе незачем было открывать люк. Вот если бы эти стены, эти деревья могли показать, как видеокамера, что здесь произошло… Жаров не просто так подумал о видеокамере. Совсем недавно эта мысль уже посещала его: но мимолетная деталь тонула в общем потоке сегодняшних впечатлений, словно камень в бурлящей воде.

– Ну что – идем? – вывел его из оцепенения оклик Ярцева, и они двинулись дальше, пригибаясь, отметая нависшие над переулком ветки.

След вел через парк санатория, по узким аллеям, освещенным фонарями на тонких стеблях, через чьи-то дворы, где из темноты выпрыгивали кошки, по лестнице с железными перилами на улицу Кирова и дальше, над базой «Магнолия», теперь уж ясно – прямиком на улицу Коновальца. Человек, по чьему пути они следовали, хорошо знал город, по крайней мере, предварительно изучил дорогу, чтобы не заблудиться в темноте. Если это киллер, то он хорошо подготовился к своей операции, но тогда возникает вопрос: откуда он знал, в какое место бизнесмен приведет учителя? Не было ли и вправду между ними предварительного сговора? И, может быть, смерть бизнесмена – это следствие ссоры с киллером, которого он нанял сам? Но тогда получается, что изначальной целью был не бизнесмен, а бомж…

Вот и улица Коновальца, угол пансионата, дальше – выход на мост, под которым Жаров обнаружил труп Слепцова… Все правильно.

Окна пансионата светились: очевидно, Ларису уже известили о смерти супруга. Улица была темна, ветер доносил откуда-то терпкий, хорошо знакомый запах частного сектора: горелый уголь, кислая капуста и еще что-то неопределенно детское, жалкое… На углу, под дежурной лампой, вырисовывалась стеклянная витрина магазина. И тут Жаров вспомнил, где он недавно приметил видеокамеру.

* * *

Это был продуктовый магазин, не из тех, которые работают всю ночь. Впрочем, в сезон он переключался на круглосуточный режим, а сейчас табличка уведомляла, что магазин закрывается в десять. За большой витриной угадывались стеллажи с банками и бутылками, где-то там наверняка сидел охранник, а круглый глаз видеокамеры поблескивал над входной дверью.

Жаров громко, совсем по-ментовски, постучал. Сторож не сразу подошел к двери, наверное, спал, как все люди, и появился только за тем, чтобы прогнать неурочных посетителей, либо, что также вероятно, он занимался тут по ночам собственным торговым бизнесом среди местных алкашей, не имеющих сил спуститься к палатке на Пионерской.

Увидев человека в форме и огромную овчарку, он безропотно открыл дверь. Жаров прошел в помещение широким решительным шагом, полы его плаща развевались, задевая за полки с продуктами. Охранник был озадачен и даже напуган. У таких людей, как правило, рыльце в пуху и лишних вопросов от них ожидать не стоит.

– Где запись видеонаблюдений за сегодняшний вечер? – строго спросил Жаров.

– В компьютере, – с готовностью ответил сторож.

Через минуту Жаров уже мотал файл. Автоматически сохранялось все, что попадало в поле зрения камеры за последние шесть часов. Жаров прикинул, что киллер мог пройти по улице Коновальца, которая была видна вдоль стены пансионата и выше. Где-то в восемь тридцать или чуть позже этот человек должен был показаться из-за угла. Должен был… Но не показался.

Жаров переместил бегунок на диаграмме файла вправо: возможно, киллер шел медленнее. С тем же результатом. Получалось, что он пошел другим путем.

Жаров задумчиво двигал бегунок, прокручивающий видеофайл, рассеянно рассматривая редких прохожих. Вот женщина в легкой одежде, значит, живет недалеко и не боится замерзнуть – прошла из глубины улицы. Мелькнул на секунду угол открывшейся двери: вошла внутрь, наверное хлеба купить. Вот пьяный ступает по синусоиде, ограниченной стенами улицы – снова мелькнула дверь: туда же, только за другим… Внезапно у Жарова глаза полезли на лоб от изумления.

Бизнесмен Слепцов вышел из-за угла и быстро спустился по улице. На сей раз, угол двери магазина не появился в кадре: фигура прошла мимо, направляясь прямо к мосту. Жаров посмотрел на рамку экрана. Камера запечатлела Слепцова в восемнадцать ноль три!

Жаров повторил запись. Слепцов шел спокойно, похоже, очень хорошо зная, куда и зачем идет. Черно-белая компьютерная запись была низкого качества – мутная фигура в длинном плаще и широкополой шляпе двигалась рывками, отчего казалась еще более нереальной.

То, что прошло перед камерой, не могло быть даже призраком, потому что Слепцов в то время был еще жив. Но и Слепцовым это тоже быть не могло, потому что в шесть часов вечера он еще не приехал в Ялту.

* * *

Жаров вышел на улицу и посмотрел на окна пансионата. Они были по-прежнему освещены, за бордовыми шторами мелькали тени. Внутри определенно происходили какие-то масштабные события.

– Надень-ка Ральфе намордник, – попросил Жаров Ярцева. – Мы идем в гости.

Жаров прошел мимо пустых кадок средиземноморского сада и, не стучась, распахнул дверь пансионата. Несколько человек, стоящих в холле, посмотрели на него. Так вот, оказывается, куда отправился следователь.

Когда Жаров вошел, Пилипенко беседовал с хозяйкой. Лариса и студент стояли у дверей своих комнат. Студент был явно взволнован, а лицо женщины выражало крайнюю муку. Жарову стало жалко Ларису: несколько часов назад убили ее мужа, а теперь ей приходилось еще и отвечать на вопросы.

Эксперт что-то делал с ручкой двери, ведущей в туалет. Ну, конечно же! Минин просто снимал отпечатки пальцев. Оперативник возился в шкафу.

– Вы не имеете права без ордера, – петушился студент.

Пилипенко вздохнул.

– Не имеем, увы.

– Я буду жаловаться.

Пилипенко строго посмотрел на него:

– На что? Лично ваше имущество досматривали?

– Нет.

– Ну и не волнуйтесь. Вам бы положено знать, коллега, что в экстренной ситуации можно и без ордера. Если улик не найдем, тогда нам по шее дадут, а если да, то ордер выпишем задним числом.

– Но какие улики вы можете найти здесь, в пансионате?

– В том-то и дело, – Пилипенко поднял палец вверх, – что в пансионате никаких улик быть не должно.

Студент пожал плечами и глянул по сторонам, как бы ища поддержки. И хозяйка, и Лариса смотрели на него с недоумением.

Жаров сел за столик в углу, всем своим видом показывая, что у него есть, что сказать. Пилипенко подошел и сел рядом. Жаров вполголоса рассказал о призраке, который прошел по улице Коновальца, но следователь почему-то не проявил никаких признаков удивления.

– Во всяком случае, – сказал он, – теперь ясно, что тот, у «Спартака», никак не мог быть призраком. Даже если вообще верить в призраков, то пришлось бы согласиться с тем, что они могут появиться незадолго до смерти человека, от которого происходят.

Подошел Минин, подсел к ним, на третий свободный стул, положил перед следователем пленки с отпечатками пальцев, протянул ему лупу. Пилипенко принялся внимательно изучать отпечатки, сравнивая их с какими-то контрольными, которые он извлек из своего кармана.

– На глазок оно, кончено, неточно, но… – Пилипенко положил пленки на стол и прихлопнул их ладонью.

Он встал и коротко произнес:

– Их здесь нет.

– А что вы искали? – полюбопытствовал студент.

Пилипенко внимательно посмотрел на него:

– То и искал, чего здесь нет. И быть не могло. А теперь, будьте добры ваши пальчики. Думаю, они совпадут с теми отпечатками, которые остались на стрелах.

Произошедшее в следующий момент было столь неожиданным, что Жаров даже не успел испугаться. Студент весь изогнулся, сломался пополам и, вдруг распрямившись, как пружина, выбросил высоко в воздух ногу. Если бы Пилипенко не увернулся, то получил бы очень крепкий удар. Но и смягченный удар был достаточным, чтобы на несколько секунд лишить его способности действовать.

Студент, чье тело напоминало теперь огромные ножницы, перекатился с одной ноги на другую и вдруг устремился к окну. От его нового удара распахнулись створки. В следующее мгновение он исчез в проеме окна.

Пилипенко покачал головой.

– М-да…

Жаров всполошился:

– Чего же мы ждем?

– Да ничего особенного. Пойдем, посмотрим, это должно быть интересно. Теперь я понимаю, где они познакомились, – пробурчал он загадочную фразу.

Все трое – Пилипенко, Минин и Жаров подошли к окну. Действие, которое происходило во дворе, на самом деле было эффектным. Не долго думая, Жаров достал маленький цифровой аппарат, с которым никогда не расставался, и сделал несколько сенсационных снимков для своей газеты.

Двое оперативников, которые, оказывается, дежурили во дворе, приняли боевые стойки, расставив конечности, словно крабы на охоте. Пустые кадки для летних растений загораживали их ноги, и казалось, будто милиционеры восстали прямо из этих кадок.

Худенький студент летал между ними, словно персонаж из «Матрицы», нанося удары ногами, но ребята, как и Пилипенко, были обучены уворачиваться. Вот если бы они еще знали каратэ так же, как этот странный студент…

Он меж тем достал одного довольно крепко, и тогда оба, как по команде, схватили кадки, действуя ими как щитами и шаг за шагом приближаясь к драчуну.

Пилипенко выхватил свой табельный «Макаров».

– Прикончить его, что ли? – обратился он к Жарову.

– Шутишь?

– Конечно, шучу, – сказал Пилипенко и выстрелил.

Выстрел был, как говорили в прежние времена, «на воздух», но все же произвел желаемое действие. Трое в саду застыли, словно в немой сцене у Гоголя: оперативники с кадками и студент, который, казалось, замер прямо в полете. Тут один с размаху надел студенту наголову кадку, а другой скрутил ему руки за спиной. Пилипенко продул «Макарова», спрятал его обратно в желтую кобуру, скрытно висевшую под мышкой, и одернул полу пиджака.

Оперативники подвели студента к окну.

– Не топчите газон, – строго сказал следователь. – Мне он тут не нужен, везите его в управление.

Теперь все встало на свои места, или почти все. Собака правильно вела след, но в одном из его узлов была сбита с толку. Киллер, он же студент, действительно застрелил бомжа на Дарсане, прошел коротким путем на улицу Коновальца и перелез через забор пансионата. Ральфа же миновала это место и устремилась дальше, поймав след того же человека, но более ранний: киллер воспользовался тем же перелазом, когда вышел на свою охоту, на мост. Именно тогда его и запечатлела видеокамера магазина.

Он действительно поджидал свою жертву, но не только сегодня: охотник поселился в пансионате заранее, чтобы не вызывать подозрений. И это именно он был призраком, потому что был одет точно также как жертва. Только вот совершенно было непонятно, для чего ему был нужен этот маскарад…

* * *

Пилипенко по-хозяйски затворил окно, ловко вправив сломанный шпингалет.

– Надо же, студент юрфака, – пробурчал он. – Двоечник он, а не студент. И какие отпечатки могут быть на окровавленной стреле?

– Оставьте ребенка в покое! – раздался вдруг тихий, но настойчивый голос.

Все обернулись к хозяйке, которая произнесла эти слова. Пожилая женщина сидела в дальнем углу холла и ошарашенно наблюдала за происходящим.

– Я Сашеньку, – продолжала она, указывая в сторону окна, – знаю вот с таких вот… – хозяйка показала высоту над полом, тяжело вставая на ноги и как бы опираясь на невидимую голову ребенка, которого демонстрировала.

– Неужели? – неподдельно изумился Пилипенко.

– Он ко мне каждый год приезжает, тетей Дусей зовет. А раньше он маленьким был, родители его привозили…

– Ух, ты! – воскликнул Пилипенко, и теперь стало ясно, что его удивление преувеличено.

– Тетя Дуся! – встрял Жаров. – Выходит, вы обманули нас, когда сказали, что этот Сашенька не выходил из дома, спал весь вечер…

– Да нет, – махнул рукой Пилипенко. – Сашенька просто вылезал из окна и переваливал через забор в переулок. Тетя Дуся не виновата…

Пилипенко помолчал. Неожиданно он выбросил вверх руку, будто в каком-то условном приветствии.

– Сколько пальцев? – внезапно спросил он хозяйку.

– Три, – неуверенно ответила она.

– А вы как думаете? – обратился он к Ларисе.

– Два, – сказала она.

Действительно, Пилипенко выставил два пальца, словно показывая международный знак победы. Он подошел к Ларисе и ласково тронул ее за плечо.

– Вы как себя чувствуете?

– Плохо, откровенно говоря.

– Я понимаю ваше состояние, но все же вынужден просить вас проехать со мной в управление. Нам очень нужны ваши свидетельские показания.

Все, кроме хозяйки, вышли во двор. Лариса направилась к воротам в сопровождении Минина, Жаров и следователь перевернули и поставили на место цветочные кадки.

– Зачем он убил бомжа? – спросил Жаров.

Пилипенко поднял голову. Его лицо выглядело измученным.

– Давай потом, а? Я к тебе утром забегу, будь у себя в офисе.

– И все же! Я не усну, пока не разгадаю этот пазл. Почему ты тогда так переполошился в управлении, собаку сразу вызвал? Что я такого сказал?

– Да это самое простое. Ты узнал детали, которые не были известны мне. То, что студент родом из Воронежа. А я знал, по паспорту убитого бомжа, что тот…

– Тоже из Воронежа!

– И был там учителем. В общем, схема такова. Сашенька оказался в центре города. Ему надо было избавиться от орудия убийства, а также от подложной одежды. Но на свою беду он встречает бомжа, своего старого учителя, который узнает его. Парень пугается: теперь есть человек, видевший его в этом наряде. Скорее всего, бомж видел и арбалет, который тот держал под плащом. И тут у него возникает новый план. Легче всего спрятать вещь на самом виду, что всем известно. Он предлагает своему опустившемуся учителю помощь, даже одежду с себя снимает. Ведет его наверх, на Дарсан, обещав некую работу. Несчастный бомж успевает сообщить своему другу, Сливе, что скоро их дела пойдут хорошо. Ну, а там – стрела в шею. Он думал, что второе, совершенно незамотивированное убийство еще больше запутает первое. Как всегда, убийца считает свой план гениальным, но на поверку все оказывается фуфлом… Ладно, после договорим.

Они вышли из чугунных ворот на улицу Коновальца. Пилипенко огляделся. Похоже, ему в голову пришла какая-то идея.

– Твоя камера ведь снимает видео? – спросил он Жарова.

– Разумеется. Только качество не очень.

– Это не важно. Возьми-ка сейчас место преступления, с этой точки.

– Но на мосту люди!

– Быстро, мы спешим.

Жаров достал аппарат и навел его на металлический мостик. В маленьком мониторе камеры он видел, как по мосту идут Минин и убитая горем женщина. На середине моста она закрыла лицо

руками. Коротко вспыхнул в случайном луче дальнего фонаря ее алый бант. У Жарова защемило в груди: так она была красива и грациозна…

Ступив на мост, он представил себе отвратительную картину убийства. Ты поругался с женой, бежишь в незнакомый ночной город, по этому гулкому мосту. Впереди яркий свет, голоса и смех, троллейбус, искря, подъезжает к остановке, а здесь – темнота, безлюдье, скрип твоих шагов и журчанье воды в лунных бликах… И вдруг на мосту появляется чья-то фигура. Человек в длинном плаще, в широкополой шляпе – ты отмечаешь, что он одет так же, как ты сам. Недоумение: он приближается, и ты видишь, что он точно такой же, как ты, будто бы ты идешь к зеркалу.

Призрак! Призрак человека, который должен умереть. И этот человек – ты сам.

* * *

Домой Жаров уже не собирался: до редакции было гораздо ближе. Он часто ночевал в офисе, который грозился стать его даже не вторым, а главным и единственным домом.

Офисом эта двухкомнатная площадь называлась весьма условно: обыкновенная ялтинская халупа с евроремонтом, такая же, как и «пансионат», с той лишь разницей, что хозяин жил в другом месте, а старый жилфонд достался ему по наследству. Помещение было занято Жаровым с предоплатой за год, к их обоюдному удовольствию. Жаров выбрал это место, поскольку оно выглядело презентабельно: массивная лестница, ведущая к старинной дубовой двери, в нескольких шагах от памятника Лесе Украинке, что давало возможность легко указать ориентир приезжим. Внутри тоже все было значительно: высокие потолки, старинная мебель и даже камин.

Ноги гудели от беготни, Жаров добрел до Народного переулка, отворил двери. Он достал из шкафа и бросил на кожаный диван в приемной свою старую армейскую шинель: она служила ему одеялом. Хотелось спать, но еще больше – записать впечатления сегодняшней ночи, пока они были горячи.

Жаров включил компьютер и начал сочинять материал.

КИЛЛЕР ОБЕЗВРЕЖЕН

– вывел он рабочее название и сразу набросал несколько строк.

По сообщениям доверенного источника МВД (имелся в виду Петька Клюев) **в ночь на понедельник в Ялте произошло жестокое, ничем не мотивированное убийство. Кровь жертвы…** Тьфу!

Жаров выделил весь текст и удалил. Он подключил к компьютеру свою камеру и переписал файлы на жесткий диск. Сцена взятия киллера получилась хорошо. Вот этот кадр можно даже поставить в газету: лица задержанного не разобрать в темноте, так что презумпция соблюдается, зато ясно видны оперативники, которые стремятся осуществить захват преступника с помощью пустых кадок.

Место преступления… Зачем Пилипенко просил снять именно видео, ведь качественную фотографию из записи не вытащишь?

Жаров проиграл запись. Минин и Лариса идут по мосту: женщина закрыла лицо руками, алый бант мелькнул в ночи, словно траурная роза. Жаров повторил. Обычная улица, слабо освещенная фонарем, в кадре также луна, она кажется маленькой, как всегда в отображении объектива, это только человеческий глаз видит ее такой большой…

Ничего особенного, но что-то все же не так. Почему следователю понадобился именно этот ракурс? Жаров останавливал кадр, внимательно рассматривал все его углы. Его раздражало, что он на самом деле видит что-то неправильное, чего не может быть, но он никак не мог сообразить – что…

Жаров глубоко задумался, переключился в файл своей статьи, вернул написанное и снова стер. Он сидел долго, глядя в пустой экран, где вскоре появилась мультипликационная заставка и его собственное смутное лицо, отраженное в черном фоне. Жаров клевал носом над клавиатурой, и мысли в его голове так же плавно вращались, как и цветные кольца заставки.

Киллер встречает на улице учителя, который узнает его. Киллер убивает учителя, делая из его трупа дополнительную улику, призванную запутать следствие. Он возвращается в пансионат, притворяется, будто только что проснулся, затем сопровождает супругу жертвы в милицию.

Все это совершенно понятно, кроме одного: зачем киллеру переодеваться в собственную жертву? Может быть, это был способ заманить жертву, подобно тому, как охотник ставит в болоте подсадных уток?

Например, жертва находится в каком-то помещении и думает, что перед ней зеркало. В темноте плохо видно: киллер, стоя в рамке зеркала, имитирует движения жертвы, до поры притворяясь отражением…

Жаров едва осознавал, что течение его мыслей переросло в бред засыпающего сознания. Он опустил голову на руки, лежащие на клавиатуре, экран вспыхнул, но он уже не видел, что пальцы под давлением печатают бессмысленный набор символов, который в итоге превратился в бесконечную, мерцающую строку из одной буквы «у»…

* * *

Проснулся он от холода: камин в офисе был не просто так – его надо было топить. Чертыхаясь, Жаров построил в жерле домик из угольных брикетов и разжег огонь. Пилипенко обещал зайти, и Жаров молился, чтоб ничто не помешало ему: ведь очередной номер «Курьера» должен быть сверстан уже сегодня к ночи.

Газета работала по принципу полной окупаемости, беда была лишь в том, что всей прибыли, за вычетом аренды офиса и прочего, едва хватало на зарплату самого хозяина. Зарплата, в принципе, была неплохая, и Жаров привык жить на широкую ногу, но вот делить эти деньги с секретаршей и верстальщиком уже не мог. Вот почему он сам висел на телефоне и сам макетировал номер.

Жаров сел за компьютер и снова принялся набивать материал, постоянно поглядывая в окно. Увидев рядом с памятником Лесе бодро шагающего следователя, он включил кофеварку. На секунду фигура Пилипенки попала в полосу солнечного света, и его очки бросили блик прямо в глаза Жарову, будто следователь издали подмигнул ему.

Войдя, Пилипенко сразу прошел к камину.

– Зябко сегодня, – сказал он, протягивая руки к огню. – Не сладко было ему идти с Дарсана, когда он отдал плащ и шляпу бомжу.

– Так ты мне скажешь, наконец, – нетерпеливо спросил Жаров, – зачем киллеру надо было переодеваться?

Пилипенко удивленно посмотрел на него.

– Киллеру? – он оглянулся по сторонам, как бы ища кого-то. – Какому киллеру?

Увидев, что Жаров собирается еще что-то сказать, Пилипенко предостерегающе ткнул в его сторону ладонью: дескать, подожди, дай расположиться, разговор будет долгий…

Усевшись, наконец, с чашкой кофе у камина, он заговорил.

– Это было тщательно спланированное преступление, из тех, которые считают идеальными. Правда, идеальными их называют только сами преступники, конечно.

– Если бы убийца не повстречал учителя, так оно, может быть, и было, – заметил Жаров.

– Вряд ли. Чуть позже я бы сам догадался посмотреть видеозапись из магазина, но это было уже не нужным.

– Выходит, я зря старался?

– Ты вел свое расследование, а я – свое. В один прекрасный момент мы пересеклись. Не справились бы на месте, то московские товарищи, думаю, смогли бы добраться до истины.

– Расследовать заказное убийство не так-то просто.

Пилипенко удивленно воззрился на Жарова.

– Это не заказное убийство, – сказал он. – Арбалет как мафиозное оружие, нарочито безграмотная записка со стрелой – все это должно было придать преступлению форму, чтобы отвлечь от его истинного содержания. Убийство, в котором заказчик и исполнитель выступает в одном лице, трудно назвать заказным. Поэтому и киллером этого парня называть не стоит. Так, обыкновенный мокрушник…

– Кем бы он ни был, это не проясняет вопроса. Убийца, киллер он или мокрушник, не может быть сумасшедшим. Но как иначе понять этот маскарад?

– Маскарад объясняется просто, – продолжал Пилипенко. – Все это было проделано только для одного человека. С тем, чтобы получить свидетеля. Сашенька с детства знал хозяйку, знал, что она плохо видит. С расстояния трех метров ей кажется, что у людей вместо голов лимоны. Достаточно переодеться, держаться от женщины подальше, плюс еще определенная ситуация – и вот готов совсем другой человек. Ты ведь его не узнал на видеозаписи…

– Съемка велась, когда уже было темно, – смутился Жаров. – Да еще рывками: компьютер у них слабый.

– А хозяйка, вообще, всегда так и видит мир – рывками. И наш мокрушник об этом хорошо знал.

– Где же она должна была его увидеть?

– Да у себя дома! Думаешь, зачем мы сняли отпечатки пальцев? Мы искали не те отпечатки, которые там были, а просто убедились в том, что отпечатков, которые там должны были быть, на самом деле нет – ни на дверных ручках, ни на косяках – нигде.

– Отпечатков жертвы…

– Именно. Бизнесмен Слепцов никогда не был в этом доме. Я сравнил его пальцы с теми, что эксперт нашел внутри. Ни одного. Только на чемоданах, которые он нес до того момента, пока они не попали в руки другого.

– Отпечатков быть не могло, – сообразил Жаров, – потому что к тому времени Слепцов уже был убит.

– На мосту. И он никогда не входил в пансионат. Кстати, у тебя получилось видео, которое ты снял?

– Конечно.

– Скинь его мне на диск. Преступники все еще отпираются, но в этой записи содержится важная улика. Она подтверждает слова Лени Минина.

– Минина? А что такого мог сказать Минин?

– Ты не догадался? Он шел за ней по мосту. Проходя мимо места преступления, женщина закрыла лицо руками.

– Ну и что? Ведь Лариса пережила такое…

– В том-то и дело, что Лариса, как ты ее называешь, не должна была знать, в каком именно месте был убит ее муж.

И тут картина преступления встала перед глазами Жарова вся целиком, как преступление развивалось во времени…

* * *

Около шести вечера студент переодевается. Он оставляет в своей комнате свет, выбирается из пансионата через забор и идет по улице Коновальца к реке. Именно тогда его и запечатлела видеокамера магазина.

В это время такси с мужем и женой только еще приближается к Ялте. Машина подъезжает со стороны троллейбусной остановки, что также известно заранее, поскольку это единственно возможный путь. Супруги идут по мосту. Совершив убийство, студент сталкивает труп вниз, подхватывает чемоданы, и в пансионат входит парочка, как и ожидалось.

Затем студент показывается хозяйке в своем обычном облике, жалуется на шум в комнате жильцов, имитируя тем самым свое постоянное присутствие в доме.

Сообщники разыгрывают ссору, студент в плаще и шляпе выбегает на улицу, и хозяйка убеждена, что это муж, поругавшийся с женой. Убийца должен избавиться от арбалета и подложной одежды, для чего спускается в город. Но тут он встречает бомжа, своего учителя который узнает его…

– Связь они, наверное, держали СМС-ками? – спросил Жаров.

– Разумеется. А обманутый муж думал, что его благоверная делится с подружками впечатлениями от путешествия. Я позвонил по межгороду и навел справки. Этот дохленький студент увлекался восточными единоборствами, часто ездил на соревнования в Москву. Думаю,

Лариса встретила его где-нибудь в спортивном клубе, где качала свою попку. Здесь же они выглядели незнакомыми.

– Вот ведь придумали! – сказал Жаров. – Таким образом, мы бы получили даже не одного свидетеля, а двух. Второй – сам студент. Он якобы познакомился с женщиной в пансионате, помогал ей в трудные минуты, утешал… Ничего удивительного в том, что они потом подружатся, женятся и вступят во владение наследством. Меня всегда удивляют такие случаи. Почему нельзя просто развестись? В результате – не трагическая любовь, а лишь желание завладеть чужими деньгами.

Жаров представил себе картину убийства и ужаснулся.

Ты приехал в незнакомый город, вместе со своей любимой женой, единственным человеком, на которого можешь положиться. Что-то произошло с твоей жизнью последние дни: загадочно звонит телефон, ты находишь угрожающие записки – то в почтовом ящике, то под дворником машины, словно штрафные квитанции… И вот, ты вырвался, чтобы отвлечься от всего этого, приехал в город, полный огней, прежняя жизнь осталась где-то за плечами, и ты идешь, волоча чемоданы, по мосту, а рядом идет твоя жена. И вдруг, в конце моста появляется некто. Ты всматриваешься в этот образ, что-то тебя тревожит. Этот некто – словно твое отражение в зеркале: он в точно таком же плаще и шляпе… Ты недоуменно смотришь в лицо своей жены и вдруг понимаешь все. В самый последний миг твоей жизни тебе открывается истина: мир был устроен совсем не так, как ты предполагал…

Жаров мотнул головой, сбрасывая это видение.

– Когда бомж узнал нашего мокрушника, – продолжал Пилипенко, – тот принял новое решение. Застрелив своего бывшего учителя и выбросив арбалет в водосток, мокрушник вернулся домой, снова перелез через забор и уже тогда предстал перед хозяйкой и своей любовницей, которая была якобы не на шутку встревожена исчезновением мужа. Она постоянно звонила ему на мобильник, оказывается, для того, чтобы труп побыстрее нашли по звонку… Надо же, какая наглость! – следователь стукнул кулаком в ладонь. – Убийцы сами заявляются в управление, чтобы заявить о пропаже жертвы.

– Это вполне понятно, – задумчиво пробормотал Жаров. – По закону жанра убийца должен был появиться сразу.

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: скульптура Василисы Прекрасной (Поляна сказок в Ялте).

Сергей Саканский

Легенда о Фарфоровом гроте

Жаров сидел в редакции, и на душе у него кошки скребли, несмотря на то, что за окнами волновалось солнечное утро, полное дымных лучей, как это часто бывает на исходе зимы. Вчера вечером выяснилось, окончательно и бесповоротно, что Алиска завела себе другого. Самое время напиться: очередной номер газеты сверстан, уйти с головой в работу не получится. Жаров уже нащупал в кармане ключи: выйти, запереть офис и в ближайшем баре на набережной… Но тут позвонил Пилипенко, он был в управлении и собирался зайти. Голос его не обещал ничего хорошего. Жаров понял, что следователь вовсе не собирается принести в газету очередной криминальный материал, а держит на уме что-то другое.

– Так, – пробормотал он. – Пьянка отменяется.

Жаров включил кофеварку в ожидании друга, благо что идти ему с Морской пять минут. Но, как вскоре выяснилось, кофе тоже отменялся…

Пилипенко вошел, тяжело топая, скинул пальто и отрицательно махнул ладонью в сторону кофейного столика. Он был багровый от ярости, которая, казалось, клокотала в нем, как кипяток в чайнике, но голос его оказался неожиданно спокойным и даже ласковым. Последнее не предвещало ничего хорошего: это не были чувства, вызванные какими-то неприятностями по милицейской службе, нет, у старого друга что-то явно накипело против самого Жарова.

– Я хочу посмотреть один номерок твоей газеты, – тихо сказал он. – Где-то с месяц назад.

Жаров пожал плечами:

– Пожалуйста.

Он достал из шкафа увесистую папку подшивки и бухнул на стол перед следователем. Тонкое кольцо пыли разошлось по гладкой ореховой столешнице. Пилипенко чихнул.

– Меня интересует одна занятная статейка. Очень интересная тема. Легенда о Фарфоровом гроте.

– Так она в четвертом номере, конец января – бодро подсказал Жаров, понимая, что суть настроения друга как раз и кроется в этой статье.

– Приятная статейка, я ее еще тогда запомнил. Очень полезная и нужная статейка, – приговаривал Пилипенко, листая подшивку.

– Это написала одна моя внештатница.

– Неужели?

– Экскурсовод, интеллигентнейшая женщина.

– Очень хорошо. Можешь мне дать газетку с собой?

– Что за… Она у меня в одном экземпляре.

– Ерунда! Ты еще напечатаешь.

– Я могу распечатать тебе верстку, у меня сохранилась на диске. Неужели такое важное дело, что надо подшивку потрошить?

Пилипенко сердито блеснул очками на Жарова.

– Важное, друг. Ты даже и не представляешь, какое важное… Ладно. Здесь почитаю пока.

* * *

Пилипенко читал, выпячивая нижнюю губу и периодически поправляя очки. Газетная полоса отражалась в их темных стеклах: две колонки на развороте и вертикальный коллаж из трех иллюстраций, которым Жаров гордился как дизайнер – старинная открытка, изображающая вход в Фарфоровый грот, вырезка из газеты за 1905-й год, современная цветная фотография грота.

Открытку и ксерокопию заметки принесла автор материала. Заметку она раскопала в фондах библиотеки. Это была не просто какая-то там газета, а «Крымский криминальный курьер», существовавший вплоть до ноября двадцатого года, пока в городе окончательно не установили советскую власть. Именно в честь этого печатного органа Жаров и назвал свою газету, как бы продолжая традицию, прерванную в правление большевиков.

Фотографию Жаров сделал сам, взяв ее с той же точки, где более века назад безымянный фотограф «Курьера» установил свою треногу. Слева от грота рос тот же дуб, можно было разглядеть те же самые ветви, которые за столетие сделались лишь несколько толще. А вот аллея кипарисов на заднем плане была полностью заменена: старые кипарисы умерли, это дерево не живет в крымском климате так долго.

Статью написала внештатница, вернее, Жаров очень хотел видеть эту женщину в таком качестве, и не только в таком… Как раз сегодня утром он вспоминал ее, окончательно осознав, что после ухода Алиски он теперь свободен. Красивая, стильная Тамара работала экскурсоводом, и это был ее первый материал.

Здесь излагалась известная городская легенда. Давным-давно в Фарфоровом гроте произошло убийство. С тех пор люди стали видеть там фигуру женщины в белой одежде. Призрак невинно убиенной жертвы бродил по ночам вокруг грота, взывал и молился… Очевидцы рассказывали, что призрак порой появляется даже днем.

Читая, Пилипенко неожиданно улыбнулся, но мгновенно посерьезнел, Жаров понял, что они оба вспомнили одно и то же.

Дело в том, что они видели этот призрак – в детстве, лет двадцать пять назад. Легенда о Фарфоровом гроте не давала мальчишкам покоя, и они решили ее проверить. Жаров тогда был Витькой, а Пилипенко – Вовкой. Жаров помнил эту ночь до мелочей.

Старый заброшенный парк, здесь когда-то была чья-то усадьба, сгоревшая во время войны. Вот и поляна, окруженная толстыми дубами, почти ровная площадка, а там, где снова начинается крутой подъем – Фарфоровый грот.

В небе застыла полная луна, поляна освещена ее серебряным светом, вдали зияет черная арка грота… Дуб стоит, словно полуразрушенный памятник, широко раскинув толстые ветви. Кипарис, начинающий аллею от входа в грот, чуть машет кончиком верхушки на ветру. Птица садится на верхушку, шевелится, успокаивается… Но что это? Они замерли, никому не хочется идти дальше.

– Ты тоже это видишь? – спрашивает Витька, сглатывая слюну.

– Ерунда какая-то, – говорит Вовка.

– То, что и должно быть, – говорит Витька, чувствуя, как по его спине ползет холодная капля пота. – И я туда не пойду.

– Я тоже, – отвечает Вовка.

Под аркой, в глубине Фарфорового грота, действительно стоит женщина. На ней длинное старинное платье, несмотря на то, что сейчас зима и довольно холодно. Белое платье, и сама женщина – тоже белая.

– Да и здесь я стоять больше не хочу, – говорит Вовка.

И тут третий, кто был с ними, Сережа Огурцов, с криком срывается с места и бежит по кустам вниз. Витька и Вовка бросаются вслед за ним, ссыпаются без оглядки по лестницам и шпарят аж до самой бани, где светло от фонарей, движутся машины и ходят люди.

Позже Жаров водил к Фарфоровому гроту своих девушек, но туманная белая фигура почему-то больше не появлялась. Возможно, она им просто померещилась, и они увидели то, что сами хотели. Правда, странно, что все трое увидели одно и то же…

С этого призрака, в принципе, и начался между ними многолетний метафизический спор, определивший их мировоззрение. Жаров считал, что призрак был. Пилипенко утверждал, что в гроте просто стояла какая-то реальная женщина, мало ли, кто и зачем ходит тут по ночам…

И вот, месяц назад, в редакции появилась Тамара Коршунова, экскурсовод с Поляны сказок, и принесла этот материал. Городская легенда была не только красиво изложена, но даже опиралась на факты.

В газете за 1905-й год говорилось о том, что ревнивый доктор зарезал в гроте свою молодую жену. Сообщались подробности: он использовал медицинский скальпель. Тело нашли не сразу,

лишь через две недели. Женщина не была похоронена в течение девяти дней, вот почему, как предполагалось в статье, решенной в мистическом духе, и появился в Фарфоровом гроте призрак.

Но на этом история Фарфорового грота не заканчивалась, а напротив – только начиналась.

В тысяча девятьсот тридцать девятом году в гроте произошло убийство, точно при таких же обстоятельствах – муж зарезал скальпелем свою жену. Следующее преступление произошло в семьдесят третьем…

* * *

Пилипенко кончил читать и накрыл подшивку ладонью.

– Странные совпадения, – проговорил он. – Дело об убийстве семьдесят третьего года я запросил в Симферопольском архиве, а вот с тридцать девятым не ясно: довоенные материалы уничтожены при оккупации.

Жаров удивился:

– Ты запросил дело в архиве? Что ж, меня радует твой интерес к этой статье.

– Радует его, – пробурчал Пилипенко себе под нос. – Недолго тебе осталось радоваться. Ты мне скажи начистоту. Вот, ты печатаешь в своей газете такие вещи. А сам-то хоть чуть веришь во все это?

Вопрос был трудный, мировоззренческий. Начинать дискуссию с раздраженным неизвестно чем Пилипенкой Жарову не улыбалось и он коротко ответил:

– Нет, конечно.

– А что ж публикуешь такую дрянь?

– А ты посмотри, как называется рубрика.

Пилипенко заглянул в газету и прочитал вслух:

– «По ту сторону: смелые мысли о непознанном». Так. А вывод из всего этого – тоже смелая мысль?

– Какой вывод? – не понял Жаров.

– Вот этот. Который делает автор статьи. Вернее, твоя авторша. Первое убийство произошло в девятьсот пятом. Второе – в тридцать девятом. Через тридцать четыре года. Следующее – семьдесят третий год, опять тридцать четыре. А сейчас какой? Снова прошло тридцать четыре года. Так и написано: каждые тридцать четыре года в Фарфоровом гроте происходят некие странные события… Ну-ну. Убийство у нее – «странное событие».

Пилипенко встал, прошелся по комнате, сцепив руки за головой.

– Знаешь что, – начал он. – Ты мне, конечно, друг, но… В общем, я собираюсь закрыть твою газету.

Жаров покачал головой.

– Да? Как ты себе это представляешь?

– Это уже мои проблемы.

Жаров усмехнулся.

– Пожалуешься, кому следует. Напишешь возмущенное письмо, как пенсионер.

– Что-то вроде того…

– Что я печатаю ненаучные материалы, непроверенные факты… Что моя газета – вообще для дураков.

– Дураков надо подавлять, это точно! – подтвердил Пилипенко.

И вдруг он, наконец, взорвался, раскинул руки в стороны, сразу заполнив всю комнату своим широким жестом.

– Нет, это компания, вереница, линия дураков! – Пилипенко ходил по комнате, размахивая руками.

– О чем ты говоришь?

– О том, что один дурак открыл частную газету. Другой дурак, вернее, старая дура, написала в этой газете идиотскую статью…

– Она не старая, – вставил Жаров. – Очень даже милая, красивая женщина, лет эдак…

Пилипенко обернулся, и Жаров обомлел: его лицо искажала злоба, он буквально скрежетал зубами.

– До нее я еще доберусь. И вам обоим мало не покажется.

– Скажи мне, наконец, что случилось? – в отчаянии воскликнул Жаров.

– А то, что нашелся третий дурак. Самый главный, самый большой дурак. Он тоже верит в чудеса, злой рок, всякое непознанное… И этот дурак не просто прочитал статью. Он прочитал, и у него возникли смелые мысли о непознанном. Такие смелые, что он пошел к Фарфоровому гроту. Затащил туда свою жену и зарезал ее.

* * *

Воцарилась пауза. Жаров смотрел на следователя, а Пилипенко смотрел на него. Взгляд друга был тяжелым, обвиняющим, будто Жаров присутствовал на своем собственном допросе.

– Ты не шутишь?

– Еще бы.

– Муж на самом деле убил свою жену в Фарфоровом гроте?

– Да. Сегодня утром. Медицинским скальпелем.

– Убийца уже признался? – спросил он.

– Запирается.

– А с чего ты взял, что убийца именно он?

– Факты. Неумолимые факты. Он уверяет, что приехал к Фарфоровому гроту по вызову жены и обнаружил ее мертвой. Даже сам позвонил в милицию. Но ничто не доказывает, что он говорит правду.

– А наоборот: его виновность что-то доказывает?

– На нем была кровь жертвы. На орудии убийства его отпечатки.

– Но это же естественно! Он обнаружил труп. Орудие убийства также мог трогать – чего только не сделаешь в стрессовой ситуации? В конце концов, он же сам вызвал милицию!

Пилипенко сурово посмотрел на Жарова.

– Все дело в том, – сказал он, – что его засекли на месте преступления. Вероятно, он тащил труп, чтобы его спрятать. И тут увидел таксиста, который его ждал и пошел проверить, куда делся клиент. Убийце ничего и не оставалось, как немедленно позвонить в милицию.

– Таксист! Он же все это время околачивался поблизости. Может быть таксист – и есть убийца?

– Таксист? Почему? Какой у него мотив?

– А какой мотив у самого мужа?

– В таких случаях мотив один – ревность.

– Но почему именно в Фарфоровом гроте? И, во-вторых… Ревность еще надо доказать. Факт измены, объект.

– Этим занимаются, будь спок.

– Ну и?

– Пока безрезультатно. Никаких следов любовника. Думаю, доказательств еще прибавится. С минуты на минуту мы получим ордер на обыск.

– И ты считаешь, что он убил только потому, что в моей газете вышла статья?

– Ты еще сомневаешься? Или же думаешь… – Пилипенко наклонил голову и даже несколько двинулся в сторону Жарова, как бы наступая на него. – Ты думаешь, что на самом деле сбылось проклятье Фарфорового грота?

Жаров опустил глаза.

– Нет.

– Проклятье, которое действует с тысяча девятьсот пятого года и осуществляется каждые тридцать четыре?

– Нет.

Жаров почувствовал, что его лоб намокает от пота. То, что он собирался сказать, было важным, катастрофическим. Но он не мог этого не сказать, поскольку уже принял решение.

– Я закрою свою газету. Сам закрою, без твоих усилий. Но ведь есть еще шанс, что убийца не муж?

– Есть, шанс всегда есть.

Жаров помолчал.

– Так вот. Если убил не он, если убийство не имеет никакого отношения к моей газете, то все останется по-старому. Но если оно так, как ты думаешь, я обещаю: такой газеты в Ялте больше не будет.

* * *

Следователь Пилипенко так же быстро отходил, как и заводился. Жаров знал его всю жизнь и понимал, как самого себя.

– Кофе, наконец? – предложил он.

– Да, пожалуй. Давай-ка побыстрей: мне снова надо поехать на место преступления. Этот таксист видел еще одного человека. Я хочу посмотреть, не осталось ли там каких-то следов, что опергруппа не зафиксировала. Поедешь со мной?

Жаров с радостью согласился, и через несколько минут они уже мчались по Кирова в милицейском «жигуленке». Жаров был рад, что события завертелись – это будет похлеще любой пьянки…

– Свидетель хорошо разглядел этого человека, – задумчиво проговорил Пилипенко, глядя на дорогу. – По его описанию – мужчина в длинном светлом пальто, особая примета – давно не бритый.

– Может быть – бомж? – спросил Жаров.

– Да нет, – махнул рукой следователь, снова бросив ладонь на руль. – Говорит, эдакая гламурная небритость, как у рок-звезды, что-то вроде новорожденной бородки.

Жаров заметил: что-то тревожит его друга, и с любопытством воззрился на него.

– Чего ты не договариваешь?

– Таксист сообщил нечто странное, – сказал Пилипенко. – Этот человек показался ему необычным, но он не мог толком объяснить, почему… Что-то принужденное в походке… Как он заявил, будто трехмерная модель из компьютерной игры.

– Что это может значить?

– Не знаю. Но, возможно, трехмерная модель тоже может оставить следы.

Машина остановилась на краю заброшенного парка, Пилипенко выключил мотор.

– Дальше пешком, – сказал он. – Именно на этом месте Калинин вышел из такси.

– Фамилия мужа – Калинин? – удивился Жаров. – А убитую звали Мила, да?

– Ты ее знал?

– Кто же ее не знал! Это художница, и очень хорошая.

– Она как раз и работала сегодня около грота. Писала с натуры этот чертов грот.

– Неделю назад я видел ее в Симеизе, тоже с этюдником. Надо же!

Пилипенко стал подниматься по сухому склону, усыпанному хвоей, его нога соскользнула, он чертыхнулся.

– У нее был заказ от типографии. Они делают путеводитель. Муж, конечно, знал, где она будет сегодня рисовать. Место тихое. Как с утра все на работу пройдут через парк, так до вечера тут никого. Вот он и расправился с нею здесь.

– Что-то мне не верится. Зачем тогда ехать сюда на такси?

– Преступники иногда бывают идиотами и не думают о последствиях своих действий.

Пилипенко осмотрелся.

– Нет. Никаких следов. Пошли дальше.

Они поднялись по цементной дорожке, местами переходящей в лестницу, вышли на круглую поляну. Жаров вздрогнул, увидев вдали черную арку Фарфорового грота. Он смотрел, как завороженный в это загадочное окно, возможно, ведущее в странный, непознанный мир…

– Эй! Ты лучше под ноги гляди, – окликнул его Пилипенко. – Вляпаешься в собачье дерьмо.

Они прошли то самое место, где стояли тогда, в детстве, разглядывая призрака. Казалось, кусты самшита за это время ничуть не подросли, впрочем, их иногда стригут. Мир вообще состоит из одних и тех же, всю жизнь знакомых тебе мест.

Метрах в тридцати от входа в грот Жаров заметил на земле три неглубокие черные лунки.

– Здесь она стояла с этюдником, – грустно вздохнул он.

– Да. А убийство произошло внутри грота.

– А где картина?

– В управлении, разумеется…

С Милой Калининой Жаров был едва знаком, помнил несколько ее работ в галерее, видел ее на вернисаже на Пушкинской, где художники продают морские виды курортникам.

Арка грота была сложена из крупных кусков кремового песчаника, отчего грот и вправду казался фарфоровым. Лента, огораживающая место преступления, болталась на ветру: вероятно, здесь уже побывали любопытные.

На полу в гроте валялись пустые пакеты, пивные банки, фантики от презервативов. О том, что в гроте произошло убийство, говорило большое темное пятно на каменных плитах. Сводчатый потолок был крепок, только в одном месте зияла причудливая дыра от вывалившихся камней. Солнечный луч косо стоял в этом сыром пространстве, словно падающий столб.

– А ведь в эту дыру спокойно пролезет человек, – заметил Жаров.

– Ну и что? Убийца просто завел женщину в грот. Зачем ему лезть через эту дыру? Никаких следов борьбы не было. Оперативники тут больше натоптали.

Жаров недолго постоял, задрав голову. Что-то было невозможным в этой дыре, не вязалось с общей атмосферой ветхого грота…

И вдруг он понял. По краям сильно изломанного отверстия шел узкий керамический бруствер!

* * *

Это не было прорехой в крыше, куда свалились камни. Окно было искусственного происхождения: его верх выглядел как маленькая арка из темно-красных косых кирпичей, та же кладка шла по краям, откуда пробивалась трава.

– Смотри! – воскликнул Жаров. – Эту безумную конфигурацию сделали здесь специально.

Пилипенко также задрал голову, наклоняя для остроты зрения очки.

– Не может быть, – спокойно сказал он. – Окно слишком неправильной формы, чтобы его сотворил человек. Думаю, это сделала другая сила.

От этих слов Жаров вздрогнул.

– Какая сила? О чем ты?

Пилипенко загадочно улыбнулся, проговорил, как бы размышляя вслух:

– Сначала это была какая-то правильная фигура, например, мальтийский крест. Но естественная природная сила, например, оползень или землетрясение двадцать седьмого года исказили его в эту фигуру.

– Думаю, нужно принести сюда лестницу. Вблизи можно увидеть, как было сделано окно.

– Есть более легкое решение, Ватсон. Можно осмотреть окно снаружи. Версия с оползнем меня устраивает, но только возникает другая загадка, впрочем, не имеющая отношения к убийству… Зачем делать окно в форме мальтийского креста?

Они вышли на воздух.

– Черт, перемажешься весь, – кисло заметил Пилипенко, оглядывая стену грота. – А сверху, со скалы, без альпинистских прибамбасов не спуститься.

– Есть, есть другое решение! – сказал Жаров, передразнивая друга.

Он уцепился за ветвь дуба, заболтал ногами и уперся в ствол. Когда-то он любил лазить по деревьям. Через минуту он уже стоял на арке грота, маняще загребая ладонями. Пилипенко помотал головой: нет, лучше здесь постою.

Жаров поднялся по склону, отряхивая на ходу джинсы. Окно утопало в траве, туда можно было легко провалиться. Он присел на корточки и погладил кладку ладонью. Так и есть: снаружи, по краю окна также шел черепичный бордюр. Все было сложено крепко, без трещинки. Никаким оползнем или землетрясением этот феномен не объяснишь. Отверстие неправильной формы было сооружено здесь намеренно.

Вдруг Жаров чуть не закричал от неожиданности. Кто-то тяжело положил ему руку на плечо. Он поднял голову. Перед ним стоял смеющийся Пилипенко.

– Все проще гораздо, – сказал он. – Там, за кипарисом, есть удобная тропинка наверх. Гм… – он оглянулся. – Это действительно может значить, что убийца пробрался в грот через окно. И его не было бы видно с поляны.

Он не стал утруждаться, чтобы присесть, а просто провел по краю окна носком ботинка.

– Хоть это и не имеет отношения к нашим делам, – заключил он, – но эту штуковину действительно сложили умышленно. Когда был поострен грот?

– Да лет сто двадцать назад.

– Возможно, это было не просто увеселительное местечко в парке помещика.

Они спустились по тропинке и двинулись краем поляны, медленно, словно выгуливая собаку. Жаров спросил:

– Кинолог работал?

– Конечно, – ответил следователь. – Ярцев с Ральфой. Ральфа взяла след и честно довела до того места, где мы оставили машину.

– Значит, тот человек тоже приехал на машине.

– Какой человек?

– Тот небритый, которого видел таксист. Там крутой поворот, за холм. Машина убийцы могла стоять там, и таксист ее не видел.

– Ты упрямо гнешь свое. Был какой-то прохожий – ну и что? Убийца – сам Калинин, и для другой версии я не вижу никаких доказательств.

– Я докажу, – сказал Жаров. – Пусть убийца – сам муж, но это еще не значит, что он действовал именно потому, что прочитал статью в моей газете. Он действовал так по другим причинам.

– Проклятье Фарфорового грота, – задумчиво сказал Пилипенко.

– Да, – сказал Жаров. – Проклятье Фарфорового грота.

– Знаешь, а ведь оно действительно может существовать.

Жаров вскинул на друга удивленные глаза. Но Пилипенко был далек от того, чтобы шутить. Он вдруг щелкнул пальцами.

– Вот что. Надо немедленно поехать к твоей внештатнице. Мы ничего не знаем об убийстве тридцать девятого года, поскольку довоенные архивы сгорели. Но она ведь от кого-то об этом узнала. Думаю, что узел именно в том источнике информации.

– Ты что же, и сам веришь в проклятье?

– Ни секунды. Но я верю в то, что преступление может быть протяженным во времени.

* * *

Спустившись со склона, Пилипенко не торопился к своему бело-синему «жигуленку». Он оставил Жарова у закрытой машины, а сам обогнул поворот и присел на обочине. Жаров вышел на середину улицы. Действительно, здесь был крутой поворот, огибающий холм, где высились кусты метельника, и вторую машину ни Калинин, ни таксист могли бы и не заметить.

– Так и есть, – сказал следователь. – Тут недавно стояла какая-то техника, и у нее подтекает масло. Это может ровным счетом ничего не значить, как и тот человек на выходе из парка. Но, на всякий случай…

Он вытащил брелок и нажал на кнопку, покачивая брелком на вытянутой руке, будто неким оружием. «Жигуленок» заморгал огоньками. Жаров понял, что от него требуется. Не говоря ни слова, он открыл дверь милицейской машины, достал из бардачка маленькую пластмассовую коробочку и бросил ее другу в руки. Пилипенко вытащил из коробочки пробирку и набрал немного промасленной земли.

Они промчались мимо винзавода и вылетели на трассу, где двигался довольно плотный поток дальнобойщиков. Пилипенко включил мигалку, и машина быстро долетела до поворота на Поляну сказок.

У резных ворот музея было неожиданно людно: по периметру автостоянки растянулись лоточники с сувенирами, толпа туристов вывалила из экскурсионного автобуса. Этот странный музей не имел никакого отношения к Крыму и мог находиться в любой другой области мира, как, скажем, Диснейленд. Экспонатами служили скульптуры сказочных героев, а также их причудливые жилища, вроде избушки на курьих ножках.

Жаров хорошо помнил свое первое впечатление, когда их водили сюда в культпоход от школы – живая, волшебная страна, солнечные зайчики перепрыгивают с фигурки на фигурку, одни кажутся смешными, другие – страшными, загадочно поблескивают на коричневых лицах глаза…

После той экскурсии Витька каждое воскресенье теребил родителей: он снова хотел на эту поляну, и вот они вняли его мольбам, и всей семьей поехали, а дорога туда казалась дальней – автобус ходит редко, а потом еще идти в гору пешком. Второй культпоход просто потряс мальчика: ничего такого не было, ничьи глаза ему не подмигивали, дерево было деревом, камень – камнем, а медь – медью. И позже, когда он как-то привел сюда одну из своих несбывшихся невест, все это снова было мертвым, будто бы кто-то огромный высосал из статуй их души, бросив их тут стоять, словно памятники – казалось, что незримая дверь в волшебную страну захлопнулась навсегда. Но сегодня почему-то опять вернулось детское впечатление – вновь подмигивает ему Кот ученый, и катится навстречу Колобок… Может быть, все дело в его собственной влюбленности?

Тамару они нашли подле статуи Василисы Прекрасной, которая в детстве внушала Витьке Жарову ужас: каменная девушка в колокольном платье цвета милиционера раскинула руки, будто собираясь схватить тебя и засунуть в свой широкий рукав. Тамара с искренним увлечением рассказывала что-то группе детей, образно рисуя ладонями симметричные фигуры. Она была высокой, стройной и гибкой, ее длинные руки плавно извивались, словно у балерины. Она заметила и узнала Жарова, он увидел, как блеснули в его сторону ее светлые глаза, а ладонь замерла в предупреждающем жесте: дескать, подождите, дайте закончить экскурсию.

В ожидании друзья прошлись по музею, осматривая лица сказочных изваяний, солнечные лучи высвечивали щеки, стеклянные глаза бросали зайчики: наверное, солнце, в разных своих положениях, служило замыслу художников как необходимый изобразительный элемент.

Жаров вспомнил лучи в Фарфоровом гроте, и какая-то мысль вспыхнула в его сознании, какая-то догадка, но он не успел ухватить ее, потому что Тамара дернула его за рукав.

* * *

Она проводила их в административное здание, усадила в комнате экскурсоводов и включила чайник. Пилипенко расчистил себе плацдарм для чаепития, бесцеремонно отложив какие-то компьютерные распечатки. Он смотрел на женщину с тем же выражением, как недавно, в редакции, на самого Жарова. Столь же ласково и тихо следователь начал разговор:

– Я прочитал вашу статью. Как криминалисту она показалась мне весьма любопытной.

– Вы надо мной издеваетесь, наверно, – ответила Тамара, разливая чай. – Это же мистика, и она не имеет отношения к реальности.

– Конечно, ничуть не имеет, – елейным голосом подтвердил Пилипенко, и Жаров стал опасаться, что сейчас он также взорвется, как час назад в редакции, и швырнет в невинную голубоглазую Тамару фарфоровой чашкой.

Женщина меж тем и вправду ни о чем не догадывалась, поглядывая на гостей своими огромными глазами.

– Мистика, фантастика, сказка… – мечтательно произнесла она. – Кто-то верит в этот мир, кто-то нет.

– Охотно с вами соглашусь. Есть такие, которые очень даже верят.

Жаров заметил, что у его друга уже пульсирует жилка на виске… Медлить было нельзя, и он поспешил вмешаться:

– Мне тоже нравится ваш материал, я с нетерпением жду от вас новых работ.

– Конечно! – воскликнул Пилипенко с притворным восхищением. – Все мы так и ждем мистики, непознанного… А скажите мне, пожалуйста, как вам удалось найти этот материал? Я имею в виду, события тридцать девятого года. В библиотеке за этот период пробел.

– О, это совсем просто! – сказала Тамара. – В городе полно старожилов. Одна пожилая женщина, она раньше работала здесь экскурсоводом, и рассказала мне эту историю.

– Старушка, небось, много таких историй знает, – зловещим шепотом произнес Пилипенко.

Жаров подумал, что теперь его гнев переключится на ни в чем не повинную пенсионерку.

– Да, славная женщина… – рассеянно заметила Тамара, похоже, недоумевая, почему ее собеседник взял такой тон.

– Наверное, она работала здесь, когда мы с классом ходили на Поляну сказок в культпоход, – встрял Жаров.

– Наверное. Такая маленькая, седая. Алена Ивановна.

– У вас есть ее телефон? – спросил Пилипенко.

– Разумеется.

Пилипенко снял трубку с аппарата, стоящего на столе, и набрал продиктованный номер.

– Это из газеты «Крымский криминальный курьер», знаете такую?

Жаров удивленно глянул на следователя, тот невозмутимо продолжал:

– Алена Ивановна, нам надо с вами поговорить. На историческую тему. Как ваше здоровье? Сможете принять нашего сотрудника? Он к вам зайдет сегодня…

Пилипенко посмотрел на Жарова. Тот кивнул. Пилипенко вдруг передумал, потер лоб.

– Или нет, Алена Ивановна, лучше завтра с утра, – он положил трубку и глянул на Жарова. – Сегодня ты пойдешь со мной, а это дело надолго.

Когда они прощались на пороге кабинета, Жаров тщетно попытался поймать взгляд Тамары… Ему стало грустно. Если бы он нравился этой женщине, то она бы чаще смотрела на него.

* * *

Пилипенко не ошибся: позвонив в управление, он узнал, что санкция на обыск уже получена, и бригада ждет выезда на объект. Семья Калининых проживала в Массандре. По Симферопольской трассе туда было километров восемь, Пилипенко снова включил мигалку, и вскоре они были на месте. Бригада оперативников подъехала к высотке на пять минут позже: внизу, в городе, была пробка.

Одним понятым был назначен Жаров, другим – сосед, которого поймали за перекуром на лестничной клетке. Это был крупный пятидесятилетний мужик с татуировками моряка, источающий аромат свежего пива. Войдя в квартиру Калининых, он удивленно крякнул. Увиденное в квартире сильно поколебало уверенность Жарова в том, что ему удастся сохранить газету.

– Совсем повернулся парень, – вздохнул громила-сосед.

Жилище Калининых напоминало лавку колдуна. Всюду были расставлены оплывшие свечи, несколько старинных книг на столе были посвящены магии, мистике и прочему. На стене висел астрологический календарь. Это был настоящий антиквариат, напечатанный где-то в начале прошлого века и вставленный в рамку со стеклом. Композицию завершал хрустальный шар на подоконнике, хранивший в своей глубине острый солнечный блик.

Нет никакого сомнения: хозяин был тертым адептом непознанного, и версия о том, что он исполнил в Фарфоровом гроте какой-то ритуал, практически подтвердилась. Кроме того, Жаров заметил еще кое-что, торчащее из-за календаря, и это окончательно повергло его в уныние.

Ребята работали с холодным профессионализмом, от которого воротило с души. Эксперт Минин ходил с протоколом на планшете, руководил и записывал, но не чурался и собственными пальцами пощупать нижнее белье в шкафу. То был далеко не первый обыск, на котором присутствовал Жаров, но он никогда не мог привыкнуть к этому зрелищу. Жаров представил себя членом клана каких-то хищных зверьков, которые разоряют птичье гнездо, расшвыривают яйца…

Искали все, что могло бы свидетельствовать о ревности мужа и измене жены. Ничего такого не нашлось. Вторым пунктом были предметы мистических культов – эта магистраль операции сымпровизировалась на месте.

Для теоретической ревности вовсе не обязательны доказательства, но убийство из ревности происходит, как правило, если супруг видел своими глазами нечто, способное вызвать его ярость.

Как бы он сам поступил на месте мужа, чья жена загуляла? Жаров подумал о своей Алиске, бывшей своей… Кого бы он сам убил – Алиску или того человека, который пришел ему на смену?

Что за чушь лезет в голову! Никого бы он не убил… Нет, ничего не было найдено – ни писем, ни фотографий. От убитой женщины осталась ее одежда, в основном, самодельная, пошитая с любовью, как это часто делают художницы. Множество висящих, стоящих у стены, сложенных плотно за шкафом картин, рисунков, этюдов… Тонкий аромат льняного масла – неизменный запах художественной мастерской, таланта, творчества. На стеклянной полочке в ванной Жаров увидел щетку, полную мелко закрученных золотых волос… Но если мотив убийства не ревность, то что?

Работа подходила к концу, но Пилипенко упорно делал вид, что не замечает предмета, который торчит из-за рамки астрологического календаря. Он даже шлепнул по руке Минина, когда тот завел свои белые пальцы за профиль рамки. Пилипенко любил драматические эффекты, и ради них никого не щадил, даже лучших друзей.

– И, наконец… – таинственным голосом произнес он и ловко извлек из щели свернутую газету. – Приобщите к уликам второй группы, товарищ Минин.

Жаров закусил губу, мучительно покачал головой.

– «Крымский криминальный курьер», – прочитал Пилипенко. – Номер от тридцать первого января. Рубрика – «По ту сторону». Статья на развороте – «Злой рок Фарфорового грота».

* * *

– Поедем в управление, – сказал Пилипенко, открывая дверь «жигуленка». – Обстоятельства требуют повторного допроса подозреваемого. Кроме того, пусть расскажет все сначала, и вместе попробуем поймать его на лжи.

Жаров был рад, что его пригласили. В конце концов, итогом всего этого будет цикл статей в «Курьере» – в чем и был смысл его жизни в данный период.

– Ты будешь добрым следователем, а я злым, – сказал Пилипенко, когда они вырулили на Морскую.

– Это и так соответствует реальности, – заметил Жаров.

В управлении Пилипенко оставил Жарова ждать в коридоре, а сам куда-то исчез. Жаров опустился на скамью перед комнатой участковых инспекторов, чей рабочий день уже закончился. Обычно на этой скамье сидели всякие сомнительные личности, с которыми у участковых были свои воспитательные дела. Откуда-то издали, снизу, донесся слабый тоскливый крик. Словно в сумасшедшем доме, подумал Жаров. И как только Алиска, такая нежная и чувствительная девушка, может работать в этом здании? Жаров посмотрел на часы. Семь вечера. Алиска, разумеется, уже ушла домой. Или торопится на свидание – с тем, другим…

Итак, подытожим. Не про Алиску, а об этом деле, а про любовь – забыть. Итак, Калинин, мистически настроенный субъект, читает статью о Фарфоровом гроте. Он даже хранит номер этой газеты, что неспроста. Допустим, у него существует мотив для убийства жены – ревность или что-то другое. Статья дает ему последний толчок. Он знает, что Мила работает над путеводителем, и рано или поздно у нее состоится сеанс на пленере, напротив Фарфорового грота… Получается, что виноват во всем он, Жаров, допустивший эту публикацию.

Ну и что? В чем тут расчет? В том, что милиция решит, будто здесь замешены потусторонние силы и прекратит расследование? Чушь какая-то. Ведь легенда о Фарфоровом гроте как раз и рассказывает о том, что каждые тридцать четыре года муж убивает свою жену скальпелем. И, даже если убийца не был застигнут на месте, и ему удалось бы скрыться, то подозрение, прежде всего, пало бы на него. Более того, версию мужа отрабатывали бы в самую первую очередь, даже безо всякой легенды! Какая же тут логика? И есть ли она вообще…

Так поступить мог только сумасшедший. Или… Человек, которому сделано какое-то внушение. Предметы, найденные в квартире Калинина, говорят о том, что он принадлежит к некоему культу. Может быть, стоит отработать эту версию?

Течение мыслей Жарова перебил Пилипенко.

– Все готово, заходи, – пригласил он, покачивая дверью в комнату для допросов.

Войдя, Жаров подумал, что обстановка тут и впрямь похожа на какую-то подготовленную сцену: два стола стояли углом, чтобы оба следователя смотрели на подозреваемого в фас и в профиль, заставляя его вертеть головой. Классическая позиция.

Дверь в смежный кабинет была почему-то приоткрыта, в нарушение всяких инструкций… Жаров хотел было сделать об этом замечание, но тут ввели Калинина.

* * *

Это был невысокий лысоватый человек, он выглядел подавленным, казалось, у него уже не было сил держать рот закрытым, и его нижняя челюсть постоянно висела, словно была сломана.

Как Жаров уже знал, Калинин служил менеджером и ничего общего с художественным миром своей жены не имел. Могли ли быть замешены здесь какие-нибудь большие деньги – наследство или страховка? Но разве получит страховку человек, проходящий по делу об убийстве страхователя? Жарову упорно хотелось уйти в своем объяснении от темы статьи, он был уверен, что его газета нужна людям и несет в мир не больше разрушения и зла, нежели любая другая.

Жаров присутствовал на допросе нелегально, впрочем, как и на многих других милицейских операциях. Начальство Пилипенки давно закрывало на это глаза: кому-то наверху был нужен и он, и его газета, иначе бы его давно уже сожрали. Допрашиваемый же искренне думал, что перед ним сидят два следователя – добрый и злой.

– Ну что, будем дальше запираться, или хочешь сделать какое-нибудь заявление? – сказал злой, то есть – Пилипенко.

– Я не убивал свою жену, – угрюмо произнес Калинин.

– Расскажите все с самого начала, – мягко предложил Жаров.

– Я ведь уже говорил, гражданин начальник!

– Гражданин начальник? – удивился Жаров. – Вы что же – сидели?

– Да нет, – махнул рукой Пилипенко. – Это он какое-то кино смотрел.

– Точно, кино! – неожиданно обрадовался Калинин.

– Видите, товарищ полковник! – сказал Пилипенко. – Он уже веселится.

– Ничего я не веселюсь, – сказал Калинин.

– Так рассказываете, – подбодрил его «полковник», то есть – Жаров.

История оказалась на редкость странной: немудрено, что Пилипенко рассказу не поверил. Со слов Калинина выходило, что он, расставшись с женой сегодня утром, отправился на работу, но вскоре получил от нее СМС.

Пилипенко вздохнул:

– Это мы уже проходили, – сказал он, встал, открыл сейф и достал оттуда пластмассовую коробку с вещдоками. – Вот твой мобильник. Нет здесь никакого СМС.

Пилипенко передал аппарат Жарову, чтобы тот удостоверился.

– Но я всегда стираю сообщения, как только получаю! Я храню лишь деловую, нужную информацию, помещаю ее в памятки и так далее. Я деловой человек…

– Правильно, – одобрил Пилипенко, выкладывая на стол второй аппарат, розовый. – Чего ж засорять? А вот твоя жена не имела такой привычки, и оба регистра памяти почти полностью забиты. Думаю, она стирала СМС-ки раз в месяц, типа генеральной уборки.

– Да, я в курсе, – подавленно произнес Калинин, глянув на Жарова.

Наверное, и это они уже проходили сегодня. Дело в том, что в розовом мобильнике, принадлежащем убитой, сообщения действительно сохранились, начиная с первого числа месяца. Но никакого СМС на номер мужа, датировано сегодняшним утром, не было.

– Получается, что она его стерла, – сказал Жаров, и почувствовал, что голос его звучит виновато, как это всегда бывает, если уличаешь кого-то во лжи, и тебе за него стыдно.

– Я не знаю, почему она стерла именно это сообщение.

– А что там было? – спросил Жаров. – Дословно помните?

– Точно не скажу. Что-то вроде того… Я в гроте. Приезжай. Нужна помощь. Я позвонил, но она не отвечала. Тогда поймал такси и поехал. О Фарфоровом гроте ходят легенды, проклятое место.

– Известное дело – легенды, – перебил Пилипенко, покосившись на Жарова.

Следователь, как бы невзначай, достал из кармана пиджака злополучный номер «Курьера», найденный при обыске у Калинина, и положил на стол. Допрашиваемый равнодушно скользнул по газете взглядом, его самообладанию можно было только позавидовать.

– Вас не удивило, что свою просьбу о помощи ваша жена отправила посредством СМС, а не просто позвонила?

– Нет. Мы всегда перекидывались СМС-ками, так дешевле. Но я заволновался. И сразу позвонил ей.

– Обратите внимание, капитан, то есть, тьфу – полковник! – Пилипенко повернулся к Жарову. – И этот входящий звонок в аппарате жертвы почему-то стерт из памяти. Может, его просто и не было, а?

Жаров, которого чуть не понизили в звании, потренькал кнопками розового мобильника и увидел ту же самую картину: Мила Калинина сохранила все свои звонки с начала месяца, кроме последнего.

– Звонок был, – плачущим голосом сказал Калинин. – И сообщение было. Неужели нельзя это определить, через мобильного оператора как-то?

– Нельзя, – вздохнул Пилипенко. – Так только в американском кино делается. Оператор хранит лишь общую сумму кредита.

– А по общей сумме посчитать нельзя?

– Нельзя, – раздраженно сказал Пилипенко. – Они мухлюют с проплатами, мы уже с этим сталкивались… И какой же вывод ты сделал из более чем странного сообщения жены?

– Я подумал, что она подвернула ногу или что-то в этом роде. Ну и, место это, конечно…

– Загадочное место… – ехидно поддакнул Пилипенко.

– Я и таксиста попросил подождать. Поднялся к гроту, увидел этюдник. Вошел в грот. И увидел ее. Она лежала… – Калинин закрыл глаза ладонью. – В луже своей крови. У нее из горла торчал скальпель, – он ткнул себя пальцем в шею. – Я вытащил его, взял ее на руки… Я вынес ее из грота. Но она была уже мертва.

Возникала пауза. Калинин молча вертел головой, показывая им обоим то фас, то профиль. Жаров давно заметил, что в соседнем кабинете, куда была приоткрыта дверь, кто-то сидит и, вероятно, внимательно слушает допрос…

– Ты видел кого-нибудь на поляне? – спросил Пилипенко.

– Да. Таксист, оказывается, шел за мной.

– Больше вы никого не видели? – спросил Жаров.

– Нет. Впрочем, на лавочке, вдали, сидел еще какой-то человек, но он быстро ушел.

– Человек в светлом пальто?

– Нет. Это была темная, черная фигура.

Пилипенко и Жаров переглянулись. Таксист видел на дороге мужчину в светлом пальто.

– Еще мне показалось, что он был седым, я не помню. Он вообще мог мне показаться. Я был не в себе, понимаете…

– Понимаем, мы все понимаем, – грустно вздохнул Пилипенко. – И последний вопрос. Эта газета тебе знакома?

Он взял со стола номер «Курьера» и резко развернул перед Калининым, будто раскрыв воротник своего пиджака. Подозреваемый вздрогнул.

– Это… Фарфоровый грот! – он с ужасом протянул палец в сторону фотографии на развороте.

– Ваша газета? – спросил Жаров.

Калинин недоуменно переводил взгляд с одного лица на другое.

– При чем тут газета? Я никогда не видел ее.

– Эту газету, – торжествующим тоном объявил Пилипенко, – мы час назад нашли в твоей квартире.

– Да я вообще не читаю никаких газет! – закричал Калинин.

– А зря, батенька! – с укоризной сказал Пилипенко.

* * *

– Ну, и что ты о нем думаешь? – спросил он Жарова, когда Калинина увели.

– Да трудно сказать. На актера он не похож…

– Для актера у него слишком низкий интеллект, – услышал Жаров голос, от которого у него защемило в груди.

Дверь в соседний кабинет стукнула о стену, будто распахнутая пинком, и из нее вышла Алиска. Пилипенко развел руками, дурашливо улыбнувшись: дескать, извини, друг, не сказал сразу.

Жаров вскочил, подвинул девушке стул. Конечно, это была она – штатный психолог управления. Наверное, все здесь знают об их бурном романе. Во всяком случае, с чего бы Пилипенке не предупредить, что Алиса Мельникова тоже принимает участие в допросе?

– Этот человек, – продолжала она холодным деловым тоном, вовсе не глядя на Жарова, – не способен разыгрывать подобные спектакли. У него плохая память, слабая наблюдательность. Вы

заметили, – повернулась она к Пилипенке, – что он путает детали? Например, на первом допросе вообще не упомянул о каком-то свидетеле на лавочке. Кстати, показательно, как он характеризует увиденное – черный человек, человек в черном. В принципе, это материализация его страха, и я бы не поверила в точность описания.

– Я уже тоже сомневаюсь, – сказал Пилипенко. – Все факты против него, ни единого за. Но все эти факты разрушает один – поведение подследственного. Пожалуй, здесь надо еще копать.

– Обратите внимание, что он даже не контролирует свои чувства. Ведь у него, в любом случае, горе, независимо от того, он убил или нет. И положению его не позавидуешь. Однако, как все мы наблюдали, он забывается и непосредственно выражает свои эмоции: вспомнил какое-то кино, почувствовал радость, сразу забыл обо всем на свете… Нет. Я не верю, что этот человек – убийца.

Алиска всегда говорила, будто по писаному, а вот заманить ее в свои внештатники Жарову так и не удалось. Да и вообще – ничего у него с ней не удалось…

– С мозгами, вниманием, эмоциями у Калинина, конечно, худо. Даже и ухом не повел, когда я этого субчика, – Пилипенко кивнул на Жарова, – из полковников в капитаны разжаловал. Но среди убийц попадаются и не такие тупицы. И часто именно они и создают загадки, достойные лейтенанта Коломбо.

– Он мог действовать под внушением, – вдруг сказал Жаров, и Алиска, наконец, удостоила его взглядом.

– Ты что, за адвоката у нас? – съехидничала она.

– Нет, я серьезно думаю. Такие типы поддаются гипнозу легче всего. Он совершенно искренне все отрицает, именно потому, что и сам не помнит, как совершил убийство.

Алиска с сожалением посмотрела на Жарова, всем своим видом выражая, что не собирается принимать всерьез эту гипотезу.

– Если я вам больше не нужна, Владимир Владимирович, – сказала она официальным тоном, – то я пойду к себе: есть еще дела, хоть и закончен рабочий день.

Выходя, она не взглянула на Жарова, лишь обдала его тонким шлейфом своих духов, словно коснулась невидимой шалью. Ее платье прошелестело мимо него, словно ветка, полная листьев и цветов. Так сказал бы классик…

– В отличие от нас с тобой, рабочий день у госпожи Мельниковой нормированный, – прокомментировал Пилипенко.

Друзья помолчали. Следователь перекладывал листы на столе, шумно вздыхая надутыми щеками. У Жарова в горле стоял горький ком. Ну, ничего. Мало ли их у нас было! Вот, на горизонте очередная внештатница, хоть и тоже не смотрит в глаза…

Жаров вдруг с болью подумал об убитой художнице, вспомнил ее домотканые платья.

– Я хочу посмотреть картину, – попросил он.

– Какую картину? Ага, понял. Я и сам ее не очень разглядел.

Пилипенко вышел в другой кабинет, тот, где пряталась Алиска, и принес холст на подрамнике. Он водрузил незаконченную работу на стул, на котором недавно сидел Калинин, и они оба с минуту молча рассматривали картину.

– Удивительно! – наконец, сказал Пилипенко. – Я раньше этого не видел. Может быть, оно и есть ключ ко всему?

Картина изображала арку грота, дуб слева и кипарис справа. Краски были только набросаны, намечая основные цветовые пятна, но и в этом незавершенном образе было ясно видно, что в глубине грота стоит белая фигура в длинном платье, какие носили в начале двадцатого века.

* * *

– Бред какой-то, – сказал Пилипенко.

– Не думаю… Она увидела то же, что и мы тогда, в седьмом классе.

– Или в восьмом… Но этого не может быть. Призрак-убийца.

– А если допустить, что кто-то действительно прятался внутри грота? Если он проник в грот через дыру в потолке…

– Переоделся в длинное старинное платье… – с ехидством продолжил Пилипенко.

– Или плащ, пальто. Длинное светлое пальто – такое, что было на прохожем, которого видел таксист.

Жарову было не до шуток. Он продолжал размышлять вслух:

– Художница стоит и пишет. На первом этапе ее не интересуют детали. Она лишь фиксирует то, что видит ее глаз, создает общий цветовой колорит. В гроте прячется убийца, она смутно различает его в темноте под аркой, в глубине. Но она знает легенду о Фарфоровом гроте и ее кисть бессознательно набрасывает силуэт призрака. Именно в старинном платье.

– Откуда? – спросил Пилипенко.

– Что – откуда?

– Откуда она знает легенду?

– Да все в Ялте ее знают!

– Это понятно. Но не все о ней каждый день помнят. Между прочим, газету мы нашли в ее квартире. Эту пресловутую легенду уже давно забыли, жизнь такая, что не до сказок. И вот, появляется статья, которая заставляет всех снова вспомнить о легенде. Как ни крути, но тебе придется исполнить свою кровную клятву.

Пилипенко положил руку другу на плечо, добавил:

– Ну, ничего. Откроешь какую-нибудь другую газету. О курорте, о здравницах…

– Это мы еще посмотрим! – сказал Жаров. – Послушай, – переменил он тему, – эта картина – она же не будет в списке вещественных доказательств?

– Да вряд ли.

– Отдай ее мне, когда все закончится.

– Не положено. Впрочем, там видно будет.

На том они и расстались. Выходя из управления, Жаров снова увидел Алиску. Она садилась в машину, темно-синий БМВ, мелькнула и скрылась под обрезом двери ее узкая белая нога, кремовая туфелька на высоком каблуке. За рулем угадывался силуэт грузного, широкоплечего мужчины. Жаров подумал, что если он убьет кого-то на почве ревности, то сможет ли Пилипенко докопаться до истины? Смог бы Шерлок Холмс заподозрить доктора Ватсона, если бы тот шлепнул какого-нибудь профессора Мориарти?

* * *

Наутро Жаров был полон решимости отправиться на Балаклавскую, навестить Алену Ивановну, которой было что-то известно об убийстве тридцать девятого года. Он набрал ее номер, чтобы предупредить женщину о визите, но никто не взял трубку. Тогда он позвонил Пилипенке.

– Планы меняются, – сказал следователь. – Ну ее, эту старушку, никуда она не убежит.

– А что такое?

– Помнишь, ты вчера вляпался в дерьмо?

– Чуть не вляпался, – поправил Жаров.

– Так вот. Раз есть дерьмо, так есть собаки. А если есть собаки, тогда есть и собачники. Обычно они гуляют в одно и то же время, каждый день. Короче, я уже вызвал кинолога с Ральфой. Собаке тоже полезно пройтись, сменить обстановку. Походите там, в парке вокруг грота. Может, найдете кого… Может, отыщется свидетель, кто видел, как она рисует. Или тот, в черном, кого видел Калинин на лавочке, если он ему не померещился.

Кинолог на своем «уазике» сделал крюк по Садовой, чтобы подхватить Жарова из дома. Он уже работал на прилегающей к гроту территории вчера, но безрезультатно.

Ярцев был в штатском. В данном случае, собака, по замыслу Пилипенки, играла роль прикрытия. Имелось в виду, что если был свидетель, но скрылся с места преступления, то вряд ли он и сегодня пойдет на разговор с ментом. Другое дело собачник, такой же, как он: Леха Ярцев был одет в новенький спортивный костюм, а Ральфа выглядела обыкновенной пожилой овчаркой. Когда они вышли из машины, Жаров оглядел эту скульптурную группу с головы до ног.

– Вот смотрю я на тебя, – критически заметил он, – и все равно вижу, что ты мент.

– Да и ты, честно говоря, смахиваешь… – невозмутимо ответил Ярцев, поеживаясь в непривычном костюме.

Возможно и так. Жаров работал с милицией уже много лет: задолго до того, как открыл свою газету – вел отдел происшествий в городской. Постоянная деятельность всегда наводит на человека некий неуловимый отпечаток: вы всегда можете узнать моряка, учителя или врача.

Вот и нашлась причина, почему его так чураются девушки… Они оставили машину на том самом месте, где Пилипенко взял пробу масла. Жаров подумал: если бы все это происходило в каком-нибудь маленьком американском городке, скажем, на западном побережье, то полиция наверняка бы нашла машину по капле масла из картера. По крайней мере, подобное фигурировало в их фирменном кино.

Снова лестница, поляна, грот… Время то же самое: убийство произошло ровно сутки назад. Если в парке гуляют собачники, то они появляются в одно и то же время… Жаров огляделся по сторонам и вдруг настоящий ужас охватил его – тот самый ужас из детства, когда они стояли на этом месте, правда, тогда в небе была луна, а сейчас – солнце.

– Ты тоже это видишь? – произнес Жаров те же самые слова, что и тогда, впрочем, в обоих случаях заимствованные из того же американского кино.

Ярцев недоуменно развел руками, замотал головой, словно стараясь вправить свои глаза. Казалось, страх овладел и Ральфой: она пристально смотрела в глубину грота, чуть наклонив голову.

В полумраке под аркой стояла женщина. Фигура была какой-то смутной, туманной, она слегка колыхалась, будто отражение на воде.

Жаров овладел собой: в конце концов, он взрослый человек и далеко не трус. Вот он, наконец, столкнулся с неведомым – с тем, о чем не раз думал и писал. Бояться не надо: просто перед нами не изученное наукой явление.

– Стойте здесь, я посмотрю, – сказал Жаров и медленно двинулся в сторону грота.

Фигура не была галлюцинацией, она явно существовала, но, по мере приближения, Жаров все больше понимал, жертвой какого обмана стал и он, и многие другие на протяжении десятилетий. Вот и стертые лунки в земле – здесь стоял этюдник художницы… С этого места никакой, собственно, фигуры уже не было видно – была скала.

Солнечный луч, проходящий сквозь дыру в крыше грота, выявлял выступ на его задней части, том естественном углублении в скале, которое и послужило основой рукотворной пещере.

Так вот оно что. В гроте никого нет. И никогда не было. Вот откуда взялась легенда. Вот что они видели тогда, ночью, много лет назад… Призрак был нарисован полной луной. И вот почему он виден не всегда. Небо должно быть чистым, но это не главное условие – на Южном берегу небо почти всегда чистое. Дело в том, что солнце и луна движутся по небу, хоть и по одному маршруту: луна точно следует за солнцем, но маршрут этот меняется из месяца в месяц. Для того чтобы на стене грота образовался призрак, светило должно заглянуть в окно под строго определенным углом.

Тогда тоже была зима на последнем дыхании, но только ночь, и на месте солнца была луна, она и нарисовала призрак. Жаров вспомнил Поляну сказок. То же самое происходило и там: в тот день, в детстве, когда они с классом совершили культпоход, солнце выявляло волшебную страну в самом выгодном свете. Точно как и вчера. Ничего не произошло с его душой, и детство так и осталось где-то глубоко внутри, освещенное длинными лучами, словно монета на дне водоема. Вот почему менялись лица изваяний – их тайную жизнь тоже определяло солнце…

Жаров махнул рукой Ярцеву и вошел в грот. Вскоре кинолог с Ральфой присоединились к нему. Собака тихо завыла: она все еще чувствовала запах убийства…

* * *

Жаров поднял голову и внимательно присмотрелся к отверстию в крыше.

– Видишь, как все объясняется! – воскликнул он. – Эту неправильную форму создали здесь специально, чтобы проекция, в сочетании с бугристой скалой, создавала призрак.

– Что сказать? – философски заметил Ярцев. – Человек, который задумал это, был большой шутник.

– А может, и нет, – туманно проговорил Жаров. – Может быть, во всем этом есть какой-то зловещий смысл…

Отсюда хорошо просматривалась поляна перед гротом, а на ее краю, у густой стены кустов – два деревянных столбика. Жаров не сразу сообразил, что это скамейка: ее верхняя часть была скрыта нависшими ветвями тамариска.

Вдруг Ральфа напряглась, натянула поводок, устремилась, стуча когтями по каменной плите, к выходу. Жаров увидел, что подле скамейки появился человек. Он был в длинном черном пальто, настежь распахнутом, потому что грело на улице уже по-весеннему. У его ног прыгала маленькая белая болонка, охотясь за полами его пальто, свободно трепещущими на ветру. Именно на собаку и среагировала Ральфа.

Ярцев, помня боевую задачу, вышел на поляну, поправляя свой спортивный костюм. Он шагал бодро, размеренно, будто выступая с кем-то в ногу. Недаром этот молодой пенсионер двадцать пять лет отслужил в армии.

Ищейка была безобидной псиной, очень любила поиграть, особенно с маленькими собачками, в чем вскоре и убедился хозяин болонки – высокий седой старик. Жаров наблюдал издали, как резвятся собаки, затем подошел, держа наголо свой фотоаппарат – в качестве камуфляжа, который, впрочем, оказался излишним. Разговор пошел легко и вскоре вырулил на вчерашнее событие.

– А вы, случайно, не из милиции? – поинтересовался прохожий.

– Из милиции, – вздохнул Жаров, поняв, что притворяться бессмысленно.

– Я, вообще-то сам собирался вам позвонить. Я тут видел кое-что. Но, понимаете… Сердце прихватило, и пришлось ретироваться домой. Здесь будем говорить, или с вами пройти?

– И здесь и там… – неопределенно махнул рукой Жаров. – Это зависит от того, что вы скажете.

Как только старик начал свой рассказ, Жаров понял, что отвезти его в управление все же придется.

Вчера в это же самое время он так же прогуливался здесь с собакой. Художница стояла посреди поляны и рисовала грот. Он наблюдал за нею издали, но подойти постеснялся. Вдруг ее кто-то позвал. Она резко подняла голову, стала всматриваться в темноту под аркой. Затем отложила кисть, вытерла руки и пошла в сторону грота. Тот, кто ее звал, был внутри. Женщина шла со страхом, было видно, что ей не хочется идти. Исчезла в темноте. Вскоре из грота вышел человек……

– Женщина в белом! – воскликнул Жаров, даже забыв, что тайна оптической иллюзии только что раскрылась.

– В белом, – сказал старик, – только это был мужчина. – Не совсем в белом, а скорее, в сером длинном плаще.

– Как он выглядел? Бросилось ли вам что-то в глаза, какие-то особые приметы? Например, может быть, этот человек был плохо выбрит?

– Нет. У меня не такое острое зрение, чтобы разглядеть издали лицо. Но он весь, сам – был как бы одной особой приметой! Честно говоря, я испугался, и моя собачка – тоже.

– Собака могла испугаться не этого человека, а того, что произошло внутри грота, – мрачно вставил Ярцев. – Они такие дела хорошо чуют.

– Этот мужчина выглядел как-то странно, я даже не могу объяснить, что в нем было необычным.

– Походка? Голос?

– Он не подавал голоса. Вышел, оглянулся и быстро спустился вниз по лестнице. Меня он не заметил, потому что я сидел на скамейке и смотрел на него сквозь кусты. Не могу объяснить. Но я не видел таких людей. Что-то такое в его движениях… Казалось, он не шел, а как бы летел над землей, будто в замедленной съемке. Едва перебирая ногами.

Пенсионер помолчал, глядя, как Ральфа прыгает на солнцепеке с его белой болонкой.

– Художница не выходила. Я уже было собрался пойти посмотреть, но тут появился еще один человек. Он вошел, даже вбежал в грот, и потом выскочил на поляну. Он нес женщину на руках. Я тогда не понял, что это убийство. Но было ясно, что произошло что-то не то. Женщина упала в обморок, так я подумал. Я разволновался, у меня защемило сердце, руки онемели. В общем… Стенокардия, грудная жаба. От нее Островский умер, великий драматург, который «Грозу» написал. А нитроглицерин я, как назло, забыл. Вот и поплелся, что было сил, домой.

Жаров и Ярцев переглянулись.

– Вот те раз! – не сдержался кинолог. – А Пилипенко на мужа наехал.

– Это как раз и был ее муж, – сказал старик. – Я только потом, вечером понял, когда в городе разговоры пошли. А вскоре подбежал еще один человек.

– Таксист! – сказал Жаров.

– Не знаю. Я уже уходил. И оглянулся с тропы.

Жаров вдруг вспомнил одну деталь.

– А вы не слышали телефонного звонка?

– Откуда вы знаете? Конечно, слышал! Забыл рассказать. Был отдаленный звонок, я не мог понять, откуда он доносился. Может быть, кто-то еще шел по аллее, в стороне.

– Звонок раздался, когда женщина вошла в грот?

– Да. Точно не помню, но, кажется именно в это время.

– До того, как из грота вышел мужчина или после?

– Скорее, что – до.

– Ну что ж, – подытожил Жаров. – Вам надо проехать с нами и повторить свои показания следователю.

* * *

Впрочем, пришлось сначала закинуть домой болонку. В тесной кубатуре «уазика», которую Ральфа считала своей территорией, игра с маленькой белой собачкой приняла агрессивный характер.

Поговорив со стариком, Пилипенко поманил Жарова в кабинет. Жаров рассказал ему о своем открытии.

– Что ж, – ответил следователь. – Тайна привидения объяснена, да она меня и не очень волновала. Я не столь мистически настроен, как ты. Зато Фарфоровый грот подбросил нам новую загадку. Думаю, что этот волшебный фонарь – всего лишь шутка строителей, но вот в чем вопрос: насколько она безобидна? Может быть, этот искусственный призрак как раз и есть та первопричина, по которой Фарфоровый грот из года в год становится местом преступления…

– Теперь ты отпустишь Калинина?

– Нет. Так просто это не делается. Один вошел в грот, другой вышел, кто поручится, что они не были сообщниками? Надо во всем разобраться.

– Теперь мы ищем плохо выбритого человека в длинном светлом плаще, – резюмировал Жаров. – Ясно, что таксист видел не случайного прохожего, а того, кто вышел из грота. Возможного убийцу. Опять же – этот таксист… Может, есть смысл выяснить его связи? Был ли он знаком с жертвой? Или же это – не просто таксист, а приятель самого Калинина? Надо еще раз допросить его. Пусть расскажет подробнее о том прохожем.

– Наверное, я так и сделаю, – задумчиво проговорил Пилипенко.

Похоже, его мысли были где-то далеко.

– Знаешь, – вдруг сказал он, – если отвергнуть версию, что убийца – Калинин, то картину преступления тоже легко можно представить. Правда, загадка от этого становится еще более мрачной. Трюк с мобильным телефоном теперь понятен. Убийца действительно засел в гроте. И он, черт подери, правда, проник в грот через ту дыру в потолке. Кроме того, убийца хорошо знал и саму Милу Калинину, и ее мужа, знал их обычай общаться с помощью СМС. Жертва также была знакома с убийцей, и она его боялась, но все же вошла в грот. Значит, ей было все же не слишком страшно.

– Калинина знала убийцу, опасалась его, недоумевала, как он попал в грот…

– Точно. Убийца нанес удар, затем отправил Калинину СМС с ее телефона. Калинин в ответ позвонил, но убийца не принял звонок, а затем стер информацию и о звонке, и о сообщении. Он знал, что Калинин имеет привычку стирать лишнюю информацию немедленно. Таким образом, мы и не поверили ему. Все должно было выглядеть так, будто действительно муж убил свою жену в Фарфоровом гроте, именно медицинским скальпелем. Мне приходит в голову, что мы имеем дело с чем-то гораздо большим, чем, убийство. Каждые тридцать четыре года в гроте должно совершиться злодеяние. И кто-то издалека следит за этим, так сказать, обычаем. Вот уже на протяжении столетия.

– Но люди так долго не живут! – воскликнул Жаров.

– Люди не живут. Но живут другие сущности.

– Какие сущности? Не пойму я тебя: то ты веришь в тонкий мир, то нет…

– Да какой тонкий мир? – отмахнулся Пилипенко. – Я имел в виду идеи. Именно эти сущности могут жить дольше, чем человек. Мне задерживают в архиве с делом семьдесят третьего года. Думаю, что ключ к тайне мы найдем именно там. Где, черт возьми, твоя старушка? – вдруг встрепенулся следователь.

– Я не могу одновременно быть со старушкой на Балаклавской и со стариком у Фарфорового грота, – обиженно парировал Жаров. – Сейчас как раз и собираюсь к ней.

* * *

Выйдя на Морскую, он увидел за стеклом «уазика» грустные собачьи глаза. Узнав его, Ральфа заулыбалась, позади ее репицы часто замелькал хвост. Жаров набрал номер Алены Ивановны, чтобы предупредить женщину о визите, но никто не взял трубку. Тут из управления вышел кинолог, наверное, заболтался с кем-то или в бухгалтерию заходил. Жарову пришла в голову мысль, от которой у него замерло в груди…

На пути в собачий питомник «уазик» как раз двигался по трассе, и Жаров попросил подвезти его до Поляны сказок. Именно от близкой встречи с Тамарой у него и родилась эта дрожь. А повод был, на поверку, веский.

– Алены Ивановны нет дома? – удивилась Тамара, когда Жаров ворвался в комнату экскурсоводов. – Не может этого быть, ведь старушка уже давно не выходит.

Жаров нахмурился. Он сел за городской телефон и снова позвонил ей. Длинные гудки. Тогда он набрал номер, отличающийся на одну последнюю цифру, и сразу напал на соседку Алены Ивановны. Та сказала, что старушку отвезли в больницу. Пищевое отравление.

– Этого еще не хватало! – воскликнул Жаров, вешая трубку.

– Зачем вам так нужна эта старушка? – спросила Тамара.

– Мы считаем, что здесь действует секта.

– Какая секта? – удивилась Тамара, вскинув свои длинные ресницы.

Жаров и сам впервые произнес это слово.

– Вы ведь уже знаете о вчерашнем убийстве в Фарфоровом гроте?

– Все только об этом и говорят…

Мысль работала на ходу, Жаров будто рассуждал вслух, продолжая разговор, начатый в управлении вчера:

– Вот уже более столетия в городе происходят убийства. В одном и том же месте, одними тем же способом. Муж убивает жену скальпелем в Фарфоровом гроте. Первое совершилось в тысяча девятьсот пятом году. Об этом написано в газете, газета в библиотеке, вы, конечно, знаете это лучше меня. Второе произошло в тридцать девятом, третье – в семьдесят третьем, четвертое – вчера. Допустим, убийство девятьсот пятого года было на самом деле первым, а, может быть, мы просто не знаем о других, более ранних.

– Как – более ранних? – испуганно перебила Тамара, часто заморгав.

– Почему бы и нет? – Жаров мысленно посчитал, глядя в потолок. – Тысяча восемьсот семьдесят первый год, тысяча восемьсот тридцать седьмой и так далее.

– В тысяча восемьсот тридцать седьмом Пушкин погиб на дуэли, – тихо сказала Тамара.

– Вот видите! – Жаров обрадовался, неизвестно чему. – Трудно представить, при чем тут Пушкин, но все же…

– А сели отнять еще тридцать четыре, то получим дату рождения Тютчева…

– Не сбивайте меня! Еще не известно, кто и зачем построил Фарфоровый грот…

– При чем тут грот?

Жаров рассказал о своем открытии, о тайне призрака… Он возбуждено жестикулировал, широко размахивал руками, создавая в комнате ветер, который шевелил тонкие волосы Тамары.

– Вполне можно допустить, – продолжал он, – что все эти годы в городе существует некое тайное общество, которое… Может быть и вправду, они таким образом отмечают какие-то знаменательные даты? И они же соорудили этот грот…

Тамара смотрела на Жарова широко раскрытыми глазами, в глубине которых – в этой голубой, почти небесной глубине – стоял ужас. Жаров щелкнул пальцами, бессознательно копируя любимый жест своего друга-следователя. Страх Тамары передался и ему, или же он просто желал наполнить этим восхитительным чувством ее глаза… Он продолжал, еще больше воодушевляясь:

– Или, может быть, Тютчев вовсе неспроста родился именно в том году? И Пушкин был неспроста убит. Тайна передается из поколения в поколение, какие-то секретные протоколы, что ли… И адепты секты должны во что бы то ни стало имитировать убийство в фарфоровом гроте. В дни появления призрака. Подстроить события так, чтобы муж убил свою жену…

– Как это – подстроить? – удивилась Тамара. – Вы хотите сказать, что этого события не было?

– Муж не убивал свою жену. Это сделал кто-то другой. Именно для того, чтобы событие состоялось. Именно поэтому я и хочу знать наверняка, что произошло в тридцать девятом и семьдесят третьем году. Возможно, все эти убийства были также подстроены. Или, может быть, астрономически какой-то особый период связан с солнцем или луной, тот самый период, когда появляется призрак. И это происходит именно раз в тридцать четыре года… У вас есть телефонный справочник?

– Разумеется.

Тамара встала и прошла в угол комнаты, к шкафу. Жаров украдкой любовался ее движениями, и у него вновь защемило сердце. Она протянула ему книгу, их пальцы соприкоснулись…

Жаров нашел телефон Ливадийской больницы. Позвонив и перезвонив, он, наконец, напал на нужного человека. Занятый своим делом, Жаров не смотрел на Тамару, но чувствовал, что она разглядывает его. Неужели у него с ней что-нибудь выйдет?

Выяснилось, что старушка поправляется, и завтра утром ее выпишут. Повода оставаться в кабинете больше не было. Прощаясь, Жаров вдруг сбивчиво предложил Тамаре встретиться с ним вечером и продолжить разговор, в другой, более уютной обстановке, которая… И тут же пожалел об этом, потому что женщина сразу поскучнела и произнесла ледяным тоном те самые слова, которые они всегда говорят, если вообще не желают тебя видеть:

– К сожалению, сегодня вечером я занята.

* * *

Впрочем, если бы это свидание состоялось, то с выходом очередного номера «Крымского криминального курьера» были большие внутренние проблемы. Как всегда, верстка подкралась незаметно. Если сегодня не начать редактировать материалы, то завтра придется положить на это вдвое больше времени. Жаров всегда старался распределить работу равномерно, но чаще тянул до самого последнего, словно студент перед экзаменом.

Он делал в своей газете все – сам писал большинство статей, фотографировал, переписывал зачастую безграмотные сочинения внештатников, сам верстал номер, отвозил макет в типографию, забирал тираж и развозил по точкам. Мало кто из читателей – местных, и уж тем более, курортников – покупая газету в киоске по средам, мог даже представить себе, что за этим двенадцатиполосным полноцветным номером, полным красочных фотографий и статей на самые разнообразные темы, стоял один человек.

Вернее, сидел… За компьютером. Жаров провел в своем кресле на роликах весь оставшийся день, вечер и часть ночи, время от времени перебирая ногами и катаясь по комнате к стеллажам и обратно, либо на кухню, чтобы сварить кофе. Так и уснул в офисе редакции, на черном кожаном диване, укрывшись старой армейской шинелью…

Утром его разбудил Пилипенко с нетерпеливым вопросом о старушке. Жаров рассказал об отравлении, добавил, что как раз и собирается сейчас в больницу.

– Чертовщина какая-то! – сказал Пилипенко. – Старушка отравилась, и почему-то именно вчера, на другой день после убийства в гроте.

Где-то далеко в городе завыла пожарная сирена, как бы отзываясь на его слова. Ее было слышно и с улицы, через окно, и в телефонной трубке, через аппарат Пилипенки, поскольку сам Пилипенко, у себя в управлении, находился метрах в трехстах от редакции Жарова. Следователь на том конце провода замолчал, наверное, тоже вслушиваясь в сирену.

– Не вижу тут никакой связи, – сказал Жаров, но ему вдруг стало не по себе.

– Раздобудь эту старушку как можно скорее. Ты же сам всегда говоришь, что ничего не происходит просто так.

Его голос звучал неуверенно, что случалось с ним нечасто. Он наотрез отказывался принимать даже самые малейшие проявления сил, которые нельзя было объяснить с материалистических позиций. Жарову же казалось, что мир устроен сложнее, и сама реальность находится на более высокой ступени развития, чем современная наука.

– Это подтверждает мою раннюю версию, – сказал Жаров.

– Какую из них?

– О внушении. Ведь и у тебя тоже появилась гипотеза о какой-то организации, которая действует более ста лет. Черт его знает, что может быть в арсенале этой организации, какие средства? Если все же сам Калинин совершил это убийство, а не тот загадочный белый человек, то Калинин мог находиться под гипнозом. А старик с собачкой, равно как и таксист, подверглись остаточному действию этой силы.

– Чур меня! – огрызнулся Пилипенко.

Нажав на рычаг телефона, Жаров сразу набрал номер Ливадийской больницы. Ему ответили, что пожилую женщину с час назад забрал ее внук. Жаров натыкал на аппарате номер старушки. Длинные гудки. Он полистал городской справочник, узнал ее адрес и отпарился на Балаклавскую.

Ходьбы туда было минут пятнадцать. Судя по номеру дома, Алена Ивановна жила где-то в середине улицы, перед ее первым поворотом. Жаров пошел по Таврической, чтобы подняться наверх сократом, надеясь выйти прямо к нужному месту. Еще со ступенек сократа он увидел над крышами узкую черную струю дыма. Карабкаясь вверх, едва успевая перевести дух, Жаров уже знал, что это горит именно тот дом, куда он направлялся. Странная все-таки вещь – интуиция, и отмахнуться от нее нельзя, и объяснить невозможно.

* * *

Алена Ивановна жила в длинном двухэтажном доме старой татарской постройки, с верандами в два света, увитыми также уже старой и толстой виноградной лозой. Теперь все это было черным от копоти и белым от пены, которая шипела и сваливалась клочьями с резных арок веранды, когда Жаров выбежал из-за поворота улицы. Пока он карабкался по сократу, черный дым сменился серым, затем и вовсе исчез с небосклона. Слой дыма, теперь уже темно-сизый, висел во дворе, словно заблудшая туча.

Большинство жильцов дома были в это утреннее время на работе. Пожилая женщина в халате и шлепанцах крепко держала в руках малахитовую шкатулку. Из туманных глубин двора и переулка подтягивалась небольшая толпа соседей.

– А где Алена Ивановна? – спросил Жаров женщину со шкатулкой.

– Слава Богу, не пострадала. Второй день в больнице, – ответила она, и Жаров узнал голос той соседки, на которую напал, когда звонил вчера.

Вот оно как… Значит, она сюда и не возвращалась.

– А вы не знаете, где живет ее внук?

– Понятия не имею, – сказала соседка, прижимая к груди шкатулку. – Если у нее и есть внук, то он где-нибудь далеко, в другом городе. Я не видела, чтобы он навещал эту старую, больную женщину. Сами потихоньку ухаживаем.

Пожарные уже сматывали рукава. Один крепкий парень в каске крушил киркой обугленную деревянную колонну, чтобы обрушить ее от греха подальше. Пожар начался в квартире Алены Ивановны, там же и был потушен. Дом, конечно, теперь нуждался в капитальном ремонте.

Начальник расчета был знакомым Жарову, он мрачно заключил, что это поджог. Жаров позвонил Пилипенке и тот примчался на своем «жигуленке» немедленно, опередив вызванный по случаю происшествия наряд муниципальной милиции.

Пилипенко и Жаров вошли в квартиру. В задымленном помещении двигались косые лучи, порожденные створкой окна, болтавшейся на сквозняке. Казалось, что пальцы какого-то солнечного великана ощупывают это разоренное жилище. Несмотря на острую вонь от сгоревшего обойного клея, здесь чувствовался запах застарелого жилья, болезней, лекарств и

кошачьей мочи. Обгорела кухня, прихожая и одна стена комнаты. Обстановка была практически цела. То, что они увидели, повергло их обоих в крайнее изумление.

Небольшая комната была загромождена различными странными предметами, вроде причудливых камней, высушенных кореньев и маленьких сморщенных тыкв. На длинной полке красовалась вереница черепов – кошачьих, кроличьих, птичьих. Чучело совы, вероятно, сбитое пожарной струей, валялось на полу. В оконном проеме покачивалось, также сорванное с гвоздя пожарными, длинное ожерелье из красного перца и чеснока. Это было настоящее логово колдуньи.

– Вот она, где собака зарыта! – воскликнул Жаров.

– Возможно, – согласился Пилипенко. – Хотя, чует мое сердце, что могила собаки находится где-то в другом месте. А здесь – просто ее надгробье.

– Что ты имеешь в виду?

– Так, зреют смутные мысли. Пока не делюсь. Ну, например, вот это, как сие объяснить?

Пилипенко подошел к уцелевшей стене и положил на нее растопыренную ладонь. На выцветших обоях, узор которых уже нельзя было разобрать, выделялся темный прямоугольник, свидетельствующий о том, что когда-то здесь был накатан повторяющийся орнамент из дубовых листьев и желудей.

– Тут висела картина, – объявил следователь. – Стены покрыты солнечным загаром, а в этом месте – нет. Нигде в квартире ничего подходящего не валяется. Возможно, дом подожгли именно для того, чтобы скрыть кражу. Если бы не этот старый обойный клей, который выпускает при нагреве большое количество углекислого газа, все это могло сгореть за полчаса.

Пилипенко посмотрел по сторонам, почесал затылок.

– Странно. У всех старушек всегда бывает какое-то рукоделье. А у этой нет.

– Зачем тебе ее рукоделье?

– Веревочка или нитка нужна. Ага, вот она.

Он осторожно вытащил вместе с гвоздем перечно-чесночное ожерелье и распустил его. Кучка сушеных овощей осталась на столе, подняв облачко пыли, а следователь снял с темного прямоугольника на обоях мерку, свернул и спрятал ее в карман.

Хорошо зная друга, Жаров удержался от вопросов. Пилипенко никогда не делился своими соображениями – из гордости и самолюбия, опасаясь, что может ошибиться.

* * *

Они вышли во двор, продолжая осмотр.

– Похоже, поджигатель проник в квартиру, используя ключ старушки, снял со стены картину или что-то другое, что там висело, затем плеснул бензину и скрылся тем же путем. Но от сквозняка пожар двинулся не вглубь комнаты, а на кухню.

Пилипенко протер очки и стал ходить по двору, нагнувшись, будто ищет грибы.

– Нет, после пожарных следов не найдешь.

Он подошел к стене небольшого шиферного сарая, примкнувшего к дому, и уставился в нее. Жаров недоумевал: сарай как сарай, типичная местная постройка – ялтинцы давно нашли способ воздвигать свои курятники, невзирая на деревья, и сквозь пологий скат крыши пробивался ствол кипариса, вернее, сам сарай был построен вокруг уже взрослого дерева.

Жаров зашел за угол, чтобы увидеть стену. Пилипенко провел ладонью по облупившейся доске – слева направо и справа налево.

– Так, это интересно, – заключил он.

Жаров увидел, что на поверхности начертаны какие-то числа. Цвет надписи был красновато-оранжевым. Пилипенко посмотрел под ноги, нагнулся и двумя пальцами подобрал кусок кирпича. Он вернулся к своей машине, покопался в бардачке, достал прозрачный пластиковый пакет и аккуратно уложил обломок.

– Черт его знает, – задумчиво проговорил он, – может, и остались отпечатки.

Жаров недоуменно прочитал число, крупно написанное на стене сарая куском кирпича. Поначалу у него создалось впечатление, что кто-то записал для памяти телефон. Так делают, если

ничего нет под рукой, с расчетом затвердить номер или, уже завершив разговор, разыскать что-нибудь пишущее.

Но что-то не помнил он такого сотового оператора, да и число было слишком длинное для мобильного телефона: 5091939137917002.

– Что это может быть? – проговорил Жаров. – Номер банковского счета?

– А ты подумай, поломай голову, Ватсон, – с ехидством отозвался Пилипенко.

– Сетевой пароль? – продолжал рассуждать Жаров. – Первое, что бросается в глаза – трижды повторено число девяносто один. А если наоборот… Вот это да!

Число, вернее, числа, прочитанные справа налево, имели уже совсем другой смысл – конкретный и зловещий…

– Именно! – подтвердил Пилипенко. – Это и есть то, вокруг чего вертится все наше расследование. Тысяча девятьсот пятый, тысяча девятьсот тридцать девятый и так далее.

Во дворе дома Алены Ивановны неизвестно кто и непонятно зачем записал годы убийств, произошедших в Фарфоровом гроте…

– Что ж! – воскликнул Жаров. – Мне, по крайней мере, ясно одно: все началось именно в девятьсот пятом году, и никаких преступлений раньше этого срока не было.

* * *

Жаров достал свой маленький цифровой фотоаппарат, с которым никогда не расставался, и снял надпись, по просьбе следователя – с хорошим разрешением и с трех разных точек. Надпись могла сказать о многом – о росте и характере писавшего, а при возможности, и установить автора по почерку.

Решение было где-то совсем близко. Вряд ли старушка являлась здесь главной: ее дом, скорее всего – штаб-квартира секты.

Пока Пилипенко связывался по рации с управлением, Жаров позвонил Тамаре Коршуновой, впервые за это время отметив, что ему нужен не повод для разговора с красавицей, а реальная информация. А она, эта информация, еще и подлила масла в огонь…

– Не было у нее никакого внука! – закончила Тамара.

– Как она сказала? – встрепенулся Пилипенко, краем уха слушая ее голос, который раздавался в трубке Жарова достаточно громко.

Пилипенко задумался.

– Удивительные дела, – заметил он, как бы отвечая на свои собственные мысли. – Поехали-ка в больничку, узнаем, кто это у нас из-под носа Алену Ивановну увел.

В приемном покое больницы их ожидал еще один сюрприз: сегодня утром старушка уехала с молодым человеком – не слишком гладко выбритым парнем в длинном светлом плаще.

Закономерный вопрос вертелся у Жарова на языке, но следователь опередил его:

– Не было ли в нем чего-либо странного?

– Мы и не таких видали.

– Что вы хотите этим сказать?

– Этот парень, – сестра хохотнула, – похоже, не совсем нормальный… Я бы сказала: нетрадиционной ориентации.

– Вот так, – сквозь зубы процедил Пилипенко, садясь в машину. – Мы искали любовника жены, а, дело, может быть, и вправду в любовнике, но мужа!

– И какое это имеет отношение к секте, действующей сто лет, к проклятью Фарфорового грота? – сказал Жаров.

– Ни малейшего. От всего этого с ума сойдешь! Нет, и что он за человек! – в сердцах выкрикнул Пилипенко, ударив ладонями по рулю. – Обрати внимание, все говорят о нем разное, будто и впрямь он насылает на них какой-то морок. Один сказал, что он вроде трехмерной модели из компьютерной игры. Для другого он не шел, а летел над землей. Третьей удобнее считать его гомиком.

Пилипенко помолчал, потирая оплетку руля, вдруг, будто что-то вспомнив, хлопнул себя по карману. Повернул ключ зажигания, машина завелась.

– Едем на квартиру к Калинину, – объявил он.

* * *

Войдя, Пилипенко сразу направился в гостиную, на ходу вытягивая из кармана мерку, сделанную из колдовского ожерелья. Высоко подняв руки, он измерил старинный астрологический календарь в стеклянной рамке, висевший на стене. Жаров присвистнул от изумления: оба размера совпали с точностью!

– Вот оно как делается, – с удовлетворением констатировал следователь.

Он бережно взял календарь за рамку, приподнял и снял со стены, поставив на пол. Рядом висела работа Милы Калининой – гурзуфский пейзаж с Медведем. Пилипенко проделал с ним то же самое. Теперь стало очевидным: как и в комнате Алены Ивановны, под пейзажем обозначился явный темный прямоугольник, а под календарем – нет.

Жаров заметил, хоть и так все было ясно:

– Получается, что календарь раньше принадлежал старушке. Это подтверждает связь Калинина с сектой. Значит, убийца – это все-таки он. Калинин мог действовать самостоятельно, в здравом уме, а мог быть как-то одурманен.

– Так точно! – сказал Пилипенко.

Он всегда произносил этот армейско-милицейский слоган, если был полностью не согласен с собеседником.

Выйдя на лестничную клетку, Пилипенко опять прилепил на дверь квартиры Калининых пластилиновую печать и ленту со своей подписью, оставленной здесь позавчера. Что-то взбрело ему в голову, и он позвонил в дверь соседской квартиры.

– Помнишь, как твой коллега-понятой вошел в эту квартиру? Он все оглядывался по сторонам, удивленно покрякивал…

– Ну да! – согласился Жаров. – Я тогда подумал, что он, как и мы, тоже озадачен этой мистической обстановкой.

– И я так подумал. Только озадачен-то он был, похоже, совсем другим.

На пороге появился грузный мореман с татуировками, который, как и Жаров, исполнял обязанности понятого при обыске. По всему было видно, что парень безработный и околачивается на берегу, в ожидании выгодного фрахта, выпивая со скуки галлоны «Оболони». Через несколько минут Пилипенко и Жаров выяснили причину его удивления. Никогда раньше он не видел в квартире Калинина ни астрологического календаря, ни прочих атрибутов магии.

– Я тогда подумал: ну вот, увлеклись мои соседи, с кем не бывает! Вот и доигрались, если у них крыша поехала.

– Все ясно, – сказал Пилипенко уже в машине. – Этот календарь принесли из дома старушки. И, вероятно, вместе с вырезкой из газеты и со всем остальным. Думаю, уже после того, как мы задержали Калинина.

– Так что же – Калинин не член секты?

– Получается так.

– Но кому-то надо, чтобы мы подумали, что он член секты?

– Да не говори так витиевато. В современном русском языке это обозначается проще, словом из уголовного жаргона. Братки говорят – подставить.

– Кто-то хочет подставить Калинина по полной программе! Тот небритый человек…

– Так точно!

* * *

Жаров пошел в редакцию и снова занялся версткой, теперь уж спокойно, поскольку временем располагал. Ночевать в этот день он поехал домой, но доспать до рассчитанных восьми утра ему не удалось. На заре раздался звонок от Пилипенки.

– Если не занят, приходи. Случилось кое-что важное.

В управлении все уже были на ногах. Ночью дальнобойщик обнаружил на Севастопольской трассе труп Алены Ивановны. Леня Минин, эксперт-криминалист, докладывал результаты поверхностного осмотра тела.

– Старушку везли в машине, на ее кофте и юбке синтетическое волокно. Мы взяли образцы на всякий случай, но сам понимаешь… С чем сравнивать? Проверить все машины в городе? Преступление было грубо сработано: остались следы протекторов. Возможно, это та же самая машина, что стояла за холмом у Фарфорового грота. Тоже подтекает масло. Лаборатория вот-вот даст анализ, сравним с твоей пробой.

– Преступник или преступники оставили уйму следов, – заметил лейтенант Клюев. – Даже больше, чем необходимо. У нас есть машинное масло, волокно… Не говоря уже об отпечатках указательного пальца на гладкой грани куска кирпича, которым была сделана надпись на стене гаража. Первый же подозреваемый будет проверен, поймать убийцу – это только вопрос техники.

– Время смерти – вчерашнее утро… – проговорил Пилипенко, листая отчет Минина. – Несуществующий внук забрал женщину из больницы. Это значит, что она хорошо знала этого человека, иначе как бы она позволила себя увести? Но он повез ее вовсе не домой. Вывез на трассу и ударил монтировкой по затылку. Труп сбросил в кусты. Дальнобойщик вышел по нужде и наткнулся на тело.

– Скорее всего, – вставил Жаров, – убийца сразу вернулся на квартиру Алены Ивановны, открыл дверь ее ключом и поджег дом. Если надпись на стене сарая сделал он, и сделал в то же самое время, то это наводит на грустные размышления…

– Кто-то водит нас за нос! – воскликнул Клюев.

– Именно. Сначала подставили Калинина, потом – старушку.

– Бедная женщина! – воскликнул Минин. – Сперва отравили, да неудачно, наконец, пристукнули. Что такое она знала?

– У меня есть версия, – медленно проговорил Пилипенко. – Старушку убрали не как свидетеля, который может дать какие-то показания. Ее убрали как свидетеля, который не может дать показаний.

Пилипенко полистал заключение эксперта. Вдруг нахмурился…

– Что? – он вскочил. – Старушка была слепой? Так вот почему у нее в доме не нашлось никаких катушек и ниток…

* * *

Через минуту все управление завертелось. Пилипенко приказал Клюеву связаться с таможней Симферопольского аэропорта и экскурсбюро.

– Нужно провести работу по всем фирмам, которые продают путевки, срочно. Надо узнать, что… А ты еще здесь? – Пилипенко посмотрел на Жарова.

– А где ж мне быть?

– Сходи хотя бы в библиотеку. Найди подшивку «Криминального курьера» за тысяча девятьсот пятый год. Прочитай все, что там есть о Фарфоровом гроте.

Жаров вышел, озадаченный. Он понимал, что Пилипенке просто надо удалить его из управления. Началась какая-то серьезная работа…

Что так изменилось за одну лишь минуту? Почему информация о том, что Алена Ивановна была слепой, в корне переменила дело?

Библиотека была чуть ниже по Морской, Жаров дошел туда за две минуты. Еще через пять минут работница библиотеки принесла ему синюю картонную папку.

Жаров бережно развернул ее. Это были старые, желтые и ломкие листы газет. Здесь нашли свое многолетнее успокоение разрозненные номера «Крымского криминального курьера» – начиная с 1900-го года и заканчивая 1920-м. Не густо: некоторые газеты сохранились лишь частично, кое-где зияли вырезки, сделанные много лет назад, давно мертвым человеком.

Жаров знал историю этой подписки – ее передал в библиотеку один краевед, ныне уже покойный, написавший когда-то несколько красивых тоненьких книжек о местных достопримечательностях.

Жаров довольно легко нашел тот самый номер, с материалом об убийстве в Фарфоровом гроте, и здесь его ждало потрясение.

Дело в том, что номер, оказывается, не поддавался идентификации, поскольку уголок, где стояла дата, был оторван. Убийство произошло, как сообщал неизвестный автор «Курьера», 10 февраля. Но вот какой это был год?

Жаров поначалу не видел в этом проблемы – ведь он был уверен, что речь идет о 1905-м. Но почему это его так волновало? И откуда Тамара узнала, что этот номер именно за 1905-й год?

Жаров посмотрел другие материалы. Открытие водолечебницы, фото какого-то автомобиля… В одной маленькой заметке рассказывалось о чуде, случившемся над метеостанцией Ай-Петри, о светящемся конусе, который несколько минут висел над скалой Шишко и затем свалился в обрыв.

Но не это в заметке было главным для Жарова. Автор упоминал гигантский метеорит, который пролетел над Сибирью и взорвался в районе Подкаменной Тунгуски. И событие было датировано прошлым августом.

– Ничего не понимаю… – пробормотал Жаров, приподняв голову над столом.

Речь шла о Тунгусском метеорите, который взорвался в 1908-м году, именно в августе. Получалось, что перед ним была газета не за 1905-й, а за 1909-й год.

Из этого следовало многое. Например, сама теория о том, что каждые тридцать четыре года в Фарфоровом гроте свершается одно и то же злодеяние, давала трещину.

* * *

Жаров прошел в кабинет заведующей. Серафима Иосифовна была на месте. Жаров попросил ее выяснить, кто вообще интересовался этой подшивкой за последнее время?

– Кроме Коршуновой Тамары, экскурсовода с Поляны сказок, эту подшивку вообще никто не брал. Кому нужны старые газеты?

Так вот оно что! Конечно, она брала ее, потому что писала статью. И сделала ксерокопию. Она ошиблась или специально подогнала дату под свою теорию.

– И вот еще… – добавила заведующая. – Хотя, может быть, это тайна. Вчера эту подшивку брал ваш друг.

– Следователь Пилипенко?

– Да. Хотя, если что… Я вам ничего не говорила.

Пилипенко оказался легким на помине. Едва Жаров вышел из библиотеки, он позвонил на мобильный и попросил срочно зайти.

Жаров вернулся в управление. Во дворе уже стояла машина оперативников. Эксперт Минин сидел на заднем сидении и барабанил пальцами по своему чемоданчику.

– В моей машине есть место, – сказал Пилипенко. – Ты мне будешь нужен. Надо еще раз поговорить с твоей знакомой внештатницей. Лучше, чтобы ты был рядом.

– Куда они поехали? – спросил Жаров, кивнув на «уазик».

– За новыми уликами.

– А оперативники на что?

– Может быть, тут же и возьмут преступника.

– Ты не расскажешь, в чем дело?

– Нет. Я обещал поставить хорошую клизму этой твоей внештатнице. Так и сделаю.

Он завел машину и вывернул руль.

– Знаешь что? – оглянулся он на Жарова, выехав на Кирова и переключив передачу. – Я тоже смотрел эту подшивку. – Дело в том, что вчера прислали дело из архива. Семьдесят третьего года. Открылись любопытные вещи. Я хотел свести все воедино

– Не было никакого убийства? – мрачно спросил Жаров.

– Было. Да только не то и не так.

* * *

Машина стремительно взлетела по Кирова, пронеслась мимо музея и Чеховского ручья. Где-то справа по борту остался старый парк, поляна, окруженная дубами, и Фарфоровый грот.

Тамару они нашли в здании администрации. Она сидела за столом, в компьютере висел какой-то текст, на лоток принтера выскакивали листы распечатки.

– Я хочу снова поговорить о вашей статье, – начал Пилипенко. – Мы выяснили, что первое убийство произошло не в девятьсот пятом, а в девятьсот девятом году. Если учесть, что следующее было совершено в тридцать девятом, то между первым и вторым прошло не тридцать четыре года, а тридцать.

Тамара кивнула, изящный локон свалился ей на плечо.

– Я вас слушаю, – сказала она. – Если я допустила ошибку, то простите.

– Какая ж это ошибка? Все было просчитано. Сейчас две тысячи седьмой год. Если сравнить с семьдесят третьим, когда произошло третье убийство, то получится тридцать четыре. Отнимаем тридцать четыре, получаем тридцать девять. Еще раз – вот и выходит девятьсот пятый. Отсюда и берется мистика.

– Еще раз прошу меня простить, – холодно сказала Тамара.

Жаров с удивлением наблюдал за ней, уже понимая, куда клонит следователь, но многое в этой истории все еще оставалось для него тайной…

– Я изучил дело семьдесят третьего года, – сказал Пилипенко. – Мужа жертвы тогда оправдали. Он не убивал свою жену. Преступника не нашли, возможно, он до сих пор на свободе. И он не имеет никакого отношения к мистике и проклятью Фарфорового грота. Это было элементарное убийство с изнасилованием. Да и не в самом гроте, а рядом. Женщина просто шла с работы через парк. Труп обнаружили в гроте, где преступник его спрятал. То есть, я хочу заявить, что никакого проклятья Фарфорового грота не существует. Вы понимаете, к чему привела ваша фальсификация? К убийству Милы Калининой, художницы. Кстати, вы были с ней знакомы?

– Нет, – сказала Тамара, поведя плечом.

– А вот и врете. Когда вы отдыхали со своим возлюбленным на Кипре, разве не там вы познакомились? Разве Мила Калинина не на том лазурном берегу отбила у вас жениха?

Жаров возмутился:

– Что ты такое говоришь? Это ж ее личное дело. Какого жениха?

– Того самого. Калинина Евгения Тимофеевича.

Наступила пауза. Тамара грызла ногти.

– Ты хочешь сказать, что это она все подстроила? Только для того, чтобы Калинин убил свою жену? А сделал он это оттого, что прочитал статью в газете?

– Нет. Тебе не придется закрывать газету. Газета не спровоцировала убийство, а наоборот, помогла его раскрыть. Как эта газета, так и ее предшественница, которая выходила в Ялте до революции… Кстати, что это за листки? – следователь вдруг резко переменил тему, указав на пачку бумаги в лотке принтера.

Тамара опять пожала плечами.

– Работа.

– Можно посмотреть? Так. Замечательный вид открывается с Поликуровской улицы на так называемый Латинский квартал. Итак, вы работали над тем самым путеводителем, для которого рисовала убитая. Это тоже многое объясняет…

Воцарилась пауза. Тамара глядела в окно. Вдруг она увидела что-то, вскочила…

– Что эти люди делают у моей машины? Эй, вы там! А ну отойдите!

– Спокойно. Это наши люди.

Жаров с удивлением увидел за окном Минина, который, упершись в колени, заглядывал под бампер потрепанного «Москвича».

– Вы допустили ошибку, – сказал Пилипенко, обращаясь к Тамаре. – Когда я спросил, откуда вы узнали о преступлении тридцать девятого года, то вы брякнули первое, что пришло на ум: Алена Ивановна! А ведь эта несчастная женщина ничего не слышала об убийстве тридцать девятого года. Потому что в тридцать девятом никакого убийства не было. Вот отчего возникла необходимость срочно ее убрать. Отравление не сработало, пришлось действовать более радикально. Да еще и дом поджечь, чтобы мы не поняли, откуда взялись мистические атрибуты. Мы не можем доказать, что вы убили Милу Калинину, но вполне можем доказать, что вы убили старушку. Ворс с сиденья вашей машины, масло, ваши отпечатки пальцев.

– Но позволь! – перебил его Жаров. – А небритый мужчина, которого видели несколько свидетелей?

– Ах, да, я и забыл! Сообщник… – зловеще прошептал Пилипенко. – И где же он?

Следователь обратился к Тамаре, оглянулся вокруг, поднял угол клеенки и заглянул под стол. Тамара молча кусала губы, отчего помада размазалась вокруг ее рта, сделав лицо женщины некрасивым и жалким.

– Всем свидетелям показался странным этот человек, – продолжал Пилипенко. – Шофер такси увидел в нем компьютерную модель, медсестра определила его как парня с нетрадиционной ориентацией, а старик с собакой вообще, решил, что этот человек не шел, а летел, словно в замедленной съемке. Однако мало просто переодеться и намазать щеки тональным кремом с имитацией легкой небритости. Существует множество других факторов, отличающих мужчину от женщины. Например, походка. Особенно, если женщина привыкла выгодно подавать себя в движении… Короче, этот мужчина стоит сейчас перед нами и, кажется, плачет, как девушка. Остаются частности. Например, как вам пришло в голову написать цифры на двери сарая, когда вы подожгли дом?

– Да мне ваш коллега сам подсказал, – ответила Тамара сквозь слезы. – Я к тому времени уже запуталась. А журналист приехал ко мне и рассказал, что есть версия о какой-то секте. Вот я и подумала, что теперь вы будете искать сектантов, а не меня.

– Тогда еще вопрос. Под каким предлогом вам удалось увезти старушку из больницы?

– Это было просто, – сказала Тамара, смахнув последнюю слезу и уже кокетливо захлопав длинными ресницами. – Я сказала ей, что загорелся ее дом.

– Но ведь дом тогда еще не загорелся! – воскликнул Жаров.

Тамара пожала плечами:

– Какая разница? Я подожгла его через час.

* * *

Вечером того же дня Пилипенко и Жаров сидели в офисе редакции «Крымского криминального курьера». Жаров затопил камин, сложив несколько угольных брикетов, скорее, для атмосферы, нежели для согрева, потому что вечер был тихим и теплым.

– С самого начала, – сказал Пилипенко, – меня мучило это число. Почему именно тридцать четыре? Тридцать три – это было бы понятно, потому что сказочное число, знаменитое. Тридцать – тоже, потому что круглое. Но почему тридцать четыре? Это и привело меня к мысли, что здесь кроется фальсификация. Зачем? Чтобы просто написать статью? Но так ли важна какая-то статья для женщины, которая и журналистом-то не является, которая пишет первую и единственную статью в своей жизни? Значит, у статьи был какой-то другой смысл. Именно из-за этого тайного смысла и стоило пойти на подлог, оборвать угол газеты…

В руках у Жарова мелко дрожал бокал Массандры. Он с досадой смотрел на его дно и видел свое угрюмое лицо.

– Тамара замыслила убийство давно, – продолжал следователь. – Она написала статью. Наказание за то, что у нее увели жениха, предполагалось изощренным и жестоким. Соперница убита, а провинившийся жених должен был провести много лет в тюрьме или в сумасшедшем доме, испытать адские мучения. От потери любимой женщины, во-первых. От несправедливости наказания, во-вторых.

– План был, кончено, сложным, – рассеянно заметил Жаров. – И одновременно – легким в исполнении.

– Тамара хорошо знала привычки обоих супругов. Это позволило ей прокрутить фокус с СМС-кой и телефонным звонком. Чтобы быть гарантированной от какой-нибудь случайной встречи, она переоделась мужчиной, что не составило для нее труда… Надо же! Какой-то небритый мужчина… Как только возникла версия о секте, он автоматически стал ее членом. И будто бы появился мотив.

Жаров глубоко вздохнул. Впрочем, хорошо, что он не успел серьезно влюбиться… Пилипенко меж тем продолжал говорить:

– После убийства Тамара подкинула Калинину газету со своей статьей. Подкинула также и книги, астрологический календарь, другие предметы, которые незаметно взяла у слепой старушки. Все это должно было создать образ человека, который увлекается непознанным, который просто безумен, если решил претворить в жизнь таинственное проклятье.

– Мила работала над путеводителем, – задумчиво проговорил Жаров. – Тамара знала об этом, поскольку путеводитель стоит в плане издательства, а Тамара пишет текст. Скорее, они созванивались, чисто как деловые партнеры, Может быть, даже, Тамара предупредила Милу, что подъедет к гроту. Якобы для того, что ей нужно составить описание, надпись под картиной. Но, опасаясь случайных прохожих, Тамара переоделась, а в грот проникла с черного хода, чтобы у Милы не возникло подозрений, зачем Тамаре этот камуфляж.

– И правда, было бы странно, – сказал Пилипенко, – если бы женщина подошла к ней в костюме мужчины, да еще повела зачем-то в грот. Другое дело, когда ее смутный образ возник в полумраке, и Мила слышала только голос, зовущий ее по имени. В этой истории Тамара дважды воспользовалась своим голосом, чтобы ввести человека в заблуждение.

Пилипенко помолчал. Потом с грустью проговорил:

– Все мы совершаем ошибки, невольно. Не совершать ошибок, значит – не жить, не работать… Позвонив Алене Ивановне из кабинета Тамары, я фактически продиктовал ее смертный приговор. Тамара никогда не говорила со старушкой на эту тему, старушка и слыхом не слыхивала ни о каком убийстве тридцать девятого года. Тамара брякнула ее имя, не думая, что следователь заинтересуется именно этой стороной вопроса. Вот почему возникла необходимость срочно ее убрать. Отравление не сработало, пришлось действовать более радикально. Ей пришлось не только убить старушку, чья вина была лишь в том, что она увлекалась потусторонним миром, но и поджечь ее дом, чтобы мы не поняли, что предметы культа Калинину были просто подброшены.

Так бывает только во сне, в кошмаре, подумал Жаров. Убиваешь кого-то, потом убиваешь еще и еще, часто даже близких людей, чтобы скрыть улики… Это имеет научное объяснение и как-то называется… Об этом, помнится, говорила Алиска. Я ненавидел ее, – думал Жаров, – за то, что она предпочла мне другого. Но, оказывается, существуют люди, которые от такого рода ненависти способны совершить безобразное и отвратительное преступление. Какими бы сильными ни были его собственные эмоции, но существуют, оказывается, те, которые идут дальше…

– В какой момент ты все понял? – спросил Жаров. – И почему тебя так встряхнула информация о том, что старушка была слепой?

– Впервые я подумал об этом, когда Тамара сказала о внуке. Она говорила в прошедшем времени – «не было у нее внука». Будто бы знала, что старушка уже мертва.

– Гм… А я тогда подумал, что тебя удивил именно факт, что у Алены Ивановны не было внука…

– Я уже подозревал Тамару, но мне не давал покоя тот молодой человек. Я не мог допросить ее, потому что боялся спугнуть сообщника. Мне и в голову не пришло, что это может быть сама Тамара. Именно потому, что Тамара не могла притвориться внуком, чтобы увезти старушку из больницы. В противном случае, надо было предположить, что старушка и Тамара в сговоре, но это противоречило моей версии.

– На тот момент мы оба думали, что существует секта, что внук имеет какое-то отношение к ней…

– Честно говоря, я сомневался в секте. Но мне долго не давался мотив. Лишь предположив личное, лишь поняв, что они просто-напросто соперницы в любви… Когда я узнал, что старушка слепая, я понял, что никакого небритого человека нет. Самое странное в этой махинации было то, почему старушка позволила незнакомцу себя увести? А ведь для нее существовал только голос незнакомца. И в то время как очевидцы думали, что старушку уводит небритый мужчина, она была уверена, что ее уводит Тамара, ее хорошая младшая подруга. Дальше было просто. Где могут познакомиться и общаться люди? Возможно, на отдыхе. И правда: на таможне аэропорта были зарегистрированы все трое, а туристическая фирма продала им же путевки… Ты уж, прости, конечно, что я не ввел тебя сразу в курс дела, не сказал, что подозреваю Тамару и еду ее брать. Но ты к ней неровно дышал и мог выдать себя.

– А что, это было заметно? – спросил Жаров, чувствуя, что краснеет.

– Выброси из головы. Кроме меня, этого никто не заметил.

Пилипенко встал, потянулся, широко раскинув руки. Проговорил сквозь зевок:

– Ну и, наконец, я кое-что тебе обещал…

* * *

Он вышел в прихожую и принес большой плоский предмет. Эта была незаконченная картина, та самая, которую писала Мила Калинина, перед тем, как ее позвали в Фарфоровый грот, чтобы убить.

Кого она увидела? Небритого молодого человека или женщину, перед которой чувствовала себя виноватой? Вот почему она боялась идти в темный грот – ведь эта женщина не могла не желать ей зла. С другой стороны, она все же пошла, потому что это был не монстр, не призрак, а всего лишь женщина, экскурсовод… И кому в жизни может прийти мысль, что прямо сейчас, в такой обычный светлый день он будет убит?

– Это был всего лишь солнечный луч, – с грустью сказал следователь, рассматривая картину. – Но он натолкнул нас на мысль, что кто-то мог прятаться в Фарфоровом гроте, войдя через провал в потолке.

– А как ты понял, что тот номер «Криминально курьера» был за девятьсот восьмой год? – спросил Жаров. – Тоже по тунгусскому метеориту?

– Какому метеориту? А, вот оно что… Нет. Там просто была фотография первого нашего автомобиля «Руссо-балт». Их стали выпускать только летом тысяча девятьсот девятого года… Эх, воистину целая линия, вереница, серия дураков! Один строит грот, чтобы пугать своих любовниц. Другой убивает там свою жену на заре века. На заре тысячелетия кто-то выпускает газету, а кто-то суммирует предыдущую глупость. И жертвой всей этой дуропляски становится ни в чем не повинная женщина, которая всего лишь хотела рисовать и любить.

Пилипенко поставил картину Милы на стул, и друзья несколько минут молча смотрели на нее – веселое кипение красок вокруг дуба и кипариса, холст, просвечивающий из-под основы мироздания, а в глубокой черноте арки – фигура женщины в длинном платье, сотканном из солнечного света… Последняя незаконченная работа художницы.

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: кошка, венчающая башенку «Дома с кошками» в Риге.

Сергей Саканский

Формула Кошачьего царя

Не так давно по городу поползли странные слухи: они исходили от бомжей, которые обитают на Троекуровском пустыре, что рядом с кладбищем. По их словам, время от времени в сумерках на пустыре появляется странная фигура, чей вид приводит в трепет даже трезвого человека, не дрожащего от вечного холода и похмелья, хотя, конечно, такого человека вряд ли возможно сыскать среди бомжей.

Существо прозвали Пустырником, именно потому, что оно появлялось на пустыре. Впервые услышав это прозвище, Жаров усмехнулся: до чего ж богат русский язык – ведь пустырник – эта одна из дешевых спиртовых настоек, которую как раз и употребляют бомжи.

Что это могло быть – мистификация изнывающих от безделья людей, их внутренняя легенда, или какой-нибудь не известный медицине случай массовой белой горячки?

Во всяком случае, Жарова клюнула мысль сделать об этом материал для газеты, в рубрику «Непознанное», благо что он вспомнил, что одна из его давних знакомых как раз и живет в доме на краю Троекуровского пустыря.

Лидочка была из тех женщин, которые никогда не расстаются, никогда не теряются, а просто накапливают своих мужчин, пока не выйдут наконец замуж и разом не обрубят всех. Или почти всех, и так иногда случается… Бывает, впрочем, что они вообще не выходят замуж, и тогда вся эта катавасия продолжается долгие годы.

Как-то вечером Жаров позвонил Лидочке, напрашиваясь в гости, и она лениво согласилась его принять, правда, она еще подумает, прикинет, и тогда сама перезвонит, и так далее. Ну его, этого Пустырника, – подумал Жаров, – если Лидочка не в настроении, или другому уже назначено, другим… А поломаться, да в невинность поиграть – все они горазды.

Жаров заснул лишь под утро: ему не давали покоя мартовские коты. Впрочем, эти радостные звуки красноречиво свидетельствовали о том, что весна окончательно вступила в свои права.

Сезонность вообще в Ялте абстрактна – порой, шагая по улице, не сразу разберешь, лето сейчас или зима, но лишь сведущий человек, не просто местный, но искушенный, наблюдательный, сразу определит и время года, и даже месяц, поскольку сезонов-то в Ялте не четыре, а целых двенадцать, и каждый месяц наступает будто бы новое время года, сильно отличное от других. Сезоны определяются своими четкими признаками – цветением особых растений, звуками и запахами, просто теми или иными лицами – ведь население города в середине лета, составляющее в большинстве праздную толпу курортников, совсем не то, что, скажем, сейчас, в начале весны, когда по городу бродят одни местные.

Жаров проснулся уже в новых сумерках. День был сегодня пустой – среда. Будучи хозяином своей маленькой еженедельной газеты, он сам и определил себе выходные: среду и четверг.

Проснулся он не просто так, а от требовательного телефонного звонка. Жаров перевернул затекшее тело на кровати, одной рукой схватил трубку, другой нашарил на ночном столике сигареты.

Звонила Лидочка. Она желала видеть Жарова сегодня же вечером у себя в гостях. Жаров быстро принял душ, побрился, надел все красивое и чистое, легким шагом вышел на улицу, залетел в ближайший магазинчик за вином и закуской, торопливо сбежал по сократам к автовокзалу и поймал такси.

Дом, где жила Лидочка, стоял наверху, на самом краю города, дальше был пустырь. Старинное мрачное здание, в плане похожее на огромную букву Ц, так вписывалось рельеф, что нижняя полка буквы, с хвостиком, который представлял собой башенку с остроконечной крышей, была одноэтажной. Два других крыла круто спускались по склону, и здание превращалось в трехэтажное, да еще с цоколем, считай – четвертым этажом, где в давние времена, когда этот дом

принадлежал одной семье, располагались всяческие хозяйственные помещения – кухня, котельная, конюшня.

Выйдя из машины, Жаров ступил было на лестницу, ведущую во двор, но вдруг замер, оглянулся…

Темнело. Вдали горел костер, на фоне огненного пятна возились люди. Жаров повернулся и зашагал вглубь пустыря. Ладно, девушка подождет, подумал он. В конце концов, работа – вот что самое важное в жизни.

Впрочем, выяснять оказалось нечего. Действительными у костра, вернее, у ржавой бочки, которая служила уличной печью, оказались лишь двое – бывший мореман Славка, по кличке Слива, и Кукуруза, некая женщина-бомж, которой можно было на вид дать и тридцать, и сорок, и пятьдесят. Остальные – три или четыре человека, понять эту кучу казалось невозможным – спали на кусках картона, выстроившись вокруг бочки-печи полукругом немыслимо заломленных рук и ног, словно груда трупов в концлагере.

Рассказы Сливы и Кукурузы о Пустырнике были выразительны, но туманны и противоречивы.

– Я не пойму, – прервал Жаров. – Пустырник – это человек или животное?

– Ни то, ни се… – задумчиво проговорил Слива.

– Мутант, что ли?

– Точно! – воскликнула Кукуруза. – Небось, чернобыльский мутант какой-то.

– Ага! – прокомментировал Слива. – Добирался сюда, падла, оврагами…

– К теплу стремился, к морю, – подтвердила Кукуруза, не услышав иронии.

Она протянула свои дрожащие руки к огню. Жаров отметил, что у нее длинные, музыкальные пальцы. Немудрено: когда-то эта женщина виртуозно владела семиструнной гитарой, взяла приз на республиканском конкурсе… В другой жизни, в другой стране. Теперь это были сухие, грязные, суставчатые пальцы.

– Ты что же – на самом деле его видел? – настаивал Жаров.

– Да, – сказал Слива. – Лично я сам и видел. И вот он видел, и вот она…

Слива поочередно ткнул кулаком в сторону кучи скрюченных бомжей: среди них, может быть, и вправду были какие-то «он» и «она».

Жаров давно заметил, что и Слива, и Кукуруза время от времени поглядывают на массивный пакет, который он, подойдя, поставил на землю меж своих ботинок. Жаров явно перебрал с угощениями для Лидочки. Ну ее, сытую, толстую, подумал он. Дома живет в тепле, денег кучу в больнице на подачках наламывает. Хватит с нее бутылки вина и шоколадки. Да и напиваться в такую ночь не стоит, пожадничал да и только.

– Скорее, это просто человек в маске, который морочит вам головы, – сказал Жаров.

– Может быть, – устало вздохнул Слива.

– А может быть и нет… – неопределенно заметила Кукуруза.

– И зачем это ему нужно – морочить кому-то головы? – сказал Слива.

– Разве что, у него самого с головой не в порядке, – сказала, хохотнув, Кукуруза.

Жаров разгрузил свой пакет у пылающей бочки – палку колбасы, полкруга сыра, бутылку хорошей горилки, которая и не снилась этим людям. Хотя, может быть, как раз и снилась, кто знает, какие у них сны…

Слива держал бутылку на вытянутой руке, разглядывая этикетку, другой рукой задумчиво чесал затылок. Кукуруза держала колбасу и сыр на растопыренных руках – так, словно эти дары только что свалились с неба.

– Это ведь сколько же нормальной водки можно было взять… – бестактно пробурчал Слива, прикидывая стоимость этого пойла, употребляемого исключительно средним классом.

– А пустырнику сколько… – протянул Жаров с притворной мечтательностью.

Через пять минут он поднялся по облупленной лестнице, ведущей через двор Лидочкиного дома, мимо мертвого фонтана, мерно размахивая бутылкой выдержанной коллекционной мадеры. Преодолев небольшую внутреннюю лестницу, ведущую с цокольного этажа на первый, также знавшую лучшие времена, он позвонил у дверей второй квартиры. Из нагрудного кармана его куртки, словно шикарный платок, торчала шоколадка. Запах кошачьей мочи чувствовался не только на лестнице и у дверей квартиры, но даже на улице, во дворе. Похоже, сама старинная

кладка этого дома, серые ялтинские камни пропахли котами в самой кристаллической структуре своей.

Тяжелые шаги Лидочки приблизились из глубины квартиры. Высокая и крупная женщина, пышущая здоровьем, сияющая чистотой, распахнула дверь с уже готовой улыбкой на полных чувственных губах. Жаров тоже улыбался. Ему показалось, что оба они сейчас думают об одном и том же – именно для чего они встретились и как собираются провести эту ночь. От того, что дверь в кошачью вотчину открылась, запах ничуть не усилился, ибо он и так был выше всякого предела.

* * *

Лидочка обвила шею Жарова мягкими руками, он потянулся поцеловать, но девушка отпрянула, коротко приложив палец к его губам.

– Тише! – прошептала она. – Тетушка, небось, у двери скрючилась, слушает.

Жаров кивнул и молча прошел в комнату Лидочки. Между этой комнатой и обителью тетушки была еще одна, нежилая, вернее, там располагалась целая стая тетушкиных котов. В Лидочкиной спальне можно было и музыку громко включить, и кричать вволю: старушка все равно не услышит.

– И что ты так долго? – с притворной строгостью спросила девушка, зажигая палочку индийского благовония, вполне уместную здесь.

Жаров поставил на стол бутылку, небрежно бросил рядом заморскую шоколадку, на которую, подумал, также можно было накупить пачку местных… Какая ей разница? Пришел и все, и приятный вечер уже начался. Жаров все же поведал в двух словах, что заглянул к бомжам, расспросил их о Пустырнике.

– Да что там какое-то чудовище, где-то на пустыре! – с досадой воскликнула Лидочка. – Тут в родном доме тебя могут живьем сожрать.

– Ты о чем?

– О котах этих, – Лидочка кивнула на стену.

Жаров меж тем откупорил бутылку, распотрошил шоколадку и налил вино в бокалы, которые вовремя подставила сообразительная Лидочка, предварительно продув их от пыли. Чокнулись, выпили. Жаров произнес свое традиционное:

– За тебя!

Наверное, наличие тетушки и ее котов изрядно сокращает круг Лидочкиных мужчин. Поставив бокал на стол, он присел на край кровати и шлепнул ладонью по покрывалу, приглашая девушку к себе. Та сняла заколку-бабочку, тряхнула головой и ее чудесные волосы разметались по плечам и спине.

– Меня убьет кошка, мне на роду написано, – сказала она, садясь рядом с Жаровым. – Цыганка в детстве нагадала.

– Да что ты такое говоришь? Как может убить кошка?

– Да не знаю я! Бывает, например, что нагадают смерть от воды. Человек будет думать, что он должен утонуть, будет бояться воды. Лишит себя удовольствия купаться в море, не станет ходить в бассейн, плавать на кораблях и так далее. Но как-нибудь однажды, в жаркий день, напьется из родника на Караголе, схватит воспаление легких да и умрет.

– И примешь ты смерть от коня своего… – задумчиво произнес Жаров.

– Что? – вскрикнула Лидочка. – Какого еще коня? Я говорю про кошку, понимаешь, ты, про кошку… Слушай, может, это будет тигр? Ведь он тоже кошка, да? Или это твое чудище на пустыре? Вдруг, оно и есть тигр, который сбежал из зоопарка?

– Да нет, Пустырник, как говорят, больше похож на гориллу.

Жаров поставил засечку: надо бы выяснить, через отдел: не сбежало ли, и в правду, из зоопарка, или из какого-нибудь частного зверинца подобное существо?

– Это меня не утешает, – сказала Лидочка. – Горилла, она ведь тоже родственница кошке.

– Вовсе нет! – рассмеялся Жаров. – Но я вот что подумал. Допустим, лежит где-то дохлая кошка. Ты пнешь ее ногой. И из ее черепа выползет какой-нибудь червяк. Ну, образно говоря… Кошки ведь переносят всякую заразу.

– И я о том же! А она развела тут кошек, и это точно – назло мне! Чтобы я все время страдала, боялась, что подхвачу от них каких-нибудь глистов или чего похуже. Ведь она знает про цыганку, та при ней же и гадала…

– Да за что же ей тебя ненавидеть-то, родную племянницу?

Лидочка замолчала, опустила голову. Волосы упали ей на лицо, сквозь их шелковый поток Жаров все равно видел, что девушка кусает губы, словно в приступе внезапного стыда. Явно была какая-то причина, какая-то история между тетушкой и племянницей, и Жаров давно это предполагал, но Лидочка никогда не раскрывалась полностью. Немудрено: ведь их многолетнее общение вряд ли можно назвать душевным.

Жаров обнял Лидочку, легко сжал ее полное плечо. Медленно провел пальцами снизу-вверх по гладкой шее, осторожно коснулся уха, погладил теплую раковину изнутри. Девушка мурлыкнула, вдруг недовольно дернула головой.

– Душно, – заявила она. – Открой-ка, пожалуйста, окно.

Ничего, подумал Жаров. Мы вас, сударыня все равно… Хоть с закрытым, хоть с отрытым. Никуда вам, принцесса, от нас не уйти!

Пребывая в том волнующем состоянии, что знакомо каждому мужчине в момент, когда все формальности исчерпаны, Жаров прошел к окну и распахнул его. На мгновение задержал взгляд на открывшемся пейзаже. Окраина, пустырь. Вдали по-прежнему горит бочка, будто бы уже в каком-то другом мире. Мелькнула на фоне туманного пятна сгорбленная фигурка, наверное – Кукуруза… Что за ересь несут эти люди про чудовище? Однако, дыма без огня не бывает.

Жаров повернулся, чувствуя спиной прохладный мартовский воздух, идущий из окна плотным потоком. Лидочка все так же сидела на краю кровати, ждала. Он подошел и сел рядом, погладил ее по загривку, потянулся поцеловать, но Лидочка вдруг отвернула лицо.

– Подожди. А теперь вот мне холодно. Иди-ка, лучше, закрой окно.

Так, подумал Жаров. Девушка ломается, что вполне в стиле маленьких принцесс. Но желание дамы закон, тем более – в такой момент.

Жаров вскочил и с треском захлопнул окно, уже не глядя на дальний пейзаж. Вернулся. Теперь-то ничто не помешает…

В следующий миг выяснилось, что он ошибался. Где-то за стеной послышался хриплый, ужасно громкий, отчаянный вопль.

– Это она, чтоб ей пусто было! – воскликнула Лидочка, вскакивая. – Что там еще у нее стряслось?

Жаров вдруг понял, что никакой райской ночи не предвидится, поскольку, судя по силе криков тетушки, с нею происходило нечто совершенно ужасное, и что это ужасное затянется надолго, в самый раз – на всю оставшуюся ночь.

* * *

В обширном коридоре этой дореволюционной квартиры был настоящий простор для истерики. Старая женщина металась от стены к стене, то причитая, то жалобно воя.

– Убили! Убили родного моего! – только и сумел разобрать Жаров.

Где следователь, там и убийство, успел подумать он, выйдя из комнаты Лидочки, пока старушка не бросилась на него.

– Ты! Ты – убил? У-у, журналюга проклятая!

Тетушка заколотила по груди Жарова маленькими сухими кулачками. Жаров отворачивал лицо, боясь, что сейчас ему выцарапают глаза, поскольку, как он заметил, когти у старушки были весьма длинные.

– Кого убили, Анна Трофимовна? – с преувеличенным волнением спросил Жаров, каким-то шестым чувством понимая, что здесь происходит не трагедия, а фарс.

Меж тем коридор заполнялся фигурами котов, они все прибывали, выходя из комнаты тетушки, из соседней, «кошачьей» комнаты, поскольку в своих метаниях тетушка успела распахнуть и эту дверь.

Коты шли по тускло блестящему паркету, прыгали на тумбочку, скидывая с нее обувь, бросались на стену, скатывались на пол… Одна крупная кошка, пятнистая, словно корова, принялась валяться посреди коридора, широко размахивая лапами.

– Пушистик мой! – рыдала старушка у Жарова на плече, уже утратив агрессию. – Совсем извести меня хочет, – гнусаво протянула она. – Извести и отобрать квартиру. Это она убила моего Пушистика!

Лидочка, услышав бормотание тетушки, с досадой махнула рукой, повернулась и ушла к себе. Так, – подумал Жаров. – Следовательно, меня уже исключили из числа подозреваемых.

Закрывая лицо ладонью, Анна Трофимовна указала на дверь своей комнаты. Жаров недоуменно заглянул туда. Он не сразу заметил в нагромождении мебели то, что вызвало все эти бурные чувства.

У восточной стены комнаты был старинный камин, вряд ли хоть раз использовавшийся в современном мире центрального отопления. В жерле камина, на тонкой белой веревке неподвижно висел задушенный кот.

– А я всегда думал, что эта труба заложена, – пробормотал Жаров.

Действительно, на крыше дома, не раз ремонтировавшейся, давно уже не было никакой каминной трубы. Следовательно, она обрывалась на чердаке, и кто-то спустил труп кота оттуда.

Жаров прошел в комнату, нагнулся над камином. Зрелище было отвратительным. Петля, связанная каким-то замысловатым узлом, так стягивала шею бедного зверька, что казалось, будто голова вот-вот отломится. Лапки сложены на груди, глаза стеклянно блестят, улавливая свет люстры.

Жаров осторожно подергал веревку, уходящую в дымоход. Крепко за что-то зацеплена.

– Когда это случилось, как? – с участием проговорил он.

Старушка прошла в комнату, села в кресло, повернувшись спиной к камину, чтобы не смотреть.

– Только что. Я тут вязала вот, – Анна Трофимовна потрясла малиновым клубком. – Слышу: шорох. Оглядываюсь: из камина сыплется труха. И тут, прямо во всей этой трухе появляется Пушистик! Она все, она! – повторяла старушка, указывая в сторону, где была спальня Лидочки.

Жаров-то уж точно знал, что в гибели Пушистика Лидочка никак неповинна.

– Ясно, – сказал он. – Преступник, возможно, еще наверху, на чердаке. Сейчас я его возьму.

Жаров уже шел к выходу, говоря эти слова. Тут раздался настойчивый звонок. Жаров распахнул дверь и увидел целую толпу. Судя по домашним одеждам незваных гостей, это были соседи, кое-кого из них Жаров знал, не раз бывая в этом условно гостеприимном доме.

– Геннадию Георгиевичу салют! – бросил Жаров, на ходу пожимая руку статному седому старику и, не дожидаясь вопросов, бросился вверх по лестнице. В нестройном ропоте соседей он услышал, как Геннадий Георгиевич приветствует хозяйку своим хорошо поставленным голосом офицера запаса.

Миновав дверь кладовой, откуда тянуло гнилью, затем дверь в башенку, где также была квартира, значившаяся под номером шесть, Жаров оказался перед чердачной лестницей. Люк был распахнут, в черном квадрате гудел сквозняк. Жаров поднялся по лестнице и выпрыгнул на чердак, шурша керамзитом. В темноте что-то знакомо блестело, принимая короткий луч света с улицы, отблеск углового окна на первом этаже, как раз того самого, за которым была теплая, уютная Лидочка… Жаров едва узнал электрическую лампу, висевшую на витом шнуре. Ага, значит, где-то должен быть выключатель.

Разыскав его, древнее эбонитовое устройство с поворотным рычагом, Жаров осветил чердак, мгновенно осмотрелся и понял, что тут никого нет. Если, конечно, убийца не скрывался за обломком каминной трубы.

– Эй, ты! – крикнул Жаров. – Счас я тебя…

Но чердак был и вправду пуст: за трубой был все тот же керамзит и вековая пыль. Отсюда, с торца, оба колена чердака просматривались довольно хорошо, хотя и были завалены каким-то хламом, но все же недостаточно, чтобы спрятать человека.

Одна деталь привлекла внимание Жарова: от люка к ближайшему слуховому окну через вела хорошо нахоженная тропа. Кто-то тут ходил на крышу и, судя по налету на керамзите – довольно-таки регулярно.

В толпе соседей Жаров видел двоих детей – мальчика и девочку. Это были брат и сестра из четвертой квартиры. Первые подозреваемые, конечно, они, ибо зачем взрослому человеку вешать кота, да еще спускать в дымоход старушки? Жаров подумал, что раскрыть это преступление ему удастся легко, по горячим следам.

Веревка была привязана за дубовую стропилину. Интересно, – подумал Жаров, – как детям удалось столь точно рассчитать ее длину, чтобы труп кота, пройдя через три этажа, повис прямо посредине топки камина?

Жаров осторожно выбрал веревку и освободил кота от петли. Трупик был окоченевший, значит, животное было задушено достаточно давно, и специально спущено в трубу, чтобы напугать старушку, досадить ей. Странный какой-то факт. Зачем ждать, чего ждать в ходе такой шалости?

Он нашел на полу какую-то тряпку и завернул в нее кота. Веревку скатал и спрятал в карман. Ему было жалко Пушистика, наверное, поэтому он и не испытывал никакой брезгливости. Убийство есть убийство, – серьезно подумал Жаров. – Может быть, оно и не важно, что жертва – кот.

Жаров уже собрался спуститься, как что-то привлекло его внимание. Прямо под трубой, на полу чердака поблескивало нечто инородное. Это был маленький, с инжирину величиной, комок белого вещества, на ощупь мягкого. Жаров нагнулся и осторожно взял его.

Здесь, на чердаке, этот предмет показался ему странным и, возможно, он имел прямое отношение к убийству. Жаров пожертвовал своим носовым платком, чтобы завернуть и спрятать это в карман.

* * *

Держа на весу сверток с телом убиенного, Жаров спустился по лестнице на площадку третьего этажа. Двое детей тотчас бросились ему навстречу.

– Дядечка! – воскликнула девчонка. – Отдайте нам Пушистика.

– Мы его похороним, – пояснил мальчишка.

– По-человечески, – добавила девчонка, то ли иронизируя, то ли и вправду не замечая нелепости своих слов.

– Гробик ему сделаем деревянный, – плачущим голосом произнес мальчик.

Оглядев детей, Жаров вдруг почему-то сделал категорический вывод: это они. Что-то было в них подозрительное, фальшивое. Жаров молча вручил им сверток.

Он решил поначалу проведать Лидочку, а уж затем пристально допросить детей из четвертой. Дверь квартиры была распахнута, в коридоре маячила соседка в бежевом халате, как раз мать этих детей. В комнате старушки был Геннадий Георгиевич, он потрясал в воздухе щепотью пальцев, утешая Анну Трофимовну.

Жаров вернулся к Лидочке, но тут его ожидал новый сюрприз. Еще на лестнице (если даже не на чердаке) он услышал запах какого-то растения, до боли знакомого… Почему-то вспомнилось пионерское детство, школа, еще безусый, но всегда очкастый Пилипенко в синей форме с пузырями на коленях… Мимоза!

Первое, что он увидел, открыв дверь Лидочкиной комнаты, был букет из огромных древесных ветвей, кем-то водруженный посередине круглого стола, и в желтых цветочных лучах меркла жаровская роза, хотя это был далеко не мелкий образец декоративного цветоводства.

– Типа того, – произнес высокий мужской голос. – Стучаться надо.

Жаров с удивлением воззрился на человека с рыжей шкиперской бородкой, который стоял перед Лидочкой, положив обе руки ей на талию. Лидочка сморщила лицо в сторону Жарова, подавая ему какой-то знак. Он понял, что его приглашают вроде как в сообщники, будто бы шкипер был не таким же гостем, как сам Жаров, а законным мужем.

– Познакомьтесь, – дежурным голосом сказала Лидочка. – Витя Жаров, журналист, интересуется мистикой и всякой чертовщиной, что творится вокруг нашего дома, – Лидочка быстро подмигнула Жарову и обратилась к шкиперу, – Женя Гущин, мой жених, – Лидочка снова обернулась на Жарова, смиренно опустив глаза.

Ночь любовных утех теперь уже явно отменялась… Впрочем, какой еще жених? Это мы еще посмотрим, кто тут жених!

– И что она тебе наговорила? – обратилась Лидочка к Жарову, меж тем как Женя Гущин (Жаров все-таки, продрожал его мысленно называть шкипером) сел на стул и сложил ногу на ногу, вовсе не глядя на Жарова.

Не дождавшись ответа, Лидочка снова подала голос:

– Небось, говорила, что я извести ее хочу, из-за квартиры… Ну-ну! Вот что я тебе скажу, – вдруг жарко зашептала девушка, наваливаясь на Жарова своей огромной грудью. – Не я ее хочу извести, а она! Она меня с детства ненавидит. Поэтому и натравливает на меня своих котов.

Жаров с удивлением воззрился на девушку.

– Это было давно, – начала она. – Мне тогда было двенадцать. А нашему соседу, Геннадию Георгиевичу – ты его сейчас видел, седой такой, из третьей квартиры – лет сорок семь. Сейчас мне самой… Не скажу сколько. Да, впрочем, ты и сам знаешь. Двадцать восемь, и все еще не замужем, дура.

Потому что слишком любвеобильна, и все об этом знают, – мысленно прокомментировал Жаров, покосившись на шкипера.

– У Геннадия Георгиевича тогда умерла жена. И вот, стал он обхаживать мою тетушку. И все, вроде у них получалось: они могли жениться и даже дыру в стене пробить, чтобы устроить тут пятикомнатные хоромы.

Жаров вскользь подумал, что скорее, Геннадий Георгиевич переселился бы к тетушке, а свою площадь сдал курортникам…

– И вот, однажды, тетушка нас с ним застукала…

– С кем? – не понял поначалу Жаров, затем с изумлением уставился на Лидочку. – Ему ж, ты говорила, тогда было сорок семь!

– Ну, – весело подтвердила Лидочка, – или вроде того, не помню.

– А тебе двенадцать.

– Ну и что? – Лидочка блеснула на Жарова влажными глазами из-под густой челки. – Да мы, собственно, ничего такого не делали, просто целовались. Он, кстати, и научил меня целоваться взасос, а не какая-нибудь девчонка, как это обычно бывает.

Жаров помолчал, украдкой глянув на шкипера. Тот все так же сидел, лениво болтая ногой. Похоже, он не впервые слышал эту историю.

Ну и ну! Хорошая же у него, вернее – у них со шкипером – принцесска, ничего не скажешь. А ведь лет пять назад когда они только познакомились, он и сам подумывал на ней жениться… Пока не разузнал, что он у нее далеко не единственный «жених».

– Это в кладовочке было, вон в той, – уточнила Лидочка, указывая на приоткрытую дверцу в углу, где, строго по научному определению, зияла густая тьма абсолютно черного тела.

Жарову вдруг захотелось немедленно встать и уйти. Ему совершенно не нравилось, когда женщины со вкусом расписывали свои прошлые похождения. Это просто лишало их тайны, что напрямую связано с привлекательностью… Тем более диким казалось то, что она свободно размовляет о таких вещах сразу перед двумя мужчинами.

Тут его взяла досада. А почему, собственно, должен уйти он, а не шкипер? Ведь Жаров пришел первым…

Он подвинулся к Лидочке, обнял ее за плечо, погладил с напускной ласковостью.

– Ничего, принцесса! – сказал он. – Не переживай. Все забылось давно…

– Да? – Лидочка с возмущением сбросила его руку и, сдув со лба челку, уставилась на него горящими глазами. – Тетушка меня чуть не убила тогда. Потом грозилась выгнать из дома, сдать в интернат. С тех пор она и ненавидит меня, и сжить со свету хочет.

– При помощи своих котов? – Жаров не смог скрыть иронии в голосе.

– Именно! Для этого она их и развела. Ведь она знает, как я их боюсь. И все воняет мне своими котами, хоть из дому беги.

– Так чего ж ты не бежишь-то? – спросил Жаров.

– И убегу, если порядочного мужчину найду.

Внезапно возникла пауза, Лидочка молча посмотрела на Жарова, затем перевела взгляд на шкипера, словно вопрошая: ну, кто же из вас тот самый порядочный мужчина, к кому мне убежать?

Нет. Он категорически не согласен. Лучше он сам будет периодически наведываться сюда. Наряду с этим молчаливым шкипером и какими-нибудь другими…

– Я знаю, кто это сделал! – вдруг переменила тему Лидочка. – Кто повесил кота. Это мог сделать только один человек.

– Тут есть весьма подозрительные дети… – начал было Жаров, но Лидочка замахала на него своими пухленькими ручками.

– Дети тут не при чем! Это мог сделать только Карасик. Из шестой квартиры. Он давно грозился передушить всех тетушкиных котов. Да и на крыше постоянно сидит.

Жаров вспомнил тропинку, протоптанную на чердаке.

– И зачем же он там сидит?

– А я знаю? Тронутый, вот и сидит. Вот что! – обернулась она к шкиперу. – Может, сходите оба, проведаете его? Поговорите, как мужики.

Шкипер заерзал в своем кресле.

– Я это, – сказал он. – Не люблю со всяким отребьем вязаться.

Жалкий ты трус! – подумал Жаров, а вслух сказал с вызовом:

– А вот я люблю!

Он решительно встал и вышел. Ладно, пусть вечер не удался. Зато он возьмет реванш как журналист, ведь главное в жизни – это работа.

УБИЙСТВО ЕСТЬ УБИЙСТВО…
Даже если жертва – не человек

Материал на первой полосе с таким заголовком и врезкой, если набрать ее крупно, ярко, сразу бросится в глаза, и реализация тиража пойдет в ускоренном темпе. Он даже напечатает на пятьсот экземпляров больше и получит дополнительную прибыль, на которую можно несколько раз сводить каких-нибудь девушек в хорошие рестораны или же купить себе новый летний костюм…

Жаров уже предвкушал, как будет описывать леденящие душу подробности о трупе, висящем на веревке в портале старинного камина, разумеется, не сразу сообщив читателю незначительную подробность, а именно: что труп – этот загадочный «не человек» – был кошачьим. Скорее, оно станет ясно из описания – шерсть, оскаленные клыки… Жаров был прекрасным стилистом и умел так подать фразу, что цепко удерживал читательское внимание от начала до конца статьи.

Он снова поднялся по лестнице на последний этаж и, не увидев кнопки звонка, требовательно постучал в дверь квартиры номер шесть, что располагалась в башне, в хвостике буквы Ц.

Жаров никогда прежде не видел Карасика, который занимал эту маленькую однушку с окнами на все четыре стороны света, но слышал о нем от Лидочки. Мужик лет сорока пяти прежде был цирковым акробатом, но досрочно вышел на пенсию по возрастной слабости, правда, пенсии, в смысле денег никакой не получал, нигде не работал, жил неизвестно на что и отличался от бомжа лишь тем, что имел свою утлую крышу над головой. Точнее, даже крышку – башня была круглой, сверху на нее будто бы нахлобучили остроконечную зеленую шляпу с узкими полями.

За дверью стояла глубокая тишина, как если бы там покоился труп.

Жаров постучал еще, громче, вдруг дверь стала открываться сама собой. Он осмотрел ее. Замок был вывернут, но не сломан: его просто вытащили и унесли. Дверь подалась от слишком требовательного жаровского кулака. Жаров было собрался войти в чужой дом непрошенным гостем, но услышал, наконец, шаги и замер.

Это были какие-то странные гулкие звуки, будто бы кто-то колотил киянкой по железу. Жаров содрогнулся: уж не Пустырник ли идет сюда собственной персоной? Ну, да, конечно! Коль скоро тут башня, значит, должна быть и лестница.

Когда дверь распахнулась, Жаров как раз и увидел ее: черные дырчатые ступени, в тусклом свете заворачивающие направо, но… Того, кто только что шел по лестнице и раскрыл дверь, почему-то перед ним не было.

Жарова охватило радостное чувство открытия. Неужели все это на самом деле правда? Пустырник, да еще Пустырник-невидимка! Он выбросил вперед руку, надеясь схватить нечто мягкое, как вдруг услышал где-то внизу тоненький голосок:

– Вам кого?

Недоразумение заключалось в том, что Жаров, видя перед собой раскрывшуюся щель, смотрел горизонтально, но существо, открывшее дверь, оказалось чуть ли не на метр ниже возможного…

– Вы Карасик? – спросил Жаров, глядя сверху-вниз на сморщенное лицо.

– Ну да. Это моя фамилия. А что? – неприветливо отозвался карлик, всем своим видом показывая, что собирается принять гостя прямо здесь, на пороге.

Жарову захотелось взять его за шиворот, затем, с карликом под мышкой подняться по этой старинной лестнице, усадить его на стул (ведь должен же быть в его жилище стул?) и уж после вежливо, на правах истинного гостя, поговорить. Уже давно, с тех пор как он впервые увидел этот дом, еще в детстве, когда пухленькую Лидочку тут, наверное, в коляске вокруг фонтана возили, он мечтал побывать в этой загадочной башне…

Ладно, – решил Жаров. – Не хочет пускать – его полное частное право, тут поговорим…

– Дверь не заперта, – начал он. – И замка нет. Кстати, почему? Кто замок-то вывернул?

– Кто-кто… – будто с возмущением ответил Карасик. – Сам я и вывернул, когда есть было нечего. На барахолку отнес.

Жаров помолчал.

– Вы тут случайно кота не видели? – начал он подбираться к новой теме.

– Какого кота? Их тут множество…

– Серого, дымчатого. У него еще веревка на шее.

– Нет, – сказал Карасик, – не пробегал.

Жарова охватила злоба:

– Он и не мог пробегать! Его задушили и спустили в каминную трубу.

– Надо же! – воскликнул Карасик. – Неужто к старушке в трубу?

– А вы откуда знаете?

– Да тут и нет никакой другой трубы.

– А правда ли то, – чуть возвышая голос, продолжал Жаров, – что вы грозились передушить всех котов из второй квартиры?

– Ну, было дело…

– Значит, с почином?

– Это какое-то недоразумение… – залепетал Карасик. – Я грешен во многом, но… Неужто вы думаете, что я это я?

– А кто?

– Откуда мне знать?

– Я только что с чердака. Там полно твоих следов. Зачем это ты ходишь на крышу, а?

Говоря так, Жаров невольно подражал следователю Пилипенке, который всегда переходил с подозреваемым на «ты». Он увидел, как кровь отхлынула от лица карлика, его руки задрожали. Жарову вдруг стало жалко этого человека.

– Я это… – сказал Карасик, казалось, не замечая такого неожиданного сближения с незнакомцем, его грубой фамильярности. – Сижу там, воздухом дышу. А разве нельзя?

– А кого ты там, между прочим, высматриваешь все время? Уж не пресловутое ли чудовище с пустыря?

– Какое ж оно пресловутое! – хмыкнул Карасик. – Оно вообще не водное, а по земле перемещается.

– Как? Ты его видел?

Карасик помолчал, глядя в сторону, затем поднял на Жарова голову и ответил решительно:

– Видел. И множество раз.

* * *

Жаров с удивлением смотрел на этого маленького человечка, а тот, высоко задрав голову, твердо сжав губы, вылупил на него свои и без того довольно-таки круглые глаза.

Это не может быть массовым психозом, – с волнением подумал Жаров. – Значит, все-таки есть какое-то животное или одичавший, обезумевший человек…

– Расскажи-ка подробнее. Кого ты видел? Как он выглядит?

– Пустырник-то? Ну… – Карасик развел руками. – Трудно так вот точно сказать. Я его всегда издали видел. И всегда вечером, когда темнеет.

– Какой он? На кого похож?

– На паука.

Жаров вздрогнул.

– Ты хочешь сказать, что по пустырю бегает большой паук, и ты ясно видел его с крыши?

– Не ясно. Я же говорю: он в темноте бегает.

– Какого размера этот мутант? С кошку, с собаку?

– С человека.

На секунду Жарову показалось, что перед ним настоящий безумец.

– Сколько у него лап?

– Я не считал.

– Так что – точно много лап, как у паука?

– Он и есть паук. Много у него лап.

Это уже совсем никуда не годилось. Если орангутанг или кто-то там сбежал из зверинца – оно понятно. Но откуда мог сбежать огромный паук?

– Хорошо, – сказал Жаров и достал из кармана платок, раскрыл его. – Это принадлежит тебе?

Карасик мельком глянул на комочек белого вещества и отрицательно замотал головой.

– Я, конечно, знаю, что это такое, но… Это не мое.

– И что же это такое? – спросил Жаров.

– Пластика.

– Я и сам вижу, что пластика. Художественная пластика, из которой можно лепить всякие фигурки. Но как она оказалась на твоем чердаке?

– Так уж и на моем. Там кто угодно ходит. Дети соседские могут. Или бандюган какой-нибудь забрался, слепки с ключей делать. Почем я знаю?

Жаров спрятал пластику в карман, кивнул на прощанье Карасику и сошел вниз по лестнице. На площадке он остановился и выглянул на улицу. Отсюда, из центральной части дома, хорошо просматривались оба его крыла. Так и есть: окно Лидочки было темным. Следовательно, она со своим шкипером уже легла.

Пакостно на душе. Проходя мимо двери Лидочки, он с грустью глянул в сторону этих якобы райских врат…

Дверь была приоткрыта. В щели светились серые злобные глаза. Жаров не сразу понял, что они принадлежат Анне Трофимовне.

– Вы были на чердаке? – тихо спросила она.

– Да, – ответил Жаров.

– А к нему заходили?

– Да, навестил… – Жаров сразу понял, кого имеет в виду старушка, понял также, что это зловещее к нему, означает, что Анна Трофимовна, как и Лидочка, подозревает Карасика. – Он тут, наверное, и не при чем, – произнес Жаров, правда, его слова прозвучали фальшиво.

– Я уверена, что это сделал он, – прошипела Анна Трофимовна. – И я уверена, что он не останется безнаказанным.

Дверь клацнула. Внутри квартиры послышалось шарканье старушечьих шагов. Тихо мяукнула кошка.

Жаров сбежал на улицу Блюхера, поймал машину и домчался до редакции.

Что за дурацкая идея иметь в баре представительское виски? Все это виски порой приходится представлять ему самому.

* * *

Жаров проснулся на своем неизменном кожаном диване, под неизменной солдатской шинелью. Первое, что он увидел, сфокусировав взгляд, была, из тумана набирающая резкость и массу, ополовиненная пузатая бутылка. Жаров застонал.

Поднявшись, он сделал несколько нетвердых шагов к столу, взял бутылку и, держа ее на отлете, словно собираясь вышвырнуть в открытую форточку, донес до холодильника, где и похоронил, надеясь, что весьма надолго. По пути, между прочим, ткнул в кнопку компьютера. Пока умывался и чистил зубы, агрегат, ворча внутри своим подвижным железом, настроился на ровно гудящую бодрость.

Жаров утвердился в кресле. Был четверг, второй, назначенный самому себе выходной: у всех нормальных людей – рабочий день. Время – девять пятнадцать.

Жаров нашел недавнее электронное письмо от одного парня по имени Григорий и бегло перечитал его. В письме рассказывалась ужасная история о том, как он, Григорий, будучи на отдыхе со своей подругой, посетил Троекуровский пустырь, где в два часа ночи на них напало отвратительное чудовище. Письмо, вероятно, претендовало на роль газетной заметки, а сам Григорий – на собкора «Курьера». Ну-ну. Канцелярский язык вкупе с орфографическими ошибками, пожалуй, навсегда, закрывал ему путь в большую журналистику.

Телефон, оставленный автором, был рабочий: судя по первым двум цифрам, офис располагался где-то рядом, в центре. Жаров набрал номер и сразу напал на самого Григория. Тут же выяснилось, что девушка, которая в два часа ночи прогуливалась с ним на пустыре, сидит в этой же комнате, занимаясь каким-то там дизайном. Жаров договорился о встрече в клубе на Чехова, бывшей советской пельменной, через полчаса. Похоже, начальство молодых людей не слишком следило за их присутствием на рабочих местах.

Войдя в шикарный клуб-пельменную, Жаров сразу увидел парочку, узнав ее по тому признаку, что в помещении больше никого не было. Они сидели за пустым столиком, вероятно, рассчитывая, что маститый журналист сам закажет им чего-нибудь. Правильно рассчитывали.

– Я Гриша, – просто сказал парень. – А это – Светлана.

Оба были чрезвычайно юными, наверное, закончили школу только в прошлом году. Жаров справился насчет их пристрастий и вскоре на столе возрос довольно обильный завтрак на троих.

Оказалось, что едва парочка устроилась и приступила к пикнику, как над кустарником, где-то рядом с полной луной безмолвно поднялась ужасная голова. Оба уже были наслышаны о Пустырнике, посмеивались над самим фактом его существования и, можно сказать, были готовы к этой встрече. Парень был даже не прочь сразиться с чудовищем: он любил фэнтезийные романы и, уже выпив немного вина, чувствовал в себе волшебную силу их героев. Однако Светлана, увидев чудовище, дико перепугалась, завизжала и бросилась наутек. Грише ничего не оставалось делать, как последовать за ней: не оставлять же подругу одну в темноте!

Самым страшным было то, что от Пустырника исходило какое-то сияние, вроде нимба, какой бывает у святых: в ночь полнолуния его лик был сравним по яркости с самой луной…

– Я, между прочим, туда вернулся наутро… – сказал Гриша, прожевывая кусок буженины. – Мы ж впопыхах все оставили: и вино, и закусь, и вещи кое-какие…

– Какие вещи?

Гриша исподтишка глянул на свою девушку, чье лицо мгновенно залила краска.

– Куртка там была, – сказал Гриша. – Мой пуховик. Надо было постелить…

Девушка уж совсем засмущалась, еще ниже опустив голову. Строгая какая-то девушка, несовременная… Жаров подумал: ну и всыплет же она своему парню, когда они останутся вдвоем. Впрочем, хорошие из них получатся муж да жена.

– Все утащил Пустырник, – с грустью добавил парень.

– Думаю, – сказал Жаров, – что вино, еду и вещи забрали бомжи. – Зачем это чудовищу с пустыря? Что был за пуховик?

– Синий, с белой полосой на груди, – вдруг подала голос девушка, впервые вступив в разговор. – Дорогой, он его по дешевке купил.

* * *

Жаров угрюмо смотрел на огонь в прорези ржавой бочки, чувствуя, что Слива и Кукуруза, стоя с обеих сторон, смотрят сейчас на него.

– Вот что, – строго сказал он, указав не глядя на Сливин живот. – Вино и еду, конечно, теперь известно, где искать, а вот пуховик верните. Если не пропили еще.

– Вот что, – передразнил его Слива. – Этот Пустырник как раз и охотится тут за одеждой и едой. Пугает людей, те сваливают, а он и собирает, что остается.

– Никакой он не Пустырник, – подала голос Кукуруза, – а самый обыкновенный человек.

– Стоп! – Жаров поднял палец. – Ты считать умеешь? Сколько у него рук и ног?

Женщина с удивлением посмотрела на него, и на миг над ее толстыми щеками, в расширенных глазах мелькнула былая красота.

– Две руки, – без улыбки сказала она и добавила: – Две ноги.

– Есть очевидец, который утверждает обратное, – смутился Жаров. – То есть, не в смысле обратное… – он вдруг почувствовал себя полным идиотом перед этими людьми. – А то, что у Пустырника… Что он больше похож на паука. И зачем пауку человеческий пуховик – дырки, что ли в боках прорежет?

– Думаю, у этого очевидца двоится в глазах от одеколона.

– Или троится! – сказала, наконец, улыбнувшись, Кукуруза, и Жаров окончательно убедился в том, что некогда это была очень красивая девушка.

Что за жизнь! – с тоской думал он, поднимаясь по склону пустыря. – Если мужчина доходит до синевы лет за пять-семь каждодневной пьянки, то женщине хватает года два-три.

Он немного знал биографию Кукурузы: мать умерла, она осталась одна, любовник пил, водил на квартиру друзей, затем обманул ее, посулив выгодно продать жилье, но после сбежал с деньгами. Девушка пошла по рукам, по разным бомжарням, пока не оказалась, наконец, на улице. Именно потому, что тело и лицо ее стали уже такими, что даже теплых бомжарен недостойны…

Жаров вошел во двор Лидочкиного дома, поднялся по наружной лестнице. Что-то привлекло его внимание в углу наклонной площадки, бывшей когда-то садом, у самой стены – нечто, чего вчера еще не было. Жаров задержался, облокотясь на перила. Это был свежая, тщательно сформированная пирамидка из глины и камней. Жаров догадался: здесь соседские дети похоронили Пушистика.

Лидочку он видеть не хотел, да и вряд ли она могла быть дома, если, конечно, у нее сегодня не ночное дежурство. Все, что ему было нужно – это еще раз поговорить с Карасиком. Все описания Пустырника, собранные журналистом, были туманны и противоречивы, лишь только этот маленький человечек высказался вполне конкретно, детально и образно. Это как раз и давало повод заподозрить его во лжи.

* * *

Жаров поднялся по лестнице на последний этаж и постучал в дверь квартиры номер шесть, но ответа не было. Жаров прислушался: за дверью стояла глубокая тишина, словно там покоился труп. Недолго поколебавшись, он распахнул дверь и вошел.

Перед ним была чугунная винтовая лестница, Жаров поднялся по ней, оказавшись в маленькой прихожей. Двери в комнату и кухню были распахнуты.

Окинув это поднебесное логово взглядом, он убедился, что оно пусто. Только сейчас Жаров понял, что прежде башня служила бельведером, где хозяева пили чай теплыми дореволюционными вечерами… То была просто крыша на колоннах с арками, куда уже при советской власти вписали окна, а проемы заложили кирпичом через один. Башня делилась деревянной перегородкой надвое, образуя полукруглую комнату, причем одна половинка делилась еще на два прямоугольных сектора: прихожую, куда вела винтовая лестница, и кухню. В прихожей, в свою очередь, был выгорожен крошечный кривой треугольник под туалет.

Ага, вот он где! – подумал Жаров и громко сказал закрытой двери:

– Эй, хозяин!

Но в туалете также стояла мертвая тишина.

Жаров дернул дверь – пусто. Он с любопытством осмотрел закуток, служивший одновременно и кладовой: в углы неумелой рукой вставлены кособокие полки. Фанерные стены голые, а вот на кирпичной, вогнутой стене, что исторически принадлежала башне, висят инструменты, мотки проволоки и веревки… Сидеть в таком помещении, по-видимому, весьма неудобно: коленки должны упираться в стену. Унитаз особый, маленький: такие Жаров видел в детском саду, откуда, наверное, и утащил его карлик.

Что-то засело у Жарова в глазах, что-то тревожило его… Он перешел в кухню, затем – в комнату.

Со стороны башенки дом прирос к холму, окно кухни выходило на склон, в темноте угадывались прутья метельника: в мае, когда метельник цветет, из окна должен исходить ровный желтый свет. Жаров подумал: а не купить ли у этого бедолаги квартиру? Редакция в башне… Знаменитая башня «Крымского криминального курьера»… Нет, никто сюда не полезет, особенно рекламодатели. Правда, в этой башне, если сломать перегородки, было бы приятно сидеть вечером с какой-нибудь женщиной… Отсюда открывался великолепный вил на город, мол и маяк, в порту стояло крупное иностранное судно – издали трудно было его узнать: то ли «А», то ли «Б».

Вся обстановка комнаты была маленькой, как и унитаз: маленький стол и маленькие стулья, детская железная кровать… Вдруг Жаров понял, что зацепило его минуту назад. Он вернулся в туалет и снял со стены моток веревки. Один ее край был завязан, чтобы не распушилась – так веревки продают в магазине. Другой был обрезан. Точно такая же веревка, на какой повесили кота.

Жаров достал обрезок, который вчера засунул в карман, приложил его конец к веревке карлика. Без всякого сомнения, один кусок отрезали от другого.

Выходит, Карасик морочил ему голову, врал, и довольно умело. Если же он врал о Пушистике, то, возможно, врал и о Пустырнике с его паукообразностью. И, вполне возможно, что если Пустырник – это всего лишь переодетый человек, то другой кандидатуры на эту роль, нежели сам Карасик, не подобрать.

В самом деле – зачем он сидит на крыше? Высматривает жертвы. Видит парочку, ищущую уединения на пустыре. Надевает маскарад Пустырника и отправляется на свою уникальную работу, придуманную им самим.

Впрочем, сомнительно. Этот гипотетический Пустырник, каким бы страшным он ни был, все равно остается карликом. Почему люди его пугаются?

Полукруглая комната имела два острых угла, образованных перегородкой. В одном углу, завернутые в старый ковер, стояли, как он подумал, лыжи, в другом – сложена груда каких-то плотно завязанных пакетов, огромных, в каких собирают производственный мусор. Жарову пришла мысль покопаться в них, да и вообще – провести несанкционированный обыск в квартире Карасика.

Почему он этого не сделал? Может быть, ему помешали природные этические принципы или просто отвращение к грязным вещам… Так или иначе, впоследствии ему пришлось жалеть об этом, ибо решение находилось рядом, в этих черных мусорных пакетах, в этом длинном свертке, что стоял в углу. Более, того, он бы смог предотвратить трагедию, которая была уже совсем близко…

Жаров поехал в управление. Лейтенант Клюев сидел за компьютером и увлеченно во что-то играл. Жаров поинтересовался, не было ли за последнее время сигналов о пропаже какого-то экзотического животного и получил отрицательный ответ.

– Зачем тебе это? – спросил Клюев.

– Да так, ерунда, – неопределенно пробурчал Жаров и вышел.

Действительно, ерунда, – думал он, направляясь в редакцию. – Карлик, живущий в башне, повесил кота соседки, до смерти ее напугал. За это бьют морду. Правда, бить карлика как-то неэтично… Кто-то, возможно сам карлик, бегает по пустырю и пугает пьяные парочки. Мелкое хулиганство. Когда-нибудь его просто поймают и отшлепают. Лидочка выходит замуж или думает, что выходит. Пожелаем ей счастья…

Все было, вроде, расставлено и, в то же время, развивалось как-то не так…

Трагедия произошла на следующее утро. В девять часов позвонил следователь Пилипенко и без предисловий предложил Жарову немедленно присоединиться к бригаде.

– В чем дело?

– Убийство. Очень странное и жестокое.

– Где? – спросил Жаров и тут же подумал, что уже знает ответ.

– На Троекуровском пустыре.

* * *

Труп лежал метрах в ста от Лидочкиного дома, на самом краю пустыря, у посадки кустарника. Человек уткнулся лицом в землю, но Жаров сразу узнал его: это был карлик. Вот почему вчера он не застал его: по состоянию трупного окоченения эксперт Минин определил время смерти – более двадцати часов.

Одежда Карасика была изодрана, в дырах зияли маленькие кровавые ранки, красные, словно кричащие рты. По первому впечатлению, его насмерть закусало какое-то животное.

– Может быть, стая бродячих собак? – предположил Минин.

– Собаки? Ты точно уверен, что собаки? – спросил Пилипенко.

– А кто же, – съязвил Клюев, – коты?

– А может быть… – проговорил Жаров. – Пустырник все же существует?

Пилипенко мрачно посмотрел на него. Минин в задумчивости потирал ладонями:

– Это и вправду могут быть коты. Точно я выясню только в лаборатории.

– Те самые коты, которые живут у старушки в этом доме? – проговорил Пилипенко, оглянувшись на мрачное здание с башенкой.

Еще в машине Жаров рассказал все, что уже знал сам – и о повешенном Пушистике, и о веревке Карасика.

– Со старушкой я тоже поговорю, – сказал следователь, – но сначала надо осмотреть комнату погибшего.

Клюев и Минин уехали вслед за труповозкой, Пилипенко и Жаров поднялись по каменной лестнице в дом.

– Как они тут живут? – пробурчал Пилипенко. – В этом кошачьем запахе… Правильно, что не вызвали собаку: она бы тут все равно ничего не унюхала.

Он с брезгливым вниманием осматривал обшарпанные стены, вдруг остановился перед дверью кладовой на площадке второго этажа и открыл ее.

– Эта ниша тут, похоже, еще с дореволюционных времен. Интересно, для чего ее использовали прежние хозяева?

– Кладовая, – сказал Жаров.

– Это сейчас она кладовая… Ага, понятно! Если на первом этаже жила прислуга и располагалась кухня… Это просто шкаф для одежды, вот оно что такое. Интересно…

Пилипенко присел на корточки.

– Что ты там увидел?

– Пыль на полу.

По некоторым, одному ему известным признакам, Жаров понял, что его друг увидел не только пыль…

Наконец, они поднялись на последний этаж и вошли в квартиру-башенку.

* * *

Жаров видел то же, то и вчера – он был последним гостем в жилище мертвеца… Пилипенко сразу шагнул в угол, где громоздились пакеты, развернул их один за другим и рассмотрел содержимое.

Это была одежда, мужская и женская, нижнее белье – колготки и трусики, две пары старых джинсов, какие-то аккуратно сложенные скатерти… Казалось, покойный Карасик промышлял тем, что лазил по пустырю, по свалке, собирал, стирал и латал то, что можно как-то продать… Нет, не этим он промышлял! – вдруг догадался Жаров, и внезапно понял все, поскольку Пилипенко извлек на свет широкую, круглую, из тех, что в последние годы продавались для развлечения в Хеллуин – маску.

Вслед за маской показался и остальной наряд Пустырника – пузатый, набитый поролоном балахон, который, наряду с обычными рукавами, имел еще две пришитые дополнительные руки с пластмассовыми растопыренными клешнями.

– Паукообразный, значит, – пробурчал Пилипенко.

И тут Жарова осенило. Он шагнул в другой угол комнаты и расчехлил «лыжи». Это было ни что иное, как цирковые ходули.

– Он ведь раньше служил в цирке, мне говорили, – проговорил Жаров.

– Дослужился, – сказал Пилипенко, держа кошмарную маску на вытянутой руке.

Казалось, он смотрится в эту маску, как в зеркало: его собственное лицо настолько было искажено отвращением, что он и сам напоминал какого-то круглоглазого урода в своих темных очках а-ля Леннон. Жаров достал из кармана фотоаппарат и щелкнул следователя с трофеем в руках.

Все стало кристально ясным: Карасик сидел на крыше, откуда ему было видно то, что происходит на пустыре. Он видел, куда направилась очередная парочка и выступал на свой промысел.

Жаров выглянул из окна кухни. Так и есть. Здесь, выше по склону, из башенки можно было спокойно спрыгнуть на склон и через заросли метельника спуститься к пустырю. Более того: былая ясно видна протоптанная Карасиком тропа…

– Все это понятно, – сказал Пилипенко, выслушав соображения Жарова. – Только вот в чем вопрос. Кто убил Карасика и почему? И главное – как?

– Ну как – как? – сказал Жаров. – Просто коты отомстили за своего собрата!

– Этого не может быть, – сказал Пилипенко, зевнув.

* * *

Известие о гибели соседа лишило Анну Трофимовну дара речи. Казалось, она была чем-то сильно напугана.

– Что с вами, Анна Трофимовна? – спросил Жаров. – Вам очень жалко этого человека, да?

– Нет, – сдавленным шепотом ответила старушка.

Пилипенко стоял у стены, скрестив руки на груди, молча разглядывая старинный камин, ставший вчера местом успокоения несчастного Пушистика. Анна Трофимовна пожевала губами, затем вдруг усмехнулась чему-то…

– Так ему и надо, – вдруг заявила она.

Пилипенко обернулся.

– Вы рады смерти человека только за то, что он лишил жизни вашего кота?

– Кто так поступает, тот сам нелюдь! – отрезала старушка.

– За подобные проступки законом предусматриваются более мягкие наказания, нежели смертная казнь. Например, штраф. За злостное, систематическое издевательство над животными человека можно осудить условно. За хулиганские действия – отправить подметать улицы на десять суток.

– Этот человек был ненавистен мне, и я ничуть не жалею о том, что его убили.

– Это был несчастный случай, – сказал Жаров. – На Карасика напал какой-то странный зверь.

– Или множество отнюдь не странных зверей, – задумчиво проговорил Пилипенко, бросив взгляд на диван, где возлежали, свернувшись, три разномастных котика. – Сколько у вас котов, Анна Трофимовна?

– С Пушистиком было тринадцать. Они живут в той комнате. Но мои зверушки тут не при чем. Впрочем… Если и при чем, то что? Не будете же вы предавать суду котов?

– Трудно представить, что они организовали стаю и расправились с убийцей своего собрата, – сказал Пилипенко.

– Не просто собрата, – возразила Анна Трофимовна. – Пушистик был их вожаком, можно сказать – кошачьим царем.

Тут только Жаров заметил, что старушка держит в руках какую-то старинную книгу. Произнеся последние слова, она потрясла ею в воздухе.

«Магия Кошачьего Царя» – значилось золотыми буквами на выцветшей обложке.

Через час, когда Жаров уже сидел в редакции и занимался с очередным номером «Курьера», ему позвонил из управления Пилипенко.

– Минин произвел вскрытие, – сообщил он. – Похоже, что его и вправду искусали коты. На всем теле следы именно кошачьих челюстей.

– То есть как? – удивился Жаров. – Напали на взрослого человека коты, двенадцать, словно группа присяжных, и закусали его до смерти? И он не смог сопротивляться?

– Если он был в сознании. Дело в том, что один укус пришелся как раз на сонную артерию, и он был смертельным.

– Самый первый укус…

– Возможно. В любом случае, завтра же я прекращу это безобразие. Уже связался с бригадой очистки. Всех этих котов необходимо изъять.

– Я поеду с вами, – сказал Жаров.

– Оно тебе надо? Впрочем, как хочешь, – на этом Пилипенко прервал разговор.

Жаров точно знал, чего ему надо. Не говоря о том, что Лидочка завтра была выходная… Снимок, отражающий ловлю котов ребятами из очистки, украсил бы первую полосу газеты, наряду с портретом следователя, примеряющего маску пустырника. Впрочем, истории с котами и с Пустырником никак не были связаны и тянули на две отдельных статьи.

В самом деле… Карасик работал чудовищем на пустыре. Это одно. Карасик повесил Пушистика – это другое. Карасика за это загрызли коты. Это уже никуда не годилось. «Магия Кошачьего Царя…» – вспомнил Жаров. – Вот где решение. Вот почему старушка так странно вела себя… Допустим, существует какой-то нетрадиционный, действительно магический способ организовать животных в стаю. И старушка это колдовство применила. Узнав о том, что магия сработала и ее коты действительно убили Карасика, Анна Трофимовна насмерть перепугалась.

Правда, чтобы принять такую мысль, надо окончательно поверить в то, что колдовство в принципе возможно… Но разве может существовать столько книг на пустом месте? Соображая насчет чего-то потустороннего, Жаров исходил из того, что уже тысячелетия люди упорно верят в волшебство. Может быть, эта самая вера каким-то образом действительно материализуется?

На ночь Жаров поставил аккумуляторы своей цифровой камеры на зарядку и, засыпая, все думал о колдовстве и прочей чертовщине, постоянно задавая себе вопрос: а верит ли он сам во все это? Однако то, что принесла наутро реальность, было гораздо причудливее любой фантазии, и фотографировать пришлось не подвиги бригады очистки, а совсем другое…

* * *

Машина из очистки прибыла на несколько минут раньше, нежели Пилипенко и Жаров на милицейском «Жигуленке». Двое здоровых узколобых парней в специальных комбинезонах с прочными пластиковыми мешками по бокам грелись на весеннем солнышке подле своей «Газели». Машина была выкрашена в темно-зеленый цвет и оборудована под передвижную тюрьму для животных. Все четверо молча поднялись по лестнице и позвонили у дверей третьей квартиры.

Вышла запанная, простоволосая Лидочка. Улыбнувшись было Жарову, насторожилась, увидев незнакомых людей.

– Решением администрации города, – торжественно объявил Жаров, – эта квартира подлежит принудительной очистке от расплодившихся животных.

– Шутишь? – удивилась Лидочка.

– Есть документы.

Пилипенко молча достал и протянул девушке официальный ордер. Мельком его проглядев, Лидочка произнесла торжествующим шепотом:

– Ура!

Жаров постучался в дверь Анны Трофимовны. Никто не ответил. Жаров прислушался. За дверью раздалось мяуканье.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Возможно, старушка еще спит. Не станем ее будить. Займемся котами, которые в другой комнате.

– Это пожалуйста! – весело ответила Лидочка и распахнула соседнюю дверь. Нахмурилась: – Странно. Тут никого нет.

– Наверное, они все там, – сказал один из парней очистки. – Я нюхом чую.

Действительно, в комнате старушки продолжалось многоголосое мяуканье, урчанье… Вот послышался мягкий шлепок: это какая-то кошка спрыгнула на пол с высоты. Жаров постучал в дверь более решительно. Нет ответа, лишь усилились кошачьи голоса. Дернул дверь – заперта изнутри.

– Запах знакомый, – пробурчал Пилипенко. – Ага, валерьянка! Она что, устраивает своим котам массовые попойки?

– Ни разу не замечала, – произнесла Лидочка, потянув носом. – И вправду, пахнет валерьянкой, будто флакон разбили.

– Анна Трофимовна, откройте, – громко сказал Жаров, забарабанив в дверь.

– Что будем делать? – спросил парень из очистки. – Ломать?

– Подожди, – сказал Пилипенко. – Это первый этаж. Сначала заглянем в окно.

Пилипенко и Жаров спустились во двор. Из-за высокого цоколя просто так добраться до окна было нельзя.

– Давай, как в восьмом классе, в медицинском общежитии, – сказал Пилипенко, сцепив ладони внизу живота.

Жаров сразу понял, о чем речь и почувствовал, что краснеет от собственного воспоминания. Он снял ботинки и наступил на ладони друга, затем перешагнул на его плечи. То, что он увидел в окне, заставило его содрогнуться.

В нескольких сухих и точных фразах Жаров обрисовал картину следователю. Старушка лежала на полу, со всех сторон ее тело облепили коты, казалось, они просто поедают ее.

– Ты можешь открыть окно? – поинтересовался Пилипенко.

– Попробую.

Окно было притворено, но не заперто. Жаров легко распахнул створки и перекинул ногу через подоконник. Увидев его, коты бросились врассыпную. Тело старушки, теперь открытое, было сплошь в мелких укусах – точно, как труп Карасика. Поскольку она была в одной ночной рубашке, эти многочисленные раны еще пуще бросались в глаза. Не было никакого сомнения: хозяйку убили ее коты.

Жаров перегнулся через подоконник, принял у друга свои ботинки и натянул их. Затем обошел мертвую старушку и открыл дверь. Узколобые ребята из очистки сделали свое дело быстро и качественно: не обращая внимания на труп, отловили котов и набили ими свои мешки, став от этого значительно толще.

– Что вы с ними сделаете? – поинтересовался Пилипенко.

– Известно, что, – сказал один из парней, проведя ребром ладонью по горлу.

– Не надо! – строго сказал Пилипенко. – Думаю, что до конца расследования животные должны остаться целыми. Вот что. Отвезите их в собачий питомник. Найдите там Ярцева, кинолога. Пусть устроит котов в свободную клетку.

* * *

В комнате стоял крепкий запах валерьянки. При беглом осмотре в углу была обнаружена большая миска с какой-то кашицей, откуда, вероятно, хлебали коты. Жаров обратил внимание на книгу, что лежала на столе раскрытой, ту самую, что вчера старушка держала в руках.

Это был явно какой-то рецепт: пять крупных роз, отварной рис, валерьянка… Нет никакого сомнения, что содержимое миски приготовлено именно по этому рецепту. Жаров перевернул страницу назад.

«…чтобы формула Кошачьего Царя сработала исчерпывающе, вы должны не только правильно приготовить снадобье, но и произнести заклинание. Вот оно…»

Жаров пропустил несколько строк изысканной тюркской абракадабры.

«Нет сомнения в том, что ваши пушистые друзья проглотят эту, казалось бы, несъедобную смесь, ибо в довершении вы добавите к прочим ее составным частям в щедром количестве корень валерианы…»

Жаров подозвал к столу Пилипенку и показал ему книгу. Тот молча прочитал страницу, перевернул, прочитал следующую.

– Значит, магия Кошачьего Царя – это реальность, – сказал Жаров, кивнув на тело старушки, распростертое на полу.

– Самая что ни на есть реальность! – послышался с порога голос Лидочки.

– Что вы имеете в виду? – спросил Пилипенко.

– То, что тетя грозилась натравить на меня своих котов. И последний раз – именно вчера вечером.

– Получается, что старушка пустила в ход магию, но коты, вместо того, чтобы накинуться на племянницу, загрызли ее саму? – проговорил Жаров.

– Я уже говорил, что такого не может быть, – раздражено ответил Пилипенко.

– Но в комнате никого не было, кроме жертвы и ее котов!

– Окно было незаперто.

– Это значит, – сообразил Жаров, – что животное, которое расправилось с Карасиком, проникло с пустыря в комнату старушки через окно? Но какое это может быть животное, если Карасика, по данным экспертизы, убили именно коты? И значит, окно тут вовсе не при чем.

– Не знаю, – махнул обеими руками Пилипенко, – я ничего пока не знаю. Все это совершенно невероятно и… Нет, не могу представить никакого разумного объяснения случившемуся. И неразумного – тоже. Почему старушка в ночной рубашке, почему она не одета, ты можешь мне сказать?

Жаров пожал плечами.

– То-то и оно, – угрюмо заключил Пилипенко.

Двумя часами позже, когда тело увезли, осмотрев и сфотографировав место происшествия, в кабинете следователя проходило довольно напряженное совещание. Впрочем, совещались по штату Пилипенко и Клюев, а Жаров, как всегда, беспардонно встревал. Все трое ожидали Минина, который в это самое время проводил вскрытие тела убитой. Кроме того, он туманно намекнул на какую-то свою новую версию, для чего ему понадобилось вернуться к экспертизе первого трупа.

Почерк убийства в обоих случаях был один и тот же. Кошачьих укусов множество, но смертельный – один, тот, что повредил сонную артерию. Казалось, что среди нападавших котов был единственный, самый умный, точно знающий куда метить. Кошачий Царь…

Именно об этом говорил взволнованный лейтенант Клюев.

– Картина происшествия следующая, – резюмировал он. – Карасик убил кота и спустил его в дымоход старушки. Старушка взялась за колдовство. Коты загрызли Карасика. Она повторила колдовство, натравила котов на свою племянницу. Но возбужденные коты убили ее саму.

– Замечу сразу, – сказал Пилипенко, – что я не верю в это колдовство. Но от фактов никуда не уйти. Женщину на самом деле загрызли коты, а прежде они загрызли Карасика. Допустим, рассвирепевшая тетушка прибегает к магии. Но никакой магии нет. Коты, понятно, не реагируют на заклинание, а просто пьянеют от зелья. И загрызают ее, просто потому, что голодны.

– А как же тогда Карасик? – спросил Клюев. – Его-то почему загрызли?

– У нас и впрямь может создаться впечатление, что оба трагических случая связаны, – ответил Пилипенко. – А если нет?

– Как это – нет?

– Да просто! В ином случае, нам придется признать эту бредовую версию, только что озвученную здесь уважаемым лейтенантом Клюевым. А именно: старушка каким-то образом умела организовывать стадо котов и убивать с их помощью людей.

Чудовищная мысль пришла Жарову в голову.

– А что если старушка, на самом деле – подстава?

– Это в каком смысле? – спросил Клюев.

– Старушка творила свое пресловутое колдовство сама по себе, а коты действовали совсем по другой причине. Что, если перед нами первые тайные факты испытания какого-то нового оружия? Например, устройство, излучающее телепатические волны. Почему бы не мобилизовать, скажем городских крыс или, к примеру, слонов, кашалотов. Если существует такой способ, и кто-то над ним уже работает? А мы стали свидетелями первых опытов секретной службы… Или, того хуже – действий каких-то террористов?

Жаров пристально смотрел на Пилипенку, но тот, поняв смысл его взгляда, нервно махнул рукой.

– Нет! – сказал он. – Я не буду звонить в ФСБ и спрашивать, не делали ли там каких-то экспериментов с котами. Майор Ковальчук и так считает меня идиотом.

Дверь распахнулась и в кабинет быстро вошел Минин. На нем, что называется, лица не было. Он молча положил на стол следователя несколько листов бумаги.

– Очень странная вещь, – сказал он. – Я тщательно исследовал следы укусов на обеих жертвах. Они были искусаны не котами, а…

– Что?! – вскричал Пилипенко. – Не котами? А кем? Может быть, Пустырник и в правду существует, и мы зря обвинили Карасика, который просто бегал там в маске?

– Я не закончил, – вздохнул Минин, – а ты перебиваешь. Я хотел сказать: не котами, а котом. Одним котом. Один и тот же, если можно так выразиться, стоматологический рисунок.

Пилипенко молча уставился на Минина, затем поднял глаза к потолку, раздумывая. Жаров прекрасно представлял ход его мыслей, потому что и сам силился переварить новую информацию.

Версия о том, что обе жертвы были насмерть загрызены котами, и так принятая со скрипом, теперь и вовсе отменялась. Значит, надо было поверить в то, что кот, убивший двух человек, был один.

– Ну, ладно, – сказал Пилипенко. – Теперь никто не будет смеяться, что я настоял не отправлять этих котов в приемник, где бы их сразу усыпили и зарыли. Этот стоматологический рисунок… – он повернулся к Минину. – Надо бы проверить, кому из котов старушки он принадлежит.

– Уже проверил, – с какой-то грустью проговорил Минин. – Челюсть, которая оставила укусы на обеих жертвах, не принадлежит ни одному из пойманных котов.

В кабинете повисло молчание: все замерли, будто обдумывая следующий ход над шахматной доской. Было слышно, как бьется в стекло муха.

Пилипенко взял со стола газету, свернул ее, подошел к окну. Замахнулся, затем, похоже, передумав убивать первую весеннюю муху своего кабинета, осторожно поддел насекомое и сопроводил номером «Криминального курьера» в форточку, в ее относительно недолгий, но лично бесконечный жизненный путь.

– Надо немедленно провести эксгумацию, – сказал следователь.

– Это какую, кому? – с удивлением спросил Минин. – Оба трупа все еще в морге.

– Третьему трупу, – серьезно сказал Пилипенко. – Убитому коту, которого дети похоронили на пустыре.

Жаров не поверил собственным ушам. Выкопать кота – для чего? Чтобы исследовать его челюсти? Но ведь этот кот был убит раньше, чем Карасик и старушка, и на их телах никак не может быть его укусов!

* * *

Был уже вечер, зарядил дождь, и никому, несмотря на заедавшее всех нетерпение, не хотелось копаться в могиле Пушистика. «Эксгумацию» было поручено выполнить двум оперативникам назавтра утром. В ожидании звонка Пилипенки Жаров не находил себе места, катаясь в кресле на роликах по всей редакции. Работа просто валилась из рук.

Следователь позвонил около полудня. Голос его был ровным, звучал глухо. В нескольких скупых выражениях он сообщил, что стоматологический рисунок челюстей убитого кота полностью совпадает со всеми укусами на телах жертв.

Друзья молчали довольно долго, в трубке слышалось лишь дыхание.

– Есть версии? – спросил Жаров.

– Никаких. Мы тут уже часа два головы ломаем.

– Черт! – выругался Жаров. – Но как такое возможно? Если даже это был призрак кота, то как он их кусал?

– Это не мог быть даже зомби кота. Могилка, как сказали ребята, была совершено неповрежденной.

– Стоп! А если кот совершил оба убийства еще до того, как его зарыли? Тьфу! Отпадает… Я видел эту могилку, когда Анна Трофимовна была еще жива.

Жаров мгновенно восстановил в памяти последовательность событий. Могилка кота была еще позавчера, но Карасик, вероятно, уже был мертв. В тот же вечер они с Пилипенкой были у Анны Трофимовны. На следующую ночь старушка была закусана чудовищем. Одним чудовищем. Одним котом, который все это время лежал в могиле… Стоп!

– Я все понял! – воскликнул Жаров. – Могила, которую мы видели, была фальшивой. Эдакий кенотаф. Но никакого Пушистика под грудой камней тогда еще не было!

Пилипенко хмыкнул:

– Пусть это даже и так, и соседские дети зарыли кота позже. Но и эта версия предполагает, что мертвый кот разгуливал по городу и нападал на людей.

Жаров потер лоб, казалось, что разгадка где-то совсем близка.

– А мы уверены, что это был один и тот же кот? – вдруг озарило его.

– То есть?

– Труп того кота, который напал на обе жертвы бесспорно был эксгумирован сегодня утром. Это его челюсти и больше ничьи. А вот кот, который был повешен позавчера – другой, и его тело находится неизвестно где.

– Ну, допустим… – вяло согласился Пилипенко. – Теперь надо только выяснить, кто за всем эти стоит, кому и зачем понадобилось подменять одного кота другим. Но главное – каким образом этот непонятный кот получил такую чудовищную силу, такую хитрость, и я бы даже сказал – интеллект? Чтобы точно, грамотно прыгать на шею людям и намертво впиваться им в сонную артерию. Думаю, мы должны провести один важный следственный эксперимент.

* * *

Следственный эксперимент по делу Кошачьего Царя должен был состояться на площадке питомника. Жаров подошел к управлению вовремя: группа уже отправлялась.

Участников следственного эксперимента набилась полная машина: Пилипенко сидел за рулем, рядом с ним – Минин. Жаров и Клюев сели сзади, а в последний момент из управления, размахивая руками, выскочила Алиска: необходимости в ее присутствии не было, но посмотреть эксперимент ей очень хотелось из любопытства. Так Жаров неожиданно оказался с нею рядом, крепко прижатый ее левым бедром.

Впрочем, это счастье длилось недолго: Пилипенко, уже тронувший «Жигуленок», вдруг притормозил, и даму переместили на переднее сиденье. Жаров оказался вновь прижатым, но уже крепко и жирно – массивной ногой Минина.

Жаров смотрел на длинную шею Алиски, ее покатые плечи над передним сиденьем… Рук ее он не видел, но знал, что один из пальцев его бывшей возлюбленной теперь украшает обручальное кольцо.

До питомника доехали быстро. На собачьей площадке, облокотившись о бревно бума, уже ждал Ярцев. Было непривычно видеть его без собаки на длинном поводке. Еще двое служащих прохаживались возле мобильной клетки, где, присмирев, словно подозревая какую-то страшную участь, ждали коты.

В самом деле, – подумал Жаров. – А куда их денут потом? Неужто сдадут в очистку, на убой?

Выгрузились. Минин привез с собой большую туристическую сумку, сразу принялся выставлять ее содержимое на деревянный стол, за которым обычно сидели кинологи – то работая, записывая результаты тренинга своих питомцев, то играя в домино, то просто попивая простой таврический портвейн. Теперь на столе возникли последовательно: колба с темной жидкостью, миска, взятая из комнаты покойной Анны Трофимовны, старинная книга с заклинаниями Кошачьего Царя, изящная плетка ручной работы, которую подарил Минину один невинный подследственный с Кавказа.

– Ну что? – спросил Ярцев. – Я, значит, облачаюсь?

Пилипенко пожал плечами:

– Конечно. Зачем же еще ты тут нужен?

Ярцев влез в изрядно залатанную телогрейку с длинными рукавами, специально для изображения жертвы. Одевшись, он замер, покосился на клетку с котами.

– Не трусь, – сказал Клюев. – Тебя уже столько собак погрызли! Что там какие-то коты?

– Или даже сам Кошачий Царь, – попробовал пошутить Жаров, но никто не улыбнулся.

Смутившись, он подошел к столу и взял в руки книгу. Сказал, качнув книгой в сторону следователя:

– Может, для чистоты эксперимента стоит все же прочесть заклинание?

– Мы проверяем не магию, а действие отвара, – сказал Пилипенко. – В магию никто здесь не верит, а вот в химию – да. Впрочем, давай, хуже от этого не будет.

– У меня все готово, – отрапортовал Минин, вылив в миску содержимое колбы и вытряхнув до капли остатки. – Зелье сварено точно по рецепту.

– Ну, приступаем, – скомандовал Пилипенко.

Минин отнес миску к клетке и с размаху поставил на землю. Алиска хохотнула:

– Смотрите, как они зашевелились.

– Это от валерьянки, – сказал Минин.

Коты действительно пришли в хаотическое движение, вставали на задние лапы, царапая металлическую сетку.

Минин открыл дверцу, коты тотчас устремились к миске и, тесня друг друга, разом начали хлебать.

– Завидую, – сказал Клюев. – Как им сейчас хорошо!

– Вечером точно напьюсь таврического, – угрюмо объявил Ярцев.

Жаров не на шутку разволновался. Это был момент истины, когда решался важнейший вопрос, тот, который мучил его всю жизнь. Ему очень хотелось верить, что мир устроен далеко не в соответствии со школьно программой. Пусть мир материален, да, но разве это исключает существование каких-то параллельных, еще не известных науке сил и явлений?

Жаров взял в руки книгу, поспешно открыл ее. Внезапно ощутил режущую боль у основания безымянного пальца – поранился, зацепившись за металлический замочек. Не обращая внимания на такую мелочь, присел на корточки, перелистал страницы. Капля крови упала прямо на разворот, Жаров отдернул руку, спрятал ее под книгу. Не хватало еще в этот момент, чтобы увидели, отвлекли…

Он нашел нужное место и принялся читать:

– Агара абара гар! Карера бурера бер! Сюбага забага стюб!

Алиска опять засмеялась. Внезапно один из котов повернул голову и посмотрел на Жарова.

– Агара абара гар – шираз! – продолжал Жаров. – Карера бурера бер – гараз! Сюбага забага стюб – атас!

– Там что же – так и написано – атас? – спросил Клюев.

– Какое-то восточное слово. Не мешай, – сказал Жаров. – Агара абара гар – самар! Карера бурера бер – базар!

Меж тем кот отвлекся от миски и медленно пошел к Жарову. Краем глаза он видел, что Алиска уже не смеется. Она с тревогой смотрела в его сторону. Произнесла, протягивая руку:

– Подействовало, смотрите! Он идет.

Жаров вытер тыльной стороной ладони пот со лба. Вся его рука была уже в крови.

– Держись! – воскликнул Ярцев. – Сейчас бросится.

Жаров не двинулся с места. Кот подошел к нему вплотную, и скрылся под раскрытой книгой. Жаров почувствовал влажное прикосновение к своим пальцам. Инстинктивно хотел отдернуть руку, но удержался. Пусть будет эксперимент. Если укусит, то не так уж и страшно.

– Что он там делает? – просил Пилипенко, подходя.

– Он лижет мне руку, – сказал Жаров.

– Зачем?

– Слизывает кровь с пальца.

Пилипенко нагнулся и посмотрел под книгу. Его лицо выражало глубокую задумчивость.

Меж тем коты, один за другим отвалились от миски и принялись кататься по земле, гребя лапами, вяло борясь друг с другом.

Ярцев в своем спецкостюме с длинными рукавами стоял в нерешительности.

– И это все? Будут они атаковать или нет? – с раздражением спросил он.

– Скорее – нет, – сказал Пилипенко. – Но этот дурацкий эксперимент все же, возможно, будет иметь результаты.

– Неужели? – удивился Клюев.

– По крайней мере, одно происшедшее в ходе эксперимента событие навело меня на кое-какую мысль… Доктор Минин, можно тебя на минутку?

Пилипенко отвел Минина в сторону и о чем-то вполголоса поговорил с ним. Коты продолжают резвиться под действием валерьянки.

* * *

На обратной дороге Минина забросили в судебный морг, все остальные вернулись в управление. Жаров не задавал лишних вопросов, по опыту зная, что на этой стадии расследования его друг лишь только огрызнется в ответ. А то, что расследование почему-то вступило в новую фазу, было вполне ясно: иначе зачем отвезли Минина в морг?

Минут сорок просидели в кабинете следователя, словно в каком-то клубе: Жаров читал газеты, а Пилипенко с Клюевым играли в шахматы. Да, это и вправду был клуб – продолжение тайной курилки в 5-й школе, бывшей женкой гимназии, ее коридоров и классных комнат, которые когда-то были переполнены шустрыми гимназистками…

Во дворе затормозила машина, хлопнула дверь. Вскоре вошел Минин, в распахнутой куртке, с болтающимся шарфом и, как всегда, с бумагами в руках.

– Все так, как ты предполагал, – с порога сказал он. – Раны у Карасика ничем не примечательны, меж тем как раны старушки полны кошачьей слюны.

– Вот видишь, – сказал Пилипенко, обернувшись к Жарову, – этот нештатный эксперимент все-таки изрядно помог расследованию.

От внимания Жарова не ускользнуло, что его друг в этот момент легонько прищелкнул пальцами под столом. Значит, понял что-то важное, – подумал Жаров, заметив также, что этот ключевой жест не всегда демонстративен.

– Что сие может значить? – спросил Жаров, невольно подражая архаичной речи Пилипенки.

– Не знаю, не знаю… – проговорил следователь, но журналисту было вполне ясно: все он теперь знает.

Ладно, если его не хотят посвящать в служебные тайны, он просто уйдет. Отправится в редакцию, что-нибудь вяло поделает там… Правда, и дел на сегодня не было никаких: текущий номер сверстан, а до следующего еще можно отдохнуть день-другой.

– Ты в контору или домой? – зачем-то поинтересовался Пилипенко и, получив ответ, утвердительно кивнул.

В одиннадцать часов ночи он появился на пороге редакционного офиса или «конторы», как он переиначивал это слово.

– Думаю, нам есть смысл кое-куда прогуляться, – объявил следователь. – Это в центре, пешком.

Жаров накинул плащ. Ладно, вообще не буду задавать никаких вопросов, раз так.

Они прошли мимо памятника Лесе и углубились в старые дворы нижнего города. Говорили о чем угодно, только не о насущном деле. Внезапно Пилипенко остановился.

– Это здесь, – объявил он.

Они стояли напротив одноэтажного дома с темными окнами. Ограда возле дома была кованой. Пилипенко потрогал вычурные завитки.

– Сразу видно, хороший кузнец, – сказал он.

– Что это за дом? – спросил Жаров.

Пилипенко косо посмотрел на него, проговорил:

– Скажем так: мастерская.

– Чья – кузнеца? Не этого ли Гущина, что за моей Лидочкой ходит?

– Точно. Этого.

Жаров встревожился:

– Ты что замыслил-то? Уж не собираешься ли туда лезть?

– Именно. А ну, подсади!

– Так, может быть, я с тобой? – без особой надежды пробормотал Жаров и получил в ответ отрицательный жест накрест поставленных рук.

Пилипенко занес ногу на ограду. Пожав плечами, Жаров помог ему подняться.

– А мне что делать? – спросил он уже через кованые листья и цветы.

– Стой на атасе. Помнишь, как за инжиром лазили?

Жаров, конечно же, все помнил. Глубоко засунув руки в карманы плаща, надвинув берет на глаза, он прохаживался по улице, поглядывая по сторонам. Инжир, конечно, самая вкусная ягода на свете. Хозяева, которых маленькие Вова и Витя обворовывали каждый сентябрь, для чего и с уроков сбегали, давно уже умерли. Их красавица-дочка вышла замуж, продала дом и уехала с мужем неизвестно куда. Дом перестроили, теперь там жил нувориш. Быстро, легко и бессмысленно изменился мир…

Жаров услышал шаги. Сквозь орнамент просунулась рука, положила на основание ограды длинный сверток, он металлически звякнул о камень. Затем над мертвым растительным царством возникла нога. Пилипенко перевалился через ограду. Жаров помог ему спуститься. Следователь забрал сверток и засунул его за пазуху.

– Что это? – поинтересовался Жаров, впрочем, не ожидая ответа, но Пилипенко охотно пояснил:

– Инструмент. С его помощью кузнец держит заготовку на наковальне.

– Что ты все темнишь? – с раздражением произнес Жаров. – Друг, называется.

– Так надо, – спокойно возразил Пилипенко. – Мы отлучимся ненадолго, а ты подожди в редакции. Когда закончим операцию, я все тебе расскажу. Будет у тебя совершенно улетная статья.

– Что? Неужто настолько опасное дело? Но я ведь и не в таких передрягах участвовал!

Пилипенко положил Жарову руку на плечо.

– Причина не в этом, поверь, – сказал он. – Просто там, возможно, будет происходить такое, чего тебе не стоило бы видеть.

* * *

Нет, не сиделось Жарову в редакции. Покатавшись с полчаса в кресле, выпив крепкого кофе с коньяком, или же – коньяку с кофе (так щедро разбавил, что пойло получилось холодным), он торопливо натянул плащ и поймал такси.

Жаров не ошибся: милицейская «Газель» была припаркована невдалеке от дома с башенкой. Окна машины были темными, но там явно шла какая-то работа – в свете уличного фонаря мелькали тени. Жаров прирос к стволу каштана, издали наблюдая за «Газелью».

Дверь машины раскрылась, пассажиры вышли один за другим. Пилипенку Жаров узнал по его высокой худой фигуре, остальные были неразборчивы… Пять человек быстрым шагом направились в сторону дома, один из силуэтов показался Жарову странным. Когда все они гуськом двинулись по лестнице, попеременно попадая в желтый конус от фонаря, Жаров почувствовал, что его рот сам собой раскрылся от удивления. Это было даже не удивление: Жаров просто одеревенел у ствола. Среди оперативников, как ни в чем не бывало, собственной персоной вышагивал Пустырник.

Дальнейшее представлялось каким-то сюрреалистическим кино, тем более, что Жаров наблюдал все, что происходило, через окно Лидочки, будто на экране.

В комнате вспыхнул зеленый свет: так отображался Лидочкин ночник у изголовья кровати. Жаров горько усмехнулся и тотчас понял, почему Пилипенко не взял его с собой. Лидочка в постели была не одна, на подушке темнело бородатое лицо шкипера. Шкипер и Лидочка о чем-то говорили, поочередно указывая на дверь комнаты. Жаров не разбирал слов – лишь только гудели их взволнованные голоса. Похоже, они услышали за дверью шум…

Все ясно, – подумал Жаров. – Не взяли меня просто потому, что не хотели, чтобы я это увидел. Впрочем… О моих ли чувствах пеклись, или об успехе операции? Ведь я мог повести себя еще как непредсказуемо!

Вдруг дверь приоткрылась и в комнату вошел кот. Казалось, любовники сильно перепугались, увидев этого кота. Ну да, морда кота была перепачкана кровью… Дверь раздвинулась шире, и Жаров увидел Пустырника. В его руках был кузнечный инструмент, конечно, тот самый, что следователь взял в мастерской. Пустырник сделал шаг в сторону кровати и клацнул своим инструментом.

Казалось, шкипер и Лидочка пришли в самый настоящий ужас. Оба забились в угол кровати, шкипер схватился за голову, Лидочка натянула до подбородка одеяло. Пустырник наступал, продолжая щелкать, кот прыгнул на кровать, оставив на белом кровавый след…

Теперь, при свете было совершенно ясно, что в комнате стоит какой-то человек, переодетый Пустырником, возможно, Клюев. «Пустырник» о чем-то говорил, сердито и глухо.

Шкипер и Лидочка страстно закивали ему в ответ, отвечая, жестикулируя… Тут «Пустырник» снял маску и швырнул ее на пол, оказавшись, действительно Клюевым. Оно конечно: когда-то мечтал стать актером, даже в Москву ездил поступать, но с треском провалился.

В комнате меж тем появились оперативники во главе с Пилипенкой. Следователь достал из-за пазухи маленький черный предмет. По болтающемуся шнуру Жаров понял, что это диктофон.

Многое ему было уже ясно. Всем этим маскарадом с участием окровавленного кота сыщики умудрились получить признание…

А ведь все было до безобразия просто в тот первый вечер, – со стыдом подумал Жаров. Открой окно, закрой окно… Лидочкина створка открывалась бесшумно, но вот при обратном акте раздавался громкий, словно выстрел, хлопок. Это и послужило сигналом шкиперу, который немедленно спустил труп кота в дымоход старушки.

Жарову тогда и не собирались ничего давать, никакой ночи любовных утех. Лидочка просто ждала, когда в доме начнется переполох.

Все события последней недели были тонко срежиссированы. Жаров вспомнил запах мимозы, которой наводнил весь дом, до самого чердака. Не «якобы», конечно: Гущин, или шкипер, как Жаров продолжал его называть, действительно был на чердаке со своим чудовищным букетом. Там же он и задушил кота, которого поймала для него, конечно же, Лидочка. Веревку у Карасика, чья дверь не запиралась, раздобыть было просто, причем, вряд ли шкипер намеревался нарочно подставить Карасика – просто ему на самом деле была нужна веревка, а то, что первым подозреваемым будет именно Карасик, сомнений вызвать не могло: ведь не кто иной, как он грозился передушить котов Анны Трофимовны.

Шкипер и Лидочка спровоцировали Анну Трофимовну на месть. Она привела в действие древнее колдовство. Или, может быть, не колдовство вовсе, а химию. Впрочем… Точно ли на собачьей площадке не подействовало ни то, ни другое? Ведь кот действительно подошел к Жарову, читавшему заклинание… Что же на самом деле произошло, и при чем тут инструмент кузнеца?

– Так я и знал, что увяжется, – процедил сквозь зубы Пилипенко, с неприязнью глядя на Жарова, который вышел из тени и поджидал у основания лестницы.

– Ну, ничего, – примиряюще проговорил Клюев в костюме Пустырника, держа свою увесистую маску под мышкой. – Все кончено.

В этот момент оперативники вывели Лидочку и Гущина из дверей дома. Последний был закован в наручники. Увидев Жарова, Лидочка презрительно повела плечом.

– Я, может быть, впервые в своей жизни по-настоящему полюбила! – сказала она Жарову. – А ему только одно было нужно – квартира, – девушка оглянулась на Гущина, и в глазах ее стояли слезы, бессильная злоба и самая настоящая ненависть.

* * *

– Вот тебе и мотив для убийства – квартира в хорошем старом доме, – сказал Пилипенко, вытянув ноги к камину, когда вечером того же дня они сидели в редакции, попивая представительский виски. – С самого начала мы были на ложном пути. Расследовали убийство Карасика как первое в цепочке, а главной целью была старушка. Такое часто бывает в детективах.

– Но коты загрызли обоих! – воскликнул Жаров, возмущенный напускной загадочностью свого друга.

Пилипенко пристально посмотрел на него, затем горько усмехнулся:

– Никого не загрызали коты. Эти милые животные вообще ни в чем не виноваты. Все зло на свете исходит только от людей.

Жаров молчал, поворачивая в руке стакан с виски. Он ждал резюме следователя, которое не заставило себя ждать.

– Старушка на самом деле принялась за колдовство, – начал Пилипенко. – Итог был точно такой же, как при нашем следственном эксперименте. Коты нажрались валерьянкой и забалдели. Но той же ночью убили Карасика, и она была в шоке. Подумала, что это сделали ее коты. Поверила в собственное могущество и наметила следующую жертву – свою племянницу. А затем убили и саму колдунью.

– Как же они их убили-то? – спросил Жаров и вдруг сам это понял со всей очевидностью: – То вещество, что я нашел на чердаке было пластикой. Задушив кота, Гущин сделал слепок с его зубов. Затем отлил металлические наконечники к своим кузнечным щипцам.

– Точно, – сказал Пилипенко. – Вот почему в ранах старушки была кошачья слюна, а в ранах Карасика – нет. Как тот котище, что пошел к тебе в питомнике, они среагировали на кровь жертвы и облизали ее раны. С самого начала я обратил внимание на некоторые мелочи, которые не вписывались в теорию Кошачьего Царя. Во-первых, пыль на полу кладовой. Там явно кто-то стоял, прятался. Кто и зачем? Во-вторых, никто не удосужился обратить внимание на то, что старушка была в ночной рубашке.

– Я обратил, – сказал Жаров. – Ее раны были от этого хорошо видны.

– Обратил, и все? А вывода не сделал. Ведь если бы старушка применяла магию, варила зелье, выходила на кухню… Наверняка же она была бы одета. Нет, старушка спала, когда на нее напали убийцы. Кроме того, еще одна деталь. Окно было всего лишь притворено. А дверь заперта изнутри. Это значило, что один из убийц, полагаю, что Гущин, вполне мог запереть дверь и выбраться на улицу через окно.

Пилипенко помолчал, отхлебнул виски, сморщился, но не от вкуса напитка, а от овладевшего им отвращения – к убийцам, к своей работе, к человеческому бытию вообще. Проговорил:

– Можно представить, как они это сделали. Просто оторопь берет: как после этого они могли смотреть друг другу в глаза, целоваться и прочее?

– Ну, Бони и Клайд, например…

– Те просто стреляли. Это не так омерзительно. А тут… Мужчина, как более сильный, хватает жертву, валит ее на пол. Женщина, как знающая человеческую физиологию медсестра, поражает жертву прямо в сонную артерию длинными щипцами, на конца которых – железные зубы. Жертва бьется, дрожат ее конечности. Меж тем убийца, пока кровь еще горяча, рвет щипцами тело жертвы, дабы создать иллюзию множественности укусов, один из которых смертельный.

Пилипенко замолчал. Жаров смотрел на друга с грустью: у следователя было лицо плачущего человека, правда, с совершенно сухими глазами.

– Есть многое на свете, друг Гораций… – начал было Жаров, но Пилипенко резко махнул в его сторону рукой.

– Тебе бы давно пора научиться выбирать девушек, – строго сказал он.

Жаров вдруг подумал, что практически все девушки, которые ему нравятся, в итоге оказываются замешанными в каких-то мрачных делах… И что у него за карма такая?

Кроме того, он становится похожим на какого-нибудь Эркюля Пуаро или Джессику Флетчер: везде, где бы ни оказались эти странные люди, немедленно происходит убийство.

– Послушай, – сказал он. – Давно хотел тебя спросить…

– Ну?

– Все вертелось на языке…

– Так что же, говори!

– Что произойдет с этими котами? Неужто отправите в приемник, на убой?

– А ты бы хотел взять их к себе?

Жаров развел руками: нет, конечно, он не хотел.

– У нас вчера появилась одна пожилая дама из цирка. Она когда-то работала вместе с Карасиком. При цирке есть столовая, там куча пищевых отходов. Ярцев еще сегодня днем собирался отвезти ей всех этих котов. Так что – жизнь продолжается!

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: ангел на кладбище.

Сергей Саканский

Маньяк-мертвец

Оказавшись в желтом, уже достаточно задымленном пространстве пивного зала, Жаров бросил на деревянный стол пачку газет, быстро прошел к прилавку и напузырил себе кружку «Оболони». Первую он выпил залпом, прямо здесь, со второй вернулся к столу, стукнул ею об стол и огляделся по сторонам.

Конец рабочего дня, народ постепенно концентрируется. Уже нельзя позволить себе роскошь отдельного столика и напротив Жарова сидит какой-то человек, более того, он уже нацелился бровью на пачку «Крымского криминального курьера» и готов вступить в разговор.

День у Жарова был тяжелый, как всегда во вторник, перед выходом в продажу очередного номера. По вторникам Жаров с утра до вечера крутился за рулем, поэтому и кружки пива позволить себе не мог. Он забирал из типографии тираж и закидывал его трем крупным дилерам, развозил по пяти магазинам, а завтра с утра ему предстояло объехать еще несколько точек. Эту пачку (представительская часть тиража) он отнесет сегодня в редакцию, где и заночует, так что кружку-другую пива на сон грядущий выпить сейчас можно, тем более что машину он уже поставил на стоянку, а до редакции отсюда пешком пять минут.

– Курьером трудишься? – кивнул его сосед на пачку прессы.

– Угу, – ответил Жаров сквозь очередной глоток.

Это лицо показалось ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, где уже видел его раньше.

– Дрянь эту криминальную возишь, – зловеще продолжал навязчивый собеседник.

Жаров молчал.

– И что за ерунду они пишут… – добавил сосед.

Жаров молчал, потому что был не только курьером этой газеты. Он был ее главным редактором, владельцем и учредителем, плюс к тому – автором той самой передовицы, в которую ткнул своим рыбным пальцем угрюмый нетрезвый сосед.

Статью он написал на той неделе, и она ему пока еще нравилась. Некая вольная фантазия о снах и сновидениях, о пророческих кошмарах, которые мучили знаменитых преступников накануне смертной казни. Одна загадочная история действительно имела место, Жаров вычерпал ее в интернете, остальные он выдумал сам – кто их знает, знаменитых преступников, что им там снилось перед вступлением на эшафот?

– А я почитал, пока ты за пивом ходил. На самом деле, не так все это и глупо. Кое-что такое все же есть… Знаешь, кто я?

Он потянулся к Жарову через стол, обдав его запахом вяленого леща. Жаров подумал, что сейчас он признается в зловещем убийстве, которое совершил в школьные годы, чему уже давно истек срок давности, а значит, и похвастаться можно. Но реальность приготовила ему гораздо более причудливый изгиб.

– Месяц назад, – глухим голосом сказал сосед, – мою жену распорол маньяк. И до сих пор его не поймали, так-то.

Жаров наконец, узнал его. Да ведь это же Куравлев! Тот самый Куравлев, муж молодой женщины, зверски убитой маньяком-карателем на Рабочей улице. Подозрение, естественно, поначалу пало на мужа, его допрашивали, Жаров тогда заходил в управление, навестить своего друга, следователя Пилипенко, а тот был как раз занят с этим Куравлевым. Помнится, у него оказалось какое-то железное алиби, да и обстоятельства убийства снимали с него подозрения. По всем признакам было ясно, что в городе появился маньяк. Он мог нанести свой следующий удар

через неделю, через две или более. Пилипенко, который вел это дело, был уже месяц как на взводе, но маньяк, затаившись где-то, не торопился продолжить свое представление…

Жаров глубоко вздохнул, Куравлев истолковал этот вздох по-своему.

– Тяжело, конечно. По вечерам особенно. Входишь в комнату, а там – цветы… Оттого и пью.

Он приподнял свою кружку и с грустью осмотрел ее.

На самом деле, Жарову стало стыдно: эмоция, притаившаяся за его вздохом, была совершенно другой – с отвращением к себе он подумал, что этого человека послал ему удачный случай, и теперь нельзя его упустить. Ведь перед ним сидел великолепный материал для газеты, и ему приходится быть немного мерзавцем, скрывая свою радость по поводу грядущей работы…

– Сочувствую, брат, – сказал Жаров. – Может, тебе помочь чем-то? Ты только скажи…

Жаров знал такие ситуации. Как ни цинично это звучит, но пьет-то он оттого, что природный пьяница, и подсознательно использует повод, как бы трагичен и тяжел он ни был. Жаров был готов сделать что-то для этого несчастного – дать ему денег, что ли? Но денег Куравлев не просил. Ему был нужен слушатель. В следующие полчаса Жаров узнал такое, отчего человек, сидевший напротив, заинтересовал его по полной программе…

* * *

Евгений Куравлев был инженером на конфетной фабрике, его жена Нина временно не работала. Как-то раз, вернувшись домой после, откровенно говоря, хорошей пьянки, он обнаружил свою жену мертвой. Преступник убил ее ударом ножа в сердце, усадил на супружескую кровать, а в ладонь вставил скрученную в трубку брошюру. Это была маленькая карманная книжка «Сердце грешницы». Другая рука жертвы сжимала рукоятку столового ножа, который оставался в теле. Это положение также (как было доказано следствием) придал телу убийца. Похоже, он хотел создать показную, карикатурную иллюзию, будто бы женщина, прочитав разоблачительную брошюру, не вынесла позора грешницы и тут же покончила с собой.

Эту часть истории Жаров знал от следователя Пилипенки, который, к тому же, был самым плодовитым внештатником «Курьера» и, кроме того, пытался взять на себя роль цензора. В частности, Жарову пришлось поклясться, что все газетные материалы, касающиеся незакрытого дела маньяка-карателя, будут проходить через него.

Ситуация с маньяком была отвратительной еще и потому, что сейчас был самый разгар весны, все вокруг цвело и распускалось, а это значило, что скоро откроется сезон. Непойманный до начала сезона маньяк стал бы катастрофой для города. Вот почему газетные сообщения на эту тему должны быть особенно корректны.

Дальнейший рассказ Куравлева был смутен, странен и не входил в его официальные показания. Оказывается, утром того дня, когда произошло убийство, Нина рассказала ему сон. Накануне в их почтовый ящик как раз бросили эту брошюру, «Сердце грешницы». Какая-то американская религиозная организация наводнила этими книжицами всю Ялту, ее адепты ходили по Набережной ряжеными и пропагандировали супружескую верность, моногамию и, вообще, жизнь без греха.

Нина Куравлева видела сон, будто бы к ним в дом ворвался маньяк. Он был членом этой секты, сам был ряженым и пришел казнить ее. Будто она должна исполнить казнь собственноручно, пронзив свое сердце кинжалом, сердце грешницы. И вот, вернувшись домой тем вечером, Куравлев застал именно такую картину…

* * *

Жаров с любопытством разглядывал соседа. Неуместно было пускаться с ним в околонаучную дискуссию, но Куравлев начал сам:

– Я никогда не верил в вещие сны, даже в детстве. А она верила.

– Это может быть просто совпадением, – неохотно проговорил Жаров. – Принесли брошюру. Она называется «Сердце грешницы». Вот и приснился такой сон. Например, в статье, которую… Вот в этой статье… – Жаров запнулся, вспомнив, что он в данной ситуации случайно играет роль курьера, а не автора. – Там написано, что один преступник накануне своей казни видел сон, что на

эшафоте два сизых голубя сели ему на плечи. И что же? Как раз во время казни прискакали двое полицейских с известием, что казнь отменена. Более того, его осудили ошибочно, и он был не преступник, а герой. И за это его повысили в чине, повесили ему на плечи эполеты.

Это была как раз одна из выдуманных им историй. Но была и настоящая. Жаров хотел было ее рассказать, но его собеседник перебил его:

– Нина всегда говорила, что перед катастрофами людям снятся сны, и они, эти сны, в точности предсказывают катастрофы…

Впрочем, может быть, этот человек как раз таким образом и отвлекался от своего горя. Просто говорить о том, что произошло, было бы похоже на желание вызвать жалость к себе. В итоге он все равно, хоть и через другую тему, говорил о своей жене.

И он поведал Жарову еще две истории о сновидениях, довольно широко известных в народе и скучных.

– У меня у самого был такой случай в детстве, – сказал Жаров. – В пионерском лагере, в горах. Ты был в лагере?

И Жаров тоже рассказал историю.

Родители как-то отправили их в лагерь «Тюзлер», что на полпути к Ай-Петри – Витьку Жарова и Вовку Пилипенко. Они были еще не настолько взрослыми, чтобы бегать за девчонками, и вся энергия уходила на страшилки. Их рассказывали на ночь – загробным голосом, когда лежали в палате после отбоя. Днем, в тихий час, когда их насильно укладывали спать, отчего-то пошла мода рассказывать и сны. Постепенно все стали с ужасом замечать, что некоторые сны сбываются.

Например, одному мальчишке приснился сон, будто бы он пошел чистить зубы, а из тюбика, вместо зубной пасты, полезли черви. На другое утро один пионер действительно выдавил из своего тюбика дождевого червяка. Следующий раз кому-то приснился сон, будто на забор лагеря свалилась сосна, и тут же оказалось, что это на самом деле произошло.

И вот, в третьем отряде воцарился самый настоящий ужас… Он захватил сначала мальчишескую палату, потом перекатился через коридор к девчонкам. Одной Леночке приснилась злая крыса с горящими глазами, выходящая из-под шкафа, а на другое утро она нашла у себя под кроватью крысу, правда, уже дохлую. Вершиной этого кошмара был сон о том, что машина директора лагеря свалилась в пропасть над Караголем. Вещий сон сбылся, директор, к счастью, успел выпрыгнуть, но на кое-кого настучали со страха, и кое-кого вызвали к начальству…

По мере того, как Жаров рассказывал, Куравлев все больше мрачнел. Странная, неожиданная реакция… Обычно эту историю слушали с радостным интересом, в ожидании концовки, которая все объяснит. Но собеседника, похоже, вовсе не интересовала ни сама история, ни ее концовка. Куравлев нетерпеливо ерзал, по всему было видно, что его посетила какая-то серьезная, неотступная мысль. В конце концов, он угрюмо простился, запрокинул голову с кружкой, допивая остатки, и поспешно вышел из пивной, так и не дослушав неожиданного финала жаровской истории.

Журналист остался сидеть над пачкой своих газет, глубоко задумавшись, вспоминая каждое сказанное им слово. Допив свое пиво, он взял под мышку пачку «Курьера», и в задумчивости добрел до редакции.

Что-то в его безобидном рассказе насторожило Куравлева, каким-то неожиданным образом повернуло ход его мыслей…

Конечно, человек, чью жену зверски убили месяц назад, имеет право на неадекватное поведение. Где-то по городу ходит маньяк, все силы брошены на его поиск, но пока – тщетно. Нина Куравлева была лишь первой жертвой: никто в управлении не сомневался, что вот-вот должно произойти следующее убийство… Куравлев правильно поступил, что не рассказал следователю сон своей жены. Прагматичный Пилипенко сделал бы один возможный вывод – Куравлев и есть убийца.

Он подозревал жену в измене. Нашел в почтовом ящике брошюру и прочитал ее, что еще больше разогрело его гнев. Тут жене снится этот сон. И Куравлев убивает ее, обставляя казнь атрибутами сна.

И все же, эта версия была отброшена. Почему? Что за железное алиби у Куравлева и что за обстоятельства, исключающие его причастность к убийству жены?

* * *

Поздно вечером, чуть ли не на автопилоте дойдя до редакции, Жаров все никак не мог угомониться. Теперь его рука постоянно сжимала бутылочку крепкого «Славутича» – после слишком бурного общения с Куравлевым, ему была необходима постоянная химическая поддержка. Он и номер Алиски набирал, держа «Славутич» в ладони.

Алиска работала психологом в милиции, с этой девушкой у Жарова были сложные, запутанные отношения. Последнее время они дошли до такой стадии, что Жаров не мог обратиться к ней иначе, как по служебной необходимости. Ему показалось, что она тоже была рада поводу пообщаться.

– Что ты обо всем этом думаешь как штатный психолог? – спросил Жаров, рассказав ей в общих чертах о встрече с Куравлевым.

– Думаю, что надо сообщить об этом следователю, который ведет дело. И не бойся, что Пилипенко поднимет тебя на смех.

– Я сообщу, – ответил Жаров, хотя и не был уверен в правильности такого решения. – Но сначала хотелось бы с тобой поболтать. Ты ж должна что-то знать о снах и сновидениях! Вот, например, в моей последней передовице, есть такая история, которая произошла на самом деле…

– Не рассказывай, – перебила его Алиска. – Я ведь куплю газету завтра. А если расскажешь, то будет неинтересно читать.

Она помолчала, наверное, собираясь с мыслями. Весенний сквозняк, вместе с чьей-то пьяной песней летевший из распахнутой форточки, шевелил на столе бумаги. Жаров слышал ее дыхание, ему стало грустно. Еще недавно оно было рядом с ним, полностью принадлежало ему. Теперь кто-то другой слушает эту тихую музыку…

Алиска говорила, будто читая какой-то готовый текст, как всегда, быстро и четко:

– Сон на самом деле может предугадать будущее, если признаки этого будущего находятся в настоящем. Например, тебе снится сон, что ты провалился на экзамене. А ты плохо готовился, ты знаешь, что можешь не сдать и боишься этого. В ночь перед экзаменом тебе снится сон, что ты провалился. Днем ты естественно, получаешь неуд. Не потому, что тебе приснился вещий сон. И сон, и неуд имеют одну причину – ты не подготовился к экзамену, олух!

– Спасибо, – отреагировал Жаров. – Ну, а в данном случае?

– Супруге Куравлева действительно мог присниться сон, что ее кто-то убьет, если она изменяла мужу, если он грозил ей и так далее.

– Но почему ей приснился не муж, а какой-то маньяк?

– А вот почему: у мужа были определенные склонности, она ведь это хорошо знала. Возможно, он проделывал с нею в постели какие-нибудь жестокие штучки. Вот и возникла ассоциация: муж – палач, который, в образе ряженого, наказывает ее за измену, сердце грешницы – брошюра, она сама виновата – сама пронзает себя ножом. Поэтому я и говорю: расскажи Пилипенке, хоть оно и выглядит, как бред. Любой маньяк когда-то начинает. Кто может поручиться, что после убийства своей жены этот Куравлев на самом деле не станет маньяком?

* * *

Повесив трубку, Жаров вспомнил разговор с Куравлевым. Он не говорил прямо, что жена была ему неверна, но Жаров догадался, что по этой части в его семье было неблагополучно.

Вот уже месяц следствие велось по нескольким направлениям. Поиски любовника были безрезультатны: Куравлев ничего не мог или не хотел сказать по этому поводу, опрос соседей и подруг жертвы также не дал результатов.

Само собой приходило на ум, что убийство как-то связано с деятельностью секты борцов за нравственность, но никакой зацепки, кроме брошенной в ящик книжицы, обнаружить не удалось. Однако именно на ней, на глянцевой поверхности обложки, на свежей типографской краске, и были найдены отпечатки пальцев, скорее всего, оставленные убийцей. В базах данных эти отпечатки не значились, не принадлежали они ни работникам типографии, печатавшим книгу, ни той разносчице, которая бросила книгу в почтовый ящик. Впрочем, последнее объяснялось:

девушки из секты ходят в маскарадных костюмах, а костюмы комплектуются легкими белыми перчатками, не столько для защиты от холода, сколько для символического имиджа чистоты…

Главная версия следствия была такова. Маньяк, которого прозвали Карателем, взял на себя миссию наказания некой неверной жены, о чем недвусмысленно свидетельствовала обстановка преступления. Следующей его жертвой тоже должна стать чья-то гулящая жена. Логично рассуждать так же, как и он, и представить, каким образом Каратель может найти очередную жертву.

Где обычно встречаются любовники? В гостиницах, на частных квартирах, сдаваемых внаем. На автовокзале можно снять комнату на одну ночь без всяких проблем. В гостиницах дороже, и надо предъявлять паспорта. Сотрудники гостиниц были проверены в первую очередь, равно как и старушки, сдающие комнаты. Конечно, старушками их называли чисто условно, чтобы упорядочить терминологию. Были среди них и молодые люди, этих проверили прежде всего. Одна из гипотез заключалась в том, что некто, например сын хозяйки, которая сдавала гнездо любовникам, может увидеть будущую жертву и выследить ее…

Это, конечно, на тот случай, если маньяком все же не был сам Куравлев. Жаров, чувствуя себя еще достаточно словоохотливым на сегодня, позвонил, несмотря на поздний час, своему другу-следователю, чтобы огорошить его сенсационным рассказом.

Но Пилипенко явно скучал, слушая его. Затем прервал, не дав договорить до конца:

– Все бы ничего, только одна мелочь не вписывается. Дело в том, что у этого Куравлева железобетонное алиби. Три человека подтвердили, что он весь вечер находился в другом месте.

– А как ты объяснишь вещий сон жертвы?

– Очень просто. Никакого сна не было. Куравлев алкоголик. К тому же, с ним произошло несчастье. Этот кошмар мог присниться ему самому. Я удивляюсь, почему тебя это удивляет. Ведь в твоей завтрашней газете ты выдумал все истории, кроме одной.

– Откуда ты знаешь, гражданин цензор?

– Просто логика. История о гарвардском убийце, которому приснился сон, что оборвалась веревка и так далее. Она самая скучная, потому и подлинная.

Гм… Получалось, что старый друг таким образом делает комплимент его фантазии. Жаров поблагодарил:

– Спасибо. А ты помнишь, что было у нас в лагере?

– Конечно. Но там была иная последовательность событий, чем в случае с Куравлевым. Сначала одному парню приснилось, что в его зубной пасте завелись черви. Этот сон был на самом деле. На другой день он рассказал сон всем остальным. И на следующее утро другой парень, то есть, я сам, устроил сцену с дождевым червяком.

– Это был эффект! Ты якобы вытащил его из своего тюбика. Потом к мистификации присоединился я. Рассказываю якобы сон, затем иллюстрирую. В сущности, во всей этой цепочке событий было два настоящих сна – про червей и про крысу. Остальные сны были рассказаны либо тобой, либо мной.

– Был еще и третий. Про лягушку. И крупно повезло нам тогда с деревом: оно упало во время тихого часа, и никто, кроме меня, когда я бегал в туалет, об этом не знал. То же самое, когда ты подслушал, как завхоз говорит по телефону о той аварии с директором. Ну и, кончилось все тем, что нас с тобой чуть не выгнали из лагеря.

* * *

Жарову не спалось в эту ночь. Он ворочался на диване, закручиваясь, как червяк в кокон, в свою старую армейскую шинель. Ветер доносил с улицы запах цветущего миндаля и чьи-то любовные стоны. В редакции, как всегда по вторникам, уютно пахло свежей типографской краской, принесенной сюда с пачкой завтрашних газет.

Куравлев не выходил у него из головы. А что, если он на самом деле убил Нину, но сделал это в бессознательном состоянии? Вот и получалось, как в «Тюзлере» – сначала сон, потом его осуществление…

Тем же вечером, закончив развоз тиража, Жаров подогнал свой старенький «Пежо» к проходной конфетной фабрики, припарковавшись на краю стоянки для сотрудников, через два места от голубого «Фольцвагена» Куравлева.

Инженер Куравлев мелькнул в дверном проеме в положенное время и направился к своей машине. Жаров тронулся ему вслед. Они проехали по Весенней, спустились по Дзержинского и выскочили на трассу. Было ясно, что Куравлев движется домой, хоть и боле длинным, но гарантированно свободным от вечерней пробки путем. Вот и его дом, обыкновенная пятиэтажка. Жаров решил уже было отстать, но тут произошло нечто странное.

Оставив «Фольцваген» во дворе, Куравлев не стал входить в подъезд, развернулся и пошел вниз, на Садовую. Жаров тоже бросил свою машину и устремился за ним. Дойдя до продуктового магазина, Куравлев остановился, достал мобильный телефон и потыкал в кнопки.

Жаров не понял, что произошло: то ли Куравлеву пришло СМС, то ли он сам решил отправить. Но манипуляции, которые он делал с мобильником, не походили на СМС. Жаров стоял совсем близко, скрываясь за стволом платана. Куравлев несколько раз нажал на одну и ту же кнопку. Не могло же его сообщение состоять из одной повторяющейся буквы?

Миновав магазин, Куравлев пошел вверх по Садовой и снова остановился. Здесь не было ничего примечательного, кроме одноэтажного жилого дома с верандой, увитой глицинией. Растение только собиралось зацвести, бутоны висели среди лиан, словно маленькие виноградные гроздья.

Куравлев опять достал мобильник и снова ткнул в кнопку. Жаров отметил, что его палец ударил по клавише пять раз. Что бы это могло значить?

В дом с глицинией Куравлев не вошел, повернулся и быстро зашагал обратно. Опять магазин и манипуляция с мобильником. Последняя остановка и снова та же манипуляция – у подъезда своего дома на Рабочей, где он, наконец, и скрылся.

Жарову пришла в голову одна идея, и он решил ее проверить. Спустившись в центр, он разыскал магазинчик, где продавались мобильные телефоны, и попросил показать ту же модель, что была у Куравлева.

Через несколько минут он узнал, что, нажимая на одну клавишу пять раз можно выйти на встроенный в мобильник секундомер. Значит, Куравлев проверял некий маршрут, засекал время. У Жарова не оставалось никакого сомнения: здесь готовится новое убийство.

* * *

Позвонить Пилипенке? И что сказать? Конечно, на основании таких подозрений никто не будет организовывать слежку за объектом. Но вот посидеть в небольшом кафе на Садовой никому не возбранялось. К тому же, Жаров чувствовал голод. Он вернулся к этому кафе и устроился на открытой веранде. Официантка положила перед ним меню.

Это был великолепный наблюдательный пост: отсюда хорошо просматривался и поворот улицы, где был магазинчик, и тот одноэтажный дом, увитый набухающей глицинией.

Из динамика доносилась тихая музыка, Жаров был здесь единственным посетителем, две милые официантки беседовали за стойкой, иногда поглядывая на него, что волновало, поднимало настроение…

Когда-то давно еще в школе, Пилипенко и Жаров играли в сыщиков. Получилось спонтанно: они увидели на Набережной Минина, который сейчас служит в управлении экспертом-криминалистом, а тогда был всего лишь старшеклассником из их школы и собирался учиться на врача.

Минин был погружен в свои мысли и не заметил их. Друзья пошли за ним, с удивлением обнаружив, что Минин по-прежнему их не видит. У памятника Ленину Минин почитал газету на стенде, затем прошел вдоль гостиницы «Крым» и скрылся в Доме книги. Пилипенко и Жаров буквально наступали ему на пятки, заглядывали в книги, которые он просматривал, Пилипенко даже записал названия книг в блокнот.

Затем Минин направился в кассы «Сатурна» и взял два билета на вечерний сеанс, Пилипенко записал название фильма.

Таким образом они довели Минина прямо до его дома на улице Манагарова, и только наутро, в школе, поймали его и таинственными голосами рассказали о том, где он вчера был, какие книги листал, на какие места взял билеты в кино.

Леня занял позицию нападения: выслушав ребят, он невозмутимо заявил, что с самого начала видел их, только притворялся, что не замечает, и все время думал, что этим двум дуракам от него надо?

Он и до сих пор так рассказывает эту историю, хотя Пилипенко и Жаров также до сих пор убеждены, что Минин, которому они оба буквально дышали в ухо, так и не заметил, что за ним следят.

Как ни странно, но этой маленькой детской практики хватило не только Жарову, но и профессионалу Пилипенке. Все навыки скрытного наблюдения они оба получили именно в тот день.

Сейчас сидя в кафе, Жаров вспоминал ту далекую осень, и у него щемило сердце – оттого, что столько времени прошло, оттого, мир стал совершенно другим, что многие надежды так и не сбылись…

Просидев около полутора часов, Жаров уничтожил порцию свиного жаркого с фирменным салатом, выпил две чашки кофе, выкурил несколько сигарет. Это, конечно, была не блестящая идея, сидеть и ждать на куравлевском маршруте неизвестно чего. Какое должно произойти здесь событие и когда?

Жаров уже собирался уходить, как увидел крупного мужчину, который, поднявшись по улице, пройдя мимо магазина и кафе, вошел в тот самый дом с верандой.

Темнело, и в окошке, отворявшемся на веранду, уже горел слабый розовый свет. Тень вошедшего мелькнула за шторой.

Несколько минут ничего не происходило, но вдруг в доме послышался шум, будто свалился стул. Человек выскочил на веранду. На нем был светлый пиджак, и на ткани теперь красовалось большое темное пятно. Это была, вне всякого сомнения, кровь. Человек достал мобильный телефон и принялся куда-то звонить. Он выглядел сильно взволнованным и, разговаривая, размахивал рукой, так, будто его собеседник стоит перед ним.

Жаров понял, что должен действовать немедленно.

* * *

Он бросил на стол две смятые двадцатки и пулей вылетел из кафе. Ворвавшись на веранду дома, он встал перед окровавленным человеком.

– Похоже, вам нужна помощь! – воскликнул Жаров.

И тут он увидел. За широкими плечами незнакомца находилось окно, штора была задернута неплотно, и в этой щели открывалось зрелище, от которого Жарова передернуло. На скомканной постели, опершись спиной о подушку, полулежала женщина. В руке она сжимала маленькую книжицу, другую руку прижала к груди…

Человек проследил за взглядом Жарова, сделал какое-то неуловимое движение, и Жаров покатился на пол.

– Стоять! – крикнул он, сам вскакивая на ноги. – Я из милиции.

– Так быстро? – сказал человек в белом пиджаке и снова попытался ударить Жарова, но тот перехватил его руку и сам сильно ткнул его кулаком в подбородок.

Следующий прием был хорошо знаком Жарову по армейской школе. Он завернул руку противника за спину и повалил его на пол, надавив ему коленкой в спину. Поняв, что сопротивление бесполезно, мужчина затих.

Свободной рукой Жаров достал мобильник и вызвал номер Пилипенки.

– Я только что задержал Карателя! – без предисловий сообщил он.

Пилипенко удивился:

– Как ты мог задержать мертвеца?

Жаров автоматически глянул на человека, лежащего под ним. Тот дернулся, пытаясь вырваться.

– Маньяк еще жив! – отрапортовал Жаров.

Он включил громкую связь, бросил мобильник на пол и крепко схватил поверженного обеими руками.

– Нам только что сообщили, – настаивала телефонная трубка на дощатом полу, – что Каратель убит.

– Где? Как?

– Наверху, на Садовой. Мы как раз и едем туда.

– Так а я где? Тоже на Садовой!

– Значит, ты и убил Карателя, – ехидно ответила трубка. – А вот сообщил об этом почему-то не ты.

Только тут Жаров заметил машину следователя, которая разворачивалась на площадке перед домом, шаря фарами по его стенам.

– Это я убил вашего Карателя, – послышался голос снизу: говорил поверженный человек в светлом пиджаке.

* * *

Ситуация была следующей. Петр Быков, сотрудник охранной фирмы, вернулся домой и застал маньяка, так сказать, за работой. Точнее, он уже закончил ее – убил жену Быкова и обустроил сцену: женщина лежит, якобы воткнув нож себе в грудь, в руке держит книжонку «Сердце грешницы». Похоже, маньяк задержался лишь для того, чтобы еще пошерстить в доме, сочетая приятное с полезным.

Быков сгоряча не рассчитал силы удара и уложил маньяка так, что тот стукнулся виском об угол стула. Смерть наступила мгновенно. Петр Быков был человек сильный и, одновременно, неловкий: Жаров только что убедился как в том, так и в другом.

Теперь Быков выглядел мрачно: в течение нескольких минут ему пришлось пережить сразу два события – почти на его глазах убили жену, плюс он сам совершил убийство, хоть и непреднамеренное. Кроме того, его еще и самого избили – это уже постарался бывший десантник Жаров.

– Я знаю этого человека, – сказал Жаров, указывая на труп, свернувшийся в углу.

Быков, сидевший на стуле, с удивлением поднял голову.

– Хорошие же знакомства вы водите! Я не хотел его убивать, честно. Хотя собаке, как говорится…

– Не говорите плохо о собаках, – попросил Пилипенко. – Собаки как раз и помогают нам ловить таких мерзавцев.

– Одного не могу понять, – сказал Жаров. – Как он успел пройти незамеченным? Часа три назад я вел его прямо до его дома. Наверное, он вернулся сюда, пока я заходил в салон мобильной связи. Дома он, как я вижу, переменил одежду…

– Припарадился перед важным делом, – заметил лейтенант Клюев.

Жаров подошел к трупу и нагнулся, чтобы рассмотреть лицо убитого. Через секунду он с удивлением поднял голову.

– Это не Куравлев! – воскликнул он.

Пилипенко пожал плечами:

– А почему это должен быть Куравлев?

Жаров взял следователя за рукав и вывел его на веранду.

– Потому что Куравлев, – тихо сказал он, чтобы не слышал Быков, – сегодня вечером ходил вокруг этого дома и замерял время по секундомеру.

– Интересно, зачем?

– Вот и я думаю. Ходил вокруг дома, где вскоре произошло убийство. Разумеется, он как-то причастен к этому.

– У маньяков редко бывают напарники, – задумчиво проговорил Пилипенко.

Он вернулся в комнату и распорядился доставить Быкова в управление.

– Я арестован? – спросил Быков.

– Задержан. Возможно, вам предъявят обвинение в непреднамеренном убийстве. Возможно, отпустят до суда.

– А что решит суд? – глупо спросил Быков.

Его можно было понять. Человека, который спас мир от маньяка, будут за это еще и судить. Но таковы законы…

– Я не судья, – сказал Пилипенко. – Могу предположить, что вас оправдают. Ну, а сейчас мы вынуждены вас задержать. Могу только лично принести благодарность за проявленный героизм.

Услышав эти слова, Быков даже приосанился, но по всему было видно, что идти в КПЗ ему не хочется.

– В любом случае, – сказал следователь, – здесь вам оставаться нельзя: сейчас в вашем доме будет работа, и довольно неприятная.

Быков двинулся к машине через двор. Его широкие плечи были опущены. Пилипенко остановил его.

– Как вы уже сказали, вы пришли домой раньше, отпросившись со смены. Я хочу узнать – почему?

Быков смутился.

– Мне не хочется об этом говорить.

– Вам придется.

– Это странная история… – он помолчал, затем все же решился. – Дело в том, что моя жена сегодня утром рассказала мне сон…

* * *

Жаров был потрясен. Убитая женщина поведала мужу точно такой же сон, какой приснился Нине Куравлевой в ночь перед убийством. Сон о ряженом маньяке, который заставляет ее совершить собственную казнь, с ножом в сердце и книжицей в руке.

У Быкова не выходил из головы этот сон. Жена оставалась дома одна, и его мучили предчувствия. В конце концов, он отпросился со службы и примчался домой. Сон непостижимым образом сбылся…

Быкова увезли в управление, предварительная работа в доме, где произошло убийство, закончилась. Был поздний вечер, Пилипенко и Жаров сидели в машине следователя, он не торопился трогаться с места: похоже, ему хотелось немного передохнуть, да и поговорить… Он положил руки на руль, поглядывая на темные окна дома Быкова.

– Оставим в покое эти сны, – сказал Пилипенко. – Давай подумаем о фактах и только о фактах.

– Нельзя оставить в покое сны, потому что загвоздка, может быть, именно в этом.

– Я не верю в такие дела. Если хочешь, разрабатывай свою мистическую версию, а я займусь расследованием. Итак, факты. Куравлев крутится возле дома Быкова. После этого в дом врывается маньяк. Можно сделать два вывода: либо Куравлев сообщник маньяка, либо он каким-то образом знал о его намерениях.

– Получается, что он опять – сообщник маньяка.

– Да, ты, конечно, имеешь представление о законах. Если Куравлев знал маньяка, был в курсе его намерений и не оповестил нас, то он и есть сообщник. Только все это надо сперва доказать. Личность Карателя выясняют. Возможно, найдутся его связи с Куравлевым. Теперь о Быкове… Сдается мне, что я где-то недавно слышал эту фамилию. Быков, Быков… Очень простая фамилия. Обычно такие забываются, кажутся знакомыми… Как лошадиная фамилия у нашего знаменитого земляка.

Вдруг он удивленно присвистнул.

– Быков, вернее семья Быковых, да плюс еще их соседка… Это и есть то самое железное алиби Куравлева! Быков и есть тот самый друг Куравлева, у которого он сидел и пьянствовал в тот вечер, когда убили его жену.

Пилипенко потер кулаком лоб, поправил очки, шмыгнул носом. Это значило, что в голове его пошел активный мыслительный процесс. Жаров тоже не терял времени – обдумывал свою версию о снах и уже начал нащупывать любопытную схему…

– Вот что, – вдруг поднял голову Пилипенко. – В целом, мои соображения таковы. На самом деле, в городе все же действуют не один, а два карателя. Во время убийства Куравлевой, ее муж обеспечил себе алиби тем, что сидел у Быкова. Каждому ясно, что в убийстве жены в первую

очередь будут подозревать мужа. В это время неизвестный, убитый сегодня Быковым, казнит жену Куравлева. Это вроде тайной организации, как те ряженые американцы. Борьба за чистоту нравов. Два человека объединились в якобы благородных целях.

– И отправной точкой был, конечно, сон жены Куравлева! – воскликнул Жаров.

– Только не в том таинственном смысле, как ты мне навязываешь. Все просто и утилитарно: сон лишь подсказал сценарий убийства. Куравлев давно задумал убить свою неверную жену, он совершил казнь чужими руками и по схеме ее сна. Но вот что самое интересное. Мы искали маньяка среди каких-то официантов, квартиросдателей… На самом деле, Быков, будучи другом Куравлева, рассказал ему кое-что о своей жене. Может такое быть на дружеской пьянке? Именно в тот день, когда Куравлев добывал свое алиби в гостях у Быкова. Куравлев решил и ее покарать, жену Быкова. И сегодня его сообщник это сделал. Быков расправился с сообщником. Правда, в эту теорию не вписывается сон жены Быкова. Впрочем, – Пилипенко поднял глаза к небу, – этот сон вообще ни во что не вписывается…

– А это уже я могу объяснить, – сказал Жаров. – Это так же реально. Никакой мистики. Вспомни пионерлагерь. Ведь дохлая крыса так напугала девчонок, что одной из них потом приснился такой же сон, только про огромную лягушку…

– Точно, – оживился Пилипенко. – Пришлось нам еще утром ловить лягушку на водопаде, чтобы бросить ей в постель.

– Я об этом и говорю, – продолжал Жаров. – Женщины были знакомы друг с другом. Я имею в виду обеих жен – Куравлева и Быкова. Возможно, первая рассказала свой сон второй. Тут ее убили. Второй, от эмоционального потрясения, тоже мог присниться подобный сон. Это вовсе не противоречит даже твоей теории, которая мне кажется сомнительной.

– Что же в ней не сходится?

– Не совсем понятно, зачем Куравлев промерял время для своего сообщника, – сказал Жаров.

* * *

Пилипенко собрался было что-то возразить другу, но тут из-за поворота вывалила небольшая толпа. Несколько человек шли молча, очень близко друг к другу. Что-то было в них странное, отталкивающее. Когда они вступили в круг фонарного света, Жаров понял, что это и есть они – ряженые в костюмы цирковых клоунов борцы за нравственность.

Они остановились напротив дома Быкова. Один из клоунов указал ладонью на дом. Все обступили его.

– Каким образом они узнали, что произошло здесь несколько часов назад? – пробормотал Пилипенко.

Клоун, с неугасимой улыбкой на лице, стал что-то рассказывать, делая ладонями жесты, будто изображая движения самолетов. Другие клоуны слушали, кивая. Их красно-белые улыбки покачивались вверх-вниз.

Пилипенко открыл дверь машины, Жаров открыл свою. Клоуны, оглянувшись, замерли. Казалось, они приветливо улыбаются людям, быстро идущим к ним, огибая группу с обеих сторон.

– Милиция, капитан Пилипенко, – сообщил следователь. – Всем оставаться на местах.

Ряженые заговорили все сразу, их голоса были глухими, доносясь из-под масок.

– Мы частная зарегистрированная организация! – объявил один.

– Мы не нарушаем общественный порядок, и все совершенно законно, – уточнил другой.

– Мы абсолютно не пьяны, – зачем-то добавил третий.

– Нас привел сюда наш коллега! – сказал четвертый, указывая на пятого клоуна, того, кто рассказывал, показывал и был центром компании.

– Откуда у коллеги информация о месте преступления? – строго спросил следователь.

На несколько секунд все замолчали, переглянувшись. Жарову почудились под красными пластиковыми улыбками рты, искривленные недоумением, будто это был глупый, ужасно неуместный вопрос.

– Да я просто живу в этом доме! – сказал пятый клоун глухим голосом, который все больше проявлялся и звенел, по мере того, как клоун стягивал маску, разваливая по плечам светлые кудрявые волосы.

Четверо других клоунов тоже сняли маски, оказавшись довольно молодыми мужчинами и женщинами.

– Это вы? – удивился Пилипенко. – Квятковская Анна! Конечно, я вас помню: вы тоже принадлежите к секте.

– Мы не секта! – подал голос белобрысый парень.

– А массовая, борющаяся за реставрацию нравственности организация, – добавил лохматый рыжий клоун, немного заикаясь, будто перебрал лишнего.

– Молчать! – взвизгнул Пилипенко, вскинув палец к небу.

Гвалт, готовый опять начаться, мгновенно оборвался.

– Сейчас заберем вас всех в вытрезвитель, – низким страшным голосом сказал Жаров.

Пилипенко обернулся к нему:

– Это и есть соседка Быкова. Третье железное алиби.

– Я и привела своих друзей, посмотреть на дом, где произошло убийство грешницы. Что тут такого?

Следователь игнорировал вопрос, посмотрев куда-то вверх. Склон в этом месте был нарезан на террасы: сразу над двором Быкова возвышался другой частный дом старинной постройки, с большим балконом, огороженным точеными перилами.

– Это ведь ваш балкон? – спросил Пилипенко.

– Ну да! – ответила Анна.

Он осторожно взял ее за рукав, чтобы отвести в сторону от прочих клоунов. Жаров успокоил заволновавшихся клоунов ладонью и присоединился к следователю.

– Превосходный наблюдательный пункт, – сказал Пилипенко. – Во время убийства вы были дома?

– А в какое время произошло убийство? – спросила Анна хитрым голосом.

Пилипенко усмехнулся.

– Весь вечер я провела на собрании, – продолжала девушка, – пошла туда сразу после работы. Только забежала домой поужинать. Вот и узнала все. Вернулась в наш клуб и привела сюда друзей.

– Очень хорошо, – сказал Пилипенко. – Между прочим, один вопрос. Ведь это вы бросили брошюру в почтовый ящик Куравлева Евгения?

– Конечно, это мой участок, на Рабочей. И ваш сотрудник уже снял мои отпечатки пальцев.

Анна была в легких белых перчатках, она держала свою маску в обеих руках, словно водолаз шлем. Все остальные тоже были похожи на бригаду водолазов, только что поднявшихся из акватории порта.

– Поэтому и вопрос, – сказал Пилипенко. – В начале месяца было тепло, насколько я помню. Но вы, наверное, все равно были в перчатках, так же, как сейчас?

– Вовсе нет, почему? Разносить корреспонденцию – одно, а участвовать в акциях – другое. Перчатки – это часть костюма, вы ж видите!

Разговор был исчерпан. Анна присоединилась к остальной группе, и все они молча двинулись по улице вниз, в желтом свете фонаря бросая на асфальт длинные тени.

* * *

– Квятковская Анна проходила как свидетель алиби, – задумчиво проговорил Пилипенко. – Без нее алиби Куравлева не было бы таким железным, поскольку двое свидетелей, все-таки, были пьяны.

– Так она с ними не пила?

– В том-то и дело, что нет. Она была дома, смотрела из окна, заходила к соседям, слышала звуки и так далее. Конкретно во время убийства она возилась с перепившим Куравлевым. Там постоянно работал телевизор, как всегда в наших жилищах. По телепередачам мы точно установили время. Куравлев не убивал свою жену. Но Квятковская член секты. А брошюра секты фигурирует в обоих делах.

– Может быть, ее роль только в том и заключается, что она пыталась вовлечь своих соседей в секту? Да и самого Куравлева, который к ним ходил. Только и всего, что подсунула им брошюру, косвенное орудие убийства…

– Может быть – да, – сказал Пилипенко. – А может быть, тут что-то совсем другое… Она была без перчаток. По идее, на свежей краске брошюры должны были остаться ее отпечатки. Но их нет. Есть только чьи-то неизвестные.

Жаров немного подумал. Все эти детали как-то не вязались одна с другой.

– А отпечатки Куравлева на брошюре есть?

– Нет, – сказал Пилипенко.

– Но этого не может быть! – воскликнул Жаров. – Ведь Куравлев вчера сам сказал мне, что брошюру бросили ему в ящик. А отпечатки жертвы, жены Куравлева?

– Нет, тоже нет. Только пальцы работников типографии и какого-то неизвестного.

– Что это значит?

– Не знаю.

* * *

Установить личность человека, убитого в доме Быкова, не составило труда. Чем больше изучалась эта личность, тем большее омерзение она вызывала у тех, кто был непосредственно связан с процессом.

Аркадий Рачко был маниакальным бабником. Все свои силы он тратил на охоту за женщинами. Уроженец небольшого сухопутного городка, он специально переселился на курорт, в зону, где водилось наибольшее количество дичи. Соответственно своей цели он выбрал и профессию – газовщик, что позволяло ему весь день общаться с домохозяйками.

Квартира, которую он снимал, напоминала подсобное помещение магазина «интим». Кроме бумажной порнографии, компьютера, забитого одной и той же темой, да еще – эротической перепиской с русскоязычными жительницами всей планеты, от Забайкалья до Австралии, при обыске были найдены и некие эксклюзивные материалы.

На хард-диске компьютера обнаружились сделанные плохонькой цифровой камерой видеоролики, где легко узнавался сам Рачко, занимающийся сексом с разными женщинами, в различных интерьерах. На одном из роликов была и спальня Быкова, и его жена…

Все это выяснилось на другой же день после убийства. Пилипенко рассказал об этом Жарову с кислым лицом. Жаров понял, что его друг переживает сейчас один из периодов сомнений, которые все чаще случаются с ним последнее время: он снова подумывает бросить службу и заняться чем-то таким, чтобы видеть с утра до вечера только хороших людей…

Ночью они сидели в офисе редакции, Жаров откупорил бутылку виски из своего представительского фонда, что уже через полчаса погасило лихорадочный огонь в глазах следователя. Он положил ноги на каминный экран, и его лицо приобрело сонное выражение.

– Впрочем, останусь, хотя бы еще на год, – заключил он. – В конце концов, моя служба и заключается в отлове всякого рода подонков. Поднимаю этот бокал за их упокой.

Жарову вдруг пришла в голову дикая мысль.

– А ведь то, что этот сантехник…

– Газовщик, – поправил Пилипенко.

– Ну, газовщик… То, что он был любовником жены Быкова, в корне меняет дело.

– Какая разница? – лениво спросил Пилипенко. – Он был любовником многих женщин в этом районе.

– Но не жены Куравлева.

– Это неизвестно. У нее тоже в квартире газ.

– Я вот что подумал, – сказал Жаров. – Каким бы плохим ни был этот донжуан, оно еще не значит, что он убил обеих женщин.

– Значит, – устало сказал Пилипенко.

– Но история может быть совсем другой. Быков пришел домой и застал жену с любовником. Он ударил любовника, не рассчитал сил и убил его. Затем убил свою жену. Вложил ей в руку

брошюру, имитировал действия маньяка. Ведь он знал от своего друга Куравлева, каким именно образом была убита его жена…

– Хорошая теория, – сказал Пилипенко, – но неверная.

– Это почему?

– Да потому что именно Рачко убил обеих женщин. Я не успел тебе сказать главного. Тот отпечаток пальца, на первой брошюре, и принадлежит как раз ему.

– Ах, вот как!

– Именно. Кроме того, в его кармане нашли еще две брошюры. Он был разносчиком. За небольшую плату от секты впаривал эти брошюры клиентам. Они используют такого рода людей, тех, кто ходит по домам, согласно своей профессии. Легко и удобно.

Новая теория Жарова была разрушена, не успев даже толком выстроиться.

– А где сейчас Быков? – спросил он.

– Дома, наверное. Его освободили до суда, часа три назад.

– Будут судить?

– Разумеется. Он убил человека.

– Маньяка.

Пилипенко помолчал, вероятно, раздумывая, ввязываться ли в спор, который они вели уже много лет. Дискуссия касалась справедливости правосудия, права на правосудие одних и неправо – других.

– Да оправдают твоего Быкова, – сказал он. – Даже условного срока не дадут, я думаю. Вынесут из зала суда на руках – как героя, который освободил землю от чудовища.

– А ведь ты недоволен, – сказал Жаров. – Вы всегда недовольны, когда кто-то другой вершит правосудие вместо вас.

– Если бы каждый вершил правосудие, как Чарльз Бронсон… На самом деле, таких судей и палачей в одном лице надо примерно наказывать. Для этого и существует кодекс. Если бы Быков убил при превышении пределов необходимой самообороны, допустим, нам удалось бы доказать, что Каратель первый напал на него…

– Так докажи.

– В том-то и дело, что это было убийство по мотивам мести. За смерть жены. А за месть у нас сажают. В данном случае, сработают смягчающие обстоятельства. Быков действовал в состоянии аффекта, во-первых, действовал голыми руками и не хотел изначально убивать. До трех лет. Возможно, условно. Но, опять же, учитывая все прочее, его просто отпустят из зала суда и все.

Пилипенко опустил голову, желая показать, что не хочет больше обсуждать этот вопрос. Бутылка опустела, открывать следующую не хотелось. Друзья вышли на улицу.

Во дворе распустился каштан, простирая к небу узкие пирамиды цветов, озаренных светом фонаря.

– Это хорошо, что дело закончилось весной, – заметил Пилипенко, потянув ветку за лист, – Если бы маньяк начал свои набеги с открытием сезона, у всех нас были бы большие проблемы.

– Я не уверен, – вдруг сказал Жаров, – что оно закончилось…

– Тебе что – подсказывает чутье нереализованного сыщика?

– Нет, скорее, литературное чутье. Я всегда исхожу из того, что это не в жизни происходит, а кто-то пишет тут детективный роман. Мог бы роман так закончиться?

Пилипенко покачал головой.

– Это был бы совершенно дурацкий роман.

* * *

Меж тем, по всему городу невозмутимо продолжалось цветение кустов, деревьев и лиан: повсюду полыхала глициния разных сортов и оттенков, оформил свои соцветия тамариск, а у почтамта уже распустились ранние розы… Жаров по инерции вздрагивал, увидев очередной костер соцветий, поскольку зрелище напоминало ему о маньяке, о скором открытии сезона и пережитых волнениях.

Маньяк был мертв, но ощущение неоконченного романа не проходило. Три обстоятельства никак не вписывались в официально принятую версию. Что за странные дела произошли с

отпечатками пальцев? Зачем Куравлев промерял время в районе места преступления? И, наконец, что самое непостижимое – с какой стати обеим жертвам снились одинаковые сны?

Пилипенко вызвал и допросил Куравлева, уже в связи с новым убийством. На прямой вопрос, зачем он шатался вокруг дома, где вскоре было совершено преступление, он не дал вразумительного ответа, сказал, что просто хотел зайти в гости к другу (Быкову), но передумал. Когда речь зашла о замере времени, Куравлев явно пришел в замешательство, но вскоре овладел собой и даже занял агрессивную позицию: дескать, не имеют права судить гражданина за то, что он ходил по улице, поглядывая на свой собственный мобильник.

В конце апреля дело маньяка было закрыто, в производстве осталось лишь параллельное дело Быкова, которое все же удалось квалифицировать как убийство при превышении необходимой самообороны.

Жаров решил заняться сектой. Он и сам не знал, чего конкретно хочет: во всяком случае, материал на фельетон набрать было можно. Кроме того, ему хотелось снова увидеть девушку-клоуна, Анну Квятковскую, а это был вполне приемлемый повод.

Секта арендовала просторную четырехкомнатную квартиру в старом доме на улице Дражинского. Жаров отправился туда пешком, пройдя мимо цветущих финиковых пальм у здания морпорта…

В штаб-квартире секты было какое-то собрание, хлопали двери, по коридору сновали люди. В прихожей за столиком под лампой сидела молодая женщина, по виду дежурная, Жаров обратился к ней. Она сообщила, что Анна не появлялась уже несколько дней, наверное, заболела.

– Пойду, спрошу у кого-нибудь…

Дежурная вышла в другую комнату, в проеме высокой двери мелькнули внимательные лица людей, близко сидящих друг к другу на полу. Среди них покачивалась знакомая шевелюра рыжего клоуна, который несколько недель назад, у дома с глицинией, показался Жарову пьянее остальных.

Под лампой лежал журнал, очевидно, для записи посещаемости, как в школе. Жаров перевернул страницу, другую… Внезапно у него замерло в груди, как всегда – от близости неожиданного открытия.

Вот страница за 18 апреля, день, когда произошло второе убийство. Запись: Ан.Квятковская. Пришла – 21.15. Ушла – 21.25.

Но этого не могло быть! Вернее, это так было, судя по записи, но не соответствовало прежней информации. В тот вечер, когда они с Пилипенкой встретили клоунов, Анна сама сказала, что сразу после работы отправилась сюда, в штаб-квартиру секты. Получается, что она солгала. Зачем?

Жаров вышел по-английски, не дожидаясь, когда дежурная вернется. Ему повезло: сразу у подъезда он поймал такси.

* * *

Первое, что услышал Жаров, когда машина скрылась за поворотом улицы, было жалобное, монотонное мяуканье кошки. Быков курил, облокотившись на перила своей веранды. Жаров не собирался с ним встречаться, но лестница, ведущая к дому Анны, начиналась от его порога.

– Боишься суда? – спросил Жаров.

– Не очень.

– Наверное, героем себя считаешь?

– Нет, – Быков бросил окурок на землю. – Осточертело все. Еще и кошка эта…

– Что за кошка? – Жаров посмотрел вверх, откуда доносилось мяуканье.

– Это кошка Аньки, соседки. Уже вторую ночь спать не дает. В смысле, кошка, а не Анька. Мяучит. А у меня сейчас в жизни самое главное – покрепче уснуть.

– Кошка закрыта в доме, – задумчиво проговорил Жаров. – Наверное, она голодная, а хозяйки нет…

– Молодая девушка, одинокая, – сказал Быков, посмотрев на часы. – Может, ночует у кого. И ей не до любимой питомицы.

Жаров поднялся по узкой бетонной лестнице с черными трубчатыми перилами. Маленький дворик Анны выглядел весьма неряшливо: опавшие с персикового дерева лепестки давно не

сметали, посреди двора, поблескивая обручем, валялась цветочная кадка. Видимо, девушка так много времени отдавала своей общественной деятельности, что его не оставалось на собственный дом.

Жаров поднялся на маленькую веранду. Внизу, со стороны дома Быкова, донеслись голоса, хлопнула дверь машины. Наверное, кто-то приехал к Быкову – недаром он поглядывал на часы…

Кошка мяукала за обшарпанной дерматиновой дверью. Почуяв Жарова, она форсировала истерику. Жаров нажал кнопку звонка, хотя и так было ясно, что ему не откроют. Услышав звонок, кошка принялась царапать дверь с той стороны. Жаров дернул ручку, дверь почему-то оказалась незапертой, распахнулась, и животное, сверкнув в полете глазами, прыгнуло ему на грудь, свалилось, вскочило на ноги и с высоким воем исчезло в кустах.

Воздух в прихожей был затхлый, но, кроме запаха непроветренного жилья, в ноздри сразу бросился другой, происхождение которого не вызывало сомнений. Жаров прошел в гостиную. В комнате стоял шум, мягкий и ровный, исходивший от компьютера в дальнем углу. Того, что Жаров рассчитывал увидеть, здесь не было. Через коридор располагалась спальня, Жаров открыл дверь, зажимая нос. Это было здесь. На кровати, выпучив глаза, полусидела Анна. Правая рука сжимала рукоятку ножа. В левой торчала знакомая книжица – «Сердце грешницы».

* * *

Следственная бригада приехала быстро. Убийство произошло порядка тридцати пяти часов назад. Более точное заключение можно было сделать только после лабораторного исследования тела. Косвенным свидетелем времени убийства был компьютер, который исправно работал в экономном режиме, с погашенным монитором.

Его доверили Жарову для предварительного изучения – как самому продвинутому специалисту в этой области. Конечно, аппарат, как и многие другие улики, увезут в лабораторию, но для этого его придется отключить, что приведет к необратимой потере данных.

– Повезло еще, что за все это время ни разу не вырубили свет, – пробурчал Жаров.

– Действуй, пока его и вправду не вырубили, – сказал Пилипенко. – Я вызвал специалиста, но, пока он едет, по закону сволочизма как раз и нагадят электрики.

Жаров дернул мышью, экран медленно налился голубым.

Что может сказать компьютер? Журналист никогда не сталкивался с подобной проблемой, и сейчас стал лихорадочно соображать…

По крайней мере, время последнего сохранения открытого файла он отметил: действительно – тридцать пять часов назад.

Это был страстный, пронзительный и безграмотный текст, озаглавленный «Дневник грешницы». Было странным читать личные записи девушки, чей труп только что увезли. И, хотя квартиру проветрили, из каких-то ее дальних пустот все еще доносился сладковатый запах гниения, что придавало неряшливым словам дневника какой-то сюрреалистический смысл…

Жаров прокручивал дневник, ощущая себя подлецом. Однако вскоре это благородное чувство сменилось гораздо более сильным – он испытал ужас, от которого к горлу подступила тошнота.

«Сегодня как и вчера мне опять приснился то же самый сон…» – прочитал Жаров последнюю запись.

Это невыносимо! Маньяк, которого убили, маньяк-мертвец…

«Он в костюме клоуна, как все наши, – читал Жаров дальше. – Приближается. Подходит. Дает мне книгу и нож. Говорит: сделай это сама…»

Пилипенко, нагнувшись над столом, покрутил ролик компьютерной мыши.

– Глупости, – сказал он. – Никаких маньяков-мертвецов не бывает.

В этот момент в его кармане зазвонил телефон. Пилипенко прошелся по комнате, бросая подтверждающие реплики. На том конце связи клокотал взволнованный голос эксперта Минина.

Спрятав мобильник в карман, Пилипенко обернулся к Жарову:

– Ты был прав с самого начала. В этом деле замешен Куравлев. На сей раз он, похоже, сыграл главную роль – роль убийцы.

– Значит, Минин нашел его отпечатки… – сказал Жаров.

– Да. На последней брошюре пальцы Куравлева. Что ж, едем его брать, прямо сейчас. Ребята заняты, думаю, мы с ним и вдвоем справимся.

* * *

Пешком до куравлевского дома минут пять ходьбы, но это по лестницам сократов, а на милицейском Жигуленке пришлось покрутиться по серпантину улицы, что заняло чуть ли не больше времени.

– Вот почему я ненавижу автомобили, – пробурчал Жаров.

– Как ты сам видел, Куравлев ходил здесь пешком в тот вечер, бросив свою машину у дома, – медленно проговорил Пилипенко. – И он действительно промерял время, сколько его нужно пешему человеку. Только объектом, оказывается, был не дом Быкова, а дом Анны.

– Ерунда какая-то, – проговорил Жаров. – Рачко убил жену Куравлева и жену Быкова. Теперь Куравлев убил Анну. Какая может быть связь между всеми этими преступлениями?

– Думаю, мы это выясним, и очень скоро, – сказал Пилипенко, выруливая к подъезду пятиэтажки.

– Окна у него темные, – заметил Жаров.

– Может быть, уже спит, пьяный.

Но за дверью Куравлева их ожидало полное молчание. Пилипенко выглянул на улицу через окно подъезда.

– Нет, не спит, – сказал он. – Нет во дворе его драндулета. Слушай, ты ж как-никак собутыльник этого парня. Позвони-ка ему.

– Но он не давал мне своего телефона!

– Зато я его тебе дам.

Пилипенко достал из кармана и подбросил на руке черный аппарат. Жаров было потянулся за ним. Пилипенко отдернул руку, подняв аппарат над головой – так дети дразнят друг друга конфетой.

– Звони со своего, – сказал он. – Мой у него отпечатан, может и не ответить следователю.

Они встали, голова к голове, держа рядом свои мобильники. Жаров нащелкал цифры с дисплея Пилипенки. Какое-то время в трубке стояло молчание, полное дальнего сетевого эха, затем приятный женский голос произнес: «Абонент не отвечает или временно недоступен».

– И мне не хочет отвечать, – сказал Жаров.

– Или не может, – добавил Пилипенко.

– Такое бывает, если вытащить сим-карту из аппарата, – сказал Жаров.

– Не только, – задумчиво проговорил Пилипенко. – Такое может быть, если аппарат уничтожен.

Жаров достал пачку сигарет, щелчком выстрелил две и протянул следователю. Несколько затяжек они сделали молча.

– Вот что странно, – сказал Пилипенко. – Как сказал Минин, на последней брошюре, кроме пальцев самой Анны, Куравлева и работников типографии есть еще чьи-то неизвестные. Причем, они не только на обложке, но и внутри, на глянцевых картинках.

– Человека, который читал книжицу…

Они докурили свои сигареты и одновременно ткнули окурки в консервную банку, стоящую на подоконнике.

– А ведь Квятковская Анна не вписывается в систему маньяка, – сказал Пилипенко.

– Вряд ли ей от этого легче… А что ты имеешь в виду?

– До сих пор маньяк убивал замужних женщин, которые изменяли своим мужьям. А Квятковская не была замужем.

– У нее имелся какой-то парень, все равно, что муж. Она обманывала его, я прочитал об этом в ее дневнике. Вот Каратель с ней и разобрался… Между прочим, она была лгуньей, – добавил Жаров.

– С чего ты взял?

– Она где-то задержалась в тот вечер, когда мы встретили клоунов. Может быть, как раз у этого парня…

– Ну-ка, проясни!

Жаров рассказал о записи в журнале.

– Что ж ты мне раньше не сказал?

– Да как-то было не до того, с этим убийством… А что – это сильно меняет дело?

Пилипенко щелкнул пальцами.

– Значит так. В квартиру ты не входишь, ясно?

– А кто входит и как… – начал было Жаров, но следователь вдруг сильным ударом ноги распахнул дверь Куравлева и скрылся за ней.

Отворилась дверь напротив, выглянула взлохмаченная голова какого-то нетрезвого жителя пятиэтажки.

– Что тут происходит?

– Милиция, – строго сказал Жаров, и голова скрылась.

Пилипенко вышел через несколько минут. В руках он нес маленький прозрачный пакет, в каких продают хлеб. Внутри угадывались очертания разнокалиберных пузырьков и тюбиков.

– Зачем тебе это? – с удивлением спросил Жаров.

– Не могу сейчас сказать. Я проник в квартиру незаконно. Если тебе будет известен мотив моих действий, ты станешь соучастником.

– А так я кто?

– Да просто прохожий.

* * *

Пилипенко отвез Жарова в управление и усадил в своем кабинете, унеся куда-то пакет с пузырьками. Вернувшись, он сел за свой стол и, пальцем утвердив на переносице свои круглые очки, стал рассеянно просматривать сегодняшнюю сводку. Он явно чего-то ждал…

Вдруг его брови поползли наверх.

– Автомобильная катастрофа в районе кладбища, – прочитал он в документах. – В четырнадцать двадцать. Водитель, предположительно, не справился с управлением и машина свалилась с поворота в обрыв. Машина сгорела. «Фольцваген-гольф». Номер машины…

Жаров встрепенулся.

– Это машина Куравлева!

– Я уже понял, – сказал Пилипенко. – Послушай-ка, что там дальше. В машине обгоревший труп, предположительно, владелец транспортного средства. А мы уже объявили его в розыск…

– Вот почему не отвечал мобильник!

За дверью послышались торопливые шаркающие шаги: так ходил только один человек на свете – эксперт-криминалист Леня Минин. Войдя, он положил на стол лист бумаги.

– Ты был прав, это ее отпечатки, – выпалил он.

– Чьи? – не выдержал Жаров.

– Нины Куравлевой, – пояснил Пилипенко. – Отпечатки сняты с ее флаконов и тюбиков с косметикой, которые я сейчас изъял из квартиры. Я не сказал тебе сразу, зачем мне эти предметы, вовсе не потому, что опасался вовлечь тебя в незаконное проникновение. Это все ерунда, конечно. Просто, если бы мое предположение не подтвердилось, то я бы выглядел дураком.

– А теперь как ты выглядишь?

– Победителем.

Воцарилась пауза, Пилипенко, будто прислушивался, как где-то далеко в честь него играют гимн. Жаров ничего не понимал.

– Но она ведь тоже мертва, как и маньяк! – воскликнул он. – Как ее отпечатки могли оказаться на брошюре, которая была вложена в руки последней жертвы? Сегодня какое число? Боже! Ровно сорок дней назад…

– Именно, что сорок дней! – с торжеством в голосе сказал следователь. – Все сходится.

* * *

– У меня для тебя сюрприз, – сказал Жаров, когда они вошли в офис редакции.

Он прошел в угол кабинета, склонился над камином, давно не топленным, так как весна уже перевалила за середину.

Был поздний вечер, пора бы разойтись по домам, но Пилипенко не торопился. Или он ждал чего-то? Жаров знал, что следователь не скажет ни слова по сути дела, до тех пор, пока не прояснится какая-то последняя, одному ему ведомая деталь…

– Ух ты! – не выдержал Пилипенко, когда Жаров нажал белую клавишу и распрямился с торжествующим видом.

Казалось, что в камине пылает настоящий огонь – пламя будто шарило теплыми руками по стенам комнаты.

– Купил вчера электрическую топку, – сообщил Жаров. – А то непривычно как-то будет все лето провести без огня.

Иллюзия была почти полная, не хватало только запаха дыма: устройство воспроизводило даже треск горящих поленьев.

– У меня для тебя тоже сюрприз, по совпадению, – с усмешкой сказал Пилипенко и достал из кармана узкую длинную коробочку.

Он сорвал с нее пленку, и в зубах следователя воцарилась самая настоящая курительная трубка.

– Теперь вряд ты будешь спорить, кто из нас Холмс.

Табака не было, крошить сигарету для необкуренной трубки вредно. Так и устроился новоявленный Шерлок с пустой трубкой у ненастоящего камина…

И тут в его кармане зазвонил мобильник. Пилипенко согнулся в три погибели, несколько раз произнес: Да. Да. Ясно. Отлично.

– Ну что ж! – сказал он, захлопнув крышку аппарата. – Придется нам тут посидеть часа полтора. Правда, выпить – увы – будет нельзя… Служба продолжается.

Жаров приготовился слушать. Пилипенко отложил бесполезную трубку и закурил свой нормальный «Пегас».

– Итак, – произнес он сквозь затяжку, – в аэропорту Симферополя с подложными документами задержан Петр Быков. Нет никакого сомнения, что Куравлева убил он.

– Да? – удивился Жаров. – А Анну Квятковскую?

– Тоже он.

– А Нину Куравлеву?

– Он, Быков.

– А маньяка?

– Какого маньяка? – Пилипенко смотрел на Жарова с деланным изумлением. – Ты хочешь сказать, газовщика Рачко?

– Ну да, Карателя…

– Не было никакого Карателя. Был просто убийца Быков. И все свои убийства он совершил по разным мотивам. Ты уже высказал как-то это предположение, но я его не принял всерьез. Все дело было в отпечатках пальцев. На первой и второй брошюре были отпечатки Рачко, поэтому мы и записали его в каратели. Черт, ноги гудят…

Пилипенко устроил свои ступни поудобнее на каминном экране и ровным голосом начал свой рассказ.

* * *

Ничего случайного во всей этой истории не было, зато с избытком хватало импровизации – вот почему не сработала типовая логика расследования. Некоторые вопросы не вписывались в теорию следствия, но дело, тем не менее, все равно было закрыто.

Куравлев утверждал, что книжку им бросили в почтовый ящик, и он сам взял ее. Но на глянцевой поверхности книжки нет отпечатков Куравлева. Только пальцы работников типографии и какого-то неизвестного. Как выяснилось потом – это отпечатки Рачко. Почему Куравлев лгал, что книжку бросили в почтовый ящик, что он ее взял своими руками? Почему лгала Анна, что книжку бросила она?

Вечер первого убийства. Куравлев признается Быкову в том, что жена изменяет ему с газовщиком Рачко. Быкова потрясают эти слова, ведь он знает, что и его жена неверна ему, и что ее любовник – тот же вездесущий газовщик.

У пьяного Быкова возникает план. Рачко, будучи разносчиком секты, принес ему брошюру «Сердце грешницы». Быков еще не брал ее в руки, книжка так и лежит на столе в сарае, рядом с газовым баллоном.

Быков опаивает Куравлева, идет к нему домой и убивает его жену. Он использует перчатки и вкладывает брошюру в руку жертвы. Его расчет: докопаются до любовника, проверят его, найдут отпечатки. Посадят любовника, и тем самым освободят и его собственную семью. Уже уходя, он замечает на подоконнике в кухне точно такую же книжку. Он берет ее с собой, думает выбросить, но потом все же приносит домой и прячет. Почему он не выбросил ее? Вероятно, думал, что брошюра с отпечатками Куравлева ему еще пригодится, если первый трюк не удастся. Ведь таким образом на Куравлева можно было бы свалить еще одно убийство…

Быков в отчаянье: его план действительно не сработал. Куравлев не сообщил милиции, что у его жены был любовник, никто не подозревал Рачко. Так и появился на свет маньяк-каратель.

Проходят месяц, милиция ищет Карателя, которого на самом деле нет. Однажды Быков приходит домой со службы раньше и застает жену с любовником. Самого Рачко он убивает действительно случайно: сильный удар, падение, смерть. Но дальше – снова импровизация: Быков убивает свою жену уже опробованным способом маньяка-карателя, а в руку жертвы вкладывает одну из брошюр, которые носил с собой Рачко. Таким образом, получается, что Рачко – и есть маньяк-каратель, он убил обеих женщин, а народный герой Быков обезвредил его.

Анна Квятковская действительно солгала в тот вечер: она не была в штаб-квартире секты, а сидела дома и видела сверху, со своей веранды, как Быков расправился с любовниками.

Когда Анну допрашивали о Куравлеве, она все рассказала честно. Во время убийства его жены Куравлев был в доме Быкова и не выходил. Но выходил Быков. Анна тогда заподозрила его, но никому ничего не сказала.

Теперь Анна шантажирует Быкова, вымогает у него деньги или требует что-то еще. Быков убивает Анну, опять в стиле маньяка, а в ее руку вкладывает брошюру номер один – с отпечатками пальцев Куравлева.

И вот, сегодня, на сороковой день после гибели Нины, Куравлев и Быков отправляются на кладбище. И Быков убивает Куравлева, инсценировав автомобильную катастрофу.

Пока следователь рассказывал, Жаров ни разу не перебил его. Пилипенко замолчал, уставившись в искусственное пламя.

– Зачем же Быков убил Куравлева? – спросил Жаров.

– Быков убил Куравлева, потому что тот все знал, – ответил Пилипенко.

– Да, но откуда он все узнал?

– На этот вопрос, думаю, даст ответ сам Быков. Или… – Пилипенко вдруг замолчал.

– Что – или? – с волнением спросил Жаров.

– Время покажет.

В этот момент мобильный следователя зазвонил: машина с задержанным только что прибыла из Симферополя.

* * *

До Морской они дошли быстрым шагом, почти не разговаривая по пути.

Едва переступив порог кабинета, Жаров замер от неожиданности. На стуле, посредине помещения, устроив руки в наручниках между колен, сидел вовсе не Быков.

– Что ж, это даже лучше, – произнес Пилипенко, явно взбодрившись.

Куравлев поднял голову.

– Так вот оно что! – сказал Пилипенко. – Ты просто переклеил на паспорт Быкова свою фотографию. Догадался, что в розыск объявили тебя, а не его. По крайней мере, теперь-то ты точно расскажешь, зачем тогда замерял время.

Куравлев помолчал, затем нехотя начал:

– Во всем виноват вот он, – сцепленными руками задержанный показал на Жарова.

Жаров изумился, но промолчал.

– Если бы мы тогда не встретились, в пивной, то я бы и не сидел здесь. Он рассказал мне какую-то историю про пионерский лагерь. В тот момент я понял, кто и как убил мою жену.

– Вот почему ты тогда вдруг ушел, ни с того, ни с сего, – проговорил Жаров.

– Мне надо было подумать. И я сразу протрезвел. Ты рассказал, как у детей сбывались сны. Я понял, что эти сны просто разыгрывались, а причины и следствия менялись местами. Вспомнил, что я рассказал сон моей жены Быкову, в вечер убийства. Вспомнил, что Быков ходил в магазин за вином, когда кончилось, и его почему-то долго не было. Я тогда подумал, что он просто заболтался с продавщицами. И я знал точное время, сколько его не было…

– Как ты умудрился узнать время, ты ж был изрядно выпивши? – сказал Пилипенко.

– В квартире работал телевизор. Быков вышел в одной рекламной паузе и вернулся в другой. На моем мобильнике есть секундомер. Вечером, после работы, я промерил время. Понял, что за пятнадцать минут он вполне мог дойти до моего дома, убить Нину и вернуться. А по пути зайти в магазин. От дома Быкова до моего четыре минуты быстрой ходьбы. До магазина – крюк в три минуты. Моя жена хорошо знала Быкова и не удивилась, когда он вдруг пришел.

– А ты, стало быть, выяснил, что Быков убийца, провел собственное расследование, – сказал Пилипенко. – Прокурор, судья и палач в одном лице.

– Смертная казнь отменена, – твердо сказал Куравлев. – А такой, как он, не должен жить.

Пилипенко и Жаров переглянулись. Следователю явно не хотелось затевать с Куравлевым правовую дискуссию.

– Вот и со снами все прояснилось, – сказал Пилипенко, когда преступника увели. – Нина Куравлева рассказала свой сон мужу, тот рассказал его Быкову. Быков и претворил этот сон в жизнь. Затем, когда он убил свою жену, я спросил его: почему он пришел с работы раньше? Быков тогда смутился, не знал что ответить. Ведь он специально выслеживал любовников. Скажи он об этом, и мы сразу бы заподозрили его. И он нашел выход – рассказал о сне, который якобы видела его жена.

– К тому же, я тогда при нем упомянул имя Куравлева, что и подсказало ему решение, – сказал Жаров. – Этим он объяснил и то, почему пришел раньше, и то, что растерялся, когда ты застал его врасплох своим вопросом.

– Третий сон, Квятковской Анны, был создан по тому же методу, что и в нашем лагере, – сказал Пилипенко. – Два таинственных сна нам уже подбросили. Третий Быков просто впечатал в файл дневника Анны. Так и появился маньяк-мертвец.

* * *

Они вышли во двор. Прямо перед дверью управления распустила свои ветви огромная цветущая катальпа. Оба посмотрели на сиреневые свечи соцветий, жарко горящие в лучах утреннего солнца, и подумали об одном и том же.

– Конец делу о маньяке, – сказал Пилипенко. – Теперь пусть открывается сезон, пусть все вокруг цветет и пахнет.

– А ведь ты знал, – вдруг сказал Жаров, – что из Симферополя привезут не Быкова, а Куравлева.

– Догадывался, но не было уверен.

– И, как всегда, скрыл от меня свою догадку. Хотел сказать «Быков или Куравлев», но осекся, чтобы не выглядеть дураком.

– Благодаря этой привычке, – холодно возразил Пилипенко, – мне удается выглядеть дураком гораздо реже, чем оно есть на самом деле.

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: Стоунхендж (кромлех) на Солсберийской равнине в графстве Уилтшир (Англия).

Сергей Саканский

Смерть в лабиринте

Когда Жаров услышал в телефонной трубке взволнованный голос, он не сразу понял, что это звонит Пятаков, его коллега-бизнесмен. Впрочем, коллегой назвать его можно было с натяжкой: слишком уж разные у них бизнесы – Жаров владел частной газетой в Ялте, а Пятаков – аттракционом в Гурзуфе.

Но все же, нечто общее в их интересах было: и Виктор Жаров, и Андрей Пятаков увлекались проблемами неведомого. Пятаков иногда заезжал к Жарову в редакцию и даже уже тиснул в «Крымский криминальный курьер» три небольших статьи об инопланетянах, а также – одну информашку о призраке гурзуфского лабиринта.

Голый призрак лабиринта, он же – пьяный призрак, занимался тем, что бегал по лабиринту Пятакова в соответствующем виде, выскакивал из-за углов и пугал заблудившихся женщин. Самое смешное, что его поймали только на третий день с начала его деятельности. Лабиринт был действительно запутанный, а голый призрак умудрялся менять имидж. Он входил в лабиринт одетым, где-то в закоулках раздевался, делал свое мрачное дело, а потом снова одевался и преспокойно выходил, похожий на обыкновенного гражданина.

Жаров поймал его своими руками, найдя и стащив сложенную им одежду, и только потом сдал следователю Пилипенке, который, в нарушение всяких законов, основательно отшлепал голыша. Прямо из милиции парня со всеми почестями препроводили в Симферопольский дурдом. Результатом всего этого и была небольшая информашка в разделе происшествий жаровской газеты.

– Ну, что там у тебя? – поинтересовался Жаров у Пятакова, который звонил из Гурзуфа запыхавшимся голосом. – Опять голый призрак?

– Хуже, – сказал Пятаков.

– Призрак одетый?

– Нет. Кажется, это, наконец, серьезно. Дело в том, что сегодня утром у меня в лабиринте исчез человек.

* * *

То, что рассказал Пятаков, не могло не озадачить журналиста. Он вышел из редакции, с грустью посмотрел на свой старенький «Пежо», стоящий под плоской кровлей ливанского кедра. Дерево изрядно линяло и засыпало крышу и капот скрученной сухой хвоей. Нет, не хотелось садиться за руль и крутиться по гурзуфскому серпантину. К тому же, встреча с приятелем могла закончиться небольшой импровизированной пьянкой: тогда машину придется бросить в Гурзуфе или поручить эвакуаторам… Жаров выбрался дворами на Боткинскую и поймал такси.

По словам Пятакова, получалось, будто некий курортник вошел сегодня утром в лабиринт и не вышел обратно. Девушка, бывшая с ним, преодолела лабиринт и ждала его на лавочке. Когда это ей надоело, она обратилась к Пятакову, который сидел на кассе своего лабиринта. Тот отправился на поиски, прошел все закоулки сооружения, но заблудшего так и не нашел. Пластиковые стены были невредимы, перелезть через них он тоже не мог, иначе бы просто завалил тонкую стену, как это сделал голый призрак, пытаясь спастись от Жарова.

Девушка решила, что она просто умудрилась ненароком прикорнуть на солнышке. Парень же либо не заметил ее, когда вышел из лабиринта, либо просто решил смыться. И разъяренная подруга кинулась в гостиницу.

Это была не подруга, в обычном смысле, а профессиональная спутница. С ними заключают контракт на период отдыха. Ей пришло в голову, что смышленый курортник просто решил кинуть ее, не заплатив чаевых.

Машина спустилась в Гурзуф по старой дороге, мимо беседки Эхо, и выехала прямо к лабиринту. Пятаков сидел за кассой, вид его был растерянный.

– Я все понял, – сказал Жаров, пожав приятелю руку. – С девушкой-компаньонкой вовсе не случился солнечный удар. Это не она пропустила парня из лабиринта, а ты. Пока ты ходил, искал его, он спокойно вышел, очистил твою кассу и смотался. Девушка с ним заодно, только и всего.

– Нет, – сказал Пятаков. – Я запер кассу. Потом даже проверил все вещи. Конечно, я сам сперва подумал то же, что и ты.

Жаров огляделся. Перед ним была белая стена лабиринта, дальше в перспективе – перила, обозначающие вход. Жаров стукнул кулаком по стене, та зашаталась.

– Поосторожнее! – крикнул сердито Пятаков. – Ремонт одного поврежденного блока стоит чуть ли не недельной прибыли от лабиринта.

Перелезть такую стену труднее, чем сетку рабица: стена того и гляди, крякнет под тобой, и ты повиснешь, изрезавшись об ее осколки.

– В лабиринте нет складной лестницы?

– Да нет, зачем она?

– Человек не выходил, – рассуждал Жаров. – Вывод может быть только один. Он до сих пор в лабиринте.

– Но я прошел лабиринт от и до! Его нет.

– Следовательно, он все время шел впереди тебя. Заслышав, как ты идешь, он постоянно сворачивал за угол.

– Это невозможно, – со значением усмехнулся Пятаков. – Чтобы проделать такое, надо иметь на руках план лабиринта.

– Так значит, у него был план лабиринта.

Пятаков покачал головой, загадочно улыбаясь.

– Этого не может быть. Если он и скрывался от меня, то действовал не по плану, а как-то иначе. Только одного не могу понять: зачем ему это нужно?

– А вот это я сейчас выясню, – бодро сказал Жаров. – В лабиринте есть посетители?

– Нет. Сам понимаешь, еще не сезон…

Жаров улыбнулся. Затея с лабиринтом в Гурзуфе концептуально казалась ему сомнительной. Эх, прогорит Пятаков к октябрю, и придется ему прятаться от кредиторов где-нибудь в глубине своего лабиринта…

Жаров уже дошел до входа, но Пятаков окликнула его:

– Стой! Ты что – собрался искать курортника в лабиринте?

– Ну да.

– Ты серьезно думаешь, что сам не заблудишься?

Жаров оглядел лабиринт от угла до угла. Это был прямоугольник где-то двадцать на десять метров, немногим больше волейбольной площадки. Вдруг его взяла оторопь: а правда, что там, внутри? И насколько сложна эта система? В прошлый раз, когда он ловил голыша, его сопровождали Пятаков с электриком. Жаров еще ни разу не был в лабиринте один.

Он вернулся к кассе.

– Лабиринт, – назидательно произнес Пятаков, – на то и лабиринт, что в нем легко заблудиться.

* * *

Жаров вошел в будку, где сидел Пятаков.

– Дай мне план своего лабиринта, что ли…

Пятаков пожал плечами.

– В том-то и дело, – хитро сказал он, – что плана нет.

– Как же его строили? – удивился Жаров.

– Ну, была какая-то схема сборки, она у меня где-то дома валяется. Техническая схема – не план. А плана нет.

– Как же ты сам там ходишь?

Пятаков хитро посмотрел на Жарова.

– У лабиринта есть секрет. Любой человек может пройти лабиринт, если знает секрет. Электрик, уборщица и я – только три человека в мире его знают. Когда будешь идти, обрати внимание: над каждым перекрестком висит фонарик. В темноте я их включаю, это очень красиво. Но и сейчас видно, что фонарики разноцветные. Так вот. Если фонарик теплого цвета – желтый, оранжевый и так далее, то сворачивать надо направо. Если холодный цвет – синий, фиолетовый, лиловый – налево. А белый фонарик – прямо. Это, если ты идешь вперед, по часовой стрелке. Когда идешь назад – все наоборот.

– Хорошо, – сказал Жаров. – А что будет, если пойти неправильно? Я упрусь в тупик?

– Это необязательно. Может быть тупик, а может – параллельный проход.

– Понятно, – сказал Жаров. – А если я собьюсь с пути?

– Все равно иди, как я сказал. Только помни, как ты думаешь, что идешь – вперед или назад. Если начнешь попадать в тупики, значит, ты неправильно думаешь. Просто думай наоборот.

Жарову показалось, что он усвоил информацию. Он собрался было ринуться в лабиринт, как одна мысль остановила его.

– Послушай, – обратился он к хозяину аттракциона. – А как получилось, что девушка прошла лабиринт, а парень – нет? Они что же – потерялись?

– Да нет! Одна из предлагаемых игр, – Пятаков кивнул на красочный плакат-памятку, – как раз и состоит в том, что двое входят в лабиринт с разных сторон. Они могут встретиться, а могут и разойтись – это как повезет.

Жаров посмотрел на плакат-памятку. Серия мультяшных рисунков иллюстрировала эту увлекательную, очень полезную для курортников игру, которая называлась «Найди подружку». Веселый курортник и большеглазая курортница, оба с неправдоподобно большими головами, входят в лабиринт: он в правый проход, она – в левый. Они бродят по коридорам, аукаясь. Где-то в дебрях лабиринта они встречаются и целуются.

– Значит, лабиринт нелинейный, и там, внутри, – Жаров постучал ладонью по стене, – есть много вариантов прохода?

– Да сколько угодно! Так и получилось, что девушка шла, шла и вышла. А этот господин шел, шел…

– Думаю, придется вызывать «скорую», – мрачно сказал Жаров. – Лежит этот господин где-нибудь в лабиринте с сердечным приступом или что-то в этом роде.

Правда, какое-то смутное чувство подсказывало Жарову, что вызывать придется не «скорую», а следователя Пилипенко. Он решительно дернул свою бейсболку за козырек и быстро пошел к перилам.

* * *

Сразу на входе лабиринт разветвлялся на два коридора, предлагая начать путешествие либо по часовой стрелке, либо – против. Высота белой пластиковой стены была немногим более двух метров: можно было нащупать рукой ее край и даже загнуть за край пальцы. Будь эта стена прочнее, скажем, сделана из металла, то ловкий человек, да в хороших перчатках, мог бы подтянуться, сделать выход силой и вообще – покинуть лабиринт.

Жаров пошел налево, хорошо понимая, что движется пока вдоль внешней стены, и прямо за ней – площадка, где расположена касса, дальше, через небольшой газон с кустарником – набережная, за ней – пляж.

Первый поворот не давал выбора: Жаров двинулся направо, далее был Т-образный перекресток. Над ним висел полупрозрачный фонарь в форме ромба, внутри – бледная выключенная лампочка. Цвет фонаря был синий, значит, надо свернуть налево. Следующий перекресток был крестообразным, цвет фонаря белый, и Жаров прошел его, не сворачивая.

Через какое-то время он понял, что уже не может сообразить – в какой стороне набережная. Если бы на море был шторм, то он бы сориентировался по звуку, хотя и это вряд ли: несколько

параллельных пластиковых стен работали как хороший звукоизолятор, будто в музыкальной студии… Жаров шел и шел, перед глазами были только белые стены, серый пол и знойное голубое небо, нарезанное на углы.

В лабиринте было светло и чисто, только на одном перекрестке валялся какой-то мусор – с ливанского кедра, росшего за наружной стеной, падала хвоя. Жаров нагнулся: среди скрученных сухих иголок валялись еще какие-то катышки… Он бездумно поднял небольшой темный шарик, размером с виноградину, запоздало сообразив, что это не что иное, как козье дерьмо. Он с отвращением зашвырнул шарик прочь и продолжил путь.

Спустя три поворота он вдруг подумал: а откуда в лабиринте может быть коза? Вернулся, пытаясь выйти на то же место, но не смог… Вспомнил инструктаж Пятакова: чтобы выйти из лабиринта, надо принять какое-то направление за истинное и двигаться согласно фонарям. Жаров так и сделал, но на третьем повороте уперся в тупик. Значит, он принял неверное направление, и теперь надо при холодных фонарях сворачивать направо.

Внезапно его охватил страх. В этих монотонных стенах таилось что-то зловещее, больничное, что ли… Будто и не существует больше ничего другого вокруг – ни моря, ни Аю-дага, ни города и самой стены гор, а весь мир и есть – такой вот белый, бесконечный лабиринт, где никому и не надо исчезать, потому что все и так давно исчезли… А вдруг он сейчас сам исчезнет? И куда он денется, если исчезнет?

Жаров пошел быстрее, часто дыша, сердце его сильно забилось… Внезапно за поворотом открылся морской горизонт с далеким силуэтом круизного судна и чайкой, маниакально клюющей волну. Жаров вышел из лабиринта.

* * *

– Что? – удивился Пятаков. – Коза? Какая коза, откуда? Не может быть в моем лабиринте козы!

– И, тем не менее… – сказал Жаров. – Если в лабиринт как-то незаметно попала коза, то и человек мог как войти, так и выйти.

Жаров задумался. Дело даже не в том, что никакой козы не может быть в лабиринте – ее вообще не может быть здесь, в городе. Пятаков, похоже, думал о том же. Он сказал:

– Теперь я точно уверен, что тут аномальная зона. Знаешь, что было на этом месте раньше?

– Неужели кладбище? – спросил Жаров.

Но Пятаков не успел ответить: в кассу просунулась голова посетителя. Хозяин поспешно схватил протянутую двадцатку и принялся отсчитывать сдачу. Жаров толкнул его в бок: дескать, стоит ли теперь пускать туда людей? Но Пятаков упрямо замотал головой. Его можно было понять: при таком наплыве желающих его предприятие протянет недолго…

– Так о чем мы говорили? – поднял голову Пятаков, когда счастливый курортник отошел о кассы, помахивая вьющейся ленточкой билетов.

– Об аномальной зоне. На этом месте раньше было… Что? Насколько я себя помню, тут всегда были Пьяные аллеи.

– То-то и оно! – с жаром воскликнул Пятаков.

– Какое отношение Пьяные аллеи имеют к аномальной зоне?

– Самое прямое! Ведь Пьяные аллеи… Фу, черт! Чего они там не поделили, билеты, что ли?

Жаров посмотрел сквозь полукруглое окошко на улицу, где двое курортников о чем-то спорили, размахивая руками. Это была будто парочка из фильма Чарли Чаплина – один большой и грузный, другой – маленький и худой. В конце концов, худой прошел через перила лабиринта, а грузный опустился на лавочку, обмахивая шляпой свое красное лицо.

– Похоже, толстяк испугался идти, – со злорадством прокомментировал Пятаков. – Главное, чтобы ему в голову не пришло сдать билет обратно. Так что я говорил?

– Пьяные аллеи…

Лет двадцать назад на этом месте работала автоматическая пивная, где за десять копеек можно было напузырить стакан пива. Павильон был тесным, его использовали только для залива жидкости в банки или канистры, а само питие происходило на трех длинных аллеях, которые простирались вдоль набережной, с северо-востока на юго-запад, начинаясь прямо от стеклянных дверей пивной.

Администрация города планировала эти аллеи как место для неторопливых прогулок трудящихся, но сам факт павильона предопределил им иное назначение. Жаров хаживал сюда еще подростком, чтобы поглазеть на настоящих хиппи. Они стекались со всей страны и весь сезон лежали на одеялах, потягивая пиво.

Павильон был как раз на том месте, где сейчас стояла касса, далее, до самой танцплощадки, когда-то шли три широких асфальтированных аллеи, разделенные посадкой деревьев и кустов. В новые времена аллеи, кроме отдельных деревьев, были снесены: теперь на их месте постоянно возникали и разорялись какие-то кафе, магазинчики и аттракционы, лабиринт Пятакова был одним из них…

– Вот что я думаю, – сказал Пятаков. – Пьяные аллеи существовали много лет, где-то с середины семидесятых. За это время здесь побывали сотни тысяч людей. Их энергетика не могла просто так исчезнуть. Она растворилась в самом этом месте, в этих газонах и деревьях, проникла под асфальт, в глубину земли… И теперь тут образовалась геопатогенная зона, что естественно. Вот почему здесь исчезают курортники…

Эту теорию нельзя было ни доказать, ни опровергнуть, впрочем, как и любую подобную. Жарову оставалось только заметить, что курортник исчез пока только один.

– Впрочем, – добавил он, – если я когда-нибудь напишу об этих событиях повесть, то непременно попрошу поставить на обложку изображение какой-нибудь аномальной зоны.

– Может быть, это всего лишь начало, – проговорил Пятаков, и они оба посмотрели на грузного человека, который сидел на лавочке, в ожидании, пока его приятель пройдет лабиринт.

Жаров вдруг понял, почему толстяк остался: коридоры лабиринта были узки, не более восьмидесяти сантиметров шириной. Наверное, ему показалось, что он застрянет на каком-нибудь повороте. Мысль, конечно, глупая, но всегда хочется как-то объяснить поведение другого человека…

– Знаешь, что, – сказал он. – А ведь я не прошел лабиринт подчистую. Не углублялся в тупики, боялся заблудиться. Давай-ка прочешем лабиринт вдвоем: один будет ждать на перекрестках, пока другой осматривает тупики. Так и только так мы сможем с уверенностью заявить, что человек исчез. Или напротив – найти его, наконец.

– И то, правда! – сказал Пятаков, которому, по его деятельному характеру, претило сидеть на одном месте.

В этот момент будто солнце заглянуло в серое помещение кассы: огненно-рыжая, удивительно красивая женская головка появилась в полукруглом окошке.

– В гостинице его нет, и не было! – послышался мелодичный, несмотря на раздраженные нотки, голос.

Жаров понял, что это и есть та самая девушка-спутница из Симферополя, которая потеряла своего заказчика.

– Я ни в чем не виноват, – сказал Пятаков. – Мы с товарищем как раз собрались сейчас снова идти на поиски.

– Вы можете к нам присоединиться, – подтвердил Жаров.

Девушка повела смуглым плечом, недоверчиво оглянувшись на вход в лабиринт.

* * *

Ее звали Ганна. Жаров представился и пожал изящную и прохладную руку. Как всегда, при виде красавицы, его посетило легкое чувство утраты – оттого, что красавица принадлежит не ему, оттого, что с красавицей, как всегда, ничего не выйдет, и даже оттого, что ничего ему от нее и не нужно, поскольку красавица, в принципе, не та…

– Мы пойдем втроем, – с энтузиазмом заявил Пятаков. – На крестовых развилках один будет дежурить, а двое – исследовать тупики. Так мы пройдем очень быстро, минут за пятнадцать. Уборщица всегда оставляет корзину на развилке, как буек, чтобы подмести в тупике, – добавил он, осматривая Жарова и девушку, и будто прикидывая, кому из них больше подойдет роль корзины.

Пятаков запер кассу. Увидев, что должностное лицо производит какие-то действия, краснолицый курортник вскочил с лавочки.

– Вы что же – уходите? – вскричал он. – А как же мой друг?

Жаров и Пятаков переглянулись. Действительно, человек, скрывшийся в лабиринте, уже должен был выйти.

– Эй! – толстяк постучал по пластиковой стене. – Долго ты там?

– Он вас не слышит, – миролюбиво сказал Жаров. – Эти стены плохо пропускают звук.

– Вот я ему покажу звук! – воскликнул курортник и, закинув свою синюю сумку на плечо, ринулся в лабиринт.

Сумка задела за угол. Толстяк с сумкой был еще меньше приспособлен к параметрам лабиринта, чем просто толстяк. У Жарова возникло неприятное чувство, что вот-вот должно случиться что-то плохое. Теперь где-то внутри лабиринта находилось уже три человека.

Жаров пропустил девушку вперед, сам пошел за нею. Пятаков замыкал процессию.

– Если кто-то может исчезнуть в твоем лабиринте, значит, может и появиться, – сказал Жаров, обернувшись. – Я все думаю про эту странную козу. Например, человек исчез, и появился где-то в лесу, в горах. Вместо него в лабиринте образовалась коза… Впрочем, все это ерунда какая-то.

Девушка была в короткой юбке, ее стройные загорелые ноги мелькали перед глазами Жарова, словно два золотистых луча. Первый поворот прошли, не останавливаясь, на следующем, Т-образном перекрестке, Ганна развернулась и вопросительно посмотрела на Жарова. Он положил руку ей на плечо, как бы невзначай…

– Подождите меня здесь, – распорядился Пятаков, направляясь в правый коридор.

Через полминуты он вернулся:

– Пусто.

На следующем, крестообразном перекрестке он остановил девушку, сам пошел налево, Жарову указал направо. Завернув два раза за угол, он уперся в тупик.

На очередном перекрестке Ганна взбунтовалась, сказала, что не хочет оставаться одна, потому что ей страшно. Пятаков согласился исполнить роль корзины-буйка, которую оставляет уборщица, а Жаров с Ганной исследовали ложный проход. Неожиданно оказалось, что и он разветвляется. Жарову пришлось уговаривать девушку постоять несколько секунд одной…

Наконец, они дошли до того места, где Жаров обнаружил следы деятельности немыслимой козы. На полу была рассыпана хвоя ливанского кедра. Жаров подмигнул Пятакову:

– Это валялось здесь.

Тот недоверчиво поворошил носком ботинка сухие иголки.

– Ничего такого не вижу, – сказал он.

Жаров с изумлением осмотрел пол. То же самое место, ветка ливанского кедра простирается прямо над головой. Но никаких козьих шариков на полу нет.

– Не может быть, я ж своими руками… – Жаров осекся, не желая рассказывать дальше.

– Наверное, это просто другое место, – сказал Пятаков, поглядев наверх. – Ты уверен, что это точно было под веткой?

Жаров кивнул.

– Тогда все это более чем странно. Здесь только одно дерево.

– Я мог быть в параллельном коридоре, за этой стеной, – Жаров стукнул костяшками пальцев по пластику.

– Нет. Я знаю, что находится там. За стеной – коридор маршрута, который идет против часовой стрелки. Остается предположить, что эти… – Пятаков покосился на девушку. – Эти вещи тебе просто померещились.

– О чем вы говорите? – спросила Ганна.

– Просто о мусоре, – пробормотал Жаров.

Они прошли еще один перекресток, он снова был крестообразным. Ганна уже привыкла к лабиринту и сама бесстрашно двинулась исследовать очередной тупик. Как вскоре выяснилось, напрасно… Из-за угла донесся ее истошный вопль. Стена задрожала, похоже, девушка в панике ткнулась в нее. Жаров ринулся в проход и, пробежав несколько шагов, поймал бегущую навстречу Ганну. Ее лицо было искажено ужасом, она шарила ладонями по стенам, словно пьяная.

Ужас ожидал их за вторым поворотом. Первым сигналом ужаса был короткий четырехпалый мазок на стене, происхождение которого не вызывало сомнения. Труп лежал в тупике, уткнувшись лбом в стену. Синяя спортивная сумка валялась рядом. Это был тот самый грузный человек,

который минут десять назад отправился на поиски своего приятеля. На его гладко выбритом затылке зияла треугольная рана.

* * *

Даже для человека с самыми крепкими нервами это было бы нелегким испытанием – идти узкими коридорами, когда из-за поворота в любой момент мог выскочить неведомый убийца. Кроме того, Жарова не отпускала мысль, что они могут провалиться в какое-то другое пространство, где ждет их некая страшная, белая, хищная коза…

Девушка шла посередине, казалось, она побледнела всем своим телом, даже ноги уже не выглядели загорелыми. Пятаков, быстро продвигаясь, тормозил перед каждым поворотом, коротко заглядывая за углы, Ганна налетала на его спину, а Жаров – на ее. Он не смотрел назад, но чувствовал, что его плечи, помимо воли, напряжены до судороги. Он был занят делом: вызвал по мобильному Пилипенку и говорил с ним, стараясь озвучивать только факты. Следователь немедленно выехал в Гурзуф, прихватив с собой бригаду.

На выходе Пятаков автоматическим жестом перевернул табличку – лабиринт закрыт, хотя и без того особого наплыва посетителей не предвиделось. Ожидая приезда милиции, Жаров, Пятаков и Ганна заперлись в кассе. Девушка все еще дрожала, Жаров был вынужден обнять ее.

– Выпить бы рюмку, другую, – произнес Пятаков.

– Я бы тоже не отказался, – ответил Жаров. – Давай, и правда, сходим куда-нибудь вечером.

– Это само собой. Только надо бы сейчас, – с грустью сказал Пятаков, понимая, что его мечта нереальна.

– Как… Это… Могло… Произойти? – с трудом проговорила Ганна.

– Очень непростой вопрос, – отозвался Пятаков. – Да вы не волнуйтесь. Вам ничего не угрожает. Касса заперта. Если кто-то и появится, то мы с Витей с ним справимся. Сейчас приедет милиция…

Жаров еще крепче обнял девушку, сочетая приятное с полезным.

– Доигрались в аномальные зоны, – сказал он, обвиняя непонятно кого.

– Я не могу понять, – с возмущением сказал Пятаков, – где остальные двое?

Было ясно, что он винит себя за то, что произошло – как хозяин лабиринта и ответственное лицо.

– Теперь еще лабиринт закроют… А ведь такие планы строил, – с грустью проговорил он. – Думал, для привлечения клиентов, поставить в лабиринте автоматы.

– Какие автоматы? – полюбопытствовал Жаров. – Игральные?

– Не-ет, – протянул Пятаков, – Как раньше здесь – пивные. Как в старые добрые времена, на аллеях. Вот только лицензию думал получить.

Пятаков оживился, будто и забыв, что в его лабиринте лежит, по крайней мере, один труп.

– Вот, представьте себе такой огромный пивной лабиринт, – говорил он, разводя ладонями. – Это, конечно, будет значительно больший лабиринт, коридоры шире, с бордюрами, а по стенам посадим кусты в кадках. На каждом перекрестке – лавочки и пивной автомат. Люди будут стремиться в мой лабиринт, бродить там часами…

– Сутками, – уточнил Жаров. – С залитыми глазами из лабиринта вообще не выйдешь. Когда деньги у посетителя закончатся, он будет аскать на пиво у других. Захочет спать, приляжет на лавочку и поспит.

Девушка уже перестала дрожать и внимательно слушала разговор. Вдруг чему-то тихо засмеялась…

– Прибыль сразу потечет по двум каналам, – с воодушевлением продолжал Пятаков. – Пиво я закуплю многих сортов, и чтобы дойти до самого лучшего, надо будет еще постараться.

– А как с проблемой туалета? – деловитым тоном спросил Жаров.

– Вот и я тоже подумала… – вставила Ганна.

– О, это будет совсем просто. Повсюду в лабиринте поставлю указатели. А туалет будет в самом центре, большой, хороший… И прочую инфраструктуру налажу. По всему лабиринту будет ходить специальный служащий в белом халате, разносить ставриду, бычка…

– Мойву… – послышал вдруг снаружи хорошо знакомый голос.

В кассу просунулась голова следователя Пилипенко.

– Я тебе дам «пивной лабиринт»! – сказал он, одновременно строго и ласково, с той неповторимой интонацией, которая давно прославила этого человека среди друзей и врагов.

* * *

Похоже, что милицейская машина ехала той же дорогой, что и два часа назад Жаров – мимо беседки и коктейль-холла, остановившись между лабиринтом и танцплощадкой. Один за другим оперативники выходили из-за угла лабиринта, осматривались. Был Леня Минин, эксперт-криминалист, Петя Клюев и еще два человека.

– А где собака? – спросил Жаров.

– Собака на подходе, – сказал Пилипенко. – Неужели ты думаешь, что такое дело обойдется без собаки?

Он осмотрел всех троих, сидящих в кассе, обогнул строение и вошел в дверь, буквально через долю секунды после того, как предупредительный Пятаков поддел пальцем крючок запора. Жаров подумал, что его друг и не заметил, что они тут заперлись – почему-то ему было стыдно…

– Так, – сказал Пилипенко, вытаскивая и кладя на стол свой черный диктофон. – Хорошо, что вы заперли сию дверь (усек все-таки!) Начнем все сначала. Рассказывайте.

– А труп? – возмутился Жаров.

– Что – труп?

– Я думал, что ты сначала пойдешь смотреть труп.

Пилипенко пожал плечами.

– Оперативники уже пошли.

Жаров увидел сквозь окошко кассы, как Минин и Клюев, что-то коротко обсудив, скрылись за обрезом стены.

– Без меня нельзя! – встрял Пятаков. – Они заблудятся в лабиринте.

Пилипенко смерил его тяжелым взглядом.

– Мои ребята и не такие стоунхенджи проходили. Короче, начинайте.

Первым заговорил Пятаков, поскольку следователь вопросительно посмотрел сначала на него. Он рассказал о том, как курортник и девушка вошли в лабиринт с разных концов, чтобы встретиться внутри, девушка вышла, а мужчина – нет.

Затем инициативу перехватила Ганна. Она рассказала, что продвигалась по лабиринту довольно легко, если попадала в тупик, то возвращалась, в конце концов, неожиданно увидела впереди море и вышла на солнце. Села на лавочку, ждала своего приятеля, но он так и не показался.

– Не приятеля, а клиента, – уточнил Пилипенко.

– Откуда вы знаете? Впрочем, не имеет значения…

– Да что тут неясного? Я в милиции служу.

Пилипенко обернулся к Жарову:

– Теперь ты.

Жаров рассказал все, что с ним произошло в лабиринте, опустив лишь одну подробность, которая показалась ему излишней, но Пятаков, оказывается, так не думал.

– Ты забыл рассказать про козу, – строгим голосом напомнил он.

– Да ерунда все это… – пробормотал Жаров.

Пилипенко положил ему руку на плечо и спросил с участием:

– Ты встретил в лабиринте козу?

– Да померещилось, наверное! Не козу, конечно, а то, что она оставила.

– Ну, так в чем же проблема?

– А в том, что оно тоже исчезло! – выпалил Пятаков.

Жаров в нескольких словах рассказал, как было дело, умолчав, опять же, о том, что брал козий шарик в руки. Лицо следователя стало, против ожидания, серьезным.

– Значит, в этом лабиринте исчезают не только люди, но и предметы вообще, – задумчиво проговорил он.

* * *

До позднего вечера на бывших Пьяных аллеях кипела оживленная работа. Приехала труповозка: для того, чтобы вытащить тело, пришлось снять последовательно три секции пластиковой стены. Пятаков злился, Пилипенко пригрозил ему, что сейчас вообще разберет весь его лабиринт, чтобы лучше его рассмотреть.

Впрочем, он не собирался этого делать: Жарову пришла в голову мысль вызвать операторский кран и, с одобрения следователя, он позвонил директору киностудии, с которым был хорошо знаком.

Оперативники тем временем осмотрели лабиринт до последнего угла. Они шли втроем, оставляя дежурного на развилках, но все время казалось, что какой-то, самый главный тупик, где лежат остальные трупы, был упущен, и ребята возвращались на запутанный маршрут снова и снова…

Приехал кинолог с собакой, Ральфа никогда не вела себя так бестолково: она металась вокруг лабиринта, внутри вообще теряла ориентацию, а у входа брала обратные следы пропавших.

Когда прибыл операторский кран, Жаров уже нашел для себя точку наблюдения. Он залез на ливанский кедр, росший почти вплотную к стене, и продвинулся по толстой ветке, нависавшей над двумя крайними коридорами. Лабиринт отсюда был как на ладони: Жаров видел головы оперативников, в который раз прочесывающих коридоры. Будь у него в кармане блокнот, он бы без труда смог набросать план сооружения… И вдруг его осенила мысль, как показалось, единственно верная…

Дело в том, что ливанский кедр имеет форму гриба с плоской крышей, на какой-то высоте он перестает расти вверх и начинает распространяться в стороны, так, что по его крыше можно ходить.

Для этого, правда, надо обладать навыками циркача. Жаров сделал проще, он оседлал ветку и стал медленно продвигаться по ней. Вот и то самое место, где он нашел козьи шарики, тот самый коридор, засыпанный сухой хвоей.

Нет, неверной была эта мысль. Слишком высоко располагалась ветка над лабиринтом, чтобы кто-то мог подпрыгнуть и уцепиться за нее.

А если у этого человека был крючок? В принципе, закинуть крючок на ветку и подняться по веревке при надлежащей ловкости вполне возможно. Точно! Кто-то закинул крючок с веревкой на ветку и таким образом незаметно выбрался из лабиринта. Зачем – чтобы сбежать от девчонки по вызову? Неважно. Возможно, таким путем скрылся убийца.

Жаров представил, как некий человек закидывает на ветку крючок, карабкается. От этого вниз падает еще больше хвои. Может, он воспользовался какой-то специальной подъемной рулеткой? Но кто же тогда этот человек, если он ходит с такой рулеткой?

Но, в таком случае, на ветке, на ее коре должны были быть следы от крючка.

Жаров внимательно изучил ветку. Подвинулся чуть назад, думая, что царапины могут находиться под ним. Тщетно. Никаких следов на ветке не было.

Спустившись, он все же поделился своими соображениями с Пилипенкой. Следователь задрал голову и, приподняв очки, с сомнением осмотрел крону кедра, над которой в это момент проплывал операторский кран с Мининым и Клюевым в корзине.

– Ты «Фантомаса» много раз смотрел? – спросил Пилипенко.

– Да раза три. Каждого.

– Оно и чувствуется. Забудем об этом пока. Исчезновение человека из лабиринта не столь важно, как убийство человека. Кто из этих троих убийца – вот о чем я сейчас думаю.

– Из троих? – удивился Жаров.

– Или из четверых, – зловеще прошептал Пилипенко.

* * *

Около полуночи друзья сидели в редакции «Крымского криминального курьера» и потягивали виски. Пилипенко положил натруженные ноги на журнальный столик и, с большим стаканом,

налитым на два пальца, сильно походил на какого-то американского шерифа, правда, нетипично очкастого.

– Два человека исчезли, – сказал он. – Один убит. Убийцей может быть либо один из двух исчезнувших, либо нет.

– Ты говорил о четверых, – напомнил Жаров.

– Девушка и сам Пятаков.

– Абсурд! Зачем это нужно девушке, и уж тем более – Пятакову?

– Мы берем в расчет пока только возможность совершить преступление, а не мотив. Девушка первой обнаружила труп. Человека, который был убит максимум за пять-семь минут до этого. Могла она убить, пока ходила якобы на поиски, оставшись одна? Могла. Пятаков мог убить?

– Нет, – возразил Жаров.

– Правильно. Он был все время у тебя на глазах. Но это не исключает вероятности, что Пятаков мог быть сообщником убийцы.

– Пятаков хоть и хороший парень, но… – неуверенно проговорил Жаров, – Помню, в одном французском детективе, преступник все время исчезал из запертой комнаты. Оказалось, что несколько человек просто вводили следователя в заблуждение. И тоже все были хорошие парни.

– Здесь может быть сходная ситуация. А может, и совсем другая… Самое важное во всем этом, конечно, коза…

– Коза? Какое значение может иметь коза? Ты шутишь, наверное… Как всегда, с серьезным лицом.

– Нет, не шучу. Но это пока не важно. Давай не будем объяснять необъяснимое, а попытаемся оперировать лишь тем, чем можем. Оставим в покое того первого человека, который исчез в лабиринте. Забудем на время о нем вообще. Мне уже ясно, что первый человек, каким бы образом он ни покинул лабиринт – не убийца. Думаю, что убийца – это второй вошедший в лабиринт человек. Именно он поджидал в лабиринте свою жертву. Он долго не выходил, прикинулся, что заблудился. И, когда толстяк пошел его искать, подстерег и убил его.

– А потом и сам исчез, – закончил Жаров.

– Ерунда. Он просто-напросто вышел, и все. Вышел, пока вы все трое были в лабиринте и не могли его видеть. А иллюзия исчезновения существовала только в ваших мозгах, поскольку исчез первый человек.

Жаров немного подумал. Что-то было в этих рассуждениях неправильным…

– Этого не может быть, – подытожил он, наконец, свои мысли. – Пятаков говорил, что водить человека за нос в лабиринте может только тот, кто имеет план лабиринта.

– Ну и что? Значит, у него был план лабиринта.

– Но плана лабиринта не существует!

– Вот как? – Пилипенко глубоко задумался, казалось, ему пришло в голову какое-то решение…

– Орудие убийства нашли? – спросил Жаров.

– Да, элементарно. Обыкновенный кистень типовой модели. Такие делают в Николаеве. Убийце не хотелось пачкаться в крови, и он выбросил эту штуку через стену лабиринта. Клюев быстро нашел ее на аллее.

– Я тоже выбросил кое-что через стену, – задумчиво проговорил Жаров.

– Да ну? А что ж ты молчал?

– Мне показалось не важным. Ну и, при девушке не хотелось говорить, что я брал это в руки.

– Хватит меня интриговать. Уж не хочешь ли ты сказать, что это был козий шарик?

– Ну да!

Пилипенко переменился в лице.

– Значит так, – решительно сказал он. – Завтра же, как рассветет, поедем в Гурзуф. Искать на аллее этот шарик.

– Ты что – издеваешься?

– Вовсе нет. На месте преступления были какие-то вещдоки. Ты видел их собственными глазами. Потом они исчезли. Если в лабиринте каким-то образом оказалась коза, то это одно. А если не было никакой козы?

* * *

Утром Жаров честно позвонил Пилипенке, собираясь ехать с ним в Гурзуф, но следователь перебил его:

– У меня снова труп. На сей раз – в лесу, над Никитой. Похоже на самоубийство, но это еще надо доказать.

Жаров вздрогнул: ведь он сам вчера предположил, что объект, исчезающий в лабиринте, может почему-то появиться в лесу, и наоборот…

– В общем, есть к тебе важная просьба. Съезди в Гурзуф сам и найди этот чертов шарик.

На сей раз Жаров решил поехать на своих колесах. Со вчерашнего дня его невзрачный «Пежо» еще гуще засыпало ливанской хвоей. Обмахивая ее щеткой с брезентовой крыши машины, Жаров поднял голову, присмотрелся к толстой горизонтальной ветке, которая, словно темная туча, испускала этот сухой дождь. Нет, и эта ветка была слишком высоко, так же, как и та, над лабиринтом…

Машина завелась исправно, несмотря на долгий простой. Жаров вообще не любил рулить, это было связано с катастрофой, в которой он чуть не погиб несколько лет назад. На крутых крымских трассах ездить небезопасно. В основном, Жаров использовал машину раз в неделю, когда развозил тираж своей газеты по точкам.

До Гурзуфа он докатил без приключений. Спустившись в поселок, припарковался у танцплощадки, поверх недавних следов какой-то тяжелой машины. Несколько секунд он разглядывал эти следы: что-то показалось ему в них не вполне обычным…

Время было раннее, лабиринт еще не работал. Разобранную вчера стену Пятаков уже починил, но касса была закрыта наглухо, роллета опущена, и Пятакова нигде не было видно.

Жаров обошел нелепую коробку лабиринта, остановился у ствола ливанского кедра. Именно за этой стеной он подобрал шарик и выбросил его, скорее всего, в данном направлении.

Жаров приступил к поискам, изучая каждый квадратный дециметр земли. Для ориентира он клал на землю пачку сигарет и, осмотрев участок вокруг нее, передвигал пачку вдоль воображаемого перпендикуляра, восстановленного от юго-западной стены лабиринта.

Шарик нашелся довольно быстро, он отлетел метров на восемь по руинам второй Пьяной аллеи. Жаров снял с пачки своего «Парламента» целлофановый мешочек и сломанной веточкой загнал шарик внутрь. Трогать его руками ему больше не хотелось. Чтобы, не дай бог, еще и не раздавить по пути шарик, он высыпал сигареты в карман и устроил свою находку внутри пачки.

Пилипенко, конечно, любил всякие розыгрыши и мистификации, иной раз, с весьма издевательским подтекстом, но вряд ли он мог зайти в своем увеселении столь далеко, чтобы просто так послать своего друга в Гурзуф за куском дерьма.

* * *

Жаров честно доставил находку в управление. Пилипенко сидел в своем кресле и разговаривал с экспертом Мининым, который только что вернулся из судебного морга. Лейтенант Клюев сидел на столе, болтая ногой. Увидев Жарова, следователь многозначительно посмотрел на него, и журналист столь же многозначительно кивнул, будто бы речь шла не о козьем шарике, а о чем-то несравненно более важном.

– По многим признакам, – говорил Минин, – этого человека сначала задушили, а уже потом подвесили на дерево. В общем, такая неуклюжая, детская имитация самоубийства.

Краем глаза Жаров заметил на столе фотографии. Человек, висящий на развилке кривой крымской сосны, выглядел так, что второй раз смотреть на него не хотелось. Фото из морга было более мягким: очевидно, лицо привели в порядок для опознания.

Минин продолжал:

– В кармане убитого обнаружена банковская карта, расческа и еще несколько мелких вещиц. На карте значительная сумма. По ней и установили имя. Некто Федорчук, Стефан Романович, киевлянин.

– Клюев, иди-ка сразу проверь, – распорядился Пилипенко. – По Киеву и по Ялте, конечно. Не засветился ли этот Федорчук в какой-нибудь нашей гостинице. Начни с самых дорогих.

Лейтенант вышел, Пилипенко некоторое время посидел молча, сцепив пальцы в замок, затем повернулся к Жарову:

– Где козий шарик?

Жаров извлек из кармана пачку сигарет. Пилипенко вытащил шарик из целлофана, рассмотрел его, приподняв очки, колупнул ногтем. Положил обратно в пачку и спрятал пачку в карман, прихлопнув карман ладонью.

– А где резина? – вдруг спросил он Минина. – Покажи прессе, вдруг ей какая идея придет.

Леня молча нагнулся, на мгновение исчезнув под столом, и тут же вытащил и водрузил на стол предмет непонятного назначения.

– Это нашли неподалеку от повешенного, – пояснил он Жарову. – Есть основания полагать, что данный предмет привез с собой убийца и за ненадобностью выбросил. Только вот, неясно, какая была в нем надобность.

Это был фрагмент автомобильной покрышки, сантиметров тридцать в длину, вырезанный острым ножом и наполовину подрезанный снизу, там, где покрышка соприкасалась с ободом колеса. Сверху на нем был зачем-то проделан поперечный желоб.

– Такое ощущение, – прокомментировал Леня Минин, – что покрышку где-то специально закрепили, а затем обработали цепной пилой, сделав эту канавку.

Жаров внимательно осмотрел приспособление, и не обнаружил в себе ровно никаких мыслей на его счет. Он вообще считал себя профаном в технике и представить себе не мог, для чего могла служить такая вещь.

– Леня, а ты уверен, что оно имеет отношение к трупу? – только и спросил он.

– На девяносто девять процентов. Место в лесу глухое, высота метров двести над трассой. Туда можно добраться по грунтовой дороге. А вчера утром шел дождь. Если бы этот предмет оказался там раньше, то почву под ним бы размыло. Но он просто лежал на земле, значит, попал туда примерно в те же часы, что и труп.

Пилипенко, который не слушал разговор, думая о чем-то своем, вдруг встрепенулся, схватил покрышку и поднес близко к глазам. Щелкнул пальцами, что разозлило Жарова, который совершенно не понимал происходящего.

– Так, – сказал следователь. – Чувствую, нас ожидает любопытный следственный эксперимент.

– Что за мысль, поделись, – попросил Жаров.

– После. Возможно, никакого эксперимента и не будет.

Тут вошел Клюев, отрапортовал:

– По Киеву информация готовится, а вот по Ялте кое-что есть. Три дня назад Федорчук Стефан Романович остановился в гостинице «Ореанда».

– Что ж, – сказал Пилипенко, вставая. – Повешенный был не из бедных. Едем сейчас туда.

* * *

Они вошли в гостиницу, Жаров невольно содрогнулся под взором злобной мраморной кариатиды, нависшей над парадным входом. Вот таких женщин, мускулистых и грудастых, он не любил и даже немного боялся.

Войдя в холл, друзья, не сговариваясь, двинулись к самой красивой девушке из трех, сидевших за стойкой администрации. За годы бурной юности они выяснили, что у них обоих на удивление похожие вкусы…

Вопрос решился за несколько минут, но сразу поставил новые проблемы. В гостинице действительно остановился некто Федорчук, киевлянин. Молодая девушка-администратор, которую звали Дарьей, со страхом в глазах рассмотрела фотографию из морга и вернула ее в руки следователю, с твердым ответом:

– Нет, это не он.

Пилипенко попросил ее описать внешность Федорчука, но девушка не могла сказать ничего определенного.

– Мужчина вполне обыкновенный. Коротко стриженный… Нет, ничего такого не запомнила.

– Покажите нам его номер, – сказал Пилипенко.

– Апартаменты, – с достоинством поправила Дарья. – Но не знаю, имею ли я право…

– А вы позовите старшего администратора, – предложил Пилипенко.

– Да я и есть старший, – вздохнула девушка.

Она достала из-под стойки связку ключей, и все трое двинулись по широкой лестнице.

– Между прочим, с этими апартаментами, – интригующим голосом говорила Дарья, кокетливо оглядываясь через плечо, – связана одна трагическая история.

– Да ну? – преувеличенно удивился Пилипенко.

Жаров знал, что ему сейчас совершенно наплевать на что бы то ни было, кроме расследования.

– В этом номере, лет двадцать пять назад произошло убийство, которое потрясло весь город.

– Ах, вот оно что… – Пилипенко и Жаров переглянулись, потому что оба, конечно же, знали эту историю.

Двадцать пять лет назад Дарью, наверное, еще в коляске возили, но говорила она так, будто трагедия разыгралась прямо на ее глазах… Вот удивительно, чем тут хвастать, чем гордиться? Что в ванной этого номера глупенькая любовница застрелила какого-то крутого советского мафиози?

– Они как приехали, так сразу и спросили, свободен ли именно этот номер, – закончила свою историю девушка.

– Так, – строго сказал Пилипенко. – Скажите-ка мне, Дарья, кого вы называете словом «они»?

– Федорчука и его друга. Разве вы не знали, что Федорчук был с другом? Вы ж из милиции, все должны знать.

Пилипенко и Жаров снова переглянулись.

– И где же его друг?

– Вот этого я вам не скажу. Он тоже не ночевал сегодня. Заплатили за три дня вперед, потому и волноваться нечего.

– Разумеется, нечего, – с ехидством прокомментировал Пилипенко и, обратившись, к Жарову, добавил: – Они потребовали себе именно тот самый номер. Мне кажется, я знаю, в чем смысл такой причуды…

Это были действительно шикарные, хоть и не самые лучшие в отеле, трехкомнатные апартаменты с холлом, кабинетом и кухней, двумя санузлами – для хозяев и для гостей. В одном из этих санузлов, по всей вероятности – для хозяев, и был замочен некогда известный мафиози, чье имя, впрочем, вылетело у Жарова из головы.

Пилипенко оперся спиной на длинную изогнутую стойку и медленно огляделся. Пол был чистым: горничная прилежно убралась здесь, но на всем, что было выше пола – на столах, креслах и диванах – были разбросаны смятые грязные вещи. Запах в номере тоже был отвратный.

Жаров подошел к окну. Над морем шатались две грациозные чайки, вдали по своим трудовым делам шел черный буксир. Жаров узнал «Гремучий», с детства знакомое ему судно…

– Эй, вы что, в магазине! – услышал он возмущенный голос Дарьи.

Он оглянулся. Пилипенко стоял перед креслом, где в беспорядке были свалены чьи-то вещи, и с удивлением прикладывал к своим ногам какие-то огромные черные брюки.

– Ничего, – сказал он. – Далеко не мой размер.

Брюки были в вправду гигантскими, как в ширину, так и в длину.

– Это вещи Федорчука или его друга? – спросил он, опустив брюки обратно в кресло.

– Наверное, все же, друга, – ворчливо ответила Дарья. – Они оба вообще, эффектно смотрятся вместе. Толстый и тонкий.

Жаров вспомнил двух посетителей лабиринта, один из которых был вчера убит, а другой бесследно исчез…

* * *

Спустившись в вестибюль гостиницы, друзья узнали из журнала имя этого второго жильца. Его звали Анатолий Хомяков.

– Хомяк, – сказал Пилипенко, когда они снова прошли под локтем злобной кариатиды.

Жаров вопрошающе посмотрел на друга.

– Хомяк, – повторил Пилипенко. – Киевский Хомяк. Рецидивист и убийца. Вот кого стукнули в лабиринте николаевским кистенем. Недаром дружки попросили тот самый номер. Чтоб, так сказать, приобщиться к образу героя.

Они пошли по улице, вдоль стены гостиницы, в сторону припаркованного милицейского Жигуленка. Следователь молчал, о чем-то напряженно думая.

Что, в сущности, произошло? – думал, в свою очередь, Жаров. – Некоего Хомякова убили в лабиринте. Хомяков приехал из Киева вместе с Федорчуком. Банковскую карточку Федорчука положили в карман кому-то третьему, которого убили в лесу. И еще один человек просто исчез в лабиринте. Сам Федорчук скрылся. Все это обладало явными признаками криминальной разборки киевлян, и Жаров сразу бы потерял интерес к этой истории… Если бы не лабиринт!

Они дошли до машины, вернее, последние метры добежали, поскольку в машине жужжал зуммер радиотелефона. Пилипенко рывком распахнул дверь и схватил трубку.

Жаров слышал, как он несколько раз сказал: да, понял, затем отдал распоряжение:

– Свяжись с гурзуфскими. Пусть привезут девушку в морг. Заодно пусть захватят того парня, который построил лабиринт. Я тоже привезу кое-кого.

Глаза следователя сияли так, будто бы он уже закончил дело.

– Вот, – сказал он, устроив трубку радиотелефона в кронштейн. – У нас еще один труп.

– Сколько же можно трупов за сутки?

Пилипенко игнорировал этот риторический вопрос.

– А третий… – не унимался Жаров. – Имеет ли он какое-то отношение к лабиринту?

– Думаю, что самое прямое. Хотя нашли его довольно далеко от лабиринта.

– И где же?

– В Симеизе. Неподалеку от одной известной виллы… Этот умер красивее других – его застрелили.

– Почему же ты думаешь, что он имеет отношение к лабиринту?

– Все очень просто, – ответил следователь, захлопнув дверь машины. – Клюев говорит, что в его кармане, кроме прочих вещиц, в частности, документов на имя Михаила Шмакова, который исчез в лабиринте первым, была найдена записная книжка. И на одной из ее страниц – план лабиринта.

Он повернулся и зашагал обратно к парадному входу в гостиницу. Через минуту он вывел на улицу Дарью.

Девушка была недовольна, но, с другой стороны, в ее глазах поблескивало любопытство. Жаров ее понимал: неплохо прокатиться куда-то в рабочее время по уважительной причине, тем более что тебя привезут обратно…

* * *

В судебном морге к опознанию предлагалось сразу три разнокалиберных трупа – толстый, тонкий и средний. Одному размозжили голову, другого застрелили, третий был задушен.

В толстом и тонком Жаров сразу узнал вчерашних посетителей лабиринта, а Дарья – постояльцев знаменитого номера «Ореанды», Хомякова и Федорчука, что и было занесено в протокол.

Хомякова убили вчера в лабиринте, ударом кистеня по затылку. Федорчук был застрелен в Симеизе сегодня.

Третье лицо ни о чем не говорило ни Жарову, ни Дарье, но его узнали Ганна и Пятаков, которых привезли из Гурзуфа. Это был Михаил Шмаков, тот самый курортник, который исчез в лабиринте первым. Именно он и был повешен на дереве в лесу, и у него в кармане обнаружили пластиковую карточку Федорчука.

Когда процедура опознания закончилась, Жаров и Пятаков решили, наконец, хорошенько выпить, чего не удалось им вчера. Ганна пожелала к ним присоединиться.

Девушке теперь уж точно нечего было делать. Еще сегодня утром она все же надеялась, что клиент, исчезнувший в лабиринте, вернется. Теперь ее миссия была завершена, и надо срочно ехать в Симферополь, на свою фирму, так сказать, с докладом.

Они зашли в первое попавшееся кафе и выбрали столик в углу – самое удобное в зале место, благо, что кафе было пустым. Для Ганны заказали бокал выдержанной мадеры, а для себя – по сто водки.

– Мне кажется, что я видела этих двоих раньше, толстого и тонкого, – сказала девушка.

– Ты дала об этом показания? – спросил Жаров.

– Меня никто не спрашивал. Спрашивали только о том, с кем встречался парень. Ну, тот, с которым я была, этот Миша. А он ни с кем специально не встречался. Странно он себя вел, вообще. Никуда от себя не отпускал, только, разве что, в комнату для маленьких принцесс. И вот, как-то раз мы обедали в открытом кафе, я пошла попудрить носик и увидела их, они сидели неподалеку на лавочке и кого-то, как я подумала, ждали. И другой раз, в то самое утро, как Миша исчез, я видела их на пятачке, они сидели в большом джипе. Когда мы прошли мимо, джип поехал. Такое ощущение, что они за нами следили.

– Джип! – воскликнул Пятаков. – Лэнд-ровер. Я видел его следы прямо за моим лабиринтом.

– Я тоже видел следы, – вспомнил Жаров. – В сторону танцплощадки.

– А тебе они не показались странными? – спросил Пятаков.

Жаров пожал плечами:

– Не могу понять, что мне показалось, но что-то определенно в них не то. Я не разбираюсь в следах. Ты говоришь, Лэнд-ровер, а я вообще подумал, что это был какой-то небольшой грузовичок.

– Джип – он, в принципе, и есть грузовичок, только более изящный. Эти следы не похожи на обычную парковку. Машина, будто никак не могла устроиться и ездила туда-сюда.

– Зачем джипу ездить туда-сюда?

– Уж не знаю. Но я никогда раньше не слышал о таком способе парковки джипа.

Жаров помолчал. Он вспомнил кусок покрышки, найденный в лесу. Какая-то мысль забрезжила в его голове: между этими следами и покрышкой чувствовалась связь, хотя бы потому, что и следы, и покрышка были явлениями одной группы. Но Пятаков поспешил разлить по рюмкам оставшуюся в графине водку, Жаров выпил, мысль растворилась в пряном спиртовом тепле…

Выйдя из кафе, они тотчас поймали такси на Гурзуф. Хотелось проводить девушку до гостиницы «Южная», чтобы она собрала свои вещи, и посадить в маршрутку на Симферополь. Еще больше хотелось взглянуть на эти странные следы. А больше всего – хотелось еще немного выпить, где-нибудь в гурзуфском «Чайнике»…

* * *

Когда девушка села в маршрутку и скрылась за поворотом, помахав на прощание ладошкой, Жаров горестно вздохнул и постановил забыть ее как можно скорее.

Они спустились на набережную и направились в сторону лабиринта. По пути, не сговариваясь, завернули в «Чайник» и пропустили по стакану сухого вина.

Уже на походе к лабиринту Жаров подумал, что правильнее было бы позвонить Пилипенке и подлиться новыми соображениями.

– Говори быстрей, я занят, – сказал следователь.

Жаров сообщил, что толстый и тонкий следили за девушкой и Шмаковым, по крайней мере, два дня.

– Это для меня не новость, – сказал Пилипенко. – Что еще?

Жаров, уже упавшим голосом, поведал о странных следах джипа на аллеях.

– И с этим ты опоздал, дружище!

Жаров хотел было спросить, а что такое значат эти следы, как вдруг остановился, пораженный. Пятаков, шедший несколько сзади, налетел на него, но тут и он увидел это.

Над купами деревьев, где-то в районе лабиринта медленно плыл человек. Видна была его верхняя часть, фигура летела стоя, двигаясь с северо-запада на юго-восток.

– Прямо над моим лабиринтом! – вскричал Пятаков. – Так вот как они исчезают.

Жаров замотал головой, будто надеясь смахнуть это невозможное видение. Меж тем торс над деревьями спокойно двигался.

– Эй, что ты там молчишь? – раздался в трубке голос следователя.

Человек в воздухе держал руку, отставив локоть, будто говорил по мобильному телефону. Что-то в его фигуре показалось Жарову знакомым. В следующую секунду он понял, что это Пилипенко и есть, и говорит он по телефону именно с ним.

– Я тебя вижу! – воскликнул Жаров. – Что ты там делаешь, как это у тебя получается?

Пилипенко завертел головой и тоже увидел Жарова с Пятаковым.

– Элементарно, Ватсон, – сказал он. – Следственный эксперимент.

Связь оборвалась. Издали было видно, как Пилипенко захлопнул трубку телефона, опустил ее в карман и обратился к кому-то внизу. В этот момент его движение остановилось, затем фигура поплыла в обратную сторону.

Жаров уже все понял. Неизвестно, что хуже, – подумал он, – если тебе спьяну мерещится летающий человек, или же ты, опять же спьяну, не сразу можешь сообразить, каким образом у него получается летать.

Быстрым шагом дойдя до лабиринта, Жаров и Пятаков увидели операторский кран, в корзине которого стоял следователь и руководил какими-то работами, которые велись внутри сооружения. Пятаков недовольно сморщился:

– Могли бы меня предупредить.

На горизонтальной ветке ливанского кедра сидел верхом лейтенант Клюев. Перед ним, огибая ветку сверху, лежал тот самый кусок покрышки, который всех озадачил вчера. Через него была перекинута веревка.

Так вот откуда взялась эта поперечная полоса! Жаров все понял – и каким образом исчез из лабиринта человек, и для чего понадобилась покрышка, понял еще до того, как из-за обреза пластиковой ширмы поднялся на веревке в петле розовый обнаженный манекен.

– Вот почему на ветке не было никаких царапин, – проговорил Жаров.

– Все было очень просто, – сказал, спустившись на землю, следователь. – Я сразу предположил, что его вытянули из лабиринта через эту ветку, как рыбак вытаскивает бычка. Только не мог понять, откуда взялась такая нечеловеческая сила.

Конец веревки был привязан за бампер милицейского «уазика». Двигаясь и натягивая веревку, машина оставила на земле почти такие же следы, что и джип.

– Они не могли напасть на него, потому что он всегда был с девушкой. Вот и пришла им такая оригинальная идея, порыбачить над лабиринтом. Чтобы накинуть петлю на шею сверху, не надо быть особенно ловким. Остальное – дело техники.

– Человек был убит в лабиринте, – сказал Жаров.

– Да. И только потом его доставили в лес и повесили на сосну. А кусок покрышки, который послужил подкладкой для троса или веревки, выбросили за ненадобностью.

– Через некоторое время они снова вернулись в лабиринт, – задумчиво проговорил Жаров. – Интересно, зачем?

– Вот и я тоже думаю – зачем?

– Но ведь у тебя уже есть версия? – настаивал Жаров.

– Разумеется. Но, прости, не могу ничего больше тебе сообщить как представителю прессы. Это дело особой важности. А ты пока сам подумай: у тебя более чем достаточно данных.

Следователь не сказал больше ни слова, сел в машину и умчался, оставив своих коллег разбирать последствия эксперимента.

* * *

Жаров ждал его звонка весь следующий день, но сам не звонил, зная, что Пилипенко для чего-то вызвал из Симферополя спецбригаду. В городе проводилась некая важная операция, секретная даже от своих.

Заварив себе пол-литра крепкого кофе, журналист занялся делами газеты: по горячим следам стал сочинять статью о странных событиях, связанных с гурзуфским лабиринтом.

Итак, Михаил Шмаков, киевлянин, приезжает в Ялту. Он чего-то опасается, знает, что некие люди преследуют его. В Симферополе он нанимает профессиональную спутницу и не отпускает ее от себя ни на шаг, надеясь, что в присутствии девушки на него не нападут.

Двое других киевлян, вероятно, связанные со Шмаковым каким-то общим делом, неотступно следят за ним. Нетрудно предугадать, что курортник рано или поздно посетит лабиринт, где ему, по умолчанию, будет предложена традиционная игра «Найди подружку».

Федорчук и Хомяков разрабатывают план убийства. Мотив пока не известен, да он, может быть и не важен – какая-нибудь мафиозная разборка. С помощью нехитрого приспособления преступники убивают Шмакова и вытаскивают тело из лабиринта. Отвозят в лес и инсценируют самоубийство. Федорчук подсовывает свою кредитку, чтобы труп, по крайней мере, на какое-то время, был опознан ошибочно.

В сущности, Федорчук меняется местами со Шмаковым. Зачем? Вероятно, для того, чтобы под видом Шмакова довести до конца то дело, которое собирался провернуть в Ялте он.

Зачем убийцы возвращаются в лабиринт? Похоже, они не находят у Шмакова предмета, из-за которого и совершили убийство. Наверное, этот предмет оставался в лабиринте. Другой вариант: Федорчук уже завладел предметом в тайне от Хомякова, но говорит ему, что предмет потерян.

Ясно, что на ветке кедра сидел и «рыбачил» именно Федорчук. Тогда-то он и набросал план лабиринта. Жаров вспомнил, как озадачило следователя сообщение о том, что плана лабиринта не существует. Похоже, он уже тогда нащупал эту нить…

Войдя в лабиринт, и прекрасно в нем ориентируясь по плану, Федорчук ожидает, когда Хомяков отправится его разыскивать. Двигаясь по лабиринту вслед за Хомяковым, он настигает его и убивает ударом кистеня в затылок.

Статья была уже готова, не хватало только развязки. Ее принес поздно вечером Пилипенко, шумно войдя и бережно положив на стол целлофановый пакет, в котором смутно угадывались некие хорошо знакомые Жарову очертания.

– Сегодня я поймал Каблука, – объявил следователь.

Жаров вскинул на него удивленные глаза. Каблук, он же Тимофей Каблуков, был мафиози, виртуозно ушедший от правосудия в неразберихе девяностых. Он славился тем, что ничего не делал своими руками, в тюрьме за него всегда сидели другие. Теперь Каблук отвалил от «дел», захватив себе в собственность большой куш недвижимости и преуспевающую фирму, работающую вполне законно.

– Да, я поймал Каблука, – повторил Пилипенко, как бы желая лишний раз убедить себя в том, что это действительно правда.

Жаров глянул на пакет, лежащий на столе.

– Это как-то связано с убийством в лабиринте?

– Напрямую.

Пилипенко прошелся по комнате, взял с недовольным лицом папку для фотографий, которая лежала в его любимом кресле у камина, и аккуратно поставил ее на полку, где, как он знал, и было ее место.

– Первое, что пришло мне в голову, – сказал он, устроившись в кресле, – так это же самое очевидное. В лабиринте не могло быть никакой козы. Странно, что вы вообще дискуссировали по этому поводу. А если не было козы, значит, не было и козьих шариков. То есть то, что ты принял за козьи шарики, на самом деле, было чем-то другим.

Он потянул пакет за край, его содержимое высыпалось на стол. Темные кругляшки покатились в разные стороны, один свалился на пол. Пилипенко не обратил на это внимания, взял первый попавшийся шарик и ковырнул ногтем. Протянул Жарову.

– Бери, смелее: это не то, что ты думаешь.

Взяв двумя пальцами шарик, Жаров только теперь заметил, что он кажется неправдоподобно тяжелым. Это была обыкновенная художественная пластика, из которой дети лепят фигурки. В отличие от пластилина, этот материал не липнет к рукам. В образовавшейся трещине было видно, что внутри шарика скрывается какой-то твердый камешек.

Пилипенко тем временем очистил от пластики другой камешек, как орех от шелухи, и катнул его по столу. Несколько раз подпрыгнув на столешнице, камешек поймал блик от лампы и сверкнул, словно падающая звезда.

– Неоправленные бриллианты, вот что это такое! – объявил Пилипенко. – Крупные, хорошо ограненные алмазы. Тройка известных киевских рецидивистов ограбила гранильную фабрику, причем, с убийством охранника. Это случилось полгода назад. Очевидно, они никак не могли

найти канал сбыта. И вот, один из них, Миша Шмаков, завладел всей партией и дал деру от своих друзей. Они настигли его и убили весьма нетривиальным способом. Бриллианты, обмазанные художественной пластикой, которые Миша просто носил в кармане, возьми да и выкатись. Когда ты вошел в лабиринт и обнаружил эти «козьи шарики», то застал первый этап ситуации. Как раз в это время эти умельцы подвесили в лесу труп и обнаружили, что бриллиантов у Миши нет.

– Как же все-таки нелепа и загадочная самая обыкновенная реальность! – сказал Жаров. – А мы-то думали, что они простые курортники – толстый и тонкий, в то время как практически на наших глазах происходили совершенно чудовищные вещи.

– Слишком уж это большой куш, – вздохнул следователь. – За такое бабло они убивают не только мужиков, но и друг друга. Ведь эта небольшая горка позволила бы исполнить мечту любого бандюка – завязать на всю жизнь. Купить домик на Кипре, положить деньги в банк и жить на проценты. Но, к сожалению, только одному.

– А при чем тут Каблук? – спросил Жаров.

– Элементарно. Избавившись от своих подельщиков, Федорчук напрямую обратился с этим делом к нему, надеясь выгодно продать свой товар. Но Каблук и сам не дурак расставаться с деньгами. В прежние времена он подослал бы киллера, но теперь все его бывшие дружки либо сидят, либо на том свете. Вот и разобрался с Федорчуком сам, неподалеку от своей виллы в Симеизе. Достал из тайника пистолет. Это было его ошибкой: ствол давно засвечен и Минин определил пулю. Короче, я его взял сегодня, с поличным, с камешками и оружием. Пятнадцать лет от нас уходил. С очень большими делами. А теперь будет сидеть за убийство гражданина Федорчука, сокрытие краденого и хранение оружия.

Пилипенко сгреб алмазы обратно в пакет и посмотрел под стол.

– Сейчас отнесу в управление и положу в сейф. А один закатился. Может, и не стоит его искать? После как-нибудь, а? Выйдем на пенсию, будем цветы разводить, женимся, наконец…

– Интересно, сколько может стоить такой алмаз? – спросил Жаров, чувствуя в голове брожение преступных мыслей.

– Много. Гораздо больше, чем нам за него дадут. Ну, хватит. Помечтали и будет.

Пилипенко нагнулся, подобрал «козий шарик» и уложил его в пакет.

– Ты даже представить себе не можешь, сколько денег и ценностей прошло через эти честные руки, – сказал он. – Руки человека, который живет на государственную зарплату.

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Дабдея.
Жанровая картинка: некая яхта у берегов Большой Ялты.

Сергей Саканский

Тайна «Марии Целесты»

Первого июня, просмотрев в инете свежие новости и не найдя ничего интересного, Жаров запер дверь редакции и отправился на море, полагая, что в день открытия сезона на пляже будет еще не так много народу. Утро было ярким, солнце играло на стеклах витрин, верхняя Ялта, мелькая в проемах улиц, таяла в темно-синей дымке. Жаров шел по набережной, шлепая вьетнамками.

Он всегда мог выкроить часок, чтобы искупаться, поскольку газета «Крымский криминальный курьер» была его собственностью, он являлся единственным ее сотрудником, никому не подчинялся и ни от кого не зависел. Впрочем, последнее спорно: есть и городская администрация, и Управление внутренних дел, и лично следователь Пилипенко – друг детства Виктора Жарова, его пожизненный инспектор. Все это, особенно Пилипенко, так или иначе влияло и на журналиста, и на политику его газеты.

Купался он обычно на ближайшем пляже, что принадлежал гостинице «Ореанда» и в народе назывался «Интурист». Простым смертным вход туда заказан, надо либо жить в гостинице, либо платить по особому тарифу. Жаров не был простым смертным: все в городе его знали и пускали практически куда угодно. Ялтинцы, вообще, считают дурным тоном ходить на море за деньги: у каждого есть на каком-нибудь пляже свой человек. Жаров уже было направился к проходной «Интуриста», издали пытаясь разглядеть, кто сегодня дежурит, Митька или Петька, которые принимали его с одинаковым радушием, как его внимание привлек парус, полным курсом режущий прямо к берегу.

Сначала ему показалось, что судно собирается развернуться и пристать к одному из волноломов, что разделяли побережье на сектора-пляжи, но на палубе не наблюдалось никакого движения.

– Спят они, что ли? – пробурчал Жаров, впрочем, уже понимая, что на борту что-то стряслось.

Судя по скорости яхты, она не могла совершить подобного маневра, даже если бы команда выскочила на палубу и начала маневр немедленно. Жаров прикинул место, куда стремился парусник: это был третий от «Интуриста» пляж. Сотня строк в хронику происшествий обеспечена, – рассеянно подумал он, даже и не представляя, какая запутанная, драматическая и страшная история начинается прямо на его глазах.

Теперь уже не имело значения, что Жаров был свободным журналистом: работа сама нашла его – в тот момент, когда он меньше всего этого желал.

* * *

Искупаться Жарову все же пришлось. Яхта села на мель метрах в десяти от берега, несколько курортников уже окружили ее, а какая-то девица даже забралась на борт. Жаров разделся, перепрыгнув упавшие шорты и отшвырнув на ходу футболку с полотенцем. Места аварии он достиг в несколько широких взмахов.

Глубина здесь была выше человеческого роста, яхта, накренившись, возвышалась над Жаровым, а он балансировал на плаву, задрав голову. Рядом барахтался какой-то лысый господин.

– Приплыли, – с мрачным удовлетворением констатировал он. – То ли пьяные все там валяются, то ли… – он замолчал, многозначительно подняв палец и, потеряв от этого плавучесть, стал с поднятым пальцем погружаться. Жаров в который раз в жизни поймал себя на подлой

мысли: как профессионалу ему, конечно, хотелось согласиться с тем, чего не договорил лысый господин.

Подтверждение последовало немедленно: миниатюрная фигурка любопытной девушки возникла над перилами. Ее лицо выглядело испуганным. Ни слова ни говоря, девушка спрыгнула в воду и быстро поплыла к берегу. Жаров устремился за нею, догнал, когда она уже выкарабкивалась из воды, спотыкаясь и шелестя галькой. Он поддержал ее за мокрый локоть.

Девушка обратила к нему свое удивительно красивое, но теперь искаженное недоумением и страхом лицо:

– Там никого нет! – воскликнула она.

Жаров обернулся. Трое курортников, в том числе, и лысый, лезли на борт аварийного судна. Надо было это прекратить.

– Эй, послушайте! – крикнул им Жаров. – Не трогайте там ничего. Это работа милиции.

Двое зевак замерли на палубе, но лысый уже скрылся в рубке. Энергично размахивая руками, девушка поднималась по пляжу. Жаров шел следом, подбирая свои разбросанные вещи. Выудив из кармана шортов мобильный телефон, он на секунду задумался: кому позвонить? Пилипенку, следователя отдела убийств, беспокоить по такому поводу не стоило. Лучше вызвать кого-нибудь другого из системы, например, лейтенанта Клюева. Жаров плюхнулся рядом с девушкой, которая спешно одевалась над своим лежаком, и в двух словах объяснил Клюеву ситуацию. Тот сказал, что прибудет немедленно.

– А вы никуда не уходите, – сказал Жаров девушке, которая уже закинула соломенную сумку на плечо. – Всех свидетелей просят остаться на месте.

Лейтенант Клюев ни о чем таком не просил, но Жаров, не первый год работая с системой, знал, что свидетельницу необходимо задержать. Ничто не мешало суммировать приятное с полезным – она была чудо как хороша: хрупкая и маленькая, словно Дюймовочка, с большими серыми глазами, пушистой копной каштановых волос… Жаров был убежденным холостяком, в том смысле, что жениться собирался исключительно на самой красивой девушке в мире, а эта вполне подходила под такое определение.

Она повела плечиками и присела на лежак. Жаров бросился обратно в воду. Взобраться на борт яхты не составляло труда: с транца свисала платформа для купания.

Едва поднявшись, Жаров понял, как управлялась яхта, и почему ей не был нужен рулевой. На корме торчало нехитрое устройство-флюгер, которое ставило румпель согласно перемене ветра. Лавировать и совершать повороты оверштаг такое приспособление, конечно, не может, а вот идти с попутным ветром – сколько угодно. Именно это и проделала яхта на автопилоте, воткнувшись в конце концов в прибрежную мель.

Жаров обогнул рубку и вышел на бак. Там стояли двое курортников.

– Мы никуда не лезем, – сказал один. – А вот внизу уже есть человек.

Жаров кивнул.

– Так вы из милиции? – спросил другой.

– Да, – будничным голосом соврал журналист, давно привыкший к такой роли, тем более, что из одежды на нем были одни плавки и показывать свое липовое удостоверение, которым он иногда пользовался, ему не придется. – Мои коллеги сейчас прибудут, – добавил он.

При беглом осмотре палубы и надстройки Жаров не обнаружил ничего необычного. Он неплохо разбирался в маломерных судах и знал, что может и должно быть на яхте такого класса. Спасательные пояса лежали в рундуке, ими не пользовались. Жаров приподнял крышку форпика, где обычно хранились паруса. Недостающий трисель был там, плотно уложенный: вероятно, его не поднимали с момента выхода яхты в море… Откуда и куда она шла? Ну, это преждевременный вопрос.

Жаров смерил глазами паруса, надутые ветром, бессильно тянувшим яхту вперед. В форпике было гораздо больше места, чем требовалось для того, чтобы уложить их. Что-то еще могло быть в этом отсеке…

Лысый господин тем временем неуклюже выкарабкивался в кокпит.

– Там, – сказал он, мелко подергивая пальцем сверху вниз, – на кухне… Как ее?

– На камбузе, – поправил Жаров.

– Вот-вот! На камбузе. Такого не может быть. Посмотрите.

Жаров спустился в рубку, ловко ухватясь обеими руками за поручни трапа. На полу валялась груда бумаг, поблескивали навигационные инструменты: все это съехало с небольшого штурманского столика при ударе корпуса о грунт. Судовой журнал лежал поверх прочего, Жаров преодолел соблазн заглянуть в него.

Налево был камбуз, направо – гальюн. Какой-то шум не давал покоя, некий немыслимый в данных обстоятельствах звук… Он раздавался из камбуза, дверца которого была распахнута, отвалившись из-за общего крена судна.

Лысый был прав: то, что происходило на газовой плите, было совершенно невероятным – газ горел синим махровым цветком, а на решетке, прикрепленный специальными зажимами от качки, во всю кипел кофейник. Металлическая крышечка дребезжала на фоне шороха пара. Это и был тот самый звук, более уместный, скажем, в жилище холостяка, нежели на брошенной яхте.

Жаров, конечно, знал, что трогать здесь ничего нельзя, но все же выключил плиту: пока наряд приедет, вода в кофейнике выкипит и вообще может начаться пожар.

Сразу вспомнилась «Мария Целеста», которую обнаружили в Атлантике где-то в девятнадцатом веке. Там вроде бы также кипел на плите кофейник, а экипаж парусника просто исчез.

Жаров двинулся дальше. Через незадраенную дверь открывалась просторная каюта, отделанная красным деревом. Она заканчивалась платяным шкафом, который имел общую стенку с форпиком. На этом расположение яхты исчерпывалось. Небольшая, метров десяти в длину крейсерская яхта. На ней можно свершить кругосветное путешествие, будь здесь навигационное оборудование. Но такового не наблюдалось и судно могло безопасно идти лишь в виду берега или, скажем, срезать угол от Одессы до мыса Тарханкут, а далее двигаться уже Крымским побережьем. Судя по надписи на корме, яхта «Леокадия» была приписана к порту Одесса и, скорее всего, пришла именно оттуда. О том, что плавание было недолгим, Жаров понял по состоянию запасов еды на камбузе. В небольшом холодильнике, питавшимся от аккумуляторной батареи, лежало несколько контейнеров с готовыми обедами для яхтсменов, годных, чтобы их быстро разогреть на плите, надрезанная пачка масла, пакет молока и треугольный брусок сыра. Никто не собирался отправляться на «Леокадии» в какое-то дальнее плавание.

* * *

Лейтенант Клюев привез с собой оперативника. Жаров коротко поведал о своих впечатлениях от осмотра борта.

– Свяжись с вертолетной площадкой, – сказал он Клюеву. – Меня они вряд ли послушают.

Лейтенант кивнул и достал мобильник…

Все любопытные, побывавшие на борту яхты, были переписаны и отпущены: возможно, понадобятся их показания. Яхту решили доставить в грузовой порт и тщательно осмотреть уже там. Ни Клюев, ни оперативник не горели желанием лезть в воду. В ожидании буксира все трое сидели на пляже.

– Здесь определенно пахнет убийством, – мрачно заметил лейтенант Клюев.

– Если вертолетчики не найдут спасшихся… – сказал Жаров.

Вертолет уже был слышен. Вскоре он пролетел довольно низко над пляжем: дрожащая тень скользнула по гальке, раздвоилась, нырнув под волну, через долю секунды полоснула яхту «Леокадию», будто накрыв ее черным крылом. Задача, поставленная по телефону пилоту, была на несколько минут: осмотреть зеркало воды квадратом с десяток километров.

– Пилипенко решил подключиться, – сказал Клюев. – Знаменитая интуиция следователя подсказывает ему, что все это не ограничится утопленником, случайно упавшим за борт.

Помолчали. Вертолет сделал круг и вернулся. У Клюева заверещал мобильник. Звонил пилот: зона поиска оказалась совершенно чистой – никаких утопающих или предметов, принадлежавших яхте.

– Если было убийство, то должен был быть убийца, – проговорил Жаров и тут же вспомнил одну деталь на борту.

Обычно отсеки загружают полностью, на маломерных судах практически не может быть какого-то ненужного свободного места.

– Форпик яхты занят наполовину, – сказал Жаров. – Возможно, там хранилась надувная лодка. На ней либо команда покинула судно, либо мифический убийца. Команда такой яхты могла состоять и из одного человека, которого сбросили за борт.

– А зачем команде покидать судно? – спросил Клюев.

– А что такое форпик? – подал голос оперативник.

– Форпик – это носовой отсек, – сказал Жаров. – Обычно там держат сложенные паруса. А вот на твой риторический вопрос, – повернулся он к лейтенанту, – зачем команда порой покидает судно, да еще бросает свои недокуренные трубки или кипящие чайники, человечество не знает ответа уже несколько столетий.

За левым волноломом показался буксир спасателей, косо идущий к берегу. Тут же на пляже возникла Анюта, корреспондент городской газеты, конкурирующей с «Криминальным курьером» по двум-трем рубрикам. Анюту вызвал сам Жаров, подарив ей легкую сенсацию о крушении с условием, что она перешлет ему фотографии с места события. Журналюга тут же принялась снимать, а Жаров побрел восвояси.

Вернувшись в редакцию, он расположился за компьютером и набил несколько слов по горячим следам. Посмотрел в интернете инфо о бригантине «Мария Целеста» (Селеста, Челеста) и был удивлен тем, что судно, прежде, чем с ним произошла знаменитая история с исчезновением команды, довольно долго пользовалось дурной славой из-за неудач. Первый капитан погиб. Несколько раз «Целеста» меняла владельца. В 1869 году, попав в шторм у берегов Новой Шотландии, она была выброшена на берег, точно, как «Леокадия». Жаров подумал, что история, фрагмент которой он наблюдал утром, может быть гораздо глубже… Впрочем, никакого кипящего чайника на «Целесте» не было – обнаружили лишь трубки матросов, и вовсе не дымящиеся, как полагал Жаров, а просто сложенные «в надлежащем месте в кубрике». Это как раз и показалось странным тем, кто нашел покинутую бригантину: ведь мореманы ни при каких обстоятельствах не расставались со своими трубками. Чайник все же был, но кипел на камбузе другого судна – «Морской птицы», что выбросило на американский берег в середине девятнадцатого века. Там же, между прочим, обнаружили если и не трубки, то крепкий запах табака, что стоял в кают-компании. И больше никаких следов экипажа.

Жаров с трепетом погрузился в историю морских загадок и уже через час набросал план статьи, которую смело можно сделать передовицей ближайшего номера – напомнить читателям известные истории прошлого, а в центр поставить сегодняшнее происшествие, плюс хорошие фото, которые расторопная Анюта уже прислала из своей редакции: «Леокадия» стоит, покосившись, над пляжем, «Леокадию» снимает с мели буксир, он же тянет «Леокадию» на тросе прочь. Как журналист, главный редактор и хозяин газеты Жаров опасался лишь одного: что если пресловутая тайна одесской яхты раскроется прежде, чем номер уйдет в печать?

Следователь Пилипенко будто бы услышал мысль своего друга: позвонил, едва она пришла Жарову в голову.

– Не хочешь прогуляться до грузового порта?

– Ты что же – поручаешь это мне? – спросил Жаров.

– Нет. Я тоже приму участие.

– Уже найден труп?

– Нет, – вздохнул Пилипенко. – Но мне очень не нравится эта история. Давай-ка пока так, не светясь. Просто двое любознательных одноклассников в штатском решили осмотреть эту удивительную яхту.

* * *

Пилипенко попросил Жарова взять его старый «Пежо», чтобы не смущать портовых рабочих милицейским «Жигуленком». Жаров увидел яхту, пришвартованную к концу мола, еще когда вел машину мимо гостиницы «Ялта». Пропуск, висевший на ветровом стекле, открывал ему многие места города, в том числе – и Массандровский грузовой порт. Жаров проехал прямо по молу, остановив машину напротив яхты, которую спасатели только что пришвартовали, замотав два

каната за кнехты. Вокруг гудело и гремело нормальными для порта жестяными переборами. «Леокадия», теперь стоящая прямо, выглядела грациозно и стильно, на ее белых бортах колыхались отраженные солнечные блики.

– Владелец такой яхты – кто может быть? – спросил Пилипенко, будто обращаясь к самому себе. – Если не какая-нибудь звезда, то наверняка бизнесмен. В любом случае – состоятельный человек. А там, где деньги, всегда можно ожидать преступления.

Пилипенко не столь хорошо разбирался в морском деле, как Жаров. Друзья поднялись на борт, и журналист продемонстрировал следователю форпик яхты, приподняв крышку люка.

– Если здесь и хранилась надувная лодка, – сказал Пилипенко, пошарив внутри отсека, – то у нее был мотор.

Он достал платок и тщательно вытер перепачканные маслом пальцы.

Спустились по короткому трапу вниз. Темные, круглые, как у Джона Леннона, очки следователя вмиг посветлели, открыв его внимательные глаза.

– Где твой кофейник? – первым делом спросил он.

Жаров приоткрыл дверь камбуза и указал ладонью на плиту. Пилипенко осмотрел кофейник, не трогая его, затем повертел винтами крепления.

– Сколько времени прошло от момента, как яхту прибило к берегу, до того, как ты влез на борт? – спросил он.

– От силы минут десять, – сказал Жаров.

– Плиту ты выключил сразу?

– Минуты через две, когда спустился на камбуз.

– Ладно. Будем считать, что двенадцать.

Следователь вышел из камбуза и тотчас вернулся, держа в руках штурманскую параллельную линейку и судовой журнал.

– Возьми-ка, почитай пока, – сказал он Жарову, протягивая журнал, а сам склонился над плитой, щелкнув пластмассовой линейкой.

Жаров раскрыл журнал, искоса поглядывая на следователя, который меж тем бесцеремонно погрузил линейку в кофейник. Широкая даже в сложенном положении, она едва пролезла через горлышко.

Жаров склонился над журналом. Судя по записям на первой странице, яхта действительно вышла из Одессы три дня назад. Экипаж и вправду состоял из одного человека, он значился владельцем и капитаном судна – некто Шурупов Сергей Александрович.

Журнал – обязательный навигационный документ. Он служит для фиксации всего, что касается судна и его экипажа во время плавания, состоит из стандартных, напечатанных типографским способом таблиц. Журнал положено вести непрерывно с момента прибытия экипажа на борт и до окончания плавания. В случае гибели судна капитан должен принять меры к сохранению журнала.

Левая страница на каждом развороте отражает данные о курсе, ветре и так далее. На правой записываются происшедшие события, а если таковых нет, то ставят во всю таблицу карандашный «зет». Иные вахтенные любят вести на этих правых страницах и чисто личные записи, часто довольно скучные, интересные только для самих этих любителей.

Владелец «Леокадии», похоже, как раз и был таким любителем: в первый день он уныло жаловался на хандру, коей способствовали мрачные тучи над горизонтом и так далее. На второй день вдруг заявил, что ему и вовсе порой не хочется жить, и от тоски своей некуда уйти, и даже на собственной яхте по вольному ветру не уплыть и тому подобное…

«Хотя, кончено же, я не от какой-то там тоски бегу, а от вполне конкретного, от того, что преследует меня, что наехало со всех сторон…»

Интересно, что такое могло «наехать» на успешного бизнесмена Шурупова? Или не успешного? Да и бизнесмена ли? Кто он такой, вообще? Они с Пилипенкой заочно решили, что владелец яхты – одесский бизнесмен. Может и так. На бизнесмена могли наехать какие-нибудь кредиторы. Со всех сторон? Еще всяческие неприятности, например, известие о неизлечимой болезни. Или какая-нибудь любовница угрожает разоблачить его перед женой, что также обычное дело… Разве этого достаточно, чтобы поставить яхту на автопилот и сигануть за борт? Да и пропавшую лодку надо как-то объяснить.

Следователь тем временем сидел на рундуке и размышлял, постукивая линейкой по колену.

– Тридцать четыре миллиметра, – сказал он, наконец. – Давай-ка проведем эксперимент. Допустим, кофейник был изначально полон.

Он снял с кофейника крышку и налил воду из крана в перевернутой бутыли над камбузным столом. Водрузил кофейник на плиту и защелкнул зажимом от качки.

– Я, между прочим, бросаю курить, если ты помнишь, – сказал он Жарову.

– У меня, конечно, есть зажигалка, – ответил тот, – но хочу заметить, что она здесь и не нужна. Такая походная плита включается автоматически, от искры. Кнопочку нажми, – закончил Жаров, качнув пальцем.

Следователь утопил маленькую красную кнопку сбоку плиты. Раздался тихий треск и газовый цветок распустился.

– Теперь подождем, – сказал Пилипенко. – Времени хватит, чтобы не спеша осмотреть всю эту посудину.

– Сначала я закончу с журналом, – сказал Жаров, перевернул страницу и вдруг почувствовал, как его собственные брови ползут наверх.

На последнем развороте с левой стороны значились обычные цифры. С правой размашистым торопливым почерком было начертано следующее:

«Оно здесь оно повсюду оно пожирает меня».

Жаров перевернул журнал и молча показал разворот другу. Пилипенко смерил взглядом страницу и настороженно повел глазами туда-сюда.

– По хорошему, надо бы вызвать каких-нибудь специалистов, биологов, что ли… – пробормотал он, продолжая пристально осматривать внутренность яхты.

– Вряд ли это «оно» – какое-то животное, – возразил Жаров. – Животное не может быть «повсюду».

– Возможно, – сказал Пилипенко. – Но если мы до сих пор целы, предлагаю продолжить осмотр.

Теперь мотивировка Жарова изменилась: он приглядывался к окружающим предметам с новой точки зрения, ожидая увидеть свернувшееся где-нибудь щупальце или гигантскую паучью ногу.

– Никаких следов борьбы, – констатировал следователь. – Правда, одежда вывалена из платяного шкафа и вряд ли это можно объяснить толчком при посадке яхты на мель. Ощущение такое, что в шкафу что-то спешно искали. Дай-ка мне глянуть, – попросил он, протягивая руку за журналом.

Повертев его, Пилипенко провел пальцем по сгибу разворота и проговорил задумчиво:

– А ведь одна страница вырвана. Предпоследняя. Это может ровным счетом ничего не значить, конечно. Но запомнить стоит.

* * *

Вода в кофейнике закипела через четыре минуты. Еще тридцать пять потребовалось, чтобы она выкипела до того уровня, на котором застал ее Жаров, когда увидел кипящий кофейник на борту. За это время друзья успели осмотреть каждый дюйм «Леокадии» и не нашли больше ничего подозрительного.

– Итак, кофейник был поставлен на плиту, а огонь зажжен за тридцать девять минут до того, как ты его погасил, – сказал следователь. – Отнимаем двенадцать, получаем двадцать пять. Что ж, теперь самое время прокладывать курс.

Пилипенко бросил лоцию на штурманский столик и плашмя шлепнул на нее линейку. Указал жестом ладони:

– Прошу!

Жаров сел на деревянную скамью и раскрыл лоцию.

– Будем считать, что кофейник был полным, – пробурчал он. – Что, конечно, не факт.

– Не факт, – невозмутимо согласился Пилипенко. – Но мы исходим из максимума, в который неизбежно включается минимум.

Жаров видел, что яхта шла точно перпендикулярно берегу. Ее скорость на глаз была узлов пять-шесть. Вскоре стало ясно, что самое большее расстояние, которое она миновала после того, как кофейник поставили на плиту, не могло превышать четырех-пяти километров.

– Вертолетчики прочесали гораздо больший квадрат, – заметил Жаров.

Пилипенко нагнулся, подобрал с пола что-то блестящее и аккуратно возложил на стол. Это был циркуль.

– Какова может быть скорость надувной лодки с мотором? – спросил он.

– Самое большое – километров тридцать в час. Зависит от мощности мотора. Но не думаю, что в качестве спасательного средства на яхте будет слишком уж быстроходная лодка. Скорее – не более двадцати.

– Значит так, – сказал следователь, потирая лоб. – Простая задачка по алгебре. Есть время – полчаса или меньше. Есть скорость – двадцать километров в час. Есть циркуль и карта.

Говоря все это, Пилипенко склонился над картой, осторожно провернув циркулем круг над синевой. Его очки-хамелеоны теперь лежали на штурманском столе, поймав солнечный луч из иллюминатора, отчего стекла стали почти черными.

– Готово! – наконец сообщил он. – Моторная лодка не могла отправиться ни в открытое море, ни вдоль берега. Ее бы взяли погранцы – как при попытке выйти в нейтральные воды, так и продвинуться дальше Фороса на запад или Медведя на восток, где стоят радары. Итак, лодка, по всей вероятности, шла под углом к берегу от точки спуска на воду. Следовательно, она причалила где-то на отрезке от Симеиза до Никиты, гораздо раньше того момента, как сама яхта села на мель.

– Опять вертолет?

– Нет, не годится. Тогда речь шла о возможном спасении людей, а теперь – вообще, непонятно о чем. Сядем на катер и совершим легкую морскую прогулку.

Спасателей пришлось тормошить: они уже считали, что с буксировкой яхты их рабочий день закончен. Бесхозная надувная лодка – довольно-таки дорогая модель из пятислойного пластика, оснащенная маленьким, но мощным мотором – нашлась в одной из крайних точек, вычисленных теоретически, а именно: за мысом Мартьян в Никите.

– Для проформы, конечно, нужно сравнить образцы масла с лодки и яхты, но на девяносто девять процентов – это и есть та самая лодка, – сказал Пилипенко.

Жаров кивнул.

– Вот и закончилась мистика, – ехидно добавил следователь. – Никакой тайны «Марии Целесты» нет. Ясно, что мы имеем дело с каким-то преступлением. Правда, все члены системы уравнений не известны. Даже жертва.

– Почему же все? А сыщик? Любая детективная система состоит из пяти элементов: преступник, преступление, жертва, мотив и сыщик. Ты, по крайней мере, уже в наличии.

– Нет преступления, нет и сыщика.

– Может, и в самом деле нет преступления. Человек просто надул лодку и свалил со своей яхты. Возьмет и объявится через час-другой.

– Возможно, – сказал Пилипенко. – Но вопросы о том, почему он это сделал, не выключив кофейник, почему бросил такое дорогое имущество, а главное, что означает его запись в журнале – так и остаются открытыми.

* * *

Хозяин яхты не объявился и к вечеру. На конец рабочего дня информации по этому случаю несколько добавилось. Клюев прозвонил Одессу и выяснил следующее.

Шурупов Сергей Александрович, сорока двух лет, женатый, детей не имеющий, и вправду оказался бизнесменом – владельцем ряда продуктовых магазинов в городе и области. Яхту «Леокадия», порт приписки Одесса, он приобрел недавно. Это было ее первое плавание на столь дальнее расстояние: до сих пор судно использовалось для коротких морских прогулок и пикников. За бизнесменом тянулся довольно длинный хвост сомнительных связей и сделок, но в этом не было ничего из ряда вон выходящего – все эти люди таковы.

Одесские ребята встретились с женой Шурупова, взяли у нее фотографию и переслали в Ялту. Шурупов был коротко стриженным блондином с невыразительным лицом и блеклыми глазами. Беседа одесситов с этой женщиной не дала никакой существенной информации: жизнь ее мужа состояла в основном из работы с раннего утра до позднего вечера, а последнее время, в связи с

покупкой яхты, он увлекся новой темой – раз в неделю выходил в море на ночь, управляя яхтой в одиночку. Наконец, взял себе несколько дней отдыха и отправился в более серьезное плавание.

– Информации много, но ничего значимого для нас, – подытожил Пилипенко. – Вот что, – он двинул распечатку фото прямо под руку Клюеву. – Отдай это в типографию. Надо, чтобы завтра же на каждом столбе красовалась арийская морда Шурупова.

– Достанут, – вяло возразил Клюев, даже пальцем не шевельнув.

Жаров, все это время молча сидевший на подоконнике, понял, что он имеет в виду: все отделения милиции города будут трещать от ложной информации.

– Я даю распоряжение, а ты исполняешь, – сказал Пилипенко официальным тоном. – Возьми фото.

– Не возьму, – с улыбкой возразил Клюев и, не дожидаясь, пока глаза начальника вылезут из орбит, добавил: – Фото есть в моем компе, в электронном виде. Оттуда и пойдет в типографию.

– Я тоже подключусь, – сказал Жаров. – Номер «Курьера» выйдет в среду. Скинь и мне фото со своей игровой станции.

На том и порешили. Жаров сверстал изображение Шурупова на последнюю полосу, с которой обычно начинают чтение газет, и снабдил выразительной подписью о розыске данного субъекта, предупредив жирным шрифтом, что обращаться по этому поводу надо не в газету, а в милицию. Тем не менее, уже через час после того, как он развез номер по киоскам, какой-то придурок все же позвонил в редакцию, сообщив, что похожий человек снился ему накануне, а поскольку газета «Крымский криминальный курьер» занимается проблемами непознанного вообще, снов и сновидений в частности… Жаров вежливо предложил сформулировать сообщение в письменном виде и прислать бумажной либо электронной почтой.

Два последующих дня не принесли никаких новостей по делу аварийной яхты. В пятницу Жаров зашел в управление, застав Клюева, как обычно, за компьютером, в процессе очередной игры. Лейтенант с увлечением гонял какого-то женоподобного гоблина по зеленым просторам мультяшной фэнтези.

– Сводка сегодня совершенно пустая, – сказал он. – Ничего интересного для твоего боевого листка. А Пилипенко, между прочим, сам ходит по адресам, где якобы засекли этого Шурупова. Девять уже прошел. Осталось четыре. Скорее всего, и они ложные. Все они здесь, в моем компе.

– Далась ему эта яхта… – пробурчал Жаров, краем глаза разглядывая эффектную молодую женщину, которая открыла входную дверь и подошла к стеклянному барьеру.

– Чутье у него… Вот, сегодня еще три квартирные хозяйки и один менеджер отеля сообщили, что у них поселился похожий человек, – продолжал Клюев, движением мыши вызвав на монитор список. – Вот, смотри, какой маршрут предлагает ему сегодня судьба: одна точка на улице Руданского, другая – на Халтурина, третья в Массандре, последняя – аж в Гурзуфе. Чушь какая-то. Я ведь возражал: не надо никаких объявлений, но Вовика разве убедишь? Пусть сам теперь и ходит весь вечер после работы, проверяет. Я вот что думаю: эта история каким-то образом связана с бизнесом и одесскими разборками… А вы по какому вопросу? – Клюев заметил, наконец, посетительницу.

– У меня в вашем городе пропал муж, – сказала женщина.

– Еще один, – прокомментировал Клюев, готовый записать информацию.

У Жарова тоже было чутье. Вряд ли еще один, – подумал он. В следующее мгновение женщина подтвердила его догадку.

– Я только что приехала из Одессы, – сказала она. – Моего супруга зовут Шурупов Сергей Александрович. Мне сказали, что его яхту обнаружили где-то у вас, в Ялте.

* * *

Жаров, как всегда, вошел в кабинет следователя, будто так и надо, по умолчанию играя роль какого-то сотрудника в штатском. Всем казалось очевидным, что человек, который сидит в милиции рядом с милиционером – сам милиционер и есть. Редко возражали и спрашивали: кто этот субъект, по какому праву он принимает участие в допросах?

Право у Жарова было одно: старая дружба. Вова Пилипенко, следователь, был школьным товарищем с незапамятных времен, а Петя Клюев, лейтенант, командир бригады оперативников –

также на близком горизонте маячил: он в «Б» классе дурака валял, а будущий следователь и будущий репортер – в «А». Леня Минин, эксперт-криминалист, также учился в пятой школе, но пятью годами старше. Маленький городок, уютный. Курортникам и в голову не приходит, насколько Ялта тесна.

Сейчас все четверо сидели в кабинете следователя и слушали рассказ жены Шурупова. Минина пригласили потому, что женщина привезла альбом с фотографиями. Эксперт был уверен, что выражение лица пропавшего, запечатленное камерой, сможет натолкнуть его на какую-нибудь полезную мысль. Он сидел в сторонке и внимательно листал магнитный альбом, двигая над ним крупной лупой в медной оправе, которая пускала солнечный зайчик на стены и потолок.

– Есть у вашего мужа явные враги, люди, о которых вы могли бы знать? – спросил Пилипенко. – Что-нибудь, связанное с его бизнесом…

Светлана Викторовна (именно так она представилась и предлагала себя называть, хотя было ей явно до тридцати, а выглядела она еще моложе, просто девчонкой, поэтому Жаров мысленно именовал ее по рангу – Светка) солидно пожевала губами и вскинула глаза к потолку.

– Мне ничего не известно о делах моего супруга. Он зарабатывает деньги, а проблемы бизнеса меня не интересуют.

Это был вполне типичный, банальный стиль, весьма меж жен бизнесменов распространенный – недалекое эхо девяностых, когда бизнесмен стопроцентно значило бандит.

– Здоровье вашего супруга в порядке? – с участием поинтересовался Минин, оторвавшись от альбома.

– Совершенно. Яхтсмен, спортсмен…

– А душевное?

– Что вы имеете в виду?

– Поймите меня правильно, – сказал Минин. – На некоторых фото у него довольно странное лицо. Будто о чем-то напряженно думает, когда все вокруг веселятся.

Жаров видел через плечо эксперта, что многие фотографии представляли собой типичную любительскую съемку застолий. Меж пьяных беззаботных лиц Шурупов порой выглядел человеком, который находится в комнате по какой-то служебной надобности. Вдруг ему показалось, что он узнал на групповой фотографии одно лицо… Нет, невозможно. Лицо мелькнуло так быстро под толстыми пальцами Минина, что Жаров не успел осмыслить нелепости его присутствия здесь и теперь, к тому же резкий, подчеркнуто официальный голос Шуруповой отвлек его:

– Сергей Александрович не наблюдался у психиатра, если вы об этом хотели спросить, – сказала она Минину.

Тот встал и, волоча за собой стул, подошел к Шуруповой.

– Я бы попросил вас расположить эти фотографии в хронологическом порядке, – проговорил он и, догадавшись, что женщина не совсем его понимает, добавил: – По времени. Какие фотки был сделаны раньше, какие позже. Если помните, конечно.

Пока Минин и Шурупова сидели рядом, склонившись над альбомом и шелестя листами прозрачной пленки, словно гости на скучной вечеринке, все остальные молча смотрели в их сторону, ожидая результата эксперимента, смысл которого был никому не понятен.

Жарову было ясно, что супруга Шурупова – Светка эта – женщина недалекая, хотя и пытается держать марку солидной дамы.

Минин вдруг ткнул пальцем в альбом.

– Когда была сделана эта фотография?

– Где-то зимой, а что?

– Я хочу понять, – ответил Минин, – в какой момент с вашим мужем произошла перемена.

– Да о чем это вы?

– Посмотрите. Вот человек как человек. Все улыбаются и он – тоже. И так на всех фотографиях в начале альбома, если расположить хроно… То есть, по времени. Нынешней зимой, месяцев пять назад, с ним что-то случилось, возможно, неприятности, связанные с работой. И выражение лица изменилось. Разве вы не заметили перемены?

– Нет! – с раздражением ответила Шурупова. – И вообще… Какое отношение все это имеет к тому, что человек исчез? Вы просто найдите его и все.

– Об этом можете не беспокоиться, – сказал Пилипенко с ледяной твердостью. – Мы его непременно найдем. А к вам пока только одна просьба: оставьте нам этот альбом.

– Ну, разумеется, – пожала плечами Шурупова, а Жаров меж тем отлип от подоконника, подошел к столу и взял альбом в руки.

Пролистав немого назад, он дошел до той страницы, которая смутила его. Это было корпоративное фото. Группа улыбающихся мужчин и женщин расположилась вокруг массивного стола, вероятно, в кабинете директора фирмы, Шурупова.

– Невероятно! – воскликнул Жаров. – Вот эта девушка… Именно она первой влезла на яхту. Груздева!

Жаров ткнул пальцем в это красивое, беспечно улыбающееся лицо.

Пилипенко тотчас завладел альбомом.

– Груздева, – сказал он, обращаясь к жене пропавшего. – Вы знаете это девушку?

Шурупова взяла в руки альбом и посмотрела на фото.

– Впервые ее вижу. То есть, я, конечно, не раз видела это фотку, но не обратила внимания. Возможно, одна из сотрудниц фирмы моего супруга. У меня вообще, плохая память на лица.

Женщина порылась в сумочке, достала маленький пластиковый пенал с валидолом и будничным жестом задвинула таблетку под язык. Что-то на самом деле столь взволновало ее, или же этот валидол был кодом некой значимости, подобно тому, как иные люди носят очки с простыми стеклами?

– У вас в кабинете слишком душно, а я еще не прошла акклиматизацию после Одессы, – пояснила она.

Когда Шурупова ушла, Пилипенко медленно пролистал альбом с начала до конца. Клюев и Минин тоже смотрели. Все трое сдвинули плечи, словно в шеренге, а Жаров стоял напротив, видя перевернутый мир фотографий.

– Вот, опять она, – Пилипенко постучал пальцем по станице.

– Угу, – промычал Минин.

Еще через две страницы и он воскликнул:

– И еще раз!

Всего в альбоме насчиталось четыре фотографии Груздевой. Судя по всему, эта девушка действительно работала на фирме Шурупова.

– Мне почему-то уже давно казалось, – проговорил Жаров, – что наш человек был среди тех пловцов, которые первыми обнаружили яхту.

– Неужто интуиция? – спросил Пилипенко.

– Нет. Это у тебя интуиция. Мой незыблемый принцип таков: законы детективного жанра столь сильны, что действуют и в жизни. Не мог автор затратить столько усилий на какого-то курортника, если этот персонаж не причастен к делу.

– Ну что ж! – сказал Пилипенко. – Груздева живет в гостинице «Крым». Журналист, конечно же, поедет со мной?

– Если позволишь.

– Знамо дело. Разве ты хоть раз упустил возможность полюбоваться на красивую девушку?

* * *

Милицейский «Жигуленок» ехал от управления до гостиницы минут семь, поскольку на Платановой была пробка: троллейбусы встали один за другим, что, как и чистенькие, беленькие девчонки с лотками на каждом углу, также было признаком начала курортного сезона.

За это время друзья успели выработать стратегию разговора с Груздевой. Предварительный звонок ей сделал именно Жаров, поскольку он был как бы ее знакомым, хоть и имел какое-то невразумительное отношение к милиции. Голос Татьяны звучал недовольно и подавлено: казалось, ей крайне нежелательна была эта встреча. Во всяком случае, выяснилось, что она сейчас в гостинице.

Пилипенко о чем-то напряженно думал, затем высказал результат:

– Мне тоже с самого начала казалась странной одна деталь. Гостиница рядом с Массандровским пляжем. Курортники обычно туда и ходят. Почему Груздева купалась в Ореанде?

– Я и говорю, – ответил Жаров. – Она должна была встретить яхту.

По обстановке в номере сразу стало ясно, что девушка решила уехать. На кровати лежала раскрытая туристическая сумка, часть вещей была уложена, Жаров отметил кружевные лиловые трусики в прозрачном пакете, их вид почему-то вызвал у него необъяснимую жалось.

– Я очень тороплюсь, – сказала Груздева. – У вас ко мне, как я понимаю, вопросы, связанные с этой яхтой?

Она была занята тем, что бережно заворачивала в тряпицу маленькие иконки. Нагнулась и уложила их рядом с трусиками. Ее нательный крестик на серебряной цепочке отклонился согласно гравитации и снова упал на грудь, когда девушка выпрямилась.

Пилипенко молча развернул альбом, который привезла жена Шурупова, и показал фото.

– Все гораздо сложнее, как видите.

– Да, я работаю на этой фирме, – сказала Груздева, мельком глянув в альбом.

– Вы… – следователь чуть было не произнес слово «любовница», – хорошо знаете Шурупова Сергея Александровича?

От внимания Груздевой тоже не ускользнуло движение губ следователя, собиравшегося произнести это старомодное слово.

– Да, я была его женщиной! – вдруг громко сказала она.

Жаров заметил, что при этих словах она легко коснулась двумя пальцами своего нательного креста.

– Как давно? – спросил следователь деловым, невозмутимым тоном.

– Пять месяцев и шесть дней.

Пилипенко быстро пошевелил пальцами, и Жаров понял, что следователь думает о том же, о чем и он. Как раз это и заметил Минин на фотографиях… Именно пять месяцев назад лицо Шурупова изменилось. С тех пор, как женатый мужчина зажил двойной жизнью.

– Вы условились встретиться в Ялте, не так ли? – спросил Пилипенко.

– Какое это имеет значение?

– Человек исчез. Мы ведем расследование.

– Да, – сказала Груздева. – Я и вправду ждала яхту в Ялте. Но вы же знаете, что произошло с ней.

– Мы понятия не имеем, что произошло с яхтой и на яхте! – не выдержал Жаров. – А вы?

– И я тоже.

– Почему же вы уезжаете? – спросил Жаров.

– Как почему? – девушка вскинула на него свои огромные светлые глаза. – Ведь ваш коллега только что сказал: человек исчез!

– И куда же вы собираетесь? – холодно спросил Пилипенко, и Жаров хорошо знал,что он скажет в следующую минуту.

– Как куда? Домой, в Одессу.

– Вынужден вас огорчить, – и вправду начал следователь.

– Что может огорчить меня более, чем то, что уже произошло?

– Вы не едете в Одессу.

– Вот как?

– Я выпишу вам бумагу. Это называется – предписание. Как фигурант объявленного расследования вы не имеете права покидать территорию Большой Ялты.

– До каких пор?

– Пока мы сочтем нужным. Лично я сочту. А лично я считаю: вы можете оказать неоценимую помощь в расследовании.

– Расследовании чего?

– Обстоятельств исчезновения вашего… друга. И, для начала, я попросил бы вас ответить на несколько вопросов.

– Да ради Бога!

– Когда вы приехали в Крым?

– За день до Сергея. Поезд пришел в семь утра. Я бродила тут. Заночевала. Скучный город.

– Я бы поспорил. Но почему вы не сели с ним вместе на яхту? Зачем так громоздко?

– Он не хотел брать меня на борт. Хотел побыть один в море. Мы условились встретиться в Ялте и провести вместе несколько дней подряд, а не как раньше – урывками, порой на два-три часа… Но яхта, как вы знаете, пришла пустой. Я влезла на борт, но обнаружила лишь кипящий кофейник.

– Больше вы ничего не обнаружили? Что-то еще показалось вам странным?

– Да! Вещи были выброшены из шкафа и разбросаны по полу.

– Вы что же – условились, что яхта пристанет к берегу именно на этом маленьком пляже?

– Да нет же! Она должна была придти в порт. В последнем разговоре Сергей уточнил время прибытия. Я прогуливалась по Набережной и ждала его. На звонки он перестал отвечать. Пеленг аппарата показывал, что яхта идет совсем в другое место.

– Что значит – пеленг аппарата? – не выдержал Жаров. – У вас что же – есть функция джи-пи-эс?

– Да. Сергей был очень щепетильным и поставил мне ее на всякий случай. Мы ведь катались на яхте последнее время, каждый уикенд по ночам. А на море всякое может случиться.

– Но позвольте! – воскликнул Жаров. – Ваш аппарат засекал что? Ведь не положение яхты, а положение мобильного телефона ее владельца!

– Да, ну и что?

– Это значит, что когда Шурупов исчез с борта, мобильник еще оставался на яхте.

Груздева пожала плечами:

– Может быть, его просто смыло в море? Вряд ли его теперь можно найти.

– Может быть – нет. А может быть – и да, – задумчиво произнес Пилипенко.

* * *

Друзья молча дошли до «Жигуленка», который был со всех сторон заставлен другими авто, словно старый чайник на плите среди тефлоновой посуды. Что-то не давало покоя Жарову, какое-то слово, употребленное не совсем так, как требовала логика. Как профессиональный литератор он был особенно чувствителен именно к словам.

Они влезли в машину, протиснувшись в двери, которые нельзя было распахнуть полностью, не покарябав чужой тефлон. Пилипенко завел мотор и принялся выруливать. Скрежет старой коробки передач странным образом навел Жарова на потерянное слово. Он сказал:

– Груздева дважды оговорилась: сказала о Шурупове «был». Вот что. Шурупов уже мертв, и девушка знает об этом.

– Возможно, – сказал следователь. – В любом случае, я собирался по всем этим адресам.

– Твой рабочий день, между прочим, давно закончился.

– Ничего. Я выпишу сверхурочные.

Он, конечно, знал, что Жаров не оставит его, увяжется с ним, поэтому не тратил времени на лишние разговоры.

– Осталось четыре места, где засекли Шурупова. Якобы узнали по расклеенным фото. Квартирные хозяйки и менеджер отеля. На Халтурина, на Руданского, в Массандре и в Гурзуфе, – говоря, Пилипенко поводил головой туда-сюда, указывая подбородком в направлении означенных мест. – Думаю начать с самой дальней точки, с Гурзуфа.

– К тому же, лодку нашли именно в том районе, – сказал Жаров.

– Да не в этом дело, – отмахнулся следователь. – Вполне возможно, что Шурупов заквартировал как можно дальше от места, где причалил к берегу. Просто лучше пилить в самую дальнюю точку с надеждой в сердце, чем возвращаться оттуда разочарованным.

– Приветствую такую логику.

– Ничего удивительного, – пробурчал Пилипенко. – Простая мужская логика. Женщина бы действовала наоборот.

До автовокзала томились в пробке, но, выехав зигзагом на трассу, почувствовали относительную свободу.

Хозяйка маленького пансиона в Гурзуфе производила впечатление вполне вменяемой. Друзья не сразу заметили, что именно с ней не так.

Человек, которого она опознала по фото, наклеенному на доску объявлений Гурзуфского пятачка, был ее постояльцем и в данный момент, «естественно», спал пьяным в своей комнате. Дверь была не заперта, и все трое вошли в довольно вонючее логово, где на столе топорщился развороченный скелет курицы-гриль. То, что лежало на кровати, заставило друзей переглянуться. Человек, спавший поперек съехавшей постели, не имел ничего общего с Шуруповым. Мало того, что он был брюнетом, в отличие от белобрысого яхтсмена, но тугие щеки, меж которых располагался круглый, тяжело дующий рот, не шли ни в какое сравнение с впалыми щеками разыскиваемого. Пилипенко закрыл дверь, перерезав поток сероводорода и ацетона, и сухо сказал женщине:

– Это не тот человек.

В маленьком холле висел постер, изображающий Арнольда Шварценеггера.

– Вам тоже нравится Сильвестр Сталлоне? – поинтересовался Пилипенко, кивнув на изображение.

– Это не Сталлоне, – сердито сказала хозяйка.

– А кто?

– Это Стивен Сигал.

Уже по пути в Ялту следователь прокомментировал ситуацию:

– У этой женщины явная болезнь Альцгеймера. Она не распознает человеческих лиц. На место своего постояльца она подставила фото разыскиваемого, а произвольный плакат наполнила образом любимого актера.

– Рано или поздно она сожжет свой дом, – мрачно отозвался Жаров.

– Я сообщу гурзуфскому участковому, – сказал Пилипенко. – Пусть направит ее к врачу. Хоть это и неизлечимо, но пациент и его близкие должны знать о такой болезни.

Свернув с трассы в Массандру, Пилипенко безошибочно вывел машину в проулок к нужному дому. Жизнь в маленьком городке невольно заставляет изучить его назубок, вплоть до расположения зданий по номерам.

Раньше это был просто жилой дом на восемь квартир, но в новые времена некий «уважаемый человек» выкупил его, прогнав оттуда жильцов на выгодных для них условиях. Теперь здесь был небольшой и не очень дорогой, имея ввиду положение высоко над морем, частный отель.

Менеджер отеля и позвонил сегодня утром в милицию, сообщив о том, что человек, похожий на Шурупова, остановился на его территории.

Сообщение также оказалось ложным. Рассмотрев альбом, менеджер вернул его, виновато пожимая плечами.

– В объявлении была одна фотография, а здесь множество. Наш гость был просто похож на него. Да и съехал он уже.

Оставалось еще два адреса. Труп Шурупова друзья обнаружили по первому из них.

* * *

Хозяйка частной квартиры в многоэтажном доме по улице Руданского немедленно подтвердила свое телефонное заявление, лишь перелистнув две-три страницы альбома. В доме ей принадлежало три квартиры: две из них она сдавала, в третьей жила сама. На звонок никто не отзывался, следователь попросил открыть дверь запасным ключом.

Шурупов сидел на полу, привалившись к кровати. Голова была опущена на грудь. Пилипенко присел на корточки и заглянул ему в лицо. Судя по тому, как скривились губы следователя, Жаров понял, что ему также предстоит весьма неприятное зрелище.

Действительно: глаза мертвеца вылезли из орбит, существуя, словно два плохо закрепленных шара. Что-то похожее на фильмы, где у астронавта лопается стекло шлема. И гримаса ужаса, застывшая на лице.

– Похоже, то, что преследовало этого человека на яхте, все же настигло его, – сказал Жаров. – Тайна «Марии Целесты» существует.

Пилипенко уже стоял посередине комнаты и рассматривал предметы, лежащие на столе, низко наклонившись и поводя носом.

– Не думаю, – что здесь есть какая-то тайна вообще. Этот человек просто-напросто покончил с собой.

– Ты что же, как Пуаро – уловил запах горького миндаля в стакане?

– Положим, «Массандра» и так попахивает конским миндалем. Дело в том, что тут наличествует предсмертная записка.

Жаров подошел и тоже склонился над столом. Пустой бокал лежал на боку, уткнувшись в ополовиненную бутылку вина. Посередине стола белел лист бумаги.

> «Нет больше сил это терпеть. Я ухожу из жизни добровольно. Никого прошу не винить в моей смерти. Прощайте, друзья! Свидимся в другой жизни. Прощай, жена! Если придут, то скажи им, что взять с меня было нечего».

– Ушел, стало быть, от кредиторов, – сказал Пилипенко.

– Это первое, что приходит в голову, – проговорил Жаров. – Возможны и какие-то другие трактовки.

Жарова поразил не сам текст записки – нечто подобное он уже видел не раз, разъезжая с оперативниками по Ялте и окрестностям. Предсмертное послание Шурупова было написано простым карандашом, а в самом листе без труда можно было узнать вырванную страницу из судового журнала. Пилипенко также был озадачен.

– Вряд ли самоубийца взял чистую страницу про запас, – сказал он. – Скорее всего, записка была написана еще на борту. Покидая яхту, он взял листок с собой. Это и видно: похоже, что бумага была сначала сложена, потом разглажена.

Трогать листок было нельзя до прихода эксперта, и Жаров нагнулся, рассматривая его.

– Что же это получается? – проговорил он, распрямившись. – Человек решает свести счеты с жизнью прямо на своей яхте. Пишет записку в судовом журнале. Внезапно что-то мешает ему. Он вырывает из журнала листок, сворачивает и кладет в карман. Торопливо пишет в журнале о том, что нечто здесь и повсюду, нечто преследует его. Спасаясь от чего-то ужасного, надувает лодку и мчится к берегу. Арендует квартиру. Живет здесь три дня. Затем исполняет свой план, используя ту же самую записку. По-моему, так не бывает.

– Если еще учесть, что перед первой попыткой самоубийства он решает испить кофейку и ставит кофейник на плиту. Включает плиту. И лишь тогда покидает яхту. Более нелепого сценария мне не доводилось видеть.

Пилипенко замолчал, тщательно оглядывая комнату. Похоже, что он не приметил ничего необычного.

– Ясно одно, – наконец заговорил он. – И на яхте, и в этой комнате произошло нечто совсем другое. Хотя бы потому, что события, какими они видятся по первым впечатлениям, просто-напросто не могли произойти.

Жаров тем временем рассмотрел труп. На груди самоубийцы висел нательный крестик на простом шнурке.

– Именно так и носят новообращенные, не сразу покупают цепочку, – сказал он. – Следовательно, Татьяна сказала правду, что он недавно крестился.

– А с чего бы ей врать? К тому же, вроде бы, православным врать не полагается. Правда, часто мы сталкиваемся с обратным.

– Да все люди врут, черт бы их побрал. Православные ли, католики, мусульмане… – Жаров продолжал, уже обращаясь к мертвецу: – Крест, крест… Что же за крест ты носил на самом деле? Что преследовало тебя, окружало со всех сторон?

Пилипенко вздохнул:

– Ну, не столь возвышенно, может быть. В Одессе наехали бандюки. Достала жена. Надоела любовница. Вот и получается: со всех сторон… Нет, все же… Не повод, чтобы свести счеты с жизнью.

– Я бы уж точно сбежал от такой жизни, – сказал жаров.

– Куда, в смерть?

– Нет, конечно. Но сбежал бы – это точно!

– Сбежал, сбежал… – бормотал следователь, нащелкивая кнопки на своем телефоне. – Об этом стоит подумать.

* * *

Прибывшая бригада тщательно осмотрела жилище мертвеца. Ни осмотр, ни последующая экспертиза не добавили ни одной новой детали, кроме тех, что и так предполагались.

Смерть Шурупова наступила в результате отравления цианидом. Следы яда были обнаружены только в бокале, то есть, самоубийца просто бросил капсулу в свое вино. Скорее, это была именно растворимая капсула, поскольку никакого флакончика в комнате не нашли. Степень трупного окоченения показала, что Шурупов принял яд буквально за час до того, как был обнаружен мертвым.

– Если бы мы поехали сразу на Руданского, а не мотались туда-сюда, – вздохнул Жаров, – то могли бы спасти этого человека.

– Не вини себя в том, что действуешь согласно мужской природе, – пробурчал Пилипенко.

Была уже поздняя ночь, а друзья так и сидели в кабинете следователя. Не раз обсудили ситуацию, постоянно упираясь в одни и те же вопросы.

– Вопросы-то остаются, и странные, – сказал Клюев. – Но боюсь, для начальства неубедительные. Могу поклясться, что дело будет закрыто даже в таком виде.

– А знаете, ребята, что самое нелепое в этой истории? – вдруг спросил Жаров, обращаясь сразу ко всем присутствующим.

– Кофейник? – спросил Пилипенко.

– Нет, – сказал Жаров. – Можно представить, что человек включил его на автопилоте, по инерции. Ведь достаточно просто красную кнопку нажать.

– Страница из судового журнала? – предположил Минин.

– И это мимо. Вырвать страницу и уплыть с нею – факт, с трудом поддающийся объяснению, но все же возможный. Отложенная смерть. Малодушие или что-то еще... То, что никак, ни при каких обстоятельствах не может быть возможным: Груздева знала о том, что ее возлюбленный мертв, говорила о нем в прошедшем времени, и было это часа за три до его смерти. Откуда она знала, что через три часа Шурупов покончит с собой? Он что – попросил ее ассистировать, подержать свечку?

– Понятно. – сказал следователь. – Мистика никогда не давала тебе покоя. Тайна «Марии Целесты» лопнула, как пузырь на воде. И вот, ты уже спешишь найти другую загадку из области непознанного. Ты неисправим, брат. Но, что бы там ни было, мы должны немедленно посетить эту девушку.

– Сейчас? Среди ночи?

– Именно.

Сказано – сделано. Уже через несколько минут, благо, что теперь улица была свободна, Пилипенко и Жаров вошли в вестибюль гостиницы «Крым».

– А девушка ушла! – заявила администраторша, довольно пожилая строгая женщина.

– С вещами? – спросил Пилипенко столь грозно, что женщина отшатнулась.

– А вот и нет! – сказала она. – Просто так, прогуляться.

При этом она невзначай глянула на круглые стенные часы, где как раз в этот момент прыгнула стрелка, отсчитав час ночи.

– А дайте-ка нам, любезнейшая, – он указал округлым движением пальца на стену, – ее ключик.

– А у вас есть санкция? – спросила служащая, правда, уже снимая со стенда гостиничный ключ.

– Жаров, покажи ей санкцию! – сказал Пилипенко, уже осваивая ботинком лестницу, и журналист по локоть засунул руку себе за пазуху.

Этот трюк срабатывал на практике не один раз. Администраторша лишь мельком глянула в его сторону и через минуту они все трое вошли в номер Груздевой.

– Что может делать девушка ночью в незнакомом городе? – пробормотал Пилипенко, вроде, ни к кому не обращаясь, но женщина сочла своим долгом ответить:

– Можно догадаться!

– Правда, – добавил Жаров. – Груздева могла познакомиться с кем-то и…

– Это вряд ли, – сказал следователь, оглядываясь по сторонам. – Не та девушка. Христианка и прочее. Ее парень мертв, и она знает об этом. С нею что-то определенно случилось.

Он прошелся по комнате, выдвинул ящик стола, заглянул под кровать. Администраторша вдруг выбросила в сторону Жарова руку ладонью вверх.

– Так вы покажете мне санкцию на обыск?

– Разумеется! – воскликнул Жаров и снова углубился в изучение своего внутреннего кармана.

Пилипенко тем временем раскрыл платяной шкаф и плавным движением пальца потревожил платья. Было ясно, что Груздева уже распаковала свою туристскую сумку и вновь расположилась в номере. Жаров достал из кармана кипу бумажек и стал перебирать, бормоча:

– Квитанция за электричество. Вы представляете, сколько они заломили? Надо разобраться с этими ребятами, я не мог съесть в мае такое количество энергии!

Женщина с любопытством наблюдала за действиями Жарова, тем временем следователь зашел в туалет. Жаров продолжал:

– Счет за интернет… Это убийство какое-то! Вы представляете? – он помахал бумажкой перед носом женщины. – Кстати, небось заглядываете на разные интересные сайты. Не вы ли там под ником Ксюша-89?

– Нет! – раздраженно отрезала женщина. – И я не знаю, что такое «ник» и смутно понимаю, что такое «сайт». Так где же ваш ордер-то?

– Нашел! – радостно и громко закричал следователь из-за двери туалета. – В бачке от унитаза.

Он вошел в комнату, сияя. Жаров спокойно спрятал свои бумаги в карман. В руках у Пилипенки блестел обыкновенный аптечный флакончик.

– Предположительно, с ядом, – сказал он. – Иначе не имело смысла его так надежно прятать.

Слово «надежно» следователь явно заключил в кавычки.

– Получился несанкционированный обыск, – вздохнула администраторша.

– И что? – с возмущением возразил Жаров. – Речь идет о смерти человека.

– Самое меньшее, что мы можем предъявить девушке, живущей здесь, – это хранение и передача третьему лицу опасного, запрещенного к использованию вещества.

– А самое большее? – поинтересовалась администраторша.

– Подстрекательство к самоубийству, – немедленно ответил следователь. – Вот мой телефон. Позвоните немедленно, как девушка вернется.

– Надо отдать его Минину на экспертизу, – сказал он Жарову, когда они вышли на улицу. – Пусть и займется прямо с восьми утра. Вдруг там и вправду яд?

* * *

Уже часов с девяти Жаров с нетерпением ждал от друга звонка, поглядывая, как перемигивают на стене редакции электронные часы. Решил сам позвонить в десять, но Пилипенко опередил его – голос следователя прозвучал в офисе в девять сорок пять:

– Экспертиза подтвердила. В номере Груздевой найден тот самый цианид, которым отравлен Шурупов.

– Я не сомневался, – с грустью произнес Жаров. – Все красивые девчонки почему-то всегда… Гм!

У Жарова не выходили из головы живые, трогательные картинки: нательный крестик падает на грудь девушки и залипает на загорелой коже, рука ее, украшенная колечками и перстеньками, заворачивает маленькие иконы в тряпицу, укладывает рядом с лиловыми трусиками…

– Что замолчал? – послышалось в трубке. – Вспомнил других своих подружек, которые в итоге оказались убийцами или соучастницами? Может быть, у тебя – того: некое мистическое свойство притяжения?

– В таком случае, тебе повезло, – ответил Жаров. – Я вроде индикатора у великого сыщика. Но дело в другом. Не верится мне, что эта девушка могла помочь кому-то перебраться на тот свет. Наоборот, она могла лишь препятствовать самоубийце. Потому что по христианству это большой грех.

– Человеческая душа – загадочная субстанция. Если она, конечно, существует… Ладно, – перебил сам себя следователь. – Сегодня утром я официально сообщил Шуруповой о гибели ее мужа.

– И какова реакция? – спросил Жаров.

– Самая обыкновенная. Бросилась в слезы. Глотала валидол. Да, валидол… – Пилипенко замолчал, что-то обдумывая, связанное, вероятно, с валидолом. Продолжил:

– Я, меж прочим, спросил ее, почему она поехала в Симферополь поездом. Почему не на самолете? Ведь у нее пропал муж, она должны была спешить.

– И как объяснила?

– Да укачивает ее. Странно все это. Груздева тоже ехала поездом. Хотя все эти гламурные бизнес-леди по определению предпочитают аэро. Знаешь… Эту твою красавицу я бы не в передаче яда обвинил, а в преднамеренном убийстве.

– Да на каком основании? Когда мы встретились с нею, Шурупов был еще жив. Правда, она почему-то говорила о нем в прошедшем времени…

– В том-то и дело! – воскликнул Пилипенко. – Она говорила «был», потому что считала вопрос уже решенным. Сразу после того, как мы ушли, отправилась на квартиру к Шурупову и отравила его. В то время, когда мы были в Гурзуфе.

– А записка?

– Очень просто. Записка ведь была у самого Шурупова. Вероятно, он колебался в своем решении. Написал записку, хотел умереть на яхте, прыгнуть в воду, что ли…

– А он не умел плавать? – спросил Жаров.

– Это я уточню. Или же… Мог быть у него пистолет? Мог! Эти бизнесмены часто носят оружие. Мог пистолет случайно упасть за борт? Вот он и бежал с яхты, не зная, что ему делать, и записку с собой прихватил.

– Но откуда Груздева узнала, где в Ялте остановился Шурупов? – спросил Жаров.

– Да что ты все ковыряешь? – возмутился следователь. – Мог он ей позвонить или нет?

– Конечно, мог. Только если у него был другой аппарат. Ведь Груздева засекла яхту по джи-пи-эс. Это значит, что аппарат оставался на яхте, когда самого яхтсмена уже там не было.

– Он мог позвонить из автомата, – настаивал Пилипенко.

– Сомневаюсь. Люди редко помнят наизусть десятизначные номера. Их просто хранят в памяти телефона.

Пилипенко помолчал. Затем сказал, довольно мягко:

– Думаю, что кое-кому придется сегодня нырнуть.

– Может быть, лучше вызовешь водолаза? – проговорил Жаров.

– Глупости! – мы знаем, кто самый лучший ныряльщик на всем Южном берегу.

* * *

Жаров больше не упирался: он и так любил нырять с маской и ластами. У него был замечательный японский комплект, купленный по дешевке как раз у японцев, зачем-то приехавших сюда на отдых: упругие ласты из чистого силикона, невесомые, словно домашние тапочки, с трехступенчатым переключателем скорости и маска с просветленными линзами, с шариковым клапаном – то есть, ни капли воды не могло попасть в рот, и не надо было выпускать, выныривая, китовый фонтан.

При первом же погружении он проплыл вдоль следа на дне, который оставил киль яхты, когда ее тащили с мели. Плавно вильнул влево: именно туда кренилось судно. Если аппарат упал с палубы, он должен был быть здесь.

Песок, камни, заросшие тонким зеленым пушком… Маленький рак-отшельник медленно тащил свою, вернее, заимствованную у какого-то покойника, черную ракушку. Мобильника, предположительно также черного, поскольку, все-таки мужской, здесь не наблюдалось.

Жаров выплыл на поверхность, нахлебался воздуху. Вдали, на топчане, почти на том же месте, где сидела Груздева (до сих пор так и не появившаяся в гостинице), расположился Пилипенко. Его очки коротко блеснули, когда Жаров вынырнул. Он махнул ему крест-накрест руками, поставил силовые тяги ласт на максимум и вновь погрузился в пучину.

Борт яхты «Леокадия» имел не очень высокий привальный брус. Телефон мог поехать по палубе, стукнуться обо что-то, подпрыгнуть и перелететь через это ограждение. В тот самый момент, когда яхта ударилась килем о дно или выступающий камень. Тогда надо было искать дальше по ходу судна.

На глубине пяти-шести метров, среди камней, залепленных уже водорослями покрупнее, в уютной ложбинке висела зеленуха. Вывернув на Жарова глаза, быстро брякнула плавниками и исчезла. Под ней и лежал плоский черный аппарат. Он уже был изрядно затянут песком и через день-другой скрылся бы насовсем.

– Честно говоря, не очень-то я и рад, – сказал Пилипенко, принимая из мокрой руки Жарова его находку. – Ведь теперь и вправду возникает новый вопрос: зачем он бросил мобильник на палубу? Он дал стрекача с яхты на скоростной надувашке. Ясно, что он не собирался умирать в тот же день. Оставаться без телефона вообще? Зачем?

– Мы уверены, что он его бросил? Не выронил ли просто? В силу каких-то обстоятельств… То, что было повсюду, что преследовало его со всех сторон?

– Оплело его мокрыми щупальцами! – воскликнул Пилипенко, растопырив пальцы.

Тем же вечером экспертиза была закончена. Жаров попросил Минина позвонить ему, чтобы он сам мог присутствовать на совещании по этому поводу. Тот поворчал: дескать, ничто не обходится без Жарова, будто не журналист он вовсе, а тоже работник милиции.

– Не забывай, что не кто иной как я нашел этот ржавый мобильник! – воскликнул Жаров.

Минин позвонил ему за четверть часа до совещания. От редакции до УВД – шесть минут медленным шагом. Жаров встретил эксперта на лестничной клетке: тот как раз поднимался на второй этаж, держа под мышкой свою неизменную бархатную папку. В кабинет следователя они вошли вместе.

– Вообще-то была слабая вероятность, что ты нашел какой-то другой мобильник. Просто мобильник, который кто-то уронил… Когда-то… Но…

Аппарат, разумеется, принадлежал Шурупову. Ребята из отдела Минина восстановили всю информацию – как из сим-карты, так и из памяти самого телефона. Все СМС-сообщения. Время звонков. Номера из записной книжки. Памятки бизнесмена, деловые заметки.

Пилипенко переворачивал листы, порой комментируя. Сам аппарат лежал у него под рукой, правда, он был не в рабочем состоянии: все-таки четыре дня пробыл в соленой воде.

– Ну что ж! – сказал следователь. – Информации много, но нас интересует, прежде всего, последняя неделя.

– Давай, ты сам потом подробно ознакомишься, но я хочу доложить самое важное.

– Тебе и карты в руки, – сказал Пилипенко, – тотчас вложив в руки Минину пусть и не карты, но стопку бумаг экспертизы.

– Если коротко, то суть такова, – сказал эксперт. – Входящие сообщения за последние несколько часов только от Груздевой. Любовь, разбор полетов влюбленных. Смутные намеки на желание покинуть этот мир в ответах Шурупова. Звонков долго не было. Всего последних звонков, не считая Груздевских, четыре: один от жены Шурупова, что понятно, два от его сотрудников, и один – от неустановленного лица.

– Надо как можно быстрее установить это лицо, – заметил следователь.

– Мои ребята работают над этим, – сказал Минин. Характерно, что последняя СМС перекликается с предсмертной запиской и записью в журнале: оно здесь, оно повсюду…

Пилипенко поднял очки, почесал переносицу, что говорило об интенсивной работе его мысли. Сказал:

– Что-то тут не так. Шурупов сообщает о своем намерении покончить с собой: пишет об этом Груздевой, пишет также записку. Затем он вырывает записку из журнала и сваливает с яхты на лодке. Что могло заставить его передумать, какую информацию он мог получить? В мобильнике нет ответа на этот вопрос.

На пороге появился лейтенант Клюев.

– У меня сводка, почитай, – он положил бумагу на стол, но следователь припечатал ее ладонью:

– Это подождет.

– Между прочим, ночью на Садовой кто-то открыл огонь по прохожим. Пострадала женщина.

– Это убийство или покушение? – спросил Пилипенко.

– Покушение, – голос лейтенанта имитировал досаду.

– Значит, никто не погиб?

– Нет.

– Так пусть этим займутся наши борцы с хулиганами.

– А ты посмотри фамилию пострадавшей. Эта девушка была среди тех, кто нашел «Целесту». Груздева.

– Да что ж ты сразу не сказал! – возмутился следователь. – Надо же, театр тут устраивает, актер недоделанный!

– Ну, если бы я тогда, после школы в театральном не провалился, – сказал Клюев, – то был бы по другую сторону экрана. А вы бы меня в сериале по вечерам смотрели и радовались, что с таким великим человеком в одном классе учились.

– В параллельных классах, – заметил Жаров.

– Я не забыл, – тяжело вздохнул Клюев. – Просто теперь, со временем, это уже и не важно.

– Может, ты и меня в одноклассники запишешь, хоть и мальцом был, когда я эту школу заканчивал? – подал голос Минин.

– Может, и запишу. Где-нибудь, совсем к старости. Время, знаешь ли… Странная штука.

* * *

Через полчаса бригада уже была на месте покушения. Прибыл и кинолог Ярцев. Ищейка Ральфа серой стрелой выпрыгнула из машины и замерла, готовая к работе. На асфальте явно выделалось темное пятно крови.

Собака взяла след немедленно. Ярцев бежал за ней, держа на вытянутой руке длинный поводок. Часто мелькала далеко впереди его седая голова, пересекая солнечные лучи, что пробивались сквозь плоские кроны ливанских кедров. Оперативники едва поспевали за резвой Ральфой и ее не менее бодрым проводником, тем более что приходилось идти все время на подъем по изгибам Аутской улицы.

Миновали дом Чехова, круто завернули по Богдановича и вскоре вскарабкались довольно высоко, под самую трассу. Ральфа остановилась внезапно, ударив лапой о землю. Когда запыхавшиеся опера и Жаров (совсем легко дышащий, благодаря своей отличной физподготовке) достигли этого горнего места, собака сидела неподвижно и требовательно смотрела на своего поводыря, вывернув голову назад.

– Это здесь, – объявил Ярцев, указав на достаточно ржавую дверь в стене улицы.

Вошли, скрипнув. За дверью был двор. На двух веревках покачивалось белье, болтая тени по вытоптанной земле. Множество часто расположенных дверей в стене длинной постройки красноречиво свидетельствовало о том, что Ральфа привела бригаду в типичную ялтинскую халупу – чье-то владение с минимумом удобств по самой низкой цене.

Собака уверено продолжила свой путь и тихо зарычала на третью дверь. Клюев на всякий случай достал пистолет, впрочем, не тронув предохранитель. Пилипенко рывком распахнул дверь. Ральфа не удержалась и залаяла. Весь этот шум не произвел ни малейшего впечатления на того, кто спал на узком диване у стены.

Мужчина лет тридцати был давно не брит и вовсе не спал, как показалось вначале, а находился, что называется, «в отключке». Вырубился, значит. То, что он пил, ополовиненное, говорило о скромных доходах или потребностях этого человека. Простой таврический портвейн, правда, закупленный в неимоверном количестве. Жаров прикинул по числу бутылок, пустых и полных, что вместо всего этого шмурдяка можно было взять аж литр неплохого виски.

Когда человека все же растолкали, он первым делом схватил бутылку и присосался к ней. Никто не возражал: видавшие виды мужики понимали, что только так он придет в состояние вменяемости.

Двое оперативников, тем временем, провели короткий несанкционированный обыск, благо что в комнате два на три метра для этого не потребовалось особых усилий. Пистолет системы Браунинга просто лежал под тумбочкой. Пилипенко осторожно взял его в руки и понюхал. Кивнул, и это означало, что запах пороха оружие помнило хорошо.

– Ну вот, – сказал следователь. – Я полагаю, ты был кем-то нанят на работу. Но заплатили тебе, судя по всему, негусто.

Человек тупо уставился на браунинг, потом осмотрел помещение, только теперь увидев собаку. Казалось, он понял, что серьезно влип.

– Это не мое! – сказал он и быстро хлебнул еще глоток.

– Известное дело! – серьезно поддакнул следователь, а Клюев брезгливо вытащил из его рук бутылку.

– Поправился и хватит, – ласково сказал он.

– Нет, правда! – воскликнул пьяный. – Я впервые вижу этот браунинг.

– Вот и попался. Откуда ты знаешь, что это браунинг?

– Да что ж я, браунингов не видел?

– Где же ты их видел? – строго спросил Клюев.

– В кино, гражданин начальник.

– Почему говоришь «гражданин»? Ты что – сидел?

– Да в кино как раз так и говорят! Ладно. Не скроешь же от вас. Сидел по 296-й.

– «Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка из мотивов явного неуважения к обществу, которое сопровождается особой дерзостью или исключительным цинизмом», – процитировал Клюев упомянутую статью.

– Дело прошлое! – сказал задержанный.

Пилипенко брезгливо посмотрел на него. Сказал:

– Я, между прочим, не по «гражданину» вычислил. У вас, зеков, особое выражение лица. Даже цвет кожи какой-то… Золотисто-зеленый, как у гарбуза.

Он повернулся к младшим операм:

– Тщательно здесь все проверьте.

Затем – к Минину:

– А ты знаешь что делать с оружием. Отпечатки, время последнего выстрела и прочее.

Наконец, опять посмотрел на пьяного, так и сидящего на своей мятой постели:

– Вот таких, как ты, я особенно ненавижу. Честных работников ножа и топора.

* * *

Последующие три часа выглядели каким-то идиотским фарсом.

Человек этот, конечно, имел имя, Жаров записал все нужные данные для статьи, но мысленно его называл просто киллером. Так военнослужащего, выделяющегося среди прочих своей формой, воспринимают как просто какого-то солдата. Киллер казался Жарову безликим, серым, как и все они, которых он за многие годы работы с милицией повидал достаточно.

Отпечатки на браунинге были его, и никаких других больше. Сам он приехал на южный берег якобы отдохнуть. И жил, между прочим, в Одессе, как и Шурупов, его жена и Груздева. Человек с сомнительным прошлым, уголовник. Такой человек вполне может быть профессиональным убийцей. Ему могли бы заказать, например, самого Шурупова. Но вот зачем ему стрелять в Груздеву?

Показания он давал довольно путаные. Да, из Одессы – ну и что? Пьет беспробудно – это да, есть такой грех! Пистолет? Не знает, откуда он взялся.

Все улики были против него: и взятый служебной собакой след, и оружие с отпечатками. Не считая косвенных доказательств: его принадлежность к Одессе и уголовную личину. Уход в молчанку не давал ему никаких шансов. Посадят в любом случае: выдаст он своих заказчиков или нет.

Раненная женщина меж тем была без сознания, но врач уверял, что ее жизнь уже вне опасности…

Вечером Пилипенко зашел к Жарову в редакцию. В очаге поблескивало искусственное пламя, но привычка класть ноги на каминный экран была неистребима, как и потягивать представительское виски.

– Я решил взглянуть на всю эту историю под другим углом, – заявил следователь, поднимая стакан, гремящий льдом. – Только что еще раз допросил киллера. Но уже с новой точки зрения.

– Ты, как всегда, опять скрываешь существенные детали.

– Вовсе нет. Вот эта деталь. Дело в том, что киллер тоже – как Груздева и Шурупова – ехал из Одессы поездом.

– В этом нет ничего удивительного, ведь он вез с собой браунинг. Он не смог бы пройти через контроль в самолете.

– Да это понятно, – махнул рукой Пилипенко. – С Груздевой тоже: при ней был флакончик с ядом. Возникает вопрос: а какую недопустимую вещь везла Шурупова?

– Может быть, ее и вправду укачивает в самолете? Случайное совпадение…

– Брось! Ты лучше меня знаешь, что случайных совпадений в детективе быть не может.

– Но у нее не все в порядке со здоровьем. Вспомни, как она глотала валидол.

– Да, я видел, причем, два раза. Уж не демонстрация ли это была?

– Демонстрация чего? Больного сердца? Зачем?

Пилипенко отхлебнул из своего стакана и надолго задумался. Вдруг лицо его просветлело. Жаров услышал хорошо знакомый звук: следователь щелкнул пальцами. Это означало, что и очередная разгадка щелкнула сейчас в его голове.

– Не расскажешь? – спросил Жаров друга.

– Нет, конечно. Я только что и в самом деле сложил значительную часть пазла, именно вспомнив, как глотала эта женщина валидол, вернее – какой валидол. Первый раз это был тот, что она привезла из Одессы. Второй – я заметил – в блистере местного производства. В этом-то и суть.

– Ладно, – вздохнул Жаров. – Ближе к концу ты всегда закрываешься. А вот у меня перед глазами два нательных крестика – на груди Груздевой и Шурупова. Не покидает ощущение, что, тайна кроется именно в этих крестиках.

– Крестик, крестик, нательный крестик... Ну, конечно! – Пилипенко во второй раз щелкнул большим и средним пальцем. – Молодец, Жаров! Ты подсказал мне последнюю идею. Теперь пазл сложен полностью. Пусть мы еще и не нашли человека, чей номер записался в мобильник Шурупова, но я уже знаю, кто этот человек. Вернее, представляю, чем он занимается. Финал расследования теперь – просто вопрос времени.

И вправду: рано утром в редакции раздался звонок.

– Мы нашли и взяли этого человека! – будто бы отрапортовал Жарову следователь. – И я хочу попросить тебя об одной любезности. Вечером, ровно в семь я намереваюсь провести небольшое собрание в неформальной обстановке.

– Ясно, – сказал Жаров. – Мой офис в твоем распоряжении.

– Ты только позаботься о чае там, кофе с пирожными…

– Ого! Будет дама?

– Обе! Груздева вполне оправилась от ранения и ее отпустят из больницы на часок. Ну, а нам с тобой, после всего – сам знаешь, что.

* * *

В портале камина стоял электрический агрегат, имитирующий топку. Мерно мерцало изображение пламени. Жаров покрутил ручку управления на пульте, пламя засветилось ярче.

– Летом камин по-настоящему не затопишь, – объявил он, разгибаясь. – Тут сразу откроется городская баня.

Он подошел к окну и присел на край подоконника. Не все присутствующие знали, что это всего лишь старая привычка журналиста: кому-то из гостей могло показаться, что он избрал себе такое неудобное место просто потому, что все остальные были заняты. Лишь компьютерное кресло следователь задвинул за столешницу, попросив его не трогать. Очевидно, оно должно было сегодня понадобится для каких-то особых целей.

Лейтенант Клюев стоял у плотно закрытой двери, ведущей в холл для посетителей. Минин сидел за журнальным столиком, держа наготове бархатную папку с бумагами и загадочную коробку из-под обуви. Шурупова и Груздева расположились на черном кожаном диване. Голову раненой облегала плотная повязка. Жаров читал историю ее травмы и хорошо представлял, что сейчас под этой повязкой. Было ясно: эта девушка навсегда простилась со своими пушистыми волосами, так пленившими Жарова при первой встрече.

– Баня очищает не только тело, но и душу, – серьезным тоном сказал следователь. – Кое-кому все же придется отмыть свои грехи... Это касается не только здесь присутствующих, но и лиц, находящихся за дверью.

Он указал на дверь, ведущую в приемную. Все посмотрели на эту добротную деревянную дверь. Меж тем Пилипенко продолжал, по своей старой привычке цитируя классику – как всегда, нечто широко известное, из школьной программы, чтобы каждый присутствующий мог настроиться на легкую волну:

– Я пригласил вас, господа с тем, дабы здесь, в неформальной обстановке, расставить все мыслимые и немыслимые точки над «ё». Для того, чтобы завершить это странное, запутанное дело, нам и понадобилось присутствие других гостей.

– Разве дело о смерти моего мужа не закрыто? – с недоумением спросила Шурупова.

– Вероятно, это произойдет завтра, в самом начале рабочего дня, – сказал следователь. – А теперь позвольте представить вам одного человека. Лейтенант Клюев! Это твой первый объект.

Клюев, похоже давно ожидавший сигнала, немедленно распахнул дубовую дверь. За нею стоял часовой в форме, а позади него, в креслах сидели двое мужчин. Один из них был пресловутым киллером из Одессы: он красноречиво поблескивал стальными наручниками. Другого Жаров видел впервые.

Вот так всегда, – с грустью подумал он. – Из кожи вон лезешь, всячески помогаешь им, а когда приходит финал расследования, Пилипенко внезапно отрезает всю информацию, будто печется о том, чтобы Жарову было интересно высиживать это зрелище до конца, словно Жаров не участник событий, а зритель, смотрящий по телеку детектив.

Дело, конечно, было в другом: как бы ни доверял ему старый друг, Жаров был прежде всего журналистом. А с этими ребятами и девчонками надо держать ухо востро и рот на замке, – как любил повторять следователь. Например, Анюту, которая прислала Жарову снимки аварийной яхты в самый первый день, он ненавидел поистине на физиологическом уровне.

Так или иначе, но все это торможение работало на главную идею Жарова, на его метод расследования, который он выстрадал путем долгой практики и глубокого теоретизирования. Искусство и жизнь настолько переплетены в реальности, что в какой-то момент принципы искусства начинают работать и в жизни. Надо лишь вовремя поймать этот момент и воспользоваться им. Только потому, что Жаров смотрел на расследование как на какой-то сверхсценарий, который пишет некий высший автор, всем им, в этой долгой общей работе, и удавалось найти ключи даже к самым немыслимым тайнам.

Меж тем Клюев что-то сказал часовому, тот кивнул и передал вглубь помещения:

– Бакунин, на выход!

Маленький щуплый человек поднялся, переступил через ноги киллера, словно через пару огромных бревен, и вошел в помещение редакции.

– Садитесь, – сказал Пилипенко и вывернул из-за стола компьютерное кресло Жарова.

– Обычно говорят «присаживайтесь», – пробурчал Бакунин.

– А вы вот садитесь, – твердо повторил Пилипенко.

Бакунин сел.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил следователь.

– Бакунин Борис Андреевич, – сказал новый фигурант и выжидательно посмотрел на следователя.

– И что же вы замолчали? – спросил тот. – Расскажите, кто вы и чем занимаетесь. Повторите все, что сообщили на предварительном следствии.

– Я это. Особых дел мастер, – с натянутой улыбкой проговорил Бакунин.

Жаров с удивлением оглядел его: маленький, довольно пожилой человек в крупных очках, лысоватый, с выпуклым лбом, что делало его похожим на классического инопланетянина.

– Продолжайте! – подтолкнул его следователь. – Нам всем очень интересно.

– Ну, я того, – промямлил Бакунин. – Помогаю людям порой начать новую жизнь.

Жаров встрепенулся:

– Вы акушер-гинеколог?

Бакунин замахал ручонками.

– Нет, что вы! Я всего лишь художник.

– Не стесняйся, – ехидно подхватил следователь, уже переходя на «ты». – Расскажи нам, что ты там такое рисуешь?

Бакунин опустил голову, ответил уныло:

– Новые документы.

– Фальшивые, – зловеще прошептал следователь.

Бакунин вдруг возмутился, вскинул голову:

– Пардон, настоящие!

Пилипенко резко обернулся к Клюеву.

– А что же он у тебя без браслетов?

Клюев развел руками.

– Так он не задержанный. И почему ему надо быть в браслетах?

– Потому что он убивает людей.

Все присутствующие с удивлением посмотрели в сторону Бакунина. Тот сидел, опустив большую голову на тонкой шее, словно нашкодивший мальчишка. Наконец, ответил:

– Я это... Еще никого своими руками...

– Заказываешь, батенька! – выкрикнул Пилипенко. – Вот что нам сообщили из Одессы.

Он взял со стола Минина лист бумаги, оглядел его, держа на вытянутой руке. Проговорил:

– Две недели назад Шурупов Сергей Александрович перевел значительную сумму на счет Евстигнеева Олега Григорьевича, жителя поселка Мирный Тюменской области. И не просто значительную сумму, а все свое состояние.

Шурупова встрепенулась:

– Как это все состояние? Зачем? Да кто такой этот Евстигнеев?

Она с недоумением переводила взгляд с Пилипенки на Бакунина. Следователь сказал:

– Поведай почтенной публике, кто такой Евстигнеев?

– Он того...

Бакунин замолк, умоляюще глядя на следователя.

– Тогда я расскажу, – со вздохом начал Пилипенко. – Замечу сначала, как вообще здесь оказался гражданин Бакунин. Среди камней на дне моря, в мире крабов и раковин, неподалеку от того места, где пристала к берегу яхта, мы обнаружили мобильный телефон покойного.

Минин, словно некий ассистент в театральной постановке, достал из обувной коробки телефон и продемонстрировал его публике.

– Звонок от этого человека, – Пилипенко указал на Бакунина, – был записан в памяти аппарата. Как и ваши сообщения, между прочим, – следователь обернулся к Груздевой с грустной улыбкой.

Девушка вспыхнула:

– Значит, вы прочитали, о чем и Сергей писал мне?

– И это стало ключом к разгадке, – сказал следователь. – Теперь о Евстигнееве из поселка Мирный.

Он заглянул в листок, словно в шпаргалку.

– Одинокий, несчастный пьяница, – следователь посмотрел на Шурупову. – Ваш муж перевел ему все свое состояние, но никогда в жизни не видел этого человека. Неделю назад Евстигнеев исчез. Думаю, что он убит. И вряд ли будут найдены его останки.

Особых дел мастер Бакунин хотел было что-то сказать, но изумленный возглас Шуруповой перебил его:

– Я ничего не понимаю!

– Немного терпения, – сказал ей следователь и вновь обратился к Груздевой. – По вашим показаниям, вы приехали в Ялту для того, чтобы встретиться с Шуруповым Сергеем и просто провести с ним несколько дней, так?

– Да уж... – прокомментировала Шурупова, бросив на девушку полный отвращения взгляд.

Груздева выглядела возмущенной. Высоким голосом отчеканила:

– Все уже выяснялось неоднократно. Да, я ждала Сергея в Ялте. Да, я увидела яхту. Она шла полным ходом к берегу. На звонки Сергей не отвечал. И я поторопилась встретить яхту на берегу.

Пилипенко глубоко вздохнул:

– Все было не так, как вы нам рассказываете. Вы действительно находились на пляже в Ореанде, когда яхта подошла к берегу, и вправду влезли на борт.

– Разве я отрицаю? Должна же я была узнать, что случилось на яхте...

Пилипенко махнул рукой.

– Дело не в этом. Вот как все было на самом деле. Вы спустились в каюту, открыли платяной шкаф и разбросали вещи по полу, имитируя беспорядок. Включили газовую плиту, на которой стоял кофейник.

– Да, я сделала это! – сказала Груздева.

– Зачем? – не выдержал Жаров.

– Это, может быть, трудно объяснить...

– А вы попробуйте, – подбодрил девушку Пилипенко.

Груздева, после некоторого колебания, заговорила тихим голосом:

– Сергей позвонил с борта яхты и коротко сообщил, что... Принял решение. Попрощался. И прекратил разговор. Я перезвонила, но он уже не отвечал. Пеленг аппарата показывал, что яхта идет к берегу в районе «Ореанды». Я предположила самое худшее: он все же осуществил задуманное. Сам прыгнул, а телефон бросил на палубу. Аппарат работал, значит, он не утонул вместе с ним. И надо было избавиться от этого телефона. Я взяла машину и помчалась к «Ореанде». Я должна была перехватить яхту прежде, чем это сделает кто-либо другой!

– Зачем, милочка? – с отвращением проговорила Шурупова.

– Я не с вами разговариваю, – не глядя на нее, сказала Груздева. – Дело в том, что я не могла допустить, чтобы о Сергее осталась именно такая память. Что он покончил с собой. Это противоречит религии. Сергей был христианином при жизни и должен был остаться им навсегда.

– То есть, вы поднялись на борт яхты, – сказал следователь, – сымитировали все атрибуты таинственного исчезновения, сделали в журнале последнюю загадочную запись, скопировав почерк Шурупова, а мобильник...

– Сбросила в море. Я думала, что Сергей уже мертв. Я сделала все, чтобы память о нем была незапятнанной.

– Вот так и появилась «Мария Целеста», – протянул Жаров, поймав себя на чувстве глубокого разочарования.

– Но он все же сделал это, – закончила Груздева.

– Ошибаетесь, – бодро возразил Пилипенко. – Он этого не делал. Шурупов Сергей Александрович вовсе не покончил с собой.

– Не хотите ли вы сказать, что это был какой-то несчастный случай? Случайное отравление? – Шурупова была явно возмущена.

– Нет, – сказал следователь.

– Так что же это было? – спросила Груздева.

– Убийство.

– Если он был убит, – сказала Шурупова, – то кем и как? Если знаете, то так и скажите.

– Я безусловно знаю. И непременно скажу, – следователь обратился к Груздевой, – Объясните нам пожалуйста, откуда вы взяли яд? Тот самый цианид, которым был отравлен Шурупов Сергей?

Он достал из обувной коробки флакончик и продемонстрировал его присутствующим.

– Это очень просто, – пожала плечами Груздева, – Я взяла яд у Сергея. Еще в Одессе. Я случайно обнаружила флакон в его вещах. Он не заметил. Ушел. Потом я позвонила ему и сказала, что вытащила яд.

– Зачем же вы его хранили? – спросил следователь. – Логично было бы уничтожить опасное зелье.

– Я и собиралась. Но Сергей умолял не делать этого. Он сказал, что сам тайком взял этот флакон у одного уважаемого человека. Если бы он... Если бы он использовал яд, то было бы уже все равно, а теперь, когда он передумал, надо незаметно вернуть флакон хозяину. Он попросил вернуть ему флакон. Поэтому мне и пришлось ехать поездом, хотя я предпочитаю летать.

Пилипенко задумчиво хмыкнул. Казалось, что он больше не слушает девушку, которая продолжала свои объяснения:

– Он уверял меня, что передумал. Мы договорились встретиться в Ялте и провести время, просто отдохнуть. Но с яхты он стал звонить мне и писать сообщения. Он опять решил сделать это!

Следователь будто очнулся, спросил:

– Каким же образом флакончик вновь оказался в вашем номере, а яд все же был использован и Шурупов отравлен?

– Он не мог быть в моем номере. Его забрала... Одна женщина... Я все поняла! Это она! Она подбросила мне флакончик.

Груздева вскочила и указала на Шурупову дрожащим пальцем.

– Я? Подбросила? – возмутилась та. – Вот интересно: как и когда?

– Не имею понятия. Я показала тебе флакон. Вместе с запиской Сергея, которую я вырвала из судового журнала. Ты ж сама настояла на том, что должна иметь эти вещи. Как законная жена. И забрала.

– Клевета и наглая ложь.

– Я христианка и всегда говорю правду.

– Но порой о чем-то умалчиваете, мягко возразил Пилипенко. – Я одного не пойму: как же это можно проникнуть в гостиницу, пройти незамеченной, попасть в ваш номер? И подбросить флакон.

– То-то и оно! – вставила Шурупова.

Она развернулась на диване, усевшись вполоборота к Груздевой, почти спиной к ней.

Пилипенко задумался. Вдруг лицо его просияло. Он тихо щелкнул пальцами. Сказал бодро:

– А теперь позвольте представить вам еще одного человека. Лейтенант! Очередь за объектом номер два.

Лейтенант Клюев встал и вновь распахнул дверь. Часовой впустил в помещение редакции киллера, закованного в наручники.

– Этот человек подозревается в покушении на заказное убийство, – объявил Пилипенко.

Киллер оглядел присутствующих, вдруг улыбнулся.

– Здравствуйте! – воскликнул он, обращаясь к кому-то.

Груздева, Шурупова и Бакунин разом вскинули головы. Киллер явно смотрел на одного из этих людей, но никто из них не подал вида, что узнал его.

– Кому ты это сказал? – спросил следователь. – Ты узнаешь кого-либо?

Киллер, широко улыбаясь, протянул обе руки, сцепленные в браслеты.

– Вот эту красивую женщину.

– Какую из двух? Здесь все женщины красивые.

– Да вот. Ту, что сидит слева. Мы ехали в одном купе из Одессы.

– Впервые вижу этого человека! – с негодованием воскликнула Шурупова.

– Не сомневался, что вы сделаете именно такое заявление, – сказал ей Пилипенко и повернулся к киллеру. – Ты не ошибаешься? Ты ж всю дорогу бухой был.

Улыбка на лице киллера погасла.

– Если мне удастся выкарабкаться из этой истории, – сказал он, – клянусь: ни капли больше в рот не возьму!

– Это правильно, – с деланным одобрением сказал Пилипенко. – Я вот например, уже полгода, как курить бросаю.

– Честно слово! Я и правда – плохо помню, что было в поезде.

– Вот видите! – чуть ли не крикнула Шурупова.

– Но вас я помню, – продолжал киллер. – Как женщину...

– Что-о? Уберите этого помешанного!

– В смысле, красивую женщину. Соседку по купе.

– Ты разговаривал с нею? – быстро спросил следователь.

– Да, конечно!

– Ты дал ей свой телефон?

Лицо киллера изобразило страдание.

– Не помню. Я совсем не помню, о чем разговаривал.

Пилипенко обратился к Шуруповой:

– Светлана Викторовна, а вы-то трезвой в этом поезде ехали?

– Да за кого вы меня принимаете?

– Тогда вы должны помнить, кто был с вами в купе.

– Люди какие-то, – пожала плечами Шурупова. – Я не приглядывалась. У меня вообще плохая память на лица.

Она пристально посмотрела на Киллера. Проговорила:

– Возможно, он и вправду был в купе.

– Да точно был! – весело воскликнул киллер. – Бухой – не бухой, но вас-то я помню.

– Да все вы на одно лицо! – не глядя, парировала Шурупова, затем обратилась к следователю: – Наверное, это все же был он. Но никакого телефона он мне не давал. И я ничего не записывала, можете проверить мой аппарат.

Она достала из сумочки мобильный телефон – дорогую, стильную модель – и протянула следователю.

– Я ведь замужняя женщина! – с возмущением сказала она и добавила: – Была...

– Хорошо. Я вам верю, – сказал Пилипенко. – Телефона вы не записывали. А адрес?

– И адрес тоже!

Пилипенко посмотрел на киллера:

– А ты знал заранее адрес, по которому будешь проживать в Ялте?

– Конечно! Я ведь всегда стою в этой халупе в Аутке, у одной и той же хозяйки, чуть выше домика Чехова. Там даже ручей по участку течет тот самый, который затем течет...

Пилипенко поморщился, ткнул ладонью в сторону киллера:

– Не надо географии.

– ...по участку великого писателя... – никак не мог остановиться киллер.

– Да хватит за литературу, сказали ж вам! – рявкнул на него Жаров.

– Молчу, – ответил киллер и картинно застыл в покорности.

– Заметим эту деталь, – сказал следователь. – Наш неудачливый киллер знал адрес своего будущего проживания. Он мог сообщить его Шуруповой в поезде. Что он и сделал, между прочим. А вы воспользовались информацией, чтобы подбросить этому нетрезвому человеку пистолет. Даже в бесчувственную руку ему вложить, чтобы отпечатки оставил. Это ваш след вязала служебная собака, а не его. Так и привела нас к халупе.

– Какой пистолет? – возмутилась Шурупова.

Пилипенко посмотрел на нее, как казалось, с искренним изумлением.

– Да браунинг! Тот, из которого вы стреляли в девушку.

– Зачем мне было стрелять в девушку?

– А вот это я спрошу у самой девушки. Таня, как вы думаете? Была ли какая-то причина у нее вас убивать?

Груздева отодвинулась от Шуруповой на самый край дивана.

– Понятия не имею, – сказал она. – Не из ревности же?

– Вот именно! – подхватила Шурупова. – Какая может быть ревность, если моего мужа уже не было в живых?

– Вопрос. А вы знали об этом на тот момент?

Шурупова хотела что-то сказать, но вдруг закусила губу.

– Да нет. Тогда еще не знала.

– А когда вы об этом узнали?

– От вас и узнала. На следующий день.

– Значит, мотив ревности не снимается. Впрочем, это не так уж и важно: знала ты о том, что муж уже убит или нет. Не ревность, так месть. Но мотив у тебя был другой. Ни месть и не ревность.

– Вы мне не тыкайте! – возмутилась Шурупова.

– А я всегда на ты с убийцами, – миролюбиво произнес Пилипенко, – верно, Бакунин?

Тот слабо улыбнулся в ответ.

– В чем вы меня обвиняете? – ледяным голосом спросила Шурупова. – Я буду говорить только в присутствии адвоката. Я больше ни слова не скажу. И почему я до сих пор здесь сижу?

Она попыталась встать, но к ней подошел лейтенант Клюев и многозначительно замер, склонившись над нею, словно вопросительный знак.

– Потому что я тебя не выпущу отсюда, – зловеще произнес Пилипенко.

В комнате воцарилась тишина. Все ждали, что скажет следователь, который молчал довольно долго, пристально глядя на Шурупову. Наконец, он начал свою негромкую речь.

– Дело было так. Когда мой старый друг, журналист Жаров Виктор, узнал на фотографии из твоего семейного альбома эту девушку, ты получила информацию, что она сейчас находится в Ялте. Покинув управление, ты немедленно позвонила ей. Она сообщила тебе, что твой муж мертв. Хотя, на тот момент времени, он был жив и здоров, и находился в квартире по улице Руданского. Ты настояла на встрече и пришла к девушке в гостиницу. Ты требовала доказательств: откуда она знает, что твой муж мертв? Она была вынуждена показать тебе его предсмертную записку, рассказать о яхте, о звонках и сообщениях с мобильного, даже флакон с ядом, отобранный у него, предъявила. И ты взяла все эти вещи. Так оно было, Татьяна?

– Да! Да! Да! – вскричала Груздева. Я не хотела отдавать, хотела только показать. Но она взяла флакон и записку. Это она отравила Сергея! А потом подбросила флакон мне в унитаз... То есть – тьфу! – в бачок унитаза.

Шурупова, похоже, не смогла удержаться от смеха:

– Как же я подбросила флакон? Вы не в своем уме. Ведь и следователь уже сказал. Я что же – прошла мимо рецепшена гостиницы, стащила у менеджера ключи? Ха-ха, скажу я вам!

– А ты и не подбрасывала флакон, – невозмутимо возразил Пилипенко.

– Ну, и что же ты тогда на меня напраслину гонишь, следователь?

– Давно бы так. По свойски, на «ты»... Вся штука в том, что флакон не покидал номера гостиницы «Крым». Татьяна, вспомните хорошенько визит этой женщины. Наверняка ведь она перед тем, как уйти, попросилась в туалет.

– Что за вопрос! – вознегодовала Шурупова.

– Самый обыкновенный, – сказал Пилипенко.

– Совершенно верно, – подтвердила Груздева. Именно перед самым уходом.

– Я захотела пи-пи!

– Конечно, – сказал Пилипенко. – Это ж святое дело: пи-пи. И дело техники. Отливаешь из флакона куда-нибудь, вроде как в пенальчик от валидола, а флакон в унитазном бачке хоронишь. Валидол у тебя с собой?

– Он всегда со мной.

– А ну, покажи!

Шурупова достала из сумочки блистер. Пилипенко выхватил его из рук женщины.

– Блистер! Видите? – он развернулся на месте, показывая всем упаковку. – А в кабинете был маленький пенал. Я этот блистер еще третьего дня заметил. Именно он и навел меня на подозрение.

Пилипенко рассмотрел таблетки, поднеся их близко к глазам и сдвинув очки на лоб. Прочитал:

– Произведено в Севастополе, фирмой «Золотая пчела». Такие у нас продаются, в аптеке на Боткинской.

– Ну и что? – повела плечами Шурупова. – В Ялте и купила. Потому что мои кончились.

– Они потому кончились, что ты их в унитаз выбросила, а в пенальчик отлила ядику. Пенальчик-то был полон позавчера, а валидол такими дозами только лошади жрут. А все началось вот как. Ты пришла в управление как раз в тот момент, когда доблестный лейтенант Клюев показывал талантливому журналисту Жарову адреса тех людей, которые узнали по фотографии твоего пропавшего мужа... Ты ведь сначала хотела застрелить своего мужа, имитируя корпоративную разборку, но когда увидела яд, завладела пузырьком и запиской, поняла, что можешь отравить его, а всю вину спихнуть на эту девушку. Попросившись в туалет в гостинице, ты перелила часть яда в пенал от валидола, а флакон спрятала в бачке, как раз для того, чтобы мы его там нашли. Так что, уникальный случай: орудие убийства подброшено еще до совершения убийства! В то самое время, как мы Жаровым, чисто по мужской привычке, начали поиски с самой дальней квартиры, в Гурзуфе, ты, именно по своей женской логике, выбрала самую ближнюю, на улице Руданского. Когда ты нашла мужа, то исполнила свой новый план. Затем приступила ко второй его части. Ведь девушка могла дать показания. И дело не в яде, который мы в любом случае бы нашли, по твоему замыслу, в унитазе... Гм! В унитазном бачке. Дело в предсмертной записке, которую ты отобрала у девушки. Мы должны были найти труп Шурупова и записку. Найти на улице мертвую девушку, а в ее номере – флакон с ядом. Пистолет – у этого нетрезвого человека, который тоже одессит и якобы киллер, действовавший по заказу каких-то одесских бизнесменов. Все это выглядело бы так, будто девушка имитировала самоубийство своего бой-

френда, а затем ее саму застрелили. Вот и все. Только одна беда. Деньги-то покойный Шурупов перевел на имя Евстигнеева, также покойного. И ты не получила бы того, что хотела.

– Но зачем? – вскричала Шурупова с явным страданием. – Зачем он перевел все свои деньги какому-то Евстигнееву?

– А вот об этом нам особых дел мастер, некогда подававший большие надежды художник Бакунин расскажет. Только покороче, пожалуйста, будь другом!

Пилипенко посмотрел на Бакунина. Тот глубоко вздохнул.

– Я это... В двух словах оно трудно... В общем, бывают случаи, когда человеку надо исчезнуть. И начать новую жизнь. Я всего лишь делаю документы. Остальное – другие сотрудники фирмы.

– Не фирмы, а банды, – уточнил следователь.

– Как пожелаете. Я и не знал толком, что происходит, когда меня брали на работу. Я делаю документы на указанное имя. Когда-то и вправду надежды подавал как художник... Затем выбирают какого-нибудь человека, как этот несчастный Евстигнеев. Документы на имя Евстигнеева, а фото – Шурупова. Евстигнеев якобы продает свою квартиру и покупает новую, в другом городе. Евстигнеев исчезает. А в этом городе появляется человек под его именем, но с другим лицом.

– Вот что хотел сделать твой муж, – обратился Пилипенко к Шуруповой. – Он перевел все деньги на счет своего будущего аватара. Которого убили, между прочим.

– Еще нет...

– Вот ты и раскололся. Знаешь все же гораздо больше, чем прикидываешься. Ответишь, разумеется, за это. Евстигнееву повезло, не успели его закопать. Сам умрет от водки через год-другой. А кому-то – нет. Человек двадцать уже таких счастливчиков через твои руки прошло. Желающих начать новую жизнь. Без старой жены. Без надоевшей любовницы. Без поборов и правил со стороны уважаемых людей. Шурупов Сергей именно этого и хотел. Он тщательно подготовился. Положил на видное место флакон с ядом, наврал этой девушке, что должен его отдать там кому-то. Вот и вещественное доказательство. Ее выбрал в свидетели всего процесса. Яхта должна был придти пустой, а в судовом журнале – предсмертная записка. На палубе – мобильник, чтобы всем стало ясно, кому он звонил и писал. Единственный прокол Шурупова – не стер из памяти его звонок.

Пилипенко кивнул на Бакунина.

– Все мы иногда ошибаемся, – философски заметил тот. – Все мы порой...

– Молчать! Замысел Шурупова должен был получиться, если бы девушка не была столь усердной христианкой. Если бы жена, съедаемая ревностью, не прикончила его на самом деле.

Шурупова вскочила с дивана. Она уже кричала, размахивая руками:

– Зато я разобралась и со своим мужем, и его девкой! Да, я сделала это! И ни секунды не жалею. Пусть ты и осталась жива, милочка, но не носить тебе больше таких шикарных волос. В парике всю жизнь ходить будешь.

Минин пробурчал тихо и мрачно:

– Пуля прошла по краю черепа, между костью и кожей, словно обруч поставила. Навсегда.

– Мыши заведутся в твоем парике! – никак не могла остановиться Шурупова.

Лейтенант Клюев мягко взял ее за плечо и усадил на диван. Груздева непроизвольно потрогала свою повязку. Ее лицо страдальчески сморщилось, и стало вдруг отталкивающим, неприятным и жалким.

* * *

Шурупову взяли под стражу и увели, бесцеремонно запихнув в одноместную мобильную камеру «Уазика», пополам с особых дел мастером Бакуниным. Лейтенант Клюев повез Груздеву обратно в Ливадийскую больницу, Минин просто ушел домой, к своей многодетной семье. Киллер-неудачник отправился на все четыре стороны – заливать стресс таврическим портвейном.

В редакции остались двое – Пилипенко и Жаров. Они сидели у темного камина, потягивая из стаканов яванский ром. Именно рома хотел отведать следователь по окончанию дела о яхте «Леокадия» – традиционного напитка моряков.

– Мы с самого начала встали на ложный путь, – сказал он, протянув ноги к пустому камину. – Я решил, что кофейник был полон, когда его поставили на плиту, и кипел более получаса. А на самом деле, воды было на донышке, и закипела она через минуту после включения. А еще через несколько минут ты его заметил и выключил.

– Уж лучше бы «Мария Целеста», – с грустью сказал Жаров и отхлебнул глоток традиционного.

– Думаю, что и сто пятьдесят лет назад, на «Целесте», произошло что-то в этом роде, – сказал Пилипенко, – Какой-то криминал плюс желание его скрыть. Не было тогда мобильных телефонов. Негде было достать особых дел мастера Бакунина.

Жаров с грустью смотрел в черный портал камина.

– Уж лучше бы «Мария Целеста», – тихо повторил он.

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: Медведь-гора со стороны Гурзуфа.

Сергей Саканский

Солнечный удар

Жаров ехал в патрульной машине с лейтенантом Клюевым, когда по рации передали ориентировку: на диком пляже под Медведем обнаружен труп женщины. От скучных, чисто технических подробностей сообщения Жаров испытал короткий приступ тошноты.

– Еще одна, – процедил сквозь зубы Клюев и круто вывернул руль. – Не завелся ли у нас опять какой-нибудь маньяк?

Жаров уже слышал о другой женщине, найденной сегодня утром за автобусной остановкой в Мисхоре.

– Это вряд ли, – сказал он, вытирая пот со лба. – Первая просто убита, похоже на ограбление. А тут – изнасилование, и довольно жестокое. Не думаю, что оба преступления связаны. Хотя…

– Что – хотя?

– Если бы мы с тобой были не обыкновенные ялтинские ребята, а герои какого-нибудь боевика, то в конце концов оба этих убийства оказались бы причудливым образом соединены.

– Почему? – спросил Клюев.

– Разве не понятно? Ты ж актером хотел быть, в любительском театре играл, читал достаточно… Не стал бы автор, будь тут не жизнь, а книга, упоминать какое-то событие, которое не имеет отношения к сюжету.

Машина проскочила гурзуфский пятачок и понеслась вдоль Артека. Морская гладь блистала, как расплавленный металл, и струя воздуха из открытого окошка была горячей, словно они неслись по пустыне.

– Пилипенко сейчас на первом трупе, – сообщил Клюев, придерживая наушник телефона. – Будет через час. Сказал – ничего не трогать.

– Это само собой, – Жаров высунул руку из окошка, ловя ладонью ветер.

– Убери, – сказал Клюев, – Еще подумают, что мы поворачиваем.

Жаров убрал руку, но выставил локоть. Поворачивать, честно говоря, было некуда. Крупно повезло сегодня, с горечью подумал он. Раз в месяц или несколько реже он навязывался сопровождать патруль, в надежде напасть на живой материал для газеты, и вот сегодня – сразу два трупа. Как тут не почувствовать себя мерзким стервятником, охочим до падали?

Именно так в общем итоге выглядит какой-нибудь Эркюль Пуаро: он всегда, с маниакальной точностью оказывается на месте преступления, часто даже за некоторое время до того, как преступление произойдет…

Обогнув Артек, машина выехала к обрыву. Здесь уже стоял пустой «уазик» гурзуфцев. Жаров и Клюев вышли: дальше можно было двигаться только пешком. Клюев стал было спускаться на пляж, но Жаров окликнул его:

– Здесь есть хорошая тропа поверху, а дальше – приличная лестница.

Они пошли верхом, сквозь можжевеловую рощу. Раскаленный воздух плавил смолу под корой, и в роще стоял густой запах хвои.

Вскоре они услышали голоса внизу.

– Наверное, это здесь, – сказал Клюев.

Они подошли к краю обрыва и увидели довольно жуткую картину.

Маленький пляж, с обеих сторон защищенный крупными камнями-отторженцами, свалившимися с Медведя лет сто назад. В центре пляжа, раскинув руки, согнутые в разные стороны, лежит мертвая женщина. Одно колено тоже подвернуто, и все это напоминает какой-то знак, символ.

Двое гурзуфских милиционеров стоят на краю пляжа, преградив путь любопытным. Небольшая толпа курортников расположилась в отдалении…

Клюев принялся спускаться, хватаясь за можжевеловые ветки, Жаров ринулся за ним, но тут одна деталь ландшафта привлекла его внимание. Чуть поодаль от лестницы, вырубленной в скале, на самом краю обрыва лежал плоский базальтовый валун.

Жаров подошел и, сам не понимая, зачем он это делает, присел на раскаленную поверхность камня.

Интуиция… Отсюда был виден, как на ладони, и маленький пляж, и мертвая девушка. Под камнем валялось множество окурков. Жаров подобрал один, другой – все это были сигареты «Ирбис», довольно редкая марка, в Ялте их нигде не купить.

Что-то в этих окурках казалось необычным, хотя все они были именно «Ирбисом». И тут он понял: необычным было само их количество – Жаров насчитал восемнадцать штук.

Сколько же часов надо просидеть на камне, чтобы выкурить такую уйму этих, довольно крепких сигарет?

Тем временем торс Клюева уже скрылся за краем обрыва, осталась одна голова, которая обернулась и недовольно крикнула:

– Ты идешь?

* * *

Вблизи все выглядело еще более отвратительно. Жаров понял, что эта картина теперь будет долго висеть перед его глазами, словно он сфотографировал ее и поставил себе на рабочий стол.

Мертвая девушка, похоже, совсем молодая, лежит навзничь, как сломанная кукла. Жаров мысленно сложил ее, пытаясь увидеть, какой она была… Вряд ли стройной, вряд ли соблазнительной. Но и на таких, как видно, находятся насильники.

Кожа на ее лице сильно поцарапана, содрана, будто бы девушку били головой о камень. На камнях темнеют пятна крови, белое платье все изваляно в песке и разорвано. Трусики валяются в углу пляжа, кем-то далеко отброшенные, они также разорваны. Зигзагом, словно некая буква, краснеет окровавленное полотенце…

Лица гурзуфских ментов были кислыми: похоже, молодые служаки впервые в жизни видели такое грязное убийство.

– В этой толпе есть тот, кто обнаружил труп? – спросил Жаров.

– Да, конечно. Мы их задержали. Вон те парень с девчонкой, что прячут в сумке ружье.

Жаров подошел к парочке и задал несколько вопросов. Как всегда, ни у кого из гражданских не возникло в голове крамольной мысли: кто, собственно, такой этот человек, и имеет ли он право допрашивать их?

Журналиста интересовало прежде всего то, насколько близко свидетели, парень и девушка с ружьем, подходили к телу. Оказалось – вообще не подходили: увидев труп издали, сразу позвонили в милицию. Жаров вернулся и спросил о том же юных милиционеров, гурзуфцев, которые примчались по вызову. Те также не возражали против того, что Жаров здесь распоряжается: они знали, кто такой Жаров и зачем он достаточно часто сопровождает следователя Пилипенку и других настоящих ментов.

Оказалось, что подошел только один из ребят, чтобы удостовериться, что девушка действительно мертва, и никакой медицинской помощи ей не нужно. Жаров кивнул.

Все дело было в том, что на пляжном песке он заметил столько следов, что даже не сразу смог сосчитать количество цепочек. Во всяком случае, две из них можно выкинуть – это были следы милиционера, туда и обратно. Жаров попросил его показать откуда он шел, и воткнул у начала его цепочки щепки плавника.

Песчаный пятачок, запечатлевший следы, был размером где-то десять на пять, с севера ограничивался базальтовой стеной обрыва – черной подошвой Медведь-горы, с запада и востока – двумя крупными, величиной с джип, глыбами-отторженцами. На юге, до самого берега, были навалены камни, более-менее окатанные морем.

На таких диких пляжах купаться не очень приятно и даже опасно: ноги можно переломать. Немудрено, что здесь бывает немного народу, в основном – браконьеры, любители поохоться с

подводным ружьем. Вот почему девушку, убитую, скорее всего, вчера, обнаружили только на следующее утро. Она лежала почти в самом центре песчаного пятачка, и со всех сторон к ее телу вели следы.

Зазвонил мобильный Клюева. Оказалось, что Пилипенко уже выехал и будет через пятнадцать минут. Жаров сильно засомневался, что следователь сможет так быстро сюда добраться.

Он влез на западный отторженец, достал из сумки-кобуры пристегнутой к ремню джинсов, свой миниатюрный блокнот и принялся зарисовывать следы. Конечно, все здесь будет тщательно зафиксировано, но журналисту хотелось иметь и свою, частную базу данных.

Море слепило глаза. Где-то вдали мчался, оставляя пенистый след, пограничный катер. Похоже он поворачивал, почему-то двигаясь к берегу…

По следам невозможно было определить даже размер обуви – просто размытые углубления в мелком желтом песке. Впрочем, хорошо читалось направление следов, по коротким бороздам в песке, оставленным пятками идущих: нетрудно было понять, какая цепочка ведет туда, а какая – обратно.

С запада, со стороны Артека, шло три цепочки – две туда и обратно, одна – только туда. Ясно, что эти следы принадлежали несчастной девушке, которая уже не возвратилась с пляжа. Значит, с запада сюда пришли двое, и в том же направлении удалились. Если бы Жаров не показал Клюеву верхней тропы, то они бы тоже попали сюда с западной стороны, вдоль берега, где им пришлось бы сбивать подошвы о крупные камни, продвигаясь гораздо медленнее, чем поверху.

Четыре цепочки следов – две туда и две обратно – вели с востока. Дальше базальтовая подошва Медведя становилась все круче и вскоре обрывалась в море отвесной стеной. Так что, со стороны Партенита эти люди прийти никак не могли. Следовательно, они шли той же тропой, что Жаров с Клюевым, сквозь можжевеловую рощу, мимо плоского камня на краю обрыва.

Картина получалась сомнительная: четыре человека, разделившись по двое, достигли маленького пляжа разными путями – верхом и низом – и с обеих сторон напали на девушку.

Но это бессмысленно! Девушке все равно некуда бежать. Да и внезапное нападение, в этом случае – зачем?

То, что все эти следы именно вчерашние и связаны с убийством, сомнения не вызывало: вчера на рассвете над всем Южным берегом прошел короткий, но сильный дождь, прервав длительную линию изнурительной июльской жары.

При мысли об этом дожде Жаров понял, что его так смутило наверху, возле плоского базальтового валуна. Он поднял голову. На самом краю обрыва можно было заметить маленькое черное пятно. Это и был тот валун, его торчащий над обрывом край.

Не только количество окурков от «Ирбиса» так озадачило журналиста, но и их состояние. Большая часть окурков была желтоватой, а это значило, что человек, куривший «Ирбис», сидел на камне, по крайней мере, два раза – до вчерашнего ливня и после. Скорее всего, он сидел здесь три или даже четыре дня, если предположить, что более двух часов провести на такой жаре трудно, а курить крепкий «Ирбис» чаще, чем раз в час, весьма проблематично.

Да и кому придет в голову без особой нужды жариться на раскаленном базальте?

* * *

Пилипенко удивил всех тем, что прибыл прямо из Мисхора на пограничном катере. Эта машина на подводных крыльях способна развивать до семидесяти километров в час при слабом волнении, она развернулась метрах в пяти от берега, и следователь, ни секунды не колеблясь, спрыгнул с бака, замочив по колено брюки. На таком солнце они высохнут через несколько минут.

В тот же момент Жаров увидел следственную бригаду: эксперт Минин, кинолог Ярцев с собакой, еще двое оперативников скакали по камням далеко на западе. Похоже, никто из них не знал верхней тропы.

Жаров с содроганием представил, как ребята из морга будут эвакуировать труп, волоча носилки по этим камням, и вдруг понял, зачем Пилипенке понадобился катер. Следователь тоже хорошо представлял себе окрестности Ялты.

Жаров показал свои метки – следы сержанта, который приближался к трупу, Пилипенко кивнул. Он был угрюм и молчалив. Подошел к телу, наступая в следы сержанта, несколько минут

рассматривал девушку, сложив руки в замке на груди, что напоминало позу какого-то католического священника. Удручающее зрелище, даже для следователя.

– Странное дело, – сказал он, вернувшись к Жарову. – Платье все изваляно в песке, как снаружи так и изнутри.

– Что это может значить?

– Пока не знаю.

Следственная бригада, наконец, добралась. Переговариваясь и пошучивая друг с другом на подходе, они вдруг замолчали, увидев мертвую девушку.

– Работаем, – деловито распорядился Пилипенко. – И уведите отсюда толпу.

Гурзуфцы принялись исполнять приказ, даже с излишним рвением, хватая людей за локти и поторапливая любопытных дружеским похлопыванием по спинам. Толпа рассеялась: курортники побрели по камням в сторону Артека, его золотых пляжей, где валились россыпи муравьиных куколок – люди, ничего не знающие о том, что происходит в пятистах метрах от них.

Площадка была тщательно измерена и сфотографирована. Минин поднимался на оба камня-отторженца, снимая сверху.

Все, что имела девушка при себе, было – белое платье, купальник, пляжное одеяло и панамка.

– Женщины обычно носят с собой сумочки, – заметил Минин.

– Да знаю я, – хмуро обрубил Пилипенко.

– Если это курортница… – начал было Клюев, но следователь прервал его:

– Курортница. Сплошной загар. Много ты видел местных, которые столько времени проводят на пляже?

Когда труп перевернули, открылись новые ссадины. Казалось, насильники подражали самым жестоким западным фильмам. Что-то необычное было в этих травмах. Жаров подумал: наверное, потому, что тело долго пролежало на жаре.

– Странно, – будто услышал его мысли Минин. – На ее теле почти нет синяков. Такое ощущение, что убийцы не могли остановиться и продолжали избивать девушку уже после того, как она умерла.

– Клянусь, что я поймаю этих хищников, – тихо сказал Пилипенко, как бы сам себе, затем, подняв голову, обратился к окружающим:

– Их было, по крайней мере, двое.

– Четыре цепочки следов, туда и обратно, – напомнил Минин.

– Дай мне закончить. Двое, не менее, и четверо – не более. Они могли приходить на пляж не один раз. У девушки нет сумочки. Могли уйти, а затем вернуться, чтобы еще и ограбить. Ясно одно: две группы людей не связаны друг с другом. Они пришли сюда разными путями и разными путями ушли. И совершенно ясно, что это не обычное изнасилование, и за этим преступлением кроется нечто большее. Может быть – месть.

– Экспертиза покажет, – сказал Минин.

– Надеюсь, – Пилипенко нагнулся над трупом, осторожно откинул край белого платья. – Понятно, откуда так много песка на ткани. Только вот кому и зачем понадобилось одевать уже мертвую девушку?

* * *

Парни из морга прибыли нижней дорогой. Их лица выражали смятение: они думали, что им придется тащить труп под солнцепеком, полкилометра каменного завала. Но, увидев стоящий у берега пограничный катер, приободрились, собираясь приступить к своей мрачной работе.

– Сначала собака, – сказал Пилипенко и махнул Ярцеву, который все это время сидел с Ральфой, далеко в стороне, за западным отторженцем.

Ищейка обнюхала девушку, ткнулась ей в пах, подняла голову и тихо зарычала. Это значило что она взяла след.

– Ищи! – приказал Ярцев, и Ральфа немедленно кинулась по восточным следам.

Она тянула поводок, взбираясь по крутой тропе, переходящей в лестницу, и Ярцев, матерясь себе под нос, полез за ней. Снизу казалось, будто собака поднимает кинолога на длинном канате.

Когда она скрылась за кромкой обрыва, Ярцев стал походить на паука, карабкающегося по собственной нити.

– Она даже не обратила внимания на западные следы, – заметил Жаров.

– Что ж? Возможно, они не имеют отношения к убийству, – сказал Пилипенко. – Это могли быть случайные люди, которые увидели труп и удалились, не сочтя своим долгом позвонить в милицию.

Жаров пожал плечами. Было ясно, что следователь не очень-то верит этому предположению.

Друзья двинулись за кинологом, перебирая корни кустов. Примерно посередине склона, когда тропинка перешла в лестницу, они услышали громкий лай наверху. Жаров оглянулся и посмотрел вниз. Санитары уже разложили носилки и уложили на них труп. Окоченевшее тело с раскинутыми конечностями едва уместилось на брезенте.

– Что она нашла? – спросил Пилипенко, когда они преодолели обрыв.

– Камень, – коротко ответил Ярцев.

Ральфа сидела перед базальтовым валуном, прилежно сложив вместе передние лапы, неподвижная, словно памятник собаке. Все ее существо говорило: я нашла.

Пилипенко с удивлением посмотрел на Ярцева:

– И что? Дальше она не пойдет? Но это ж бессмыслица! Преступники не могли уехать отсюда на машине – слишком узкая тропа.

Он подошел к валуну, оглядел его, продолжая рассуждать:

– Ни на мотоцикле, ни даже на велосипеде – любая техника оставила бы здесь следы. Не улетели ж они отсюда?

– Обрати внимание на окурки, – сказал Жаров.

Пилипенко, поводя пальцами, сосчитал окурки, поднял один, осмотрел, затем положил его на то же самое место, верный своей привычке следователя.

– Можно было предположить, – продолжал Жаров, – что здесь жарились под солнышком и курили крепляк несколько здоровых парней – ведь женщины вряд ли будут курить «Ирбис». Но состояние окурков говорит о том, что человек или группа людей была здесь, по крайней мере, два раза.

Пилипенко сел на камень и посмотрел вниз.

– Пляж отсюда как на ладони. Причем, только пляж и ничего более. Все ясно: это – наблюдательный пункт, – сказал следователь.

– Значит, – подхватил Жаров, – девушка не в первый раз забрела на этот пляж и насильники несколько дней наблюдали за ней. Наверное, она была не одна, и они выжидали, когда ее спутник уйдет.

– Допустим, это были насильники, – сказал Пилипенко. – Только вот куда они делись? Почему собака не идет дальше?

– А она идет, – вдруг послышался голос Ярцева.

Пилипенко и Жаров обернулись. Ральфа теперь стояла на всех четырех, глядя вдоль тропы.

– Просто она учуяла эту стоянку, – пояснил Ярцев, – и ждала, пока вы осмотрите ее. А след – вот он: продолжается наверх.

Собака повела людей через можжевеловую рощу, полную густого смолистого запаха. След шел точно по тропе. Жаров с грустью подумал, что он доведет до стоянки перед Артеком и оборвется. Но Ральфа внезапно повернула направо, по едва заметному ответвлению тропы. Здесь этот знаменитый крымский аромат стал еще резче – казалось, в воздухе висят видимые пласты его живительного эфира. Жаров подумал: что это за мощный запах ведет Ральфу сквозь такой плотный фон?

Небольшая лестница поднялась на объездную грунтовую дорогу, затем начались виноградники, прилегающие к деревне Айкара. След вел именно в деревню, по узкому коридору, с обеих сторон обрамленному сеткой рабица, за которой, руку протяни, висели зреющие гроздья, также источая дурманящий дух муската и изабеллы, что не смутило собаку, ибо зов, ведущий ее, был намного сильнее.

Вот и деревня, она карабкалась по слону Медведя, разделенная подпорными стенками, лестницами, пока позволяла крутизна горы. Архитектурной доминантой, вроде собора или ратуши, было здание недавно выстроенного частного отеля – в три этажа, с красной крышей под

черепицу, украшенной мансардами и башенками, во все глаза своих солнечных окон глядящее на скопище жалких деревенских халуп вокруг.

Ральфа облаяла калитку одной из халуп. Пилипенко повернул железную ручку – не заперто. Все вместе вошли во двор, окруженный множеством дверей клетушек, которые хозяйка халупы сдавала курортникам. Ральфа без колебаний выбрала одну из дверей, следователь распахнул ее.

Прямо за дверью была комнатка два на полтора, похожая на корабельную каюту. На одноместной железной кровати спал длинноволосый молодой человек. Серебристый кулон на его груди поймал луч солнца из маленького круглого окошка.

Собака вдруг жалобно заскулила, вывернув свои карие глаза на людей. Жаров понял природу запаха, что привел ее сюда: в этой комнатушке пахло самцом, его потом и секрецией.

Под окошком стояла деревянная тумбочка больничного образца. На тумбочке лежала зажигалка, пачка дешевых сигарет, рядом – консервная банка-пепельница и маленькая, в форме чебурека, дамская сумочка.

* * *

– Где ты это взял? – спросил Пилипенко, растолкав молодого человека.

– Нашел, – сказал он, хлопая глазами со сна и поправляя свои волосы, которыми, видать, гордился. – Там, внизу, в лесочке таких вонючих деревьев.

– Так, – сказал Пилипенко. – Никогда больше не говори «нашел». Я-то добрый, а другие будут тебя бить.

С этими словами следователь ткнул юношу двумя пальцами в солнечное сплетение. Тот согнулся, сидя на своей солдатской кровати. Когда рыбьи движения его крупного рта прекратились, Пилипенко спокойно спросил:

– Ну, и? Откуда у тебя эта сумочка?

Пока юноша корчился, он бегло поворошил пальцами внутри сумочки и лицо его стало еще более угрюмым.

– Я это… – начал юноша. – Внизу ее нашел, на пляже. Рядом со спящей девушкой. Честное слово!

– Спящей? – подал возмущенный голос Ярцев. – Это ты называешь спящей?

– Погоди, – оборвал его Пилипенко движением ладони. – Итак, ты спустился на пляж через можжевеловый лес. И что ты там увидел?

– Девушку. Она спала на одеяле.

– И рядом с ней лежала сумочка?

– Да.

– И ты ее взял – нашел?

– Да.

– Так вот. Это называется не нашел, а украл.

– И ты ему веришь? – не выдержал Жаров.

– Думаю, он этого все же не делал, – сказал следователь.

– Точно! – вскричал парень. – Я ничего этого не делал, клянусь!

Пилипенко и Жаров переглянулись.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «этого»? – спросил следователь.

– Ну… Ничего я такого не делал. Взял сумочку и вернулся обратно. Пришел сюда. Потом пошел пить пиво.

– Первая цепочка следов с востока, – задумчиво проговорил Пилипенко. – Думаю, парень не виновен в убийстве.

– Почему ты так думаешь? – спросил Жаров.

– Интуиция, – сердито сказал Пилипенко: было ясно, что он видит нечто такое, чего не замечает Жаров.

* * *

Примчавшаяся по вызову следователя бригада затолкала испуганного молодого человека в машину. Жаров было поставил ногу на подножку «газели», думая, что и они тоже поедут в управление, устроившись на местах перед зарешеченной автокамерой, но Пилипенко взял его за локоть.

– Погоди, – сказал он поводя в воздухе сумочкой-чебуреком. – Оказывается, у нас и здесь есть работа.

Они присели на скамейку у беленой стены халупы, в глубокой тени мушмулы. Пилипенко осторожно вытряхнул содержимое сумочки на облупленную доску скамейки. На первый взгляд, в сумочке не было ничего особенного: косметика, крем для загара, гребень… Простая шариковая ручка, которые продают в местных киосках. Лист бумаги, исписанный мелким почерком, явно с помощью этой ручки: похоже на какой-то черновик. Паспорт: за край обложки задвинуты билетики и визитки.

– Странно, – сказал Пилипенко, – вращая перед глазами какой-то флакончик, – он совершенно пуст. Зачем носить с собой порожнюю тару?

Следователь вывернул пробку и понюхал горлышко.

– Французские. Шанель номер пять, – сообщил он. – А вот это… – Пилипенко бережно взял визитку и выбросил вверх, словно игральную карту. – Я сразу приметил эмблему здешнего отеля, – сказал он, кивнув в сторону черепичной крыши, краснеющей среди листьев мушмулы. – Посмотрим, что тут еще… Так, авиабилет до Москвы, вылет через неделю. Фамилия в билете и паспорте совпадают.

Жаров взял паспорт убитой девушки и всмотрелся в ее черты. Там, на пляже, их трудно было различить из-за многочисленных травм.

Девушку звали Лиза Донцова, ей было двадцать полных лет, москвичка. Лицо на стандартной паспортной фотографии было невыразительным и некрасивым, отчего Жарову стало особенно жалко девушку. Он поймал себя на отвратительной мысли: будь эта бедная Лиза красавицей, он, может быть, и не испытал к ней такого щемящего чувства…

Но зачем? Что это за насильник, который позарился на нее – на это неброское тело, невзрачное лицо…

– Любопытное письмо, – прервал его размышления следователь, протягивая Жарову сложенный листок. – Похоже, это по твоей части. Мистика какая-то.

Жаров осторожно развернул листок писчей бумаги: такой можно купить на любой почте. По всей вероятности, письмо писалось самой Лизой Донцовой, иначе откуда оно взялось в ее сумочке, тем более, что оттенок пасты в шариковой ручке был идентичен бледно-синим каракулям на листке.

Жаров прочел:

> Здравствуйте, Агния!
>
> Настал момент, когда я должна раскрыть вам правду о том событии, которое произошло в Рождественскую ночь в Обители на белой горе, где в то же самое время были и вы. Нет, вы меня не знаете, хоть видели мельком тогда. Я…

Перечеркнуто. С новой строки.

> Доброе время суток, Агния!
>
> Когда я пишу эти слова, я чувствую на своей груди волшебный амулет, который может послужить доказательством того, что…

Перечеркнуто.

> Здравствуй, Агния!
>
> В моей груди бьется два сердца…

Перечеркнуто.

Инь и ян, которые были разломаны надвое…

На этом письмо обрывалось. Девушка явно не привыкла к письменной речи, и все эти слова давались ей с большим трудом, что можно было сказать не только по нескольким несостоявшимся попыткам, но и по замысловатым узорам на полях, которые чертила взволнованная рука. Что-то в этих узорах казалось Жарову знакомым, будто вот-вот сложится неких символ, объясняющий все…

Жаров вернул письмо Пилипенке, тот положил его обратно в сумочку-чебурек и снова запер ее на молнию.

– Обитель на белой горе… Два сердца… Волшебный амулет… – пробормотал Жаров. – Все это могут быть какие-то особые слова, понятные лишь узкому кругу людей. Я не вижу здесь ни малейшей информации.

– Ну, возможно, информация появится по ходу дела. А сейчас идем-ка в отель.

* * *

Они сделали несколько зигзагов по кривым улочкам деревни, стараясь держаться в тени, что впрочем, не добавляло комфорта на раскаленных камнях. Отель «Под Медведем» постоянно вращался перед глазами, показывая себя со всех сторон, но не желая приближаться. Это было компактное трехэтажное здание с высокой мансардой, выстроенное из белого керченского песчаника, вероятно, на месте прежней халупы. Наконец, они вышли на небольшую автостоянку, явно принадлежащую отелю, и по спиральной лестнице поднялись к парадному входу.

Точно: остатки халупы – низкая толстая стенка, прежде ограждающая двор, и арка ворот теперь смотрелись как некая крымско-татарская стилизация, специально устроенная здесь, чтобы подчеркнуть современные формы здания отеля «Под Медведем».

В саду, выбрасывая в пространство семицветную радугу, бушевал фонтан, что при местном дефиците воды можно было назвать расточительством, даже зная, что фонтан представляет собой замкнутую систему.

Хозяйка гостиницы восседала за стеклянным столом в своем офисе. Несмотря на стильную одежду деловой женщины и дорогой макияж, в ее облике проступали неистребимые черты типичной ялтинской хозяйки. Жаров с упоением вдыхал кондиционированный воздух офиса, постепенно приходя в себя после изнурительных спусков и подъемов на подходе к отелю. Золотые зубы и ярко накрашенный рот хозяйки сияли, словно напоминание о том, что скоро придется вернуться в мир горящих стекол, ослепительных стен, полного солнечного произвола…

– Эта девушка съехала вчера, – сказала хозяйка, возвращая следователю паспорт Лизы Донцовой.

– Нельзя ли подробнее? – сказал Пилипенко. – Долго ли она жила у вас, с кем встречалась?

– Вряд ли она с кем-то встречалась, кроме того мужчины, с которым приехала. Неделю назад, – ответила хозяйка на молчаливый кивок следователя. – Они собирались прожить у меня две недели, но вчера девушка почему-то покинула отель.

– А тот человек?

– Он остался. Проводил ее и отвез на машине, на вокзал или в аэропорт, я не знаю.

– Он сейчас в отеле?

– Нет. Я видела, как он уезжал утром и еще не возвращался.

– Что вы можете сказать об этой паре?

– Я не хочу сплетничать.

– Придется немного, поскольку речь идет об убийстве. И вы обязаны рассказать все, что знаете.

– Убийстве? Кого? То есть… Та девушка, которую нашли сегодня на пляже, и есть моя клиентка?

– Да.

Хозяйка замолчала и вдруг быстро перекрестилась. Жаров подумал, что сейчас, спустя всего два часа после того, как парни с Ленингардской-25 обнаружили труп, об этом знает не только

каждый житель деревни, но и весь Гурзуф, и слух об ужасном убийстве на пляже стремительно движется по Южному берегу на запад и на восток, словно взрывная волна.

– Ну что ж… – сказала хозяйка, пролистав на столе книгу своих жильцов. – Что я знаю? Они приехали восьмого июля и сняли трехкомнатный люкс. Не в законном браке. Это видно по их паспортам. Он – Щеглов, она – Донцова.

– Этот Щеглов женат?

– В его паспорте нет штампа.

– Вероятно, небедный человек?

– Уж, конечно! Будет ли бедный жить в моем отеле? – хозяйка произнесла эти слова не без гордости, вдруг встрепенулась, посмотрела в окно: – Да вот и он, кстати! Как прилетели, сразу взял машину на прокат. Вы ж в курсе, сколько это стоит в день?

Риторический вопрос хозяйки остался без подтверждения. Жаров выглянул в окно. Да, он был в курсе, но не собирался кивать в ответ. Отсюда была видна автостоянка отеля, где, мигая тормозными огнями, парковался темно-синий «Вольво» с рекламными надписями прокатной фирмы на бортах. Хлопнула дверь. Водитель был крепкий животастый мужчина лет сорока, в белой майке и широких бежевых шортах. Выйдя из своего кондиционированного салона на солнцепек, он тяжело выдохнул воздух, надув щеки.

* * *

Пилипенко и Жаров поймали Щеглова в вестибюле отеля, в тот момент, когда он поставил ногу на первую ступеньку широкой винтовой лестницы, которая, стильно повторяя изгибы лестницы наружной, вела на верхние этажи. Сообщение о гибели девушки, отвезенной им вчера в неизвестном направлении, он принял стоически: лишь выпучил глаза так, что брови поползли на лоб.

Беседа проходила в его апартаментах, где был прохладный воздух и пахло фиалками, что также обеспечивал кондиционер.

– Куда вы отвезли девушку и как вы с нею расстались? – спросил следователь.

– Я даже не знаю, с чего начать, – помолчав, сказал Щеглов.

– Давайте с момента вашего приезда в Крым. Да и расскажите немного о себе. Кем вы доводились Донцовой Елизавете?

– Она была моей… Ну, подругой, как еще сказать?

– Можно еще сказать – невестой.

– Нет, ни в коем случае. Мы встречались. Я взял двухнедельный отпуск. Она поехала со мной. Я нашел этот отель по объявлению и арендовал номер.

– Почему она уехала?

– Да уехала-то она совсем недалеко. Просто мы поссорились. Я ей предложил снять другой номер в этом же отеле, но она не захотела. Тогда я решил подыскать новое место. Она собрала вещи и мы поехали, не имея четкого плана действий. На гурзуфском пятачке увидели толпу квартирных хозяек. Лиза не хотела уезжать далеко, потому что ей нравился здешний дикий пляж.

– Вы часто бывали с ней на этом пляже?

– Разумеется. Вот я и нашел ей жилье здесь, в деревне.

– В котором часу это было?

– Утром, часов в одиннадцать, я не смотрел. Я отвез ее и мы распрощались. Она пошла устраиваться, а я поехал в Ялту. В шахматный клуб. Я, видите ли, любитель.

– Больше вы не видели девушку?

– Нет. Я провел время в клубе до вечера. Затем приехал сюда.

– Проводите нас на ту квартиру, куда вы перевезли девушку, – предложил Пилипенко.

Когда все трое вышли на улицу, следователь вдруг замер, глядя в угол автостоянки. Он перемахнул через барьер и присел на корточки, разглядывая что-то на земле.

* * *

Темно-синий «Вольво» довез их до места через несколько минут, лавируя в узких улочках. Это была хорошо модернизированная халупа, сдававшаяся по-дорогому – с отдельным входом, душем и прочими удобствами. Именно это новое жилье Щеглов и снял своей девушке, и именно здесь ей так и не удалось пожить.

Хозяйка узнала Щеглова и приветствовала его широкой улыбкой, какой обычно одаряют многообещающих клиентов.

– А вашей подруги нет дома, – сказала она.

– Я знаю, – хмуро ответил Щеглов.

Пилипенко достал из сумочки ключ и показал хозяйке, другой рукой предъявив удостоверение следователя. С дамской сумочкой-чебуреком под мышкой он выглядел комично, но хозяйке не пришло в голову улыбнуться.

– О, боже! – только и воскликнула она, поскольку ей, как и ее боле преуспевающей коллеге из отеля, не составило труда сопоставить слухи об ужасном убийстве на пляже с исчезновением своей квартирантки.

– Вам не стоит сюда входить, – следователь обернулся к Щеглову. – Я буду весьма признателен, если вы подождете нас в своей машине.

Когда они остались одни, Жаров с нетерпением спросил друга:

– Что ты там такое нашел, на стоянке?

– Еще один наблюдательный пункт. Некто уютно устроился в тени туй, даже доску приспособил. Я еще сверху, с лестницы заметил окурки на земле.

– «Ирбис»?

– Он самый.

– И что можно увидеть с той точки?

– Два объекта, – Пилипенко нагнулся у двери, вставляя ключ в замок. – Саму стоянку и окна номера, в котором жила девушка.

Место, куда Щеглов привез свою подругу, было двухкомнатной квартирой с лоджией, ванной и маленькой кухней. Посуда чисто вымыта, разложена по полочкам, ловит солнечные лучи из окна. Ясно, что девушка ни разу не воспользовалась кухней, и эта бликующая обстановка сделана самой хозяйкой при генеральной уборке после предыдущих жильцов. Помойное ведро также чистое, с аккуратно расправленным черным пакетом для мусора.

В спальне стоят два тугих чемодана, в кресле – раскрытая сумка. Несколько носильных вещей – летние платья, шорты, блузки – в беспорядке валяются на полу. Ощущение такое, что девушка примеряла их перед зеркалом, вставленным в дверцу шкафа, и почему-то долго не могла выбрать, во что одеться.

Пилипенко нагнулся и выудил из груды вещей длинный красный поясок.

– Странно, – произнес он, играя пояском, натягивая и отпуская его. – Поясок есть, а платья нет.

– Может, оно где-нибудь в чемоданах? – предположил Жаров.

– Это вряд ли. Хотя, можно проверить, конечно.

Он поднял чемодан, поставил на кровать и раскрыл. Тоже самое проделал и с другим чемоданом.

– Вещи сложены как попало, похоже, девушка собиралась в спешке… Ну, разумеется, красного платья здесь нет, да и кому придет в голову упаковывать платье и поясок отдельно?

Чемоданы содержали самые обыкновенные предметы, правда, их было чересчур много – начиная с десятка разноцветных блузок и футболок и кончая вычурным эротическим бельем – черным, белым, розовым…

– Если учесть, что девушка приехала только на две недели, то она имела возможность переодеваться несколько раз в день. Гм… Два вечерних платья. Актриса, а не девушка. Или… – следователь замолчал, укладывая вещи обратно в чемодан.

– Что – или?

– Потом скажу. Есть одна мысль, И я ее проверю немедленно.

– Может быть, ты думаешь то же, что и я? – спросил Жаров.

– Это вряд ли.

Жаров не стал уточнять, боясь, что друг поднимет его на смех. В самом деле, почему бы не предположить, что эти вещи принадлежали не одной, а двум девушкам? Жаров вспомнил ту, другую, найденную за автобусной остановкой в Мисхоре…

Когда они спустились с веранды и снова сели в машину Щеглова, следователь спросил его:

– В чем была причина вашей ссоры?

– Не думаю, что это имеет отношение к делу, – холодно ответил Щеглов, включая зажигание.

– Это, положим, мне решать, – сказал Пилипенко. – Ответьте на вопрос и считайте его официальным, хотя я вас пока и не задержал.

– Задержать – меня? По какому праву? – Щеглов вывел машину в переулок, делая вид, что внимательно следит за извилистой дорогой. – Впрочем, я расскажу, никакой тайны тут нет. Дело в том, что… Лиза думала, что я… В общем, она поставила вопрос ребром. Так они часто делают, знаете?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – сказал Пилипенко.

Жаров, в отличие от своего друга, понимал. На определенном этапе отношений женщины часто пускают в ход своеобразный шантаж.

– Это началось сразу, как только мы вылетели из Москвы, – продолжал Щеглов. – Раньше у нас были свободные, ни к чему не обязывающие отношения, но тут она, наверное, посчитала, что совместное путешествие – это нечто очень серьезное. Вот и стала у нее созревать такая мысль: либо мы женимся, либо расстанемся. И дальше – больше. В конце концов, вчера это стало совершенно невыносимым, и я выбрал один из вариантов. Мы расстались немедленно, и я отвез ее сюда.

– Вам знакома эта вещь? – Пилипенко достал из кармана смотанный в кольцо поясок и развернул перед газами Щеглова, будто выпустив на волю змею.

– Это поясок, – от внимания Жарова не ускользнуло, что Щеглов весь напрягся.

– От какого платья? Вы видели красное платье на ней?

– Красное платье, красное платье… – пробормотал Щеглов, бегая глазами и потея, несмотря на достаточную прохладу в салоне машины. – Нет, не припомню.

Еще один поворот, и они въехали на стоянку, вышли, вразнобой хлопнув дверцами. Пилипенко зашил в память своего аппарата телефон Щеглова и попросил его не покидать Большую Ялту в ближайшие дни.

– Вот откуда такое разнообразие нарядов, – сказал он Жарову, когда Щеглов скрылся за поворотом лестницы. – Девушка просто очень хотела понравиться человеку, которому была безразлична. Чувствую, что мотивы и причины преступления где-то здесь, связанные со Щегловым. Он явно в чем-то лжет. А парень не виноват.

– Ты что же – веришь этому предприимчивому юноше? Что он нашел спящую девушку, подобрал ее сумочку и скрылся?

– Не знаю, в каком виде он нашел девушку – спящей или уже мертвой. Но это не он убил и растерзал ее. Допустим, дело было так. Девушка спустилась на пляж. Первая цепочка следов, ведущая с запада и только в одном направлении. Она загорала, потом уснула. Вскоре появился парень, соблазнился сумочкой, взял ее и удалился. Цепочка следов с востока – туда и обратно. Затем появились те, кто сделали с девушкой все это… Гм! Не получается. Двое могли прийти с запада – две цепочки туда и обратно. Остается одна цепочка с востока, и совершенно не ясно, кому она может принадлежать. Разве что…

– Наблюдательный пост!

– Именно. Был некто, следивший за девушкой, следивший упорно и тщательно. И юношу, который украл, и тех двоих, кто изнасиловал, он видел сверху. Когда все было кончено, он спустился вниз, ему и принадлежит последняя восточная цепочка.

– Зачем ему спускаться?

– Чтобы удостовериться, что девушка мертва. Или, может быть, чтобы забрать какую-то вещь. Думаю, что ответ зашифрован в черновике письма, которое пыталась написать девушка. Во всяком случае, мальчишка пойдет за кражу сумочки, но никак не за убийство и изнасилование.

– Почему ты так уверен в его невиновности?

– Я что же – зря его сигаретой потчевал? Учитывая, что я сам бросаю курить и к куреву стараюсь пореже прикасаться? Чистые руки, неповрежденные фаланги пальцев. На теле парня

также ни одной царапины. Как можно так жестоко избить жертву, чтобы самому остаться совершенно чистым?

В этот момент телефон следователя зазвонил. Жаров слышал в трубке взволнованный голос, похоже, принадлежащий эксперту Минину.

После этого разговора Пилипенко казался даже не озабоченным – ошарашенным.

– Леня говорит, – глухим голосом сообщил он, – что сперма во влагалище жертвы принадлежит именно ему, этому голубоглазому невинному юноше.

* * *

Пилипенко положил на стол перед задержанным данные экспертизы. На допросе, не считая стенографистки, присутствовали Минин и Жаров, последний стоял, привалившись к подоконнику. Все смотрели на юношу с тревожным любопытством, следователь внутренне клокотал, что было видно по пульсирующей жилке на его виске. Его профиль заострился, словно у покойника, казалось, что он сейчас бросится на подозреваемого, чтобы собственными руками свершить правосудие.

Парня звали Олег Горенко, ему было 17 лет, он приехал из Донецка – за счет родителей, которые решили таким образом премировать его по случаю окончания школы. Здесь, в деревне, можно было снять комнату без удобств по самой низкой цене, что он и сделал.

– А теперь ты расскажешь подробно, что произошло вчера на пляже, – сказал Пилипенко. – Это твой последний шанс сказать правду. Мы имеем достаточно оснований, чтобы передать твое дело в суд. Но чистосердечное признание облегчит твою участь, и приговор будет мягче.

Жаров понял, что Пилипенко лукавит, все присутствующие в кабинете, кроме самого Олега, знали, что парень обречен: каким бы мягким ни был приговор, вряд ли с такой статьей он выйдет из зоны живым. Жаров даже заметил некую печаль в глазах стенографистки: девушка уже жалела этого Олега, предполагая его судьбу, жалела не как преступника, совершившего ужасное убийство, а как красивого голубоглазого мужчину.

– Я расскажу, – сказал он. – Я молчал, потому что… Стеснялся, вы понимаете?

Олег бросил взгляд в сторону стенографистки и вдруг покраснел. – Я не могу говорить об этом при женщине.

– Лена, выйди, – приказал Пилипенко, не поднимая головы.

Жаров знал, что беседа записывается на магнитофон, и стенограмму можно сделать позже. Лена захлопнула свой блокнот и вышла из кабинета, бросив на парня взгляд из дверного проема.

– Вчера утром я пошел купаться, – начал, наконец, он. – И увидел девушку. Она сидела на одеяле. Она что-то делала со своей головой. Я подошел и увидел кровь, девушка вытирала голову полотенцем и смотрела на полотенце, которое было в крови. Я стал ей помогать. Как я подумал, девушка упала и ударилась о камень. Поскользнулась, наверное, когда выходила из воды, ведь там скользкие камни, вы знаете. И я увидел рану у нее, волосы слиплись от крови.

Жаров и Минин переглянулись, у Минина было удивленное лицо, он скептически покачал головой.

– Тогда я нашел в ее сумочке флакон духов, они ведь на спирту. И промыл девушке рану.

Слушая, Пилипенко задумчиво играл очками над столом: похоже, он верил Олегу, имея в виду, что флакончик в сумочке-чебуреке был действительно пуст, а на пляже найдено окровавленное полотенце.

– Мне удалось остановить кровь. А после мы сидели рядом. Она плакала, я ее утешал… И мы полюбили друг друга! – вдруг повысил голос парень.

– Что? – не понял Пилипенко.

– Полюбили и все! С первого взгляда, разве так не бывает? Я полюбил ее, она полюбила меня. И мы занялись любовью.

Пилипенко мрачно смотрел на парня, подперев щеку рукой, Минин опустил голову, чтобы никто не увидел его невольной улыбки. Жаров чувствовал, что часть истории действительно правда, но никак не мог понять, где граница, отделяющая ее от лжи.

– Потом девушка уснула, – продолжал Олег. – Ну, тогда я взял ее сумочку и ушел. Сам не знаю, как это вышло… Когда я доставал флакон с духами, то увидел в сумочке деньги… Ну и… Вот…

– О чем вы с ней говорили? – спросил Пилипенко.

– Так… Мы почти и не говорили. Все было ясно по глазам. Любовь, понимаете? – парень почему-то глянул на пустой стул, где только что сидела стенографистка. – Правда, она говорила что-то, но как бы сама с собой…

– Так. С этого места давай-ка подробнее.

– Ну, она как будто обращалась к самой себе или к кому-то, кого не было видно.

– К невидимке, значит. Что же она говорила невидимке?

– Что-то про белую гору и про инь-ян. Я не понял.

Жаров вздрогнул. Эта загадочная «белая гора», «Обитель на белой горе», равно как «инь-ян» были в черновике письма.

– Постарайся вспомнить, – сказал он. – Подробнее. Какие именно слова она произнесла?

– Она сказала… Я не помню точно. Инь и ян соединились на белой горе. Вроде того… Потом она отключилась, вы понимаете?

– Не понимаю, – возразил Пилипенко.

– Ну, ей было слишком хорошо со мной, вот она и вырубилась.

Юноша хлопал голубыми глазами, в его голосе сквозило торжество. Пилипенко перевернул фотографии, которые до сих пор лежали на его столе глянцем вниз.

– Вот так она вырубилась? – тихо спросил он Олега.

Тот посмотрел. Его лицо исказил настоящий ужас.

– Нет, нет! Это было совсем не так!

– Ты хочешь сказать, что это сделал не ты?

– Честное слово – не я!

– Ты уже много раз давал мне свое честное слово.

– Но это не я, клянусь! Когда я уходил, она спокойно спала на одеяле.

В этот момент дверь приоткрылась, и кто-то из коридора окликнул Минина. Тот подошел, от волнения шаркая по полу громче обычного, и принял из руки, мелькнувшей в щели, тонкую папку бумаг. Вернувшись на свое место, эксперт углубился в чтение.

Между тем Олег продолжал лепетать:

– Это правда, мы по взаимному согласию. Девушка совсем не сопротивлялась. Она сама этого хотела… Она была счастлива, честное слово!

Минин поднял голову от своих бумаг и произнес бесстрастным голосом:

– Доктор принес результаты вскрытия. Гематомы на теле девушки образовались не во всех точках ударов. Кровоизлияние было минимальным. Это значит, что он продолжал насиловать и терзать девушку уже после того, как наступила смерть. И… Ох! Разрыв ануса, также после смерти.

Пилипенко стал медленно подниматься над столом.

– Какого ануса? – прокричал парень, весь сжавшись. – Я ведь вовсе не… – Он захныкал.

Жаров подумал, что его друг сейчас схватит парня за длинные космы и будет бить его головой об стол, пока тот не умрет.

– Что-что-что? – вдруг донесся голос Минина, который перевернул страницу. – Но это невероятно!

Следователь оглянулся, замер с растопыренной ладонью, протянутой в сторону подозреваемого.

– Не может быть, – сказал Минин. – Тут написано, что смерть девушки наступила в результате отравления.

– Как это? – не выдержал Жаров.

– Очень просто. Факты, термины. Девушка была отравлена. Причем, яд был введен в организм за несколько часов до смерти. И этот яд… Невозможно! Эр-ейч-сан шестнадцать. Медленно действующий, но смертельный. На жаргоне разведчиков он называется «солнечный удар». Применяется спецслужбами. Вызывает симптомы, сходные с сильным тепловым ударом, так что, если не провести специальное исследование, которое сделал мой коллега, так и должно показаться окружающим – солнечный удар.

Пилипенко нажал на кнопку звонка, и в дверях немедленно появился сержант.

– Уведите его, – сказал следователь, затем, повернувшись к Минину и Жарову, устало произнес:

– Выходит, теперь наша история превращается в шпионский детектив. Ну, конечно! Наблюдательные посты, некто, следивший за девушкой незадолго до убийства. Черновик письма, возможно, содержащий шифрограмму. И, наконец, яд, который не купишь в аптеке… Похоже, пора передать это дело разведчикам. Пусть смотрят по своим базам данных.

– Это еще не все, – мрачно произнес Минин. – Не все, что написано в этом документе. Вскрытие показало, что девушка была на четвертом месяце беременности.

– Значит, двойное убийство… Раньше за такое полагалась исключительная мера. Нет, рано бросаться в СБУ. Еще бы пару вопросов этому Щеглову…

* * *

Пилипенко задумчиво вел машину, почти не глядя на дорогу. Жаров молчал, ворочая некую мысль, которая проклюнулась после последнего сообщения Минина.

– Знаешь что, – сказал он, – я, кажется понимаю смысл ее неоконченного письма, хотя бы частично.

– Что именно?

– В письме говорится о втором сердце, что можно было принять за какой-то мистический символ. Похоже, это означает всего лишь то, что девушка была беременна. Возможно, что и другие загадочные фразы, например, «Обитель на белой горе», значит что-то совершенно банальное…

Щеглов ждал их в своем номере, предупрежденный звонком. На оба вопроса, заданные ему Пилипенкой, последовал отрицательный ответ. Нет, он не знал, что Лиза беременна, да и вообще, вовсе не обязательно, что от него. Девушка была свободна, возможно, встречалась с другими мужчинами. Нет, в то утро они постоянно были вместе, и никто к ним не подходил. Они долго выясняли отношения, пока не выяснили их до конца, пока не решили, что должны расстаться немедленно.

– Если это так, – невозмутимо произнес Пилипенко, – то у меня есть все основания полагать, что это именно вы подсыпали девушке яд. Скажем, во время совместного завтрака.

– Яд? – удивился Щеглов, и лицо его переменилось.

Следователь внимательно наблюдал за ним.

– А ведь вы что-то знаете, – вдруг сказал он.

– Нет! – возразил Щеглов, слишком громко для того, чтобы ему верить. – Ничего я не знаю сверх уже сказанного. Просто это непонятно. Кому и зачем надо было травить Лизу? Впрочем, в кафе было людно. Мы смотрели, как лыжники взлетают на парапланах. Мимо ходило много людей. Кто-то мог бросить ей в стакан какую-нибудь капсулу. Я не знаю.

– Может быть, объектом отравления была не Лиза, а вы? – предположил Пилипенко. – У вас есть враги?

– Множество. У бизнесмена всегда есть враги. Но все они остались в Москве.

– Почему бы кому-то из них не последовать за вами сюда? – задумчиво проговорил Пилипенко, не спрашивая, а будто рассуждая вслух. – Да, вот еще что, – вдруг встрепенулся он. – Думаю, вы должны это увидеть, – и следователь выложил на стол фотографии места преступления.

Реакция Щеглова была неожиданной: его затрясло.

– Что вы мне показываете? Разве это она?

Он взял одну фотографию, приблизил ее к глазам и с негодованием отшвырнул.

Жаров задумался. Только теперь он сообразил, что Щеглову раньше не были известны подробности убийства, он даже не знал об изнасиловании. Известие о смерти своей девушки он принял сегодня утром почти равнодушно. Или только теперь, запоздало пришло к нему переживание? Как-то не верится…

– Кто же это сделал? – почти вскрикнул он.

– Пока не известно, – сказал Пилипенко. – По крайней мере, вряд ли это сделали вы.

– Да уж…

– Вряд ли бы вы стали насиловать девушку, тем более, мертвую, ту, которую только что бросили.

– Мертвую?

– Именно. Тот или те, кто это сделали…

И следователь в нескольких словах рассказал Щеглову об Олеге, о «любви с первого взгляда», об украденной сумочке.

– Любовь, значит… – неприятным голосом пробормотал Щеглов, и на сей раз его реакцию можно было понять.

* * *

– Он что-то скрывает, – с уверенностью сказал Пилипенко, когда они спустились на стоянку. – И Щеглов, и парнишка лгут, а у нас не хватает материала, чтобы их изобличить.

– Может быть, они как-то связаны друг с другом? – предположил Жаров.

– Может быть, – отозвался Пилипенко. – Ясно одно: это тупик. Нет больше никаких фактов и вряд ли они еще появятся. Если начальство ознакомится с существующими выкладками, то мне просто прикажут повесить все на мальчишку.

– Невзирая на письмо, на эти наблюдательные посты? На поведение Щеглова?

– Да. Все это покажется несущественным, не имеющим отношения к делу. «Наблюдательные посты» – это всего лишь моя фантазия: мало ли кто где сидел и курил «Ирбис»? Щеглов просто по-своему переживает случившееся, потому и неадекватен. Лишние следы принадлежат случайным людям: мало ли кто шатается по пляжу… Короче, дело закроют и все.

– А яд? «Солнечный удар», который непонятно как, кем и зачем…

– На это просто закроют глаза. Может быть девушка решила покончить с собой, но смерть пришла к ней в другом обличье…

Пилипенко открыл дверцу своего «жигуленка» и повел головой, приглашая Жарова в машину.

– Нет, я останусь, – вдруг решил он. – Похожу тут вокруг, может быть, найду еще какой-нибудь из этих загадочных «постов».

– Ну, как знаешь.

Когда машина скрылась за поворотом, Жаров уже пожалел, что не поехал. Придется возвращаться своим ходом… Что он сможет здесь найти? Пустая трата времени.

Жаров обошел отель, заглядывая под каждый куст. Нигде не было видно ни окурков «Ирбиса», ни каких-либо следов наблюдения.

Итак, мы имеем два «поста» – на обрыве над пляжем и около автостоянки. Все-таки, версия о том, что следили не за девушкой, а за Щегловым, отпадает, потому что, судя по состоянию окурков, наблюдатель у базальтового валуна был на своем месте в день убийства, уже после того, как Щеглов расстался с девушкой и отвез ее на новую квартиру.

Жаров прошел через можжевеловую рощу. Мучительный жаркий день подходил к концу, солнце светило почти горизонтально, рельефно выявляя стволы. Запах смолы стал еще гуще…

Вот и базальтовый валун, с черными, маслянисто блестящими боками. Жаров представил, как на нем сидит какой-то спецназовец в камуфляжной форме… Немыслимо. Или такой человек в строгой шляпе, в темных очках… М-да. Шпионская версия не клеилась.

Жаров спустился на пляж, цепляясь за горячие корни. Здесь уже ничто не говорило о происшедшей трагедии, только камни помнили кровь, а весь песчаный пятачок был уже испещрен следами.

Здесь будут купаться и загорать, заниматься любовью, даже не зная, что произошло на этом песке, на этих камнях. Впрочем, еще не известно, что и как здесь произошло…

В вечерних лучах место выглядело по-новому, камни сверкали, два крупных валуна-отторженца, казалось, парили над пляжем… Вдруг Жаров заметил какую-то искру среди голышей. Он медленно подошел, не теряя ее из виду. Просто кусок разбитого стекла? Или…

Нет! Это было именно то самое «или», маленькая сверкающая капля, именно оно – нечто новое, что могло двинуть расследование дальше.

Жаров нагнулся и подобрал маленький кулон на серебряной цепочке.

Цепочка разорвана. Кулон выполнен в форме капли. Где-то совсем недавно блеснула точно такая же капля… Жаров зажмурился, представив, будто в темноте шарит луч прожектора, описывая над морем круг – в поисках неостывшего воспоминания…

Ну, конечно же! Подобный кулон он видел сегодня утром на груди Олега Горенко, голубоглазого мальчишки, который был виновен лишь в том, что подобрал сумочку, что по обоюдному согласию занимался «любовью с первого взгляда» с девушкой, которую убил и растерзал неизвестно кто.

* * *

Жаров ехал в маршрутке, идущей на автовокзал Ялты, довольный своим уловом. Несколько раз он порывался позвонить Пилипенке, но передумывал, пряча мобильник в карман. Следователь наверняка вырубился после трудного дня, который был отмечен сразу двумя убийствами. Жаров покажет ему свою находку завтра с утра.

Теперь все показания молодого человека можно поставить под сомнение. Жарову уже мерещилось какое-то тайное общество, все члены которого носят одинаковые кулоны. Некий масонский заговор… «Обитель на белой горе…» Секта жестоко карает провинившегося адепта, а палачом служит именно он, Олег Горенко.

«Газель» мчалась по Южнобережному шоссе в сторону Ялты. Солнце скрылось за горами, стремительно темнело, но жара и духота ничуть не отступали, будто бы этот изнурительный день лишь притворился умершим.

Домой той ночью Жаров не поехал, поскольку компьютер был у него только в офисе редакции. Слава богу, он забыл утром выключить кондиционер и, войдя, словно сразу окунулся в холодную воду.

Он набрал в поисковике ключевые слова: «солнечный удар яд» и получил исчерпывающую информацию по этому веществу. Воистину, мировая паутина не ведает тайн!

Яд «Rh-SUN/16» применялся еще советским КГБ, когда надо было убрать человека где-нибудь в соответствующей обстановке, например, на морском курорте. Так, в 1976-м году был отравлен болгарский агент Ламбовски, он умер на пляже в Варне, на глазах у сотен людей, и только посвященные знали истинную причину его гибели. В нынешней бандитской цивилизации «солнечным ударом» никого не удивишь, и спецслужбы от него давно отказались, зато было несколько случаев применения этого секретного яда различными мафиозными группировками, так сказать, для внутреннего пользования, когда заведомо ясно, что ни милиция, ни тем более комитет вмешиваться в разборку не будут. В принципе, вещество можно достать, хотя оно и стоит недешево. Из всей добытой информации Жаров сделал вывод: тот, кто покушался на девушку, не мог быть рядовым гражданином, вроде Щеглова, он наверняка имеет отношение к каким-то особым подразделениям, например, является профессиональным киллером. Если же здесь действует секта, то неизвестно, чем могут быть ограничены ее возможности.

Следующий запрос в мировую паутину был сделан Жаровым по словосочетанию «Обитель на белой горе». Здесь его ждало разочарование: как это часто случается, ответ всего лишь поставил перед ним новый вопрос. «Обитель на белой горе» была всего лишь подмосковной турбазой, которая предлагала «великолепный зимний отдых, катание на горных и беговых лыжах, верховую езду, бассейн, сауну…»

Жаров не помнил дословно содержания неоконченного письма, но ему все же казалось, что за словами «Белая гора» должно стоять нечто большее…

Итак, что же случилось 15-го июля в татарской деревне у подножья Медведя?

Кто-то наблюдал за Лизой Донцовой в течение нескольких дней, делая это с большим упорством, несмотря на изнурительную жару.

Утром 15-го этот человек каким-то образом отравил девушку, рассчитывая, что смерть наступит через несколько часов и будет выглядеть как несчастный случай, тепловой удар.

В то же самое время с девушкой начинают происходить события, не имеющие отношения к готовящемуся убийству. Лиза ссорится со Щегловым, он отвозит ее на новую квартиру и расстается с нею. Девушка идет на пляж. Там появляется молодой человек… Трудно, конечно, поверить в «любовь с первого взгляда», но кто их поймет, это поколение? Ведь ходят же они на дискотеку, где гасят свет, и все занимаются повальным сексом, что для них естественно. Ну, допустим. Девушка была брошена. Она пожелала отомстить своему любовнику, и тут появился Олег… Впрочем, в эту версию не вписывается кулон.

Олег не совершал жестокого убийства своими руками, иначе на его теле были бы характерные ссадины. Может быть, он был наводящим, отвлекал жертву, пока с запада на пляж не подошли еще двое?

Стоп! Рана на ее голове, пустой флакон из-под духов… Значит, Олег все же частично говорил правду… Но неужели эта рана действительно осталась от того, что девушка случайно упала, выходя из воды? Пожалуй, в этой ситуации такая случайность невозможна.

Так или иначе, Олег уходит со сцены, прихватив деталь реквизита – сумочку. И тут же появляется некто или – если этот человек не возвращался на пляж дважды, оставив две цепочки следов – некие двое. И они убивают девушку. Которая и так уже умирает от яда.

По всей логике, этот некто не мог быть отравителем: ведь он знал, что девушка вот-вот должна умереть.

И вряд ли тот, кто нанес девушке увечья, был случайным человеком. Этого не может быть, просто по теории вероятностей.

Сделав свое дело, убийца (или двое убийц) уходит, но на пляж спускается наблюдатель, он же отравитель. Получается, что за девушкой охотились сазу две независимые силы, которые не знали о действиях друг друга, но обе одинаково желали смерти своей жертве. Кем же она была, эта несчастная Лиза Донцова, если для ее уничтожения понадобилось применить столько изощренных средств?

* * *

Жаров не любил заводить будильник: его принципом было вставать, когда сон пройдет сам по себе, иначе весь день будешь ходить с чугунной головой. Обычно он самопроизвольно просыпался около восьми, но сегодня, просидев до трех ночи в интернете, продолжал мирно дрыхнуть и в восемь, и в девять… В половине десятого его разбудил телефонный звонок. Это был Пилипенко.

– У меня в машине есть одно место, – сказал он. – Можем за тобой заехать.

– Куда направляемся? – бодрым голосом спросил Жаров, но следователь почему-то все равно понял, что его друг только что разлепил глаза.

– Успеешь почистить зубы, а побриться – вряд ли. Едем снова в сторону Артека.

– Новые подробности? У меня, заешь ли, тоже…

– Все свое «тоже» расскажешь по пути. Дело уже другое. Та женщина, которая была найдена на автобусной останове в Мисхоре. Короче, выходи на улицу, мы, видишь ли, спешим.

Машина подъехала через пять минут, Жаров едва успел одеться. За рулем «уазика» был Клюев. Пилипенко сидел спереди, сзади еще трое – Леня Минин и двое оперативников – те ребята, которые обычно выезжают на обыск.

Оказывается, сегодня утром в милицию позвонила женщина. Она сделала заявление, что два дня назад пропала ее квартирантка. Гурзуфские ребята догадались доставить хозяйку в судебный морг, где она опознала женщину, найденную в Мисхоре. Самое поразительное было в том, что убитая тоже снимала квартиру в деревне Айкара.

– Какая-то заколдованная деревня, – сказа Жаров. – Будет досадно, если это окажется простым совпадением.

– Это не может быть совпадением, – сказал Пилипенко. – Я еще раз проверил материалы по делу женщины из Мисхора. На ней, представь, было красное платье.

– Ну и что?

– Поясок. Тот самый поясок без платья, который мы нашли в квартире Лизы Донцовой, принадлежит платью той, что была убита в Мисхоре.

Жаров даже присвистнул от удивления. Выходит, что женщина, убитая в Мисхоре, была связана с Лизой, убитой на пляже. Она была у нее дома и оставила там свой поясок. И обе были убиты в один и тот же день.

– А у меня тоже новости, – сказал Жаров и протянул следователю кулон, найденный на пляже.

Выслушав его короткий рассказ и соображения по этому поводу, Пилипенко усмехнулся:

– Ты всюду видишь мистику, а все объясняется гораздо проще. На что похож этот кулон?

– На каплю воды, на запятую…

– На клюв, на клык, на червяка… – подхватил следователь. – Это всего лишь инь. Или ян. Если сложить с другим таким же кулоном, получится известный восточный символ.

– Инь-ян упоминаются в письме!

– Да. Мне знакома эта вещица. Она продается в киосках, кажется, ее делают в Симферополе. Изначально это медальон с двойной цепочкой, круглый, инь и ян. Но если его разломить, а он специально так сделан, что его можно легко разломить, то получится два кулона: один инь, другой – ян. Игра для влюбленных. Кто-то покупает медальон и носит его, пока не встретит свою половину. Когда ему кажется, что он ее встретил, то разламывает медальон и отдает вторую часть ему или ей, соответственно.

– Получается, что Олег и Лиза были знакомы давно, и про любовь с первого взгляда он тоже насвистел?

– Да он много чего насвистел… И я еще раз допрошу его при первой же возможности. А сейчас у нас другое, не менее интересное дело.

– То, что ты нашел этот кулон на пляже, – подал голос до сих пор молчавший Минин, – не говорит впрямую о том, что парень и девушка были знакомы раньше.

– Но это же очевидно! – воскликнул Жаров. – Одна половина у него, другая – у нее.

– Если подумать, то можно принять и другую версию.

– Какую, например?

Минин не ответил. Машина остановилась перед двухэтажным домом. Все вышли на улицу, которая уже была раскалена добела, несмотря на то, что шел всего лишь одиннадцатый час утра.

* * *

Слишком много в этом деле квартирных хозяек, – подумал Жаров, когда очередная, уже третья хозяйка провела их в комнату убитой.

Двое оперативников огляделись по сторонам, быстро натянули перчатки и, не сговариваясь, двинулись к противоположным стенам. Минин распахнул планшет, готовый вести протокол обыска.

– Стойте! – вдруг встрепенулся Пилипенко.

Оперативники замерли, словно в детской игре, белея своими перчатками на весу.

– Кто-то уже побывал здесь до нас, – сказал следователь. – Смотрите: ящики стола не задвинуты. Пепельница валяется на полу. Постель явно ворошили.

Вывод напрашивался сам собой: причиной убийства могла быть какая-то важная вещь, которая находилась в этой комнате. Жаров внимательно осмотрелся вокруг, надеясь первым определить, что именно здесь пропало.

Минин отложил блокнот и принялся фотографировать явные следы предыдущего обыска. По многим признакам было видно, что здесь орудовал непрофессионал.

– Витя, не трогай тут ничего! – прикрикнул Пилипенко на Жарова, который склонился над опрокинутой пепельницей.

– А я и не трогаю, – невозмутимо огрызнулся Жаров.

– А ты, – следователь повернулся к Минину, – поищи-ка для начала все возможные отпечатки.

– Я не трогаю, – повторил Жаров. – Я просто рассматриваю окурки этого крепкого «Ирбиса».

– Что? – удивленно отозвался Пилипенко.

– «Ирбиса», – сказал Жаров. – Того самого, с наблюдательных постов.

– Початый блок «Ирбиса» в ящике серванта, – механическим голосом сообщил оперативник и, не оборачиваясь, показал коробку на вытянутой руке.

– Так. Вот и найден тот, вернее, та, кто следил за Донцовой Лизой.

– Видеокамера с телеобъективом на полке серванта, – доложил оперативник.

– Кассета?

– Без кассеты, – последовал ответ.

– Здесь же: цифровая камера с двадцатикратным зумом.

– Без карты памяти, – догадался следователь.

– Да. Тот, кто был здесь до нас, забрал всю информацию, – подтвердил оперативник.

– При девушке не было никаких вещей, даже документов и мобильного телефона. Очевидно, убийца и их забрал с собой.

– Паспорт на имя Павловой Инны Степановны, – тотчас донесся голос оперативника. – В верхнем ящике стола.

– Регистрация?

– Москва.

Пилипенко вдруг сорвался с места и быстро прошел на кухню. Жаров проследовал за ним. Кухонная утварь была почти не тронута, в мусорном ведре валялись опорожненные консервные банки.

– Ничего себе, женщина! – воскликнул Жаров. – Так может питаться только какой-нибудь командировочный.

– Возможно, она и была своего рода командировочной, – сказал Пилипенко и открыл газовую плиту.

Вскоре он извлек оттуда две пластиковые коробки и портативный компьютер.

– Это по твоей части, – сказал он, протягивая компьютер Жарову.

Журналист поискал глазами розетку, поводя в воздухе штепселем, и через несколько минут на дисплее засветилась оболочка Windows. Пилипенко тем временем раскрыл коробки.

– Набор отмычек, – объявил он. – Аптечка.

Минин вошел в кухню и склонился над столом, перебирая пузырьки и пеналы.

– Вот он! – воскликнул эксперт. – Эр-ейч-сан шестнадцать, в просторечии – «солнечный удар». Упаковка из пяти капсул. Не хватает одной.

Жаров не удивился. Он был уверен, что многие нити сойдутся именно здесь, в этой квартире.

– Как тебя угораздило заглянуть в газовую плиту? – спросил он.

– Элементарно, – сказал Пилипенко. – Курортники всегда делают свои тайники именно здесь.

– Тайники?

– Ну да. Просто на случай кражи, что не редкость. Хранят свои ценные вещи. Еще в унитазных бачках, но это, в основном, мужики, прячут спиртное, чтобы было тем утешиться, если ограбят.

Жаров меж тем пощелкал клавишами, поводил пальцем по экранчику мыши. Многие файлы и папки были запаролены, судя по их названиям, там хранились фотографии. В одном открывшемся файле была электронная копия записной книжки из мобильного телефона Павловой. Первым же номером значилась некая Агния.

– А вот и адресат таинственного письма, – сообщил Жаров следователю.

Тот достал свой блокнот и списал с дисплея номер.

– Еще один документ, – подал голос оперативник из комнаты.

Пилипенко и Жаров выглянули из кухни. Рука в белой перчатке демонстрировала коричневую книжицу.

– Павлова И.С., – прочитал оперативник. – Сотрудница московского детективного агентства «Лунный Флинт».

* * *

Больше ничего существенного найдено не было, но и найденное казалось вполне достаточным для построения новых версий.

Пилипенко уединился на балконе, глубоко задумавшись. Жаров видел его сгорбленную спину на фоне ярко блестящего моря, Медведя и двух косматых кипарисов. Журналист и сам пытался соображать, но головоломка никак не складывалась.

Итак, Инна Павлова, профессиональный сыщик, женщина, оснащенная по последнему слову техники, специально приехала из Москвы, чтобы следить за Лизой Донцовой. Утром 15 июля она подсыпала ей яд, вероятно, в толчее кафе, где Лиза завтракала со своим спутником Щегловым. В то же утро произошло непредвиденное: Щеглов и Лиза расстались, мужчина отвез ее на новую квартиру. Павлова продолжала следить за нею, сидя на камне над пляжем, вероятно, для того, чтобы своими глазами увидеть, что «солнечный удар» довел дело до конца. В этот момент появляется еще один непредвиденный фактор – молодой человек, тайный любовник Лизы. Об этом свидетельствует разломанный медальон, одна половинка которого была у Олега, другая,

найденная на пляже – возле тела Лизы. Все его показания не в счет, они были любовниками, это очевидно.

Олег не насиловал девушку: зачем мужчине насиловать собственную любовницу? С другой стороны, зачем воровать у любовницы сумку? И кто же, наконец, изнасиловал умирающую девушку, кто и зачем надругался над мертвым телом? В какой момент и зачем Павлова спустилась на пляж? До убийства или после? И кто такая Агния, и какой смысл письма Лизы к этой женщине?

– Идем в гостиницу, – прервал размышления Жарова Пилипенко, войдя в комнату с балкона. – Еще один вопрос к Щеглову, и дело будет закончено.

* * *

В холле отеля «Под Медведем» было пусто и сумеречно. Едва Пилипенко и Жаров вошли, как двери за ними снова распахнулись, и на пороге возник парень в бейсболке. Через плечо у него висела сумка, вроде почтальонской, но эмблема на ней говорила о том, что парень работает в фотоателье.

– Вы не подскажете, – спросил он, очевидно приняв Пилипенку и Жарова за постояльцев отеля, – как мне найти господина Щеглова Степана Сергеевича?

Пилипенко сделал шаг в его сторону, сойдя со ступени лестницы, и спокойным голосом произнес:

– Щеглов Степан Сергеевич – это я.

Молодой человек просиял дежурной обворожительной улыбкой и сунул руку в свою сумку.

– Фирма «Недремлющее око» благодарит вас как одного из наших лучших клиентов. Вот ваши фотографии. Вы можете выбрать те, что считаете подходящими. За те, которые вам не понравятся, мы, разумеется, денег не возьмем.

– Я беру все, – сказал Пилипенко и развернул свой бумажник.

– В таком случае, с вас двадцать один шестьдесят.

Пилипенко достал две десятки и пятерку. Парень надеялся на чаевые, но следователь молча смотрел на него, ожидая, когда тот отсчитает сдачу и выдаст квитанцию.

– Трудно будет провести расходы через бухгалтерию, – сказал он, когда парень ушел, – но надеюсь, что эта маленькая афера небесполезна… Ого! – воскликнул он, вытащив фотографии. – Да это и есть последнее звено, как в теории Дарвина. Смотри.

Пилипенко протянул пачку фотографий Жарову: журналист пролистал ее. Это были обычные фото парочки, суда по заднему плану, сделанные на улице Рузвельта, где и размещалась фирма «Недремлющее око». Вероятно, за два дня до расставания, за два дня до убийства Щеглов и Лиза прогуливалась по вечерней Ялте, и фотограф поймал их на улице, прямо перед своим ателье.

Несколько фотографий представляли их вместе в обнимку, две были сделаны по отдельности: Щеглов, облокотившийся о ствол пальмы, Лиза в той же позе, у той же пальмы… У Жарова защемило сердце: через день разыграется трагедия, девушка, хитро сощурившая глаза, соблазнительно улыбающаяся, эта некрасивая несчастная девушка будет жестоко убита.

Жаров вернул фотографии другу.

– Зря ты выложил свои деньги, – сказал он. – Лучше отдать эти фото Щеглову, на добрую память.

– Так ты ничего не заметил? – удивленно воскликнул Пилипенко.

– А что? – удивился в свою очередь Жаров. – Дай-ка мне еще раз посмотреть.

– Нет, – отрезал следователь. – Пусть будет один ноль в мою пользу.

Они поднялись по винтовой лестнице и вышли в коридор третьего этажа. Следователь постучал в дверь номера Щеглова, и за дверью послышалось угрюмое «Да!»

– Дайте мне ваш мобильный телефон! – с ходу, безо всяких приветствий, бросил Пилипенко.

– Зачем? – удивился Щеглов.

– Дайте, я должен посмотреть.

– Какая в этом необходимость? – упирался Щеглов.

– Я вынужден повторить, – холодным голосом произнес Пилипенко, – что в любой момент могу задержать вас. И тогда все ваши личные вещи будут досмотрены автоматически.

– Ну, хорошо, – Щеглов протянул следователю свой аппарат.

Пилипенко потыкал пальцами в клавиши.

– У вас весьма объемная записная книжка, – сказал он.

– Я деловой человек, и мои связи… – начал было Щеглов.

– Но нужное мне имя стоит первым в списке, в алфавитном порядке, – перебил его Пилипенко. – Кто такая Агния?

– Агния? – Щеглов опять выдал себя слишком громким голосом. – Так… Одна моя знакомая.

– Только знакомая?

– Ну, в общем, если угодно, это моя невеста.

– Вы были с ней нынешней зимой на турбазе «Белая гора»?

– Ну, был, а что?

– Именно там вы и познакомились с Лизой?

– Да, черт возьми! Но какое это имеет…

– Скоро узнаете. Никуда не уходите сегодня вечером. Здесь, в вашем номере, ожидается некое… Скажем, собрание.

– Собрание? По какому поводу? Собрание – кого?

– Ваше любопытство будет исчерпывающим образом удовлетворено. Часиков эдак в шесть.

Вернувшись на квартиру Павловой, где продолжался обыск, Пилипенко отдал распоряжения Минину и Клюеву. Он говорил тихо, Жаров не слышал его. Лицо следователя стало непроницаемым и загадочным. Это значит, что до поры до времени он ничего не скажет Жарову.

* * *

В шесть вечера, как он и обещал, несколько человек вошли в апартаменты Щеглова. Хозяин с удивлением огладывал свое жилище, которое сразу стало похоже на какой-то конференц-зал. Жаров примостился в кресле у окна, на небольшой диванчик у камина сели обе квартирные хозяйки – владелица отеля «Под Медведем» и женщина, сдавшая квартиру Лизе Донцовой, после того, как та поссорилась со своим любовником. Минин занял журнальный столик в углу, наконец, появился Клюев, который ввел Олега Горенко, закованного в наручники. Щеглов, наблюдая, как его апартаменты осваивают чужие люди, не двинулся с места: он сидел во втором кресле у окна, скрестив руки на груди. Места, чтобы присесть, не хватило только Пилипенке, но он, похоже, не переживал по этому поводу, стоя посередине комнаты, словно оратор, готовящийся к выступлению.

Когда все успокоились, следователь подошел к столику Минина, взял какие-то предметы и высоко поднял их над головой.

– У меня в руках два медальона, – провозгласил он. – Сложенные вместе, они образуют единое целое, а именно – древний восточный знак инь-ян, символизирующий любовь. Дайте мне лист первый, Леонид Михайлович, – Пилипенко обратился к Минину, и тот протянул следователю верхний листок, сняв его с общей стопки.

Взял он также и пачку фотографий, вручил ее Щеглову. Тот принялся рассматривать их, брови его поползли наверх.

– Экспертиза показала, – продолжал Пилипенко, – что это два обломка одного медальона. Вполне возможно, что это и есть тот самый медальон, который изображен на данных фотографиях. Медальон был найден рядом с телом Донцовой. На одной фотографии он еще цел и находится у девушки. Все это говорит о том, что вы были на пляже в день убийства.

– Это ни о чем не говорит, – холодно возразил Щеглов. – Такие медальоны продаются чуть ли не в каждом ларьке курорта.

– Такие, но не этот, – сказал Пилипенко. – Вот еще фотографии, сильно увеличенные их фрагменты. По характеру зазубрин излома медальон, найденный на пляже, идентичен тому, что висит на вашей груди на фото номер два. Это именно тот медальон, и он найден на пляже, а это значит, что вы были там в день убийства.

– Почему именно в день убийства? – сказал Щеглов. – Мы с Лизой бывали на этом пляже и раньше. Я мог обронить медальон в любой другой день.

– Нет, не мог, – сказал Пилипенко. – Дело в том, что фотографии были сделаны двенадцатого числа, так написано в квитанции. Накануне убийства, четырнадцатого, шел дождь, и по вашим собственным показаниям, вы не были на пляже. Остается пятнадцатое – день убийства.

– Ну, хорошо, – помедлив, сказал Щеглов. – Я расскажу всю правду. В то утро я действительно был с Лизой на пляже. Я отвез ее на новое место, мы расстались. Эта женщина подтвердит, – кивнул он в сторону одной из хозяек.

– Да, это так и было… – сказала она, но в голосе почему-то прозвучала неуверенность.

Щеглов продолжал:

– Я уже отъехал, как вдруг мне захотелось снова увидеть Лизу. Я остановил машину ниже ее нового дома, у тропинки, ведущей на море. Я знал, что она сразу пойдет купаться и пойдет именно туда. Так и вышло. Она спускалась по тропинке, через рощу этих пахучих деревьев. Я хотел помириться с нею и пошел рядом. Так мы и дошли до пляжа. Но все мои попытки оказались напрасными. Тогда я сорвал с себя медальон, этот символ, даже разорвал цепочку, швырнул ей под ноги и ушел.

– Просто ушел? Не ударил ее, пальцем не тронул, да? – спросил Пилипенко.

– Да! Я ударил ее. Но я не делал с нею того, что вы мне тут показывали на ваших фото. Чего вы от меня хотите? У вас уже есть преступник, – Щеглов указал на парня, понуро сидевшего в углу.

– А когда ты ударил ее, она упала? – спросил Пилипенко.

– Да, она упала.

– И ударилась головой о камень.

– Да.

– И потом ты вернулся. Где-то через полчаса. И увидел, что она мертва.

– Да! Да! – вскричал Щеглов. – Это было убийство по нечаянности. Я не хотел ее убивать. Когда я вернулся, я увидел ее лежащей. На камнях вокруг были пятна крови. Рядом валялся окровавленный платок. И она была мертва. Но я повторяю: я не делал с нею ничего этого!

– Кто же тогда с нею все это сделал? – спросил Пилипенко, как бы размышляя вслух. – Может быть ты?

– Я этого не делал! – сквозь слезы воскликнул Олег.

– Ну да, – сказал Пилипенко. – Вы просто полюбили друг друга с первого взгляда, как Адам и Ева. Ты сделал свое дело, потом девушка уснула, и ты пошел домой, прихватив на память ее сумочку и медальон.

– Да, именно так, я ж ничего не говорю! Девушка была в крови, я помог ей промыть рану на затылке, дал ей свой платок.

– И ты больше не возвращался на пляж?

– Нет.

– Тогда понятно, кому принадлежат следы, идущие с востока, – сказал следователь. – Пока вырисовывается такая картина. Щеглов и девушка вышли на пляж, оставив две цепочки следов. Щеглов ударил девушку, она упала, поранила голову, но была еще жива. Затем появился молодой человек, влюбился в девушку, и она влюбилась в него. И они занялись любовью – чего только не бывает на свете? Девушка уснула. Влюбленный юноша покинул ее, прихватив на память сумочку и медальон. Но дело-то том, что девушка не уснула, а умерла. Вот почему Щеглов, который вернулся минут через десять, обнаружил ее мертвой. И умерла она вовсе не от действий Щеглова или этого молодого человека. Лиза умерла, потому что ее отравили еще утром. Только вот кто и зачем?

– Как отравили? – встрепенулась хозяйка отеля.

– Просто. Одним незаметным движением в кафе за завтраком. Стакан воды, сока, чашка чая или кофе. Некто подсыпал девушке яд. И этим некто была Павлова Инна. Потому что этот яд был обнаружен среди ее вещей. Только вот неясно, зачем она это сделала? Вы случайно не знаете? – следователь обратился к Щеглову.

Тот покачал головой:

– Нет.

– И кто затем убил Павлову, тоже не имеете понятия?

– Нет.

– И главное: зачем убили Павлову?

Воцарилась тишина. Казалось, что все присутствующие напряженно размышляют.

– Кое-кто из сидящих здесь знает ответы на эти вопросы. Расскажите нам, – следователь обратился к хозяйке отеля, – при каких обстоятельствах Лиза покинула ваш дом?

– Обыкновенно. Села в машину и уехала.

– Она выразила вам свою признательность, попрощалась?

– Да. Помахала рукой, кода шла по двору. А что?

– Расскажите подробнее что вы видели в тот день?

– Я была на кухне. Окна кухни выходят во двор отеля. В дверь постучался господин Щеглов. Он сказал, что его девушка съезжает. Мы немного поговорили. Он был очень грустный. Сказал, что они поссорились и решили жить отдельно. Что подыскал для нее другое место. Я видела в окно, как они шли к машине, несли чемоданы и сумку. Он нес ее чемоданы в обеих руках. Девушка несла еще сумку через плечо и пакет. У нее вообще было очень много вещей. Я открыла окно и крикнула ей, дескать, не забывайте и приезжайте еще. И подругам рекомендуйте мою гостиницу. Она помахала рукой.

– Она улыбалась?

– Не знаю. Наверное. Обычно люди улыбаются, когда говорят «до свиданья». Я не видела издали.

– Достаточно, – сказал Пилипенко. – А теперь вы, – он обратился ко второй хозяйке. – Поведайте нам, как приехала девушка.

Хозяйка огляделась, заговорила с недоумением, не представляя, что такое важное хотят от нее услышать:

– Приехала, как всегда они приезжают. Я сидела на пятачке, с другими хозяйками. Подъехала машина, мужчина вышел и подошел к нам. Мы его теребим, каждая хочет зазвать к себе. Мужчина расспросил, какие условия. Выбрал меня. Я села в машину, и мы поехали. Я показала, как ехать. Они приехали, мужчина отдал деньги вперед. Сразу уехал. Девушка расположилась, переоделась и пошла на пляж. Больше я ее не видела, ведь ее убили.

Пилипенко взял из стопки на столе Минина две фотографии, подошел к женщине вплотную и показал ей.

– Какая из этих двух девушек приехала к вам пятнадцатого июня?

Хозяйка поколебалась, переводя взгляд. Потом уверено указала на одно из фото.

Пилипенко обернулся к Клюеву:

– Занесите в протокол, лейтенант. Гражданка Барышева опознала фото номер два. И теперь я готов рассказать вам, что произошло пятнадцатого июля. Но сначала некая предыстория.

Есть в Подмосковье один дом отдыха, туда предпочитают ездить зимой. Там горнолыжная база, как у нас на Ай-Петри, люди катаются. Называется этот дом «Обитель Белой горы». Так вот, нынешней зимой Щеглов и его невеста, Агния, как раз отдыхали в «Белой горе». Там Щеглов познакомился с Лизой Донцовой, девушкой, которая была убита на пляже. С ней он и приехал в Ялту, остановившись в отеле «Под Медведем».

Утром пятнадцатого июля они отправились на маленький дикий пляж. Загорали, купались, но вскоре повздорили…

– Позвольте! – произнес Щеглов. – Я ведь уже дал показания. Мы не просто отправились утром на пляж. Сначала я отвез девушку на другую квартиру.

– Я сказал то, что сказал, – возразил Пилипенко. – Кстати, еще немного истории. Ваша невеста, Агния, знала об этой девушке. И она знала, что вы едете на курорт с нею. Она наняла частного детектива. Гм! Скорее, даже не детектива, а киллера. В общем, мастера на все руки. В его, вернее, в ее задачу входило следить за вами, подготовить компрометирующий материал. Выяснить, насколько далеко зашли ваши отношения, и не собираетесь ли вы передумать насчет женитьбы с Агнией. Но последняя, крайняя задача этой женщины была вот в чем. Если выяснится, что будущий брак в самом деле находится на грани срыва, то девушку придется убрать. Именно это, в конце концов, и выяснилось. Именно это она, Павлова Инна, и сделала, подсыпав девушке яд. Лиза должна была умереть к полудню, и ее смерть могла была выглядеть, как солнечный удар. И Лиза действительно умерла.

– Но кто же тогда?.. – не выдержал Клюев, но Пилипенко прервал его:

– Кто же тогда ее изнасиловал? Да никто. Не было никакого изнасилования. Вот как все произошло. Любовники поссорились. Щеглов швырнул на камни свой медальон, ударил девушку и ушел с пляжа. Буквально через минуту, с другой стороны, с востока, на пляж вышел вот этот молодой человек. Он увидел девушку, которая была ранена, он помог ей промыть рану и остановить кровотечение. Девушка была в полуобморочном состоянии. Она уже умирала от яда, не давая себе отчета в своих действиях. И никакая это была не любовь с первого взгляда – просто парень воспользовался ситуацией. Затем ему показалось, что девушка заснула, утомленная, так сказать, его ласками. В то время, как девушка умерла. Недолго думая, парень прихватил ее вещи и удалился. Через несколько минут вернулся Щеглов и обнаружил девушку мертвой. Он не знал, что тут произошло в его отсутствие. Он подумал, что это он убил девушку, что она ударилась головой о камень. И в панике он бежал с пляжа.

– Но откуда же все-таки признаки изнасилования? – спросил Жаров.

– А тут наступил следующий акт трагедии, правда, далеко не последний. Все это время присутствовал незримый свидетель. Наверху, на обрыве сидела Павлова, частный детектив-киллер. И курила свои сигареты «Ирбис». Все, о чем я сейчас рассказал, она наблюдала с начала и до конца. Да, действительно, девушка умерла. Произошло то, чего она и добивалась. Но произошло не так. Пробитая голова не входила в ее планы. С этим ранением смерть девушки уже походила на убийство. А в убийстве мы заподозрили бы, прежде всего, Щеглова. Но ее заказчице, Агнии, вовсе не нужен был жених-убийца, которого отправят в тюрьму.

И тогда Павловой пришла в голову некая идея. Она спустилась с обрыва и обустроила сцену на пляже так, как она должна была выглядеть по ее замыслу. Она одела мертвую девушку в ее платье, затем это платье разорвала. Нанесла телу увечья. Картина получилась такая, будто бы девушку изнасиловали.

Затем она перешла к следующему этапу своего плана. Она разыскала Щеглова в гостинице, который был в полном смятении: он не знал, куда деть вещи девушки, как объяснить ее исчезновение. И тогда Инна рассказала ему все о себе, рассказала, что ее наняли следить за ним. Правда она умолчала о молодом человеке и о том, что сама сделала с трупом девушки.

Она представила все дело так, будто Щеглов сам невольно убил девушку. Так ей было легче уговорить его проделать все дальнейшее.

Инна переоделась в красное платье девушки, правда, забыла одну деталь – поясок. Она надела светлый парик из своего арсенала. Хозяйка отеля видела ее только издали, поэтому иллюзия была безупречной.

Лиза как будто бы съехала из гостиницы и устроилась на новом месте. Затем якобы отправилась на пляж, где ее изнасиловали и убили. Когда я показывал хозяйке этого нового жилья фотографию мертвой, изуродованной девушки, она опознала ее, потому что труп, на самом деле, был неузнаваем. Но теперь, когда я показал ей фото обеих жертв, она признала в той, что приехала к ней, не Лизу, а Инну. Которая также была убита в этот день.

– Кто ж ее убил? – спросил Щеглов дрожащим голосом.

– Да вы убили, Степан Сергеевич! – весело воскликнул Пилипенко. – Вы и убили.

– Я… Не убивал… – тихо произнес Щеглов.

– Полноте, Степан Сергеевич! Вас переполняли самые разные чувства. Вы ненавидели Павлову за то, что она следила за вами, за то, что так грубо вмешалась в вашу личную жизнь. Кроме того, вы боялись, что трюк с переодеванием раскроется. Вы свернули ей шею, отвезли на трассу и выбросили труп за остановкой в Мисхоре. Затем ее ключом открыли ее комнату, забрали кассеты и флэшку из фотокамеры. Как и где вы их уничтожили, не имеет значения. И судить вас будут не за убийство вашей любовницы, которого вы не совершали, а за убийство гражданки Павловой Инны. Лейтенант Клюев! Задержите подозреваемого.

Клюев встал, сделал шаг, но вдруг остановился в нерешительности.

– А что делать с этим? – спросил он, кивнув в сторону Олега. – Неужели отпустить? Ведь он совершил кражу, украл сумочку…

– Нет, не украл, – сказал Пилипенко. – Поскольку девушка была мертва, получается, что сумочку он нашел. А за то, что парень снял медальон с трупа, тоже нельзя его посадить.

– Может быть, за изнасилование? Ведь девушка была в бессознательном состоянии и, фактически, он ее изнасиловал.

– Нет, – сказал Пилипенко. – Здесь нет никакого уголовного дела. Просто – любовь с первого взгляда.

Клюев пожал плечами, подошел к Олегу и снял с него наручники. Затем подошел к Щеглову и защелкнул наручники на его запястьях.

* * *

Пилипенко и Жаров сидели в редакции «Крымского криминального курьера». Кондиционер с трудом переваривал жару.

– Тебе не противно, что этот удачливый молодой человек так легко отделался? – спросил Жаров.

– Противно, – ответил следователь. – Но закон есть закон, как говаривал старина Фернандель.

– А как же невеста Щеглова, заказчица?

– О ней позаботятся московские ребята. Меня только одно утешает. С такими наклонностями этот юноша, Горенко Олег, недалеко уйдет по свободному миру. Не мы, так другие наши коллеги в каком-нибудь другом городе… Но рано или поздно он совершит настоящие преступление. И вот тогда ему уже не уйти от правосудия.

– Мы не говорим ему «прощай», – сказал Жаров, – мы говорим: «До свидания».

Сергей Саканский

Друг мой сыщик

ПРОКЛЯТЬЕ ДРЕВНЕЙ ГРОБНИЦЫ

Классический детектив

Сергей Саканский

Проклятье древней гробницы

Смутная преамбула

По мере того, как приближалась археологическая выставка, Жаров все чаще заглядывал в оба ящика своей газеты – как в ячейку на главпочтамте, так и в интернете, надеясь найти персональное приглашение. Приглашения не было даже за три дня до открытия выставки. Это означало, что его и вовсе не будет. Можно было «обидеться» и забыть об этих странных ученых, нашедших могилу Овидия в окрестностях Ялты, хотя каждому школьнику известно, что первый в мире певец эротики похоронен в Констанце, однако чисто журналистское любопытство победило самолюбие: Жаров закрыл свою маленькую редакцию на ключ и пошел. Ничего, обойдется. Будет не аккредитованным репортером, а просто обычным посетителем.

Позже, вспоминая эту историю, записывая ее от третьего лица, в надежде протолкнуть весь свой сериал на киностудию, которая, впрочем, давно ничего не снимала, он с грустью думал, что история-то не очень киношная: убийства начинались где-то с середины, а поначалу шла какая-то длительная экспозиция преступлений, будто накапливалась некая чудовищная энтропия – таинственные случайности, мистические параллели с Египтом и даже вполне реальный призрак… Не говоря уже о чисто земной влюбленности, которой и вовсе не место в классическом детективе.

Загадочная табличка

Пять минут пешком через дворы, и Жаров уже стоял перед афишей выставки, рассматривая череп, грудную клетку и далее – весь скелет певца эротики, наполовину расчищенный от земли, лежащий по античной традиции на правом боку. Рядом с ним поблескивала метровая линейка, скелет будто обнимал ее. Был виден длинный конический кинжал, какие-то глиняные сосуды. Среди них особо выделался один – примечательный кувшинчик с треугольным сколом на горлышке.

Вокруг раскопанной ямы толпились люди, одетые чрезвычайно легко, будто не над могилой они склонились, а позировали на пляже.

Жаров сразу заметил ее: красивая женщина энергичного вида, с целеустремленным взглядом. В руке большая археологическая кисть, и этот застывший на фото жест означал, что женщина постукивает кистью о ладонь. Одета в легкий купальник с юбочкой. Жаров знал, что это руководитель экспедиции, Татьяна Лебедева: он не раз видел ее в инете и на фото в газетах, но не имел чести быть представленным ей лично.

Остальных археологов Жаров осмотрел мельком: две девушки и юноша, парень средних лет с ликом художника и старик – все в шортах, в футболках, панамах от солнца, а старик – грустный, даже унылый пожилой человек – в самодельном головном уборе-кораблике из газеты. Жаров пригляделся: нет, то был не «Крымский криминальный курьер», а всего лишь «Литературка». Оно и понятно: разве может человек науки интересоваться детищем какого-то Жарова? Скорее, это был профессор Коровин, недавно погибший, о чем на днях сообщала местная пресса.

Археологическая экспедиция
Поиск продолжается

Такова была надпись на афише. Неплохое название для статьи, – подумал Жаров. – Пусть обвинят его в плагиате, пусть эта женщина вырастет на пороге редакции в своем купальнике, потрясая свежим номером…

Жаров вошел в здание выставочного зала. Экспонатов было немного – предметы римской культуры: небольшие амфоры и вазы. Именно они были изображены на афише. Жаров узнал среди них и тот самый кувшинчик, особую примету которого трудно не заметить. В центре экспозиции, на возвышении под стеклом – белела квадратная мраморная табличка с латинским текстом.

В дальней части зала собралась группа людей. Жаров услышал низкий, хорошо поставленный женский голос, все отчетливее различал слова. Это была та самая археологиня: она выступала перед аудиторией, представляя свою выставку. В руке женщина держала указку, постукивала ею по ладони.

– …и предметы быта древних римлян, – уловил Жаров, приближаясь. – Среди них есть достаточно ценные артефакты: изделия из драгоценных металлов, медный половник, которым разливали вино… Чего вы улыбаетесь?

Жаров вздрогнул, недоуменно оглянулся: он и в самом деле рассматривал зеленоватый, мутно блестящий медный половник, и улыбался… Нет, как было видно издали, Лебедева говорила эти слова одному из слушателей – известному в городе черному археологу, то ли по имени, то ли по кличке «Рудольф», который пристально следил за успехами своих белых коллег, что вполне естественно.

– Да! – продолжала Лебедева, окинув его строгим взглядом. – Медь в те времена ценилась выше, чем золото. Но все меняется, господа. Вот, например, расколотый кувшинчик, который древние хозяева просто выбросили, стоит сейчас немалых денег…

– И где его можно купить? – небрежно поинтересовался Рудольф.

– Перестаньте! – одернула его Лебедева. – Вы-то уж лучше меня знаете. На черном рынке, разумеется, – это пояснение она сделала уже для слушателей. – А вот мраморную плиту со стихами самого Овидия вы не найдете нигде. Мы предполагаем, что буквы высечены собственной рукою поэта. И нет никакого сомнения, что скелет, найденный нами, Овидию и принадлежит.

Она указала на большую витрину, где вместе с землей и фрагментами керамики, в своей естественной среде, лежал скелет, точно также, как и на фотографии в раскопе.

– Ой ли? – огрызнулся Рудольф.

– Мы уже почти не сомневаемся, – парировала Лебедева. – А вы, мой драгоценнейший, не мешайте читать лекцию! Так вот… Месяц назад в окрестностях Ялты мы начали раскопки древнего захоронения, которое содержит ценные предметы. Известно, что на мысе Ай-Тодор находилась римская колония Харакс. Раскопки показали сенсационный результат. Есть все основания предполагать, что обнаружена могила античного поэта Овидия. Самая ценная находка – стихи Овидия, выгравированные на мраморной табличке. Этот предмет и навел нас на мысль, что скелет принадлежит поэту. В дальнейшем, шаг за шагом, мы стали находить в раскопе новые доказательства этому сенсационному факту. Давайте же теперь перейдем к осмотру нашей главной находки.

Жаров как раз и стоял подле витрины с главной находкой – стиховой плитой – и с интересом рассматривал высеченную в камне латинскую надпись. Лебедева направила сюда группу экскурсантов. Рядом с Жаровым оказалась высокая пожилая женщина с шарообразной лиловой химией на голове. Она глянула в сторону приближающейся группы и отошла, успев, однако, переброситься с Жаровым несколькими словами, будто размышляя вслух в глубокой задумчивости:

– Это очень странная гробница, очень. Я никогда не видела ничего подобного.

– Что же в ней странного? – поинтересовался Жаров.

– Да все! Почему-то рядом лежат предметы из совершенно разных эпох и культур. Это будто бы какая-то коллекция… Гм! Коллекция.

Лицо собеседницы вдруг переменилось, она закрыла глаза, качая головой, затем вздрогнула, будто очнувшись.

– Что с вами? – удивился Жаров.

– Да так. Нелепые порой приходят в голову мысли, – пробурчала женщина и быстро отошла прочь.

Тем временем Лебедева и ее свита подошли стенду. Жаров указал на табличку.

– Это – стихи? – спросил он у Лебедевой.

– Да. И довольно известные.

Отвечая Жарову, она даже не посмотрела на него. Провела по строке указкой и прочитала по латыни, подглядывая в маленькую книжку, которую достала из дамской сумочки:

– «Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием делать? Нашим плечам не пристала подобная ноша…»

Жаров пытался поймать ее взгляд, но Лебедева упорно не смотрела на него. Пока она читала стихи, Рудольф медленно, боком оттесняя посетителей, приблизился к Жарову.

– Желтой прессе мой пламенный привет, – прошептал он.

– Мой ответный, довольно бледного пламени – черным археологам, – также шепотом ответил Жаров.

– Не такой уж я и черный, если разобраться, – проговорил Рудольф с некоторой обидой, артистически проведя ладонью по своей рыжей шевелюре.

– Это снаружи, – серьезно сказал Жаров.

Посетители уже оглядывались на них.

– Не мешайте работать, господа! – прикрикнула Лебедева, с неприязнью глянув на Жарова. Он вздохнул и опустил глаза.

– Впрочем, экскурсия уже закончена, – проговорила археологиня. – Выставка подготовлена группой экспедиции областного археологического музея. К сожалению, не все сотрудники экспедиции присутствуют здесь.

Ее лицо вдруг помрачнело.

– Нашего научного консультанта, известного профессора Михаила Николаевича Коровина с нами больше нет, – сказала она.

Лебедева повернула голову, с грустью глядя куда-то. Жаров проследил за ее взглядом и увидел у стены, в маленькой нише между двумя музейными стендами фотографию с черным крепом на углу.

Жаров подошел к фотографии и задержался у нее. Под портретом лежали цветы – обычные для такого случая красные гвоздики. Какой-то человек в форме охраны поправлял их. Поднял голову, свои не совсем трезвые глаза. Сказал:

– Хороший был дедушка. Можно было с ним душевно посидеть за банкой местного вина. Хоть и профессор, но со мной, простым секьюрити, на равных держался. Трагическая случайность.

Сторож экспедиции, значит. Секьюрити.

– А что случилось-то? – спросил Жаров, зная о происшествии только из скудной информашки в местной газете.

– Свалился с обрыва в море. Как раз, вина слишком много выпил. Но я думаю, – сторож сделал загадочное лицо, – тут в другом дело.

– Как в другом? Неужели убийство?

Сторож махнул обеими руками.

– Про Тутанхамона слышали? Это такой же, только в Египте.

На словах «такой же» он указал на витрину, где под стеклом покоится раскопанный скелет.

– Ну, допустим, не совсем такой, – возразил Жаров. – Тутанхамон был мумией.

– Очень страшной мумией, – подтвердил сторож.

Его взгляд остекленел, по лицу пробежала тень ужаса. Он мотнул головой, сказал:

– Я, видите ли, в экспедиции работаю. По ночам дежурю. И вот, бывает… Мумия – не мумия, но что-то такое есть.

Жаров невзначай засунул руку в карман и щелкнул диктофоном. Рассказ сторожа и вправду поначалу казался интересным.

– Вскрыли мы эту древнюю гробницу на нашу голову. Вот и начали происходить несчастья. Как с теми бравыми ребятами, что откопали Тутанхамона.

– Как вы только что сказали, несчастье произошло лишь одно – с профессором.

Жаров кивнул на унылое фото покойного.

– Это только начало, я уверен! – воскликнул сторож. – Например, вчера утром в раскопе обрушилась плита, столько пыли поднялось! Слава богу, что никто не погиб. А мог бы…

Жаров, наконец, почувствовал острый запах перегара и его предположение подтвердилось. Он выключил диктофон.

– Ты пил вчера?

– Ошибаетесь, – с гордостью сказал сторож. – Я пил – сегодня!

Жаров отошел, покачивая головой. Огляделся. Его внимание привлекла тихая невзрачная девушка, которая также была изображена на афише выставки. Жаров подошел к ней.

– Простите, я видел вас на фотографии. Вы работаете в экспедиции?

– Да, я лаборант, – подтвердила девушка. – А вы из полиции?

Жаров в очередной раз удивился человеческой проницательности. Конечно, работая с милицией (теперь уж полицией) не первый год, он и сам как-то омилиционерился, подобно тому, как кинолог Ярцев с каждым годом все больше походил на свою собаку.

– Нет, я журналист, – сказал он, думая задать девушке несколько вопросов, но тут ему помешали.

Рядом с ними вырос человек лет сорока и неприязненно посмотрел на Жарова. Тоже сотрудник экспедиции: его козлиную бородку Жаров запомнил по афише.

– Ольга, нам надо поговорить!

Ольга смотрела на него широко раскрытыми глазами. По ее щеке вдруг скатилась крупная слеза.

– Не о чем нам говорить, – сказала девушка и поспешно отошла.

Жаров остался вдвоем с навязчивым господином. Тот неловко улыбнулся, будто ища понимания.

– Девушки… – изрек он. – Сегодня – солнце, завтра – луна. Можете взять интервью у меня: я – художник на этих раскопках. Моя фамилия Боревич. Знаете, надо постоянно зарисовывать всякие находки.

– Да? У вас что – фотоаппарата нет?

– Ну, и снимаю, конечно. Но, по правилам, все должно быть зарисовано на ватманских листах отчета. Точные чертежи. Размеры. Каждая косточка скелета.

– Кстати, о скелете, – оживился Жаров. – По каким признакам установили, что это могила именно Овидия?

– А вы разве не видели табличку с его стихами? Да и скелет принадлежит мужчине.

– Ну и что? Может быть, какой-то мужчина любил стихи Овидия, читал их на городской площади, так всем надоел с этими стихами, что и запихнули табличку к нему в гроб. У него случайно череп не проломлен?

Жаров указал на табличку.

– Нет. Целый череп, круглый, – сказал художник. – Есть, впрочем, и другие признаки… Вот идет наша руководительница, Таня Лебедева. Спросите у нее.

В этот момент Лебедева проходила мимо, неприязненно покосилась на Жарова. Он поспешил обратиться к ней.

– Простите, можно вас на несколько слов?

– Смотря кто вы и что вам нужно.

Художник отошел, бредя сквозь толпу. Краем глаза Жаров заметил, что он направился к Ольге, примостившейся на стуле в дальнем углу.

– Я, видите ли, журналист, – сказал Жаров.

– От какой газеты?

– «Крымский криминальный курьер».

– Что-то не слышала о такой.

– Это небольшая частная газета, – с достоинством отрекомендовал Жаров свое детище, но лицо Лебедевой сделалось еще более скучным.

– Я ее владелец, главный редактор, – продолжал Жаров. – Штат у нас маленький. В принципе, газета из одного меня и состоит…

Лебедева сделала движение, чтобы отойти.

– Очень интересная газета, – уже безо всякой надежды говорил Жаров. – Обо всем загадочном, непознанном. О тайнах мироздания. О призраках, потусторонних явлениях…

Лебедева остановилась:

– Неужели?

Теперь она говорила с Жаровым вполоборота, стоя к нему спиной, из положения уходящей.

– Я слышал, у вас на раскопках происходят странные явления, – сказал Жаров.

– Это случается чаще в голове у некоторых сотрудников.

Она посмотрела на сторожа, крутившегося рядом, тот поспешно отошел.

– А вчерашнее происшествие? – с нарастающим любопытством спросил Жаров.

– Вы про обвал? Наш секьюрити вам уже поведал? Что ж, бывает при работе с грунтом.

Она вдруг закусила губу, похоже пораженная внезапной мыслью. Оглянулась, ища глазами кого-то… В этот момент Жаров окончательно понял, что все эти люди ведут себя довольно-таки странно, не так, как должны были… У него появилось устойчивое ощущение, что в этом кругу происходит какая-то история – длительная, тайная и зловещая. В то же время он просто смотрел на эту красавицу с восхищением.

– Какие же детали свидетельствуют о том, что этот скелет принадлежит Овидию? – спросил он.

– А вот, посмотрите! – воскликнула Лебедева.

Она взяла Жарова за рукав и подвела к одной из витрин. За стеклом лежал позеленевший, изрядно разрушенный бронзовый кинжал.

– Это именное оружие. На таких предметах обычно гравировалось имя владельца. Их клали в могилу – кто ж будет носить чужую вещь?

– Вижу какие-то буквы, – заметил Жаров.

– Не какие-то, а латинские – «UBL» «VID» и «AS». Если подставить их рядом со стертыми буквами, то мы получим однозначно: «Публий Овидий Назон» – таково было полное имя поэта.

Говоря, Лебедева продемонстрировала Жарову табличку, которая изображала схематический рисунок кинжала и воспроизводила недостающие буквы:

p-UBL-ius o-VID-ius n-AS-o

Лебедева откинула голову и продекламировала:

– «Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием делать…»

Она умолкла на полуслове. Жаров задумчиво смотрел на кинжал.

– Неужели он имел в виду именно этот кинжал? – спросил он.

– Почему бы и нет? Считается, что Овидий умер и похоронен в Томах, ныне румынский город Констанца. Но могила его не была найдена до сегодняшнего дня. Между прочим, Александр Сергеевич Пушкин, путешествуя в наших краях, как раз и искал могилу своего собрата по перу.

На слове «Пушкин» она указала на портрет, висящий на стене: это была репродукция картины Кипренского, расположенная рядом с предполагаемым портретом Овидия в лавровом венке.

Всё это не вязалось. Пушкин в подкрепление к подлинности сенсационной находки уж никак не шел: Жаров хорошо знал его стихи и жизнь, и что-то нигде не встречал упоминания о такой тайной цели его проезда через Крым. «Прощай, свободная стихия…» – это конечно.

Жаров хотел бы все это сформулировать и возразить, но спохватился, вспомнив, что не стоит спорить с женщиной, если она не твой начальник. Кивать, развесив уши, ему также не хотелось, а продолжать разговор, казалось, было совершенно не о чем. Ситуацию разрешила сама Лебедева.

– А вот и Вышинская! – воскликнула она.

Жаров посмотрел по направлению ее взгляда и увидел ту самую женщину с шарообразной прической, которая говорила о странностях гробницы.

– Кто такая Вышинская? – спросил он.

– Специалист из Москвы, – ответила Лебедева. – Она приехала, чтобы освидетельствовать раскопки и дать квалифицированное заключение.

Тем временем Вышинская заметила, что они оба на нее смотрят и направилась к ним через зал.

– Я давно жду вас! – воскликнула Лебедева.

Вышинская взяла ее под локоть и решительно повела в сторону.

– Мне тоже надо с вами поговорить. И очень серьезно… – услышал Жаров ее удаляющийся голос.

Лебедева обернулась и красноречиво посмотрела на Жарова: дескать, я не прочь продолжить, но сам понимаешь, меня увели… Ладно, подумал он. Неплохое было начало. Хоть и не клеилось что-то сперва. Интересно: что такое в его поведении заставило женщину сменить гнев на милость? Жаров вспомнил по кадрам весь их разговор, но так и не понял, в чем был его переломный момент.

Обвел глазами зал, по которому рассеянно бродили посетители, разглядывая витрины и отражаясь в стекле. Все, с кем он говорил сегодня, прошли перед ним кинематографической панорамой. Вот сторож хватает за руку подростка, который взял глиняный сосуд и сделал вид, что пьет из него. Художник в задумчивости стоит у траурного портрета профессора Коровина и, теребя бородку, смотрит в сторону, где, в уголке, сидит лаборантка Ольга. Она плачет. Далее, на фоне окна, Вышинская и Лебедева о чем-то горячо спорят, размахивая руками. Мимо проходит Рудольф, явно пытаясь прислушаться к их разговору. В контровом свете окна видно, что его рыжая шевелюра точно такая же, как лиловый «одуванчик» Вышинской…

Странно, – подумал Жаров. – Будь это кино, то эта похожесть была бы придумана неспроста. Как-нибудь бы сыграли эти два силуэта.

Тутанхамон

Наутро, едва войдя в редакцию и разогрев компьютер, Жаров принялся набрасывать передовицу для очередного номера, но дальше заголовка дело не двинулось.

Археологическая экспедиция
странная история

Он и не заметил, как раскрылась дверь, и в помещение вошел следователь Пилипенко. До управления было рукой подать, и старый друг имел привычку прогуляться и попить кофейку в уютном офисе, который Жаров снимал в стенах старинного особняка в Народном переулке.

– Стучаться надо, дружище! – сказал Жаров.

– Потому и не стучусь, что дружище, – парировал Пилипенко. – А тебе бы я посоветовал все же запирать дверь. Тогда все бы и стучались, даже я.

Проходя мимо стола, он заглянул в монитор и усмехнулся. Жаров зацепил его за рукав.

– Там на самом деле происходит что-то странное! – воскликнул он. – Все эти люди что-то скрывают, они явно не доверяют друг другу.

– В чем это выражается? – спросил следователь.

– Ну, они постоянно шепчутся, чего-то недоговаривают.

– И что же это за люди?

– Пьяный сторож… – начал было Жаров, но осекся под насмешливым взглядом друга. – Дело не в личности, а в том, что он говорил. У него создалось впечатление, что смерть профессора Коровина не случайна. Он видел кого-то или что-то, бродящее вокруг могилы…

– Что особенно умиляет у вас, писателей, – заметил Пилипенко, – так это сочетание слов «кого-то или что-то». Подразумеваются некие потусторонние силы, конечно.

– Он прямо говорил о призраке!

– Призраком может быть только переодетый человек. И это, смею тебя заверить, гораздо интереснее. Мне уже хочется ввязаться в эту историю. Кто там еще был подозрительный?

– Подозрительны все! – воскликнул Жаров – Например, лаборантка Оля. Она почему-то плакала, о чем-то спорила с художником экспедиции… Невзрачная такая, серенькая, словно мышка.

– Но ты, конечно, в нее немедленно влюбился, – с какой-то мрачностью заметил Пилипенко.

– Нет, что ты! Мне понравилась другая…

– Попробую угадать. Руководитель экспедиции Лебедева.

Жаров махнул рукой, но тут же смутился и покраснел.

– Да брось ты об этом! Сдается мне, что сторож недаром упоминал Тутанхамона. Есть версия, что все, побывавшие в том египетском подземелье, отравились неизвестным грибком, после чего сошли с ума, и с ними стали происходить всякие загадочные психические явления.

– С этим Тутанхамоном была действительно весьма странная история, – задумчиво проговорил Пилипенко. – И если мы с тобой оказались в развитие чего-то подобного, то действовать надо немедленно.

– Что? Матерый материалист наконец-то стал неофитом моей религии! Не поверю.

– А ты и не верь.

– Происшествия могут быть и случайными. Но все же! Два несчастных случая подряд. Профессор Коровин сорвался с обрыва, а руководителя экспедиции Лебедеву чуть было не задавило плитой.

– Точно, – сказал Пилипенко. – Все в этом мире взаимосвязано и никаких случайностей нет. Знаешь что… Давай-ка проедемся до этих раскопок, просто как двое любопытных, и посмотрим, что это там была за плита-убийца. У меня почему-то побаливает печень. А это значит – что?

– Интуиция!

– Так точно. Моя знаменитая солдатская смекалка.

Причудливый мир экспедиции

Через полчаса быстрой езды на полицейском «Жигуленке» друзья поднимались по узкой лестнице, вырубленной в скале.

– Наверное, профессор Коровин пролетел как раз здесь, – заметил Жаров.

Пилипенко угрюмо глянул на него:

– Угу. Поднимемся – уточним.

Наверху, на ровной площадке, был разбит лагерь археологической экспедиции – несколько временных построек и павильон, закрывающий раскопки, размером и формой не более летнего пивного заведения. Из павильона вышли парень и девушка, тут же откинули носилки с землей на металлическую сетку, ветер понес клубы пыли в сторону… Поставив пустые носилки на землю, рабочие принялись разгребать грунт по сетке. Жаров понял, что этот нехитрый прием позволяет собрать при раскопках каждую мелочь.

Девушка взяла что-то с сетки, рассмотрела, показала парню, тот покачал головой, и девушка выбросила в кучу земляного отвала, похоже, ненужный предмет.

Какой-то человек с большой папкой в руке не спеша проходил мимо, держась поодаль от кромки обрыва, вдруг оглянулся и помахал Жарову. Тот узнал художника Боревича, с которым беседовал на выставке.

– Здравствуйте, господин журналист, – поприветствовал он Жарова и посмотрел на следователя, ожидая, что тот представится, но Пилипенко молчал.

– Вот о чем я говорил вчера, – сказал Боревич, раскрывая папку. – Это и есть моя работа: все тщательно зарисовывать.

Пилипенко глянул через его плечо на чертежи и рисунки.

– Не эта ли плита? – деловито спросил он.

– Какая плита? – удивился художник.

– Которая вдруг, ни с того ни с сего рухнула?

– Точно – она. Только здесь она изображена в своем прежнем положении. Вы, я вижу, всё знаете. Тоже журналист? Коллега?

– Нет. Я друг этого молодого человека. Старый друг, – уточнил Пилипенко тоном, которым говорят «Бонд – Джеймс Бонд». – И я – следователь. Покажите-ка мне, любезнейший, то место, откуда случайно сорвался профессор Коровин.

Говоря, Пилипенко небрежно махнул перед лицом Боревича своим удостоверением. Тот пожал плечами:

– Точного места не знаю. Где-то здесь.

Жаров отметил, что на слове «случайно» Пилипенко не сделал смыслового ударения, как это подразумевалось по ходу действия.

Следователь подошел к краю обрыва. Его полицейские ботинки чуть выступали над обрезом скалы. Далеко внизу меж камней плескались пенные волны.

– Проводите нас в раскоп, ладно? – сказал он Боревичу. – Я хочу посмотреть эту плиту живьем.

Через минуту Пилипенко уже сидел на корточках, осматривая плиту.

Поверх раскопа был сооружен павильон – пластиковая палатка на металлических столбах. Внутри было сумрачно, слепили светильники, солнечный свет пробивался сквозь дверной проем, оставляя за собой туманные лучи, когда парень и девушка с носилками проходили туда и обратно. В углу возился землекоп, молодой крымский татарин. Он копал, наполнял носилки. Сделав порцию работы, опирался на лопату и замирал, глядя перед собой. Когда ребята возвращались, они ставили перед ним пустые носилки и забирали полные. Землекоп снова брался за лопату. Весь этот цикл Жаров наблюдал на заднем плане.

Боревич защелкнул свою папку, шутливо козырнул:

– Позвольте откланяться. У меня работа в камералке.

– В камералке? – переспросил Пилипенко.

Но художник уже не слышал его, он шел по павильону. Столкнувшись на входе с носильщиками, поклонился им и вышел.

– Камералкой они называют помещение для камеральных работ, – уточнил Жаров.

– От слова «камера»? – мрачно пошутил Пилипенко.

– Ага. Некая камера – КПЗ, куда для предварительного заключения поступают артефакты, вынутые из земли. Там они и хранятся. Там их измеряют, рисуют, переписывают и так далее. Начальница Лебедева, наверное, сейчас тоже в камералке.

Пилипенко погладил рукой плиту.

– Ладно. И с терминологией разберемся по ходу дела.

Он встал, обошел плиту, заглянул под нее, достал какую-то деревянную палку.

– Это очень интересно, – сказал он. – Очень…

– Нашел что-то? – спросил Жаров.

– Возможно. Эта плита на самом деле могла кого-то раздавить.

– Что я говорил! Проклятие древней гробницы существует!

Пилипенко держал в руках палку, постукивая ею о свою ногу.

– У тебя фотоаппарат с собой?

– Всегда.

Он достал из пенала, что висел у него на поясе, портативную камеру, махнул ею.

– Куда?

Пилипенко указал пальцем. Жаров снял, сам не понимая, что и для чего. Просто каменистую стену ямы, фрагменты плиты.

– Дойдешь до редакции, сразу пришли фото, – распорядился Пилипенко.

– Сам не знаешь или говорить не хочешь? – язвительно спросил Жаров.

– Пока одни только догадки.

Жаров пожал плечами. В этот момент всколыхнулись солнечные лучи от дверного проема, и на землю легла длинная изящная тень. В павильон вошла Лебедева.

– Художник сказал, что у нас гости… – проговорила она с порога, затем добавила, как это делают в кино, напоминая рассеянному зрителю, кто на самом деле находится в кадре: – Журналист и следователь.

– Это мой друг, – сказал Жаров, – Друг мой сыщик, – как бы в тон ей уточняя название фильма. – Он просто очень любопытный человек.

Следователь поднялся с корточек, сделал несколько решительных шагов, подошел к Лебедевой, коротко протянул ей руку, представился. Покончив с формальностями, сказал:

– Могу я увидеть вашу лаборантку? Как ее – Ольга?

– Да. Ольга Лукьяненко. Только у нее сегодня выходной.

– И где же она? – поинтересовался Пилипенко.

– С утра уехала в Симферополь.

– Не знаете ли случайно, зачем?

– И вправду, очень любопытный, – Лебедева улыбнулась Жарову, а на следователя глянула с тревогой, пожав обнаженными плечами, что получилось у нее довольно-таки красиво.

Жарову показалось, что она бросила на него кокетливый взгляд, вернее, взгляд, отпущенный ему, показался кокетливым… Вдруг женщина нахмурилась, подумав о чем-то тревожном.

– Между прочим… – сказала она, – в тот день Ольга как раз не пускала меня в раскоп.

– Да? А почему? – удивился Пилипенко.

– Я не поняла. Она встала на моем пути и завела какой-то необязательный разговор. Я все порывалась пройти к своему рабочему месту, но она все время перебегала, вставала передо мной и опять начинала говорить о чем-то. Когда я, наконец, прорвалась и шагнула в свой угол, девушка вдруг закричала, скорчилась. Что-то вроде: «Ой, больно! Ой, помогите!» Я метнулась к ней. В этот момент и обрушилась плита. Я считаю это Божьим промыслом.

Пилипенко слушал ее рассказ с большим вниманием.

– Само собой, – заметил он на «Божий промысел», затем задал наводящий вопрос: – Это было именно ваше рабочее место?

– Здесь везде мое рабочее место, – ответила Лебедева. – Но тогда я расчищала как раз там, под плитой.

– Значит, в том случае, если бы девушка не упала, не позвала бы вас, то плита обрушилась прямо на вашу голову. Что ж, благодарите девушку: она спасла вам жизнь.

– Я уже принесла ей кучу благодарностей. Пусть это и произошло случайно…

Отравленный

Пилипенко и Жаров стояли над обрывом. Вдали был виден павильон раскопа, цикл носильщиков, пылевой смерч, когда они сбрасывали грунт.

Уезжать, распрощавшись с Лебедевой, Пилипенко не торопился, а предложил Жарову походить по окрестностям. Они постояли возле предполагаемого места, где закончил свой жизненный путь профессор Коровин, у обрыва, с которого хорошо были видны восточные склоны Ялты, Аю-Даг вдали и Ласточкино гнездо на переднем плане. Прошлись по некруто вздымающейся площадке вверх-вниз и снова оказались на той точке. Пилипенко сказал:

– Один несчастный случай произошел здесь. Другой – чуть было не произошел там.

Он махнул рукой в сторону раскопа.

– А может быть, это и вправду, того… – нерешительно начал Жаров. – Некие интуитивные события?

– Промысел самого Господа Бога? Которого нет, между прочим, – ласково заметил Пилипенко.

– Ну, на эту тему можно и поспорить… – уныло начал Жаров, но друг перебил его:

– Знаю. Но это надолго. Вот что. Никакого официального дела. Пока еще. И мне не с руки проводить опросы населения. Не смог бы ты завтра пораньше встретиться с этой девушкой?

– Да я с радостью. Я журналист, мне все можно.

– Вот-вот. Надо бы узнать, что она сегодня делает в Симфере.

С утра пораньше Жаров так и сделал: взял такси и приехал в расположение экспедиции. Разумеется, разыскал сразу Лебедеву. Она, похоже, была рада его визиту. Чтобы поддержать легенду, Жаров принялся расспрашивать обо всех членах экспедиции, хотя главным его объектом была Ольга.

– Художник? – переспросила Лебедева. – Сегодня его не видела. На работу не явился, а нам срочно надо горизонт раскопа отрисовать.

Как ни странно, Жаров не придал этой информации никакого значения…

– А вы позвоните ему, – посоветовал он.

– Уже звонила. Но там, – ее голос стал манерно-дразнящим, – «Абонент временно недоступен!»

Говоря, они вошли в помещение камералки. Ольга сидела за столом и измеряла циркулем фрагмент керамики. Что-то записывала, набирая на клавиатуре. Она выглядела подавленной, будто даже напуганной чем-то. Оторвалась от компьютера и оглянулась. Сказала:

– Если вы о Боревиче, то он собирался с утра за грибами.

– Так может быть, он до сих пор там? – Жаров махнул неопределенно вверх, в сторону леса, который, как известно, раскинулся в горах, но получилось, будто он указывает на небеса, и Лебедева непонимающе глянула на него.

– Если он идет, – сказала Ольга, – то на заре, возвращается к началу рабочего дня. Перебирает свои грибы, завтракает этими грибами, высыпается, и где-то к середине дня подтягивается на работу.

Жаров с удивлением глянул на девушку:

– Вы хорошо его знаете?

– А вам какое дело?

Лебедева хлопнула в ладоши:

– Что же вы мне раньше не сказали о его привычках, Оля? Все ясно. Сейчас он, значит, как раз высыпается, а мобильник выключил.

В этот миг у археологини заиграла мелодия телефонного звонка.

– Да, экспедиция… – отозвалась она. – Какая больница?.. Какая палата?

Жаров и Ольга прислушивались к журчанию женского голоса в трубке. Лебедева часто, нервно кивала. Закончив разговор, она бросила мобильник на грудь, где он у нее всегда болтался на шнурке, и подняла испуганные глаза:

– Он в Ливадийской больнице. Отравился грибами. Я, пожалуй, съезжу его навестить. Оля, ты со мной?

– Нет. У меня много работы. А ему сделают промывание и дело с концом.

– Всё ясно, – Лебедева укоризненно покачала головой. – Опять поссорились.

Ольга с неприязнью вскинула глаза на начальницу. Та пристально посмотрела на нее и вышла, похоже, обидевшись. Ольга повернулась к Жарову:

– Вам от меня чего-нибудь нужно?

– Я искал вас вчера, – сказал Жаров, не успев переварить увиденную сцену, за которой стояли некие давние, тяжелые отношения мало знакомых ему людей. Все же продолжал невозмутимо: – Но вы в Симферополь уехали. Зачем, интересно, если не секрет?

– Секрет, – буркнула Ольга.

Жаров пожал плечами, коротко поклонился и вышел.

Еще одна смерть

Спускаясь по лестнице, вырубленной в скале, он говорил со своим другом, который с нетерпением ожидал его звонка.

– Отравился могильным грибком, как в гробнице Тутанхамона? – с ехидством спросил Пилипенко.

– Да нет. Просто грибами, – ответил Жаров. – Любит ходить в лес, собирать грибы…

– Да? Это очень странно, – сказал Пилипенко, помолчав.

– Да чего тут странного? Это ж не грибок из гробницы, а просто – грибы.

– Вот это как раз и странно. Где ж он взял грибы-то?

– В лесу, где ж еще? Ходил сегодня с утра. Позавтракал и…

– Этого не может быть, – сказал Пилипенко. – Минин охотился на днях всей семьей.

– И что?

– Да нет там сейчас никаких грибов. Вот что… В какой он больнице?

Жаров подождал друга на трасе. Тот вскоре подъехал в своем полицейском «Жигуленке». Еще через полчаса они уже шли по коридору Ливадийской больницы, куда далеко не в первый раз заносило их какое-нибудь расследование.

Мрачного вида врач преградил им дорогу:

– Куда это вы столь решительно, молодые люди?

– К вам поступил больной с грибным отравлением, – сказал Пилипенко. – Боревич, художник археологической экспедиции.

Свою реплику он, как обычно, подкрепил взмахом удостоверения личности. Врач однако на документ даже и не взглянул, а с тихой яростью произнес:

– Да знаю я тебя, Пилипенко. Ты в пятой школе учился. А вот тебя не помню, – он оглянулся на Жарова.

– Я главный редактор и владелец широко известной газеты «Крымский криминальный курьер», – выпалил Жаров.

– Не слышал о такой. Я вообще не читаю газет…

– Это мой друг, – тихо и убедительно сказал следователь. – Кстати, тоже в пятой школе учился, в одном классе со мной.

– …и телевизор не смотрю – закончил свою фразу врач. – Ладно, заходите оба, только недолго. И халаты надо надеть.

Пилипенко и Жаров вошли в палату. На кровати, весь опутанный трубками, лежал Боревич. Две капельницы были наполнены растворами разной прозрачности. Врач дал им пять минут и, к счастью, удалился.

В плохом романе следователь бы сказал больному: «Здравствуйте, как самочувствие?» В кино бы непременно представился, чтобы в очередной раз напомнить невнимательному зрителю, кто он такой. В реальности он просто спросил у жертвы:

– Что это были за грибы?

– Смерть… – прошептал художник.

– Какой марки грибы, я спрашиваю, – настаивал Пилипенко.

– Да не дави ты на него, – возмутился Жаров. – Человек и впрямь умирает.

Впрочем, цинизм журналиста часто входит в конфликт с человеческими чувствами. Он достал диктофон, нажал кнопку. Боревич проговорил едва слышно:

– Черный… Орф… Черный орахл…

– Что? – встрепенулся Жаров. – Оракул? Черный оракул?

– Р-р-р… Ру-у… Руль… – продолжал умирающий.

– Руль. Какой еще руль? – строго спросил Пилипенко.

– Ру-уф…

Сказав свое последнее слово он умер классически – откинув голову в сторону. Тут вошел врач. Посмотрел на художника, лежащего с открытыми глазами, на Жарова, который стоял над ним с диктофоном в руках. Сказал:

– Убивцы! Вон отсюда! Позор пятой школе.

Врач указал на дверь. Выходя, Жаров увидел, как он коротким привычным жестом закрыл умершему глаза.

– Я его вспомнил, – сказал Пилипенко, – когда они шли светлым больничным коридором, на ходу снимая халаты. – Он в школе комсоргом был.

Жаров бросил свой халат на топчан. Пилипенко чуть ли не на лету подхватил его и молча повесил оба халата на стоящий в углу кронштейн.

– Я записал последние слова покойного, – Жаров хлопнул себя по карману, где был диктофон. – Похоже, он сказал: «черный оракул». Это может значить что-то важное.

– Что ж, возможно, это имеет какой-то смысл. А может быть – и никакого.

Они вышли из больницы.

– Проклятие древней гробницы реально, – сказал Жаров.

– Вздор! Ты, как всегда, несешь свою мистическую чушь. Это просто убийства – только и всего.

– Какие убийства? Профессор свалился с обрыва, пьяный. Художник отравился грибами и умер.

– Да-да-да… – язвительно проговорил Пилипенко. – И грибов сейчас в лесу не густо. И эта плита в раскопе…

– А что плита?

– Помнишь, я взял с собой палку из гробницы?

– Проводили экспертизу, снимали отпечатки…

– Нет. Просто рассматривали. И твои фото – тоже.

Он достал бумажник, оттуда – несколько фотографий.

– Даже распечатали, – заметил Жаров.

– Ага. Посмотри внимательно на этот угол. Здесь явно был сделан подкоп. И сама истерзанная жердь… В целом, устройство напоминает мышеловку.

Пилипенко присел на корточки и принялся рисовать палочкой на земле, комментируя:

– Мышь забегает в мышеловку, задевает за проволочный столбик, который поддерживает дверцу. Дверца падает.

– Кто это мог сделать? – удивился Жаров. – Для этого надо, наверное, обладать некоторой физической силой.

– Не обязательно. Это могла бы сделать и хрупкая маленькая девушка, сама серенькая, словно мышь. Вот тебе и несчастный случай. С профессором и художником также произошли несчастные случаи. Следовательно…

– Два убийства и одна попытка убийства.

– Именно. И никаких проклятий древней гробницы.

– А в случае с Тутанхамоном? Скажешь, и там были убийства?

– А почему бы и нет? Кто-нибудь отрабатывал эту версию?

Жаров с изумлением уставился на своего друга. Вернувшись в редакцию, он углубился в изучение проблемы, быстро листая страницы интернета. Старые фотографии пирамид сменялись видами египетских раскопок, археологов… Все, причастные к раскопкам гробницы Тутанхамона, погибли или умерли. Но вовсе не от загадочного могильного грибка. По крайней мере, двое из них ни разу и близко не подходили к заколдованной гробнице. Одна милая девушка была секретаршей концессионера и оставалась в Лондоне. Погибла под кабриолетом. Другой, профессор, скоропостижно скончался от инфаркта у себя дома.

– Это интересно, – сказал Пилипенко, когда Жаров позвонил ему, изложив эти факты. – Я обязательно приму к сведению. Ты навел меня на одну любопытную мысль… Вопрос. Ты идешь на похороны?

– Не люблю подобные церемонии.

– Я знаю. Но все же придется.

Прощание с телом

Кладбище было пустынным, но в одном месте собралась небольшая толпа. Пилипенко и Жаров подошли к группе скорбящих и встали позади всех. Говорила Лебедева.

– Недавно мы простились с профессором Коровиным, который был выдающимся ученым и замечательным человеком. Сегодня же мы опять прощаемся с нашим коллегой, работавшим в экспедиции на должности лаборанта, но замечательным художником по призванию…

Жаров поймал взгляд Лебедевой, явный «перегляд» и почувствовал себя бодрее посреди всеобщего уныния. Часть собравшихся он узнал: рядом с Лебедевой стояла Вышинская, историк из Москвы. В толпе, среди незнакомых людей, Жаров увидел землекопов экспедиции – парня и девушку, которые волокли носилки, крымского татарина и сторожа, который был уже изрядно красномордым и красноречиво блестел глазами.

У пирамиды из венков стояли женщины в темных платках или вуалях, двое длинноволосых бородатых мужчин богемного вида, девушки, также по виду принадлежащие к арт-среде. Кого-то не хватало в этой композиции… Пилипенко также это понял и тихо проговорил:

– Мне кажется, что я увижу здесь нечто важное. Но главное оказалось не в том, что я вижу, а в том, чего не вижу. Вернее, кого…

Миловидная пожилая женщина в черной вуали гневно оглянулась на него, укоряя, как ей показалось, в постороннем разговоре. Посмотрела она и на Жарова: в этом взгляде мелькнуло кокетство, за что ее можно было укорить взаимно. Жаров ответил другу:

– Среди его коллег нет Ольги, лаборантки.

– И этот факт, несомненно, что-то означает, – сказал Пилипенко.

Лебедева меж тем закончила свою печальную речь:

– Он обладал истинным талантом и такой щедростью, что отдал свои творческие силы простой будничной работе… Прощай, наш друг и коллега! Пусть будет спокойным твой вечный сон.

Двое могильщиков закопали яму, быстро орудуя лопатами, соорудили, прихлопывая, холмик, затем устроили над могилой шатер из венков. Мелькали надписи на лентах: «От коллег по работе», «От Союза художников». «От скорбящих…» «От…»

Женщина в вуали повернулась, чтобы уйти. Жаров проводил ее взглядом. Люди расходились, шли по аллее. Вышинская повернулась к Лебедевой. Они принялись о чем-то говорить, довольно-таки возбужденно. Пилипенко также это заметил и с любопытством посмотрел в их сторону.

Друзья шли сначала вместе со всеми, замыкая шествие, но следователь вдруг круто повернулся и возвратился к могиле. Жаров подошел к нему.

Пилипенко расправил одну из лент. На ней было написано: «От старого друга».

– Этот от археологов, – задумчиво проговорил следователь, – этот от художников, этот от семьи. Дежурные, безымянные: «Помним, скорбим». Но кто из присутствующих мог быть старым другом?

Оба посмотрели на людей, уходящих по аллее.

– Какие-то пожилые женщины, – комментировал Пилипенко, – явные родственники, плюс явные художники. Девушки богемные, музы всякие.

– Друг может быть и женщиной… – вставил Жаров.

– Знаешь, что… – сказал Пилипенко. – Я выясню, где он жил, а ты, пожалуй, посети этот дом. Поговори с соседями. Если надо, покажешь свое липовое удостоверение.

Домашний музей покойного

Позже Жаров поймал себя на том, что думал о той миловидной пожилой женщине в черной вуали неспроста: интуиция, предчувствие… Впрочем, вздор: просто-напросто он часто думал о всяких женщинах, которых встречал. Так или иначе, но именно она, теперь, разумеется, без вуали, открыла ему дверь, когда он позвонил в квартиру покойного художника.

– Если вы к Боревичу, то он умер, – сказала она на пороге и, разглядев в потемках прихожей Жарова, добавила: – Да я же вас видела на похоронах!

– Я присутствовал там как официальное лицо, – сурово сказал Жаров. – Я из полиции.

Соседка недоверчиво посмотрела на Жарова, тот показал ей красную книжечку.

– Настоящее? – спросила женщина.

– Имитация, хоть и довольно искусная, – честно признался Жаров, но эти слова были восприняты как шутка с серьезным лицом.

Она пригласила его на кухню, поставила чайник. Жаров принялся осторожно расспрашивать ее о соседе по коммуналке.

– Да, он был очень страстным… – женщина запнулась, опустила и вскинула глаза, будто подбирая слово или намеренно режиссируя реплику.

Жаров успел перебрать несколько существительных, но так и не угадал нужное.

– Грибником, – закончила соседка. – Всегда приносил полные корзины.

У нее была странная привычка изображать руками слова. Например, на слове «полные» она округлила пространство перед своим животом. Жаров усомнился:

– Как он мог найти сейчас в лесу грибы? Говорят, их там вообще нет.

– Для кого нет, а для кого и есть! – возразила соседка. – Он был очень опытным грибником. Таким, что и из-под земли грибы достанет. Как свинья. Вот его картина, – она выбросила указующую ладонь. – Так он всегда и разбирал грибы.

Жаров посмотрел на картину в простой деревянной рамке, висящую на стене. Это был натюрморт, как и положено в кухне-столовой. На холсте красовалось лукошко, полное грибов, выписанных с фотографической тщательностью. Несколько грибов лежали на столе. Тут же присутствовали ножик и миска: все готово для разбора только что принесенных из лесу грибов. Между прочим, на столе возвышалась и маслянисто поблескивала початая бутылка водки и стакан, наполовину полный влагой с кристаллом солнца внутри. Грибы были написаны со знанием дела, чувствовалась рука не только мастера-живописца, но хорошего знатока ботаники.

– Как же он тогда не заметил ядовитый гриб? – спросил Жаров, скорее не соседку, а самого себя.

– Грибы, сами понимаете, нынче не те пошли, – сказала она. – Иные притворяются съедобными, а на самом деле – ядовитые. Вот я в газете на днях читала. Знаете такую газету «Крымский курьер»? Там все о загадочном и непознанном.

Говоря «съедобные» она махнула рукой перед ртом, словно ложкой, а на слове «ядовитые» сложила ладони у щеки и зажмурила глаза, изображая труп. Жаров посмотрел на нее с любопытством: встреча с читателем всегда была событием для него.

– Интересная статья? – небрежным тоном спросил журналист.

– Очень! – воскликнула соседка. – Там говорится, что грибницы все соединены под землей, и могут образовывать гигантские разумные мозги. Думаю, это написал мыслящий мужчина.

Она шлепнула себя ладонью по лбу. Жаров опустил глаза. Получить комплимент от миловидной женщины, пусть даже под чужим обликом и по фальшивому документу, казалось ему досадным недоразумением. Вот бы сейчас снять маску, закричать, словно Ассоль, которая энергично шлепала ладонями по воде, когда приближалось к ней судно мечты: – Это я! Я!

– Мужчины обычно глупые, а вот с таким бы я запросто подружилась, – резюмировала соседка, полностью добивая Жарова.

Несмотря на общую миловидность, в ее облике были видны изъяны, например, неряшливость дырявого халата, волосы, давненько не тронутые расческой. Наличие этих досадных мелочей странным образом порадовало его.

– Нам, стражам правопорядка, не до газет порой, – с суровостью в голосе проговорил Жаров. – Служба наша и опасна, и трудна. Например… Ваш сосед не оставил завещания, и нам придется расследовать, кто должен стать владельцем картин художника, а также – кому передать краски и неиспользованные холсты. Был ли у него близкий друг?

– Да сколько угодно, – весело ответила соседка. – Порой наведет полный дом друзей, прятаться приходилось.

– А какой-нибудь один, самый близкий, самый старый?

– Ну уж нет! Все эти художники довольно молодые люди.

– А женщина?

– Одна? – деловито спросила соседка.

– А сколько? – удивился Жаров.

– Много! Женщин вообще у моего соседа было порядочно. Даже я иногда у него была, царство ему небесное.

Она кокетливо сверкнула глазами, затем глянула через потолок в небеса. Добавила, наконец, то, чего Жаров и рассчитывал здесь услышать:

– К примеру, и в тот день заходила какая-то.

– В день его смерти?

– Да. Он как раз чистил грибы на кухне, так все бросил и нож в грибы воткнул ради нее.

Она сделала движение рукой, показывая, как покойный воткнул нож.

– Кто-то из экспедиции? – спросил Жаров.

– Не знаю.

– Как она выглядела?

– Не знаю, – повторила соседка. – Я ее не видела. Только слышала.

Она приложила к уху ладонь рупором.

– О чем они говорили?

– А вот этого я не слышала. Только *бубубу* и *ляляля*. Помолчат и снова: *бубубу, ляляля*.

«Бубубу» она говорила низким голосом, опуская голову, бодаясь, имитируя сердитого мужчину, «ляляля» произносила женским злобным голосом, вскидывая голову, вертя ею, широко раскрывая рот.

– Так они ссорились?

– Это я и хотела сказать, – подтвердила соседка свою интермедию.

– И у вас нет никаких мыслей, кто это мог быть?

– Никаких. У женщин вообще не бывает мыслей.

Она закатила, часто моргая, глаза, изображая теоретическую пустоту женской головы.

Теория убийства

Выйдя на улицу, Жаров немедленно позвонил следователю Пилипенко. Так и спускался по массандровской лестнице с телефонной трубкой, прижатой к уху. Выводов, вынесенных из этого визита, было два: первое – Боревич был опытным грибником и версия о том, что он своими руками добыл ядовитый гриб, сварил его и съел, казалась сомнительной, второе – личность женщины, посетившей этого человека в день его смерти.

– Из наших это могла быть либо Ольга, лаборантка, либо Лебедева, начальница, либо специалист из Москвы Вышинская, – предположил Жаров.

– А из не наших? – спросил Пилипенко.

– Давай оставаться в рамках теории, – сказал Жаров. – В детективах не может появляться каких-то посторонних людей. Убийца уже введен в действие, с самых первых страниц. Он где-то здесь…

Говоря, Жаров непроизвольно оглянулся по сторонам, будто и впрямь высматривал убийцу.

– Я все никак не пойму, – спросил Пилипенко. – Ты это серьезно говоришь или, по моему примеру, шутишь с угрюмым лицом?

– И то и другое. Моя теория в том, что не литература происходит от жизни, а как раз наоборот. Все люди читают… Ну, почти все. Они бессознательно копируют книжные стереотипы. Сами того не понимая, разыгрывают какие-то пьесы. Поняв замысел автора, мы поймаем преступника.

– Да-да. Помнится, кто-то сказал, что жизнь – это театр, и все в ней – актеры. Не Овидий ли?

– Шекспир. Меня всегда мучило, куда деваются актеры, когда они уходят из нашего жизненного кадра. Ты сейчас существуешь где – не только лишь в этой трубке?

Жаров на секунду отнял телефон от уха и посмотрел на него.

– Знаешь, кто или что по тебе плачет?

– Знаю. Кстати, соседка покойного похвалила мою статью о таинственных древних грибах, которые живут своей жизнью и могут…

– Хватит! – оборвал Пилипенко.

– Как бы там ни рыдала по мне симферопольская психушка, я знаю одно. Черный оракул! Вот тайна, которая не дает мне покоя…

– Так и разбирайся с этим. Наверное, пригодится для твоего боевого листка.

Да, пригодится, – подумал Жаров, закончив разговор. Ответ на этот вопрос мог быть только в расположении экспедиции. Да и с девушкой поговорить не мешало.

Чей голос слышала соседка в день, когда был отравлен художник? Или же вправду: его теория о взаимопроникновении жанра и жизни смехотворна, и к Боревичу зашла одна из тех безликих богемных муз, что скорбели на кладбище?

Представление о будущем было, как всегда ложным. Разыскав Ольгу в камералке, Жаров пытался подвести ее к разговору о художнике, о последнем дне его жизни. Девушка невозмутимо работала с чертежами и находками, на журналиста даже не смотрела.

– Ну, хорошо, – вздохнул Жаров, уже измученный. – О себе вы ничего не хотите рассказать. А вот просто теоретический вопрос. Что могут означать слова «черный оракул»?

Ольга пожала плечами, ответила, поворачивая перед глазами керамическую тарелку:

– Понятия не имею. Где вы слышали эти слова?

– Пусть на сей раз это будет мой секрет, – с раздражением ответил Жаров.

Осматривая помещение, он увидел под потолком металлическую трубу, на ней был закреплен крючок.

– А для чего здесь эта перекладина, этот крючок? Будто туши животных вешать.

– Через нее перекидывается веревка, лебедка. Чтобы поднимать тяжелые сосуды, если таковые найдутся, конечно, – разъяснила Ольга.

– Как я вижу, у вас пока только легкие, маленькие сосуды, – сказал Жаров.

Ольга промолчала, показывая, что не желает продолжать беседу. Она посмотрела на этот крючок и отвернулась. Несколько позже Жарову казалось, что в тот миг он почуял что-то недоброе, страшное, что должно произойти в этой комнате…

Жаров рассеянно перекладывал вещи на полке. Среди прочих заметил примечательный кувшинчик с отбитым краешком. Его изображение было на афише, да сам кувшинчик он видел в витрине выставки. Здесь, в камералке, предмет выглядел как-то по-домашнему, по-свойски. Трудно было представить, что ему две тысячи лет.

Разговор был исчерпан, Жаров так ничего и не добился. Он уже хотел направиться на поиски Лебедевой, но та вдруг сама появилась на пороге бытовки.

Ольга вдруг вскочила и ринулась к двери.

– Ты куда собралась? – спросила Лебедева, явно понимая, что девушка уходит, потому что вошла она.

Ольга оглянулась:

– В туалет.

Дверь закрылась, удалив с пола помещения солнечный прямоугольник. Лебедева пожала плечами, Жаров заметил, как мелькнула и скрылась за краем блузки лямка ее лифчика.

– Обиделась, – сказала Лебедева. – Только вот я не понимаю, на что.

– Не хочу вникать в ваши отношения, – равнодушно произнес Жаров, хотя, конечно, именно это и было ему нужно.

– И правда, – Лебедева вздохнула. – У нас с вами ведь есть много интересного, о чем поговорить.

Жаров смотрел на женщину. Она, как всегда, была одета очень легко. На шее у нее висел крупный кулон. Жаров осторожно взял его в руки и принялся рассматривать. Типичный жест донжуана. Лебедева придвинулась к нему ближе, изогнувшись, словно волна. Также типичный жест.

– Это подарок моей бабушки, – сказала она. – Антиквариат.

Жаров однако не просто так пригляделся к этой вещице: она о чем-то напомнила ему. Какая-то мысль, связанная с подобным украшением, барахталась в его голове – не именно с этим бабушкиным кулоном, но с чем-то очень похожим, с чем-то, что он видел, и почему-то оно беспокоило его.

Нет, не выплыла на берег эта мысль. Жаров отпустил кулон и тот беззвучно провалился обратно в сумеречную ложбинку.

– А вы случайно не знаете, что может означать «черный оракул»? – спросил он.

Лебедева рассмеялась:

– Черными в нашем деле могут быть только археологи.

Черный оракул

Вернувшись в редакцию, Жаров в который раз набрал в поисковике эти загадочные слова, но большинство ссылок вело на мультипликационный Канадский сериал 2004 года. Смотреть этот сериал Жарову очень не хотелось, хотя фантастическая возможность того, что где-то в надцатой серии энного сезона спрятан ключ к тайне, все же маячила на горизонте.

Помогла, как ни странно, его легкая влюбленность, вернее, мысль о женщине, с которой он беседовал сегодня, якобы по делу, почти целый час. Он запускал хитрые приманки, манил и подсекал – тщетно. Лебедева ни намека не проронила насчет того, что тем злосчастным утром посещала покойного художника на его квартире.

Думая о ней, он вспомнил, ее слова о черных археологах. Смутная догадка посетила его. Жаров в который раз прослушал больничную запись, последние слова умирающего Художника: *Черный… Орф… Черный Орахл… Р-р-р… Ру-у… Руль… Ру-уф…*

Вне всякого сомнения, «черный оракул» просто почудился в этом невнятном бормотании. Боревич хотел сказать: «черный археолог». Единственным таким археологом, которого Жаров знал, был Рудольф.

Он позвонил Пилипенке и изложил свои соображения. Тот удивился:

– Да? А есть такой?

– Есть! – ответил Жаров. – Один из моих подписчиков. Как-то даже прислал статейку. И на выставке он крутился… Странно, что ты его не знаешь.

– Не попадался. Это ж не моя специальность.

– Но на выставке они не общались, я точно помню. Что если они знакомы, но по каким-то причинам скрывали это?

– Знаешь, я ценю твои детективные способности. Ты, пожалуй, встреться с ним и поговори как журналист. Вдруг, он и вправду в этом замешан?

Пилипенко похвалил его с обычной иронией. Это и понятно: кто у нас великий Холмс, а кто – недоумок Ватсон? Так себе писатель какой-то…

Жаров полистал свои адресные записи и набрал номер. Уже через час Жаров и Рудольф сидели в открытом кафе на Набережной, перед ними возвышался небольшой приветливый городок: высокий кувшин, две кружки с пивом, две плошки с сушеными кальмарами. Рудольф выступил с короткой предварительной речью:

– Признаться, меня удивляет внимание прессы к моей скромной персоне. Я ведь не профессионал, а так, археолог-любитель.

Жаров соврал ответно:

– Я работаю над большей обзорной статьей о раскопках, и мне надо знать мнения разных людей.

– Весьма польщен, конечно, но право не знаю, как смогу вам помочь. За пиво, однако, спасибо.

Рудольф прихлебнул из своей кружки, жестом подтверждая благодарность.

– Мы можем и повторить, – сказал Жаров, также сделав большой глоток и критически осмотрев свою кружку, в которой осталось совсем немного.

Рудольф пожал плечами. Жаров продолжал:

– Меня, как владельца особой газеты, которая целиком посвящена различным непознанным, неформальным темам, очень интересует то, что происходит на этих раскопках. Вы, конечно, знаете легенду о гробнице Тутанхамона…

Рудольф неопределенно махнул рукой. Жаров, как ему показалось, правильно истолковал его жест и немедленно наполнил из кувшина кружку Рудольфа, затем – свою.

– То-то и оно, что легенду, – пригубив, прокомментировал опрашиваемый. – Вы уж поверьте опытному непрофессионалу. Я на своем веку множество скелетов повидал. Ничего такого страшного не происходило в этих заколдованных могильниках. Да и с самими черными… То есть, археологами-любителями – тоже.

– Никаких таинственных явлений? – поговорил Жаров, чувствуя, что его голос звучит разочарованно.

– Были, но только одного, весьма специфического порядка.

Он наклонился к Жарову через стол и добавил, понизив голос.

– Сомневаюсь я, что это на самом деле могила Овидия. Они могли ошибиться. А могли просто подделать артефакты.

– Разве так бывает?

– Еще как бывает. Это и есть специфические явления. Вот, например, гробница Тутанхамона, которую вы вспомнили… Есть версия, что это – одна из крупнейших фальсификаций двадцатого

века. Ее масштабы были столь огромны, так велика значимость находок, а главное – их стоимость, что те, кто сотворил фальсификацию, не остановились перед целой серией убийств. Отсюда и возникла теория «проклятия древней гробницы».

Говоря, Рудольф постоянно прикладывался к кружке. Закончив свою речь, он поставил кружку на стол, будто подтверждая свои слова звучным стуком. Жаров воскликнул:

– В таком случае, это не были несчастные случаи! Простите за каламбур. Между прочим, художник перед смертью произнес ваше имя.

Рудольф насмешливо посмотрел Жарову в глаза.

– Вы журналист или следователь?

– Я журналист и старый друг следователя. Еще пивка?

Он протянул кувшин, наклонил над кружкой Рудольфа, тот быстро закрыл ее ладонью. Жаров ткнулся кувшином в руку собутыльника, кружка Рудольфа повалилась набок и пиво выплеснулось ему на колени.

– Упс! – как бы извинился Жаров. – Прошу прощения.

Он и вправду сделал это не нарочно, но позже ему казалось, что как раз такого казуса и ожидала вся эта леденящая душу история, будто бы в каком-то жутком образе стоящая за портьерой.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Рудольф. – Сожалею, что ничем не мог вам помочь.

Он встал и быстро ушел. Жаров пробурчал себе под нос, глядя вслед уходящему:

– Еще как помог…

По классификации Фриса

Утром он ворвался в кабинет следователя. Увидев его на пороге, как сказали бы в старом добром романе, «с горящими глазами», Пилипенко спросил:

– Еще одна сенсация? Выкладывай.

– Еще одна? – с возмущением спросил Жаров.

– Ждем Минина с докладом. У него что-то очень важное.

Тут только Жаров заметил, что в кабинете присутствует еще и лейтенант Клюев, как всегда, в форме, именно этой формой и сливаясь с казенной мебелью. Жаров прошел через кабинет и устроился на подоконнике.

– У меня тоже сенсация. Сенсация века. Не менее значительная, чем открытие могилы Овидия.

– Что же может быть интереснее этого открытия?

– То, что никакого открытия не было.

– Как это?

– Я встретился с этим теневым… То есть – черным археологом. Но теневым – все же специалистом в этой области. Он предполагает, что это захоронение – фальшивка.

– Неужели? И кто же смастерил ее – наша красавица археологиня? Та самая девушка, на которой ты хочешь жениться?

– Вот еще! Я что же – говорил о женитьбе?

– Нет, но ты же вообще, теоретически озабочен этим вопросом.

– Отстань.

Пилипенко сделал преувеличенно изумленное лицо и развел руками. Сказал:

– Тогда получается, что все эти убийства совершила она.

– Да что ты говоришь!

– Просто делаю выводы из твоего сообщения. Руководительница экспедиции не могла подделать могилу в одиночку. У нее были сообщники. Возможно, как раз пожилой профессор и художник. Возможно, что она решила убрать их как посвященных в тайну… Впрочем, ерунда… Наконец-то! – он оглянулся на дверь, за которой были слышны всем хорошо знакомые шаркающие шаги.

Дверь открылась и вошел Минин.

– Итак? – кивнул ему Пилипенко.

– У меня достаточно мрачные данные касательно художника, – на ходу сказал эксперт.

Он протянул следователю свою бордовую бархатную папку.

– Он был отравлен? – спросил Пилипенко разворачивая папку. – И это не грибной яд?

– Грибной, – угрюмо буркнул Минин.

– Так в чем же мрак-то?

– Да ты почитай.

– Лучше скажи словами, – Пилипенко прихлопнул папку рукой. – Коротко. Всем ведь интересно, правда?

– Яд представляет собой смесь из трех разных смертельно ядовитых грибов, – сказал Минин. – Бледной поганки, мухомора вонючего и паутинника козлиного.

– Вонючего? Козлиного? – встрепенулся Клюев. – Ты смеешься, что ли?

– Увы. Это просто научное название грибов по известной классификации Фриса. Именно мухомор вонючий и паутинник козлиный. Есть еще паутинник Терпсихоры, паутинник Геркулесов и паутинник гусиный. А ядом паутинника элегантного, между прочим, как я читал намедни, был отравлен сам Владимир Ильич Ленин. От чего и умер.

– Вот Ленина нам еще только тут не хватало, – проворчал Пилипенко. – Тутанхамон уже есть… Ладненько. Значит, это все же убийство.

– Да что за решение? – подал голос Клюев. – Почему?

– Да пошевели мозгами!

Клюев поднял глаза:

– Действительно. Если парень пошел в лес и сорвал там по слабоумию ядовитый гриб – это понятно. Но если он нашел сразу и вонючий, и козлиный, и бледную к тому ж… Совершенно не верю.

– К тому же, как сказала его соседка, он был очень опытным грибником, – проговорил Жаров.

– Это яд, – сказал Минин. – Самодельный, кустарный, но кем-то специально примененный яд.

Несколько секунд все молча переваривали эту информацию. Пилипенко сказал:

– Некто действовал вполне обдуманно. Все знали, что художник любит ходить в лес с корзинкой.

– Значит, открываем дело? – спросил Клюев.

– Выходит, что так, – задумчиво проговорил следователь. – И это будет крайне интересное дело… Правда, пресса? – обратился он к Жарову.

Жаров пожал плечами.

– Между прочим, наш неутомимый писатель подозревает, что гробница Овидия – подделка, – сказал Пилипенко Минину.

– Это невозможно, – ответил тот. – Лебедева предоставила мне данные радиоуглеродного анализа. Могила датируется первым веком нашей эры.

В этот миг на столе следователя зазвонил внутренний телефон. Он взял трубку, послушал бульканье голоса на том конце провода. Ответил:

– Принято. Действую.

Он положил трубку и оглядел присутствующих. Проговорил мрачно:

– Чего-то в этом роде следовало ожидать. Лаборантка камеральных работ экспедиции Лукьяненко Ольга найдена мертвой.

Все обернулись к нему, и вышло нечто вроде немой сцены. Жаров привстал с подоконника. Клюев принялся с досадой отряхивать погон своего мундира. Минин запустил пальцы в бороду.

– Но как… – начал было вопрос Минин и замолчал, так как Пилипенко немедленно ответил:

– Ночью покончила с собой.

Самоубийца

Через полчаса все, кто был в кабинете, вышли из машины в расположении археологической экспедиции. Еще одна машина привезла оперативников, подъехала также «труповозка».

Пилипенко начал с опроса Лебедевой.

– Я всегда прихожу на работу раньше других, – сказала руководительница экспедиции. – Сразу ее увидела.

– И что же вы сделали? – спросил Пилипенко.

– Вызвала «скорую». Думала, она еще жива.

– А полицию?

– Полицию вызвали врачи.

– Это неправильно, – назидательно заметил Пилипенко. – В следующий раз сразу вызывайте полицию.

– В следующий раз?! – возмутилась Лебедева.

– Таня, он шутит, – вставил Жаров, прекрасно понимая подоплеку этой мрачной шутки. – Мой друг всегда шутит с серьезным лицом.

– Я, видите ли, давно разучился улыбаться, – сказал Пилипенко. – А вообще – я чрезвычайно веселый человек… Что ж, давайте зайдем внутрь и посмотрим.

Войдя в помещение камералки, они сразу увидели девушку, висящую на перекладине для особо тяжелых археологических находок. Жаров вспомнил, как только еще вчера спрашивал Ольгу о назначении этой перекладины… Неужели она уже в тот момент думала о том, что собралась сделать?

Или нет, ничего она не думала и думать не могла! – понял вдруг Жаров, увидев лежавший на полу стул. Что-то в этом стуле было неправильным. Казалось, будто стул послужил для самоубийцы в качестве опоры: девушка взобралась на стул, просунула голову в петлю, затем сошла с его края. Ноги девушки и отшвырнули стул в сторону.

Жаров поднял стул и поставил его под повешенной. Пилипенко, поначалу было хотевший прикрикнуть на Жарова, чтобы не трогал тут вещдоки, так и замер с открытым ртом. Все также обернулись, глядя в одну точку.

– С детства у меня проблема, – виновато пояснил Жаров. – гипертрофированно развит глазомер.

Стул стоял слишком низко: ноги даже не касались сиденья.

– Может быть, она прыгнула со спинки? – неуверенно проговорил Клюев.

– Это вряд ли, – сказал следователь.

Он нажал ладонью на спинку стула. Стул перевернулся и упал.

Тело вынесли и погрузили в машину. Оперативники молча делали свою работу: осматривали комнату, заглядывали в углы. Часто вспыхивал блиц фотовспышки.

Минин подошел с следователю, протянул плоский предмет.

– Вот, нашел на столе. Это явно принадлежало девушке.

В его руках покачивалась записная книжка. Пилипенко взял ее, принялся рассматривать, вдруг одна из страничек выпала, он задумчиво вставил ее на место.

– Это может быть очень важно, – сказал следователь.

– Какие-то ее записи? – просил Жаров.

– Дело, возможно, и вовсе не в записях…

Пилипенко обернулся к оперативникам. Сказал:

– Ну что ж! Вы знаете, что делать. Надо тщательно все здесь обыскать. Любую подозрительную мелочь. Любую деталь, которая не вписывается в систему. В обстановку, в предметы экспедиции.

Лебедева вскинула голову:

– А вы уверены, что ваши сотрудники знают, что вписывается в систему, а что – нет?

– Вы совершенно правы, сударыня! Думаю, вы не откажетесь нам помочь?

Пилипенко рассматривал полки с керамикой – кувшинами и тарелочками. Лебедева комментировала стоя позади него:

– Это ритуальные предметы. Их использовали только при погребениях, для чего специально и изготовляли. Из этих тарелочек не ели, из этих сосудов не пили.

– Разве в кувшинах не ставили покойникам вино, а в горшках – пшеницу?

– Нет. Пищу оставляли в могилах более древние, примитивные народы. И не кувшины это, а амфоры, не горшки, а пифосы. В таких не зерно хранили, а пепел.

– Какой еще пепел?

– Прах погребенных. Древние, так же как и мы, иногда кремировали покойников.

– Не похоже это на следствие кремации.

– Что – не похоже?

– Этот пепел.

Пилипенко указал на полку. Жаров увидел на ней клочки сожженной бумаги.

– Что это может быть?

Лебедева подошла.

– Не знаю, – сказала она. – Но, конечно, не прах погребенных.

Пилипенко обернулся к Минину:

– Леня, разберись с этим. Только осторожно очень.

Минин достал из саквояжа пластиковый контейнер, пинцет и маленький совочек. Аккуратно уложил обуглившиеся остатки. Лебедева тем временем с явной тревогой рассматривала стеллажи.

– Что-то не так… – пробормотала она, трогая предметы кончиками пальцев.

Пилипенко и Жаров вопросительно воззрились на нее.

– В камералке украдено несколько находок… – заявила Лебедева и вдруг ее лицо исказил ужас: – Что? Неужели?

Она присела над одним из ящиков, стоявших на полу, засунула в него руку, шаря ладонью, словно не веря, что ящик пуст. Жаров смотрел на нее с сочувствием.

– Пропало что-то ценное, да? – спросил он.

– Самое главное, – сдавленным голосом проговорила Лебедева. – Стихи.

– Какие стихи? – небрежно спросил Минин.

– Табличка со стихами Овидия. Теперь никто не поверит, что мы действительно нашли его могилу. Впрочем, остались фотографии… И строки, незабываемые строки… – Лебедева прикрыла глаза ладонью и продекламировала: «Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием делать…»

Когда она прекратила читать, все несколько секунд молчали. Лебедева заговорила первой:

– Странно. Грабитель похитил какие-то мелочи. Почему-то не взял вещи, имеющие явную ценность – серебро и золото, а просто всякие небольшие сосуды. Правда, драгметаллов тут совсем чуть-чуть…

– Есть ли у вас какие-нибудь соображения: почему? – спросил Пилипенко.

– Ни малейших. Ощущение, что действовал либо дилетант, либо…

Она вдруг замолчала, будто пораженная какой-то внезапной мыслью.

– Вы кого-то конкретно подозреваете? – насторожено спросил Пилипенко.

– Нет. Или да… Мне надо подумать, – Лебедева говорила очень неуверенно.

Тут послышались шаги, и в помещение вошли оперативники. Жаров всегда забывал их имена, но мысленно называл их Толстый и Тонкий, вспоминая сатирический рассказ знаменитого ялтинца.

– Мы нашли снаружи следы, – заявил Толстый.

– Не принадлежащие никому из членов экспедиции, – уточнил Тонкий.

Минин встрепенулся:

– Уже обмерили, сфотографировали, сделали слепки?

– Как раз и пришли за камерой и гипсом, – сказал Тонкий.

– Никуда они не денутся, – добавил Толстый.

Он и представить себе не мог, насколько был не прав. Как только Жаров и оперативники с контейнерами, пакетом в руках вышли из камералки, маленький песчаный смерч буквально слизал следы. Жаров однако успел их хорошо разглядеть. Его не отпускало чувство, что следы эти он уже где-то видел, причем, совсем недавно…

– Лучше тебе вспомнить, – сказал Пилипенко, когда Жаров сказал ему об этом.

Затем следователь предложил посетить жилище погибшей девушки. Лебедева открыла одну из дверей в коридоре блока для сотрудников. Пилипенко, Жаров и Минин вошли в помещение. Это была скромная комната Ольги с узкой кроватью, с маленьким столиком, на котором стояла ваза с увядшими цветами.

Пилипенко обратился к Лебедевой:

– Были ли у девушки какие-нибудь ценности?

– Мне об этом ничего не известно.

Жарову показалось, что в вещах не хватает чего-то очень важного – чего-то, что непременно должно быть здесь…

– Я очень удивилась, – говорила Лебедева, – когда не увидела ее на похоронах. Да, покойный преследовал ее, да, она не отвечала ему взаимностью. Но разве можно так злиться на уже метрового человека!

– Нельзя, – сказал Пилипенко. – Вот и вы – тоже не злитесь на мертвого.

– Это на кого же я злюсь?

– Да на Ольгу. За то, что она не пришла на похороны. Однако… Как все это могло произойти? Где ваш сторож?

– И правда – где?

Лебедева отвела всех в бытовку сторожа. Тот лежал наискось на деревянном топчане. Это был пляжный топчан, наверное, с пляжа и позаимствованный. Сон сторожа был тревожным, он дергался и корчил рожи. По его лицу ползала быстрая муха.

Лебедева растормошила спящего, тот проснулся, скорее даже от того, что антикварный кулон наклонившейся археологини ткнулся ему прямо в нос. Жаров опять подумал о кулоне, о том, что он упорно наводит его на какую-то существенную мысль…

– И давно вы тут спите? – строго спросила начальница.

– Я… Это страшное дело! Я ушел… – сторож бормотал что-то невразумительное, хотя за чередою слов угадывалось какое-то конкретное сообщение. В итоге он кое-как сформулировал свою мысль:

– Он был там!

– Кто? – деловито спросил Пилипенко.

– Призрак!

– Чей?

– Самого Овидия!

– Он был римлянином? – спросил Жаров.

– Так точно!

– Ты был военным? – спросил Пилипенко, разумея, вероятно стиль ответа.

– Нет. Я служил в милиции.

– Не помню тебя, – сказал Пилипенко.

– В Херсоне, – пояснил сторож. – Вышел в отставку, переехал в Ялту.

– Рановато вышел, – сказал Пилипенко. – Небось, выгнали за пьянку?

Сторож кивнул жалким лицом. Вдруг приосанился.

– Я между прочим, старший сержант. И почему это вы меня на ТЫ называете?

– А я всегда на ТЫ с убийцами, – будничным тоном сказал Пилипенко. – Мы с ними одно общее дело делаем, только с разных концов.

– Как одно и то же? – удивилась Лебедева. – Какое дело?

– Ловим убийцу.

– Я – убийца?! – вскричал сторож.

– Возможно.

– Кого же я убил?

Пилипенко кивнул Жарову:

– Даже и не помнит.

– Разве кто-то убит?

– Ну вот. Самое интересное – и проспал.

– Я не спал!

– А что же ты делал?

– Я был в обмороке, – серьезно сказал сторож. – Я точно видел призрака. Прибежал домой, спрятался. Но нервы-то не выдержали!

Все трое посмотрели на сторожа с удивлением и жалостью. На лице Лебедевой отразилось хмурое раздумье.

– Я знаю, кто все это сделал, – вдруг сказала она.

Пилипенко вопрошающе глянул на нее.

– Рудольф, черный археолог, – продолжала Лебедева. – Больше просто некому. Сегодня ночью мне не спалось, и я вышла прогуляться. Мне кажется, что я тоже видела кого-то…

Пилипенко вскинул на Лебедеву изумленные глаза. Жаров также с удивлением смотрел на нее. В словах свидетельницы ничего странного не было, но вот почему она спохватилась только сейчас?

– Кого же вы видели? – спросил Пилипенко.

– Может быть, именно Рудольфа.

– Вы не уверены?

– Эта была просто фигура. Я даже не могу сказать – мужчина это был или женщина. Но теперь я уверена, что это был Рудольф. Просто больше некому воровать артефакты. А призраком он стал по причине белой горячки.

– Как? – удивился сторож. – У него белая горячка?

– Не у него, а у вас, – сказала Лебедева, глядя на своего подчиненного с брезгливым отвращением.

– А кто убит-то? – спросил сторож, когда все уже выходили.

Жаров остановился в дверях и коротко объяснил ему.

Размышления вслух

Пилипенко рулил «Жигуленком», мчащимся по трассе. Жаров в задумчивости сидел рядом. Следователь сказал:

– Лебедева лжет.

– В чем конкретно? – спросил Жаров.

– Пока не знаю. Но ведь и ты изрядно удивился, когда она вдруг, совсем уж под занавес, рассказала, что видела человека, похожего на Рудольфа.

– Это безусловно как-то не так… В подобной ситуации она должна была вспомнить об этом раньше.

– Вот что на самом деле странно, – проговорил Пилипенко, будто размышляя вслух, – Лебедевой не спится, она выходит на прогулку среди ночи. Вдруг видит, что у раскопа тусуется какая-то смутная фигура. Она начальник экспедиции, ответственное лицо. Но ей вовсе не приходит в голову проверить, кто этот человек и не стащил ли он чего-нибудь.

– Точно! – воскликнул Жаров. – Ведь впервые она все это обнаружила утром, при нас.

– И мертвую девушку – также утром.

– Ты хочешь сказать, что…

– Сам посуди. Если бы Лебедева, увидев Рудольфа, пошла проверить раскоп и камералку, то она непременно обнаружила бы там труп. А что, если так оно и было? А не сама ли она сделала это?

Жаров насупился. Ему очень не хотелось, чтобы Лебедева была убийцей.

– Пока мы знаем лишь то, – резюмировал он, – что Лебедева могла найти тело раньше, чем сообщила нам. Самоубийство оказалось убийством и несчастный случай – грибное отравление – тоже. Плюс совершенно не ясно, что произошло с профессором Коровиным. Сам ли он упал с обрыва или ему, как говорится, «помогли».

– Думаю, что «помогли», – с суровыми нотками в голосе сказал Пилипенко. – Не может быть какой-то случайной смерти в том же месте и времени, где произошли два убийства. Это согласно и с твоей теорией: жизнь повторяет книги и кино.

Да, повторяет, это бесспорно, – подумал Жаров. Почти бесспорно… Мысль, высказанная им когда-то в шутку, с каждым новым случаем подтверждалась. Он сказал:

– По логике все три случая должны быть убийствами. Но это не отменяет возможности проклятия древней гробницы. Все смерти на Тутанхамоне тоже произошли по разным причинам.

Пилипенко ласково посмотрел на друга:

– Давай пока отложим Тутанхамона во временную корзину. Или в Каирский музей. Просто восстановим последовательность событий. Сначала профессор падает в море. Через несколько дней художник попадает в больницу с отравлением. Затем погибает лаборантка. Два факта остаются необъясненными, не вписывается ни в какую версию: листок из записной книжки девушки и пепел на полке среди горшков.

– И что пепел? – с удивлением спросил Жаров.

– Можно предположить, что пепел – это и есть листок. Если мы узнаем, что было на этом листке, то поймем, кто и зачем сжег его.

– А меня еще волнуют следы, которые сдул песчаный смерч, – сказал Жаров. – Я видел их какие-то мгновенья, но мне кажется, что их рисунок мне знаком… Но призраки не оставляют следов.

– Призраки? Это всего лишь лишний стакан, который опрокинул сторож.

Жаров вдруг вспомнил деталь, на которую прежде не обратил внимания.

– Опрокинул! Точно. Я вспомнил.

Вчера в кафе, когда черный Рудольф глаголил, как ему самому казалось, истину, Жаров нечаянно разлил пиво ему на колени. Когда тот уходил, Жаров смотрел ему вслед, пиво стекало с его мокрых штанин, на тротуарной плитке оставались отпечатки, так же быстро исчезающие, как возле раскопа, но не от ветра, а от солнечных лучей.

– Это был Рудольф, точно! – воскликнул Жаров. – Это его следы.

– Ты уверен?

– Да. Я запомнил такие же острые елочки.

– Это в корне меняет дело, – проговорил Пилипенко. – Взять его только на основании смутных предположений археологини мы бы не смогли. Что ж! Будем считать, что начальник экспедиции Лебедева прямо указала на него. А в случае расследования убийства такого основания достаточно.

– Тем более, этот «черный оракул»… Боревич понимал, что его отравили и подозревал в этом конкретного человека.

Арест

Рудольф, по всей вероятности, ничего страшного не ожидая, сидел дома, когда за его окном раздался скрип тормозов и хлопанье дверей. В квартире сразу стало людно: вошли Пилипенко, Жаров, Минин и оперативники. Пилипенко показал удостоверение и официально представил миссию:

– Следственный отдел города Ялты.

Рудольф оглядел Жарова и поинтересовался, скорчив недовольную гримасу:

– А пресса зачем?

– Это наш внештатный сотрудник, – невозмутимо солгал Пилипенко.

Рудольф широко улыбнулся:

– Подрабатывает, значит, по знакомству.

Пилипенко прошел в комнату. Сказал:

– Ряд свидетелей утверждает, что видели вас прошлой ночью на месте убийства…

– Убийства? Да я никогда в жизни…

– …связанного с кражей предметов из расположения археологической экспедиции.

Рудольф тяжело опустился на стул. Спросил:

– У вас есть ордер на обыск?

– Разумеется, – сказал Пилипенко.

Он извлек из бумажника документ и показал его Рудольфу. Тот тяжело вздохнул:

– Кажется я влетел основательно.

Когда рутинная работа была сделана и краденые артефакты расположились на столе, Пилипенко задумчиво проговорил:

– Чего-то тут явно не хватает.

Жаров оглядел «выставку». Пресловутый кувшинчик с отбитым краешком, с треугольным сколом на горлышке также был здесь. Рудольф уныло сидел на стуле. Пилипенко оценивающе рассматривал его.

– Табличка со стихами как сквозь землю… – заметил оперативник, но следователь не дал ему договорить.

– Нет тут никакой земли, – сказал он, затем повернулся к Рудольфу: – Ты не мог бы освободить этот стул?

Меньше, чем через минуту табличка была в руках Пилипенки, а Рудольф, еще более унылый, стоял напротив с сиденьем стула в руках.

– Будь ты умнее, – сказал следователь, – то вставал бы, прохаживался по своей берлоге. А то сел и сидит. Козе понятно, почему человек к стулу прирос.

– Мне тяжело будет это объяснить, – серьезно сказал Рудольф. – Да, я был ночью в экспедиции. Да, я взял эти вещи. Но я никого не убивал.

– Нехорошо переодеваться призраком, любезнейший! – сказал Пилипенко.

Рудольф посмотрел на него, как на идиота:

– Я? Переодевался?

– Может быть, призрак действительно был? – вставил Жаров.

Пилипенко посмотрел на журналиста, как на идиота. Этим обменом красноречивых взглядов и закончилась сцена обыска и ареста.

Многострадальный кувшинчик

Жаров сидел в кабинете, разглядывая ящик с артефактами на столе. Следователю только что позвонила Лебедева, сообщив, что ее несчастного сторожа увезла «скорая помощь». Телефон стоял на громкой связи, Жаров отметил, что в голосе археологини звучит явное злорадство. Пилипенку эта новость огорчила.

– Спасибо, я знаю, что такое *делириум*. Горячий и совсем белый, – с грустью сказал он в трубку, затем, закончив разговор, обратился к Жарову:

– Нашим был парнем, служил, дежурил… Эх! Вылью я когда-нибудь твое представительское виски.

– Только попробуй.

– Да не попробую. Шутка. Однако, с призраком Овидия теперь все ясно.

Он посмотрел на ящичек. Сказал:

– Лебедева опознала эти предметы. Они на самом деле украдены из раскопа. Только вот неизвестно: настоящие они или поддельные. Если гробница – и в самом деле мистификация века, то археологине верить нельзя. Нужна консультация с независимыми специалистами.

– Я знаю одного специалиста из Москвы, – сказал Жаров.

– Уж не Вышинскую? Ну, покажи ей, например, этот кувшинчик. Вот. Даю без расписки.

Пилипенко взял кувшинчик с характерной трещиной, отделил его от остальных предметов и поставил на стол перед Жаровым.

Спустя полчаса этот кувшинчик уже вертела в руках пожилая женщина с пышной фиолетовой шевелюрой. Номер гостиницы, куда заявился Жаров, был недорогим, попросту убогим. Ни туалета, ни душа – лишь кран торчал в стене, под ним – раковина. Жаров и Вышинская сидели по обе стороны журнального столика.

– Откуда он? – спросила Вышинская.

– Нашли при обыске у одного черного копателя.

– Не повезло бедолаге.

– А что?

– Откопал где-то подделку.

Вышинская перемесилась к раковине и вымыла руки, сняла с крючка полотенце. Она стояла возле окна, Жаров видел ее силуэт в контражуре. Как и на выставке… Что-то было странное,

загадочное в этом силуэте. Жаров подумал, что за ширмой реальности вот уже несколько дней стоит какой-то Сфинкс с разбитым лицом и кидает, кидает через эту ширму всё новые вопросы.

– Проклятая гостиница! – выругалась Вышинская, а по существу добавила: – Эта керамика может служить лишь сувениром для туристов. Сделана в наше время.

Жаров пулей влетел в кабинет следователя. Там уже сидел Минин с какими-то бумагами. Жаров, громко стукнув, поставил кувшинчик на стол.

– Осторожнее, разобьешь! – забеспокоился Минин.

– Не имеет значения, – сказал Жаров. – Это подделка. Вышинская определила кувшинчик как подделку. Похоже, что черные археологи не такие уж и квалифицированные.

– Не думаю, – проговорил Пилипенко, повертев в руках кувшинчик. – Этот Рудольф ведет свою игру. Вероятно, он хорошо знает ее правила. Кувшинчик, между прочим, точно взят из гробницы, и Лебедева определила его как подлинный.

– Что же происходит? – сказал Жаров.

– Возможно, не только Рудольф знает правила, но и Лебедева. Черт ногу сломит в этой античной яме. Не могут так грубо ошибаться сразу двое археологов – черный и белый.

– Откуда вообще взялись в гробнице подделки? – сказал Минин. – Кто и когда их сотворил?

Пилипенко задумчиво посмотрел в потолок. Сказал:

– Есть одно соображение. Допустим, некто имеет тайные коммерческие отношения с сотрудниками экспедиции, и часть предметов уже похищена, заменена подделками, а часть – настоящая.

– Тогда этот некто – вовсе не Рудольф, – сказал Жаров. – Он забрался в камералку, украл несколько предметов, иные из которых и оказалась этими подделками.

– Вот и мотив убийств вырисовывается… – сказал Пилипенко, затем снял трубку и приказал дежурному сержанту привести подследственного.

– Вот еще что, – сказал Жаров. – Я вспомнил, чего не хватало в вещах убитой девушки. Когда я видел ее на выставке, она носила ожерелье из черного жемчуга. Где оно?

Пилипенко молча кивнул и сделал пометку в своем блокноте. Значит, принял к сведению… Это и была та самая мысль, которая не давала Жарову покоя в те моменты, когда он видел кулон на шее у Лебедевой.

Вскоре привели Рудольфа. После первого же вопроса он возмутился, тукнул пальцем в кувшинчик, стоявший на столе.

– Это настоящий артефакт! Я купил его за… Не скажу сколько долларов!

– Разве ты не утащил его из гробницы? – спросил Пилипенко.

– Ну, утащил. Взял, то есть.

– Этот кувшинчик? Который, как ты только что сказал, сам купил на черном рынке за сколько-то там долларов?

Рудольф замялся. Проговорил фальшивым голосом:

– Наверное, это другой какой-то кувшинчик.

Минин спросил:

– А где жемчужное ожерелье девушки?

– Я археолог, а не вор! – возмутился Рудольф.

Пилипенко внимательно посмотрел на него. Затем нажал кнопку селектора. Вошел конвоир и увел Рудольфа. Следователь повернулся к Жарову:

– Куда же делось ожерелье? Нельзя ли проверить ее компьютер, письма, что ли? Она ведь ездила зачем-то в Симферополь. Не для того ли, чтобы продать свое сокровище?

Жаров не стал ломаться, хотя ему и было неприятно совершать перлюстрацию документов погибшей. Весь вечер он просидел в редакции, переводя взгляд с одного монитора на другой: ноутбук девушки стоял рядом с его редакционным «маком», слитый с ним в одну операционную систему, что, в принципе, задача невозможная, но такими доками, как Жаров, решаемая.

Компик Ольги был светленький, серебристый, на корпусе трогательные девочковые наклейки: цветочки, собачки…

Чем дальше он лез в чужую душу, тем больше возрастало его недоумение, которое затем сменилось настоящим шоком. Жаров стучал то по клавиатуре ноутбука, то по своей, прихлебывал

кофе, поднимал голову и задумчиво смотрел в потолок. Наконец, снял телефонную трубку и нащелкал номер Пилипенки.

Через полчаса они уже встретились на Набережной, схлопнув руки в приветствии.

– Чем порадуешь, брат? – спросил следователь.

– В компьютере девушки на самом деле есть закладка на скупку драгоценностей.

– Отлично. Пошлю-ка я Клюева проверить это дело.

– Но это не главное. Девушка выходила в социальную сеть и беседовала там с покойным художником. Ругалась, в основном.

– Это важно? – с недоумением спросил Пилипенко.

– Нет. Но, благодаря полученному адресу, я вышел на его страницу. Так вот. В социальных сетях обозначаются друзья того или иного человека. И это уже важно. Потому что в друзьях художника значится не кто иной, как Рудольф. Причем, в категории самых близких друзей. Похоже, это именно он и послал пресловутый венок.

Пилипенко щелкнул пальцами. Жаров немедленно прокомментировал:

– Что означает сей знаменитый жест?

– Да, я щелкнул. Потому что это в корне меняет дело. Вся моя теория рушится, но… На смену ей приходит другая.

– Поделишься?

– Нет. Потому что это бредовая теория. И еще. Я говорил с землекопами, которые также живут в бытовке возле раскопа. Парень и девушка, они таскают носилки с землей. Так вот, они тоже видели кого-то ночью. Только вот их показания расходятся с тем, что говорили сторож и Лебедева.

– Сильно расходятся?

– Не очень. Вот что странно. Землекопы опознали Рудольфа. Но оба показали с уверенностью, что он не заходил в камералку. По их словам, он лишь заглядывал в окна. Однако он стащил артефакты. Которые точно были в помещении. Как это понимать?

Жаров помолчал, задумчиво глядя в сторону. Сказал:

– Не уверен я, что это был Рудольф.

– А кто же?

– Хотя и он тоже там был, но видели эти люди совсем другого человека.

Жаров ясно представил себе выставочный зал с археологическими находками, Лебедеву и Вышинскую, которые о чем-то горячо спорят на фоне окна, энергично размахивая руками. Хотелось бы знать, о чем, но дело сейчас не в этом. Мимо проходит Рудольф, явно пытаясь прислушаться к их разговору. В контровом свете окна видно, что его рыжая шевелюра точно такая же, как лиловый «одуванчик» Вышинской.

– У Вышинской точно такая же прическа, – сказал Жаров, – и ростом она высокая.

– Вышинская? – удивился Пилипенко. – Ночью на раскопках?

– В этом как раз нет ничего удивительного, если учесть, что они с Лебедевой вступили в некую приватную дискуссию сразу после их знакомства на выставке.

Пилипенко задумчиво теребил очки.

– И на похоронах художника они о чем-то спорили, – сказал он.

Пилипенко достал телефон, раскрыл, вызвал, как сразу выяснилось, Клюева.

– Вот что, Клюев. Найди историка из столицы, Вышинскую. Хотел бы с нею переговорить. В официальной обстановке, в моем кабинете.

Телефон стоял на громкой связи, и было слышно, что ответил лейтенант Клюев:

– Найти-то я ее нашел. Только что. А вот насчет беседы… Вряд ли получится.

Подобного рода фразы, согласно печальному опыту Жарова, как в жизни, так и в кино, могли иметь только одно значение.

Загадка акваланга

На Массандровском пляже, ближе к его концу, там, где выходит в море ялтинская канализационная труба и местные никогда в этой зоне не купаются, толпились полуголые курортники, и слыхом не слыхавшие об этой трубе.

Большой участок в форме круга был пустынен. Посреди круга лежала женщина в купальнике. Пилипенко, Жаров, Клюев, Минин и оперативники стояли в кругу отдельной группой. Вспыхивал блиц фотографа.

– Мы обнаружили ее вещи, – доложил Клюев. – И документы. Это и есть Вышинская.

Среди оперативников болтался какой-то незнакомый, Жаров никак не мог понять, кто это. Он оказался местным спасателем. Когда он заговорил, Жаров вспомнил его: учился в двенадцатой школе, играл в футбол. Он сказал, обращаясь к следователю:

– Мы поначалу думали, что женщина просто утонула. Но когда перевернули ее, то увидели рану. Однозначно: это от гарпуна подводного ружья.

– Ясно, – сказал Пилипенко. – Она застрелена… Это уже четвертая жертва неведомого убийцы, а мы никуда не продвинулись.

Минин присел на корточки, рассматривая труп. Сказал:

– Убийца выстрелил снизу, пронзив ей гарпуном живот. Пораженная болью, женщина не смогла доплыть до берега и захлебнулась.

– В распоряжении экспедиции есть акваланг, я видел! – воскликнул Жаров.

– Что ж! Все дороги ведут в Рим, – произнес Пилипенко с грустью, поскольку, несмотря на деловой вид и холод в голосе, глубоко внутри он сильно переживал любую смерть.

Через полчаса Пилипенко, Жаров и Лебедева вошли в помещение для камеральных работ. Акваланг лежал у стены.

– Вот он, – сказала Лебедева. – Теперь бесполезная вещь.

– Почему же? – возразил Жаров. – Хорошая вещь. Итальянская. Я бы не отказался нырнуть.

– Вы умеете?

– А как же!

– К сожалению, – тихо проговорила Лебедева, – этим аппаратом пользовался только Боревич, художник. Но его больше нет среди нас.

– Странное дело, – озабоченно произнес Жаров. – Мы считаем, что Боревич умер, но…

– Не умер, а был убит, – перебил Пилипенко.

– Как это убит? – спросила Лебедева.

– Отравлен.

– Но кто мог это сделать?

– Об этом мы обязательно узнаем.

– А что если… – начал было Жаров.

– Ты предполагаешь подставу? Его разве хоронили в закрытом гробу?

– В открытом.

– Тогда забудь. И не говори мне, что мертвецы, в силу некоторых обстоятельств оживают. Как это порой мелькает в твоей газете.

– Может быть, зомби? – с вялой надеждой проговорил Жаров. – Это, брат, имеет научное объяснение…

– Я тебя убью, – серьезно сказал Пилипенко. – Зачем в археологической экспедиции акваланг? – обратился он к Лебедевой. – Мы ж на сто метров над уровнем моря.

– Входит в комплект оборудования. Вообще-то работать с аквалангом должен специальный человек, но финансирование…

– Зарплата у них и вправду чрезвычайно низкая, – эти слова Пилипенко произнес уже в машине, на обратной дороге. – И у Лебедевой, и у Вышинской. Взятки тут брать не с кого.

– К чему ты клонишь? – спросил Жаров.

– Да есть одно соображение…

– Опять закрылся, как всегда к финалу.

– Потому и закрылся, чтобы ты не поместил инфо в ближайшем номере.

– Но я не буду этого делать! Неужели ты не веришь моему слову?

– Верю. Но тебя может так понести в тексте, что ты и сам не заметишь, как бросишь какой-то намек. А если убийца прочитает? Да ты и сам не будешь знать, какую информацию заложил между строк!

– И что же мне обнародовать на данный момент? – с наигранным подобострастием спросил Жаров.

– День-другой потерпеть не можешь?

– Завтра сдаю номер в печать.

– Утром или вечером?

– Утром. До десяти.

– А можешь ты написать что-то такое… Выманить убийцу.

Жарову вдруг стало очень интересно.

– И что же ты хочешь, чтобы я написал? – спросил он.

– Ну, например, о Тутанхамоне своем. Что, дескать, есть версия, что это фальсификация века. Слово за слово… И что наша могила Овидия – возможно, тоже.

– Я не буду давать ложную информацию, – твердо сказал Жаров.

– А если она не ложная?

– Да что ты несешь? Мы ведь уже отвергли эту версию.

Пилипенко повернул голову к Жарову и долгим взглядом окинул его, непонятно, каким образом чувствуя ленту дороги. Сказал:

– Слушай. Этот Овидий – подделка.

– Но радиоуглеродный анализ показывает, что могила древняя!

– А вот это вопрос. Анализ определяет только органику. И кости скелета на самом деле принадлежат первому веку нашей эры.

– Но это же нелепо! – вскричал Жаров. – Тогда могила подлинная. А кинжал? Разве можно подделать такую старинную бронзу?

– Скелет настоящий. Еще несколько вещиц настоящие.

– И кинжал?

– Настоящий, правда, с какими-то невразумительными буквами, где и «Витя Жаров» можно прочесть. Кувшинчик, который ты показывал Вышинской, также подлинный.

– Тут Жаров удивился еще больше:

– Как? Она же определила его как подделку!

– Вот и вопрос – почему? Какую тайну унесла Вышинская на морское дно близ великой ялтинской канализационной трубы? И откуда взялся этот причудливый замес? Подлинники и подделки в одной яме.

– Между прочим, – задумчиво проговорил Жаров, – Вышинская как-то странно вела себя на выставке. Говоря об артефактах, она употребила слово «коллекция».

Пилипенко молча смотрел на дорогу. Через минуту сказал:

– Коллекция… Очень это все странно. Ведь основная масса предметов – работа наших искусных умельцев. Можно предположить, что они специально перемешаны с подлинниками, чтобы ввести кого-то в заблуждение…

– Розыгрыш? Не поверю! Зачем и кому это нужно? Это же ведь, я думаю, немалых денег стоит – сделать целое захоронение под землей.

– Ну, это же не просто деньги на ветер. А вложение. Которое должно было принести прибыль.

– Прибыль – кому?

– А вот этого я не могу пока сказать. Боюсь, что ты проговоришься. Просто намекни туманно, будь другом, брат!

«Подлинность древней гробницы под вопросом»

Номер с обещанной следователю статьей вышел, как обычно, в среду. Жаров сидел в редакции, когда на пороге возникла Лебедева. В руке она как раз и держала этот номер, свернутый в трубочку. Жаров вскочил, встречая гостью. Та молча прошла в помещение редакции, ногой отодвинула стул, села.

– Здесь написано, что могила Овидия – подделка! – сказала она.

– Не волнуйтесь так, – проговорил Жаров. – Это всего лишь версия.

– Версия – чья?

– Следователя Пилипенко.

Несколько секунд она молча разглядывала Жарова. Затем сказала:

– Вы поставили под сомнение мою работу. Смысл моей жизни. И чего я, дурочка, распиналась перед вами, соловушкой пела? Вы мне, впрочем, с самого начала показались олигофреном.

– Правда? – с искренним удивлением спросил Жаров.

– Правда. Я-то думала, что он мне какую-то пользу своей газетенкой принесет.

– Выходит, я был нужен вам, только как…

– Журналист. И это всё.

Сказав так, Лебедева, не прощаясь, ушла, опрокинув стул и оставив настежь распахнутую дверь. Жаров поднял стул и закрыл дверь редакции. Брошенную женщиной газету он разгладил и положил на журнальный столик в приемной: пригодится для посетителей.

Вернувшись в кабинет, он открыл сейф, достал бутылку скотча из представительского фонда и наполнил стакан. Не выпил, а лишь понюхал для начала, смакуя близость первого глотка. Всякий раз, встречая новую женщину, он мысленно проговаривал: «Ну, и напьюсь же я, когда и с ней ничего не получится!» Вот и настал сей вожделенный момент. Теперь-то он понял, почему она внезапно сменила минус на плюс при их первой встрече.

Жаров сел за копм, уныло пощелкал мышью. Вдруг, увидев нечто, вытянул шею, всматриваясь в монитор. Воскликнул:

– Фига себе!

Он закрутил стакан и решительно вылил висковый смерч в цветочный горшок. Как только что выяснилось, предстоял визит в управление. Трезвый визит.

Почтовый ящик лаборантки открылся неожиданно: хакерская программа подбора паролей, которую он запустил еще вчера, наконец, справилась с задачей, перебрав миллионы комбинаций.

Жаров просидел за компьютером больше часа, отмечая и распечатывая материалы. Затем накинул бейсболку и вышел на улицу.

В управлении, за дверью кабинета следователя волновались возбужденные голоса. Жаров вломился без стука. Пилипенко, Минин и Клюев разом замолчали и уставились на него.

– Разрешите присутствовать? – спросил Жаров, махнув свернутыми в трубку бумагами.

– Совещание закрытое, – строго возразил Пилипенко. – Пресса не допускается.

– Кру-гом! – шутливо скомандовал Клюев.

Жаров неподвижно стоял в дверях. Проговорил:

– Я все-таки вскрыл почтовый ящик девушки.

Пилипенко мгновенно переменил решение:

– Это интересно. Заходи.

Жаров положил на стол следователя распечатку. Прокомментировал:

– В основном, переписка с подружками. Некая неразделенная любовь к мужчине, которого она называет К.

Все остальные быстро переглянулись, Жаров заметил, но вида не подал. Им всегда есть, что скрывать от «журналюги». Пусть скрывают.

– И еще, – продолжал он. – Несколько дней назад девушка откликнулась на одно объявление. Тут его текст.

Пилипенко взял в руки лист. Как пишут в вялотекущих наших триллерах, глаза его полезли на лоб. Он прочитал вслух:

– Продаю различные химические вещества. Полезные в хозяйстве. Травить мышей, крыс, бродячих псов и других, более крупных животных… Все ясно. Обтекаемая форма торговли ядами. Человек из Симферополя.

– Ольга вступила в переписку с этим человеком, – сказал Жаров. – Читай дальше.

– Торговались, – сказал Пилипенко рассматривая распечатку. – Сошлись на цене. Большие деньги для лаборантки.

– Разве я зря ездил в Симферополь? – подал голос Клюев.

– Ты о чем? – спросил Жаров.

– Девушка посетила ювелирный. Продала ожерелье.

Минин спросил:

– Был ли среди этих предложений паутинник козлиный и мухомор вонючий?

Жаров ответил в форме устной ссылки:

– Прочитай, третья страница.

Следователь перелистал бумаги. Сказал, обращаясь к эксперту:

– Да. Он предложил ей именно яд, основанный на вытяжке из грибов. Который можно списать на случайное пищевое отравление.

– Если бы не такое разнообразие грибов, – заметил Минин.

– Допустим, она отравила художника. Но каков мог быть у нее мотив? – Пилипенко обвел взглядом присутствующих, ожидая ответа на свой вопрос.

– Художник был безнадежно влюблен в нее, преследовал девушку, – сказал Жаров.

– И что? За это убивают?

– Ты плохо знаешь женщин.

– А потом кто-то убил ее? – сказал Клюев. – Странно все это…

– Действия убийц всегда странны… Ладно. – Пилипенко обратился к Клюеву. – Какие новости из Спорткомитета?

– Ответ положительный, – проговорил Клюев, покосившись на Жарова.

Тот сказал с возмущением в голосе:

– О чем вы всё темните? При чем тут Спорткомитет?

– Есть кое-что, – ответил следователь. – Приберегу для финала. А теперь тебе надо сходить в АПУ, – он опять повернулся к лейтенанту.

– В АПУ? – встрял Жаров. – В архитектурно-производственное управление? А это еще зачем?

Пилипенко смотрел в окно, разглядывая ползущий по улице пылевой смерч. Наконец, соизволил ответить, правда, ответом его реплику можно было назвать лишь условно:

– Сегодня вечером, на раскопках. Все будет озвучено в полной мере.

Какое-то время он молча провожал взглядом маленький городской смерч. Затем все же произнес нечто значимое:

– Похоже, я совершил ошибку, полагая, что убийца был один и действовал по одному и тому же мотиву.

Финал

В павильоне, раскинутом над раскопками, были расставлены складные брезентовые стулья. Собралось семь человек. Со стороны полиции – Пилипенко, Минин и Клюев. Жарова также можно было с некоторой натяжкой назвать полицейским, имея в виду, что когда-то в детстве он мечтал стать сыщиком. Рудольф, задержанный за кражу и по подозрению в убийстве лаборантки, сидел в наручниках. Лебедева и сторож присутствовали в качестве свидетелей. Жаров так и не узнал, как зовут этого человека: «сторож» и все.

Пилипенко стоял перед присутствующими, словно докладчик. Жаров подумал, что он сейчас как никогда смахивает на Эркюля Пуаро, а сама сцена – на типичный финал романа Агаты Кристи, когда сыщик собирает всех фигурантов дела и на глазах у потрясенной публики разоблачает убийцу.

– За последние несколько дней в нашем городе погибло четыре человека, – начал Пилипенко. – Профессор Коровин упал с обрыва и разбился о скалы. Художник Боревич умер от грибного отравления. То и другое признано несчастными случаями, что не вызывало бы сомнений, если не две следующие жертвы: лаборантка археологической экспедиции Лукьяненко Ольга и специалист из Москвы Вышинская Любовь Львовна. По поводу гибели этих женщин возбуждены уголовные дела по факту убийств. В связи с рядом обстоятельств оба дела объединены в одно. Вместе с тем, все четыре смерти, несомненно, связаны с чем-то, что происходит в экспедиции. Попробуем разобраться. Начну с самых незначительных вопросов. Кто подстроил покушение на госпожу Лебедеву? Мы определили, что плита была сдвинута намеренно, именно в том углу, где раскопками занималась руководительница экспедиции. Более того: Ольга, лаборантка, явно знала о готовящемся покушении и препятствовала ему. Вопрос только в том: кто мог устроить покушение? Сама Ольга? Но потом передумала… Кто-то другой? Кто?

Это прозвучало, как вопрос, обращенный к аудитории, но никто не отозвался. Следователь обвел взглядом присутствующих и остановил глаза на Лебедевой. Сказал:

– Покушение – это, конечно, серьезно, но мы имеем дело с убийствами. Все эти убийства могла совершить руководитель экспедиции, Лебедева Татьяна.

Та с возмущением воззрилась на него:

– Это немыслимо! Да как вы смеете?

– Все очень просто. Вы подделали могилу Овидия. Как Тутанхамон. Вы сделали это вместе: профессор, художник, лаборантка и сторож.

– Я тут не при чем! – воскликнул сторож.

– Спокуха, – сказал Пилипенко с уминающим жестом ладони. – И до тебя речь дойдет.

– Он назвал меня на ТЫ, – громко зашептал сторож Жарову – Подозревает в убийстве!

Пилипенко обернулся:

– Да нет. Это я по-свойски. Как бывшему менту.

Все это время Лебедева смотрела на следователя круглыми глазами, порывалась что-то сказать, но, похоже, просто лишилась дара речи. Наконец, воскликнула:

– Позвольте! Я не подделывала могилу Овидия.

Пилипенко в свою очередь также посмотрел на нее с удивлением.

– Да? Но могила поддельная.

– Вы верите желтой прессе?

Она бросила на Жарова полный презрения взгляд.

– Нет. Это желтая пресса верит мне. Возможно, события развивались так. Пожилой профессор, дитя советских времен, сначала согласился с вашей идеей имитировать находку века, но затем запротестовал, собирался все рассказать третьим лицам…

– Нет! – воскликнула Лебедева.

– Не перебивайте, я всего лишь развиваю мысль. Допустим, художник видел, как вы столкнули пьяного старика с обрыва. Пришлось и его убрать – отравить грибной смесью, которой хватило бы на целую экспедицию. Лаборантка была в сговоре с вами, она и приобрела яд, для чего продала единственно ценную свою вещь – ожерелье из черного жемчуга. Правда, затем вы убили и ее, эту несчастную, запутавшуюся девушку.

– Нет! – повторила Лебедева гораздо громче.

– Да что ты как попугай, честное слово!

– На ТЫ! – сказал сторож. – Теперь уж мы точно знаем, кто убийца.

– Даже если я и убийца, не смейте мне тыкать! – огрызнулась Лебедева.

– Простите, оговорился, – сказал Пилипенко виноватым голосом. – Но я просто обязан начать с какого-то предположения, пусть даже абсурдного. Вы никак не могли подделать это захоронение. У вас просто не хватило бы возможностей и средств на это. И не могли также убить всех этих людей. Профессора, художника, девушку…

– И Вышинскую, – добавил Жаров.

– А вот ее – да, вполне могла убить, – сказал Пилипенко.

– И каков же мотив? – спросил Клюев.

– Допустим, она шантажировала нашу клиентку.

– Чем она могла меня шантажировать? Вы же сами только что сказали, что я не подделывала захоронение!

– Но вы же знаете, что оно фальшивое, так?

Сторож вскинул голову, будто бы только что проснулся:

– А оно фальшивое? Что же я тогда сторожил три месяца?

– Ну, допустим, – сказал Пилипенко, – некие ценные древности там все же были. Верно, Рудольф?

– Ну вот! – воскликнул Рудольф. – Сразу на меня. Потому что больше свалить не на кого.

Пилипенко посмотрел на него с сожалением. Сказал, раскрывая папку, лежащую перед ним на столе:

– Есть у меня тут два документа. Это копия свидетельства о собственности и акта о сносе.

– Докопались, все же! – проговорил Рудольф упавшим голосом.

– Такая у нас работа – копать. Мы тоже в какой-то степени археологи.

Жаров ничего не понял из последних слов диалога. Спросил:

– Собственности и сносе – чего?

– Гаража моего тестя, – ответил Рудольф. – Надо же! У него и фамилия другая, и умер он уже. А перед тем как умер, продал этот гараж.

– Ничего не понимаю! – сказала Лебедева. – При чем тут какой-то гараж?

– А при том, – ответил Пилипенко, – что он стоял как раз на том месте, где вы раскопали могилу якобы Овидия. И этот хитрый господин имел достаточно возможностей не спеша вырыть яму и устроить под гаражным боксом древнее захоронение.

Несколько секунд все молча разглядывали Рудольфа, который бессильно улыбался, позвякивая наручниками. Наконец, он подал голос:

– Ну, хорошо. Я это сделал.

Жаров не удержался от реплики:

– Я не верю своим ушам. Вы сумасшедший?

– Да нормальный он, – сказал Минин. – Даже слишком. Среди многочисленных фальшивок поместил несколько ценных подлинников. Скелет приволок настоящий, из другого древнего захоронения. За этими подлинниками он и явился среди ночи. В ту ночь, когда была убита лаборантка.

– Я не убивал лаборантку, – сказал Рудольф.

– Ответьте мне все же, – обратился к нему Жаров. – Так, из любопытства. Я все-таки писатель по образованию, психолог, инженер человеческих душ. Что вами, хотел бы я знать, двигало, когда вы ямку копали, когда могилку Овидия под гаражиком мастерили?

Рудольф демонстративно отвернулся, показывая этим жестом, что отвечать он не собирается.

– Ты и впрямь не понимаешь? – спросил Пилипенко.

– Может быть, я просто отстал от жизни… – проговорил Жаров.

– Я-то сразу догадался. Рудольф – черный археолог. Он торгует древностями, которые сам и раскапывает. И вот теперь он решил, наконец их наоборот – закопать.

– Зачем?

– Чтобы потом снова раскопать. За несколько лет грунт спрессовался, и уже не поймешь, насколько эта яма древняя. А для экспертизы он закопал настоящий скелет и несколько действительно ценных вещей. Я правильно говорю, Рудольф?

Следователю тот все же соизволил ответить:

– Да. Все это соответствует истине. Только я не вижу здесь состава преступления. Если кто-то закопал где-то вещи, принадлежавшие ему… В чем меня обвиняют? – Рудольф с мерзким звоном тряхнул своими наручниками.

– В кражах и махинациях, – спокойно ответил Пилипенко. – И при любом результате текущей беседы вы уйдете отсюда в браслетах и вернетесь в свою родную камеру.

– Ничего страшного, – с деланной бравадой произнес Рудольф. – Люди моей профессии всегда немного сидят. Чаще всего выходят по амнистии.

Пилипенко шутливо помахал Рудольфу ладонью, будто приветствуя его.

– Я рад, дорогой мой, что вы так легко принимаете эту необходимость. Только еще один вопрос: вы ведь были другом Боревича, художника, умершего от грибного отравления?

– Был, ну и что?

– Почему же так тщательно скрывали этот факт?

– А меня никто и не спрашивал об этом.

– Да уж. Довелось узнать окольным путем. Через интернет-плацдарм. Дело в том, что этот факт сильно меняет дело. Простите за тавтологию.

– Тавто… Что? – встрепенулся сторож.

– Он имел в виду каламбур, – пояснил Жаров, но сторож продолжал тупо смотреть на него, явно не понимая ни того, ни другого слова. Пилипенко заговорил, обращаясь к Рудольфу.

– Дело в том, что вы действовали заодно. Вы и художник. Это была многоходовка. Вы знали, что гараж вашего тестя снесут, поскольку будут строить здесь школу. Все это можно было увидеть на генеральном плане застройки Большой Ялты, который любой желающий может посмотреть в архитектурно-производственном управлении. Разумеется, перед строительством местность должны были проверить археологи. Разумеется, Боревич был бы зачислен в экспедицию

художником, поскольку он и специализировался на археологии. Дальше дело техники. Настоящие, белые археологи раскапывают захоронение. Раскопки становятся мировой сенсацией. По замыслу злоумышленников, находки должны были быть украдены. Именно фальшивки, чтобы исключить дальнейшие, более квалифицированные исследования. На месте же остался бы подлинный скелет, некоторые предметы настоящей древней керамики, а также бронзовый кинжал. Таким образом, подлинность могилы Овидия была бы подтверждена, хотя главное доказательство – плитка с его стихами, было бы украдено. Для чего и нужен был художник Боревич, имеющий доступ к имуществу экспедиции. И вот эту плитку со стихами и продал бы наш неутомимый черный копатель на рынке. Также, разумеется, черном. А стоила бы эта плитка очень больших денег. Верно, Рудольф?

Рудольф захлопал в ладоши – тихо, насколько позволяли оковы.

– Браво! Я могу только восхищаться вашим талантом, друг мой, сыщик!

Пилипенко невозмутимо продолжал:

– Всё это, конечно, не добавит вам наказания, черный. Зато нам – прояснит преступление. Наша ошибка была в том, что мы искали убийцу, какого-то одного убийцу. Но в этом деле было трое убийц, и все они действовали по разным мотивам. Вот в чем загвоздка – в мотивах. В одном случае – страх разоблачения. В другом – ненависть и отчаянье. В третьем – стремление убрать человека, который мешал.

– Но трупа у нас четыре, – подал голос Клюев.

– Я не забыл об этом. Один из четырех случаев не был убийством. Трупа четыре, но убийства – три. Давайте разберемся с каждым случаем в отдельности. Первым умер профессор Коровин. То, что с ним произошло, знают все. Поздно вечером этот пожилой человек свалился со скалы в море и погиб. Могло ли это быть несчастным случаем, как определило предварительное следствие?

Пилипенко повернулся к Минину, явно адресуя вопрос ему как эксперту.

– Да, могло, – сказал Минин. – Он был в нетрезвом состоянии, оступился и потерял равновесие.

– А если это было убийство? – предположил следователь.

– Кто-то столкнул профессора… Вполне. Но нет ни мотива, ни подозреваемого.

– Самоубийство?

– Тоже возможно. Убийца для этого нехитрого дела не нужен, но необходим веский мотив.

– Порой даже гораздо более веский, чем при убийстве… – сказал Пилипенко. – Итак, смерть профессора – это либо убийство, либо самоубийство, в любом случае – рукотворная смерть. Перейдем к Вышинской. Вот эта женщина была явно убита, зверски застрелена из подводного ружья. В живот. Кто-то надел акваланг, подплыл снизу и выстрелил. Рана-то пустяковая, от нее не умирают, но болевой шок не дает жертве ни малейшего шанса удержаться на воде.

– Но убийца мертв! – воскликнул Жаров. – Вернее, я хотел сказать, единственно возможный кандидат в убийцы. И умер он прежде, чем мог совершить это.

– Не единственно возможный, – возразил Пилипенко. – Теперь поговорим и о нем. Художник экспедиции Боревич умер, отравившись грибами. Это может либо несчастным случаем, либо убийством.

– А самоубийством это быть не могло? – спросил Рудольф.

– Категорически нет. Смерть от грибного отравления долгая и мучительная. Для самоубийства существуют гораздо более легкие и менее болезненные способы.

– Несчастный случай?

– Невозможно. Бригада эксперта Минина определила, что это были токсины сразу нескольких смертельно ядовитых грибов. – Пилипенко опять обратился к Минину: – Леня, как их там?

– Трижды смертельный коктейль из бледной поганки, мухомора вонючего…

– Вонючего! – перебил сторож.

– …и паутинника козлиного, – закончил эксперт.

– Козлиного! – не унимался несчастный.

– Это всего лишь научные термины, – пояснил Минин. – По классификации Фриса, известного европейского грибника.

– Итак, смерть художника могла быть только убийством и больше ничем, – заключил Пилипенко. – А вот что на самом деле произошло с лаборанткой экспедиции, Лукьяненко Ольгой?

– Девушка была явно убита! – сказал Клюев.

– Это однозначный вывод, принимаемый единогласно. Но кто убил эту девушку? Я уверен, что если мы поймем, кто убил девушку, то поймем и все остальные убийства. Следствием установлено, что в ту ночь несколько человек находились неподалеку от места преступления. Но никто из них не убивал девушку.

– Это был человек со стороны! – воскликнул Жаров. – Некто, до сих пор не известный. Но так не бывает.

– Именно! – выбросил Пилипенко свое любимое словечко, впрочем, позаимствованное у Эркюля Пуаро. – Реальные события развивались совсем не так, как это нам кажется. И ключом к разгадке мне послужил пепел, который мы нашли на полке среди керамики, в комнате, где была обнаружена мертвая девушка. Я с самого начала уцепился за этот пепел. И вырванную страницу из записной книжки. Если соединить обе детали, то можно предположить, что сожжена была как раз эта страница. На букву Э. Возможно, там была какая-то информация. Какое-то имя. Какие-то данные таинственного абонента Э. Таинственного – потому что среди фигурантов расследования вовсе нет никакого Э. Эдуард? Элеонора?

– Да уж, – сказал Жаров. – У нас и так есть один Рудольф. Элеонора в том же кругу людей – это было бы уже слишком.

– Вот я и говорю. Да и фамилия на Э не часто встречается. Не было никого на букву Э. Это была просто чистая страница.

– Но зачем кому-то сжигать чистую страницу? – спросил Клюев.

– Совершенно не за чем, – ответил Пилипенко. – Значит, на этой странице было что-то написано. Важный факт: записная книжка – это переплет, прошивка. Если вырвать одну страницу, то где-то в другом месте выпадет другая. Посмотрим, какая страница выпала.

Он достал записную книжку и продемонстрировал присутствующим.

– Страница на букву У… Но на этой странице есть записи! «Ухов, Успенская, Умная Мышь…» Ну, это кличка какая-то детская – интернет-адрес перед нею. «Ужгород – Собор Воздвижения Креста Господня. Новодел.» Вопрос. Могла бы девушка в своем уме так распотрошить собственную книжку, что из нее вывалилась бы нужная страница? Что вы по этому поводу думаете?

Пилипенко оглядел присутствующих.

– Девушка была не в своем уме! – предположил сторож.

– Хорошая версия. Есть еще предположения?

– Лист из книжки вырвал кто-то другой, – сказал Жаров.

– Допустим. Но у меня возникла иная версия. Лист вырвала сама девушка. И испортила она свою книжку по той простой причине, что книжка была ей больше не нужна. Потому что на чистом листе она написала свою предсмертную записку.

– Но девушка была убита! – сказал Клюев.

– Вовсе нет. Эту несчастную девушку никто не убивал.

– Я что-то не понял, – снова встрял сторож. – Девушка жива?

– Нет, к сожалению. Но и убийства не было, – сказал Пилипенко.

– А как же стул? – спросил Жаров.

– Мы ведь доказали, что девушка не могла повеситься на такой высоте, – добавил Клюев.

– Мы ничего не доказали. Мы просто видели. И среди нас находится человек, который и хотел, чтобы мы увидели то, что увидели.

– Ты хочешь сказать, что кто-то подтянул веревку? – спросил Клюев.

– Именно. Самоубийство было подделано под убийство. И навели меня на эту мысль несколько ошметков горелой бумаги на полке с кувшинами. Эксперт Минин! Зачитайте свое заключение.

Минин достал из папки лист и прочел:

– «Проведенное в лаборатории исследование… Участвовали…» Ну, это не важно. Вот главное. «Образцы горелой бумаги соответствуют той, которая принадлежит листам записной книжки, принадлежащей…» Фу, какой неуклюжий этот язык! Говоря нормально, кто-то, возможно сама Ольга, а возможно – и нет, вырвал и сжег лист из записной книжки. Лист был плотно исписан. На уцелевших фрагментах можно разобрать следующие фрагменты слов… Фу, черт! Сам же

и заговорил этим языком. «…бровольно ухож…» Вероятно: добровольно ухожу из жизни. «…равила убийцу моего люб…» Уж не знаю, что тут имелось в виду. Не «любовника» же?

– Любимого, скорее всего, – сказал Жаров. – Любимого человека, любимого мужчины… Не важно. Иногда можно прочесть и сожженное письмо. Как справедливо заметил Артур Конан Дойл…

– В своей бессмертной «Собаке Баскервилей»… Перед нами остатки предсмертной записки, в которой можно прочитать признание в том, что Ольга отравила художника Боревича. Эту записку кто-то сжег. Веревку с мертвым телом приподнял и привязал выше, чтобы каждый дурак мог подумать, что девушку повесили…

– Ты это полегче, насчет дурака, – перебил эксперта Жаров. – Моя была идея.

– А я и не говорю, что дурак – это именно ты. Прости, если я тебя чем-то обидел.

– Ты сказал, что этот человек сейчас находится среди нас! – обратился Жаров к следователю.

– Безусловно. В ту ночь четыре человека могли войти в помещение, где повесилась девушка, и кто-то из них помог ей повеситься чуть повыше, отчего самоубийство было выдано за убийство.

– Боже мой! – воскликнул сторож. – Я мог там быть. Он опять меня подозревает.

– Не расстраивайтесь, сударь! – успокоил его Рудольф. – Я тоже там был: пугал вашу персону образом покойного Овидия… Ну, как бы пугал, по мнению. И госпожа Вышинская, также покойная, там была.

– Четвертая – это конечно я! – с возмущением воскликнула Лебедева. – Но, во-первых, я слабая женщина, и ворочать мертвое тело мне просто не под силу, а во-вторых, зачем это мне было нужно?

– Я бы поспорил с тем, что вы слабая, – сказал Пилипенко.

Они с Мининым многозначительно переглянулись.

– В папке эксперта есть доказательства, – продолжал следователь, – что вы вовсе не слабая. А мастер спорта. Мастерица. Но об этом – в свой черед. А сейчас я расскажу историю, как я ее вижу. Поправьте меня если что. Всё было довольно коротко и просто. Профессор понял, что могила поддельная, и рассказал об этом Лебедевой. Художник присутствовал при разговоре или слышал его. Как, Татьяна, было на самом деле?

– Он был в соседней комнате камералки, рисовал, как всегда, – сказала Лебедева, опустив голову. – Наверное, слышал. В тот же вечер профессор погиб. И я подумала, что не стоит обнародовать его соображение. Пусть всё идет, как шло.

– Оно и пошло. Своим чередом. Художник, узнав, что профессор собирается рассказать о подделке, напоил его и столкнул с обрыва.

– Не может быть! – воскликнула Лебедева.

– Ваш голос звучит фальшиво. Скорее всего, вы догадывались об этом. Но и вам также грозила опасность. Именно художник Боревич подстроил в раскопе ловушку для вас.

– Он? Для меня?

– Разумеется. Речь шла об очень больших деньгах. Теперь надо было убрать и вас. Обоих, кто знал о подделке. Но Ольга спасла вас от гибели. А художник вскоре сам последовал за своей жертвой. Возможно, Ольга видела, как он столкнул профессора. Возможно, он сам рассказал ей всё. Позвал ее замуж, обещал богатство. Только он не знал, что девушка тайно любила этого человека. Того, которого он убил. Любила до безумия! Его она называет инициалом «К.» в своей переписке. Профессора Коровина. И она решила отомстить за эту смерть. Не обращаться в полицию, поскольку убийцу по нашим законам всего лишь посадят и всё. Смерть за смерть. Поехала в Симферополь, продала единственную ценную вещь, которой владела – жемчужное ожерелье. Купила яд.

– Где купила – в аптеке? – перебил следователя Рудольф.

– Да нет, – Пилипенко повернулся к Рудольфу. – Сейчас подобные вещи делаются посредством того же интернет-плацдарма. Кстати, этого народного умельца уже нашли и задержали, – он вновь обратился к аудитории. – Его хитроумным грибным ядом Ольга и отравила Боревича. Теперь Рудольфу все равно приходится грабить могилу. Только наоборот: прежде он хотел убрать оттуда подделки, но оставить настоящие вещи, теперь же, когда вся операция сорвалась, он хочет, по крайней мере, взять оттуда предметы, принадлежащие ему – артефакты, которые стоят немалых денег.

– Я только забрал свое личное имущество, – с тихой убедительностью в голосе заметил Рудольф.

– Которым владел незаконно. Но мы сейчас о другом. Лебедева поняла, что это сделали вы. Зайдя в камералку, она обнаружила мертвую девушку. Ей пришла в голову мысль превратить самоубийство в убийство. Чтобы обвинить в нем человека, которого она люто ненавидит – именно вас. Она подтянула веревку и сожгла предсмертную записку девушки.

– И вы можете это доказать? – спросила Лебедева.

– Увы, лишь косвенно. Очень надеюсь на ваше признание.

– Надеетесь? Что ж. Вот вам признание. Я действительно сделала это. Я хотела чтобы этот черный Рудольф исчез из моей жизни надолго, навсегда! – она протянула в его сторону дрожащий палец. – Я поняла, что артефакты украл он. Я видела его в ту ночь! Тут я наткнулась на мертвую девушку. То, что Рудольфа заподозрят в краже, было ясно как день. Девушку все равно не вернуть. Вот я и решила свалить эту смерть на Рудольфа, которого всю жизнь ненавидела! Этот подонок портит мне карьеру уже десять лет! Всегда переходит дорогу! Он распотрошил десятки точек в Крыму, замечательных мест, на раскопках которых можно было написать не одну диссертацию.

Жаров подумал, что сейчас все присутствующие, молча разглядывающие эту красивую женщину, мысленно видят то же самое, что и он: как она проделывает все эти отвратительные трюки с трупом…

– Может быть, теперь, когда я во всем призналась, вы освободите меня от подозрений? Ведь выяснилось, что я не убивала Ольгу, – закончила она свою речь.

– О да! – воскликнул следователь. – Вы не убивали Ольгу. Никто вас больше не подозревает в этом.

– Так, может быть, теперь я могу просто встать и уйти?

– Нет, не можете, – мягко возразил Пилипенко и добавил, значительно тверже: – То есть – не можешь.

– Опять на ТЫ? Я же теперь вне подозрений.

– Не совсем. Ты не убивала Ольгу, радость моя. Поэтому столь легко и призналась в фальсификации ее смерти. Но ты убила Вышинскую.

Лебедева нервически расхохоталась:

– Зачем мне убивать Вышинскую? Мы же выяснили, что ей нечем было меня шантажировать.

– Но тем не менее, она тебя шантажировала, – спокойно сказал Пилипенко. – Сначала тем, что ты закопала Овидия. Но в ту ночь к ней в руки попал более серьезный материал. И тогда предмет шантажа был исправлен. Она угрожала разоблачить тебя как убийцу Ольги, твоей лаборантки. Зная, что Жаров – мой друг, она решила навести нас на ложный след, загнать тебя в угол.

– Но каким образом, при помощи этого злосчастного кувшинчика? – спросил Жаров.

– Да элементарно! Она определила подлинный кувшинчик как подделку, чтобы мы заинтересовались тем, что происходит на раскопках вообще, – он опять повернулся к Лебедевой. – Чтобы у нас теперь появился мотив подозревать тебя в этом убийстве.

– Позвольте! Но вы только что доказали, что Ольга покончила с собой, а я призналась, что всего лишь сожгла ее записку и поддернула веревку! Давайте и остановимся на этой версии.

– Кто ж спорит? Давайте. Так оно и было.

– Вот. За это, я думаю, можно понести какое-то наказание. Ну, условное там… Или штраф, а?

– Десять лет строгого режима за убийство!

– Сколько можно повторять: я не убивала девушку!

– Но ты убила женщину. Ведь Вышинская не знала о том, до чего мы все сейчас докопались. Вышинская пришла к тебе поздно вечером, чтобы поговорить о ваших с нею общих грустных делах. Не найдя тебя в бытовке, она заглянула в камералку. И она увидела, как ты работаешь над телом. Ей было невдомек, что оно уже два часа как мертвое. Она знала, что могила поддельная. Она думала, что ты убила Ольгу, боясь разоблачения с ее стороны. Стоило Вышинской дать показания, как дело приобрело бы серьезный, очень серьезный для тебя оборот. Ты сделала убийство из самоубийства, желая обвинить в этом черного археолога, но, по показаниям Вышинской, в убийстве могли обвинить тебя же! За это Вышинская и поплатилась жизнью. Ты застрелила ее из подводного ружья, словно рыбу какую-то.

– Чушь! Я не умею плавать!

– А это что?

Пилипенко показал, проведя кругом на вытянутой руке фото, на котором была изображена Лебедева в купальнике и с кубком в руках.

– Ты же спортсменка, – прокомментировал он, – у тебя разряд по дайвингу. И большой мастер подводной охоты.

– Как – подводной охоты? – удивился Жаров.

– Да очень просто! – Пилипенко обратился к Минину: – Покажите нам, господин эксперт, соответствующие документы.

Минин достал из своей папки листы. Сказал:

– Это посланные нам имейлом красочные дипломы и грамоты.

– А вот кубок твой они, понятно, прислать не смогли, – добавил следователь.

– Но ведь аквалангистом был художник! – воскликнул Жаров. – И снаряжение принадлежало ему.

– Точно, – сказал Пилипенко. – Призрак-убийца. Он не умер, отравленный грибным ядом, он превратился в зомби. Надел свой акваланг, вооружился подводным ружьем и застрелил Вышинскую. Нет. Это сделала ты, – он бесцеремонно ткнул пальцем в сторону Лебедевой.

Та опустила голову. Помолчав, сказала:

– Да, я это сделала. Я совсем запуталась. Это все было, словно какой-то кошмарный сон. Мне ведь много не дадут, правда?

– Это решит суд, – строго сказал Пилипенко. – Если манипуляции с веревкой примут как отягчающие обстоятельства, бесчеловечные действия над трупом, хоть и другим… Ну и, по разным смягчающим скостят. Я не судья. Не судите и судимы не будете.

Последние выводы

Клюев арестовал Лебедеву, и больше она не произнесла ни слова. Пилипенко и Жаров остались в павильоне вдвоем. Жаров с грустью смотрел, как фигуранты идут по павильону, теряясь в солнечных лучах на выходе.

– Вот и конец истории, – сказал Пилипенко. – Теперь я с уверенностью могу сказать, что проклятье древней гробницы действительно существовало.

– Что я слышу? Мой друг-материалист, наконец, поверил в такое!

– Тут и верить нечего. Есть то, что есть.

– Но ведь и гробница-то даже не древней оказалась!

– И что? Проклятье гробницы. Просто гробницы – не древней. Суть «проклятья» – заключим это слово в кавычки – в том, что все четыре смерти были связаны именно с ней, с этой небольшой и не очень глубокой ямой. – Он указал ладонью на раскоп. – Вероятно, как и в случае с Тутанхамоном. Все те люди, умершие от разных причин, могли умереть иначе – не случись в их жизни открытия века. Именно Тутанхамон свел их вместе и причудливым образом изменил их судьбы.

– Одно мне кажется в этой истории несовершенным, – сказа Жаров. – Ведь на плитках мастер под руководством Рудольфа выгравировал настоящие стихи Овидия, известные всему миру. Про резвого шалуна. Хотя под могучим оружием сам Овидий не подразумевал какой-то там бронзовый кинжал.

– А что?

Жаров смотрит на друга с удивлением. Сказал:

– Это между прочим, эротические стихи. Были когда-то даже запрещены. Да и сослали его на относительно далекий север как раз за все эти штучки.

– Да уж. Где нам дуракам чай пить. Мы ж не кончали литературных институтов имени Горького.

Жаров задрал нос, изображая загордившегося ребенка.

– Но ты, вроде, о другом начал, – сказал Пилипенко. – Почему несовершенна эта история?

– Потому что я бы на месте нашего умельца под руководством Рудольфа поступил иначе. Сам бы сочинил какие-нибудь стихи Овидия, – торжественно проговорил Жаров.

Пилипенко посмотрел на него исподлобья.

– Плачет, – сказал он. – Ой, плачет по тебе симферопольская психушка.

Сергей Саканский

Друг мой сыщик

ПОКРЫВАЛО ВДОВЫ

Классический детектив

Сергей Саканский

Покрывало вдовы

Убийца теоретически найден

Ветреным сентябрьским вечером в редакции «Крымского криминального курьера» было натоплено, накурено и шумно. Старые друзья соображали на троих, как назывался этот процесс во времена их детства, только напиток был вполне современным — литровая бутылка виски семнадцатилетней выдержки.

— Семнадцать лет назад нам с тобой было как раз по семнадцать, и пили мы массандровский портвейн, — сказал Витя Жаров, рассматривая бутылку, из которой только что, на правах хозяина заведения, налил всем по чуть-чуть.

Он обращался к Вове Пилипенко, старшему следователю отдела убийств Большой Ялты, в прошлом — однокласснику и пожизненному другу. Тот буркнул в ответ что-то невразумительное, принимая из руки Жарова стакан.

— А мне уже исполнилось двадцать два, когда где-то в Шотландии гнали этот, еще мутный самогон, — вздохнул Леша Минин, эксперт-криминалист, не прямой, но все же каким-то образом подчиненный следователя, а в прошлом — недосягаемо далекий старшеклассник из той же пятой школы, бывшей (уже совсем в незапамятные времена) первой и единственной в городе гимназии для девочек.

Тут на улице раздался пьяный женский смех, а вслед за ним — мужской голос:

— Какой же я дурак, что женился!

Пилипенко и Жаров, не сговариваясь, посмотрели на Минина, единственного женатика из троих. Тот отреагировал самым неожиданным образом, и этот внезапный поворот беседы привел к трагическим, судьбоносным последствиям для целого ряда людей…

Минин повернулся к Жарову и задушевным голосом, явно предполагающим какой-то подвох, заговорил:

— Вспоминаю одну статью в твоей газете. Она называется «Покрывало вдовы».

— Была такая, — сказал Жаров. — Недели три назад, в конце августа.

— Ее автор утверждает, — продолжал Минин, — что существует некое «покрывало вдовы» — кармическое заболевание.

— Конечно. Это вроде злого рока, который преследует человека всю жизнь.

— Вот я и думаю, с точки зрения реальной медицины, разумеется. Можно ли это объяснить?

Минин отхлебнул из стакана и сам себе ответил:

— И прихожу к выводу, что нельзя.

Во время этого разговора Пилипенко переводил взгляд с одного собеседника на другого. Затем прокомментировал ситуацию:

— Ну вот, опять он тебя подкалывает. И выпили-то, вроде, немного.

— Я не подкалываю, а разобраться хочу. Как же это объяснить? Вирусной теорией — вряд ли.

— Все просто, — терпеливо проговорил Жаров. — Один из супругов передает другому толику некой энергии, которая лишает его защиты, обычно действующей у каждого человека. И тот становится открытым для болезней, несчастных случаев и тому подобного. Не важно, мужчина это или женщина, все равно — «вдов*ы*». Короче, если муж болен «покрывалом вдовы», то его жены мрут, как мухи. Об этом и статья. Выпьем-ка за то, чтобы нас миновала чаша сия.

Жаров поднял стакан и выпил. Друзья не последовали его примеру, а лишь молча смотрели на него. Пилипенко сказал:

— Я не собираюсь пить за то, чего нет.

— А я выпью, — Минин пригубил и поставил стакан на стол, — но просто так, не в счет тоста.

— Ладно, пусть будет просто так, — сказал Пилипенко и сделал то же самое.

— Автор этой статьи, — продолжал тему Минин, — рассказывает историю некоего *Эн*, у которого умерли аж три жены: со всеми произошли какие-то странные несчастные случаи. Это значит, что *Эн* болен именно «покрывалом вдовы».

Пилипенко повернулся к Жарову.

— Был бы у тебя какой-нибудь начальник — редактор там… Он бы тебе за такую статью голову отвинтил.

— Тем и живу, — парировал Жаров, — что всем в своей газете заправляю сам. ЧП «Жаров». Частное предприятие. Нет у меня ни начальников, ни подчиненных. Даже уборщицы нет.

Он оглядел помещение своей редакции, поводя туда-сюда ладонями. Пилипенко меж тем наполнил стаканы. Спросил весело:

— И статью эту ты тоже сам написал, давай, признавайся!

— Обижаешь. Я только передовицы пишу. А это реальный человек прислал. И фамилия у него настоящая — Куроедов.

— Как Куроедов? — встрепенулся следователь.

— Куроедов, а что?

Пилипенко потер пальцами лоб:

— Эта фамилия мне знакома.

Жаров, запрокинув голову, выпустил ровные кольца дыма, затем пронзил их дымной струей. Пилипенко поморщился. Он еще сначала года безуспешно пытался бросить курить, и упражнения друга его раздражали.

— Там еще написано, — сказал Жаров из-за дымовой завесы, — что в случае смерти жены, как правило, преждевременной или трагической, муж как бы сохраняет в себе отпечаток смерти. При повторном браке он заражает новую супругу и несет ей несчастья. Покрывало вдовы.

— Нет никакого покрывала вдовы! — воскликнул Минин.

— А Куроедов?

— Да нет и никакого Куроедова! Это он все выдумал, в том числе, и свою фамилию, неужели не ясно? И вообще, разве может быть такой человек — *Куроедов*?

— Нормальная, существующая фамилия, не хуже других, — буркнул Жаров.

— Вспомнил! — вдруг оживился Пилипенко, подняв палец. — На днях произошел несчастный случай с женщиной, которая носит такую же фамилию. Это точно — была некая Куроедова. Выходит, что она — его очередная супруга, и автор рассказывал свою собственную историю… Кто он такой, этот Куроедов?

— Я не очень-то и знаю. Многочисленный мой читатель. Просто прислал в газету статью.

Пилипенко укоризненно покачал головой.

— И как у тебя только совести хватает печатать неизвестно кого и непонятно о чем?

Жаров развел руками.

— А что же, мне и вправду самому все это писать?

На неделе Жаров заглянул к другу в кабинет. Пилипенко поднял голову от бумаг, строго посмотрел на Жарова.

— Помнишь, в субботу пили с Мининым у тебя в редакции?

— А что? Виски оказалось плохим? — язвительно спросил Жаров.

— Да нет — хорошим. По полной программе стошнило. Говорили о Куроедове, о его статье, о покрывале вдовы.

— И что?

Пилипенко потряс пачкой бумаг.

— Я проверил этого Куроедова. Он действительно существует, и у него на самом деле по разным причинам умерли три жены, а недавно чуть было не погибла четвертая.

Говоря это, следователь выбрасывал на стол листы бумаги, один за другим, Жаров ловил их, просматривая в один короткий взгляд.

— Везет же людям! — пробормотал он.

— Это в чем? — нахмурился следователь.

— Тут и одной-то жены не найдешь, а у этого… Получается, что Минин был тогда не прав — Куроедов есть.

— Куроедов-то есть, вот только…

Пилипенко опять собрал листы в стопку. Сказал:

— Куроедов есть, а покрывала вдовы нет. Следовательно…

Он аккуратно уложил стопку на край стола.

— Следовательно, будем искать убийцу.

— С чего начнем?

— Осмотрим место преступления.

Расследование: первые шаги

Через четверть часа они стояли на углу улицы, Пилипенко осматривался по сторонам, поводя туда-сюда ладонями.

— Машина вывернулась с Садовой, — сказал он. — А жена Куроедова как раз переходила Платановую. В неположенном месте.

— А это имеет значение? — спросил Жаров.

— Нет.

Следователь двинулся выше по Садовой, Жаров — за ним. Пилипенко остановился, посмотрел назад. Сказал:

— Странно, что дорожники этого не заметили. Ведь с данной точки пешехода видно издалека. И водитель вполне бы успел затормозить.

— Тинэйджеры были в жопу пьяные, — заметил Жаров.

Пилипенко с удивлением воззрился на него:

— Какие тинэйджеры?

— Здрасьте! — воскликнул Жаров. — Ты ж мне сам сказал, что машину угнали, чтобы покататься.

— Сказал, и что? Это всего лишь версия. Никаких тинэйджеров не задержали. Машину просто нашли в кустах, помятой и залитой пивом. У меня такое ощущение, что машина была угнана специально для того, чтобы задавить эту женщину и только ее. Но вот в чем вопрос: почему этот горе-убийца не довел свое дело до конца? Ведь удар пришелся скользяком, краем бампера. Надо подключить игровую станцию Клюева и глянуть подробности этого расследования.

Они вернулись в управление. На мониторе компьютера в дежурной части и вправду шла увлекательная игра. Лейтенант Клюев исследовал курсором какую-то причудливую аппаратуру: медные котлы, трубы, змеевики, табло вроде допотопного арифмометра. Пилипенко и Жаров встали за его спиной, словно стражи.

— Сейчас, еще один тайный рычаг… — пробормотал Клюев.

Лапка мыши схватила длинный рычаг за деревянный набалдашник и дернула его. Тотчас на табло замелькали цифры, а из трубы-рожка полилась струя красного пара.

— Я давно этого добивался. — сказал Клюев. — То самое число! Но вам не понять.

Клюев вышел из игры и вызывал текстовые окна деловых бумаг.

— Не доросли мы умишком, — сказал Пилипенко с терпеньем в голосе.

— Точно! Где уж нам, дуракам, чай пить, — проворчал Жаров.

Оба знали, что бесконечные игру Клюева не влияют на ход его работы. На мониторе один документ быстро сменялся другим.

— Ничего, еще дорастете… — приговаривал Клюев, виртуозно шаря мышью и стуча по клавиатуре. — Откроете себе этот удивительный мир… Готово! Значит так. Происшествие определено как несчастный случай. Свидетельница, продавщица овощного лотка, стояла спиной и

ничего конкретного не видела. Второй свидетель — пенсионер с собачкой. В момент наезда он как раз общался со своей белой болонкой и оглянулся лишь, когда машина уже сбила женщину. Какие-то еще люди… Бросились задержать машину, «Ауди» эту из прошлого века, но та укатила. Вот! Один свидетель вообще не был опрошен. Он пришел, чтобы дать показания, но его не стали слушать, поскольку дело и так казалось ясным.

— Распечатай мне его координаты, — попросил Пилипенко.

— Только что послал на принтер, он обычно медлит несколько секунд. Не люблю, когда начальство отдает распоряжение о том, что я уже и так сделал.

— Поговори у меня еще, — буркнул следователь, прихватывая лист. Прочитал:

— Мельников какой-то. Учитель. Эге! Да это ж наша школа. Не помню такого. Молодой, наверное.

До школы дошли пешком, благо что было минут пять от управления. Мельникова отыскали быстро. Совсем молодой человек сидел за учительским столом в пустом классе по случаю большой перемены. Жаров прислонился к подоконнику, а Пилипенко влез за парту. Он казался неправдоподобно большим.

— Вам так удобно? — засуетился учитель. — Я могу принести стул из другого кабинета.

— Вы даже представить себе не можете, Виталий Робертович, насколько тут удобно! — сказал Пилипенко, и Жаров понял, что он сидит и радуется возможности снова оказаться за собственной партой. Парта, впрочем, была другой, новой, но место — то же самое.

— Итак, вы шли по Платановой, наблюдали происшествие от начала и до конца… — начал он разговор.

— Так точно. Я хотел рассказать, но меня не пожелали выслушать.

— Так расскажите сейчас.

— Я увидел эту женщину. Она совершала переход улицы, шла наискось, улица была пустой. Вдруг появилась белая «Ауди». Машина двигалась точно на нее. Мне стало сразу ясно, что водитель то ли не видит ее, то ли наоборот — стремится произвести наезд. Когда оставались считанные метры, ветром сорвало рекламный постер с проволоки между столбами. Большой кусок клеенки угодил прямо на лобовое стекло и залепил его. Машина вильнула. Я убежден: если бы не ветер, то женщина была бы убита.

— Водитель был в машине один?

— Так точно. Отъехав от жертвы, остановился. Я и другие прохожие бросились к машине. Увидев, что мы собираемся произвести задержание, ударил по газам и скрылся с точки события. И вот еще что… Или это мне показалось?

Мельников умолк, испытующе глядя то на Пилипенку, то на Жарова.

— Продолжаете, — сказал Жаров. — Иногда имеет значение даже галлюцинация свидетеля.

— У этого водителя было какое-то странное лицо, — сказал Мельников. — Не могу понять, да и темно было. То ли это был негр? Во всяком случае, не обычный человек.

Пилипенко с трудом вылез из-за тесной парты. Проговорил, еще не закончив движения:

— Ясно. Следствие примет к сведению любую информацию. У меня к вам последний вопрос. Почему вы по-армейски говорите?

Мельников пожал плечами.

— Так я в армии служил.

Пилипенко и Жаров попрощались и вышли.

— Мы с тобой тоже в армии служили, — сказал следователь, усмехнувшись. — И почему таким дебилам позволяют детей учить?

— Крыша мира сильно поехала за двадцать лет, — сказал Жаров.

Пилипенко улыбался редко и то именно так: похоже на какую-то горькую усмешку, а если и шутил, то с серьезным лицом, отчего окружающие часто не понимали его шуток.

— Чужие мы с тобой на этом празднике жизни, — сказал он и добавил (с серьезным лицом), когда какой-то мальчишка с налету ткнулся ему головой в живот: — Без сменной обуви.

— Значит, попытка преднамеренного убийства, — проговорил Жаров. — Про лицо водителя я что-то не понял, но чем-то сверхъестественным тут попахивает.

— Для тебя всегда попахивает. Тебе надо в противогазе ходить. Гм… Странное лицо водителя… Негр… Тут что-то очень простое может быть.

— Или наоборот — чрезвычайно сложное. Кто ж мог покуситься на жизнь обыкновенной женщины? Кто она такая, кстати? Где хоть работает?

— Нигде. Домохозяйка. Между прочим, она еще в больнице. Самое время навестить пострадавшую.

Явление оборотня

В хирургическом отделении Ливадийской больницы Жарова заставили надеть бахилы. Он глянул на проходе в высокое зеркало вестибюля, удостоверившись, что выглядит идиотом с большими синими ступнями. В палате содержались трое: Вера, жена Куроедова, с каменной ногой на растяжке, девочка с гипсом-воротником и старушка с обеими перевязанными руками.

На тумбочке, в простой стеклянной банке стоял скромный букет мелких разноцветных астр, вестимо, от мужа. Жарову стало стыдно за голландские розы, которые он притащил незнакомой женщине. В качестве приложения он подарил ей номер «Крымского криминального курьера», конечно же, не тот, где была напечатана статья ее мужа, преодолев соблазн подвергнуть пострадавшую такому испытанию. Газета служила средством знакомства, не более.

— Огромное вам спасибо за цветы, — сказала Вера. — Я как раз очень розы люблю. Потому что они с шипами, не дадут себя в обиду. Правда, не знаю, чем моя история интересна для вашей газеты.

— Вы про меня напишите, — подала голос старушка. — Я обеими руками в горячий борщ угодила.

— И про меня! — воскликнула девочка. — Я на велосипеде хотела с каменной лестницы съехать, из Массандры на автовокзал. Четыреста ступенек!

— Про всех напишу, — с легкостью заверил их Жаров. — И про лестницу. И про борщ.

Девочка вернулась к своему занятию: с плеером на ушах она кормила старушку из ложечки, отмороженно кивая в такт неслышной музыке. Жаров обратился к потерпевшей:

— А вы, Вера, значит, точно уверены, что в машине был один человек?

— Один, — женщина помедлила, замявшись. — Только вот… Вы скажете, что я сошла с ума.

— То есть? — «искренне» удивился Жаров.

— Я не говорила это милиции, не хватало еще, чтобы меня в психи записали да в другую больницу перевели.

Жаров вопросительно посмотрел на собеседницу. Так сказала:

— Он не был человеком.

Жаров вздрогнул. Девочка уронила ложку. Старушка попыталась перекреститься культяпкой.

— Я не совсем понимаю. За рулем было какое-то животное?

— Это было чудовище. Что-то вроде оборотня. То ли волк, то ли пес. Оно сидело за рулем. И смотрело на меня.

Жаров ясно представил себе то, что сказала Вера и позже, по пути в управление, невольно присматривался к лицам водителей…

Выслушав его рассказ, Пилипенко достал из пачки сигарету, вставил ее в рот, закурил, затянулся, затем выплюнул сигарету, поймал ее на лету, сломал и швырнул в пепельницу. Там было уже полно таких же сломанных окурков.

— Никаких оборотней нет, — сказал он. — Ясно, как день: галлюцинация женщины, которую ударило бампером этого старого «Ауди».

Жаров сидел напротив следователя и явно смаковал свою длинную сигарилью.

— И не курил бы ты при мне, — добавил следователь. — Ведь бросает же человек.

— Ну и что? Это ж ты бросаешь, а не я. А насчет оборотня я бы не рубил так сразу.

Пилипенко замолчал, задумавшись. Жаров погасил свою коричневую сигарилью в пепельнице, среди длинных, белых, недокуренных сигарет следователя.

— Может быть, ты и прав, — сказал Пилипенко. — Если это оборотень, то жертва знала своего недоделанного убийцу.

— Ты это серьезно? Вот так, взял и сразу поверил в оборотней?

— Почему бы и нет?

Голос его звучал хитро, притворно.

— Да ну тебя, — обиженно сказал Жаров. — Дело ж серьезное.

— Серьезней некуда. Поскольку угонщиков или угонщика не нашли, то эту машину мог использовать кто угодно. Хоть оборотень, хоть сам Куроедов. Поговорил бы ты с ним, а? Как редактор с автором.

— Это резонно, — согласился Жаров. — Ты только намекни эдак: где мне его искать. Его статья ведь по электронной почте пришла.

— Твой талантливый внештатник трудится барменом в ресторане отеля «Маврикий». Там, в подвале, он и вкалывает, — сказал следователь, который, оказывается, уже навел справки.

На «ты» с убийцей

Через полчаса Жаров вошел в означенный бар. В пустом помещении был полумрак, звучала тихая музыка. За стойкой скучал бармен, скорее, это и был Куроедов — средних лет, невзрачного вида человечек. Он смотрел телевизор, откуда и доносилась музыка: там шел какой-то видеоклип с полуголыми девицами.

Жаров подошел к стойке и запрыгнул на табурет. Спросил:

— Есть абсент?

— Целую роту можно отравить, — хмуро ответил бармен.

Вот как: отравить, — насторожился Жаров. — Что у этого человека на уме, тем и шутит.

Жаров заказал сто пятьдесят граммов абсента. Куроедов с уважением посмотрел на него и принялся готовить выпивку.

— А вы что же, не узнаете меня, дружище? — спросил Жаров.

Бармен поставил перед ним блюдечко.

— Не имею чести.

— Я — Жаров, Виктор Викторович.

— Очень приятно. Я — Куроедов, Степан Петрович. Здешний бармен, как видите.

— А я — местный независимый журналист, главный редактор газеты «Крымский криминальный курьер».

Замешательство бармена выразилось в том, что он перелил зеленую жидкость через край, она наполнила блюдечко, начала выливаться на стойку…

— Хватит, пожалуй, — сказал Жаров. — Блюдечко-то я тоже освою, а вот с панели слизывать — уж простите.

— Я ж вас никогда не видел, — сказал Куроедов, виртуозно обработав окрестности блюдечка тряпкой. — Прям глазам своим не поверил, когда мою статью в газете напечатали. Сразу десять штук купил. Правда, вот, не знаю, для чего. Показывать-то никому не собираюсь, даже жене. Ей, особенно. Кстати…

Он сделал над стойкой широкий жест ладонью.

— Эта порция будет за счет заведения, не возражаете?

— Возражаю, — сказал Жаров. — Наоборот: это вам положен гонорар за публикацию.

— Вы ж не платите гонораров.

— Правильно, не платим. Газета безгонорарная, так сказать, на энтузиазме. Народная газета. Людям всегда хочется что-то рассказать о себе. Пусть радуются, что можно это бесплатно сделать. Вы ведь свою статью не придумали, так? Небось, собственную историю и рассказали?

Лицо Куроедова стало серьезным, мрачным.

— Точно так. Это моя история. И всё в ней правда, от начала и до конца.

Он поднял палец вверх и опустил его вниз, будто иллюстрируя слова «начало» и «конец».

— Наболело, понимаете? — продолжал бармен. — Не могу молчать. Как Толстой Лев Николаевич. Из года в год повторяется одно и то же. Решил вот разобраться, пошел к колдунье. Та мне и рассказывает о покрывале вдовы. Осмыслил все, жизнь свою вспомнил. И написал. Только имя этого человека скрыл, не сказал, что это я. А вы… Как вы догадались-то?

— А я и не догадывался. Просто сопоставил информацию о дорожном происшествии, в которое попала ваша супруга, и этой статьей.

Куроедов энергично потряс над стойкой ладонью.

— Вот! Самое главное, что статью-то я написал до того, как это происшествие случилось.

— Я вам глубоко сочувствую, — вздохнул Жаров. — Выпьете со мной? Потолкуем об этом странном деле.

Куроедов насупился.

— Мне не положено. Я на выпивке как раз и работаю.

— А я не здесь предлагаю и не теперь.

Договорились встретиться в «Бригантине», ресторане в двух шагах от бара, где трудился Куроедов. Бармен пришел точно к назначенному времени и сразу принялся рассказывать свою жизнь:

— Моя первая, Алечка, отравилась дешевой водкой. Это было давно, тогда всюду продавалось, что попало, никто ничего не контролировал.

Жаров приподнял свою рюмку с водкой, запоздало сообразив, что это был неуместный жест под данную реплику собеседника.

— Она что же — сильно пила?

— Пила, случалось.

Жаров опрокинул рюмку в рот. Куроедов тяжело вздохнул и тоже выпил.

— Насколько я знаю женщин, они больше любят вино.

Жаров наколол маленькой сервировочной шпажкой оливку с блюдечка. Куроедов потыкал оливку шпажкой, та ускользнула, и он просто взял ее пальцами.

— Нет. Моя первая пила исключительно водку. Зато вторая — вообще не брала в рот спиртного.

— От чего ж она умерла?

— Самое грустное. Покончила с собой моя Женечка. Бросилась в лестничный пролет. Мы тогда жили в Харькове, в таком старом доме с высокими потолками. Трех этажей хватило, чтобы разбиться насмерть.

— Предсмертная записка была?

— Разумеется. Иначе бы меня заподозрили, что это я ее с лестницы столкнул. До сих пор бы, может быть, сидел.

— Но тебя ж наверняка пытались привлечь по статье «Доведение до самоубийства». Обычно в таких случаях берут мужа.

— Да, было дело. Но никаких доказательств, знаешь ли… Опрашивали соседей: не скандалил ли я, не бил ли жену. Все было благополучно. Отцепились.

Куроедов налил себе и Жарову по рюмке, сам выпил первым.

— А с третьей что случилось? — спросил Жаров.

— С Наташенькой-то? Да любовник ее замочил.

— Да ну?

— Зарезал. Та была стервой. Туда ей и дорога, честно говоря. А парень этот недавно откинулся.

— Умер, что ли?

Куроедов недоуменно посмотрел на Жарова. Произнес укоризненно.

— Ты же ведь журналист, а языка не знаешь. Умер — это «кинулся». А «откинулся» — это с зоны на свободу вышел. Я его не знаю, только на суде и видел.

— Он в Ялте или где?

— В Алуште. А тебе он на что?

— Ни на что. Так просто спросил.

Значит, Харьков… — думал Жаров, когда, пошатываясь, брел после пьянки домой, то есть, в редакцию, поскольку до дома надо было либо изрядно ползти вверх, либо ловить такси, то есть, показываться в таком виде водителю, который мог его знать, а Жаров бы все же известным в городе человеком, несмотря на то, что этот Курочкин… Курятина эта, как ее? — не узнал начальство в лицо… Тьфу! Что за чушь лезет в голову?

Старый дом, говоришь, высокие потолки? Где это видано, чтобы убийца переезжал из города в город, чтобы умерщвлять жен какого-то Куроедова? Ясно: покрывало вдовы. И оно существует. И Жаров докажет это.

Он остановился, опершись на столб… Нет, на ствол пальмы, ибо не бывает волосатых столбов.

Если, конечно, следователь Пилипенко не докажет раньше журналиста Жарова, что этот Куроедов и есть убийца. Убивал очередную жену, присваивал ее имущество и сматывался подальше от подозрительных соседей.

Новый персонаж

Жаров сидел на подоконнике в кабинете следователя. Ждали некоего Зайцева из Алушты, человека, отсидевшего срок за убийство предпоследней жены Куроедова. Услышав обстоятельный рассказ Жарова, Пилипенко решил вызвать его под видом профилактики как недавно освободившегося из мест заключения. Следователь нервничал: интуиция подсказывала ему, что история гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, но завести уголовное дело он как раз не мог, поскольку не было ни малейших на то оснований. Несколько женщин в разных городах умерли по разным причинам. Связывало их лишь то, что все они были женами одного и того же человека. Жаров прекрасно понимал друга: он готов пойти на все, чтобы не поверить в истинность покрывала вдовы, равно как и любой другой мистики.

Пилипенко сидел за своим столом, вороша какие-то бумаги, Жаров оперся на подоконник, глядя на ветреную осеннюю улицу. Слышался стук каблучков. Группа старшеклассниц в школьной униформе шли, растянувшись на всю проезжую часть, ступая по обычной девчачьей манере в ногу, поэтому их каблучки и стучали столь громко.

— Опаздывает твой чувак из Алушты, — сказал Пилипенко. — Может и вообще не явиться. Забьет еще на повестку.

В ответ ему будто сама наша инфернальная реальность просигналила, мимикрируя под какое-то кино. Зазвонил внутренний телефон. Пилипенко снял трубку. Выслушал, сказал:

— Да, конечно. Пусть идет прямо в мой кабинет. Легок на помине, — продолжал он, положив трубку на рычаг. — Убийца Зайцев прибыл. Посмотрим, что за зверь. Зарезать любовницу кухонным ножом, причем, прямо у себя на квартире.

— В состоянии аффекта, как признал суд, — уточнил Жаров.

— А в бега он кинулся — тоже в состоянии аффекта? И пьянствовал неделю в деревне, пока труп до соседей не довонял. А потом оказать… сопротивление при задержании, — последние три слова он проговорил шепотом, поскольку послышался робкий стук в дверь.

— Войдите! — гаркнул Жаров.

Дверь медленно открылась. На пороге появился опрятно, хоть и не шикарно одетый человек. У него было чисто выбритое, круглое, словно детское лицо. Весь его облик излучал доброту. Пилипенко и Жаров с недоумением рассматривали его.

— Вы по какому вопросу? — осведомился Жаров, хотя уже и сам понял, что это и есть Зайцев, осужденный за убийство третьей жены Куроедова и недавно вышедший на свободу.

— Моя фамилия Зайцев, Петр Игнатьевич, — представился Зайцев. — Я пришел по повестке. Извините, гражданин следователь, но это большая ошибка.

Он достал из кармана паспорт, из паспорта — повестку и развернул ее.

— Нет тут никакой ошибки, Петр Игнатьевич, — сказал Жаров. — Вас вызвали и вы пришли.

Зайцев нервно дернул плечом.

— Да нет. Ошибка не в этом, — он направился к Жарову, размахивая повесткой.

— Стоять! — довольно мирно произнес Пилипенко. — Следователь — это я. А ты, значит, и есть означенный убийца Зайцев?

Тот округлил глаза:

— А что, если вы будете обращаться ко мне на вы, гражданин следователь?

— А я с убийцами всегда на ты. Вы ж для меня — свои люди.

— А я не убийца. Вот в чем и есть большая, трагическая ошибка.

Пилипенко потряс бумагами, которые держал в руках.

— Да? Ладно, будем пока на вы. На всякий случай. Так, говоришь, не убивал? Вы всегда так говорите. В смысле, я хотел сказать, вы, сударь, тогда, пять лет назад не убивали гражданочку Куроедову?

— Нет.

— Вашим кухонным ножом, любезнейший?

— Нет. Это сделал кто-то другой.

— В вашей собственной квартире, сердечный.

— Это была ошибка.

— Ошибка суда? Или ваша собственная, когда вы своим кухонным ножом… Не по назначению воспользовались?

Зайцев всплеснул руками.

— Я не убивал, честно! Но мне никто не поверил. Когда я пришел домой, она уже была мертвая.

Жаров сделал пригласительный жест:

— Да вы присаживайтесь. Расскажите все по порядку.

Зайцев так и сделал, правда, не совсем понял, откуда начинать свой рассказ:

— Мы с Натальей работали вместе. Я мастер на винзаводе, а она контролером в портвейновом цехе была. В общем, мы полюбили друг друга…

— Вы лучше нам про день убийства расскажите.

Глаза Зайцева остекленели, поскольку он углубился в далекое прошлое.

— Она должна была ко мне придти, как обычно, в четверг, — начал он глубоко повествовательно. — Она раньше по четвергам во вторую смену была, потом ее перевели, а муж не знал. Вот она ко мне и ходила. У нее ключ был. Она приходила на полчаса раньше и ждала меня. Вот, пришел я, как обычно, говорю с порога: «Здравствуй, моя бесценная!» А она на кровати лежит, и нож в груди.

— На котором были обнаружены ваши отпечатки пальцев, — сказал Пилипенко, листая бумаги на столе.

— Ну, конечно! — воскликнул Зайцев. — Это же был мой нож. Для хлеба. Я ничего не соображал. Хотел было вызвать милицию, но передумал. Испугался.

— Правильно испугался. Сразу бы и взяли.

— Поэтому и побежал на автовокзал. Сел в маршрутку, поехал к матери в деревню. А первым делом, вина махнул бутылку. И в дороге — тоже. И там залег на неделю. У матери в доме меня и нашли. Дальше — КПЗ, суд, всё как во сне. Всё было против меня. Так и посадили ни за что. Судья меня сразу невзлюбил: ведь я же любовник!

— Увы. Часто, вместо того, чтобы разобраться в фактах, они выносят свое моральное суждение.

Зайцев вдруг резко наклонился к следователю через стол.

— Вот что я вам скажу. Ее убил муж. Больше некому. Но у него было какое-то там алиби. Да и никто его всерьез не подозревал.

— Он знал о ваших отношениях с убитой?

— На суде говорил, что нет. Но ведь мог и узнать, правда?

Оборотень с синей бородой

Зайцев вышел из дверей управления, глянул на небо, поднял воротник. Ветер полоскал его плащ, вдруг маленький смерч из осенних листьев поравнялся с идущим, несколько секунд они оба шли рядом — Зайцев и смерч. Жаров видел эту картинку из окна, вдруг какая-то догадка шевельнулась в голове: именно от этого словосочетания: Зайцев, ветер, смерч… Как всегда, смутная мысль мелькнула в голове и как всегда, что-то развернуло ее ход: в данный момент — мерное постукивание пальцев следователя по столешнице…

— Если Зайцев невиновен, то этот Куроедов — просто синяя борода, — сказал Пилипенко. — Выбирал невест с достатком, по-разному их умерщвлял. Продавал их квартиры, переезжал из города в город. Последний раз даже ухитрился подставить и посадить любовника. А сейчас заточил на очередную жену.

— А если эту женщину все же убил Зайцев? Я понимаю, почему тебе хочется верить в его невиновность.

— Я всего лишь раздумываю, — огрызнулся Пилипенко, ясно читая мысль друга.

— На самом деле, если убийца — Зайцев, то придется тебе признать, что «покрывало вдовы» — реальность. Одна женщина отравилась водкой в Днепропетровске, другая покончила с собой в Харькове, третью убил любовник в Алуште. Точно — покрывало вдовы, кармическое заболевание, которому подвержен не кто иной, как Куроедов.

Пилипенко резко встал, навис над столом, над Жаровым. Сказал:

— А знаешь, есть такое заболевание: алкогольный бред ревности?

— Правда? — Жаров заморгал от неожиданности жеста следователя.

— Точно. Можешь посмотреть в своей Википедии. Что-то вроде того: алкоголик ревнует жену, проверяет ее белье, фантазирует и так далее.

— Ну, допустим, и что?

— Значит, допускаешь? — зловеще прошептал Пилипенко. — А если я тебе скажу, что никакого алкогольного бреда ревности нет?

— А Википедия?

— Просто переписывает Большую Советскую энциклопедию.

— Тем более — совсем уж авторитетный источник.

— Да? А кто писал туда статьи?

— Врачи, наверное.

— Врачи-мужчины или врачи-женщины?

— Большинство врачей, конечно, женщины. И что это значит?

— А то, что эта болезнь выдумана. Почему именно бред ревности? А не бред, скажем, страха ночных грабителей? Или злобных гомосексуалистов?

— В самом деле — не ясно.

— То-то и оно. Дело обстоит так. Алкоголик опускается, становится слабым как мужчина. Проще говоря, у него плохо стоит. И, разумеется, жена такому мужчине изменяет. И конечно же, он замечает признаки измены. И поэтому ищет доказательства, и вправду роется в белье. И врачи-женщины пишут диссертации об этой якобы болезни. Полностью солидарные со своими сестрами по несчастью.

— Ты хочешь сказать, что и с покрывалом вдовы что-то в этом роде?

Пилипенко с грустью посмотрел на друга.

— Как ты думаешь, сколько в мире происходит совершенно невидимых убийств? Таких убийств, которых никто просто не замечает. Умер человек и все. И чаще всего муж убивает жену или наоборот. Уж поверь мне как профессионалу. Вот и появляются мужчины и женщины, у которых супруги якобы мрут как мухи. Отсюда и возникла гипотеза, что существует какое-то там покрывало вдовы. Но я выведу этого паука на чистую воду. Сейчас же запрошу по межгороду дела по первым двум женам. Посмотрим, что это было за самоубийство и отравление дешевой водкой.

— Ты что же — уже завел уголовное дело?

— В том-то и дело, что нет. Поэтому действовать надо по-другому.

Неофициальное расследование

Жаров сидел за компьютером, часто поднося к губам чашку с дымящимся кофе. На мониторе крупно значилось: ПОКРЫВАЛО ВДОВЫ: ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Жаров удалил надпись, набрал другую. В редакцию вошел Пилипенко, тускло глянул в монитор. Сказал:

— Правильно. Лучше об этом и пиши. Рано еще о покрывале.

На мониторе теперь красовался заголовок: АЛКОГОЛЬНЫЙ БРЕД РЕВНОСТИ: ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Жаров с остервенением стер и эту надпись, глянув через плечо на следователя.

— Чего тебя принесло-то на ночь глядя?

— У меня тут с Мининым встреча.

— Это тебе не гостиница, — огрызнулся Жаров.

— Не кипятись. Расследование пока неофициально. Я поручил эксперту проделать кое-какую работу. Заодно посовещаемся.

Жаров нервно двинул мышью. Сказал серьезно:

— Я тут посмотрел в интернете про оборотней.

На экране возникло изображение человека-волка — во весь рост, спереди и сбоку. Жаров сменил картинку. Теперь его друг-следователь наблюдал человека-волка в разрезе. Меж тем Жаров говорил тоном возбужденного учителя:

— Оборотни или верволки, как их еще называют, образуются следующим образом. В ночи, когда светит полная луна…

Пилипенко глянул за окно.

— Отставить верволков. Вон уже Минин идет.

Дверь редакции распахнулась, и на пороге возник Минин. Одним длинным жестом он достал из-под мышки свою бордовую папку и возложил ее на стол.

— Посмотри, любопытные материалы, — сказал он следователю и, как бы спохватившись, коротко поклонился Жарову.

Пилипенко сел за стол, раскрыл папку. Сдвинул на лоб и снова опустил очки, рассматривая два листа бумаги: на каждом из них крупные буквы, ясно, что это увеличенные копии рукописного текста. Следователь устроил рядом две буквы «а» и сравнил их.

— Не вижу разницы.

— И в Харькове не заметили, — сказал Минин. — Ребята там хорошие, опытные, но тогда, в эпоху бандитских войн, им было не до заурядного самоубийства молодой женщины. Ты буквы «у» и «д» посмотри.

Пилипенко сгибает листы, рассматривая пары букв. С удивлением поднимает глаза:

— Хвостики выдают подделку.

Жаров подошел к столу, взял в руки листы. Отличия в написании хвостов «у» и «д» в глаза не бросались, но все же чувствовалась какая-то общая, едва уловимая тенденция: у одной группы был чуточку больший наклон.

— Предсмертная записка жены Куроедова фальшивая! — воскликнул Жаров.

— То-то и оно, — подтвердил Минин. — Между прочим, из Харькова прислали и отпечатки Куроедова. Их сняли, когда он проходил по делу о самоубийстве жены. Правда, я не знаю, что мне с ними делать.

— Вот как! — отозвался Пилипенко. — А я как раз хотел попросить прессу раздобыть его пальчики. Сходить в бар, например, затырить там пустой стакан, который он подаст. Есть у меня одна мысль. Мы вообще, знаем, где был этот Куроедов во время наезда на его жену? — он повернулся к Жарову: — Пригласи-ка этого писателя к себе в редакцию. Ну, а я сюда тоже ненароком зайду.

На следующий вечер картина в редакции была практически та же: двое мужчин сидели у камина со стаканами в руках. Один из них был все тот же Жаров, неизменный хозяин и редактор газеты «Крымский криминальный курьер», другой — Куроедов, бармен из отеля «Маврикий».

— Нынче ветрено… — с грустью вздохнул хозяин, глянув на сильно бушующее в камине пламя, затем — за створку открытого окна.

Куроедов молча кивнул в ответ.

— И волны с перехлестом, — мечтательно продолжал Жаров, и гость с недоумением оглянулся: где в этом помещении могут быть волны, если тут даже аквариума нет.

— Скоро осень, — заметил Жаров.

— Скоро? — удивился Куроедов. — Ведь и так уже идет полным ходом, сентябрю вот-вот конец.

— Это я так, стихи… — объяснил Жаров. — Вот, послушай. Скоро осень, все изменится в округе. Смена красок этих трогательней, друг мой, чем наряда перемена у подруги.

— Здоровски! — непритворно восхитился Куроедов. — Сам сочинил?

— Угу, — промычал Жаров. — А ты не пробовал стихи писать?

— Нет.

— На стихи девушка хорошо берет.

— Что берет? — не понял Куроедов.

— Ну… Берет, клюет. Так о рыбе говорят. Странно. Столько у тебя жен было, а поэзии ты не знаешь. Если бы мы с тобой сейчас в театре на сцене сидели, то кто-нибудь в зале непременно возмутился, что я чужие стихи за свои выдаю.

— А они чужие? — спросил Куроедов.

Жаров посмотрел на него, наклонив голову. Подумал о славе, о возможной минуте славы… Вздохнул:

— Да нет, мои…

В этот момент послышался звук, будто бы кто-то наступил на стекло. Куроедов глянул в открытое окно. Спросил с подозрением в голосе:

— Ты просто так пригласил или дело какое есть? Мне ведь жена рассказала, что ты к ней в больничку приходил. Вот и вопрос: что ты всё вынюхиваешь?

— А ты понимаешь, что твою жену чуть не убили на днях?

— Это был несчастный случай.

— Счастливый случай.

— Это как понимать?

— Что она осталась жива. Кто-то угнал машину, специально наехал на женщину. Затем машину бросили в кустах, насорили там чипсами, налили на сиденье пива. Чтобы получилось так, будто машину угнали какие-то пьяные ребята, катались, задавили женщину. Между прочим, менты могут на тебя подумать, что скажешь?

— Мне вообще-то не впервой… Да кто это там все шубуршится? — Куроедов снова с тревогой глянул в окно.

— Ветер, конечно, — сказал Жаров. — Ветер, между прочим, и спас твоей жене жизнь.

— Я знаю.

— Откуда, интересно?

— Ты что же, допрашиваешь меня?

— Да нет. О тебе беспокоюсь.

— Она сама и сказала, как все было. Машина неслась на нее. На стекло шлепнулся плакат.

— Алиби-то хоть у тебя есть на это время?

— Я был на работе.

— А кто это может подтвердить?

— Не знаю. Какие-нибудь посетители, наверное.

— Как я заметил, у тебя не густо с посетителями.

— Увы.

— И ты ведь в любой момент можешь закрыть бар и уйти.

— Вообще-то да, — сказал Куроедов.

— Что ты и сделал, — послышался вдруг голос из открытого окна.

Голова следователя Пилипенко выглядела довольно-таки зловеще, словно какой-то шутник поднял над подоконником тыкву с горящими глазами: так хорошо словили свет уличного фонаря круглые очки. Куроедов вздрогнул и с удивлением посмотрел на говорящего, затем перевел взгляд на Жарова.

— А это еще кто такой?

— Капитан Пилипенко, — донеслось из окна. — Отдел расследования убийств уголовного розыска города Ялты. Я тут мимо проходил, под окном отдохнуть остановился. Занятный слышу разговор.

— Может, зайдешь? — сказал Жаров.

— Да некогда мне. Должен тут одного хлопчика задержать. За покушение на убийство. Гражданин Куроедов! Вы арестованы по подозрению в покушении на гражданку Куроедову Веру Николаевну.

Куроедов вытаращил глаза:

— Постойте! Но у меня алиби.

— Ну, допустим, алиби у тебя никакого нет, — сказала голова. — Сам ведь сейчас сказал, что можешь всегда с работы сбежать. Но не в этом дело. А в том, что твои пальчики, Куроедов, в базе данных МВД давно зарегистрированы.

— Да, у меня снимали отпечатки пальцев, ну и что?

— Когда нашли угнанную машину, то на всякий случай взяли отпечатки, предположительно того, кто имел отношение к этому делу. Так вот, там именно твои пальцы, Куроедов.

Дело обретает законный статус

Ветер сорвал с головы следователя шляпу. Жаров быстро перехватил ее на лету. Друзья только что встретились на углу и шли по Виноградной, можно сказать, просто прогуливаясь, раскланиваясь со знакомыми, которых в этом месте города было всегда полно: местные жители шли не по набережной, которая в сезон принадлежала курортникам, а по параллельной улице.

— Вот что значит школа тхэквондо, — сказал Пилипенко, принимая шляпу. — Могу лишь позавидовать твоей ловкости.

— Это карате, — заметил Жаров. — Тхэквондо использует преимущественно ноги… Он хоть в чем-нибудь сознался? — Жаров перешел к делу.

— Нет, — вздохнул Пилипенко с явной горечью и недоумением. — Я держу его более трех суток.

— Стало быть, уже предъявил официальное обвинение.

— Разумеется. На основании его отпечатков на пивной банке, что нашли в этой машине, и отсутствия алиби. Но самое главное доказательство, хоть и косвенное, заключается в том, что за рулем сидел оборотень.

Жаров поднял руки:

— Сдаюсь. Объяснишь ли ты мне, наконец, почему ты вдруг поверил в оборотней?

— Все дело в том, что… — торжественно, будто собираясь поведать нечто очень важное, начал Пилипенко, но в этот момент у него в кармане зазвонил телефон. — Секундочку. — он достал аппарат, шлепнул его себе на ухо. — Что-о? Еще одно? Немедленно еду. Ждите. — Он обернулся к Жарову: — Ловим такси до Ливадийской больницы.

Пилипенко сорвался с места и зашагал через старый двор на улицу Кирова, поскольку по Чеховке такси проходит примерно раз в час. Жаров шел за ним, говоря другу в спину:

— Что произошло в больнице — это во-вторых. А во-первых, почему же ты все-таки поверил в оборотней?

— Эта тема отменяется, — не оборачиваясь, ответил Пилипенко. — Я только что узнал, что моя гипотеза не верна.

Машина донесла их до больницы за шесть минут. Пилипенко показал удостоверение и охранник поднял шлагбаум, открыв территорию, для частного транспорта запрещенную.

Пилипенко и Жаров, оба в белых халатах, не застегнутых, так что полы развевались от быстрой ходьбы, шли вдоль вереницы дверей. Их сопровождали доктор и медсестра.

— Я не несу ответственности, — говорил доктор. — Я не понимаю, как он проник в здание. Это забота охраны.

Пилипенко молча морщился, ежился под своим халатом, явно испытывая неудобство от этой безразмерной одежды.

— Он мог залезть в окно на первом этаже, — сказала медсестра.

Так, с белоснежным эскортом, Пилипенко и Жаров дошли до двери палаты, возле которой сидел милиционер. Увидев следователя, он встал и отдал честь.

— Всё под контролем, т-щ капитан! У меня тут круглосуточный пост.

— Отставить пост! Не думаю, что он еще раз сюда сунется.

— Но, т-щ капитан!

— Исполняйте.

— Слушаюсь, — закончил свою дискуссию младший сержант и, захватив с собой стул, удалился по коридору.

Пилипенко распахнул дверь палаты, сердито отдернув полу халата, зацепившуюся за ручку. Обернулся вслед уходящему милиционеру.

— И дайте тыквы начальнику местной охраны.

— Есть тыквы, т-щ капитан! — с радостью ответил младший, устанавливая стул на место, в ряд с другими в коридоре.

Вера Куроедова сидела на своей кровати. Ее загипсованная нога была уже без растяжки. У спинки стояла пара костылей. На двух других кроватях расположились старушка с перевязанными руками и девочка с загипсованной шеей. Судя по облегченным повязкам обеих больных, за прошедшие дни состояние их значительно улучшилось.

— Это был волк! — воскликнула Вера вместо приветствия. — Самый настоящий волк!

— Только в человечьем костюме, — добавила старушка.

— И с огромными когтями, — уточнила девочка.

Жаров вертел головой, недоуменно глядя на этих странных пациенток. Пилипенко поднял обе руки, что на языке жестов означало: «Молчать!»

— Тихо, — озвучил он более вежливо. — Не все сразу. Я следователь уголовного розыска города Ялты. Начнем с потерпевшей. Итак, что вы видели?

— Я спала, — сказала Вера. — Мне снился сон. Я видела, будто бы иду по…

— Дальше! — перебил ее Пилипенко, — Вы, вероятно, проснулись?

— Пусть расскажет, — встрял Жаров. — А что, если этот сон…

Жаров поднял раскрытую ладонь и покрутил пальцами, Пилипенко бросил на него злобный взгляд, тот замолк, вяло опуская руку. Вера недоуменно вертела головой. Спросила следователя:

— Так рассказывать сон или нет?

— Нет пока, — очень терпеливым тоном ответил Пилипенко. — Что вы увидели, когда проснулись?

— Оно стояло прямо надо мной и тянуло ко мне руки. Это было то же самое, что сидело в той машине. Большая собачья голова. Или волчья. Такие водились в Древнем Египте.

— Нечто вроде Анубиса, — пробормотал Жаров.

— Его глаза горели, — содрогнувшись, произнесла Вера.

Девочка с повязкой вскочила. Заявила с гордостью:

— Я швырнула в него ночным горшком.

Пилипенко с недоумением обернулся к ней:

— Как? И ты его видела?

— Конечно!

— И я! — воскликнула старушка. — Он убегал и задел головой о дверной косяк. И у него отвалилась голова.

— Он схватил свою голову и убежал, — добавила девочка.

Ее лицо отражало настоящий страх. Старушка поднесла щепоть ко лбу, намереваясь перекреститься. Вера смотрела в одну точку. Пилипенко хлопнул себя по коленям.

— Всё ясно. Будьте уверены: мы примем все возможные меры к задержанию чудовища.

— А еще я бы попросила объявить в розыск моего мужа, — вдруг тихо сказала Вера. — Он три дня не приходил и телефон не отвечает.

Она кивнула на свой мобильник, лежащий на тумбочке. Пилипенко и Жаров переглянулись.

— Ума не приложу, куда он мог подеваться? — продолжала Вера.

Чрезвычайно неловкий момент

Куроедов шел по коридору с сумкой на плече. Его сопровождал охранник. У окна стояли следователь Пилипенко и лейтенант Клюев. Пилипенко барабанил пальцами по подоконнику.

— Давай лучше ты, — сказал Пилипенко.

— Как скажешь, — пожал плечами Клюев.

Он обернулся навстречу идущему Куроедову и отдал честь.

— От имени администрации города и Министерства внутренних дел приносим вам свои извинения.

Куроедов остановился, поправил сумку на плече.

— Это в честь чего?

Пилипенко отлип от подоконника и подошел к Куроедову. Сказал:

— Вы свободны. Ваше задержание и последующее обвинение были ошибкой.

Куроедов криво усмехнулся:

— Между прочим, я это с самого начала знал. А вы-то как догадались?

— На вашу жену было совершено покушение.

— Вы меня в этом убедили. Но мне казалось, что это был несчастный случай.

— Поскольку во время покушения вы находились здесь, то могу сказать, что это точно были не вы.

— Ничего не понимаю. Вы что-то путаете. Когда на нее наехала машина, я еще не был здесь.

Пилипенко внимательно посмотрел на Куроедова.

— Я говорил о другом. Кто-то напал на вашу жену в больнице.

— Кто напал?

— Могу только сказать, что это точно были не вы.

— Она… Пострадала?

— К счастью нет. Наша машина довезет вас до больницы.

Куроедов с сумкой забрался в милицейский «Уазик». Машина отъехала. Пилипенко и Клюев устроились в «Жигуленке», где уже сидел Жаров, точнее сказать — прятался, потому что чувствовал себя Гешей из «Бриллиантовой руки».

— Со стыда сгораешь? — поддел его Клюев.

— Просто сижу. Нечего мне было там делать. Ну а вы как? Извинения приняты? Ты-то зачем потащился, официальное лицо? — толкнул он следователя.

— Я потому приехал сюда сам, — сказал Пилипенко, — что хотел лично пронаблюдать за его реакцией. Странно он принял сообщение о том, что напали на его жену.

— Что ж тут странного? — усмехнулся Клюев. — Сразу видно, что ты не женат.

— Ты считаешь, что каждый муж должен огорчиться, если покушение на его жену не удалось? — проговорил Пилипенко. — Забрось-ка нас в редакцию, кофейку попить, — повернулся он к Клюеву.

Сидя с полными чашками черного кофе в руках, Пилипенко и Жаров какое-то время молчали. Разговорились, когда этот легкий наркотик ударил по мозгам.

— Выходит, что Куроедов не причастен к покушению на его жену, — сказал Пилипенко. — Но если это не Куроедов, то зачем ему принимать облик волка?

— Ты с ума меня сведешь! — воскликнул Жаров. — Ты же не веришь во всю эту, как ты ее называешь, чушь и ерунду. Как кто-то по-твоему может принять облик волка?

— Очень просто. Наденет маску волка и всё.

— Это был просто человек в маске?

— А ты как думал? Что только не померещится перепуганным девчонкам, старым и малым! То же мне: отлетела у него голова. Вопрос в другом. Я потому и обратил внимание на слово «оборотень». Кому, кроме самого Куроедова понадобилась бы маска? Это должен быть кто-то, кого женщина знает в лицо.

Друзья помолчали, прихлебывая кофе.

— Итак, подытожим, — сказал Пилипенко. — Есть Куроедов, у которого при загадочных обстоятельствах погибли три жены. На его четвертую жену совершено два покушения. Человек, который делает это, скрывает свое лицо. Убийства этих женщин могли быть выгодны самому

Куроедову. Поскольку в последнем покушении он явно невиновен, то можно предположить, что и остальные убийства также не его рук дело. Бессмыслица какая-то: зачем кому-то убивать жен одного и того же человека?

— К тому же — в течение весьма долгого времени.

— И в разных городах бывшего Союза. Должен признаться, что следствие по этому делу зашло в полный тупик. Пивную банку в машину подбросили. Сделать это легче легкого: Куроедов трудится барменом в ресторане. Достаточно придти к нему в бар и заказать пива. На банке и останутся отпечатки бармена.

— Вопрос только в том, кому надо было подставлять Куроедова?

— Кажется, я догадываюсь. Давай-ка заедем на винзавод.

Массандра — лучшее вино в мире

Теперь Пилипенку и Жарова заставили надеть не белые, а синие рабочие халаты. Следователю и в этом наряде ерзал плечами, постоянно поправляя неуютную одежду.

— Опять облачены в какие-то мешки. А я даже милицейскую форму терпеть не могу носить.

Они шли по коридору Массандровского винного подвала. С обеих сторон над ними нависали штабеля винных бочек.

— Зато вина вволю попьем, — сказал Жаров.

— Не дождешься.

— А почему ты милицейскую форму терпеть не можешь носить? — спросил Жаров.

— Самое главное в жизни — это свобода. Как в творчестве Пушкина. Поэтому я и не женюсь никогда.

В это самое время мимо них проходила девушка, достаточно красивая, несмотря на такой же синий рабочий халат. Говоря, Пилипенко посмотрел на нее с грустью. Жаров, напротив, радостно заулыбался:

— Скажите, девушка! Где нам найти мастера цеха Зайцева?

Она остановилась, принялась объяснять, бойко указывая ладошками:

— Дойдете до конца проспекта. Повернете на улицу Мадеры. Первый поворот — переулок Ординарного Портвейна. Там и работает наш мастер.

Все это у них было очень серьезно, как заметил Жаров еще давно, когда впервые посетил винзавод. Два широких коридора назывались проспектами: Большой и Малый. Отходящие боковые проходы, также по стенам уставленные бочками, назывались улицами, а коридоры их разветвлений — переулками. Когда-то давно, в перестроечные времена, один из шутников-завхозов, которые тогда часто менялись или отстреливались, распорядился повесить на углах таблички, выполненные в традиционном стиле.

Так что, улицу Мадеры и переулок Ординарного Портвейна друзья нашли легко. Под огромной бочкой с маркой «ПОРТВЕЙН ОРДИНАРНЫЙ» стоял Зайцев, с важным видом наливая вино из колбы в химический стакан. Стрельнул глазами по сторонам и выпил.

— Ага, в рабочее время побухиваешь? — прошипел Пилипенко из-за угла.

— Пробу снимаю, — буркнул Зайцев, хмуро глядя на выходящих из-за бочки Пилипенку и Жарова. — Опять вы меня на ты, гражданин следователь. Я что — снова под подозрением?

— Да нет. Это я по-дружески. Ты мне вот что скажи, Зайцев, — ласково сказал Пилипенко. — Не ты ли замочил всех трех жен Куроедова и теперь охотишься за четвертой?

Говоря, Пилипенко внимательно наблюдал за реакцией Зайцева. Тот с изумлением выпрямился, вытянул шею, вывернул на следователя глаза.

— Как всех трех? Я только одну… Тьфу! И даже одной не мочил. Путаете вы меня.

— Ладно, — сказал Пилипенко. — С Верой Куроедовой ты знаком?

— Нет.

— Очень хорошо. Ты водишь машину?

— Нет.

— Прекрасно. А не ты ли, Зайцев, разгуливаешь по Ялте в маске волка? Людей пугаешь. Сцены из «Ну погоди!» разыгрываешь…

— Издеваетесь, гражданин следователь?

— Верно, издеваюсь. Для этого и забежали на огонек. Ну что, наливай, что ли?

Выпив по стакану ординарного, друзья оставили Зайцева в большом недоумении. Он не верил своим глазам, что следователь может выпить на службе. Впрочем, и Жарову не понравилось, что у него теперь будет выпивший водитель. Он с недоверием смотрел, как Пилипенко выруливает со двора винзавода на городскую улицу.

— Ерунда, — сказал тот. — Стакан вина — это ничто, сам понимаешь. А для гаишников я сам командир.

— Чего ты от него хотел-то? — просил Жаров.

— Просто понаблюдать реакцию. Для моего внутреннего детектора лжи.

— И какие выводы?

— Непонятно. В чем-то он солгал, а в чем-то нет. Я незаметно подсунул его подсознанию следующие вопросы: причастен ли он к убийству трех жен Куроедова, знаком ли он с четвертой женой, надевал ли маску волка. В одном из трех случаев он солгал.

Пилипенко замолчал надолго. Машина уже въехала в город, остановилась в первой пробке. Наконец, следователь повернулся к своему другу:

— Чертовщина какая-то. Незачем Зайцеву убивать жен Куроедова.

— Может быть, тут какая-то месть? Давняя вражда? — предположил Жаров. — Может быть, они с Куроедовым с детства знакомы, и он смертельно обидел Зайцева. Вот и убивает Зайцев его жен, чтоб ему пусто было.

Пилипенко махнул рукой:

— Нет, не то. Остается только поверить в покрывало вдовы.

Говоря, он взял трубку служебного радиотелефона, нащелкал вызов. На том конце, как Жаров понял по бормотанию, был лейтенант Клюев. Следователь произнес несколько наставлений:

— Проверь-ка сейчас по общей базе, сдавал ли когда-либо на права Зайцев Петр Игнатьевич, житель Алушты. Что? Я подожду, — он обернулся к Жарову: — Компьютер сработает мгновенно. В прежние времена нам бы пришлось ехать в архив ГАИ, да там еще с ребятами пиво пить. Легче гораздо стало работать.

— Зато детективы писать труднее. На личном опыте знаю.

— Это почему же? — удивился Пилипенко.

— Меньше возможностей для коллизий. Вот, были бы мы героями детектива. Поехали бы сейчас в ГАИ. Там встретили какого-нибудь гаишника, новая тема началась. А тут — Клюев от своей виртуальной игры отвлечется, щелкнет мышью и всё.

В радиотелефоне активизировалось невнятное бурление. Пилипенко взял трубку, лежавшую на сиденье. Сказал:

— Ну что, Клюев, щелкнул мышью?

Выслушивая ответ, он двигал рукой по рулю, будто и впрямь мышью по столу. Когда бульканье на другом конце связи умолкло, Пилипенко пробурчал: «Понятно», вдруг резко затормозил, устроил замолкшую трубку в гнездо и развернул машину.

— Ты куда? — спросил Жаров.

— В Алушту. До отсидки Зайцев имел автомобиль, у него были права на вождение.

— Значит, он мог наехать на Куроедову. Только зачем нам в Алушту?

— Маска волка. В компьютерной реальности тоже возможны неожиданные ходы для детектива.

Ну, волк, погоди!

Через полчаса Пилипенко и Жаров стояли у закрытой двери на веранде многоквартирного дома. Пилипенко достал из кармана набор ключей.

— В который раз ты нарушаешь закон? — спросил будничным тоном Жаров.

— Нет времени брать ордер, — ответил следователь. — Я уже сказал ему про маску. Он успеет от нее избавиться. Отпросится с работы и примчится домой.

В руках следователя, на кольце ключей болталась обыкновенная воровская отмычка. Через минуту дверь была открыта.

Квартира Зайцева представляла собой стандартную жилплощадь с набором дешевой неновой мебели. Пилипенко сориентировался довольно быстро: вытащил из шкафа нечто, упакованное в пластиковый пакет.

— А вот и она, — весело сказал следователь.

В его руках поворачивалась маскарадная морда волка. Просто большая волчья голова с вырезом внизу.

— Чуть было не перехитрил нас всех, — с удовлетворением сказал Пилипенко.

— Убивать жен некоего избранного человека, из года в год! — воскликнул Жарова. — Хотел бы я знать, каков у него был мотив?

Пилипенко насторожился, наклонил голову, прислушиваясь.

— А вот, мы сейчас у него и спросим, — сказал он, надевая на голову маску волка.

Раздался звук открываемой двери. На пороге стоял Зайцев. Он тяжело вздохнул. Пилипенко сделал к нему шаг и замер, возвышаясь над ним в маске волка.

— Не успел, — сказал Зайцев.

Внезапно он дернулся, рванулся обратно. Жаров в два прыжка достиг порога, выскочил на веранду, перемахнул через перила и свалился прямо на убегающего Зайцева. Быстрым, профессиональным жестом заломил ему руку за спину.

Допрос начался прямо на месте: Зайцев сидел на диванчике, напротив раскрытой дверцы шкафа, где лежала маска. Пилипенко устроился верхом на стуле напротив, как американский шериф из кино. Жаров, как обычно, стоял у окна, прислонившись к подоконнику. Зайцев видел Жарова два раза: в кабинете следователя и на винзаводе — со следователем вместе. Разумеется, у него сложилось впечатление, что Жаров работает в милиции.

— Зачем тебе все это было нужно, скажешь? — начал Пилипенко.

Он кивнул на маску волка, мирно лежащую на столе.

— Он убил женщину, с которой я… Которую я… И подставил меня же! И я восемь лет в лагере колбалсился, — скороговоркой ответил Зайцев.

— Почему ты думаешь, что именно Куроедов убил эту женщину?

— Да потому что я ее не убивал!

— Вот, логика! — вставил Жаров.

— Ты угнал машину, — продолжал следователь, — наехал на его жену, подбросил в салон банку с отпечатками бармена Куроедова.

— Да, признаюсь.

— Как ты раздобыл банку? Куроедов ведь должен был узнать тебя. Неужто и в бар ты пошел в маске волка?

— Нет, что вы! Я дождался, когда придет сменщик Куроедова. Зашел в бар и взял со стола пустую банку, которую точно держал в руках Куроедов.

— Ну, хорошо. С этим разобрались. А как насчет других жен Куроедова? Одна была отравлена в Днепропетровске, другую сбросили с лестницы в Харькове.

— Я никогда не был в этих городах!

— А в армии ты где служил? — спросил Жаров.

— В Николаеве.

— В какие годы?

— Девяносто третий — девяносто пятый.

— Понимаешь? — вдруг встрепенулся Жаров, обращаясь к Пилипенке.

— Что, собственно? — не понял тот.

— Первая жена Куроедова была отравлена в девяносто четвертом. Этот человек тут не при чем. Возможно, и ко второму случаю он не имеет никакого отношения.

— Похоже что так… — задумчиво проговорил Пилипенко. — Послушай, Зайцев! Зачем ты все-таки надевал маску волка?

Зайцев помялся, выдавил из себя слабую улыбку:

— Ну, так… Я — Зайцев, а маска — волка.

— Допустим. Но почему ты вообще надевал маску? Ты же не знаком с женой Куроедова.

— Не знаком. Но она меня видела.

— Где?

— На суде.

Пилипенко с удивлением поднял голову.

— Это на каком таком суде?

— В моей жизни был один лишь суд. За убийство, которое я не совершал.

— Так вот оно что! Вот ведь как просто всё объясняется.

И следователь щелкнул пальцами, что означало: он уже все до конца понял.

Больничный финал

Пилипенко и Жаров в больничных халатах шли по коридору. Следователь опять с отвращением поправлял свою одежду.

— Если твоя гипотеза верна, — сказал Жаров, — то я готов поставить памятник этой великой любви.

— Не ерничай, — огрызнулся Пилипенко. — Убийство есть убийство, и нет ему никакого оправдания.

— Согласись, это совсем не то, что убийство из-за денег.

— Нет. Не соглашусь.

Они были не прочь продолжить прения, но уже подошли к двери палаты.

— Молчим, — сказал следователь и открыл дверь — без стука, как это принято в больницах.

Девочка с шеей читала вслух книжку старушке с руками, меж тем, как на ушах у нее висел неизменный плеер, и она кивала в такт своей музыке. Обе подняли головы. Вера Куроедова полулежала на кровати. Напротив, на стуле — сидел Куроедов. Он с недоумением оглянулся.

— Разве у вас могут быть к нам еще какие-то вопросы?

— В самом деле! — с возмущением воскликнула Вера. — Арестовали моего мужа. Держали его три дня. Что вам еще от нас нужно?

Пилипенко прошел на середину комнаты, отодвинул пустой стул и сел на него верхом.

— Вот как вы гостей встречаете. А мы вам, между прочим, хорошую весть принесли.

— Неужели? — спросил Куроедов.

— Час назад задержали того человека, который принес вам несчастье.

Пилипенко указал ладонью на загипсованную ногу потерпевшей.

— А того, кто велосипед изобрел, не задержали? — съязвила девочка.

Она указала на свою шею.

— Не волнуйся, — ободрил ее Жаров. — И до него доберемся.

— А того… Того, кто… — начала было старушка, шаря в воздухе забинтованными руками, пытаясь определить виновного в своей травме, но Жаров успокаивающе положил ей руку на плечо, склонился и даже ласково поцеловал в седую макушку.

— И кто же этот… Человек? — проговорила Вера.

— Зайцев, — спокойно сказал Пилипенко.

Куроедов вздрогнул.

— Он был в маске волка, — продолжал следователь.

— Но почему Зайцев? — спросил Куроедов. — Тот самый, из Алушты?

— Именно. Зайцев, который отсидел за убийство вашей третьей жены.

— Зачем ему это нужно?

— Потому что он не убивал вашу третью жену.

— А кто же ее убил?

— И не только ее, но и всех предыдущих, — вставил Жаров.

Пилипенко поднял палец и проговорил весомо:

— Покрывало вдовы.

— Да, точно, — встряла старушка. — Есть такое покрывало. Это когда одна жена умирает. Потом другая. Потом третья. Вот, у меня сосед, старичок один. Так у него жен умерло штук… Даже и не упомню.

— Обязательно дайте мне адрес этого старичка, — тихо сказал Пилипенко и повернулся к чете Куроедовых.

— Так что, насчет покушений можете теперь спать спокойно. Больше никаких покушений не будет. Только один к вам вопрос. Для отчета. Если это не тайна, конечно. Мне очень важно знать, как вы познакомились?

Куроедов и его жена переглянулись. Куроедов рассмеялся.

— На этот вопрос мы никак не сможем ответить, — сказала Вера, также хохотнув.

— Потому что мы никогда не знакомились, — сказал Куроедов.

— Как? Вы не знакомы?! — с возмущением воскликнула старушка.

— Не волнуйтесь, бабушка! Такое бывает, — успокоила ее девочка.

— Просто мы знаем друг друга всю жизнь, — торжественно объявила Вера.

— С детского сада, — подтвердил Куроедов.

— Или даже с яслей, — добавила его жена.

— Значит, вы родились в одном городе? Выросли вместе… — проговорил Пилипенко вроде простые слова, но в голосе его прозвучало нечто зловещее.

— В Днепропетровске, — сказал Куроедов.

— Я в этого мужчину с детства была влюблена, — заявила Вера с гордостью.

Пилипенко и Жаров переглянулись. Все было уже ясно, и правда эта казалась чудовищной, хотя где-то на горизонте маячило слабое желание оправдать, по крайней мере — понять…

— А когда он в Харьков жить переехал, вы за ним отправились, — полуспросил, полуутвердил Пилипенко.

— Точно! — сказала Вера. — Работу хорошую бросила, квартиру продала.

Пилипенко смотрел на нее с грустью. Жаров отвернулся, глядя в окно, где ветер волновал ветки пальмы.

— А не страшно было тебе всех этих женщин убивать? — тихо спросил Пилипенко.

В палате установилось молчание. Девочка с шеей уронила на пол книжку. Все обернулись на стук. Жаров разглядел ее название: «Жертва роковой страсти».

Финал у камина

Тем же вечером, трое старых друзей сидели у камина в редакции. Жаров ворошил кочергой угли, искры втягивались в трубу. Пилипенко сидел в кресле, дожидаясь пока он отойдет, чтобы водрузить ноги на каминный экран. В соседнем кресле, также со стаканом в руке, сидел Минин.

— Вот и закончилась история с покрывалом вдовы, — сказал он.

— Она, наконец, призналась? — спросил Жаров.

— Куда бы она делась? — сказал Пилипенко. — Первую жену подстерегла на улице в Днепропетровске, познакомилась, предложила вместе выпить. Остальное — дело техники. Вторую столкнула в лестничный пролет в Харькове. Как появилась предсмертная записка, мы знаем. А с третьей расправилась уже в наших краях, на квартире у Зайцева.

— И отсидел человек ни за что, — вставил Минин.

— Да уж, — пробурчал Пилипенко. — Совсем невинный человек. Просто воспылал любовью к замужней женщине — только и всего.

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: памятник Чехову в Томске. Автор – Леонтий Усов.
В произведении использованы мотивы поэмы Иосифа Бродского «Посвящается Ялте».

Сергей Саканский

Чужая рука

Весь день моросил редкий осенний дождь, Жаров поглядывал в окно, на черный, мокро блестящий памятник Лесе Украинке, которая, казалось еще больше сгорбилась под ненастьем. Жаров был рад, что не надо сегодня выходить на улицу. Он сидел в редакции и слушал записи допросов – те, что Пилипенко занес ему утром. Это был, наверное, первый случай, когда друг обратился к Жарову с прямой просьбой помочь в расследовании, которое сразу зашло в тупик и скрывало какую-то дьявольскую, совершенно немыслимую тайну.

Несколько дней назад на Цветочной улице был найден труп с единственным огнестрельным ранением в область сердца. Рано утром его обнаружила дворничиха: человек лежал в сточной канаве, куда, похоже, и упал, отброшенный выстрелом в упор.

Никаких следов рядом не было, да и быть не могло, потому что в субботу, когда этот человек был застрелен, шел точно такой же дождь, что и сегодня.

Личность убитого выяснили сразу, проверив мобильный телефон, который лежал в его кармане – это был Лазарев Михаил Семенович, тридцати пяти лет, по профессии художник. Он жил довольно далеко от места, где был найден, и непонятно, как мог оказаться здесь.

Опросили навскидку жителей окрестных домов и действительно: около девяти вечера на Цветочной улице прогремел одинокий выстрел. Все, впрочем, решили, что это мальчишки взорвали петарду. Однако, один из свидетелей, пенсионер МВД, показал, что сразу узнал «знакомый голос парабеллума». Он даже вышел на улицу и осмотрел окрестности, но ничего подозрительного не увидел. Это и понятно: улица плохо освещена, многие фонари разбиты, а труп лежал за кромкой тротуара.

Для допросов в управление были вызваны люди, так или иначе общавшиеся с Лазаревым, в частности, его любовница и любовник этой любовницы. Запутано, конечно. Но жизнь, вообще – сложная штука.

Лазарев был холост и существовала женщина, с которой он встречался. У этой женщины был другой мужчина, отставной военный, с которым она встречалась наряду с Лазаревым. Классический любовный треугольник. И пуля, застрявшая в сердце.

Прослушав записи допросов в первый раз, Жаров не поверил свои ушам. Судя по показаниям, Лазарева покарало не что иное, как сама рука судьбы…

* * *

Сначала говорила женщина, Лиля Косарева. Жаров не был с нею знаком, но знал ее, поскольку это была актриса, которая играла в театре, снялась в двух сериалах и часто мелькала на всяких празднествах и презентациях, куда Жарова тоже приглашали как журналиста. Иногда он думал о ней, но так, чисто теоретически: вот, может быть, когда-нибудь… Ничего серьезного, никаких определенных намерений.

Конечно, и актриса заочно знала Жарова, хоть они и не были официально представлены друг другу. Наверняка ей попадался на глаза «Крымский криминальный курьер», возможно, она читала написанные журналистом слова.

Жаров перемотал пленку в начало, немного прибавил громкость и запустил опять.

– Как часто вы виделись с убитым? – спросил следователь.

– Последний год я с ним редко виделась, – помедлив, ответила Косарева. – Он приходил ко мне два раза в месяц. Иногда и реже. А в октябре совсем не приходил. Обычно он предупреждал заранее, телефонным звонком. Примерно за неделю. Чтобы не случилось путаницы.

– Что вы имеете в виду под путаницей?

– Не совсем то, о чем вы подумали. Хотя и это тоже. Я, вы знаете, работаю в театре. Там вечно неожиданности. Вдруг заболеет кто-нибудь, сбежит на киносъемку – нужно заменить. Ну, в общем, в этом духе. И к тому же, он, конечно, знал, что у меня теперь…

– Другой человек. Парщиков Илья Сергеевич, капитан запаса, сотрудник охранной фирмы.

– Да, верно. Но откуда вам известно? А впрочем, это ваше амплуа. Но то, что есть теперь, ну, это, в общем, серьезно. То есть я хочу сказать, что это…

– Ваша свадьба назначена на пятое ноября.

– Да. И, несмотря на это, я с ним встречалась. Как вам объяснить… Он, видите ли, был довольно странным и непохожим на других.

– Все люди друг на друга непохожи, – сказал Пилипенко, и в его голосе послышалась странная неслужебная нотка.

– Но он был непохож на всех других! – парировала актриса и – ясно по звуку – шлепнула ладошкой по столу.

Конечно, неприятно, подумал Жаров, слышать что-то такое от женщины, тем более, красивой… Следователь тоже человек, тоже мужчина. Холостой и вообще одинокий, как и сам Жаров.

– Да, это в нем и привлекало меня, – произнесла Косарева после паузы. – Когда мы были вместе, все вокруг переставало существовать, – вдруг разоткровенничалась она.

Следователь молчал, Жаров слышал, как он шелестит на столе бумагами.

– Да, именно поэтому я с ним и не порвала, как появился другой, – продолжала женщина. – А во имя чего, простите, следовало мне расстаться с ним? Во имя капитана? А я так не считаю. Теперь его убили. А я все еще думаю, что непохожа на других… Мы ведь ничего не знаем, пока мы думаем, что неповторимы, правда?

– Мы уклонились, – сухо сказал Пилипенко. – Где вы были вечером второго октября?

– В кино.

– Одна или с кем-то?

– Да с капитаном же, с кем еще! С Парщиковым Ильей Сергеевичем.

– В каком кинотеатре?

– В «Спартаке».

– Как назывался фильм?

– Не помню. Послушайте. Спросите капитана, у него память военная. Хоть он и был контужен в Афгане. Он даже кричит во сне, разговаривает…

Женщина вдруг замолчала. Молчал и Пилипенко. Жаров слышал лишь гуденье диктофона, ему казалось, что он видит, как нахмурился следователь, о чем-то напряженно думая.

– Ну, хорошо, – Пилипенко продолжил, наконец, допрос. – Вышли вы из кинотеатра, что было дальше?

– Сели в машину. В его, капитана, машину. Марки я не знаю, не разбираюсь в них. Дальше рассказывать?

– Почему бы и нет?

– Ну, потом мы поехали ко мне и трахнулись. Вам интересно? У меня, знаете ли, удобнее. А у него соседи. А я, понимаете, гражданин следователь, очень громко кричу.

Было слышно, как несчастный Пилипенко сглотнул, как снова зашелестел бумагами. Конечно же, ему частенько приходится выслушивать подобные вещи.

– Что было потом?

– Потом? Разве вас не интересуют подробности? Того, что было у меня дома? Впрочем, простите, чего это я разговорилась… Потом он сел в свою машину, которой марки я не ведаю, и уехал домой.

– В котором часу?

– Думаете, я знаю? Часу, может быть, в одиннадцатом.

* * *

Жаров остановил диктофон. Если выстрел на Цветочной улице прогремел в девять, о чем показали несколько человек, то ни Косарева, ни капитан не могли быть убийцами.

– Так вы считаете, что я обязан давать вам объяснения? – голос капитана Парщикова открывал следующий фрагмент записи. – Ну, что ж, обязан так обязан. Но учтите: я вас разочарую, поскольку мне известно о нем безусловно меньше, чем вам. Хотя того, что мне известно, достаточно, чтобы сойти с ума. Вам это, думаю, не грозит, поскольку вы…

– Давайте не будем обсуждать обстоятельства, которые не касаются дела, – скороговоркой прервал его Пилипенко.

Слушая это место во второй раз, Жаров снова усмехнулся: больше всего на свете его друг боялся сойти с ума и закончить свои дни в симферопольской психушке – как раз по причине ежедневного общения с такими людьми.

– Похоже, вы не очень хорошо относились к погибшему?

– Совершенно верно: я ненавидел этого субъекта. Причины вам, я думаю, ясны. А если нет – бессмысленно вдаваться в объяснения. Тем более что вас интересуют факты. Так вот: я признаю, что ненавидел.

– Ваша ненависть – это не факт. Ненависть, сама по себе, не может убить. Вы с ним были знакомы? Насколько коротко?

– Нет, мы с ним не были знакомы. Я знал, что у нее кто-то бывает. Но не знал, кто именно. Она, конечно, ничего не говорила. Но я-то знал! Чтоб это знать, не нужно быть Шерлок Холмсом, вроде вас. Вполне достаточно обычного внимания.

– Где вы были в субботу вечером?

– В кино. А потом я отвез ее домой.

– Вы заходили к ней?

– Нет. Довез до дома, а потом поехал к себе.

Пауза. Жаров хорошо понял ее смысл: следователь только что поймал Парщикова на легкой лжи и, скорее всего, внимательно всматривался в его лицо, чтобы, подобно детектору, определить сам портрет лжи для данного человека, на будущее.

– Хотите правду? – голос Парщикова стал громче, вероятно, он подался вперед над столом. – Когда я узнал об этом убийстве, то до известной степени был рад. Иначе все могло тянуться вечно, и всякий раз после его визитов она была немного не в себе. Теперь, надеюсь, все пойдет как надо. Сначала будет малость тяжело, но я-то знаю, что в конце концов убитых забывают, и к тому же мы, видимо, уедем. У меня мать в Киеве, двухкомнатная квартира. Лилю возьмут в любой театр, а я как-нибудь устроюсь. Возможно, мы с ней заведем ребенка. Я – хахаха! – как видите, еще...

– У вас есть пистолет? – вдруг перебил Пилипенко.

– Да, я имею личное оружие и разрешение на него.

– Какая система?

– Парабеллум, калибр семь шестьдесят пять.

Пауза. Похоже, что-то в лице следователя насторожило Парщикова, и он спросил, уже тоном ниже:

– А что? Что вы на меня так смотрите? Этот человек был застрелен из… чего?

– Мы должны осмотреть ваше оружие, – сухо сказал Пилипенко. – Где вы его храните?

– Дома, в столе.

– Просто в ящике стола?

– Не просто. Согласно инструкции, деревянный ящик стола изнутри обит жестью.

– А ящик заперт?

– Разумеется.

– Ключ вы носите с собой?

– Нет, это нецелесообразно. Ключ я храню в комнате, но никто не знает, где именно.

– Кто, кроме вас имеет доступ к вашей комнате?

– Никто.

– А у Косаревой нет ключей?

– При чем тут она? Как вы можете ее подозревать?

– Я всего лишь задаю вопрос, насчет ключей.

– Да нет у нее ключей! Она редко бывает в моей берлоге.

– Соседи?

– А что соседи? Вы, хотите сказать, хозяйка… Я ведь эту комнату снимаю. А квартира у меня в Киеве, я уже говорил. У хозяйки, конечно, есть ключи от комнаты.

– Какая у хозяйки семья?

– Двое – она и сын. Лет четырнадцати, восьмиклассник.

И тут раздался звук, которого Жаров в первый раз не заметил, звук, не вызывающий сомнения в своей природе – это был короткий и резкий щелчок пальцами.

Именно так Пилипенко всегда и щелкал, если ему приходила в голову какая-то решающая мысль. Жаров прекрасно понял, что произошло: следователь, уже настроив свой внутренний детектор по первому разу, снова почувствовал в словах допрашиваемого ложь.

* * *

Жаров уже знал, что парабеллум Парщикова был проверен, и эксперт-криминалист Леня Минин вынес безусловное заключение: Лазарев был убит именно из этого оружия. Но весь абсурд ситуации заключался в том, что и Парщиков, и Косарева в момент убийства были еще в кинотеатре. И дело не только в их показаниях, верить которым не обязательно, поскольку они оба могли быть сообщниками. Проблема в том, что сотрудники «Спартака», хорошо знающие актрису, подтвердили, что видели ее в кинозале, видели, как после сеанса, который закончился в девять ноль пять, она выходила на улицу с человеком, по описанию похожим на Парщикова.

(Слушая запись в первый раз, Жаров нажал на этом месте паузу. Мысль, пришедшая ему в голову, была фантастичной, но, тем не менее, объясняющей все. Почему никто не догадался сделать очную ставку Парщикову с сотрудниками кинотеатра? Точно ли с Косаревой был капитан запаса, а не его двойник? А сам Парщиков в это время преспокойно застрелил Лазарева. Или даже еще пуще: двойник в кинотеатре был, но не Парщикова, а Косаревой. В сущности, у этой красавицы вполне типичное лицо, таких красавиц много…)

Зато первоначальное предположение следователя, как он сообщил Жарову, принеся ему кассету, было столь же закономерным, сколь и абсурдным – вот до чего доводит крепкая материалистическая закваска! Если Парщиков ненавидел Лазарева, имел мотив для убийства, но лично убить не мог, то это значит только одно: Парщиков нанял киллера, а сам обеспечил себе алиби. Но как это можно, спрашивается, нанять киллера, вручив ему свой собственный пистолет? Жаров не мог допустить, что капитан запаса Парщиков был идиотом. Впрочем, идиотом не был и следователь Пилипенко, но все же версию о киллере пока в уме держал…

Работая с милицией уже много лет, журналист всегда пытался нащупать какую-то мистическую мысль. Так человек, мечтающий увидеть летающую тарелку, чаще других поглядывает на небо. Каждое новое дело несло в себе некую замысловатую тайну, но раскрывалось самым обычным образом. И вот, сейчас, похоже, они подошли к двери в неведомый мир так близко, как никогда раньше.

Материалистическая версия Пилипенки была разбита в пух и прах – записью следующего допроса, как и версия Жарова о двойниках. У него замирало в груди, когда он слушал запись впервые. Это ощущение не проходило и теперь…

Пилипенко допрашивал соседского мальчика. Его звали Митя Суворов, он был сыном хозяйки и дружил с жильцом, как может дружить четырнадцатилетний мальчишка с настоящим офицером средних лет.

– В тот вечер дядя Илья уехал, – рассказывал он. – Долго одевался, брился, надушился весь. Я понял, что он поехал к своей невесте, а это надолго. Ну, и…

Мальчик замолчал. Пилипенко подбодрил его:

– Расскажи всю правду, ладно? Если расскажешь, то тебе, может, ничего и не будет, потому что ты еще несовершеннолетний, – соврал он для пользы дела.

– Правда, ничего?

– Правда-правда, – скороговоркой ответил Пилипенко.

Жаров знал, что подобные игры даются его другу нелегко.

– Короче, я взял у дяди Ильи пистолет. Из ящика, я знал, где он прячет ключ. Это такой уступ под потолком, там при царе была печка. И все наши жильцы прятали свои ценные вещи именно там. Я просто так взял пистолет, я не хотел ни в кого стрелять. Пошел в город. С оружием, оказывается, идти совсем по-другому, чем без оружия. А тут он. Я подумал – бомж какой-то. Я спросил у него закурить. Мне не хотелось курить, но просто… Не знаю. Но там, в порту, везде огни и светлячки на рейде... И здесь бы тоже... Нет, я не могу как следует все это... А он меня послал. Сами знаете, куда. Я выхватил пистолет, говорю: курить, быстро! А он меня еще обозвал и руку к пистолету протянул. И я нажал на курок. Я не хотел. И сразу побежал. А его от выстрела прям отбросило, как в кино.

– Нехорошо стрелять в людей, Митя, – назидательно сказал Пилипенко. – А потом что ты сделал?

– Пришел домой, положил пистолет обратно в ящик. Запер и ключ положил на место. Ну, потом я лег спать. Никому не рассказал. А как вы узнали?

– Ты все это подпиши и иди домой.

– А как вы узнали-то? – повторил мальчик.

– Да как, как… Вот, сейчас, от тебя и узнали. Иди домой.

* * *

Это была совершенно невероятная история. Любовный треугольник. Парщиков ненавидит своего соперника, имеет ясный мотив. И соперника убивают, и именно из оружия Парщикова, но убивает другой, случайно, даже не зная, кого. Это при том, что в городе более ста тысяч жителей, и что убитый непонятно зачем забрел в чужой район…

Рука судьбы, карающая символичная рука. Мир устроен не так, каким он кажется. А кажется материальным, математическим, как дважды два.

Жаров чувствовал в этой истории что-то огромное, страшное, гораздо больше города со всеми его жителями, их личными проблемами и страстями… Парщиков хотел убить, но не мог. У Косаревой тоже могла быть какая-то неизвестная причина убить своего любовника – кто их разберет, женщин? – но и она не могла. Мальчик убить не хотел, но убил.

И вот теперь, когда дело уже было на грани закрытия, следователь дал Жарову эту кассету. Прослушав запись дважды, Жаров не нашел в ней ничего, что могло бы пролить хоть какой-то свет на следствие, о чем и доложил своему другу по телефону.

– Ну, хорошо, – сказал Пилипенко. – Я, в принципе, так и думал. Чем ты умнее меня?

– Да уж, – неопределенно прокомментировал Жаров. – Есть одна мысль… Надо бы встретиться с этой Косаревой, еще раз с нею поговорить.

– О чем, зачем?

– Да не знаю! Просто, некое смутное чувство…

– Наверное, в этом есть какой-то смысл, – сказал, помедлив, Пилипенко. – Кроме, разве что, твоего желания познакомиться с нею поближе. Я сейчас выясню, не занята ли она на репетиции, и перезвоню.

Друг ударил в самою точку: Жаров уже подумал о том, что это мрачное дело может послужить поводом, чтобы встретиться, наконец, с актрисой. Он вытащил из платяного шкафа свой новый вельветовый костюм и придирчиво осмотрел его. Пилипенко позвонил через пять минут, сообщил что Косарева сейчас в театре, но репетиция как раз заканчивается. Так что, можно подойти немедленно. Жаров глубоко и радостно вздохнул, расправив плечи. Затем вздохнул с грустью и принялся облачаться в свой новый коричневый костюм. Все равно ничего не выйдет у него с этой женщиной. Вот уже почти год, как все они давали ему лишь обещания…

* * *

Жаров не торопился. Из редакции до театра было три минуты ходьбы, а из управления – пять. Разумеется, познакомиться, наконец, с актрисой – это хорошо, но беседа в связи с убийством ее любовника – повод далеко не лучший. Да и Пилипенко не согласился бы на эту встречу, если бы его самого не грызла какая-то неопределенная (или – для него – определенная) мысль.

Подходя к служебному входу в театр, Жаров увидел следователя в конце кипарисовой аллеи: его круглые очки, обычно поблескивающие на солнце, теперь несли в себе две капли матовой дождливой мути. Он был одет в длинный черный плащ, над головой держал столь же черный зонт.

Пилипенко играл в зубах неприкуренной сигаретой: постоянно ее посасывая, словно малыш пустышку, он надеялся сократить число дневных сигарет, а затем и вовсе бросить курить.

Охранник на проходной театра хорошо знал и Жарова, и Пилипенку, они прошли за кулисы и без проблем отыскали гримерную Косаревой.

Актриса встретила их холодно. Это и вправду была женщина с типичным лицом и телом современной красавицы: крупный волевой рот, чья прямоугольная форма была утверждена довольно уместными штрихами помады, длинные руки и ноги, общая худоба, скрывающая умопомрачительные диетологические ухищрения.

Женщина была одета в драное рабочее трико для репетиций, ничуть не заботясь о том, что сквозь прорехи просвечивает, где тело, где белье. Она подняла локти, закручивая волосы в жгут, и со шпильками в зубах проговорила:

– Мне больше нечего вам сказать, господа.

При этом она покосилась на Жарова, чуть задержав взгляд в его глазах. Его сердце колотнулось… Конечно же, она узнала в нем известного в городе журналиста.

– А вы-то тут при чем? – сердито спросила Косарева. – Ах, да. У вас криминальный, как его…

– Курьер, – напомнил Жаров.

– У меня к вам не так много вопросов, – сказал Пилипенко, засовывая свою сигарету за ухо. – Известно, что капитан Парщиков служил в Афганистане. Он что-нибудь рассказывал об этом периоде своей жизни?

Жаров едва сдержал свое изумление: Афганистан уже был как-то упомянут при допросе, но какое это вообще могло иметь отношение к делу?

– Не помню, – сказала Косарева.

Похоже, что и ее озадачил такой поворот разговора.

– Ветераны обычно часто возвращаются в мыслях к войне.

– Безусловно.

Пилипенко помолчал. Сигарета за ухом, в сочетании с дужкой очков, раздражала его. Он достал из кармана пачку, безуспешно пытаясь засунуть сигарету обратно. Бросил эту затею и снова обратился к Косаревой:

– Вы не знакомили Парщикова с покойным Лазаревым?

– Нет, зачем это нужно?

– Может быть, они еще до того были знакомы?

– До чего? Впрочем, не знаю. Вряд ли, – Лиля усмехнулась в нос. – Где им встречаться? В Доме Офицеров?

– В Ялте, – постукивая сигаретой о пачку, проговорил Пилипенко, – нет Дома Офицеров.

– Вот и я о том же, – дернула худыми плечами Лиля. – Бывший офицер и работающий художник, декоратор нашего театра. Совершенно разные круги. Между прочим, у нас не курят.

– А я и не курю, – сказал следователь. – Еще один вопрос, последний, мы уже уходим… Вы общаетесь с соседями Парщикова? С теми людьми, матерью и сыном, у которых он снимает комнату?

Реакция Косаревой была более чем неожиданной: она побледнела. Жаров ясно увидел, как краска опала с ее щек, словно у женщины выпили кровь.

– Нет, – спокойно ответила актриса, уже через секунду профессионально справившись со своим лицом. – С хозяйкой я только здороваюсь, а мальчика так и вообще никогда не видела.

– Что ж, – пожал плечами Пилипенко, снова вставляя сигарету в рот, – больше мне не о чем вас спросить. Разве что… Это может не иметь никакого отношения к делу, но…

– Так спрашиваете, наконец! – раздраженно произнесла Косарева.

Пилипенко повел своей сигаретой, словно указкой, в сторону некой вещи, лежавшей на гримерном столике.

– Что это за фигурка? Если я не ошибаюсь, то это куколка вуду.

– Совершенно верно – это вуду. И, разумеется она не имеет и не может иметь никакого отношения к вашему делу.

Жаров давно заметил маленькую, размером с флэшку, куколку, надетую на простой шнурок, подобный тому, какие продают в придачу к дешевым нательным крестикам. И вновь что-то странное мелькнуло в облике актрисы. Жаров заметил: когда она взяла фигурку, у нее сильно дрожали пальцы. Косарева протянула куколку следователю, тот озадаченно повертел ее в руке.

– Да ведь у нее просто-напросто ваше лицо! – с изумлением воскликнул Жаров, заглянув через плечо друга.

– Ну и что? – взвилась актриса. – Это мой оберег, я ношу его вот здесь, как раз в ложбинке между грудей.

Она выхватила куколку из рук следователя и мгновенным жестом накинула себе на шею. Амулет действительно лег точно меж ее маленьких острых грудей, провалившись в вырез лифчика и закачавшись в уютной тени. Жаров почувствовал, что его лицо стремительно краснеет.

– Больше вопросов нет? – холодно осведомилась Косарева.

Уходя, Жаров попытался поймать взгляд женщины, но она смотрела мимо. На крылечке следователь, наконец, прикурил свою многострадальную сигарету.

– Ты заметил? – спросил Пилипенко.

– Конечно. Но что это может значить? Почему она так перепугалась, когда речь зашла о его соседях? И какое значение может иметь эта куколка?

– Не знаю. Но что-то тут явно происходит. Я просто пытался нажимать в этой беседе разные кнопки вслепую. И одна почему-то сработала. Но вот что за механизм она запускает, пока не известно. Это я насчет соседей. А с куколкой еще более любопытно.

– Что… с куколкой? – проговорил Жаров, почему-то испытывая страх.

– Когда мы осматривали машину Парщикова, я обнаружил там такую же. Болтается перед стеклом, как обычная фигулька, которые вешают, чтобы водитель не заснул. Так вот, у той куклы было лицо капитана Парщикова.

– Это, по крайней мере забавно. Похоже, оба верят в вуду или просто так играют… Ну, а про Афганистан ты ее зачем?

– Парщиков был контужен в Афганистане, – сказал Пилипенко, глубоко затягиваясь. – Весьма важное обстоятельство. Именно это и насторожило меня при ее первом допросе.

– Не вижу тут никакого смысла.

– А я таки напротив, вижу. Я уверен, что Косарева знает, как Парщиков это сделал. И знает она именно потому, что контуженный офицер разговаривает во сне.

* * *

В управление Пилипенко не вернулся: друзья обосновались в редакции и до глубокой ночи пили виски из представительского фонда. Сначала выбрали самую представительскую бутылку – семнадцатилетней выдержки. Когда она закончилась, перешли к менее представительской – двенадцатилетней, что было похоже на обыкновенную виноградную чачу, которую гонят хозяйки в степном Крыму. Конец вечера Жаров помнил смутно, утром проснулся в редакции, на своем кожаном диванчике, принял шесть таблеток антипохмелина и весь день безуспешно пытался работать, ползая в кресле на колесах, словно инвалид. Во второй половине дня неожиданно позвонила Лиля Косарева, как оказалось, просто поболтать. Она чувствовала смущение за свою вчерашнюю холодность и, в конце концов, все это кончилось уговором попить как-нибудь кофе.

– Можно прямо сейчас, – с замиранием в груди произнес Жаров.

– Почему бы и нет?

Жаров был, как назло, в своем вельветовом костюме, в котором Лиля видела его вчера. Ему казалось, что если человек ходит всегда в одном и том же, то выглядит он как-то глупо. К тому же после вчерашнего, он этот костюм так и не снимал. На сей раз пришлось положить под язык две таблетки антиполицая – от запаха…

Они встретились у почтамта. Лиля держала в руках маленький дамский зонтик, раздумывая, раскрывать или нет – ведь дождь лишь чуть-чуть накрапывал.

Они зашли в кофейню ресторана «Сочи», и Жаров заказал две двойных чашечки.

С самого начала он ожидал какого-то подвоха: не очень-то ему верилось, что актрису интересует его персона. Однако разговор шел о чем угодно, только не о недавнем убийстве. Жаров предложил выпить по рюмке коньяку, чего ему сейчас явно не хватало, Лиля была не против.

Слово за слово, он проводил ее домой, на Московскую улицу. У подъезда выяснилось, что вечер можно и продолжить, поскольку у Лили в холодильнике есть коллекционная бутылка Массандры.

Жаров не верил, что все это взаправду происходит: красавица-актриса увлекала его к себе, и непонятно, чем может кончится этот вечер.

– У меня беспорядок, – вздохнула женщина, – не обращайте внимания.

На столе валялась куколка вуду, Лиля взяла ее двумя пальцами и переместила с глаз долой. Жаров с удивлением заметил, что это была фигурка человечка с пистолетом руке.

– Это ваше хобби? – спросил он.

Лиля смутилась, краска залила ее лицо.

– Так, мастерю потихоньку… – пробормотала она.

И тут Жаров увидел книжку. Проследив направление его взгляда, Лиля как бы невзначай накрыла ее газетой. Это была книга по магии вуду. В сочетании с вооруженной фигуркой все это обретало довольно зловещий смысл…

Лиля задумчиво покусывала ноготь. Казалось, она чувствует, что Жаров ждет от нее разъяснений.

– В наш информационный век, – заговорила она, – людей волнует больше не вещи, а строение вещей. И как ребенок, распотрошив куклу, рыдает, обнаружив в ней труху, так подоплеку тех или иных событий мы обычно принимаем за самые события. В этом есть свое очарование, поскольку мотивы, отношения, среда и прочее – все это жизнь. А к жизни нас приучили относиться как к объекту наших умозаключений.

Жаров с удивлением воззрился на женщину, которая держала в руке высокий бокал с темно-красным вином. Она говорила обиняками, пытаясь вывести собеседника на какую-то мысль, теперь уж точно – имеющую прямое отношение к убийству.

– Вы увлекаетесь магией вуду, – констатировал Жаров.

– Да, а что в этом такого?

– Но ведь то, что я увидел, вполне конкретно.

– Да. Меня мучит эта тема. Вот я и вылепила фигурку. Уж не думаете ли вы, что я наколдовала убийство?

– У вас нет мотива. Вы ведь любили этого человека.

– Да, любила. Простите, я налью себе вина. Вы тоже?

– С удовольствием. А где вы познакомились?

– Не помню. Мне кажется, на пляже. Верно, там: в Ливадии, на санаторском пляже. А где еще встречаешься с людьми в такой дыре, как наша? Одно я знаю: вам никогда не угадать тех слов, с которых началось наше знакомство. А он сказал мне: «Понимаю, как я вам противен, но...» – что было дальше, не так уж важно. Как женщина, советую принять вам эту фразу на вооружение.

Лиля вздохнула, залпом выпила свой бокал и поставила на стол, машинальным жестом расстегнула верхнюю пуговицу блузки и, заметив, что Жаров за ней наблюдает, добавила:

– Да, совершенно верно, душный вечер. Наверное, сейчас опять разыграется дождь.

Жаров понял, что должен действовать немедленно. Столько раз в жизни он попадал в такие ситуации, и всегда ему феноменально удавалось выбрать самый неподходящий момент.

Он взял женщину за руку, почувствовав нежную прохладу ее кожи. Лиля медленно убрала свою руку. Жаров встал, обошел стол и положил ладони ей на плечи. Лиля похлопала его по руке.

– Не так быстро, ладно? – сказала она. – У меня рано утром работа. Я вынуждена попросить вас уйти.

И тут Жаров совершил еще одну ошибку. Он сказал, чувствуя, как фальшиво звучит его голос:

– Понимаю, как я вам противен, но...

Лиля усмехнулась.

– Увы. Невозможно дважды распатронить одну и ту же куклу.

Жаров откланялся. Сколько раз он говорил себе, что, если женщина приглашает тебя домой, это вовсе не значит, что ты можешь остаться у нее до утра…

Он побрел по улице в глубокой задумчивости, миновал ту самую школу, где учился Митька, мальчик, в своем глиняном исполнении прижимавший руку с пистолетом к груди. Так вот оно что! Куклы вуду, книжка по вуду… Насколько Жарову было известно, такая магия была способна управлять реальностью. Грубо говоря, сделав куколку человека с пистолетом, можно на самом деле этого человека вызвать, заставить его путем заклинаний совершить определенный поступок.

Жаров остановился посреди улицы. Неужели он в это верил? Но ведь доказательство налицо: если допустить, что магия работает, то…

Вот и объясняется тот импульс, который заставил мальчика взять пистолет, пойти определенным путем. И, опять же, Лазарев почему-то ни с того ни с сего, поздним вечером выходит из дома и стремится в ту же самую точку, чтобы встретить свою смерть.

Фантастика… Но так и только так можно объяснить все эти незамотивированные действия. Лазарева уже не спросишь, что повлекло его на ночную прогулку под дождем. А вот мальчик может что-то прояснить.

Жаров дошел почти до автовокзала: слева шумела река, поднятая дождем, редкие прохожие несли, словно флаги, зонты… Он вдруг понял, что стоит в начале той самой лестницы. Ноги непроизвольно завернули направо: он карабкался в темноте, будто какая-то сила влекла его. О чем он будет говорить с мальчиком? И будет ли сам мальчик говорить с ним?

Жарову почему-то было необходимо идти по этой лестнице, частично тем самым путем, которым шел убитый. Сейчас без четверти девять. Да, что-то смутно шевелилось в голове: именно в это время, именно туда…

Место убийства Жаров прошел, даже не останавливаясь: какая-то сила влекла его дальше… Он лишь глянул направо, туда, где у забора военного санатория серебрился старый айлант, листья дрожали под каплями дождя, поблескивая в свете уцелевшего фонаря. Как-то они неправильно поблескивали, отметил про себя Жаров, и дерево в целом вело себя странно. Что-то ему почудилось на ходу, но непонятно что.

Своими листьями айлант напоминает то ли слишком крупную акацию, то ли слишком мелкую пальму. Капли падают на листья, они прядают, словно лошадиные уши, бросают в пространство искры отраженного света… Нет, ерунда какая-то, не видит он ничего странного.

Когда, слегка задыхаясь, он выбрался на Свердлова и дошел до дома, где жил мальчик и квартировал Парщиков, то испытал уже самое настоящее изумление, нежели перед бликующим айлантом. На изгибе улицы был припаркован знакомый сине-белый «жигуленок», а за рулем сидел не кто иной, как следователь Пилипенко. Увидев Жарова он недовольно покачал сморщенным лицом:

– Опаздываешь.

* * *

Все разрешилось просто, безо всякой мистики. Оказывается, вчера, еще за первой бутылкой вискаря, они договорились встретиться здесь в девять. Но вторая бутылка вышибла из головы Жарова эту информацию, оставив лишь ее неясный образ… Вот какая сила влекла Жарова сюда, а вовсе не магия вуду.

Пилипенко часто прибегал к такому методу: неожиданно напасть на подозреваемого и не допросить, а как бы просто побеседовать с ним в привычной ему обстановке. Капитан Парщиков должен был вот-вот вернуться с суточного дежурства.

Ждать пришлось недолго: послышался шум автомобиля, скрежет раскрываемой ракушки. Где-то наверху, невидимый за поворотом, Парщиков заводил свою «девятку» в гараж.

Через минуту он прошел мимо них, едва глянув в сторону темной милицейской машины. Преступник мог тоже так поглядеть: не ускорять же ему шаги, не закрывать голову руками…

Пилипенко высунулся из окна машины и бодрым голосом окликнул его.

– Так я и знал, что это вы, – с грустью проговорил Парщиков.

– Считайте, что мы напросились к вам в гости, – сказал Пилипенко.

Парщиков стал препираться по поводу законности вторжения. Пилипенко напомнил, что его машина на ходу и разговор можно провести и в управлении. Капитан был вынужден пригласить незваных гостей.

Устроившись поудобнее на предложенном стуле, следователь объяснил, что возникла необходимость снова воссоздать картину вечера убийства – в надежде, что всплывут некие упущенные детали.

Парщиков заговорил с некоторым раздражением в голосе:

– В тот вечер мы с Лилей… С госпожой Косаревой, моей невестой, ходили в кино. Как я уже неоднократно вам говорил. Фильм закончился в девять с чем-то, вы это проверили.

– Да, мы проверили, – подтвердил Пилипенко. – Ваше алиби на момент выстрела на Цветочной подтверждает не только сама Косарева, но и работники кинотеатра «Спартак». Расскажите же всю правду. Что было потом? Нам ведь все известно, кого вы покрываете. Не волнуйтесь, несовершеннолетнему, ему много не дадут. И мы все равно его посадим, дадите вы показания или нет.

Было ясно, что Парщиков колеблется. Он опустил глаза и несколько секунд рассматривал свои ногти.

– Придется рассказать, – наконец, вздохнул он. – Я отвез Лилю домой и поехал к себе. Вошел в комнату и сразу почувствовал запах пороха. Пистолет был на месте. Я понюхал ствол. Из пистолета явно стреляли. Вошел в комнату Митьки. А он плачет, сам не свой. И что же ты наделал, гад? Он рассказывает, что стрелял в кого-то, сразу убежал. Мне было его очень жалко. Мы с ним серьезно поговорили, я строго-настрого приказал никому не рассказывать. Но вы его прижали на допросе, и он раскололся. К чести его сказать: обо мне смолчал. Не сказал, что я обо всем знаю. А что? Я должен был донести на него? Позвонить в милицию? Испортить мальчишке жизнь?

– В жизни каждый должен совершать свои собственные ошибки, – сказал Пилипенко. – Когда на другой день или позже вы узнали, что убит был именно Лазарев, то, как и записано в протоколе первого допроса, испытали чувство глубокого удовлетворения…

– Я уже говорил. Не хочу это снова обсуждать. Можете привлечь меня за недонесение. Готов ответить.

– Да не будем. Не велика беда, – сказал следователь.

Уходя из этого дома, он завернул на половину хозяев, Жаров остановился в дверях. Митька к тому времени безмятежно спал. Пилипенко напомнил его матери, что на следующий день назначен следственный эксперимент.

* * *

Был сам Пилипенко, Минин с телекамерой, мать мальчика – сухая, изможденная женщина, вынужденная работать сразу в нескольких местах, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Парщикова не допустили: не стоит смущать мальчика. Жаров тоже напросился, но Пилипенко поставил ему условие: будешь играть роль убитого, сэкономив тем самым, государственные деньги на гонораре профессиональному статисту.

Все вошли в комнату, Митька остановился посредине, не зная, что ему делать.

– Ну, поехали, – скомандовал Пилипенко.

– Мотор! – тихо произнес Жаров.

Минин включил камеру. Митька повернулся, подставил стул к выступу в стене, некогда бывшим печью, достал сверху ключ. Слез, направился к письменному столу, отпер и выдвинул ящик, взял пистолет. Оглянулся на взрослых, которые наблюдали за ним, правильно ли он все делает? Минин снимал.

– Не тормози, – сказал Пилипенко. – Делай все точно так, как делал тогда.

Мальчик дунул в ствол и спрятал пистолет в карман куртки. Вышел на улицу, взрослые двинулись за ним.

Процессия обогнула здание общежития санатория, перешла улицу и ступила на лестницу. Это была крутая длиннющая лестница, по таким народ предпочитает только спускаться, пользуясь в обратном направлении городским транспортом.

Жаров догнал Мальчишку, пошел с ним рядом.

– Постой-ка, – сказал он. – А почему ты выбрал именно этот путь? Куда ты хотел выйти – на автовокзал?

– Не знаю, – сказал Митька. – Просто вниз, в город.

– Он учится в 9-й школе, – напомнила мать. – Так и ходит, по этой лестнице. Привык.

– Тебе не казалось, что тебя что-то влечет, именно этим путем?

– Не знаю, – ответил мальчик. – Просто шел и все.

– Что у тебя на уме? – спросил Пилипенко, когда они чуть отстали вдвоем. – Не думаешь ли ты, что Парщиков или Косарева применили к мальчику гипноз? Или того хуже – магию вуду.

Жаров помедлил. Рассказать про куклу с пистолетом? Но друг просто поднимет его на смех, и все.

Вот и угол цветочной. Жаров, изображая жертву, достал сигарету, размял, закурил.

– Стоп! – воскликнул Пилипенко. – Дай-ка пистолет сюда. – Береженого бог бережет, – сказал он, в который раз проверив, что парабеллум не заряжен.

– Тот человек стоял там, под деревом, – объяснил мальчик, используя пистолет в качестве указки.

Жаров покорно встал под дерево.

– А когда ты снял пистолет с предохранителя?

– Сразу как вышел на улицу. Это ж была игра.

– Ну-ну. А теперь. Вот стоит человек и курит, ты что делаешь?

– Я говорю: закурить не будет?

– Да иди ты, знаешь куда! – воскликнул Жаров, войдя в роль.

Митька тоже включился в игру, забыв обо всем на свете.

– Курить, быстро! – гаркнул он басом и выхватил пистолет.

Жаров протянул руку – то ли пытаясь выхватить оружие, то ли защитить грудь.

– Тах! – вскричал мальчик.

Жаров оглянулся, попятился в сторону канавы…

– Ну, падать в грязь я, положим, не буду. А сам-то ты что стоишь, Митька? Ты ж сразу побежал.

Митька сунул пистолет в карман и бросился по лестнице вниз. Мать догнала его и привела, держа за локоть.

– Ну, и чего вы этим добились? – спросила она.

– Так положено, – сухо возразил Пилипенко.

Жаров меж тем прошелся вдоль улицы, потому что его уже несколько минут беспокоила одна деталь. У забора санатория рос тот самый айлант, в котором ему вчера померещилась некая неправильность. Теперь, при дневном свете, Жаров увидел эту деталь. Что-то блестело посредине серого ствола. Жаров подошел. Капля упала на лист, лист покачнулся… Так и есть – это была пуля.

Жаров махнул Минину. Тот нацелил свою камеру на объект. Пилипенко тоже заинтересовался, ковырнул пулю пальцем.

– И ты все равно будешь говорить, – обратился он к мальчику, – что стрелял один раз?

– Один, – со слезами в горле ответит Митька. – И сразу побежал.

– Что же это получается? Одна пуля, фатальная, застряла в теле жертвы. А эта откуда взялась?

– Может быть, тут совсем какая-то другая пуля? – предположил Жаров, правда, ничуть этому не веря.

– Экспертиза покажет, – сказал Минин.

– Остается только вернуться к версии заказного убийства, – тихо проговорил Пилипенко.

* * *

Пулю извлекли. Уже через час Минин провел предварительную экспертизу, подтвердившую, что пуля выпущена из того же оружия.

Выходит, что мальчик не так невинен, как кажется. Он уверял, что стрелял один раз, чуть ли не случайно нажал на курок… А теперь получается, что он все же выстрелил дважды. В первый раз промахнулся. Тогда выстрелил во второй.

– Я бы продолжил работу с этой пулей, – сказал Минин. – Что-то с ней все же не так.

– Мальчик врет, – сказал Пилипенко, когда они с Жаровым остались в его кабинете вдвоем. – Он выполнял заказ своего старшего друга. Теперь все отрицает. За убийство по нечаянности ему дадут, максимум, два года колонии, да еще с амнистией. Или вообще – условно. А вот за преднамеренное, заказное…

– Интересно, – покачал головой Жаров. – Что такое посулил Парщиков мальчику, если он согласился на этот подвиг?

– Да ничего, в том-то и штука! Именно – подвиг. Митька играл в настоящего киллера. Как в кино, как в этих гнусных книжках. Дожили. Выросли наши дети, – Пилипенко стукнул кулаком в ладонь. – Впрочем, наверное, он и деньги какие-то ему забашлял. Типа сто долларов. Больше-то у Парщикова – откуда? А для мальчишки – хлеб.

– Ну и что теперь делать? Дожимать мальчишку? Выбить из него признание, посадить их обоих и дело закрыть?

– А ты предлагаешь другой вариант?

– Допустим, с мальчиком ты не ошибся: он и вправду исполнял заказ. Только вот чей? Точно ли это был заказ Парщикова? А, может быть, его заказала Косарева…

Жаров замолчал, задумался.

– Сложно это сформулировать, – продолжал он, – но вопрос оружия не дает мне покоя. Не мог сам Парщиков заказать мальчику Лазарева, чтобы мальчик стрелял из его же пистолета. А вот, если это сделала Косарева, то все объясняется. Вот почему она тогда так разволновалась – в театре, как только речь зашла о семье хозяйки.

– У Косаревой, вроде бы, и нет мотивов.

– А может и есть, – задумчиво произнес Жаров, вспомнив ее твердый квадратный рот. – Что, если Косарева таким образом решила избавиться от их обоих? Одного убить, другого посадить. И начать жизнь сначала.

– Сомнительный мотив, конечно.

– А если есть какой-то более веский мотив, но нам не известный?

Жаров хитрил. Теперь он был почти уверен в том, что Косарева действовала с помощью магии вуду. Но говорить об этом Пилипенке бессмысленно. Пусть следователь сам дожмет Косареву на тему заказа.

В любом случае, надо обезвредить колдунью. Иначе неизвестно, что еще в городе она может натворить.

Итак, вуду… Что она там говорила про куколку, которую надо потрошить? Что, дескать, подоплеку событий мы принимаем за сами события. Подоплека – любовный треугольник. События – решение этого треугольника.

Лиля Косарева, которая искренне верит в вуду, проводит эксперимент. С помощью своей экзотической магии она создает атрибуты – куклу с пистолетом руках, что-нибудь еще, до сих пор скрытое. Возможно, она не уверена в исходе и с ее стороны это всего лишь рискованное баловство.

Но неожиданно магия срабатывает! И Лазарев, и мальчик превращаются в управляемых зомби: один идет на другой конец города, стоит под деревом и ждет там, неизвестно чего. Другой выступает на эту же самую точку и убивает его. И во всем виновна кукла, маленькая самодельная кукла из художественной глины…

Звонок по внутреннему телефону прекратил прения. Звонил лейтенант Клюев: взволнованным голосом он объявил, что в управление заявилась Косарева, собственной персоной.

* * *

Глаза женщины горели, ей некуда было девать руки. Жаров предложил ей воды из графина, она отстранила протянутый стакан.

– Я пришла, чтобы признаться в убийстве Лазарева Михаила Семеновича, – без предисловий начала она.

Пилипенко и Жаров смотрели на нее с изумлением.

– Хочу напомнить вам, что в момент убийства вы находились достаточно далеко от того места, – сказал следователь.

– Это без разницы. Убийство было сделано чужими руками.

– Заказное? – встрепенулся Пилипенко. – Исполнителем был мальчишка?

– Да.

Он посерьезнел, невзначай, как бы желая почесать колено, засунул руку под стол. Щелчок клавиши диктофона смог расслышать только посвященный.

– При каких обстоятельствах вы произвели заказ на убийство? Что посулили исполнителю?

– Все это долгая история… – вздохнула Косарева и задумалась, пытаясь собрать слова.

Жаров вдруг понял, как все произошло. Она действительно заказала Лазарева мальчишке, но выбор оружия оставила за киллером. А тот сам решил использовать парабеллум капитана, понятия не имея, какая связь между заказчицей, жертвой и хозяином пистолета, и что именно это оружие немедленно выведет следствие на преступников.

– Я действовала не одна, – наконец, начала Косарева. – мой жених, Парщиков, был моим сообщником. И все это мы разработали вместе.

– Да? – удивился Пилипенко. – И Парщиков не возражал, что орудием убийства будет его собственный пистолет?

Жаров нетерпеливо заерзал на месте, ему захотелось немедленно рассказать другу о своей догадке, но тот твердо положил ему руку на плечо, дескать – не вмешивайся, спугнешь. Возможно, и ему пришла в голову та же мысль.

– Все совсем не так! – воскликнула Косарева. – Речь поначалу вообще не шла о пистолете. И о мальчике тоже.

Порывшись в сумочке, Косарева выбросила на стол куколку. Пилипенко немедленно схватил ее и поднес к глазам, приподняв очки.

– Да ведь это же…

Он передал куклу Жарову. Это был бородатый длинноволосый мужчина. Жаров не сразу узнал в нем жертву – художника Лазарева, поскольку видел его только один раз, и то – уже мертвым.

– Это куклу, – продолжала Косарева, – вернее, инструмент древнейшей магии вуду, мы с Ильей, моим женихом, сделали своими собственными руками. Существует множество способов влиять на реальность. Мне было хорошо известно, что замышляет Илья. Он обстоятельно и внятно разговаривал об этом во сне. Вопрос убийства Лазарева был всего лишь вопросом времени. Так или иначе, он все равно бы его убил, и это было неотвратимо. И тогда мне пришла в голову мысль: воспользоваться вуду. Раз уж убийство неизбежно, то пусть оно будет сделано чужими руками. И я предложила ему свой план. Илья сначала наотрез отказался. Но я уличила его: рассказала, что слышала его слова во сне. В конце концов он согласился, что рано или поздно может совершить убийство: встретит ли Лазарева случайно в переулке, увидит ли на обочине улицы, когда будет за рулем…

Жаров во все глаза смотрел на Косареву, невольно любуясь ее пылающим, возбужденным лицом. Краем глаза он заметил, как Пилипенко сунул руку под стол и выключил диктофон.

– И вот, мы слепили куклу и провели предписанный ритуал. Это было как раз перед тем, как пойти в кинотеатр. Согласно заклинаниям, убийство могло произойти в ближайший час или два, когда мы оба были на людях. Но колдовство сработало как-то не так. Почему-то силы, которые мы вызвали, избрали именно этого мальчика, именно этот пистолет. В общем, я готова понести наказание со всей строгостью закона.

Во время последних слов Косаревой Пилипенко усердно закусывал щеки и, наконец, не выдержал и расхохотался в голос.

– Со всей строгостью закона, радость моя, мы вас можем препроводить до дверей управления и дать добрый совет: больше никогда не являться в нашу серьезную контору с подобными темами для беседы. У нас нет ни малейших оснований задерживать вас, и я настоятельно рекомендую забыть об этом разговоре. И вам, и нашему журналисту. Не дай бог еще напишет в своей газете статью о практике вуду на территории бывшего СНГ.

Актриса дико сверкнула глазами, вскочила на ноги.

– Я вам делаю официальное заявление, а вы мне не верите!

Круто повернувшись на каблуках, она выбежала из комнаты, забыв даже захватить с собой свою куклу. Жаров взял ее в руки. Одна деталь, прежде не замеченная, заставила его содрогнуться.

В левой части груди, именно в том месте, куда попала пуля, чернело маленькое круглое отверстие, будто бы в еще сырую глину ткнули иглой.

– Так ты решительно отрицаешь практику вуду? – обратился к другу Жаров.

– Бесповоротно. Как и всяких Нострадамусов, бабушек Ванг, Грабовых и многое другое. А вот над мотивом поведения Косаревой стоит задуматься. Может быть, изготовление куколки имело под собой некую другую цель. И куколка-то эта, скорее всего, была слеплена уже после убийства. И разговорчики во сне были не совсем те… В общем, мне надо подумать, и основательно.

* * *

В тот же день Парщикова вызвали на третий допрос. Он держался уверенно, несмотря на то, что Пилипенко с самого начала огорошил его тем, что в деле всплыли некие новые детали, свидетельствующие далеко не в его пользу.

– Какие такие детали? – хмуро спросил Парщиков, разглядывая свои ногти.

– Их несколько. Каждая будет предъявлена в свой черед. Для начала, я хочу, чтобы вы объяснили мне вот это.

Пилипенко достал из кармана куколку, которую принесла Косарева, и поставил ее на стол. Фигурка сразу повалилась набок, следователь терпеливо утвердил ее на ногах.

– Ну и что? – спросил Парщиков. – Обыкновенная кукла вуду… Бог мой, лицо! – он вдруг уставился на куклу, выпучив глаза. – Да это ж точно: *его* лицо!

Парщиков занес руку, явно собираясь разбить куклу кулаком, но проворный Пилипенко успел выхватить ее. Парщиков, едва не сломав себе палец, злобно замахал кистью в воздухе.

– Чье, вы говорите, это лицо? – тихо спросил Пилипенко.

– Как чье? Да Лазарева!

Пилипенко и Жаров многозначительно переглянулись.

– Итак, – произнес следователь, – давайте начнем все сначала. Во-первых, вы ввели нас в заблуждение, утверждая, что не были знакомы с Лазаревым Михаилом Семеновичем.

– Так точно. И я еще раз могу это подтвердить.

– Почему же вы тогда узнали его лицо?

Парщиков промолчал, угрюмо глядя на следователя.

– Тогда поставим вопрос иначе, – сказал Пилипенко. – Вы знали этого человека?

Парщиков оскалился, в его физиономии промелькнуло что-то от овчарки.

– А вот вы, – он ткнул пальцем в Жарова, – можете утверждать, что знали актрису Косареву, до тех пор, как позавчера познакомились с ней в театре?

Жаров пожал плечами: перед ним был типичный ревнивец, который устраивал допросы своей женщине о каждом часе ее жизни.

– Ведь вы ее видели на сцене и по телевизору, и она вас встречала в городе, и вы ее – на всяких там официальных посиделках. А знакомы не были. Так в чем же я соврал? Конечно, я знал его в лицо. Я видел их вместе как-то раз в универмаге. Они там что-то покупали. Я тогда и понял... Но я и раньше его встречал, еще до того, как мы с ней познакомились. Я сталкивался с ним на пляже. Нам нравилось одно и то же место – там, знаете, у сетки. И всегда я видел у него на шее пятна... Те самые, ну, знаете... Ну, вот. Однажды я сказал ему – ну, что-то насчет погоды, – и тогда он быстро ко мне нагнулся и, не глядя на меня, сказал: «Мне как-то с вами неохота», и только через несколько секунд добавил: «разговаривать». При этом все время он смотрел куда-то вверх, и на шее темнели эти самые подтеки... Вот в ту минуту я, клянусь вам, мог убить его. Да, я не знал тогда, что это – он. По счастью, я еще знаком с ней не был. Потом он исчез: я как-то не встречал его на пляже. Потом был вечер в доме офицеров, в гарнизонном Доме офицеров Черноморского флота – в Севастополе, и мы с ней познакомились, где она была с концертной бригадой. Потом я увидал их там, в универмаге... Поэтому-то я и знаю его лицо, вы довольны?

Парщиков вдруг сделал резкое движение, стремясь схватить куколку: все же его ненависть явно зашкаливала, но на сей раз Жаров ловко спас изваяние и засунул его глубоко в карман.

– Не будете ли вы утверждать, – спокойно продолжал Пилипенко, – что впервые видите эту куклу вуду?

– Конечно, буду! Черт, в рифму получается, разнервничался я тут с вами…

– И что вы не совершали над этой куклой никакого магического ритуала в день, когда был убит Лазарев?

Парщиков дико вытаращил глаза:

– Что я, чокнутый, что ли? Это Лилька такими делами увлекается, развлекается просто. Я наблюдал как-то… Колет какую-то глиняную бабу в колени и груди. Мне подарила брелок для машины, оберег. Ерунда все это.

– Никакая это, как теперь оказывается, не ерунда, – зловеще проговорил следователь, и Жаров с удивлением воззрился на него.

Неужели его прагматичный друг внезапно поверил в нечто такое, во что всю жизнь отказывался верить?

– Итак, повторение пройденного, – тоном учителя объявил Пилипенко. – В субботу вы с Косаревой ходили в кино. А как вы встретились перед этим?

– Что значит – как? Я просто заехал за ней и все.

– Вы поднимались к ней в квартиру?

– Не было необходимости. Просто посигналил у подъезда. До этого мы созвонились, она была уже готова. Спустилась вниз. Села в машину.

Пилипенко задумчиво разглядывал Парщикова, теребя свой подбородок. Жаров понял: его друг до предела напряг свой внутренний детектор лжи.

– Он говорит правду! – Пилипенко вдруг хлопнул рукой по столу.

– А зачем мне врать?

– Он не заходил в квартиру до похода в кино, не проводил ритуалов с куклой Лазарева.

– Ты уверен? – серьезно спросил Жаров.

– На сто процентов.

– Но тогда почему она…

– Молчи! – оборвал Пилипенко.

Парщиков непонимающе переводил свои выпученные глаза с одного на другого. Вдруг ухмыльнулся:

– Я что – в психушке?

Пилипенко не обратил внимание на его выпад.

– Продолжим, – сказал он. – Вы пошли в кино на девятнадцать тридцать. Из «Спартака» вы вышли в двадцать один ноль пять. Затем ты отвез женщину домой, поднялся к ней в квартиру… Неважно, чем вы там занимались, но это отняло не так много времени. Когда ты вернулся домой, то выяснил, что кто-то недавно стрелял из твоего оружия. Ты припер мальчишку, и он тебе все рассказал. В милицию не сообщил: ведь ты не какой-нибудь там американец, а наш человек, и живешь не по закону, а по справедливости…

– Допустим! – выкрикнул Парщиков. – Но вы же уже сказали: не будете судить меня за то, что я не заложил мальчишку.

– Нет, – спокойно сказал Пилипенко.

Жаров удивился. Только сейчас он понял, что друг вовсе не из милосердия заминает дело о недонесении, а по какой-то иной причине.

– Ответь-ка еще на один вопрос, – медленно проговорил следователь. – Зачем ты потом поехал туда, на Цветочную, на машине?

Парщиков вздрогнул.

– Твою машину видели там в тот вечер, – заметил Пилипенко.

Так вот оно что, – подумал Жаров. – Это и есть те самые новые детали, которые открылись следствию.

Парщиков явно был в замешательстве.

– Ну, я… Не счел нужным вам об этом рассказывать. Да, я сел в машину, поехал туда. Посмотреть, можно ли чего-то сделать для этого человека.

– Ты трогал труп?

– Да. Я хотел убедиться, что он на самом деле мертв.

– Ну и что? Труп был мертвый?

– Да, – чуть помедлив, сказал капитан.

И тут у Жарова будто бы шар прокатился в голове: ну, конечно! Парщиков действительно убил Лазарева. Потому что Лазарев был еще жив, когда он подъехал на Цветочную. И, увидев его, раненного, Парщиков хладнокровно добил его. Вот откуда взялась вторая пуля…

Но как он это сделал? Ведь других ранений у жертвы не было. Стоп! Первая пуля, которая застряла в дереве, была Митькина. Она прошла навылет и не задела сердца Лазарева. А вот вторую пулю афганский капитан положил точно в то же отверстие, разворотив сердце соперника.

Нет, не получается. Ведь Минин не нашел никакого выходного отверстия от первой пули…

Вся эта лавина мыслей пронеслась в голове Жарова за одно мгновенье, прежде, чем Парщиков произнес свое «да»…

– Ладно, – сказал Пилипенко. – Ты убедился, что он мертв, небось, удивился, что Митька застрелил именно Лазарева.

– Конечно! Очень удивился.

– Мы, признаться, тоже. И что было потом?

– Я поехал домой.

– Но ведь не сразу, да?

Парщиков вскинул встревоженные глаза.

– Почему не сразу? Сразу!

– Как почему? – искренне удивился Пилипенко. – Надо ж было труп в багажник положить.

Парщиков застыл, его лицо вдруг превратилось в белую неподвижную маску.

– Дело в том, – тихо сказал Пилипенко, – что человек, убитый Митькой, вовсе не был Лазаревым.

Жаров вздрогнул. В этот момент он был не менее потрясен, чем Парщиков. В одно мгновение в голове журналиста осветилась вся картина происшедшего, будто кто-то выхватил фонарем граффити на стене. И как это он сам раньше не догадался? Пилипенко тем временем продолжал, озвучивая эту картину:

– Хочешь, расскажу, как все было? Мальчишка действительно застрелил бомжа на Цветочной улице. Пуля прошла навылет, застряла в дереве. Ты завел машину и поехал туда, чтобы, может быть, помочь этому человеку. Но по пути у тебя возникла идея, которая показалась тебе гениальной. Бомж был мертв. Ты положил труп в багажник и позвонил Лазареву. Назначил ему встречу около его дома. Сказал что-нибудь вроде того, что тебе надо с ним срочно поговорить о Лиле, что Лиля сама просила поговорить, и тому подобное. Лазарев купился. Когда он вышел, ты хладнокровно убил его, засунул в свою машину, отвез на Цветочную и бросил в канаву, вниз лицом. А труп бомжа ты отвез на Бахчисарайскую трассу, спрятал в расщелине, облил бензином и сжег. Вот что ты сделал в ту ночь, и вот за что тебя будут судить.

* * *

В этот вечер Жаров постарался на славу, раскочегарив свой редакционный камин настолько, что шум пламени и треск угольев заглушал барабанную дробь дождя за окном.

Привычным жестом Пилипенко забил трубку и, устроив ноги на каминном экране, начал свой традиционный рассказ:

– Парщиков был уверен, что Митьку рано или поздно допросят и разоблачат. Перед ним открылась единственная возможность убить Лазарева – ведь преступление было уже практически совершено, надо было его только художественно подправить. Он давно хотел сделать это, только не мог обеспечить себе алиби. Ведь совершенно ясно, что он окажется в первом круге подозреваемых. Собьет Лазарева машина – первым делом осмотрят «девятку» Парщикова. Нападет на Лазарева грабитель, спросят Парщикова – где он был в это время. А тут…

– Какой же мерзавец! – воскликнул Жаров. – Подставить, и кого? Мальчишку, школьника.

– По закону, он должен был сразу на него донести. В так называемых цивилизованных странах ни у кого даже и не возникает подобных вопросов. А мы не по законам живем, а по душе. И вот, совершенно естественно, что он мальчишку как бы покрыл. Честно говоря, если бы он его просто покрыл и оставил все, как есть – не убивал бы Лазарева, не прятал труп бомжа в горах, мы бы вряд ли вообще вышли на убийцу. Вся информация, которая у нас была бы в том случае – это

«знакомый голос парабеллума», о котором показал пенсионер МВД. И некий бомж, убитый на Цветочной. И никакой связи бомжа ни с Парщиковым, ни с Косаревой…

– Мы и так были в тупике, – перебил Жаров. – А еще о каких новых деталях ты ему намекал?

– Одну раздобыл ты. Эта была пуля. Минину не давала покоя ее форма, и он провел более тщательную экспертизу. Так вот, выяснилось, восемьдесят против ста, что это пуля тоже проходила через тело человека, прежде чем застрять в древесине. Но мальчик-то стрелял только один раз, да и никаких следов второй пули в теле Лазарева обнаружено не было. Только та, фатальная, в сердце. Как будто, там рядом, на Цветочной, была еще одна какая-то жертва. И вот, вчера на Бахчисарайской трассе обнаружили обгоревший труп бомжа, и мне пришла в голову единственно верная мысль. Сгореть-то он сгорел, но явно был застрелен. Бомж был застрелен и спрятан. Зачем? Я повторно опросил жильцов дома на Цветочной, на предмет, не видели ли они какой-либо машины в ту ночь. И тот же дотошный пенсионер сообщил новую деталь: в вечер убийства, около двадцати трех часов, он слышал на Цветочной улице какую-то машину. И машина приезжала туда дважды. Но в этом месте тупик, дальше – забор военного санатория. Что там делать? Проехала туда, через пять минут – обратно. Затем старик лег спать. И тут снова услышал шум. Это был тот же самый шум, той же машины: у него тонкий слух, он ведь в оркестре МВД на трубе играл.

– Да уж, – прокомментировал Жаров. – Все эти факты могут сложиться в гипотезу, и причем только одну. Остается неясным последний факт. Правда, вряд ли это можно назвать фактом, но все же… Какое значение во всей истории имеет магия вуду, куколки эти?

– Это проще всего! – весело воскликнул Пилипенко. – Лиля Косарева обо всем догадалась. Таково было мое самое первое предположение, еще в театре. Контуженный офицер разговаривал во сне. По обрывкам слов она узнала, что на самом деле произошло в тот вечер на Цветочной. Она прекрасно понимала, что версия о том, будто мальчишка случайно застрелил именно Лазарева, у нас не пройдет. Мы будем копать дальше и дальше, пока не выроем истину.

– Что мы и сделали.

– Не совсем. Неизвестно, чем бы закончилось расследование, если бы труп на Бахчисарайской трассе не был найден, если бы ты не обнаружил пулю… И вот, эта суеверная женщина, для которой колдовство вуду – самая настоящая реальность, и придумала свой трюк с куклой.

Жаров усмехнулся.

– Да уж, чего, казалось бы проще? Колдовство и объясняет тот невероятный факт, что любовник любовницы был застрелен из оружия любовника.

– Только чужими руками. В тот день, когда мы посетили ее в театре и я заинтересовался куколкой вуду, и созрел ее бредовый план. Косарева изготовила куколку с пистолетом и затащила тебя к себе, чтобы ты куколку увидел. И вот, она еще врывается к нам в отдел с новым своим изваянием и делает официальное признание. Где-нибудь в Бенине, между прочим, этот трюк бы на самом деле сработал.

– В Бенине?

– В этой стране культ вуду имеет государственный статус. Там запросто могут судить за колдовство. Если бенинский следователь или судья так же свято верит в вуду, как наша Лиля, то колдовство может стать для него существенным аргументом. Но там же, в Бенине, нашелся бы цивилизованный адвокат, этакий очкастый негр в белом костюме, который провел бы процесс так, чтобы мнимых колдунов оправдали. И тогда была бы достигнута главная цель: их не могли бы судить по одному и тому же делу второй раз… А ведь по нему непременно бы открылись новые обстоятельства: ведь я бы не успокоился до тех пор, пока не разоблачил убийцу. Потому что я не верю, и никогда не верил ни в магию вуду, ни в карающую руку судьбы… Впрочем, мне уже пора: завтра рано вставать.

Они вышли на крыльцо. Шел редкий осенний дождь, опять и опять, словно компьютерная программа, автоматически запущенная в фоновом режиме. В желтом свете фонаря поблескивал мокрый памятник Лесе, издали маленький, словно какая-то куколка вуду.

– В этом Бенине, – сказал Жаров, – наверное, по осени гораздо более серьезные дожди, тропические.

– Это чертовски здорово, – пробурчал Пилипенко, уже сходя с лестницы и раскрывая свой черный зонт, – что мы живем так далеко от Бенина.

Сергей
Саканский

Друг мой
сыщик

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ ИЗ КНИГ

Классический
детектив

Сергей Саканский

Смерть приходит из книг

Существо ломает лапы

Черная «Ямаха», похожая на огромного муравья, мчалась по заснеженному склону в облаке собственного вихря. Жаров придумал это сравнение, когда машину выкатили из ангара, и быстренько забил его в записную книжку мобильника: он уже размышлял о статье под названием «Экстрим со следователем», которую, пожалуй, завтра же сделает для своей газеты. Стремительное, импрессионистическое описание тура по Крымским горам, верхом на черном муравье, по случаю выходного дня у знаменитого сыщика. Главы будут называться географически: Ай-Петри, Метеостанция, Большой Каньон. На каждом привале следователь отдела убийств Пилипенко расскажет о каком-нибудь убийстве… Конечно, Вова ничего рассказывать не будет, да Жаров и не спросит, поскольку он и так был в курсе всех уголовных дел своего лучшего друга, будучи бессменным журналистом при УВД с бесконечной аккредитацией.

Катастрофа приближалась неумолимо, путь к ней представлял собой череду неминуемых ошибок… Прочертив собственный серпантин по крутому склону, который, несмотря на мощный гусеничный движитель, снегоход с налету взять не смог, Жаров вырулил на ровное место и не утерпел: вывернул газ до отказа. На спидометре значилось сто десять километров в час, хотя ребята в прокатной фирме утверждали, что эта модель может выжать на хорошей трассе все сто пятьдесят. Жаров сделал, что мог: последняя передача, газ до упора. Сто десять, как ни крути. А что если немножко отклониться вправо и проложить курс чуть вниз по склону…

Тут Пилипенко хлопнул его сзади по плечу, прокричал:

— Сбавь обороты! Грохнемся.

— Еще не вечер, — возразил Жаров, коротко обернувшись.

Следователь в шлеме выглядел, словно дружеский шарж на следователя.

— Вечер, между прочим, — сказал он.

— Так я фару зажгу.

Синие сумерки прорезал узкий галогенный луч, в котором кружили мелкие снежинки. Склон становился круче, Жаров взял несколько наискось. Скорость увеличилась до ста пятнадцати.

— Мне уже надоела эта увеселительная прогулка. Поворачивай обратно! — прокричал Пилипенко.

— Обидно, — возразил Жаров. — Мы ж до шести заплатили за прокат. Ребята с базы денег не вернут, а идиотами нас точно посчитают. Слушай, а…

Снегоход чувствительно тряхнуло на кочке. Жаров выпустил руль и снова схватил его. Машина пошла боком, заскользила, но вскоре выровнялась и продолжила путь.

— Ты лучше вперед смотри, а то навернемся.

Жаров так и сделал, но оказалось, что уже поздно прислушиваться к замечаниям. В свете фары мелькнула сосна… Жаров увернулся, уже не рулем, а телом, как это советовал делать на высоких скоростях инструктор, но было поздно. «Ямаха» подпрыгнула на новой кочке, руль вышибло у Жарова из рук. Машина заскользила по склону боком, шаря фарой по сторонам.

— Тормози! — крикнул следователь.

— Не могу, это тебе не мотоцикл, — успел возразить Жаров, и снегоход вдруг перевалил через гребень яйлы, понесся по крутому, чуть ли не отвесному склону, чудом избегая сосновых стволов.

Жаров лихорадочно работал рулем, Пилипенко ухватился за скобу, но его все равно болтало в седле. Машина наткнулась на пень, подпрыгнула, заскользила с немыслимым креном, словно

парусник, почти лежа на боку, ударилась о какую-то железку, непонятно откуда взявшуюся в этом лесу, и тут же перевернулась. Раздался звон стекла. Погасла разбитая фара. Правая лапа муравья отлетела в сторону, словно панель от ракеты, и самостоятельно продолжила путь, стремительно удаляясь в обрыв. Жаров уже катился по склону, вслед за потерянной лыжей, пытаясь ухватиться за кусты. Ударился о ствол. Остатки белого света погасли.

Странное устройство

Он открыл глаза уже в темноте, обнаружив себя лежащим на снегу: по-видимому, довольно далеко от места аварии.

Ясно, что стукнулся головой, потерял сознание, как в кино. Чтобы найти друга, надо карабкаться вверх, хотя ничто не мешало следователю тоже скатиться и застрять гораздо дальше.

Вдали, на фоне еще светлого неба возвышалась какая-то конструкция — именно об нее и ударился снегоход. Странно, что Жаров не заметил ее на ходу.

Расплывчатый в сумерках и снегопаде силуэт походил на телескоп: на штанге короткая и толстая, несколько направленная вверх труба. Жаров решил было подойти поближе, но тут услышал стон и повернул на звук. Прошел мимо поверженного муравья. Его агрессивный дизайн теперь выглядел насмешкой.

Шагах в двадцати на снегу полулежал, опершись на локти, следователь Пилипенко.

— Что это за штука такая, в которую мы врезались? — проговорил Жаров, подойдя. — Никогда в жизни не видел ничего подобного.

Пилипенко не обратил внимания на его слова: он смотрел вниз, на свои ноги.

— Такое ощущение, что это сделано нечеловеческой рукой… — сказал Жаров.

— Ты лучше обо мне подумай! — воскликнул Пилипенко. — Посмотри: у меня не совсем человеческая нога. Боль — уж точно нечеловеческая.

Жаров нагнулся и увидел неестественно вывернутую конечность.

— Перелом, — констатировал он с глубоким вздохом.

— Ясно, что перелом, — сказал следователь. — Только вот вопрос: закрытый или открытый? Ну, что ты стоишь? Звони куда-нибудь. В «скорую» бесполезно: как они сюда доберутся? Звони ребятам. Пусть свяжутся с вертолетной площадкой, я потом заплачу, черт подери! Шесть баксов минута…

— Нет уж… Это я заплачу. Тот, кто за рулем сидел.

Жаров достал мобильный, вызвал номер лейтенанта Клюева, озабоченный вовсе не аварией и не сломанной по его вине ногой.

— Телескоп, что ли? — пробурчал он, ожидая ответа. — Вроде бы, нет ничего удивительного, если где-то в горах стоит телескоп…

— К черту телескоп! — сказал следователь. — Звони быстрей.

— А я что делаю?

Он поднес аппарат к уху. В темноте едва угадывались очертания «телескопа», снег кружил на фоне снега. Никакого соединения не произошло: на дисплее телефона индикация стояла на нуле.

— Нет связи, — сказал Жаров.

— У тебя что-то с аппаратом. Наверное, когда долбанулся.

Пилипенко с трудом достал из-за пазухи свой мобильник. С удивлением уставился на него:

— Это совершенно немыслимо! Здесь сразу три ретранслятора в зоне прямой видимости.

— Может быть, дело в снегопаде? — предположил Жаров.

— И это мимо.

— Неполадки со связью на вышках?

— Сразу на всех трех? Нет, тут что-то другое… Разве что, пока мы с тобой катались, началась ядерная война, произошел конец света… Нет, ничего не могу сказать.

Жаров слушал вполуха, поскольку его беспокоил другой звук. Поначалу он не мог понять, что вмешалось в шум пурги и поскрипывание сосен. Вдруг насторожился и Пилипенко, поднял голову. Жаров осветил мобильником его лицо, сморщенное от боли.

— Погаси! — воскликнул следователь.

Теперь уже ясно был различим скрип шагов и голоса. Вскоре можно было разобрать, что именно говорили невидимые люди:

— Похоже, здесь кто-то прямо с неба свалился.

— Гости из космоса.

— Кроме шуток, Иван! Кто бы он ни был, надо посмотреть, может быть ему помощь нужна.

— Я вас, конечно, понимаю, господин доктор. Но в доме нам лишние люди вовсе не нужны!

— Кто бы спорил, Ваня.

Мелькнул луч фонарика, в котором кружились белые хлопья. В мутной снежной тьме маячили три рослые фигуры, бросающие на снег длинные вьющиеся тени.

Жаров посмотрел на силуэты, покачивающиеся уже совсем близко. Оглянулся на странное устройство, в сумерках уже едва видное. Конечно же, эти люди имели какое-то отношение к «телескопу», иначе почему и то и другое находится в одном и то же месте, в горной глуши, где можно проехать километры, не встретив ни единого человека. Меж тем голоса приближались. Один произнес:

— Вот навернулся кто-то! И где ж он?

Другой возразил:

— Не он, а они. Их тут двое.

Высокий крупный человек двигался вместе с кругом света своего фонаря уже в нескольких шагах.

— Вы ранены? — деловито спросил он. — Я врач. Пусть и бывший врач, но все же…

— Я-то в порядке, — ответил Жаров. — А вот моему другу не повезло.

— Похоже, сломана нога, — объяснил Пилипенко.

Подошли еще двое, плеснули им в лица светом фонарей. Жаров защитился ладонью.

Доктор нагнулся над Пилипенкой. Покачал головой.

— На мой взгляд — это действительно так. Перелом.

— Вот чего нам еще не хватало! — воскликнул один из подошедших, с истерической ноткой в голосе, и Пилипенко смерил его внимательным взглядом.

— Открытый или закрытый? — поинтересовался Жаров.

— Закрытый, — констатировал врач. — В противном случае, он бы не разговаривал, а выл.

— Не дождетесь, — буркнул Пилипенко.

Доктор обратился к своим спутникам:

— Давайте перенесем его в коттедж. Вряд ли он может идти.

Двое других молча, многозначительно переглянулись. Пилипенко и Жаров сделали то же самое.

Странный коттедж

Обсуждая предстоящее путешествие в сторону коттеджа, все же познакомились. Доктора звали Саша, парня с истерическим голосом — Иван, другого — Аркадий. Доктор был старше всех присутствующих, он воспользовался почетным правом освещать путь. Аркадий впрягся в ноги следователя, словно в оглобли, выше сломанной голени, Жаров и Иван несли торс раненого.

Коттедж оказался совсем близко — двухэтажная белокаменная коробка, скрытая изгибом рельефа. Процессия миновала большой серебристый джип, достаточно запорошенный снегом. В одном из окон дома Жаров заметил женский силуэт.

Красивая, почти натуральная блондинка лет двадцати, нарядно одетая, изрядно накрашенная, с крупными золотыми сережками открыла входную дверь.

— Что с ним? — вскричала она, прижав кулачки к груди.

Она казалась не на шутку встревоженной, но, разглядев человека, которого внесли в дом, заметно успокоилась и с равнодушием спросила:

— Кто это?

— Ялтинцы, — ответил Иван, а доктор сказал ей строго:

— Катерина, эти люди попали в аварию.

Реакция девушки была неожиданной: она быстро сняла сережки и сунула их в кармашек. За воров она нас принимает, что ли? — рассеянно подумал Жаров.

На верхней площадке кованой лестницы, что вела со второго этажа в гостиную, появилась женщина. На вид ей было лет тридцать пять. Если первую Жаров безошибочно определил как секретаршу, то вторую — явно замдиректора какой-нибудь фирмы. Впрочем, в изящных очках она несколько смахивала на учительницу.

— Кто эти люди? — задала она тот же вопрос.

— Мы… — хотел было представиться Жаров, но тут Аркадий хлопнул входной дверью, обрубив начало его фразы.

— Мы с моим другом… — повторил свою попытку журналист, но в этот момент в доме наступила полная тьма.

— Что, что это? — возник прямо над ухом у Жарова истерический мужской возглас.

— Фигня какая-то, — ответил со стороны прихожей другой, рассудительный.

В истерическом Жаров узнал Ивана, в рассудительном — Аркадия. Рассудительный быстро прошел мимо Жарова, обдав его запахом спиртного.

— Надо найти фонарь и сходить… — продолжал он. — В подвал, что ли… В доме, я думаю, автономный генератор, и с ним какие-то неполадки.

Впрочем, этого путешествия не понадобилось: люстра в холле медленно налилась светом. Женщина-директор задумчиво посмотрела на нее сверху вниз, пробормотав:

— Такого еще здесь не было…

Тут вступил Пилипенко:

— Судя по вашим репликам, все вы не очень-то знаете этот дом. Чей это коттедж, и как вы здесь оказались?

— А вы почему такой любопытный? — огрызнулся Иван.

— Профессия обязывает, — с грустью вздохнул Пилипенко. — Я следователь уголовного розыска города Ялты.

Жаров вспомнил немую сцену из «Ревизора». Все присутствующие оцепенели, застыв на полужестах, словно были андроидами, у которых разом выключили питание.

Иван и Аркадий, бережно несущие следователя через холл, остановились, сверху вниз впившись взглядами в его лицо. В комедии им бы надлежало машинально отпустить руки, а Пилипенке — с грохотом свалиться на пол. Доктор, который открывал дверь, ведущую вглубь дома, замер, открыв ее наполовину. Катерина и властная женщина наверху, пока безымянная, как раз в этот момент делали одно и то же, а именно: поправляли растрепавшиеся локоны. Их небрежные жесты также остались незаконченными.

Это было не просто удивление обычных людей оттого, что они неожиданно попали в поле зрения милиции. Именно наблюдая эту немую сцену, Жаров окончательно понял, что в этом коттедже происходит что-то необычное, тайное, и явление следователя именно в это место и время, просто ошарашило их.

Странная комната

Операция заняла около часа. Перед тем, как заняться ногой, доктор внимательно рассмотрел красную книжечку следователя. Журналист сам протянул ему свою — синюю.

Пилипенко пытался улыбаться, два раза невпопад пошутил на мотив известного фильма:

— Хороший цемент!

Теперь он лежал на кровати с перебинтованной ногой, с импровизированной шиной из лыжных палок на основе смеси для штукатурных работ, за неимением гипса. Его правая нога выглядела огромной, будто здесь нарисовали карикатуру.

Обстановка комнаты была обычной, ничем не примечательной — две кровати, тумбочки, журнальный стол. Сочетание ценных пород дерева и природного камня. На стене большая репродукция в вычурной раме — «Охотники на привале» Перова.

Когда все было кончено, доктор поинтересовался с неподдельным участием:

— Ну что, мой неожиданный пациент? Вам было не слишком больно? Скорую помощь, вызвать, увы, не можем.

— Как я догадываюсь, — сказал Пилипенко, — ваши телефоны тоже не работают?

— Нет, — вздохнул доктор. — Здесь почему-то ни у кого нет связи. Может быть, горы как-то заслоняют… Не знаю.

— А что это вы говорили там, на природе? Что значит — вы бывший врач? Вас что — дисквалифицировали?

— Долгая история. В наше время люди летают, как птицы. Был врачом, теперь консультант фирмы. А руки-то все помнят… — пробормотал доктор, поправляя больному повязку.

— И что за фирма, если не секрет?

— Какие ж могут быть от следователя секреты? Наша фирма торгует медикаментами. «Золотая пчела» — может, слышали?

— Может, и слышал, а, может, и нет… Вы ж не в Ялте базируетесь, точно?

— В Севастополе.

— Вот потому и не слышал.

Дверь скрипнула, вошел Аркадий. На нем была куртка с капюшоном, запорошенная снегом.

— Вовремя мы успели, — сказал он. — Там сейчас такая пурга началась — из дому не выйти. Нечего и думать отвезти вас сейчас вниз.

Жарова все продолжала волновать одна частность.

— Аркадий, а что за штуковина стоит у вас перед домом? — спросил он.

Аркадий округлил глаза:

— Какая штуковина?

— Вы не могли ее не заметить (Жаров также округлил глаза в ответ). Это торчит чуть ли не прямо перед дверью…

— Представления не имею, о чем вы говорите.

Жаров перевел взгляд на Ивана, который все это время молча сидел на стуле в углу. Тот развел руками. Жаров прикрыл глаза, шлепнул ладонью о ладонь. Он вдруг поймал сам себя на слове, ему пришла в голову невероятная идея.

— Точно, что торчит — торчит! — воскликнул он. — Самое подходящее слово…

Аркадий и Иван недоуменно переглянулись. Казалось, их реакция была искренней: вовсе они не собирались скрыть это самое устройство, похожее на телескоп, а действительно не видели его, не ведали о его существовании…

Какое-то время все молчали. Заговорил Пилипенко.

— Объясните ли нам, если не секрет, конечно, — обратился он к доктору, — по какому поводу вы здесь собрались?

Доктор на секунду замялся, будто не зная, что сказать.

— Да нет никакого секрета! — воскликнул Аркадий. — Просто корпоративная вечеринка. Годовщина основания фирмы. Я руковожу отделом продаж. Наталья, Катерина, Иван и Саша — доктор, как мы его шутя называем — все мы работаем вместе. Сняли этот коттедж. Никто из нас раньше здесь не был.

Значит, красавицу зовут Наталья, — с грустью подумал Жаров.

С грустью, потому что и по опыту своему, и по ощущению от ситуации понимал: никогда эта красавица не обратит на него внимания.

Больше ничего странного, кроме снега

Когда все, наконец, ушли, Пилипенко и Жаров довольно долго молчали. Снег с силой стучал в окно коттеджа, словно кто-то бросал его горстями. Пилипенко лежал на кровати, отягощенный своим «цементом». Жаров расхаживал по комнате. Первым заговорил следователь:

— Корпоративная у них. Вечеринка. Ну-ну! «Золотая пчела». Определенно цель какая-то есть, программа. Боюсь, что мы с тобой снова попали в некий хитрый лабиринт.

— Меня больше беспокоит эта штуковина. Торчит. Именно торчит.

— Ты о чем?

— Об устройстве напротив коттеджа… Я ведь спрашивал… Они не могли его не заметить, когда сегодня, при свете дня и ясной погоде приехали сюда на своем шикарном джипе.

Пилипенко приподнялся на локте.

— Что за устройство, как оно выглядит?

— Короткая толстая труба на телескопической опоре. В том-то и дело! Он его не заметил, потому что днем его там не было. Вернее… Так устроена, например, раздвижная указка. Это странное устройство, по-видимому, днем находилось под землей, а с наступлением темноты выдвинулось!

— Выдвинулось из-под земли? Что еще за бред…

— Тут возникают сразу два вопроса: зачем оно выдвинулось в сумерках, и для чего же, наконец, оно служит?

Пилипенко устало вздохнул. Жаров не унимался:

— Мне кажется, что у этой штуки космическое происхождение.

— Так пойди и посмотри.

Похоже, его не волновало то, что было самым невообразимым в этой окрестности. Ну что ж! Жаров повернулся и вышел.

В гостиной было пусто и сумеречно. Со второго этажа доносились женские голоса, смех, о чем говорят — не разобрать. Жаров открыл дверь прихожей, сразу стал слышен сильный шум пурги. Он накинул полушубок, надел свои меховые сапоги, открыл дверь. В прихожую тотчас ворвался снежный вихрь, залепил лицо. Жаров тут же захлопнул дверь.

За какие-то секунды внутрь намело порядочно снега. Жаров присел на корточки, зачерпнул горсть. Снег был похож на манную крупу: скорее, ледяная крошка, а не снег. Как южанин он не часто видел в своей жизни снег. Оказывается, он бывает не только в форме причудливых кристаллов, что вырезали в детстве для школьной елки.

Вернувшись в комнату для гостей, он встретился с насмешливым взглядом следователя.

— Ну так что?

— Выйти невозможно, — отрапортовал Жаров, — сильная пурга.

— Такая пурга, что сшибает с ног?

— Точно. Аркадий говорил: пурга, из дому не выйти… Я думал, это просто оборот речи. Но это на самом деле так!

— Ну, ничего, к утру наверняка утихнет. Рассмотришь свое инопланетное устройство.

Жаров возмутился:

— Я не говорил инопланетное, я сказал — космическое. Словом, это, конечно, сделано людьми, но имеет какое-то отношение к космосу.

— А все эти люди, что так загадочно себя ведут, просто тайные космонавты, — съехидничал Пилипенко.

— И снег какой-то странный… — задумчиво проговорил Жаров.

— Это еще в каком смысле?

— Никогда не видел такого снега. Какой-то даже не снег, а вроде как крошка из льда.

— Ну и что?

— Да не бывает такого снега, вот что!

Жаров вдруг понял, что имеет дело с каким-то особым природным явлением. В детстве он ловил при случае снежинки на варежку, и они были именно такими, что и вырезались из бумаги. А это…

— Не забивай себе голову, — сказал Пилипенко. — Есть многое на свете, друг Гораций… Мы с тобой не такие уж специалисты по части разновидностей зимних осадков.

Самое обыкновенное убийство

Для раненого ужин принесли в постель. Аркадий, выполнивший роль официанта, пригласил Жарова в гостиную.

Обитали коттеджа собрались за длинным столом светлого дерева, место во главе пустовало: Наталья еще не спустилась. Если молча, сосредоточенно, Жаров исподтишка наблюдал за этими странными людьми. Иван аккуратно разрезал мясо, откладывал нож и, держа мясо на вилке, наворачивал на него ложку соуса. Аркадий ел быстро, хватал бокал с вином, осушал и наливал еще. Доктор флегматично жевал, промокая салфеткой уголки губ. Тарелка Катерины была почти пуста, девушка осторожно поддевала вилкой оливку или ломтик осетрины. Жаров быстро доел все, бывшее у него на тарелке, и вытянулся над столом, накладывая себе по чуть-чуть из каждого блюда.

Первым нарушил молчание Доктор.

— А где Наталья? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Започивала, что ли?

— Пусть кто-нибудь сходит за ней, — сказал Аркадий, прожевывая.

— Кто у нас секретарь компании, а? — с усмешкой проговорил Иван.

Все оглянулись на Катерину. Посмотрел на нее и Жаров. Катерина нехотя встала, бросив полотенце на стул. Пробурчала:

— Может, она просто не хочет так поздно ужинать?

— Худеет, наверное, — вставил доктор.

— Да некуда ей худеть, — заметил Иван.

Катерина вышла из комнаты. Общество вновь погрузилось в молчание. Жаров задумался: если тут намечается корпоративная вечеринка, то когда она должна состояться? Уж наверняка сегодня, иначе зачем всем руководящим сотрудникам жить в этом коттедже, бросив свою фирму на произвол судьбы? Сегодня как раз суббота: самое время. Скорее всего, о чем они молчат, кто-то должен был приехать, но помешала пурга. Поэтому и ужин такой скучный, несмотря на изысканные деликатесы — очищенные крабьи клешни, заливные языки и прочее… Его размышления прервал истошный вопль наверху, сменившийся частой дробью каблучков по дубовому полу.

Катерина выбежала в бельэтаж, ухватилась за перила, тяжело дыша. Все повскакивали со своих мест, Жаров попытался успокоить гостей, раскинув ладони над столом. Девушка, в сумраке верхнего этажа похожая на привидение, откинула руку назад, указывая во тьму коридора.

— Она без движения! Она…

— Мертва… — констатировал доктор, когда все поднялись в комнату Натальи.

Она лежала поперек кровати, ее глаза были широко раскрыты, словно перед смертью женщина испытала настоящий ужас.

Жаров сделал предостерегающее, властное движение ладонью в сторону Аркадия, Ивана и Катерины, застывших на пороге, но явно намеревавшихся войти. Сказал:

— Прошу ничего здесь не трогать. А еще лучше — пусть все проследуют в коридор.

Гости вышли, толпясь и натыкаясь друг на друга. Жаров прикрыл за ними дверь. Спросил доктора:

— Итак, Саша? В чем причина смерти, по вашему мнению?

— Я бы сказал: отравление быстродействующим ядом.

Доктор взял и отпустил руку погибшей, рука упала на постель.

— Подобный цвет ногтей, кончиков пальцев… — продолжал он. — Все это говорит о цианиде.

На столе поблескивала ополовиненная бутылка вина, два пустых бокала.

— Получается, что она пила тут с кем-то вдвоем, — сказал Жаров. — Убийца подсыпал ей яд в бокал, ушел, а затем преспокойно сел за общий стол ужинать… Ну-ну! А кем работала Наталья в вашей фирме? В которой такие странные нравы…

— Она была заместителем гендиректора фирмы. И его женой.

Говоря это, доктор мрачно смотрел на мертвую женщину… Вдруг вскинул голову на Жарова:

— Насчет нравов… Вы, что же, думаете, что это сделал один из нас?

— А вы что думаете? Один — из нас? Я, журналист, владелец городской газеты? Или следователь с переломанной ногой?

— А если в доме есть кто-то еще?

— Когда вы приехали сюда, дом выглядел пустым? Никаких шорохов, движений? Мог ли убийца уже находиться здесь?

Доктор пожал плечами.

— Трудно сказать. Дом большой. Свет нигде не горел. Заперт был снаружи. Замок пришлось отогревать.

— Тогда вывод ясен: убийца — один из сотрудников фирмы.

Доктор вдруг поднялся, шагнул в сторону Жарова.

— А откуда мне знать, что вы двое — журналист и следователь? Документы ваши, знаете ли… Много на свете умельцев.

Жаров, в свою очередь, подался в сторону доктора, будто собираясь двинуть ему по роже. Сказал:

— Ага. Мы просто киллеры. Нас наняла конкурирующая фирма. Которая торгует презервативами в Феодосии. Между прочим, вы не заметили, что у моего друга сломана нога?

— А что, снегоход с киллерами не мог потерпеть аварию, и киллер не мог сломать ногу?

— В общем, ладно, — махнул рукой Жаров. — Этот разговор нас никуда не приведет. Мне бы найти какую-нибудь коробку.

— Зачем еще вам коробка?

Жаров проигнорировал вопрос. Он прошелся по комнате в поисках чего-то, куда можно было устроить вещдоки. Вдруг его внимание привлекла репродукция, висящая на стене. Точно такая же рамка, что и в их комнате, обычная технология с тиснением, имитирующим холст: во времена расцвета уличной торговли девяностых художники подмалевывали такие изделия ширпотреба, чтобы кое-где создать рельефные мазки, и выдавали их за добросовестные копии маслом, извлекая десятикратную прибыль за несколько минут.

Картина чем-то озадачила Жарова, он остановился посреди комнаты, разглядывая ее. Доктор с раздражением наблюдал за ним.

Известное полотно изображало момент, когда один из учеников протягивает Сократу чашу с ядом. Через несколько минут философ умрет.

— «Смерть Сократа» Жана-Луи Давида, — задумчиво проговорил Жаров.

— Ну и что? — недовольно отозвался доктор.

— Ничего. Просто лишний раз убеждаюсь в том, что реальность устроена совсем не так, как мы думаем.

— Что вы имеете в виду, любезнейший?

— На картине изображен Сократ, греческий философ, которого приговорили к смерти за то, что он не чтит богов и развращает юношество. Вот один из учеников протягивает ему чашу с ядом. И картина висит как раз в той комнате, где была отравлена эта женщина. Вот я и говорю, что с нашей реальностью что-то не так. Странное, мистическое совпадение.

Говоря, Жаров бродил по комнате, даже заглянул в шкаф и, наконец, нашел в углу за шкафом предмет, подобный которому и искал — коробку из-под винной бутылки. Доктор недоуменно наблюдал за ним. Жаров поставил коробку на стол и двумя пальцами обеих рук, за ободок и донышко, взял один из бокалов. Сказал:

— Между прочим, это очень странно, что убийца даже не удосужился стереть свои отпечатки. Это просто совершенно непостижимо, если учесть, что в доме следователь, а преступник знает об этом.

— Почему вы так думаете? Может, он как раз и стер отпечатки.

— Тут и думать нечего, — сказал Жаров. — Я просто вижу пятна на стекле.

Жаров устроил бокалы в коробку и аккуратно закрыл ее. Через несколько минут следователь Пилипенко столь же осторожно извлек их из коробки, повернул, рассматривая на просвет, на фоне лампы.

— Ничего странного и непостижимого, как ты тут говоришь, — прокомментировал он. — Будь другом, приведи сюда всех фигурантов как можно скорей.

Жаров поднял голову в немом вопросе.

— Экстренное совещание по чрезвычайным обстоятельствам, — объяснил следователь.

Жаров уже открыл дверь, как Пилипенко окликнул его:

— И обязательно принеси из бара бутылку красного вина.

Жаров пожал плечами. Красного, так красного. Нарочно не будет спрашивать, зачем это нужно следователю, но что не для праздного питья — так это уж точно…

Опыты с красным вином

Жители коттеджа с молчаливым удивлением разглядывали журнальный столик, где лежал распотрошенный блокнот следователя и возвышалась марочная «Изабелла». Жаров распечатал бутылку и осторожно налил немного вина в блюдечко, будто собираясь накормить кота.

— Это незаконно! — воскликнул Иван.

Пилипенко поднял руку с незажженной сигаретой. Тихо, но убедительно произнес:

— Молчать.

Возражений не последовало. Жаров с удовлетворением отметил, что все понимают, кто здесь и сейчас — главный.

— Сначала дамы! — сказал он.

Катерина подошла и с достоинством протянула руку, словно для поцелуя. Жаров осторожно взял ее, окунул палец в блюдечко и поставил отпечаток на лист.

— Не думал, что это получится с вином, — заметил Аркадий.

— Краска, она краска и есть, — сказал Пилипенко.

— Следующий! — скомандовал Жаров.

Когда Иван, доктор и Аркадий отдали свои отпечатки, Жаров невозмутимо, вальяжным жестом официанта, протянул блюдечко следователю, затем окунул и свой палец.

— Все свободны, — завершил процедуру Пилипенко.

Когда гости покинули комнату, он проговорил, вытянувшись на кровати настолько блаженно, насколько позволяла зацементированная нога:

— Напрасно убийца думает, что следователь на отдыхе не имеет с собой должных предметов, чтобы снять отпечатки со стекла.

— А он имеет? — спросил Жаров.

Пилипенко усмехнулся.

— Нет, конечно. Но если ты тут найдешь кое-что, то я это сделаю. Значит, так. Для начала, мне нужен скотч. Затем — какая-нибудь черная бумага. Или просто темная — коричневая там, синяя… А вместо серебрянки используем муку, думаю, как в любом доме, она есть где-то на кухне. Пригодилась бы и колонковая кисть, но это уже нереально. Завтра с утра и выступай на поиски.

Пилипенко бросил последний взгляд на листы со снятыми отпечатками, положил их на тумбочку рядом с кроватью, выключил ночник. Вскоре его дыхание стало ровным. Друг умудрялся сохранять спокойствие в какой-то умопомрачительной ситуации, с убийцей где-то за стеной, с болью в сломанной ноге. Жаров же долго не мог уснуть, слушая шум пурги, маниакальную колотьбу снега о стену дома, сложенную из белого керченского ракушечника.

Что-то странное происходило с его жизнью, будто был он героем вертикального сериала, где в каждой части разворачивается отдельная детективная история. Особенностью этих мрачных историй был женский образ. Часто женщины, которые фигурировали в них, нравились ему с первого взгляда, а затем оказывались либо убийцами, либо соучастницами убийц. И вот теперь та, что едва успела его взволновать, сама стала жертвой убийства.

Меж тем ровный, монотонный гул пурги странным образом гипнотизировал его, вызывая навязчивые образы каких-то работающих механизмов, мерно раскачивающихся маятников, молоточков, колотящих по шестерням… Казалось, что он маленький, как муравей, и живет внутри работающего двигателя, где в любой момент может сорваться с места какой-нибудь шарнир или клапан, и невзначай хрустнуть его жалким хитином…

Квест по лабиринту

Утром Жаров чувствовал себя уже персонажем виртуальной игры, где герой должен преодолеть какое-то пространство, замкнутое компьютерной программой и программистами, собирая в свой рюкзачок некие нужные вещи, чтобы составить, скажем, волшебное снадобье.

Действуя по заданию друга-сыщика, он бродил по коттеджу. В гостиной выдвинул ящики стола, в библиотеке полистал журнал и вырвал из него страницу, на кухне открыл кубическую емкость, внезапно чихнул. Все его лицо убелилось мукой, высвобожденной из этой емкости, но он понял это, лишь когда встретил в коридоре Катерину: девушка вскрикнула, внезапно выскочив из-за угла.

— Ах, это всего лишь вы… — сказала она.

— А кого вы хотели здесь увидеть? Доброе утро, я бы еще сказал!

— Никого. В том числе — и вас. И утро вовсе не доброе… Да что с вами такое? — в ее голосе звучал явный намек на безумие персонажа.

Она махнула ладошкой в сторону зеркала, висящего на стене.

— Посмотрите на себя!

Жаров последовал ее совету и увидел свое белое лицо. Достал платок.

— Всё у вас, мужиков, не так, — проворчала девушка. — Дайте, я сама.

Она выхватила платок и помогла Жарову вытереть лицо.

— Не задаю никаких вопросов: что это и почему, — проговорила девушка, трудясь.

— Зато я бы хотел задать парочку, — строго сказал Жаров.

Катерина посмотрела на него с высокомерием, всем своим видом давая понять, что спрашивать-то он вправе, а вот будет ли она отвечать — это еще вопрос…

— Как мне известно, — обстоятельно заговорил Жаров, — вы здесь собрались на корпоративную вечеринку.

— Да, именно. И в этом нет никакого криминала.

— Так вот. Это — не корпоративная вечеринка.

Катерина вскинула брови:

— Вы спрашиваете или отвечаете? Впрочем, я никак не могу прокомментировать ваши слова, извините.

Она вдруг двинулась, чтобы уйти, но Жаров удержал ее за локоть. Сказал:

— Я ведь помню: на вас вчера лица не было, как только мы оказались в коттедже. Вы явно кого-то ждали.

Катерина коротко смутилась, но тотчас овладела собой:

— Здесь нет никакой тайны. Просто должны были приехать еще два человека. Я и подумала, что это они.

— Меня удивляете лично вы. У вас была такая странная реакция…

— Разве?

— Вы были сильно напуганы.

— Я услышала снаружи шум, увидела в окно, как одного человека буквально несут на руках. Вот и испугалась.

— Это значит, что один из тех, кто должен был приехать, вам особенно дорог?

— Это бестактный вопрос.

Жаров помолчал, разглядывая девушку. Спросил:

— Как вы думаете, почему они не приехали?

— Понятия не имею. Если бы работал телефон, мы бы все выяснили в шесть секунд. Мы весь вечер их ждали. Но они так и не появились, похоже, из-за пурги.

— А почему же вы не приехали сразу, все вместе?

Катерина вдруг повысила голос, почти завизжала, прижав руку к груди:

— Я не знаю что произошло, честное слово! Они должны были приехать, но не приехали. Это ужасно! Оставьте меня в покое, прошу вас.

Заметив, что Жаров больше ее не держит, Катерина повернулась и поспешно ушла. Он посмотрел ей вслед, на ее длинные загорелые ноги, едва прикрытые короткой юбкой. Не на черноморском пляже достигается такой цвет, а на других, более южных берегах.

Он достал из карманов и рассмотрел все собранные ингредиенты: темную бумагу, пакетик с мукой, кольцо скотча, маленькую пушистую кисточку. Задание следователя было выполнено, этот эпизод квеста закончен, что там еще впереди?

Убийца найден, но не разоблачен

Эту самую беличью кисточку для марафета Пилипенко бережно взял двумя пальцами, повертел перед глазами.

— Катерина одолжила, или у мертвой взял?

— У мертвой, — сказал Жаров. — Из косметички.

Пилипенко окунул кисточку в муку и осторожно обмахнул бокал.

— Катерину я, впрочем, встретил в коридоре, — добавил Жаров, наблюдая за работой следователя.

— Думаю, ты уже успел в нее влюбиться, — сказал он.

— Честно говоря, мне больше нравилась Наталья, увы.

Пилипенко налепил на бокал кусок скотча и разгладил ногтем.

— Интересно, доживу ли я до твоей свадьбы? — пробурчал он.

— Свадьбу закатим на весь Южный берег, — угрюмо ответил Жаров. — Только для этого нужен еще один человек — невеста. Так вот. Мне кажется, что девушка Катя в близких отношениях с одним их гостей, которые не приехали сюда.

— Начальник и его охранник?

— С чего ты взял?

— Об этом нетрудно догадаться. Весь верхний эшелон фирмы здесь. Все чем-то обеспокоены, кого-то ждут. Кого? Для Санта-Клауса рановато, до Нового года больше месяца. Ясно, что начальство. А где ты видел директора, по-настоящему любящего себя, чтобы он ходил без охраны?

Пилипенко быстрым движением отодрал скотч от бокала и тут же налепил его на кусочек темной бумаги.

— Вот и всё. Отпечаток готов.

Он разложил на столе листы из блокнота, на которых Жаров увидел отпечатки, снятые вчера. Рука следователя с квадратиком темной бумаги медленно двигалась над листами. Напротив одного из них его движение остановилось. Пилипенко вскинул голову:

— Катерина, говоришь? Именно эта женщина и оставила на бокалах отпечатки. Судя по положению пальцев, он несла оба бокала в руках. Именно она их и наполнила. Именно она и бросила яд в вино.

Через несколько минут Жаров уже стучался в дверь Катерины, запертую изнутри. Ответом было молчание.

В конце коридора появился доктор, прибежавший на стук и возгласы Жарова. Уяснив ситуацию, он посоветовал позвать Ивана.

— При чем тут Иван? — оглянулся Жаров.

— Он спортсмен, занимается штангой. Вмиг сломает эту дверь.

— Я тоже спортсмен, — сказал Жаров.

Он отошел на шаг и ударил в дверь ногой. Дверь открылась только с третьей попытки. Жаров и ожидал увидеть нечто в этом роде. Аркадий и Иван также прибежали на звук. Жаров поставил им руку шлагбаумом: не стоило сейчас входить в комнату всем.

Катерина лежала в постели, под одеялом, будто просто прилегла отдохнуть на дневной сон. Доктор подошел к телу и осмотрел его.

— Это невыносимо, — тихо проговорил он. — Опять цианид…

Он накрыл тело Катерины с головой. Внешние роллеты на окнах были опущены. На их ламелях гремела пурга. Мобильный пульт, который управлял этими роллетами, лежал на подоконнике, точно такой же был и в комнате для гостей, да и во всех других комнатах. За окном пурга сшибала

с ног. В доме есть только те, кто есть: доктор, Аркадий, Иван. Убийца не мог проникнуть снаружи и уйти. Либо убийца один из этих троих, либо таинственный некто прячется в доме, либо…

Он сам, Жаров, и есть убийца! — мысль, от которой можно сойти с ума: так бывает в кино, когда герой не помнит, что творит, а мы видим реальность его глазами. Единственный бесспорно невиновный — это следователь Пилипенко. Не потому, что он не мог совершить преступление в духе художественного вымысла, нарушая один из главных законов детективного жанра, который заключается в том, что сыщик не должен быть убийцей, а потому, что просто не мог встать с постели… Все это пронеслось в голове Жарова за несколько секунд, пока доктор, взяв со стола лист бумаги, не подал голос:

— Это самоубийство. Вот ее предсмертная записка. Может быть, лучше ничего здесь вообще не трогать до приходя милиции?

— Я здесь милиция, — автоматически ответил Жаров, выхватив у доктора листок.

> «Я не хочу в тюрьму, поэтому во второй раз использую этот яд, теперь уже для себя. В моей смерти прошу никого не винить. Быстрова Е.Н.»

Все было яснее ясного, даже слишком. Катерина отравила Наталью, потом отравилась сама. На столе лежала книга. Жаров бережно положил листок в книгу и захлопнул ее. «Агата Кристи. Романы.» Этого еще не хватало.

Пилипенко долго, с недоумением рассматривал лист бумаги. Затем снова положил его в книгу, а книгу — на тумбочку возле своей кровати. Проговорил:

— «Быстрова Е.Н.» Николаевна? Впрочем, какая теперь разница… И мы понятия не имеем, что могло быть между этими двумя женщинами.

— Ревность, наверное, — сказал Жаров. — Возможно, Катерина была любовницей гендиректора. Сыпанула яд его жене. Затем поняла, что натворила, и сама последовала за нею. Тем же способом…

— Да уж… — пробормотал Пилипенко, о чем-то задумавшись.

— Странное дело, — продолжал Жаров. — Журналист и следователь оказались в самом центре криминальных событий, но все разрешилось само собой.

— Ты уверен, что разрешилось?

— А как же? Одна женщина отравила другую, затем покончила с собой. Конец истории.

— Не думаю. Ты знаешь, как действует цианид? В кино-то, небось, видел?

— Как же! — оживился Жаров, вновь подумав о том, что в мире, кроме каждодневной мутоты насилия, вообще существует кино. — Абдулов в «Негритятах» достаточно стильно поперхнулся. В «Коломбо» также нередко мелькают такие сценки…

— То-то и оно, что стильно… В жизни, вернее, в смерти, это выглядит несколько иначе.

— А ты-то сам когда видел? Разве бывает, что убийство происходит прямо на глазах у следователя?

— Не происходит. Но я тоже знаком с таким кино. Только не с художественным, а с документальным. В институте нам крутили… Так вот. Глаза отравленного выпучиваются, вылезают из орбит, как у Шварценеггера, когда у него на Марсе лопнул шлем. Лицо жертвы белеет, затем уходит в синь. Она пытается вдохнуть, но не может. Из глаз текут слезы, будто она и вправду плачет, но уже мертвая. Почти всегда происходит дефекация и отделение мочи.

— И что? — скривившись, спросил Жаров.

— Да то, друг мой, журналист, что Катерина все это видела. Она чувствовала запах смерти той, которую убила. Потому что смерть не могла не произойти прямо на ее глазах, ибо смерть от цианида весьма быстра. И ты можешь себе представить, что после такого впечатления девушка сама решила умереть точно такой же смертью? Лично я — нет.

Сказав это, Пилипенко щелкнул выключателем ночника. Жаров погрузился в сон почти мгновенно, проснулся от звука торопливых шагов. За окном уже была утренняя снежная муть. В комнате возник доктор.

— Вставайте, вставайте немедленно!

— Один из нас в любом случае не может этого сделать, — отозвался Пилипенко, который давно не спал.

Жаров вскочил с постели.

— Случай действительно ужасный! — воскликнул доктор.

— Кто? — только и спросил следователь.

Вопрос прозвучал спокойно и как-то буднично, словно он ожидал очередного трагического известия.

— Аркадий, — сказал доктор.

Умерщвления согласно плану

Труп лежал в ванне, на него лилась вода из душевого рожка. Внутри электрического водонагревателя сверкали голубые искры. Жаров выключил прибор.

Доктор и Иван перенесли тело на кровать. Жаров осмотрел помещение. Его внимание привлекла картина, которая висела на стене комнаты Аркадия. Это была «Смерть комиссара» — известное еще по школьному учебнику полотно Груздьева, призванное любить красных и ненавидеть белых.

— Явное поражение электрическим током, — констатировал доктор. — Несчастный случай.

— Само собой, — пробурчал Жаров, уже двигаясь к выходу.

— Подождите, — остановил его доктор.

Жаров молча исполнил его просьбу.

— Вы ничего странного не слышали ночью?

— Я сплю обычно крепко.

— Так это обычно… Я, представьте, то же. Но вот ведь в чем дело, ситуация у нас несколько необычная. И сегодня я почти не спал.

— И что? — Жарову вдруг стало не по себе, поскольку он вспомнил если не прошлую ночь, то предыдущую.

— В доме работает какой-то механизм.

— Да неужели? — Жаров понял, что ночные звуки ему не пригрезились, и образ муравья, попавшего меж часовых колесиков — некая существующая реальность, но он не хотел добавлять лишние детали в панику доктора.

— Не иронизируйте! — воскликнул тот. — Я внимательно слушал, выходил в коридор. Что-то непрерывно работает здесь.

— Генератор, — спокойно сказал Жаров.

— Что-то *помимо* генератора! Неужели и ты ничего не слышишь? — обратился доктор к Ивану.

— Не знаю, — помедлив, ответил тот. — Возможно, это просто пурга. Звук явно идет с улицы.

— Вот что, — сказал Жаров. — Думаю, настал момент, когда надо тщательно прочесать весь этот дом. И не столько на предмет таинственной машины, а сколько в поисках человека.

— Уверяю вас, — сказал доктор. — Никакого человека нет. Все три смерти объяснены. Вот же он, неисправный водонагреватель. И с женщинами все ясно. Только вот этот звук…

— Хорошо, — сказал Жаров. — Тот, кто этого желает, будет искать генератор и слушать звук.

Втроем они достаточно быстро обошли коттедж. В цокольном этаже (можно назвать его полуподвалом) располагалась кухня, тренажерный зал, кладовая, бойлерная и еще одно техническое помещение, где действительно стоял генератор. В данный момент он не работал, поскольку автоматика передала электропитание аккумуляторным батареям. Жаров понимал эту систему: вечером, когда в комнатах зажгут свет, или раньше, когда кухонный холодильник высосет весь запас, генератор заведется автоматически. Или когда некто захочет принять горячий душ…

Он представил себе несчастного Аркадия, который протягивает руку к вентилю. Что-то не вязалось с этой трагической случайностью…

На первом этаже были комнаты доктора, Ивана, Аркадия, гостевая комната, где лежал Пилипенко. Проходя мимо нее, жаров приоткрыл дверь и коротко доложил другу, что произошло, и чем они сейчас заняты. Тот одобрил идею тщательного осмотра дома.

Из гостиной, занимавшей оба этажа, они поднялись по кованой лестнице наверх. Второй этаж был значительно меньше по площади, как за счет гостиной, так и скоса крыши. Здесь были всего две спальни, одна напротив другой, ставшие теперь приютом двух мертвых женщин.

Небольшой чуланчик в конце коридора, пустой. Люк на чердак. Жаров взобрался по лестнице, приподнял крышку и заглянул в помещение. Пусто, если не считать каких-то мелких предметов, которые обычно и пылятся на чердаке: сломанный стул, груда книг, привезенных каким-то постояльцами, зачем-то бамбуковая удочка и большой сачок… Вероятно кто-то из временных пользователей коттеджа всерьез полагал, что где-то в Крымских горах можно удить рыбу, причем, крупную.

Здесь, под крышей, шум пурги был слышен сильнее. Слышен был и гул — тот самый необъяснимый звук. Жаров на несколько секунд замер. Покосился на доктора, чье выжидательное лицо белело среди перекладин лесенки.

— Нет, ничего нет, — сказал он этому перепуганному человеку, хотя только что сам понял: есть!

Коттедж был пуст, но странный звук работающего механизма в коттедже был. Теперь, двигаясь по коридору и дальше, вниз, Жаров прикидывал толщину стен. Машина не может прятаться просто в стене: здесь должна быть некая тайная комната, чтобы содержать что-то крупное, довольно сильно гудящее.

— Еще раз, на всякий случай, — пояснил Жаров доктору, который с удивлением глянул на него, когда он вновь распахнул дверь Катерины.

Нет. Обе верхние спальни имели самые обычные стены, толщиной в один блок ракушечника. Перекрытие между этажами также не вызывало подозрений.

Камин в гостиной был обычным камином в викторианском стиле. Жаров присел на корточки и заглянул в трубу. Довольно яркий фонарик, встроенный в его мобильный телефон, показал сетчатую паутину серебристого света — в совершенно пустой трубе.

Жаров двинулся дальше, Иван и доктор молча следовали за ним. Все помещения дома полностью совпадали друг с другом, никаких пустот, способных разместить мощный механизм, здесь не наблюдалось. Потолок в комнате доктора показался ему несколько ниже, чем в других, но Жаров не придал этому значения…

Возможно, что-то работало снаружи, в какой-нибудь пристройке к стене: недаром шум был яснее всего слышен именно на чердаке, но выходить в эту пургу было просто опасно: неизвестно, куда сдует и унесет.

Следователь молча выслушал рассказ Жарова, лежа в постели. Он в волнении грыз незажженную сигарету. Фильтр отломился, Пилипенко швырнул сигарету в пепельницу, где было полно таких же нераскуренных, но раздавленных сигарет. Жаров подумал, сколько уже месяцев его друг безуспешно пытается бросить курить? Где-то с начала года…

— Это и в самом деле похоже на несчастный случай, но… — начал было Жаров, но Пилипенко перебил его:

— В том-то и дело, что «но»! Очень большое «но». Ты не заметил, что вчера утром у Аркадия были мокрые волосы?

— Точно! — Жаров понял, что озадачило его самого. — Вчера душ был еще исправен. — И еще этот гул…

— Гул?

— Звук, который слышу не только я, но и доктор.

— Возможно у вас обоих чрезвычайно чувствительный слух, — пробурчал Пилипенко, который был слегка глуховат. — Значит, так. Будь я на ногах, то немедленно провел бы тщательный обыск в комнате Натальи.

— Почему Натальи? — удивился Жаров, но Пилипенко лишь выразительно посмотрел на него, не удостоив ответом.

Это означало: версия есть, но озвучивать ее он не собирается — то ли не хочет показаться идиотом, то ли есть еще какая-то причина…

— Понятно, — сказал Жаров, поднимаясь. — Что искать?

— Не знаю. Но уверен: что-то важное ты непременно найдешь.

Труп покоился на кровати, с головой укрытый пледом. Запах в комнате был отвратительный, и Жаров вспомнил рассказ друга о симптомах отравления.

Он осмотрел комнату, но ничего необычного не обнаружил. На подоконнике лежали какие-то бумаги, записная книжка убитой. Он просмотрел всё. Обычные какие-то счета, накладные… Среди них попался листок, который привел Жарова в изумление. Вот что там было написано, причем — что в наше время редкость — от руки.

…
Катерина — снотворное.
Аркадий — душ.
Иван — веревка.
Доктор — яд.
Наталья — приговор.

— Моя догадка подтверждается, — заявил Пилипенко, бегло рассмотрев листок, — смерть Аркадия не случайна. Если применить индукцию…

— Дедукцию? — не понял Жаров.

— Нет, именно индукцию. Дедукция — этот обобщение, вывод на основе анализа многих фактов. Индукция — это наоборот: на основе одного факта мы судим о других. Так вот. Если «Аркадий — душ», то остальные пункты записки должны говорить о способах убийства других. Таким образом, доктор должен быть отравлен, Иван — задушен веревкой. Допустим, Наталья была не просто убита, а ей был зачитан некий «приговор».

— Но что же значит: «Катерина — снотворное»? Получается, что по какому-то чудовищному, не известно кем написанному сценарию, она должна была принять снотворное, но ошиблась пузырьком и приняла яд? К тому же, существует ее записка…

— Где эта записка, кстати?

— В книге Агаты.

— Да уж.

Пилипенко раскрыл книгу и положил лист на лист. Беглого взгляда ему было достаточно, чтобы сделать вывод:

— Не совпадает.

— Я просмотрел записную книжку Натальи, — сказал Жаров.

— Ну и?

— План убийств написан ее рукой.

— Так, — сказал Пилипенко. — Надо найти доктора. Если он еще не отравлен. Только вот в чем вопрос. Кто должен проделать все это, если в документе перечислены все, кто присутствует в коттедже?

Невидимый убийца

Доктор лежал на кровати с пробитой головой. По подушке расплылось значительное пятно крови. Жаров и Иван вломились в комнату после того, как ее обитатель не отозвался на стук. Жаров отметил, что на стене этой комнаты также, как и везде, висела репродукция: хрестоматийная картина «Гибель Помпеи». Что-то нарочитое было в этих картинах, что-то важное и зловещее…

Жаров поймал себя на том, что смотрит на ногти трупа, хотя причина смерти очередной жертвы была налицо.

— Но по сценарию он должен был быть отравлен… — пробурчал Жаров себе под нос.

Иван вздрогнул, услышав эти слова, пытливо посмотрел на Жарова.

— Что? По какому сценарию?

Жаров не нашелся, что ответить. Иван сделал шаг к нему.

— Что тебе известно? Ты видел сценарий, да? Я все понял. Ты заодно с ними! Вы оба здесь не случайно. Да я ж тебя сейчас…

Он потянулся к Жарову, но тот ударил его по рукам.

— Остынь. Вспомни, что у моего друга сломана нога. Это не вписывается ни в какой сценарий.

— Но ты сказал это слово. Значит, ты знаешь о сценарии.

Жаров внимательно посмотрел на Ивана.

— Похоже, и ты знаешь о сценарии.

— Я? Я ничего… Не знаю… Ни о каком сценарии…

— Слушай. Всё это может значить только одно: кроме нас в доме есть кто-то еще.

— Но мы обыскали здесь каждый угол.

— А что, если тот, кого мы искали, ухитрился стать невидимым?

— Как это?

— Например, он мог передвигаться. Вслед за нами, вернее — впереди нас. Или же в этом доме все же есть какие-то потайные ходы, комнаты. Впрочем, не может их быть… В общем, давай еще раз обыщем дом, сейчас же.

Говоря, Жаров уже шел к выходу, но Иван не двинулся с места.

— Я никуда не пойду. Кроме тебя, меня, и сломанного следователя в доме никого нет. Следователь не в счет. Доктора замочил ты!

Внезапно Иван набросился на Жарова, но тот успешно увернулся. Иван с размаху ударил Жарова по лицу, вернее, попытался это сделать, потому что Жаров резко присел, и кулак пронесся у него над головой. Иван хотел было ударить Жарова ногой в живот, но тот повернулся боком и ботинок скользнул по его бедру.

— Ты что — тоже качок? — спросил Иван с изумлением.

— Еще какой! — ответил Жаров и ударил его ребром ладони по уху, как бы смахивая со своего пути.

Иван упал. Жаров опять двинулся к двери, но вдруг увидел на полу вещь, которой там не должно было быть.

— А вот и орудие убийства, — сказал он.

Это была медная статуэтка Меркурия, которую Жаров еще раньше приметил в комнате доктора: она стояла на тумбочке. Так. Значит первоначальный план почему-то не сработал, и убийца воспользовался первым, что попалось под руку… Мысль свою он не закончил, потому что сзади на него обрушился мощнейший удар. Жаров уронил статуэтку…

Открыв глаза, он не сразу понял, где и почему находится. Жаров лежал на полу у распахнутой двери комнаты доктора. Он сел, потрогал лоб. Где-то далеко хлопнула дверь.

Он соскочил с низкого старта, бросился по коридору, пробежал через холл, распахнул дверь прихожей…

На полу — кучка снежного песка. Жаров открыл наружную дверь: в лицо ударила пурга. Он попытался преодолеть снежный вихрь, но его отбросило назад, он упал, снег, казалось, хотел похоронить его заживо, и сам снег был будто бы существом одушевленным, белым каким-то существом, яростно заталкивающим его обратно в прихожую. По другую сторону двери он увидел Ивана. Тот лежал, уже почти полностью засыпанный, снег таял на его затылке, поскольку из затылка хлестала артериальная кровь.

Одни

Жаров перетащил труп волоком по полу, затем уложил на диване в гостиной. Укрыл его лицо пледом, висевшем на спинке кресла. В комнату для гостей он ввалился весь мокрый, разделся до нижнего белья, заткнул свитер и джинсы за радиатор отопления. Пилипенко молча наблюдал за ним, казалось, зная все, что произошло. Он сидел на кровати, опершись на ее деревянную спинку, подтянув зацементированную ногу. Выслушал рассказ Жарова, не перебивая, затем спросил:

— Ты уверен? Там не могло быть кого-то еще?

— Нет. Я рассмотрел ситуацию, насколько это было возможно. Иван ринулся навстречу снегу, потерял равновесие, упал и ударился виском о чугунную ступеньку. Прямо об завиток кованой резьбы.

— Что ж, наконец, это и на самом деле — несчастный случай.

— Меня самого сшибло с ног пургой. Что-то невообразимое творится с погодой. Никогда такого не было.

Пилипенко взял с тумбочки и рассмотрел книгу Агаты Кристи, полистал. В задумчивости поднял голову.

— Глобальное потепление. Глубокая ночь. Давай-ка просто ляжем спать. Утро вечера мудренее. Если в доме и есть кто-то еще, то он должен дать знать о себе.

Жаров запер и забаррикадировал дверь, придвинув к ней тяжелое кресло и стол. Если кто-то захочет войти сюда, то грохот разбудит их. Они и вправду вскоре уснули, а грохот и вправду раздался среди ночи. Жаров вскочил. Баррикада была цела. Эхо далекого звука все еще бродило где-то по коридорам коттеджа.

— Вот он и отметился, — спокойно сказал Пилипенко.

Жаров отодвинул свою импровизированную баррикаду.

— Сейчас я его поймаю, — сказал он с наигранной радостью в голосе.

— Особенно, если он вооружен, — угрюмо отозвался Пилипенко.

Жаров схватил со стола чугунный подсвечник и вышел в коридор. Теперь весь коттедж был погружен в мертвую тишину, как это и должно быть в двухэтажном здании, где покоились пять трупов и один полуживой следователь. Однако кто-то или что-то разбудило их, причем, с таким мощным структурным шумом, что стены этого дома содрогнулись. Жаров отметил, что совсем не испытывает страха, ни физического, ни мистического. Храбрец, видишь ли… Между тем, через несколько минут тебя могут убить.

Он стал медленно продвигаться вдоль стены, сжимая в руке свое жалкое оружие. В любом случае, лучше идти навстречу опасности, чтобы узнать хотя бы, в чем она заключается.

Он осторожно выглянул из-за угла коридора в гостиную. Тело Ивана лежало в том же положении, в каком он его оставил. Жаров прошел по коридору обратно, отворил дверь комнаты Аркадия и там также увидел неподвижное мертвое тело. Дальше была комната доктора. Он представлял, что увидит его там, таким же, как и несколько часов назад, но зрелище превзошло всякие ожидания. Поначалу он даже не понял, что именно видят его глаза — настолько нелепой и фантастичной была эта картина.

Тело доктора лежало на кровати, но все оно было белым, да и сама кровать, и пол вокруг — также были обсыпаны какой-то пудрой, которая кое-где собралась в кучки… Жаров вспомнил странный снег в прихожей. Нет, не то… Он не сразу понял, что обломки, похожие на ломти халвы, — это фрагменты потолка, который обвалился прямо на кровать доктора и изуродовал его труп. Это и был тот самый грохот, который разбудил их. Вот почему комната доктора выглядела ниже, чем другие: часть ее объема занимал убийца — немыслимый, непостижимый, безмозглый, на несколько часов опоздавший со своим покушением… Одно было ясно вполне: здесь нет никого живого, каменный коттедж пуст, безжизнен, но сила, убивающая здесь, существует.

Безжизненный, но живой

Жаров сидел на стуле посреди комнаты. Пилипенко посасывал пустую сигарету. Он уже не лежал, привыкнув к своему новому положению, а сидел на кровати, спустив на пол каменную ногу.

— Доктор умер дважды, — сказал он. — Не думаю, что потолок в его комнате обвалился сам по себе. Однако оба покушения не соответствуют плану.

— «Доктор — яд», — процитировал Жаров. — Вроде, вертится какая-то мысль, но зацепить не могу.

— У меня их целая туча вертится. И ни одной на отлично. Так, троечки. Пять человек умерли насильственной смертью прямо перед носом у следователя. Пуаро отдыхает.

Пилипенко задумчиво посмотрел на книгу Агаты Кристи, лежащую на тумбочке.

— С одной стороны, существует некий странный план убийств, — продолжал он. По этому плану совершено только одно — «Аркадий — душ». Этот душ был установлен в комнате Аркадия, и рассчитан именно на него. В комнате доктора на его кровать обвалился потолок.

— И этот случай не совпадает с планом.

— Такое ощущение, что планов на самом деле было два, и они вошли в конфликт, — сказал Пилипенко.

Он встал, неуклюже сделал несколько шагов, волоча прямую ногу на шине, взял с тумбочки книгу. Проговорил, покачивая книгой на вытянутой руке:

— Помню, в восьмом, что ли классе, русичка застала тебя за чтением на уроке.

— Ну и что? — отозвался Жаров. — Я ж все время читал. Читать на уроке программные произведения не возбранялось. Я и заворачивал книгу в бумагу, и писал на ней «Герой нашего времени». А книга-то была другая.

— «Лолита» какая-нибудь. Я не о том. Русичка, как сейчас вижу, взяла твою книгу вот так и наугад раскрыла. Ей хотелось посмотреть, над чем ты так хохотал.

— Не помню.

— Зато я помню. Я тогда на всю жизнь усвоил этот прием.

Пилипенко вдруг резко раскрыл книгу.

— Она должна раскрыться точно в том месте, где Катерина ее закрыла в последний раз. Ну вот. «Десять негритят». Здесь три романа. «Восточный экспресс» явно читан. «Эндхауз» не тронут». А «Негритята» до середины. «Десять негритят решили пообедать. Один вдруг поперхнулся, и их осталось девять…» Вот это да!

Пилипенко резко обернулся, посмотрел на картину, висящую на стене.

— Узнаю этот взгляд, — мрачно проговорил Жаров. — Тебя осенила какая-то бредовая мысль.

— Точно. Ведь эта комната предназначалась для директора и его шофера. Здесь «Охотники на привале» Перова. Ты случайно не помнишь, висят ли в других комнатах картины?

— Висят. Я сразу обратил внимание. В каждой комнате по картине.

— Все разные, все из классики, хорошо знакомые каждому школьнику?

— Ну да. «Гибель Помпеи», например.

— «Гибель Помпеи», часом, не у доктора?

— У доктора. Но откуда ты?..

Пилипенко щелкнул пальцами.

— Я все-таки поймал ее за кончик хвоста.

— Кого?

— Мысль. Думаю, что я уже могу идти, раз сумел встать с постели. Доктор наложил на меня хороший камень, и я теперь сам, как житель Помпеи.

Он хлопнул себя по цементированной ноге.

— Куда ты собрался идти?

— Я хочу осмотреть этот дом своими глазами. Возможно, от твоего внимания ускользнуло что-то важное.

— Что ж, два глаза хорошо, а четыре лучше.

— Шесть глаз! — воскликнул следователь и поправил очки.

Пилипенко осторожно ступал своей каменной ногой, опираясь на плечо друга. В гостиной они остановились у дивана, на котором лежал мертвый Иван. Пилипенко мельком глянул на труп. Они двинулись дальше. Когда Жаров открыл дверь одной из комнат, Пилипенко схватил его за рукав:

— Стой, не говори, чья это комната! Попытаюсь угадать.

Он осмотрелся с порога. Сказал:

— С некоторых пор меня интересует исключительно живопись. Это классик советского ренессанса, Тихомир Груздьев. Картина называется «Смерть комиссара». В комнате, скорее всего, жил Аркадий, погибший от воды.

Холст изображал революционного матроса с камнем на шее, он стоял на обрыве, за ним теснились лица нарочито злых белогвардейцев.

— Доктора должно было завалить камнем… — задумчиво проговорил Жаров. — «Гибель Помпеи»! Ты хочешь сказать, что по одному из планов картины изображают смерть того или иного человека? Мне приходила такая мысль, но я отмел ее как идиотскую.

— В том и беда твоя. Мечешься между мистикой и идиотизмом. Я же порой приветствую собственный идиотизм — пусть плачет по мне Симферопольская психушка… Смотри! Тут всё как в романе Агаты Кристи. Там была детская считалочка, здесь — гораздо изощреннее. Что за шедевры у женщин наверху? Мне по лестнице как-то не очень.

— У Натальи — «Смерть Сократа» Жак Луи Давида, что совпадает. Сократ как раз и был отравлен. У Катерины — «Жанна Дарк».

— Та самая картина, где девушку сжигают на костре. Комната Ивана за стеной?

— Да. Там тоже какая-то работа, но я не помню.

На стене комнаты они увидели картину, где была изображена толстая металлическая статуя со страшным лицом. Двое людей в средневековых одеждах вели к ней жалкого голого узника.

— Это «Железная дева» Брейгеля. В такую статую засовывали приговоренного к смертной казни, и статуя сама перемалывала его в фарш.

— Кажется, я понимаю, что это значит, — сказал Жаров. — Ужас какой-то! Вчера я зашел в тренажерный зал. Хотел позаниматься, но тренажер показался каким-то странным: я такого никогда не видел. Не совсем понял, как им пользоваться и оставил эту затею.

— Ну, ковыляем туда.

По пути Пилипенко вдруг остановился, потянул Жарова.

— Куда ты меня тащишь?

— В цокольный этаж.

— Но лестница же там! — следователь махнул рукой в противоположную сторону.

— Дезориентация, — усмехнулся Жаров. — Такое бывает с покалеченными.

Пилипенко недоверчиво огляделся, прислушиваясь к шуму пурги… В тренажерном зале они остановились перед неким механизмом с рычагами и грузами.

— Позаниматься он хотел, — ворчливо заметил следователь. — Это и есть железная дева. Смотри: как только ты двинешь рычаг, все эти грузы упадут прямо тебе на голову.

— Только одному человеку пришло бы в голову качаться в этом доме.

— Ивану. Но он сюда дойти не успел.

— Этот дом и есть убийца! — воскликнул Жаров.

— Вот-вот, — подтвердил Пилипенко, но безо всяких эмоций в голосе. — Давай и рассмотрим его именно с такой точки зрения. Неодушевленный, безжизненный и живой.

Они зашли в просторное помещение, которое было то ли складом, то ли мастерской. Здесь стояли лопаты, широкие веерные грабли, прочие инструменты. На полках выстроились банки с красками. Некий небольшой механизм непонятного назначения стоял в дальнем углу.

— Похоже на электрический генератор, — сказал Жаров. — Еще один, запасной?

Пилипенко сделал предостерегающий жест ладонью.

— Нет. Это взрывное устройство. Ты забыл, что я в армии сапером был?

Он сделал движение, будто собирается присесть на корточки, но вспомнил, что с ногой этого не выйдет. Наклонился над предметом. Проговорил:

— Это работает довольно хитро. С виду — часовой механизм. Но смотри: вот этот зеленый проводок идет не туда, куда должен бы. Тот, кто попытается завести часовой механизм, будет разорван на куски немедленно. Вместе со всем домом.

— Но ведь никого не осталось в живых!

— Вот почему первый убийца не удосужился стереть отпечатки с бокалов. Он был уверен, что дом полностью сгорит, и никаких следов не остается. Правда он не знал, что в этом огне погибнет и сам. И вот почему в одной из комнат наверху — Жанна Дарк. Но главное — это Агата Кристи.

— При чем тут она?

— Десять негритят. Книга и натолкнула убийцу на этот трюк. Придется, братишка, тебе все-таки затащить меня наверх.

Это удалось с трудом. На лестнице Пилипенко переставлял ногу обеими руками, далеко отведя ее в сторону, как балерина.

— Дезориентация… — пробурчал он себе под нос.

В комнате, где лежал, укрытый покрывалом, труп Катерины, на стене висела картина, изображающая казнь Жанны Дарк.

— Орлеанская дева, — сказал Пилипенко. — Вот кто должен был сгореть в финале трагедии.

Он сделал несколько неуклюжих шагов, ковыляя, подошел к кровати. Вдруг сорвал с трупа покрывало.

— Ты что делаешь, черт! — воскликнул Жаров.

— Смотри, какая красавица, — проговорил следователь. — И прям как живая.

Лицо девушки было милым, приятным, ничуть не похожим на лицо трупа. Жаров был поражен: ресницы Катерины слегка подергивались…

— Да она просто спит!

— Если бы! — сказал следователь. — Вставай, вставай, девушка. Нам есть, о чем поговорить.

Катерина открыла глаза.

Спящая красавица

Девушка сидела за столом, Пилипенко и Жаров — напротив, что напоминало кабинетную атмосферу допроса.

— Итак, — начал следователь, — ты договорилась с доктором, что он при всех засвидетельствует твою смерть. А после — проломила ему череп медной статуэткой. В этой книжке вычитала подобный ход?

Он кивнул на том Агаты Кристи. Катерина ответила, не поднимая головы:

— Да.

— Мертвой притворилась, как жук. Чем же тебе не угодил этот милейший человек, доктор Саша?

— У него сдали нервы. Он хотел все вам рассказать.

— А у тебя, значит, нервы не сдали?

— Нет. И перестаньте мне тыкать.

Пилипенко чуть подался вперед.

— Я никогда не обращаюсь на «вы» к убийцам. А ты, девушка, одна из самых хладнокровных и жесточайших убийц, каковых мне только довелось видеть. Теперь главный вопрос. Что хотел рассказать доктор?

Катерина помолчала, будто обдумывая ход. Сделала его, наконец:

— О том, что мы собирались наказать Виталия Константиновича. О том, как мы хотели это сделать. О том, что всё почему-то пошло не так, и кто-то стал убивать нас.

— Об этом я уже догадался.

— Но как? — не выдержал Жаров, забыв, что и он тоже — следователь.

— Все просто. Я предположил, что на этом листке совсем не то, что кажется.

Пилипенко взял со стола и снова бросил листок, найденный в комнате Натальи. Листок, покачиваясь, плавно опустился обратно. Жаров в который раз пробежал глазами строки:

…
Катерина — снотворное.
Аркадий — душ.
Иван — веревка.
Доктор — яд.
Наталья — приговор.

— Мы думали, что это план убийств, сказал Пилипенко. — Доктор должен был погибнуть от яда, Иван — задушен веревкой и так далее. На самом же деле это был не план нескольких убийств, а план подготовки одного. Все эти люди собрались здесь для того, чтобы покарать некоего человека. Доктор раздобудет яд, Иван — веревку, Наталья прочитает приговор.

— Опять, как у Агаты! — не выдержал Жаров.

— Именно. Ее роман «Восточный экспресс». Так я бы и назвал этот план. Двенадцать человек, словно присяжные заседатели, собрались в одном вагоне поезда, чтобы казнить мафиози, который смертельно обидел каждого из них. Я прав? — обратился он к Катерине.

Та подняла голову, ее глаза блеснули. Ответила с вызовом:

— Совершенно верно!

Она взяла в руки бумажку.

— Я видела этот листок. Он лежал на столе у Натальи. Это план совещания, где мы обсуждали детали.

— Что такого сделал ваш босс, что вы решили казнить его?

— Это была идея Натальи, его жены и вице-президента фирмы. Она убедила нас, что мы *должны* это сделать. Босс не платил нам зарплату несколько месяцев. Утверждал, что фирма терпит убытки. На самом деле, он присваивал деньги себе и собирался убежать за границу.

— Не один, конечно, а с любовницей.

— Да, со мной. Но Наталья нашла документы, а там было все ясно о его финансовых операциях. Она собрала тайное совещание и все высказала. По ее плану, после ликвидации босса, мы могли получить хорошие деньги. Продать фирму и разделить выручку на всех. Виталий Константинович умер бы якобы сам, во сне, и шестеро свидетелей подтвердили бы это. Доктор нашел какой-то особый яд, имитирующий сердечный приступ. На самом деле, я должна была провести ночь в комнате босса и незаметно усыпить его. Иван должен был позаботиться о веревке, принести веревку и связать жертву, привязать босса к кровати. Доктор приносит яд. Мы будим связанного босса. Наталья читает приговор. Доктор делает ему укол.

— А что означает Аркадий — душ?

— Он должен был изолировать Гошу, охранника. Вся операция как раз с того и начиналась, что Аркадий и Гоша шли в тренажерный зал. Аркадий запирает Гошу в душе. В итоге Гоша получал такую же долю, что и все остальные, и вряд ли он побрезговал бы подношением. Но на какое-то время он оказывался вне игры. Вот и выбрали — душ. Как я понимаю, как раз это и натолкнуло босса на мысль устроить Аркадию западню именно в душе.

— Но ты все рассказала боссу, ведь так?

— Да. Я долго колебалась, мучилась, не знала, как поступить. То ли согласиться на деньги, которые сулила Наталья, то ли умотать за границу со стариком. В конце концов, выбрала второе — ведь у старика денег больше, да и дело казалось верным.

— Разумная девушка.

— Виталий Константинович долго смеялся, — продолжала Катерина. — А потом сказал что-то загадочное. Я тогда не поняла. Он сказал: они хотят сыграть со мной в восточный экспресс, а я сыграю с ними в десять негритят. Я вспомнила, что вроде есть такой фильм — «Десять негритят».

— Между прочим, в Ялте снимали, — сказал Жаров. — Нарядили Ласточкино гнездо в какой-то мрачный замок. Мы тогда бегали смотреть с будущим великим сыщиком.

Жаров весело глянул на Пилипенку, тот сделал в его сторону уминающий жест ладонью: дескать, не время для воспоминаний. Спросил Катерину:

— Ты купила книгу, прочитала и все поняла?

— Не сразу. Босс оставил мне конверт и попросил вскрыть его на экстренный случай. Этот случай, как раз и произошел: началась пурга, и он не смог сюда добраться. Я прочитала письмо. Там было сказано, чтобы я сделала все, что требуется, и не мешала событиям, которые будут происходить сами по себе, а когда все закончится, привела бы в действие взрывное устройство и покинула коттедж.

— Значит, в твою задачу входило отравить Наталью и больше ничего?

— Да, представьте. Но я читала книгу дальше. И внезапно поняла, что он убьет всех, в том числе — и меня. Я догадалась, увидев эти картины. Я подумала, что если я сама притворюсь мертвой, то останусь в живых. Затем как-нибудь выберусь отсюда. Иногда мне казалось, что они с Гошей уже давно здесь, прячутся где-то рядом. Я все время слышала какой-то странный звук, будто где-то стоит машина, и ее мотор работает…

— Ты тоже слышала? — спросил Пилипенко, глянув на Жарова. — Я-то не большой спец по части звуков: в армии миной оглушило.

— Особенно, когда часами лежала в комнате одна… Будто кто-то сидит в машине, гоняет мотор, чтобы согреться. Я думала, что это они — Виталий Константинович и Гоша.

— Охотники на привале, — заметил Жаров. — Ведь эта комната предназначалась для них.

— Скорее, виртуальные охотники, — сказал Пилипенко. — Поскольку их здесь не было. И не должно было быть.

— Как не должно? — удивилась Катерина. — Думаю, они на самом деле приехали, но притворились, что им помешала пурга.

— Все упирается в эту пургу, — задумчиво проговорил Пилипенко. — И телефоны не работают, будто бы подыгрывая пурге… Как тебе удалось уговорить доктора ввести всех нас в заблуждение?

— Он был влюблен в меня, я знала. Иногда даже предлагал мне деньги, довольно большие, между прочим. И я уговорила его. Я сказала, что очень боюсь, что сама стану следующей жертвой. Я обещала ему, что приду к нему ночью. Ну, и… Пришла.

— Ты не собиралась взрывать коттедж?

— Нет. Я поняла, что это западня. Потому что у меня на стене — девушка, которую сжигают.

— Это верно, — сказал следователь. — Ты умная, очень.

Пилипенко какое-то время выжидательно смотрел на нее. Катерина ответила на его немой вопрос:

— Я вам все рассказала.

Следователь отвернулся, пожав плечами.

— Все так все.

Он посмотрел в окно, где по-прежнему стояла белесая снежная круговерть. Вдруг встрепенулся, вытянул шею, будто бы что-то увидел за окном. Воскликнул:

— Это невероятно! Да это просто…

Жаров с тревогой вглядывался в окно. За стеклом не было видно ничего, кроме белой метели, методично осыпающей стекло. Пилипенко повернулся к Катерине.

— А откуда ветер дует, а? Почему ты об этом так и не рассказала?

Девушка беспомощно оглянулась на Жарова.

— Я не понимаю…

— Впрочем, она и вправду может этого не знать. Откуда дует ветер, а? — повторил он, обращаясь уже к Жарову.

Жаров удивлением посмотрел на друга, совершенно не понимая, что он имеет в виду.

— Тебе не кажется странным, что уже четверо суток напролет снег валит на этот дом со всех сторон?

— Ну, разгулялось… Что ж тут странного?

— Я же ясно выразился: со всех сторон! И в угловой комнате та же картина, и на лестнице, и на восточной стороне дома… Меня это с толку сбивало, когда мы с тобой тут прогуливались. Я думал, что стороны света путаю. Дезориентация…

Жаров нахмурился.

— Что же это получается? — проговорил он, — Будто бы дом стоит в самом центре урагана? Но так не бывает!

— Бывает. Преимущественно, в двадцать первом веке. Одевайтесь оба, поможете мне идти. Идти придется недолго…

Дверь из ада

Катерина поначалу сопротивлялась, но Жаров чуть ли не силой впихнул ее в норковую шубку. Девушка поводила плечами, причитая:

— Я не пойду в эту пургу!

Жаров усадил ее на стул и помог одеться раненому Пилипенке.

— Пойдешь, — зловеще прошипел тот. — Идти-то всего несколько шагов. Держимся друг за друга, танцуем лезгинку, как грузины в горной реке. Потом позвоним и вызовем машину.

— Но ведь телефоны не работают!

— Ничего, сейчас заработают, — продолжал следователь тем же шипящим тоном. — Все это время нам просто-напросто морочили голову. Устраивали виртуальную реальность. Четыре дня мы жили, будто внутри театральной декорации.

Спустя несколько минут трое уже шли хороводом, крепко сцепившись под руки, будто и впрямь исполняя танец быстрой реки.

В белой мгле проглядывало солнце. Казалось, что с каждым метром продвижения оно становится все ярче… Жаров не верил своим глазам: перед ним было какое-то новое, доселе не виданное природное явление. Его мысли вновь качнулись в сторону аномалий, инопланетян…

Внезапно пурга закончилась, как бы оборвавшись. Все трое будто бы вышли из плотного снежного занавеса.

Они стояли на снегу, который ярко блестел от солнца, и видели перед собой стремительный снежный поток. Жаров морщился, не понимая его происхождения. Пилипенко весело оглянулся.

— А вот и твой космический аппарат.

Жаров поднял голову. Во-первых, он увидел аварийный снегоход, а над ним — на телескопически выдвинутой опоре — короткую толстую трубу, из которой валил сплошной белый поток.

— Снежная пушка, — прокомментировал следователь. — Такими наваливают снег на горнолыжные трассы. Это и есть источник странного звука, который беспокоил людей с особенно тонким слухом.

— Об эту пушку мы и стукнулись на снегоходе, — сказал Жаров. — Я никогда не видел, как она выглядит, да и темно было.

— Я-то знаю, как выглядит эта штуковина, но мне, с моей ногой, было не до того, чтобы смотреть по сторонам. Пушки заработали по таймеру. Как и многие другие приспособления в этом доме-убийце. Вот почему тогда погас свет. Падение напряжения при включении пушек. Как в романах Агаты Кристи — полная изоляция. Все, кто был внутри, думали, что не могут выйти отсюда. Впрочем, один смельчак попытался со страху…

Отойдя на приличное расстояние от дома, они остановились. Картина, открывавшаяся отсюда, была фантастической и страшной. Коттедж отсюда казался маленькой белой коробкой. По периметру дома были установлены четыре снежные пушки. Четыре коротких толстых трубы окружали дом почти правильным ромбом. Они изрыгали потоки снега, методично обдувая стены дома, обволакивая его мутным подвижным облаком. Меж тем вокруг раскинулась спокойная солнечная яйла, укрытая искристым снежным одеялом, вдали поблескивала призма канатной дороги и башня сотового ретранслятора, а глубоко внизу стеной стояло серое гладкое море.

Пилипенко достал мобильник. Воскликнул:

— Ого! Тут уже появилась одна клеточка.

Он оперся о плечи Жарова и Катерины, все трое сделали еще несколько шагов по неглубокому снегу. Пилипенко вновь глянул на свой мобильник.

— Вот и еще одна. Я давно догадался, что какая-то глушилка блокирует связь только в доме и рядом с ним. Но предположить, что здесь установлены снежные пушки, могло только самое больное воображение, которое как раз и разыгралось у меня после всех этих убийств.

— Честное слово, я не знала! — воскликнула Катерина.

Пилипенко махнул рукой, потыкал в кнопки своего телефона.

— Да не имеет значения, знала ты или нет, — почти миролюбиво сказал он.

Вниз, домой

По серпантину трассы мчался милицейский «Уазик». Вел лейтенант Клюев. Пилипенко сидел на боковом сидении, бережно устроив свою ногу вдоль. На двух других расположились Катерина и Жаров.

— Думаю, опера все же нашли способ вырубить эти снежные пушки, — сказал Клюев.

— Как я и посоветовал — просто перережут провода, — сказал Пилипенко. — В коттедже им теперь дел до утра.

— А как эти штуки работают? — спросил Клюев.

— Элементарно. Из артезианской скважины подается вода, смешивается с воздухом и под высоким давлением выбрасывается в морозное небо, от чего и образуется искусственный снег. Это, скорее, даже не снег, а мелкое ледяное крошево.

Жаров сказал:

— Вот почему он показался мне таким странным. Выходит, что пушка просто-напросто выдает поток снега, пока есть вода и электричество.

— Пока не кончится зима, — добавил Пилипенко.

— Наверное, ты надеялся, что инопланетяне проводят здесь какой-то эксперимент, — сказал Клюев.

Жаров махнул рукой.

— То, что мы и на сей раз не встретили инопланетян, вовсе не доказательство, что их вовсе не существует.

— Не доказательство, — отозвался Клюев.

— Одно меня мучит, — сказал Жаров, — хотя мы, вроде бы, всё уже поняли. Где же эти двое, Виталий Константинович и его секьюрити, которых ждали, но так и не дождались в особняке?

— Тебя это и вправду мучит? — ухмыльнулся Клюев.

— Мучит. И его тоже.

Пилипенко указал на Жарова, затем — на Катерину.

— И ее, думаю, больше, чем нас обоих…

Клюев коротко обернулся на девушку, задумчиво теребящую локон, но быстро отвернулся, вперившись в серпантин тяжелой трассы. По всему было видно, что он хочет что-то сказать, но прикидывает, уместно ли это здесь и теперь.

— Ладно, — наконец, сказал он. — Три дня назад в аэропорту Борисполя задержали этого самого Виталия Константиновича. Пытался улететь в Сингапур.

Катерина вскрикнула, высоко подняв голову, отчего стала ясно видна ее красивая длинная шея.

Клюев остановил машину. Жаров обнял девушку, уже бьющуюся в истерике. Клюев недоуменно посмотрел на них обоих.

— А что я такого сказал?

— Не бери в голову, — сказал Пилипенко. — Ты просто поставил последнюю жирную точку в этой истории.

На обложке:
памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: пластиковый Санта-Клаус в турецком курортном городе Демре.

Сергей Саканский

Санта-Клаус и другие

1

Дежурство в новогоднюю ночь — не самый лучший способ провести время. Так считал лейтенант Клюев, и он был, разумеется, прав.

— Я с детства подозревал, что ты псих, — сказал он Жарову, когда тот утвердился рядом с ним на переднем сиденье патрульной машины. — Я-то свой Новый год в лотерею выиграл, а ты к чему подвизался?

— Да так… — пробормотал Жаров. — Просто вдруг оказалось, что пойти некуда.

Разве можно объяснить Клюеву, который получил свое праздничное дежурство в результате обычного в подобных случаях жребия, что именно так он и мечтал встретить какой-нибудь Новый год? Не тривиально, не в тесном дружеском кругу — с телевизором, шампанским, лохматой крымской сосенкой, что подавляющее большинство ялтинцев возжигает из-за недостатка средств на привозную елку. Не под речь Президента и бой часов на Майдане, а где-нибудь в поезде, в самолете, в палатке высоко в горах или вот, как сейчас, — в милицейском «жигуленке».

Предполагались обычные для праздников случаи криминала, раскрываемые, как правило, по горячим следам, и Жаров уже утром смог бы добавить материала в хронику текущего номера своей газеты, для чего специально оставил полполосы пустой. Но того, что на самом деле произошло в эту ночь, да и в последующие несколько дней, он ожидать, конечно, не мог.

Они ехали по Садовой, Жаров только что сверил свой «Роллекс» с циферблатом Часовой башни, лишний раз убедившись в том, что башня врет. До Нового года оставалось пятьдесят минут. Тут и прозвучал этот вызов. Труп обнаружили в подъезде многоэтажного дома на Таврической. Не пьяная драка, не алкогольное отравление: просто труп мужчины, к тому же — одетого в костюм Санта-Клауса.

Клюев развернул машину и бросил ее обратно по пустынной улице, мерцающей новогодними гирляндами — ни для кого в этот особый час.

— Пилипенко собирался праздновать дома, в одиночестве, — сказал Жаров. — Говорил, хочет хоть раз в году отдохнуть от компании.

— Думаю, за ним уже выслали машину, — буркнул Клюев.

— А Минин, как всегда, в кругу семьи, — продолжал Жаров.

— И его привезут, как же без эксперта? — Клюев даже не пытался скрыть злорадные нотки в голосе.

Приехали быстро. Люди, обнаружившие тело, толпились у подъезда дома — несколько соседей навеселе, только что из-за праздничного стола. Кто-то к кому-то поднимался в гости (лифт не работал) и наткнулся на убитого. Впрочем, увидев, что явление патрульной машины не представляет собой никакого интересного зрелища, жители вернулись к своим новогодним закускам.

Труп лежал вниз лицом, радом с батареей отопления, между третьим и четвертым этажами. Жители подъезда уже приложили к нему руки: Санта-Клауса пробовали привести в чувство, думая, что он просто-напросто пьян. Жаров не был силен в медицине, но сразу понял, что человеку свернули шею.

— У него нет мешка, — заметил Жаров.

— Да, — отозвался Клюев. — Трудно представить, что мешок с подарками может стать мотивом убийства.

— Или не с подарками… — неопределенно протянул Жаров. — Вдруг под видом Санта-Клауса скрывался наркодилер или еще кто… Который что-то такое носил.

— Ага, мешок с оружием, — съязвил Клюев. — Мафия, киллеры, Усама Бен-Ладен и прочее. Что он вообще делал здесь за час до Нового года? Разве они ходят так поздно? Надо бы узнать, из какой он фирмы и все такое… Вот я сейчас позвоню, пока едет бригада.

— Может быть, его убили где-то в другом месте?

— Нет. Лифт в этом доме не работает. Кому придет в голову тащить жмурика на третий этаж?

Клюев спустился вниз, оставив Жарова наедине с мертвецом. Из окна журналист видел, как лейтенант вышел на улицу и залез в машину, чтобы воспользоваться служебным телефоном. На лестнице пахло мандаринами. Из-за дверей доносился гул новогоднего веселья. Жаров почувствовал себя одиноким, решительным и злым.

Он нагнулся над убитым, едва удержавшись от того, чтобы перевернуть его и рассмотреть лицо. Слишком уж необычно выглядела его борода — волосок к волоску, даже и не заметно, что искусственная. Ухо, торчащее среди светлых волос, было бело-сизого, пельменного цвета. На спине полушубка ясно различалась синяя полоса, вроде как от цветного мелка.

Жаров осмотрел пол и лестницу. Ничего особенного, ничего примечательного. Что-то блестит на сгибе ступеньки… Жаров нагнулся. Металлический предмет, назначение которого не ясно. Стержень, раздваивается на конце. В эту вилку вставлено зубчатое колесико, наподобие какой-то странной многоконечной звезды. Раз, два, три… Двенадцать зубцов.

Жаров спрятал находку в карман. Может, имеет какое-то отношение к убийству, а может — и нет.

Вернулся Клюев. По его лицу было видно, что он разузнал нечто неожиданное.

— Понимаешь ли, — сказал он, — а ведь ни одна из трех городских фирм по новогодним услугам не посылала Санта-Клауса в этот дом.

Жаров пожал плечами.

— Он мог зайти сюда по своим делам…

— Дай договорить, — повысил голос Клюев. — Дело в том, что никакого пропавшего Санта-Клауса в этих фирмах не значится.

— Ну и что? Может быть, это какой-то частный Санта-Клаус.

Клюев нагнулся над трупом и вдруг перевернул его.

— Ерунда, — пояснил он. — Все равно его уже трогали.

Жаров продолжат размышлять вслух:

— Или это просто человек, нарядившийся по своему почину…

— Это не человек, — произнес Клюев, всматриваясь в лицо убитого.

Лейтенант распрямился. Он выглядел испуганным, что случалось с ним довольно редко. Нервно сглотнул, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и сказал:

— Он настоящий.

2

Приехала оперативная бригада во главе со следователем Пилипенко, совершенно трезвым. Эксперт Минин, поднятый из-за праздничного стола, был в меру выпивши. Еще один оперативник, взятый, между прочим, не из дома, а с дежурства в Управлении, был вдребезги пьян. Пилипенко повернулся и затолкал его обратно в машину: пусть лучше подремлет.

Поднимаясь по лестнице, следователь внимательно осматривался вокруг. Стены были исписаны всевозможными граффити. На площадке второго этажа Пилипенко остановился. Одна из надписей была смазана.

— Кто-то хотел стереть граффити, — сказал Жаров. — Зачем именно это, если другие не тронуты?

— Никто тут специально не стирал сию похабщину, — возразил Пилипенко. — Просто тут была борьба, человека ткнули в стену.

Жаров вспомнил синюю полосу на спине Санта-Клауса. Вероятно, борьба началась здесь, жертва убегала, убийца настиг ее этажом выше. Жаров нащупал в кармане предмет, который поднял наверху. Он достал его и протянул Пилипенко. Тот повертел железку в руке. Блестевшее и позвякивавшее меж пальцев следователя металлическое изделие казалось хорошо знакомым…

— Похоже, что это часть чего-то целого, — сказал Жаров, — чего здесь явно не хватает, да и конец обломан…

— Ну, разумеется, часть целого! — воскликнул Пилипенко. — К этому еще должен прилагаться сапог.

— Какой сапог?

— Обыкновенный. Целое — это сапог, а колесико — это шпора. Это шпора от сапога, бутафорская шпора. Есть шпоры в костюме Санта-Клауса?

— Они уже поднялись на площадку, где лежал труп. Пилипенко первым делом посмотрел на обувь. Санта-Клаус действительно был в невысоких красных сапожках, но никаких шпор не предусматривалось.

— Фантастика! — сказал следователь, бегло осмотрев труп. — Он на самом деле так выглядит. Это просто человек — никакого грима. Настоящая белая борода.

— Типичный альбинос, — подтвердил Минин.

— Не в этом дело. Посмотрите на его лицо. Это не просто лицо, а лицо именно Санта-Клауса, как его изображают. Кукольное, глупое, с пуговичным носом.

— Тупой такой, европейский, — вставил Жаров. — Наш-то дед Мороз мудрый. Символ совести и покаяния за годичные грехи…

— Возможно, о чем-то расскажет экспертиза его костюма, — сказал Минин. — Но я уже сейчас могу заметить, что это не обычные бутафорские тряпки. Довольно добротное пальтишко. Сшито не для того, чтобы врываться в квартиры и морочить головы детям, а действительно чтобы его носить.

Пилипенко в задумчивости покрутил ус.

— Тут, скорее, дело не в том, кто и почему его убил, — проговорил он, — а откуда он вообще взялся.

3

Совещание проходило в кабинете следователя. В углу на тумбочке беззвучно работал телевизор: служители правопорядка и журналист все же не желали пропустить момент перехода из одного года в другой. Шампанское и бокалы стояли на столе. Впрочем, бокалами трудно назвать разнокалиберные стаканы и чашки. Кто-то, наверное Минин, принес шоколадку, во всяком случае, именно он разломил ее на квадратики — каждому по кусочку. О такой новогодней обстановке Жаров не мог и мечтать.

— Какие будут идеи? — Пилипенко обвел присутствующих взглядом.

Жаров почувствовал себя школьником на уроке. Похоже, это ощущение разделяли и окружающие: трое из них на самом деле были когда-то одноклассниками, а один, Минин, учился в той же 5-й школе, только на несколько лет старше. Он поднял руку, желая выступить первым. Пилипенко кивнул.

— Мы имеем человека, не только одетого в костюм Санта-Клауса, но и похожего на него, — начал эксперт. — Пожалуй, всем совершенно ясно, что мотивы данного убийства связаны именно с происхождением жертвы. Это может быть, например, мелкий бизнесмен, имеющий свое частное дело. Однажды обнаружил в себе сходство и решил на нем заработать. Думаю, надо просмотреть всяческие объявления; возможно, среди них найдется такое, где предлагаются услуги «настоящего» Санта-Клауса за повышенную, по сравнению с фирменными, цену.

— Если это, конечно, не просто сумасшедший, — заметил Клюев, глядя в экран телевизора, где с новогодними поздравлениями уже начал выступать, немо шевеля губами, Президент страны.

Пилипенко вопросительно посмотрел на Жарова, предвкушая его реплику.

— Такие случаи мы рассматриваем в последнюю очередь, — сказал журналист. — Дело не в том, что метод расследования строится по законам классического детектива. Просто сумасшедших в мире гораздо меньше, чем это кажется некоторым.

— Или больше, — буркнул Клюев.

Президент тем временем продолжал свою беззвучную речь, все пуще распаляясь и даже немного размахивая руками.

— Кто следующий? — спросил Пилипенко.

Жаров поднял руку.

— Бизнесмен в этой истории действительно может играть роль, — прокашлявшись, произнес он, — но бизнесменом может быть не жертва, а некий другой человек, который этого Санта-Клауса нанял. Возможный убийца.

— Тоже, наверное, псих! — это вставил, разумеется, Клюев.

— В такой ситуации можно нащупать и мотив, — невозмутимо продолжал Жаров. — Допустим, некий чудаковатый бизнесмен нашел этого человека, чем-то напоминающего Санта-Клауса, соответственно его преобразил — предложил отрастить волосы, заказал ему одежду… В этом случае неплохо бы проверить все пошивочные ателье.

— Точно! — воскликнул Минин. — Его костюм сидит на удивление ладно. Явно сшитый на заказ, а не купленный в ширпотребе для маскарада.

Наконец на экране появились часы.

— Прервемся на минуту, — сказал Пилипенко, взял со стола пульт и ткнул им в сторону телевизора.

— Бой часов шел уже полным ходом, и никто не знал, стоит ли считать удары и сколько их осталось. Минин торопливо принялся открывать шампанское. Выстрела не прозвучало, и розлив прошел ювелирно: сразу чувствовалась рука мастера. По затянувшейся паузе все поняли, что удар часов был двенадцатым. Встали и выпили уже под звуки гимна. Поставив пустую чашку на стол, Пилипенко выключил телевизор.

— Какой же в этом случае может быть мотив? — спросил он Жарова, прожевывая свою долю шоколадки. — Неужто те жалкие деньги, которые наш чудаковатый бизнесмен заплатил этому Клаусу?

— При нем не нашли мешка, — напомнил Жаров, тоже с полным ртом. — И мы не знаем, что было в его мешке.

— Подарки, — пояснил Минин. — Только неизвестно, что за подарки и кому.

— Ладно, — согласился Пилипенко, закуривая свой «Пегас». — Есть еще версии? Ты последний, кто не высказался, — кивнул он Клюеву. — Или настаиваешь на том, что нам предстоит расследовать поступки каких-то психов?

— У меня, конечно, есть мнение, — сказал лейтенант. — Но ведь и ты еще не озвучил свое.

— У меня никакого мнения нет, — сухо ответил следователь.

— Ладно, — произнес Клюев с вызовом. — Мое мнение таково. Это просто-напросто настоящий Санта-Клаус, вот и все.

Никто не рассмеялся. Жаров понял, что каждый из сидящих в комнате вспомнил в этот момент искаженное ужасом лицо трупа, выпученные глаза, белые пельменные уши… И что-то жалкое, невообразимо несчастное в этом фантастическом лице.

Жаров, мистик по натуре, уже был готов поддержать своего старого приятеля, но вдруг сказал, продолжая давнюю пикировку:

— Что ж, теперь совершенно ясно, кто из нас сумасшедший.

— Врезать бы тебе, — миролюбиво произнес Клюев.

— Что было бы достойным завершением праздника, — прокомментировал Пилипенко.

— Ну что ж, — сказал Клюев, вставая, — мне пора обратно в машину. Пресса снова едет со мной?

— Вряд ли, — отозвался Жаров. — По теории вероятностей, в эту ночь не может быть новых убийств. Возьми себе другого напарника, хоть они все и выпивши.

И тут на столе следователя зазвонил телефон. Послушав смутное бурление в трубке, принадлежащее дежурному по отделу, Пилипенко обвел комнату тусклым взглядом.

— Теория вероятностей не всегда срабатывает, — наконец сказал он.

— Еще одно убийство! — воскликнули одновременно Жаров и Минин.

— Да. И почти такое же.

— Опять Санта-Клаус? — спросил Клюев.

— Нет. Но тоже, говорят, в каком-то маскарадном костюме. И недалеко от того дома на Таврической.

4

Труп лежал на тротуаре навзничь, изломанно раскинув руки. Лицо было искажено ужасом и предсмертной тоской — очень странное лицо…

На сей раз тело обнаружили люди, которые вышли на улицу, чтобы запустить новогодний фейерверк. Так же решили, что это пьяный, так же уже трогали.

Это был карлик — взрослый мужчина, но ростом с ребенка. Его костюм явно что-то означал, казался знакомым: широкие синие штаны, заправленные в старинного образца сапоги с отворотами, темно-красная жилетка с карманами…

— Это называется камзол, — сказал Минин, пощупав ткань жилетки.

— Накидка еще какая-то на плечах, — заметил Жаров.

— Не накидка, а плащ. Средние века. Кто же наш герой? — спросил Минин, всматриваясь в его лицо.

— А вот и шляпа! — воскликнул Клюев, крутившийся поодаль.

В его руках действительно была широкополая шляпа с длинным страусиным пером, которую он выудил из кустов.

Жаров увидел, что рука мертвеца сжимает какую-то рыжую бутафорию, похожую на пушистый хвост.

— Все ясно, — сказал Пилипенко. — Это Кот в сапогах.

И тут Жаров понял, чем его поразило лицо трупа — это была на самом деле кошачья морда. Нос почти отсутствовал — лишь маленькая пуговка. Типично кошачьи усы, не накладные, а особым образом сформированные, торчащие в стороны. Очень мохнатые брови, толстые округлые щеки — кот да и только. И, разумеется, костюм, типичный костюм сказочного персонажа.

Двое оперативников медленно перевернули тело.

— Если этот хвост настоящий, — сказал Клюев, — то меня и вправду надо будет отвезти в сумасшедший дом.

— Вскрытие покажет, — деловито заметил Минин.

— Покажет — что? — повысил голос Пилипенко. — Что это существо — на самом деле кот?

— Это человек, — сказал Минин. — Но человек, чрезвычайно похожий на кота.

— Постойте-ка! — встрепенулся Клюев. — Но ведь хвост у него в руке.

Пилипенко тяжело вздохнул. Было ясно, что ему еще не пришло ни одной мысли по поводу этих преступлений.

— Один хвост у него на месте, торчит из штанов, — сказал он. — А другой — в руке. Как две кепки у Ленина из старого анекдота. Ничего удивительного. Просто совсем ничего странного.

Следователь всегда чрезмерно нервничал, если чувствовал себя в тупике.

Фотографировали, обмеряли, никаких подозрительных предметов не нашли. Похоже, и это убийство было совершено голыми руками, только способ был иной: жертву не душили, не сворачивали ей шею. Просто несколько раз стукнули затылком об асфальт.

— Эти преступления не могут не быть связаны, — изрек Клюев.

— Оно, конечно, — буркнул Пилипенко, нагнувшись над телом. — А вот и прямое доказательство.

Он достал из кармана шпору, найденную Жаровым в подъезде.

— Точно такая же на его другом сапоге. Этот сказочный герой побывал в многоэтажке.

— Может быть, второй убил первого, а кто-то третий убил его? — предположил Жаров.

— Карлик вряд ли мог свернуть шею коренастому Санте. Что ж! Придется вызвать собаку, хоть и не хотелось бы отвлекать от новогоднего застолья и ее.

5

Ярцев привез Ральфу на удивление быстро. Покрутившись на месте преступления, собака ринулась вниз по Таврической, кинолог побежал за ней, но Пилипенко окликнул его:

— Стоп!

Ярцев замер, накрутив поводок на локоть, Ральфа заскребла лапами по земле.

— Это путь обратно, к дому, где убили Санту. Именно оттуда и прибежал Кот. Пусть поищет другой след.

Кинолог привел собаку обратно к трупу, производя сложные, одному ему понятные манипуляции с поводком. Вдруг Ральфа победно зарычала….

Она взяла след в глубины старых дворов, вверх, на Чайную горку. Пилипенко и Жаров побежали за кинологом и собакой, то озаряясь светом уличных ламп, то проваливаясь в темноту. В окнах помигивали новогодние сосенки да елки, под ноги попадались корки от цитрусовых… Сделав дугу среди детских площадок и гаражей, собака вдруг остановилась. Она повиливала хвостом, виновато поглядывая на кинолога снизу-вверх.

— Потеряла след? — удивился Пилипенко. — Быть того не может!

— Это точно! — отозвался Ярцев.

— Что ж сие значит?

Кинолог оглядывался по сторонам.

— Похоже, тот, кого она ищет, все еще где-то здесь…

Жаров вздрогнул. Неужели еще один труп?

И тут собака сориентировалась. Она подпрыгнула, тряхнув поводком, ее передние лапы заскребли по беленой стене небольшого гаража. Пилипенко поднял палец, но не так, как он это всегда делал, желая проиллюстрировать мысль, а просто указывая на крышу строения. Жаров представил себе, что там кто-то лежит, распластавшись на рубероиде, живой или мертвый…

Пилипенко выхватил пистолет и сделал предостерегающее движение ладонью в сторону Ярцева. Тот присел над собакой и приласкал ее, чтоб не шумела. Жаров объяснил знаками, что желает (он этого на самом деле не очень-то и желал) влезть на крышу гаража. Пилипенко пожал плечами: он не мог отдать официальный приказ гражданскому лицу. Так, они еще несколько раз обменялись знаками, вскидывая пальцы, будто играли «в жучка».

— Жаров поставил ногу на вентиль старого газового баллона, врытого у стены гаража, взялся за край крыши, медленно приподнял голову над ее плоскостью.

То, что он там увидел, действительно поначалу показалось растерзанным трупом. Но это было нечто другое. Жаров сделал выход силой и очутился на крыше.

В скользящем свете уличного фонаря поблескивало какое-то беспорядочно сваленное тряпье. Поскольку на крыше больше ничего не было, собака, вне всякого сомнения, указала именно на этот объект.

Розовое, в оборочках и складках платье. Широкая красная юбка, уже от другого костюма. Фрагменты металлических лат, похожих на рыцарские, но в чем-то все же другие…

Пилипенко также взобрался на крышу и разглядывал находку.

— Три человека: две женщины и мужчина, — констатировал он. — Поспешно разделись внизу, это видно по тому, что бретельки у платьев порваны. Зашвырнули свои маскарадные костюмы на крышу…

— Вот почему Ральфа потеряла след! — подал снизу голос Ярцев. — Они это сделали специально.

— Да уж, не случайно… Только вряд ли для того, чтобы сбить с толку твою собаку. — Пилипенко поднял фрагмент жестянки: это была рука. — Сдается мне, что трое уходили от кого-то в спешке, пытались изменить внешность, избавиться от своих костюмов.

— И что же? — спросил Жаров. — Дальше они побежали в нижнем белье?

— Выходит, что так, — следователь поднял какую-то красную тряпочку.

Жаров заметил на крыше знакомый предмет. Это была большая жестяная воронка: через такие в старом кино наливали в бидоны керосин…

— Я знаю, что это такое и чей это костюм, — воскликнул он. — Это не рыцарь. Это Железный Дровосек.

— И Красная Шапочка, — сказал Пилипенко, расправляя в ладонях характерную шляпку.

— Третья в розовом платье… — пробормотал Жаров. — Скорее всего, какая-нибудь Мальвина.,

— Если есть Мальвина, — сказал Пилипенко, — значит, будет и Буратино.

6

Когда вернулись на место преступления, увидели, что оперативники окружили какого-то пожилого человека: он выразительно жестикулировал, что-то возбуждено рассказывая…

Выяснилось, что примерно за час до Нового года он слышал выстрелы, которые доносились именно отсюда. Сначала не обратил внимания, думал — петарды, но все же сомнение взяло…

— Это уж совсем никуда не лезет! — сказал Пилипенко. — Убийство совершено голыми руками. Кто ж тут стрелял и в кого? Вы уверены, что и в самом деле не петарды?

— Выстрелы, — уверенно ответил старик. — Я, знаете ли, в армии служил, в Чехословакии воевал.

— Где-где? — удивился Жаров, но, поняв, о чем речь, решил не углубляться в эту тему.

— Может быть, здесь отстреливался Кот? — предположил Клюев.

— Куда ж тогда делось оружие? — съязвил Минин.

Действительно, площадка уже была осмотрена с той тщательностью, которую только мог позволить свет переносных фонарей и самой новогодней ночи.

— Пули не летят в никуда, — заметил Минин. — Когда рассветет, я вернусь и проверю возможные траектории.

— Здесь должен быть еще один след, — сказал до сих пор молчавший Пилипенко.

Все посмотрели на него.

— Жертва прибежала по Таврической снизу, — рассуждал он вслух. — Трое в маскарадных костюмах убегали наверх, в сторону улицы Достоевского, прятались от кого-то, даже переоделись. Значит, должен быть еще кто-то, угрожавший этим троим.

По распоряжению следователя кинолог повел, Ральфу кругами, постепенно раскручивая спираль поиска. Действительно, на третьем витке собака взяла новый след.

На сей раз запах повел ее вверх по склону, в район частного сектора, где среди старых халуп возвышались особняки, отстроенные уже во времена демократии. К одному из них и привел след: Ральфа остановилась.

— Так, — сказал Пилипенко, — вторгаемся в частное владение. — Он обернулся к Ярцеву: — Попридержи ее, здесь могут быть другие собаки, которые запросто загрызут нашу ищейку. Но сначала… — следователь обвел рукой окрестность, — давайте-ка осмотримся.

Это решение было принято не зря. Через несколько минут все трое остановились, глубоко пораженные зрелищем, которое открылось перед ними в небольшой лощинке, прямо напротив веранды внушительного особняка, где был устроен цветник.

Казалось, что чудовищная сила разорвала человека на части. Среди груды тряпья, сорванной одежды жертвы, валялись руки и ноги. Круглая голова, откатившись на значительное расстояние, лежала лицом вниз среди сухих хризантем. Пилипенко решительно подошел, нагнулся и подобрал ее, удивленно рассматривая на вытянутых руках.

— Третий труп в эту ночь был бы уже не трагедией, а фарсом, — проговорил следователь.

Ошеломленные зрители не сразу поняли, что перед ними вовсе не человек, а манекен или, точнее, разломанная кукла.

— Будто бы тут порезвился ребенок, который злобно расчленил свою игрушку… — произнес Жаров.

— Что ты сказал? Ребенок? — Пилипенко посмотрел на темную веранду особняка, нависающую над садом.

— Ребенок не обладает такой силой, — проговорил Ярцев.

— Во всяком случае, — заметил Пилипенко, — теперь нашелся и недостающий Буратино.

— Только это не человек, а кукла! — воскликнул Жаров.

— Ты уверен? В том, что природа этого создания иная, чем у всех остальных?

— Ты хочешь сказать… — заволновался Жаров. — Что и те двое тоже всего-навсего манекены?

— Что-то в этом роде. Люди-куклы. Настоящие люди, но все же… Этот-то явная имитация.

Буратино, в своем изначальном виде ростом с взрослого человека, был разломан на шесть кусков — круглая голова, туловище с торчащими шарнирами, ноги и руки. Жаров подобрал ногу, согнул ее и рассмотрел. Это не было просто деревяшкой. Внутри конечности скрывался какой-то механизм, болтались переплетенные провода.

— Робот! — воскликнул Жаров. — Похоже, он мог двигаться на этих шарнирах.

— Дорогая игрушка, — заметил Пилипенко, опять глянув в сторону особняка. — Думаю, самое время нанести визит хозяевам этой частной собственности.

7

На веранду особняка вела широкая лестница. Она раздваивалась, огибая огромную цветочную вазу, и снова соединялась перед самым входом.

Следователь отпустил кинолога, и Ярцев, держа Ральфу на коротком поводке, быстрым шагом засеменил по тропинке вниз.

— А мы с тобой попробуем взять штурмом эту крепость, — сказал Пилипенко Жарову.

Они поднялись по лестнице. Следователь нес голову Буратино, держа ее за нос. Дом был темен — по крайней мере, с этой стороны, но в узком окне справа от парадной двери стояло бледное мерцающее сияние…

— Там явно работает телевизор, — догадался Жаров.

— Причем черно-белый, — уточнил Пилипенко. — Все ясно. Это комната охраны. И бессонные стражи смотрят новогодний концерт.

Вход на веранду преграждала чугунная решетка. Следователь, ни секунды не колеблясь, перемахнул через нее, напомнив Жарову уроки физкультуры в школе. Широкая челюсть куклы клацнула в его руках.

Журналист последовал примеру своего бывшего одноклассника, взяв решетку «ножницами», правда, с непривычки чуть не шлепнулся на мраморный пол.

Отыскав кнопку звонка, Пилипенко надавил на нее. Узкое окно справа от двери немедленно вспыхнуло, явив широкоплечий силуэт. Дверь открылась, и на пороге действительно возник охранник виллы.

— Сегодня здесь никого не ждут, — угрюмо сообщил он.

Парень был коротко пострижен, под мышкой у него болталась кобура из светлой кожи. Пилипенко развернул свое удостоверение.

— По соседству произошло убийство, — сказал он, покачав перед носом охранника головой Буратино. — Я уполномочен опросить возможных свидетелей.

— Это частная собственность, — сказал охранник, бросив на оторванную голову равнодушный взгляд.

— Ну и что? Мы ж с вами не в Америке! — весело произнес Пилипенко.

Охранник смерил гостей хмурым взглядом, что-то про себя решил и отступил на шаг в глубь вестибюля.

— Проходите, — сказал он. — Сюда, в служебное помещение.

Это была небольшая комната, специально спроектированная для охраны особняка. Налево узкий топчан, вроде тех, что бывают в кабинете врача. Направо стол, на котором стояла аппаратура наблюдения — четыре маленьких экрана. Один из них был подключен к антенне телевизора, на нем дрожала монохромная картинка с новогодними гирляндами и пляшущими человечками в неглиже. Другие три показывали окрестности виллы. На столе стояла миниатюрная новогодняя елочка, початая бутылка водки и тарелка с неизменными мандаринами.

— Будете? — кивнул охранник на стол.

— Разумеется, — сказал Пилипенко. — Заодно и познакомимся.

Охранника звали Жора. Выпив рюмку за Новый год, Пилипенко бесцеремонно перешел с ним на «ты».

— Примерно за час до полуночи, — начал он, — неподалеку отсюда стреляли. Как профессионал, ты должен отличить выстрел от разрыва петарды.

— Ничего такого не слышал, — сказал Жора.

— Это у тебя вторая бутылка? — кивнул следователь.

— Ага. Ну и что?

— И все это время ты тут сидел и смотрел телевизор?

— Да. Не отлучался.

— А где хозяева?

— Хозяин. Он спит.

— В новогоднюю ночь?

— Это его дело.

— В доме есть еще кто-нибудь?

— Нет. Днем приходит повариха, она же уборщица. Горничная называется.

Жаров почувствовал, что охранник на мгновение смутился.

— Мы можем осмотреть дом? — спросил Пилипенко, который тоже был не менее наблюдательным.

— Нет. Будет ордер — пожалуйста.

— Вряд ли будет ордер — с чего бы это? — Пилипенко взглянул на экраны наблюдения. — Вот эта камера направлена с веранды вниз. Хорошо просматривается цветник прямо под верандой. И что?

— Что «что»? — не понял Жора.

— Что-нибудь происходило в этом цветнике последние часы?

— Нет. Ничего такого не заметил.

— А это что? — Пилипенко указал ладонью на голову Буратино, которую он пристроил у себя на коленях, когда усаживался за стол.

— Голова, — пожал плечами охранник.

— Ты никогда раньше не видел эту голову?

— Нет.

— Подумай хорошенько. Может быть, эта голова была частью чего-то целого, например гигантского Буратино?

— Не видел я никакого Буратино!

— Ладно, не кипятись. Что у тебя за система? — Пилипенко неожиданно сменил направление разговора, указав на кобуру охранника.

— «Макаров», не видишь, что ли?

— Надежный, но не модный. Давно ты из него стрелял?

Жора отвел глаза в сторону. Незначительное, едва заметное движение…

— Я тренируюсь. Держу себя в форме.

— Вот и я чую. Даже отсюда порохом тянет. И где ж ты тренируешься, Жора?

— В тире, где же еще?

— В каком тире? За Поляной сказок?

— Нет, на стадионе.

— И что, тридцать первого декабря тир работает?

— Нет.

— Тогда где ж ты тренировался?

— Какая разница?

— Большая. Неподалеку отсюда стреляли. Это связано с убийством. А если это стрелял ты?

— Ну, а если и стрелял? Могу я пострелять в мишень?

— Не очень-то и можешь. В специально не отведенном месте. Кстати, покажешь мне место, где ты устроил тир, и я от тебя отстану.

— Насовсем?

— Возможно.

— Мне нельзя покидать пост. Пойдете прямо после лестницы. Налево будет цветник. Направо, в продолжение распадка, где он расширяется вроде уже как в ущелье, там и висит моя мишень. Место глухое, пули никуда не улетят, — примирительно добавил Жора.

8

Доска была прибита к стволу магнолии — обыкновенная разделочная доска из бука. По ее кромке прилеплены свечные огарки. Пилипенко погладил доску ладонью.

— Что ж, — сказал Жаров. — Теперь, по крайней мере, мы знаем, кто стрелял.

— Знаем-то знаем, — задумчиво проговорил следователь. — Только вот одно непонятно: кто-то здесь разворошил куклу, а Жора этого не заметил. Хотя и стрелять сюда ходил, и на мониторчике у него весь распадок просматривается. Кроме того, он так смотрел на эту голову, — следователь шлепнул по голове Буратино, которая теперь висела у него на ремне, как трофей, — будто она ему хорошо знакома. И замялся, когда я расспрашивал его о жильцах дома… Что-то тут происходит. Забегая вперед, предположу, что этот Жора, возможно, и есть убийца.

— Только вот неясно, убийца — кого? И почему ты так уверен, что этот парень причастен к преступлениям?

— Чутье, интуиция. Вот послушай, как я поймал его на лжи. Когда я спросил его, знакома ли ему эта голова, он ответил «нет».

— Ну и что? — не понял Жаров.

— А должен был ответить «да». Ведь эта голова, — он похлопал Буратино по щеке, — голова того, которого все знают. Вот и получается, что парень соврал. Ума не приложу, что здесь вообще могло произойти. Есть у тебя какие-то соображения?

— Ни малейших, — пожал плечами Жаров. — Но можно подытожить информацию. Что мы имеем на текущий момент? Два странных трупа, одетых в сказочные костюмы. Еще три костюма, заброшенных на крышу гаража. Робота-Буратино, разломанного здесь, в цветнике. Вне всякого сомнения — это одна компания.

— Еще были выстрелы, — продолжил следователь. — И есть человек, который мог их произвести. Я уверен: что-то скрывается в глубине этого темного дома, — Пилипенко оглянулся на виллу. — Что-то довольно страшное. Что-то такое, что либо само может убивать, либо является причиной убийства.

Пилипенко помолчал. Снял с пояса голову Буратино и бережно положил ее на землю. Затем заправил штанины в голенища своих высоких ботинок.

— Что ты собираешься делать?

— Тебе советую сделать то же самое. Мы осмотрим дом. Придется лезть по стене. Штаны будут болтаться и мешать восхождению.

Жаров помедлил.

— Сколько я тебя помню, ты всегда соблюдал законность.

— В тех случаях, когда таковое возможно. Я все обдумал. Ни завтра, ни позже — никто не даст нам ордер на обыск. К этому нет никаких оснований, а хозяин, судя по всему, один из сильных мира сего. Выход у нас только один.

— А Жора с его мониторами?

— В том-то и дело. Мониторов четыре. Один подключен к телевизору. И нетрудно догадаться какой. Юго-восточный угол дома не просматривается.

— Он нас просто пристрелит.

— А если нет? — Пилипенко посмотрел на Жарова с преувеличенным изумлением, и тот понял, что спорить с ним бесполезно.

9

Дом был сложен из дикого ялтинского камня. Жаров хорошо умел лазить по таким стенам, состоящим из острых выступов и впадин. Предполагаемая мертвая зона — картинка, вместо

которой на мониторе охраны шел новогодний концерт, — представляла собой колоннаду, увитую молодой виноградной лозой, карниз, окно на втором этаже и маленький полукруглый балкон — на третьем.

Следователь первым начал взбираться по колонне, словно по стволу дерева. Жаров оседлал соседнюю колонну, и вскоре оба оказались на карнизе. Здесь их поджидало разочарование: створки окна заперты изнутри, фирменный стеклопакет не имеет никаких скоб или задвижек. Фрамуга окна сверху приоткрыта, но это ничего не дает…

— Ладно, — тихо сказал Пилипенко, — один шанс из трех исчерпан, двигаемся дальше.

— Жаров удивился, почему из трех, а не из двух — ведь выше был только балкон… который также оказался запертым. Жаров припал лицом к стеклянной двери, прикрываясь ладонями с боков, но не увидел ничего, кроме тускло блестевших в уличном свете паркетин и какого-то темного предмета, вероятно рояля, посередине комнаты.

— Третий шанс — крыша, — сказал следователь. — У такого дома должны быть мансардные окна.

Перелезть со стены на крышу было поистине цирковой задачей. В какой-то момент Жаров чуть было не выпустил из рук гребень водослива. Пришлось максимально напрячь мускулы и сделать переворот с махом ногой, опять вспомнив пресловутую школьную физкультуру.

Крыша особняка была обшита медью, что свидетельствовало о хорошем достатке хозяина. Ноги скользили по металлу, Жаров ясно представил полукружье балкона, каменные перила, о которые он непременно стукнется затылком, если слетит с крыши…

— Что это еще такое? — услышал он удивленный возглас следователя. — Похоже на… Ни на что не похоже!

Широко балансируя руками, Жаров подобрался к своему другу: тот стоял на гребне крыши, рассматривая некую скошенную колонну, которая возвышалась над медным покрытием сантиметров на восемьдесят. Жаров провел по срезу сооружения рукой — гладкая ячеистая поверхность с рисунком пчелиных сот.

— Похоже на солнечную батарею, ты хотел сказать?..

— Точно! — с иронией заметил Пилипенко. — Что-то научно-фантастическое. Солнечная батарея гораздо больше размером. Впрочем, где вам, гуманитариям, знать! Это устройство предназначено для каких-то иных целей… А вот и мансардное окно, причем приоткрытое.

Их было три на каждом скате крыши — наклонных окон вровень с медной кровлей. Одно из них слегка повернуто… Пилипенко нагнулся и осторожно открыл створку. Жаров заглянул внутрь: комната темна. Он посветил миниатюрным фонариком, неизменным атрибутом черной крымской зимы, и увидел, что прямо под окном расположен широкий диван.

— Что ж, — сказал Пилипенко. — По крайней мере, не придется снимать ботинки, чтобы прыгнуть внутрь.

10

Мансарда оказалась просторным помещением с наклонными стенами, похоже, приспособленным под танцевальный зал. Посередине возвышалась, загадочно и жутко мерцая игрушками, новогодняя елка — настоящая, пахнущая хвоей и смолой.

Луч фонарика отражался в разноцветных шарах и гирляндах. На полу лежал, будто подстреленный влет, бумажный попугай. У треугольной стены громоздился длинный стол, полный закусок, бутылок, антикварных ваз с фруктами и сладостями.

— Странно, — сказал Пилипенко, да Жаров и сам это заметил, — бокалы полны, тарелки тоже, но вряд ли кто-либо здесь притронулся к еде.

— Вообще, все это выглядит каким-то мертвым, — проговорил, поежившись, Жаров.

Казалось, тут ждали гостей, которые почему-то не пришли, будто бы само время остановилось и Новый год пришлось отменить.

У противоположной стены мансарды начиналась лестница, она вела вниз, в то помещение, которое выходило на полукруглый балкон. Друзья осторожно спустились. Здесь стоял рояль, у стены чернел прямоугольный зев камина, издали похожий на квадратный рот Щелкунчика. Какой-

то предмет на полу привлек внимание Жарова, он нагнулся, посветил фонариком. Это была большая серая тапочка.

— А где же вторая?

— В том-то и дело! — сказал Пилипенко. — Что-то произошло в этой комнате. Кто-то бежал, потерял тапочку. Какой-то здоровенный Золушка-мужчина.

Пилипенко взял тапочку и повертел ее в руках. Жаров заглянул через плечо друга. Что-то в этой тапочке было странное, будто нога, которая ее носила, была не совсем человеческой…

— Понятно, — сказал Пилипенко, отбросив тапочку. — Похоже, мы с тобой на верном пути, — он кивнул в сторону коридора, который был наконец освещен.

Вероятно, следователю эта серая тапочка рассказала гораздо больше, чем журналисту…

— Пусть мы и будем выглядеть как идиоты, — проговорил Пилипенко, — но, думаю, нам все же следует разуться.

Они вышли в коридор с высоким потолком и канделябрами — на стенах. Старинное зеркало в конце коридора показало кадр из какого-то хорошо знакомого фильма: двое взрослых мужчин шли, высоко поднимая ноги с собственными ботинками в руках. Предосторожность была, конечно, не лишней: за любой из этих стен могла быть спальня, где почивал хозяин дома.

Коридор разветвлялся, Пилипенко без колебания завернул налево.

— Что за черт! — выругался он, остановившись. — Я думал, что здесь будет дверь…

Они повернули обратно и вышли в длинную узкую комнату, снова темную, едва озаренную, как и мансарда, лишь бледным светом уличного фонаря. Хорошо, что в этом доме хоть в коридорах не выключали на ночь дежурные лампы…

Две двустворчатые двери вели дальше, Пилипенко вновь выбрал левое направление. Жаров понял: он хочет обойти дом против часовой стрелки, именно так, как они и начали свое путешествие. Но этого опять не получилось: коридор свернул направо.

Лестничная клетка — вверх и вниз. Спускаться на первый этаж, в объятия охранника, обоим не хотелось. Они поднялись на пролет и вновь попали в светлый коридор.

— Похоже, мы заблудились, — сказал Пилипенко. — Ну что ж, попробуем снова левую дверь.

Они оказались в довольно большом квадратном зале. Пространство зала мерцало: с потолка свисали новогодние гирлянды. На стенах темнели картины, содержание которых трудно было разобрать.

— Стоп! — громким шепотом сказал Пилипенко. — Смотри, еще одна какая-то сущность, вроде тех, умерщвленных.

Жаров обомлел. У стены стояла грузная фигура с округлыми формами, отбрасывая на стену длинноносую тень. В дрожащем уличном свете казалось, что фигура шевелится…

Жаров осветил куклу лучом фонарика, угольные глаза блеснули. Нос был действительно неправдоподобно длинный, острый и красный, на голове красовался странный головной убор в виде усеченного конуса. Жаров не сразу понял, кого изображает очередная кукла.

Это был классический снеговик — с морковкой вместо носа, ведром на голове и метлой в руке. Жарову показалось, что верхняя пуговица отличается от остальных, он бездумно прикоснулся к ней пальцем и нажал.

— Это кнопка, — сообщил он следователю.

— Ты хочешь ее нажать? Не советую.

— Да уже нажал, — с досадой произнес Жаров. — А что может произойти? — глупо спросил он, понимая, что совершил ошибку.

Раздалось едва слышное жужжание, будто внутри куклы заработал электродвигатель.

— Не знаю, — раздраженно ответил Пилипенко. — Мог быть какой-нибудь звук, сирена… Проснется хозяин, прибежит охранник. Придется его застрелить…

Но снеговик лишь медленно повернул головой туда-сюда, двинул метлой. Его стеклянные глаза осветились.

— Здравствуй, мой дорогой! — сказала кукла мелодичным ласковым голосом.

— Выключи его к черту! — воскликнул Пилипенко.

Снеговик вдруг приподнял свою метлу и три раза громко стукнул древком об пол. Жаров быстро нажал кнопку, глаза куклы потухли. В то же время где-то в глубине здания раздался звук торопливых шагов по лестнице.

Друзья бросились к первой попавшейся двери. Распахнув ее, Пилипенко не удержался от изумленного возгласа:

— Уж здесь-то я точно не ожидал оказаться!

Друзья с удивлением увидели ту же мансарду, откуда начали свое путешествие по этому зданию. Позади слышались все более громкие шаги: охранник уже находился в зале со снеговиком.

— Пойдем-ка отсюда тем же путем, — сказал Пилипенко.

Они выбрались на крышу и, стараясь не шуметь, спустились вниз.

— Теперь мы наверняка знаем, что убийства связаны с этим особняком, — объявил Жаров. — Иначе откуда бы тут взялся снеговик? Это все, чего мы тут добились, рискуя жизнью.

— Как сказать… — проговорил следователь. — Что-то явно ускользнуло от нашего внимания, но, как мне кажется, в этом как раз и кроется разгадка.

Жаров пожал плечами. В его голове ничего определенного не складывалось.

— Давай-ка заберем с собой куски этого Буратино, — сказал Пилипенко. — Как бы кто-нибудь не добрался до него раньше нас.

11

Позже, уже вернувшись в редакцию, чтобы провести там остаток ночи — на черном кожаном диване, под своей старой солдатской шинелью, — Жаров все думал и думал об этом странном доме, пока его размышления не прервал телефонный звонок друга. Тот также никак не мог успокоиться в новогоднюю ночь. Будто продолжая только что прерванный разговор, Пилипенко воскликнул:

— Такое ощущение, что в центре этого дома стоит огромная русская печь!

— Что ты мелешь? Какая еще печь?

— Вспомни, как мы шли. Тебе не показалось, что мы все время куда-то не туда попадали? Там, где ожидалась дверь, ее не было. Мы постоянно огибали что-то глобальное, находящееся внутри дома.

Жаров представил себе гигантскую русскую печь на скале, для виду обложенную какими-то коридорами и залами, каминами и балконами из мрамора и ялтинского камня, чтобы внешне все это выглядело как дом.

— Как ты это объясняешь? — спросил он.

— Пока не знаю, — сказал Пилипенко. — Все объяснения фантастические, а нормального просто нет.

Повесив трубку, Жаров откупорил бутылку виски из представительского фонда и залпом выпил полный стакан.

Он вспомнил странное устройство на крыше, и ему сделалось не по себе. Вдруг все стало связываться в одну общую картину: и таинственные существа, похожие на действие какой-то генной инженерии, и роботы…

Сила, построившая этот дом и совершившая кошмарную комедию в ближайших окрестностях, была явно неземной. И журналист ощутил… радость.

Наконец-то это случилось, и случилось именно с ним. И не кто иной, как он, поведает всему миру сенсацию, какой не было за всю историю человечества.

Разумеется, это космический корабль, маскирующийся под фешенебельный дворец…

Жаров налил себе еще немного виски и, запрокинув голову, немедленно выпил.

Пришельцы моделируют земноподобных существ, но им по ошибке попались не те образцы: Санта-Клаус и Кот в сапогах, Буратино и Снеговик, да мало ли еще кто? Две неудавшиеся особи были уничтожены. Сомнительный робот разрушен. Снеговик стоит где-то в темноте этого дома-корабля.

Только вот что произошло с остальными? Еще три каких-то существа, чьи костюмы они нашли на крыше гаража, бегают где-то по городу… Насколько они опасны и что нам несут?

Жаров налил себе еще стакан. Выпил. И вдруг будто вспышкой осветилась часть его сознания, до сих пор дремавшая. Архитектурный портал. Сайт о современном строительстве, который он

недавно изучал, готовя публикацию одного внештатника: тот доказывал, что в дымоходах старых зданий водится некое особое червеобразное существо…

Здание, которое они, словно альпинисты, покорили сегодня, было, наоборот, как раз довольно-таки новым. И нечто, похожее на дымоход, он уже видел на этом строительном портале.

Жаров включил компьютер, нервничая, пока тот разогревался, словно какая-то печь. Конечно, после такого количества спиртного загадочный дом показался ему искусственным спутником, стоящим на приколе, в то время как все было гораздо проще… Несколько минут журналист прыгал со страницы на страницу, пока наконец не нашел это устройство.

Именно такая скошенная колонна на крыше, немного другой формы, но с таким же ячеистым срезом. Судя по тексту под рисунком, это был всего лишь световод — узкий канал, проложенный внутри здания, который, изгибаясь под произвольным углом, мог проводить солнечные лучи в любую часть дома.

Это могло значить только одно: внутри виллы были тайные комнаты. Вот почему они и кружили по этому зданию, которое просто-напросто имело свою собственную архитектурную логику. Жарову стало немного грустно оттого, что логика эта оказалась вполне земной.

12

Мрачная тайна долго не давала Жарову заснуть, несмотря на все выпитое виски. Наконец ему удалось провалиться, да так крепко, что очухался он лишь к вечеру, но, почувствовав недвусмысленные похмельные шумы, похожие на рев отдаленного шторма, спрятал голову под шинель и снова исчез из реальности.

Снился кошмар. Вот он идет вдоль длинного забора, на котором развешаны какие-то тряпки. Присмотревшись, он замечает, что это вовсе не тряпки, а театральные костюмы. Вдруг ужас охватывает его — это даже и не костюмы, а маленькие мертвые гномы. С выпученными от ужаса глазами, длиннобородые, в седых волосах запеклась кровь. Жаров считает: раз, два, три… Точно — их ровно семь. Значит, где-то неподалеку должна быть Белоснежка. Эта мысль возбуждает Жарова во сне, он ищет девушку, раздвигает кусты… Что-то странное происходит в мире. Кто-то должен убить всех сказочных героев, чтобы дети больше не читали сказок. Это страшная, безмерно злобная сущность. Жаров просыпается в ужасе, потому что эта самая сущность стоит за его спиной. Нечто ужасное, с золотыми глазами, вернее, это не глаза, а дыры, а внутри существо пустое, оно сделано из горшечного камня, и горит внутри него адский огонь. Так и стоит, и смотрит на него, а в руке, в коричневой руке из обожженной глины дрожит, заливается колокольчик…

Он проснулся от телефонного звонка. Это был Пилипенко. Жаров посмотрел на часы: второе января, восемь утра. Он начал было излагать другу свои соображения насчет тайных комнат, но следователь перебил его:

— Я уже и сам догадался. Особо интересно здесь то, что дом намеренно строился, чтобы скрыть какие-то помещения внутри. Помнишь Сашку Пытьева, который после восьмого класса ушел?

— Ну да, в строительный техникум…

— Я ему позвонил. Он трудится в архитектурном управлении города, рассказал все, что знает. Дом был построен пять лет назад, принадлежит пришлому бизнесмену, сиречь мафиози, который решил обосноваться на Южном берегу. Содержит небольшой парк маршрутных такси: грузовики для перевозки мебели, десяток легковушек. Но это так, от нечего делать или, скорее, для отвода глаз. Судя по архитектурным запросам, этот человек обладает весьма значительным состоянием. Власов Петр Васильевич. Давай-ка нанесем ему ранний новогодний визит.

— Ты уверен, что нас пустят без ордера?

— Более чем уверен. И в этом нам помог Леня Минин.

— Каким это образом?

— При свете дня обошел место преступления номер два, там, где были слышны выстрелы. Заглянул на полигончик, где тренировался Жора. Чуешь, к чему я клоню?

— Он нашел пулю!

— И даже две. Одна в стволе дерева, другая — в грибке над детской песочницей.

— И пули с места преступления совпали с теми, что в мишени?

— Именно. И Жоре, и его хозяину придется ответить на довольно сложный вопрос.

— К ордеру на обыск это никакого отношения не имеет.

— Да, но вряд ли такая мысль придет им в голову. Пугнем как следует, авось этот номер и пройдет.

Так и вышло. Похмельный Жора сначала не хотел даже открыть дверь, но Пилипенко достал из кармана пулю и со значением показал ему. Жора был явно напуган. Хозяин в домашнем халате спустился по мраморной лестнице в вестибюль.

— Мы хотим, — твердо сказал Пилипенко, — чтобы ваш сотрудник объяснил, каким образом пули из его пистолета оказались на месте преступления. Также мы хотим, чтобы вы показали нам дом, в котором, как нам известно, есть потайные комнаты, что на наш взгляд имеет отношение к совершившейся здесь трагедии.

Хозяин выслушал эту речь молча, полуприкрыв глаза. На вид ему было лет пятьдесят, бледное землистое лицо казалось гладким и непроницаемым, словно пластмассовая маска.

— Во-первых, я не отвечаю за действия своего сотрудника, — холодно сказал он. — Во-вторых, устройство моего дома не имеет никакого отношения к его действиям.

Крепкий оказался орешек, что, впрочем, и неудивительно, если ему удалось сколотить состояние, подумал Жаров. Но хозяин между тем продолжал:

— Однако я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы показать вам дом. Если, конечно, вы будете выступать в качестве гостей и вести себя соответственно.

Они поднялись на второй этаж, прошли в тот самый зал, где стоял снеговик. Стоял вчера, но сейчас его уже не было. За одной из вертикальных картин оказалась потайная дверь. Хозяин просто надавил на картину и распахнул ее.

Жаров ожидал увидеть за этой дверью что угодно — только не то, что на самом деле увидел. За дверью не было ничего — просто пустая просторная комната. Винтовая лестница вела наверх. За узкой полуоткрытой дверцей просматривалась ванная, другая такая же дверь, вероятно, вела в туалет. Посередине потолка ярко сиял правильный ромб — выход световода, который проводил в эти внутренние покои дневной свет.

— На втором этаже еще комната, поменьше, — сказал хозяин. — Хотите посмотреть?

Пилипенко нахмурился, вялым голосом спросил:

— Зачем вам все это, Петр Васильевич?

— А вы не догадываетесь?

— Тайное убежище?

— Именно. У меня, видите ли, очень сложная жизнь. Это место в доме — тайник. В случае внезапного нападения, есть где схорониться. И не надо никуда бежать.

Разочарованные, друзья снова спустились в вестибюль, где их поджидал Жора, изрядно посвежевший — вероятно, дерябнул стакан.

— Ну и? — спросил его Пилипенко. — Объяснишь наконец, зачем ты стрелял в ста метрах ниже своей мишени?

— А что объяснять? — с наглецой в голосе спросил охранник. — Разве ваша жертва была застрелена?

— Вовсе нет, — помедлив, сказал Пилипенко.

— Так в чем вопрос? Оружие есть — и стреляю. За использование в неположенном месте могу заплатить штраф, — Жора немедленно выхватил из кармана пухлый бумажник.

Пилипенко отвел его руку:

— Не надо. На первый раз прощаю.

— Ерунда какая-то, — сказал Жаров, когда они вышли из дома. — Обвели нас вокруг пальца, как детей.

— Не совсем, — сказал Пилипенко. — Ты можешь мне объяснить, куда делся снеговик?

— Разве что сам ушел.

— А вот это ты объяснишь? — следователь указал себе под ноги.

Жаров увидел две глубокие колеи.

— Здесь совсем недавно стоял грузовичок, — сказал Пилипенко. — А секретные комнаты совершенно пустые, нет никакой мебели. И следов машины вчера ночью здесь не было. Это значит, что и снеговика, и содержимое комнат отсюда увезли…

Следователь говорил, будто размышляя вслух, озадаченный и растерянный, но Жаров его не слушал, поскольку уже с полминуты ошарашенно смотрел на Снегурочку. Нет, это была просто фея, молодая волшебница из сказки! Она шла по гравийной дорожке со стороны распадка, цветника. Вдруг протянула руку и потрогала крошечную зимнюю розу за лепесток.

Пилипенко тоже увидел ее. Он замолчал, пристально глядя на незнакомку. Высокого роста, спортивная, гибкая, она была одета в короткую белую шубку, что и делало ее похожей на Снегурочку. Одна светлая, матово блестящая косичка лежала на ее груди, другая, невидимая, была откинута назад.

— Одну минуту! — сказал Пилипенко, выставив шлагбаумом руку, когда девушка поравнялась с ним. — Я вижу, вы направляетесь в этот дом, — он махнул ладонью в сторону особняка.

— Ну и что? — с неприязнью спросила Снегурочка.

Жаров загрустил. Конечно, ничего, кроме презрения, не может испытывать такая красавица к ним, стоящим на ее пути двум средних лет мужчинам, по чьим глазам сразу видно, что они в поте лица зарабатывают свой хлеб.

— Вы ведь служите в этом доме, я правильно понял?

— А вам какое дело?

— А мы журналисты! — вдруг подал голос Жаров.

— И к тому же — из милиции, — уточнил Пилипенко.

Он выхватил из кармана свою книжицу и нарисовал ею в воздухе широкую красную линию.

— Ну и что? Что вам от меня-то надо?

— Всего лишь несколько вопросов.

— Я, в общем-то, тороплюсь.

— Ничего. Ваш хозяин поймет, — многозначительно возразил Пилипенко.

До девушки, похоже, дошло, что от нее не отстанут, а перспектива проехать в отделение ее, конечно, не радовала. Она прислонилась спиной к чугунным перилам и со вздохом сложила руки на груди.

— Давно вы работаете в этом доме? — начал следователь.

— Да нет. Неделю и один день. Еще не очень-то и освоилась.

— Как же вы попали на эту работу?

— Через агентство. Старая горничная почему-то срочно уволилась.

— Почему же?

— Откуда мне знать? Мое дело маленькое…

Следователь помолчал.

— Ну, хорошо, — он решил начать с другого конца. — Ваши обязанности — какие именно?

— Обычные. Я убираюсь в доме и готовлю еду.

— Убираетесь во всем доме, на всех трех этажах?

— Конечно.

— Сложный, наверное, дом?

— Довольно-таки.

— Запутанный такой, как лабиринт.

— Я бы не сказала.

Пилипенко и Жаров переглянулись. Жаров подумал: а ведь для девушки либо не было никакого секрета в том, что в доме кто-то присутствовал тайно, либо она просто невнимательна и не заметила явно прятавшейся в доме «русской печи»… Пилипенко будто угадал его мысли. Спросил:

— А сколько человек живет в доме?

— Двое. Хозяин и его… Ну, компаньон, шофер, телохранитель. Как еще назвать этого Жору?

— А на скольких человек вы готовите еду — на двоих?

— Нет, — с каким-то удивлением сказала девушка. — На троих.

Жарову показалось, что она сделала движение рукой, будто собиралась покрутить пальцем у лба.

— Кто ж третий? — нетерпеливо спросил Пилипенко.

— Да я сама! — воскликнула девушка. — Мне ж тоже надо кушать.

Пилипенко внимательно оглядел ее, будто проверяя, насколько хорошо она питается.

— А что вы готовите?

— Разное. Все, что умею, а чему-то приходится учиться на ходу. Это так важно?

— Представьте, да.

— Ну, вчера был суп с грибами… Хозяин на диете, Жора любит острые блюда, если вам интересно.

— А в новогоднюю ночь праздничный стол не вы готовили?

— Праздничный стол? — с удивлением вскинула свои длинные ресницы девушка. — Ничего об этом не знаю. Меня отпустили на два дня. Но если и был праздничный стол, то его, скорее всего, заказали где-нибудь на фирме.

Пилипенко прикрыл глаза, будто что-то отметив про себя. Жаров подумал: это он обязательно проверит.

— И последнее, вы ничего подозрительного не замечали в доме и вокруг? Какие-нибудь, например, странные звуки, стуки в стену? — спросил следователь.

— Что?

— Крики какие-нибудь, вопли? — наседал Пилипенко, и Жаров увидел, что девушка и впрямь подняла руку и постучала себя пальцем по виску.

— Я вполне нормальная, понимаете? С головой у меня все в порядке.

Удостоверившись, что эти странные двое ее больше не задерживают, она легко взбежала по лестнице и позвонила у двери особняка. Дверь приоткрылась, и в черной щели блеснул выпуклый лоб Жоры.

— Снегурочка… — проговорил Жаров, поймав себя на нежных нотках в голосе. — Может быть, она одна из этих?

— Вряд ли. Ты просто в очередной раз попался на крючок. Обыкновенная шубка по сезону. Блондинка с косичками — только и всего. К тому же у этого импортного Санта-Клауса, в отличие от нашего любвеобильного Деда Мороза, нет никакой Снегурочки. Она либо заодно с ними, либо… Просто и не знаю что.

— Она не может быть с ними заодно, — возразил Жаров. — Девушка работает тут всего неделю. И пришла через агентство.

— Я это проверю, конечно… — пробурчал Пилипенко. — Но если никаких лишних жильцов не было и комнаты на самом деле убежище хозяина, то все это вообще ни в какие ворота не лезет. Зачем тогда было увозить мебель, снеговика? — Пилипенко ткнул пальцами в отпечатки протекторов, которые никуда не исчезли и красноречиво свидетельствовали об обратном. — Разве что только… Тот, кто жил в этом доме, не нуждается в пище…

Жаров вздрогнул. Образ какого-то немыслимого существа, некой инопланетной силы, вновь заставил его похолодеть.

13

Это был тупик. Весь вечер Пилипенко и Жаров просидели в редакции «Криминального курьера», так и сяк обсуждая ситуацию. Пилипенко злился. Не было ни малейших оснований для того, чтобы вызвать на допрос хозяина или даже охранника, да и вопросов к ним обоим никаких не было.

Жора практиковался в стрельбе, да и только — хоть у своей мишени в лощине, хоть чуть ниже по склону, допустим, стрелял по воронам. Так он и скажет, и с удовольствием заплатит штраф. Ни пистолет Жоры, ни его пули никакого отношения к обеим жертвам не имели. Тайное убежище в доме — это была всего лишь отговорка, но попробуй уличи хозяина во лжи! Горничная не знала ничего…

И что он там мог содержать, кого? Может быть, эти странные существа — те двое убитых и те трое, что разбежались, — как раз и жили в этих комнатах? Только вот зачем и кем они на самом деле являлись?

— Давай спросим хозяина, куда делся снеговик? — предложил Жаров.

— Это можно, — сказал Пилипенко. — Только нам сначала придется объяснить, откуда мы знаем, что снеговик в этом доме был.

Жаров все вспоминал визит на виллу, и какая-то мысль не давала ему покоя. Внезапно он понял…

— Ты обратил внимание, — волнуясь, начал он, — ведь Жора знал точно, что жертвы не были застрелены.

Пилипенко с удивлением воззрился на него.

— Не только обратил, — сказал он, — а нарочно подвел его к тому, чтобы он выдал себя. Но в этом, оказывается, не было надобности. Мы уверены, что Жора замешан в убийствах — ну и что? Мы ничего не можем доказать, поскольку совершенно не знаем, что на самом деле произошло в окрестностях этого дома в новогоднюю ночь.

Запрос в агентство по найму обслуживающего персонала был вполне корректен: девушка стояла на учете, ждала работы несколько недель, пока наконец не освободилось место. Горничная, которая работала до нее, действительно уволилась внезапно и уехала из города в неизвестном направлении.

— На отработку ее следа уйдет еще много времени, — с горечью констатировал Пилипенко. — Да и стоит ли это свеч?

Дотошному Клюеву удалось определить фирму, которая доставила в загадочный особняк продукты под Новый год. В этом, правда, не было ничего нового: холодные закуски, фрукты и сладости надо было просто привезти и расставить на столе. Горячих блюд не заказывали. Официанта или повара не требовали. Между прочим, эта же фирма регулярно доставляла в особняк пиццу, спиртное и прочие съедобные мелочи лично для охранника Жоры…

Самая интересная информация пришла на хозяина дома. Вернее, ее отсутствие.

Полных тезок Власова П.В. было несметное количество. Бизнесменов Власовых П.В. насчитывалось несколько, но ни один из них не был хозяином особняка. Они проживали в разных городах СНГ и никуда не исчезали.

— Одно из двух, — сказал Пилипенко, бросая на стол сводку в несколько страниц по этому запросу. — Или наш Власов нашел клад и перебрался в Ялту, и значит, он — один из этих бесчисленных людей, на отработку которых уйдут недели. Кто-то из них и вправду мог исчезнуть лет пять назад. И тогда мы четко пойдем по какому-нибудь ложному следу. Или Власов никакой не Власов, а другой человек, живущий по фальшивым документам.

Исследование найденных тел ничего не дало: это были обыкновенные люди, только слишком странной внешности. Об этом сообщил Минин, зайдя под вечер в редакцию.

— А ты надеялся, что это будут нелюди? — раздраженно спросил Пилипенко. — Сердце справа, отсутствие желудка, кислота вместо крови…

— Нет, — серьезно сказал Минин. — Я рассчитывал найти другое. Но и этого не было.

— Что же ты искал?

— Имплантаты. Я исходил из того, что некто подверг этих людей пластическим операциям. Пока не знаю зачем. Но — увы. Это просто Санта-Клаус и просто врожденный карлик с кошачьим лицом.

— А что представляет собой Буратино?

— О, это отдельный разговор! Я подключил технический отдел, компьютерщиков. Все просто диву давались.

— Что же там удивительного? Нанотехнологии, неземное производство?

— Почти. Те, кто сделал куклу, находятся на самом переднем крае науки и техники. Если снеговик, о котором вы рассказывали, ничего экстраординарного собой не представляет, ведь он опирается на метлу, стоит и движется на трех точках, то Буратино…

— Настоящий робот? — не вытерпел Жаров.

— Нет, — сказал Минин. — Роботом его назвать нельзя. Это все-таки кукла, только мастерски сделанная. Может открывать рот, моргать и вращать глазами. Встроенный компьютер позволяет реагировать на реплики и отвечать впопад.

— Как и Снеговик, — заметил Жаров.

— Но Буратино — более совершенная модель. Этот манекен мог удерживать равновесие на двух ногах. В основание туловища встроен хитроумный гироскоп, плюс имитация вестибулярного аппарата. Короче говоря, этот Буратино ходил и бегал, как человек. Последнее слово науки, которое…

— Ты хочешь сказать, — перебил Пилипенко, — что такая технология еще никем не достигнута?

— Я думаю, дело не в том, что конструкторы не могут такое сделать, а в том, что подобный агрегат просто никому не нужен. Он очень трудоемкий и дорогостоящий. Если усадить группу ученых за работу и щедро финансировать, то в таком создании ничего фантастического нет.

— Власов… — задумчиво проговорил Пилипенко. — Человек очень богатый, можно сказать, олигарх. За ним, само собой, масса преступлений, заказных убийств. Но не пойман, разумеется, как все они… При желании может построить космический корабль, подводную лодку, создать ядерную бомбу. Что там какой-то бегающий Буратино! Главное, чтобы была цель, которая оправдывает средства.

— Это должна была быть очень значительная цель, — резюмировал Жаров.

14

Ощущение тупика продолжалось и на следующий день, и неделю спустя, хотя за это время произошло одно событие… В самом конце Большого каньона, по дороге на Бахчисарай, жители села Соколиное видели огромный костер, который полыхал в лесу в ночь на второе января. Читая сводку, Жаров обратил внимание на показания очевидцев: костер был сложен из какой-то мебели.

— Проедемся туда, — предложил Пилипенко. — Все равно затишье, каникулы. Все всё выпили, мучаются похмельем, и преступность на нуле.

«Жигуленок», преувеличенно рыча на крутых поворотах, взобрался по серпантину Ай-Петри за полчаса и въехал в царство липкого высокогорного снега. Еще двадцать минут быстрой езды от метеостанции до каньона — и друзьям представилось довольно мрачное зрелище. На большой поляне, прямо в виду мятого железного плаката, запрещающего здесь какие-либо костры, чернело целое пожарище.

Полыхало здесь весьма сильно: весь снег на поляне испарился, иголки крайних сосен побурели. Остатки большой деревянной кровати, шкафов, стола, еще каких-то слипшихся мелочей… Пилипенко подобрал круглую обуглившуюся палку и принялся ворошить ею среди обломков.

— А вот и старый знакомый! — весело воскликнул он, пнув ногой крупный оплавленный шар. Да и эта палка… — он оглядел ее на вытянутой руке, — просто-напросто метла снеговика.

У Жарова перехватило дух.

— А что, если здесь, — с волнением проговорил он, — в этой куче… Словом, найдутся чьи-нибудь останки?

— Это вряд ли, — спокойно сказал следователь. — Помнишь тапочку?

— Ну. Странная какая-то…

— Ничего в ней странного.

— Но ты что-то понял тогда.

— Конечно. Это была специальная ортопедическая тапочка. Ее сшили для человека, у которого плоскостопие.

Пилипенко достал телефон.

— Вот что, Клюев! — сказал он в трубку после соединения. — Надо направить запросы в больницы Бахчисарая, Симферополя, Джанкоя. Пожалуй, в Евпаторию и Севастополь — тоже. В том числе и в первую очередь — в частные клиники. Обо всех поступивших туда с начала года больных. Что — зачем? Это тебя не касается, исполняй!

Жаров вопросительно посмотрел на друга.

— И тебя тоже, — буркнул Пилипенко. — Я хочу проверить одну версию, связанную с этим кострищем и с тапочкой. Не хочу выглядеть идиотом, если она провалится.

— Ну, уж меня ты можешь не стесняться, — сказал Жаров. — За эту жизнь ты много раз выступал в роли знаменитого героя Достоевского.

— Спасибо. Мысль-то простая. Она объясняет само происхождение людей-кукол. Допустим, у Власова есть ребенок. Какой-нибудь даун. Именно для него он и построил это убежище. И именно для него, для его развлечения, нанял актеров-кукол. Провести кастинг на человека, похожего на Санту и даже кота — несложно. Масса людей в мире напоминает котов.

Жаров рассмеялся:

— Действительно, версия! Ее идиотизм заключается в том, что нет никакой причины скрывать дауна от людей и строить для него тайное убежище.

— Вообще-то да, — подумав, сказал Пилипенко. — Но я все же оставлю в силе запрос больницам. Ведь ясно, что эту мебель вывезли из тайных комнат. И в комнатах кто-то жил. Куда он мог подеваться? Плюс совершенно ясно, что у этого человека плоскостопие. Такой симптом как раз и распространен среди даунов.

— Но не слишком ли большая тапочка для ребенка? — съязвил Жаров.

— Но он мог вырасти! Дом был построен пять лет назад… — Пилипенко вдруг щелкнул пальцами. — Это объясняет, почему Буратино — более совершенная модель, нежели снеговик. Это объясняет также наличие двух хвостов у кота, да и сами убийства частично.

— При чем тут хвосты?

— Допустим, ребенок рос. Своим убогим сознанием он наконец начал догадываться, что сказочные герои, которые его развлекают, ненастоящие. Допустим, в прошлом году он оторвал хвост у Кота, а тот пришил себе новый. В порядке бреда можно предположить?

— В таком порядке — да.

— И вот теперь этот ребенок предъявил коту его хвост, тыкал ему хвостом в морду, мол, ты ненастоящий, потому что хвост у тебя фальшивый. В конце концов этот ребенок разломал Буратино, убил Санту и Кота… Тьфу, чушь ка-кая-то.

— И вправду чушь, — с некоторым злорадством подтвердил Жаров, которому порой нравилось уличать своего друга в неловкости мысли. — Ведь горничная, в чьих показаниях теперь не приходится сомневаться, готовила лишь на двоих, не считая себя. А ты представляешь, сколько и какой еды мог потреблять этот огромный даун?

Пилипенко с удивлением глянул на Жарова:

— А я думал, что ты уже догадался, откуда бралась для него пища, и даже какая именно она была.

— Почему я должен был догадаться?

— Потому что мы с тобой владеем одной и той же информацией.

Жаров так и не понял, что имел в виду его друг, сколько ни ломал голову над этим вопросом.

15

В первом же номере своей газеты он напечатал эффектный материал. По требованию следователя события новогодней ночи подавались в самом мягком варианте: выдвигалось предположение, что убитые — это просто загримированные актеры в костюмах. О том, что жертвы, возможно, были не совсем людьми, не говорилось ни слова.

Дни шли за днями, была уже середина января, неожиданно Ялту завалило снегом, что снова зажгло погасшее было новогоднее настроение…

Как-то под вечер в редакцию заявился высокий худой старик. Жаров уже выключил компьютер, собирал бумаги, утрясая на столешнице распечатку нескольких материалов для очередного номера, чтобы последний раз, дома перед сном, просмотреть тексты на бумаге — так всегда выявляются опечатки, которые почему-то не замечаешь на мониторе.

Гость держал в руке большой старомодный портфель. Жаров поморщился: неужто принес роман-эпопею?

Однако внутри оказалась тонкая бумажная папка, а в папке — три листа, исписанных крупным старческим почерком.

Гостя звали Петр Степанович («Можно просто — Степаныч!»). Он написал первую в своей жизни статью, будучи уверенным, что стал свидетелем каких-то необычных событий.

— Я прочитал ваш «Новогодний кошмар», — начал Степаныч, — и вот что думаю. Это ж так часто бывает, в детективах. Расследуют два, казалось бы, несвязанных преступления, а в конце получается, что это звенья одной цепи. Вот и со мной такое вышло…

Жаров выслушал Степаныча, изображая на лице внимательную улыбку. Меньше всего он ожидал, что старик мог принести какие-то сведения по делу.

Пенсионер сдавал свою жилплощадь курортникам, чем и жил. Курортников в межсезонье не было, но на воротах его двора все равно висела табличка с крупной рекламной надписью, обещающей место для стоянки машин. Поскольку ворота выходили прямо на трассу, у него часто останавливались то дальнобойщики, то просто желающие сэкономить на жилье, так как старик, согласно своему географическому положению, брал недорого. Прямо за его забором была удобная площадка в кедровой роще, где могла разместиться даже фруктовая фура.

Две недели назад у Степаныча заквартировали странные жильцы. Они приехали на «Соболе», очень нервничали, сутки вообще не выходили из халупы.

— Пьянствовали, что ли? — спросил Жаров.

— В том-то и дело, что нет! Просто спали как убитые. Две женщины и мужчина. Но комнату взяли одну.

— Что ж тут странного-то? — спросил Жаров.

— А вот что. В среду вечером мужчина куда-то уехал на «Соболе», а вернулся на такси. А вчера пригнал «Соболь». И вот в чем штука-то! Машина сначала была серебристой, а стала зеленой.

— Как это?

— А вы не понимаете? — с возмущением произнес Степаныч. — Он где-то ее перекрасил. Вот и спрашивается — зачем? Нет ли здесь какого-нибудь криминала? По всему видно, что все трое чего-то боятся. Я все там написал подробно: как всегда занавески были задернуты, и что не выходили они, даже когда мужчина с базара одежду принес…

— Зачем?

— Так я разве не сказал? Это ж самое главное! Вы в своем «Новогоднем кошмаре» пишете, что была найдена бесхозная одежда. А мои туристы в трусах приехали. И мужчина, и дамы…

Жаров непроизвольно стукнул кулаком по столу.

— Какого числа это было?

— Первого января, в самую новогоднюю ночь.

Жаров разволновался не на шутку.

— Да, и вот еще что! — воскликнул Степаныч. — На крыше гаража вы обнаружили маскарадные костюмы — два женских, один мужской. И главное, что мужской костюм был — Железного дровосека, что из сказки известного русского писателя Волкова.

— И что? — спросил Жаров.

— А вот что. Тот мужчина, который приехал, — точно Железный дровосек.

— Как? Он что… На самом деле железный?

Жаров был готов уже во что угодно поверить, но Степаныч уставился на него, как на полоумного.

— Я разве не говорил, что он ездил на «Соболе», перекрасил машину? Разве железный мог бы сидеть за рулем?

— Но при чем же тут тогда Железный дровосек?

— Да лицо у него такое! Точно такое же лицо, как в книжке на картинках. Я эту книжку в детстве до дыр зачитывал, очень хорошо помню. Рот такой широкий, челюсть квадратная. Я ж в самый первый момент подумал: где это я мог его видеть? А когда статью в газете прочитал, точно понял: это был его костюм.

— Где ж ваши жильцы теперь? — спросил Жаров.

— Где ж им быть? Так и сидят дома, не выходят. С утра до ночи телевизор смотрят.

Жаров снял трубку и набрал служебный номер следователя Пилипенко.

16

Милицейский «жигуленок» взвился по серпантину улицы Свердлова и выскочил на трассу. Стремительно темнело, город зажигал огни. Через пять минут быстрой езды сквозь крупную пургу машина затормозила на площадке для фруктовых фур, закрутив снежный вихрь. Зеленый «Соболь» стоял у края площадки.

Следователь заглянул внутрь машины, прикрываясь ладонями от света фонаря, который висел над дверью дома.

— Пусто, — сказал он.

Ему не пришло в голову взять группу захвата: в случае чего, они бы с Жаровым и вдвоем справились, а если все это окажется ерундой, то хотелось бы избежать насмешек.

Пилипенко оказался прав: бригада не понадобилась, но по другой причине…

— Вот эти два окна — комната жильцов, — показал Степаныч. — Странно… Не могут же они спать в шесть вечера!

Окна были темны. Пилипенко остановился.

— Они никогда раньше не уходили все трое? — обратился он к Степанычу.

— Да они вообще не выходят! Только мужчина, дровосек этот… За продуктами. Готовят на плитке, весь дом провоняли!

Жаров тем временем присел на корточки. У крыльца и на площадке перед домом было полно следов. Снег, продолжавший падать, едва припорошил их.

— Похоже, они все трое ушли! — сказал Жаров, распрямляясь.

Это было очевидно. Три цепочки следов пересекали площадку по диагонали.

— Черт! — с удивлением выругался Жаров. — Они зачем-то шли на цыпочках.

Расстояние между отдельными следами было значительным, причем отпечатались только носки обуви.

— На цыпочках! — передразнил Пилипенко. — Это ж первый курс юрфака. Такие следы оставляет бегущий человек.

— Все трое бежали?

— Именно.

— Значит, их комната пуста.

— Я не уверен, — сказал следователь, вытаскивая пистолет.

Жаров заметил, что он не снял свой табельный с предохранителя — это значило, что интуиция подсказывала ему опасность средней тяжести.

Дверь дома была приоткрыта на два пальца, дверь комнаты жильцов — настежь. Пилипенко предостерег Жарова ладонью, а сам осторожно заглянул в комнату. Стоя у стены коридора, Жаров увидел, что там далеко не все в порядке.

— Чисто! — сказал следователь, имея в виду, конечно, что в комнате нет людей.

Живых людей. Когда Пилипенко щелкнул выключателем, свет стеклянной люстры с мерцающими висюльками озарил довольно жуткую картину. Сначала Жарову показалось, что убитая — маленькая девочка. Она сидела на полу, прислонившись спиной к дивану и широко раскинув ноги в белых колготках. Вся ее грудь была в крови — очевидно пуля перебила аорту.

— Не мучилась, — проговорил Жаров с непроизвольной радостью.

Следователь дико глянул на него, вывернув голову из-за плеча. Жаров присмотрелся к убитой. Это была взрослая женщина, судя по размерам ее груди. В то же время нельзя сказать, что она — карлица: совершенно нехарактерное для карлицы лицо. Точно! Это было лицо девочки — вздернутый носик, пухлые щечки…

— Чего ж это такое делается! — воскликнул Степаныч.

— Молчите! — оборвал его Пилипенко.

Он прикоснулся к телу и резко поднял голову.

— Она еще теплая. Убийца ушел недалеко.

Пилипенко щелкнул предохранителем.

— Идешь со мной? — кивнул он Жарову.

— Конечно!

— В случае чего, я тебя не звал, скажешь — сам напросился.

— И я пойду! — встрепенулся Степаныч.

— Оставайтесь на месте! Будете ждать подкрепления и покажете ребятам дорогу, — добавил он, будто и впрямь рассчитывал на помощь старика.

Жаров понял: следователь просто хотел занять чем-то Степаныча, чтобы тот не думал, что им вообще уж пренебрегают. Пилипенко вытащил мобильник и коротко сообщил адрес.

— Как ты узнал? — спросил Жаров, — ведь следы у крыльца принадлежат троим.

— Трое жильцов, — объяснил Пилипенко, уже выходя из комнаты, — это две женщины и мужчина. А следы — двое мужчин и женщина. И они не убегали все трое от какой-то опасности. Двое убегали от одного.

17

Эти люди действительно бежали, кто-то из них даже упал в конце площадки, разметав снег. Площадка заканчивалась обрывом в сторону города. Пилипенко остановился на краю, осматриваясь.

Ялта мерцала огнями далеко внизу, словно затухающий костер. Здесь, на высоте примерно двухсот метров над уровнем моря, снег падал гуще, чем внизу. Следы были уже сильно припорошены. Стало ясно, что трое спрыгнули с обрыва и тут же понеслись вниз по склону, поросшему редким кустарником.

Пилипенко и Жаров стали спускаться — так быстро, насколько это было возможно, — скользя и цепляясь за ветки. Чем дальше они продвигались, тем размытее становились следы: снег заполнял их буквально на глазах.

— Вижу одного! — вдруг воскликнул Пилипенко.

Жаров и сам уже заметил его. Темное пятно выделялось на

снегу, меж двух невысоких кустов. Это была женщина. Она лежала, раскинув руки на снегу и широко раскрыв глаза. Вне всякого сомнения, она была мертва.

— Мальвина, — сказал Жаров.

— Не задерживаемся! Мы можем еще предотвратить следующее убийство.

Увы. Они опоздали. Метрах в пятидесяти ниже по склону лежал мужчина. По пятнам крови на снегу было видно, что он пробежал несколько шагов после того, как его подстрелили.

Человек был еще жив. Жаров подбежал к нему первым, наклонился, и тотчас цепкая рука судорожно схватила его за воротник куртки.

— Они все же убили нас всех…

— Кто? — выкрикнул подбежавший Пилипенко.

— Они… Те, кто нас… Создал…

Его глаза закатились и застыли.

— Фонарик! — отрывисто произнес Пилипенко.

Жаров осветил лицо трупа и отшатнулся.

— Дровосек! — сказал следователь.

Это было плоское, широкоскулое лицо с большим, плотно сжатым ртом. Жаров хорошо помнил книжку из детства. Немного грима, воронку на голову, ту самую, что он нашел на крыше гаража, добавить костюм — и сказочный персонаж готов. Жаров вспомнил свой кошмар о гномах. Судя по количеству трупов, его сон сбывался…

— Все! — услышал он отчаянный голос следователя. — Дальше следов нет.

Жаров огляделся. Действительно, за те минуты, пока они стояли над умирающим, снег окончательно запорошил тропу. Крупные хлопья падали, кружась и вырисовывая в воздухе спирали серпантина. Очевидно, убийца, спустившись по склону, вошел в город, но где именно, определить было невозможно.

— Может быть, вызвать собаку? — спросил Жаров.

— Бесполезно, — с горечью проговорил Пилипенко. — Ральфа не возьмет след под этим снегом.

18

— У меня две новости, — сказал Минин, быстро входя в кабинет следователя с бумажным ворохом в руках.

— Одна хорошая, другая… — отозвался Клюев.

— Обе одного качества, — поспешно перебил Минин, выкладывая документы на стол. — Пули, прошедшие через тела последних жертв, идентичны тем, что были выпущены из пистолета охранника — по мишени и на месте, где был убит Кот.

Пилипенко вскочил.

— Значит, так, — повернулся он к Клюеву, — ордер на арест и обыск, бригада захвата, немедленно!

Клюев двинулся к выходу, но остановился, держа руку на дверной скобе.

— Чего ты ждешь?

— Вторую новость.

— Помните, я говорил об имплантатах? — сказал Минин, обращаясь к нему. — Так вот. У жертвы, которую мы условно называем «Железным дровосеком», действительно имеются имплантаты в лицевой части. Изначально у этого человека было совсем другое лицо.

Клюев вышел, кивнув. Жаров, до сих пор молчавший в углу, чтобы не мешать работе своих друзей, не удержался и воскликнул:

— Их действительно кто-то создал, в самом прямом смысле!

— Пластическая операция, — уточнил Минин. — Думаю, что инопланетяне применили бы какую-нибудь другую технологию.

Через десять минут машина уже мчалась в сторону Чайной горки.

— Возьмем охранника, — сказал Пилипенко с нескрываемой злобой. — А потом и до хозяина доберемся. Помните, важно не столько поймать этого парня, что само собой. Главное — тщательно осмотреть этот чертов дом.

— Зачем Жора застрелил всех этих людей-кукол? — спросил Жаров, чувствуя нарастающую злобу и возмущение.

— А вот мы у него сейчас и спросим, — угрюмо отозвался Пилипенко. — Во всяком случае ясно, что эти люди-куклы знали, что за ними охотятся, боялись этого, прятались и даже перекрасили свою машину. Более того, и на перекрашенной машине не решались уехать. Картина вырисовывается следующая. Свернув шею Санте и Коту в сапогах, Жора стрелял по людям-куклам, промахнулся, затем преследовал их. Яркие костюмы были слишком хорошо заметны, и они от них избавились, закинув на крышу гаража. Голое человеческое тело почти незаметно на фоне земли и листвы. Убегая, они добрались до своего припаркованного «Соболя», выехали на трассу, но дальше не решились, заквартировали в первом попавшемся доме, даже перекрасили машину, вполне справедливо полагая, что не смогут уйти от Власова и его подручного незамеченными.

— Но почему? Как можно отследить машину на трассе? — спросил Минин.

— А ты разве не знаешь, что за бизнес здесь у Власова?

— Маршрутки… Ах, вот оно что!

— Именно! Восемнадцать маршрутных такси на разные города Крыма. Днем и ночью на трассе. Достаточно дать указания шоферам, и серебристый «Соболь» нетрудно засечь. Один звонок — и беглецы найдены. Поэтому они так долго и не решались уехать; наконец додумались перекрасить машину. Но это их как раз и выдало.

— Каким образом?

— Очень просто. Такие мастерские в Ялте можно по пальцам пересчитать, и там у Власова, разумеется, тоже трудятся свои люди.

Доехали, припарковались внизу на Таврической, к дому подошли пешком. Узкое окно справа от двери, окно комнаты охраны, все так же мерцало светом мониторов. Пилипенко заглянул сквозь щель в жалюзи.

— Пусто, — прокомментировал он и позвонил в дверь.

Никто не отозвался. Следователь повторил звонок. С минуту оперативники стояли молча, прислушиваясь. Пилипенко взялся за ручку двери, и она неожиданно открылась.

Теперь этот дом уже не представлял никакой загадки: все тайные двери были открыты, и силуэт русской печи, который померещился следователю в новогоднюю ночь, как бы растворился среди вполне реальных стен.

Пилипенко сразу направился к лестнице, бригада и понятые, прихваченные по дороге, молча двинулись за ним. Жаров догадался: следователь решил начать обыск с мансарды, с той самой

комнаты, куда они проникли нелегально в новогоднюю ночь. Так можно было с большей вероятностью определить, что в доме изменилось за эти дни.

Новогодний стол и елка — неодушевленные свидетели несостоявшегося праздника — были убраны. Почему все-таки не состоялся праздник и кто были его участники? Кто был этот Золушка-мужчина, потерявший тапочку посередине гостиной? В чем был смысл роботов — Буратино и Снеговика? И почему они принадлежали к разным поколениям машин, сделанных, вероятно, с большим интервалом времени?

На сей раз Пилипенко особенно тщательно изучил тайные комнаты. Было ясно, что какая-то мысль озаботила его. Он прошел на балкон и жестом пригласил Жарова за собой.

— Может быть, мы зря отвергли версию, что это тайное убежище хозяина? — предположил следователь.

— Для убежища оно слишком большое. Слишком много удобств. Не собирался же он здесь прятаться месяцами! — возразил Жаров.

— Но версия о том, что существа жили тут, тоже отпадает.

Они бы здесь просто не поместились. Тайная квартира рассчитана на одного человека. Помнишь, на пожарище была лишь одна кровать?

В дверях балкона возник Минин.

— Мы их нашли, — коротко сообщил он.

Хозяин дома лежал в ванне, вода была темно-бурой от крови. Одно пулевое отверстие в груди, другое — во лбу. Охранник, вероятно, выбежавший на шум, нашел свою смерть на лестнице, даже не успев вытащить свой «Макаров». Два отверстия в груди, одно — также во лбу.

— Вот и все, — сказа Пилипенко. — Вызывайте труповозку и опечатывайте этот чертов дом.

19

В кабинете следователя было сильно накурено. Сам Пилипенко сидел за своим столом, Жаров устроился напротив, Клюев — на стуле у окна, а Минин примостился на подоконнике и лениво перелистывал какой-то журнал.

Только что закончили опрос горничной. Девушка, аккуратно уложив две толстые косички с плеч на грудь, сидела на стуле в углу, Жаров украдкой любовался ею…

— Я могу идти? — спросила она.

— Да посидите… — задумчиво протянул Пилипенко. — Мы так ничего от вас не добились. Может, все же вспомните что-то.

Действительно, Наташу, так звали горничную, задержали в аэропорту: она в панике пыталась бежать из города, узнав об убийствах, происшедших в доме, где она служила.

— Как вы могли не заметить ничего странного? — с удивлением спросил Минин.

— Я просто делала свою работу. Причем еще не освоилась. До меня там работала другая девушка, но она уволилась.

— Наша ошибка в том, что мы рассуждали, как максималисты, — сказал Пилипенко. — Скрытые комнаты в доме — это либо тайник, где прячется какой-то человек, либо убежище для хозяина. А почему бы им не быть одновременно и тем и другим? В этом случае колоссальные затраты на такое строительство вполне оправданы. А то, что какой-то человек до недавнего времени жил в доме, что Наташа специально для него готовила самые острые блюда, не вызывает у меня уже никакого сомнения.

— Острые блюда я готовила для охранника, — подала голос Наташа.

— Вы так думали, потому что вас в этом убедили. Наверняка Жора хватал поднос якобы со своей едой, уходил с ним, даже, может быть, кидал в рот какой-нибудь перчик, нахваливая его на ходу… Ведь так?

Наташа молча повела плечами, невольно перераспределив свои великолепные косички на высокой груди.

— А меж тем Жора относил эту пищу тайному жильцу, а сам пробавлялся заказами пиццы и прочего у известной фирмы, чему мы имеем документальное подтверждение.

— Все мертвы, — проговорил Минин. — Мы никогда не узнаем правды.

— Семь трупов, — добавил Жаров. — Точно, как в моем сне. Мне в ту ночь приснились гномы, — пояснил он Минину, вопросительно посмотревшему на него. — Семь дохлых гномов.

— Трупов все-таки восемь, — неожиданно вставил Пилипенко.

— Как? — удивился Минин.

— Восьмая жертва умерла своей смертью, — Пилипенко поднял со стола какую-то бумажку и повел ею перед всеми. — Это ответ из частной клиники в Симферополе. Второго января туда поступил больной, его привез мужчина, по приметам похожий на охранника Жору. Через три дня пациент скончался. Тот, кто оставил нам свою тапочку… Это был даун, доживший до двадцати лет, что для них неординарно. Совершенный ребенок по развитию, но обладавший огромной физической силой. Именно у даунов развивается плоскостопие, и именно даунам, по причине притупленности их аппетита, необходима острая пища. Вот для кого готовила третью, особую порцию Наташа… Думаю, мы можем закрыть это дело, — сказал следователь.

— Очередной висяк, — прокомментировал Клюев.

Пилипенко удивленно вскинул голову:

— Вовсе нет. Дело закрывается в связи с окончанием расследования.

Все посмотрели на него с удивлением.

— Да, в общих чертах расследование завершено. И оно произошло здесь и только здесь, — сказав так, Пилипенко ткнул себя пальцем в лоб. — У меня есть версия, которая объясняет все. Стыкует все детали происшествий — до мельчайших, включая потерянную тапочку и даже оторванный хвост. Поскольку, по теории вероятностей, такое совпадение невозможно, значит, моя версия верна. Между прочим, вы все, так же как и я, знаете эти детали. Немного подумать — и в ваших головах сложится точно такая же версия.

Пилипенко замолчал, и вправду давая присутствующим возможность подумать. Жаров мысленно усмехнулся. Все факты налицо, но сложить их вряд ли смог бы кто-нибудь из них. Тайная комната, в которой почему-то жил великовозрастный даун. Люди-куклы, которые, может быть, были сделаны для развлечения дауна. Кто-то убил всех этих кукол, но почему? Чтобы скрыть факт существования дауна? Не слишком ли высокая цена? И кто-то убил самих жителей дома…

— Никто не может подтвердить мою версию, поскольку никого не осталось в живых, — продолжал следователь. — Можете задавать мне любые вопросы.

— Да? — первым отозвался Клюев. — Кто же застрелил Власова и его охранника?

— О, это совсем просто! — сказал Пилипенко. — Киллер или киллеры. Обыкновенные киллеры. Типичный их почерк, с контрольным выстрелом в голову… Что может быть скучнее мафиозных разборок? Наверное, этот Власов — или как там его? — задолжал кому-то, кого-то кинул или обул… Сменил имя, спрятался. Наконец его нашли и покарали. Еще вопросы?

— Даун, умерший в клинике, сын хозяина? — спросил на этот раз Жаров.

— Это в точку. Версия, которая пришла мне в голову в Большом каньоне и которую мы оба посчитали идиотской, как раз и оказалась верной. Власов любил своего сына. Он создал для него целый сказочный мир, где были живые, настоящие игрушки. Но ребенок рос, он все меньше верил в этот мир… Что и кончилось трагедией. Он разломал Буратино, поняв, что тот ненастоящий. Погнался в одной тапочке за остальными. Загнал Санту и Кота в подъезд, первого убил там, второго — на улице. Затем на сцену вышел Жора. Он стрелял в убегающих актеров, промахнулся, затем разыскал их на квартире у старика…

— Но зачем? — вскричал Минин. — Зачем Жоре было убивать этих кукол? И зачем надо было прятать ребенка-дауна от людей?

Пилипенко обвел всех торжествующим взглядом.

— В этом-то и загвоздка. Даже нащупав истину, мы не могли в нее поверить. Поскольку сам мотив массового убийства был непостижим. Поэтому я поначалу и отверг версию, которая на самом деле оказалась правильной. А причина в том, что и Жора, и Власов боролись за собственные жизни. При гаком раскладе ни чья-то чужая жизнь, ни их количество не имеют значения. Все те, кто знал о существовании ребенка, должны были умереть.

— Да кто он такой — этот ребенок?

— Власов спрятал этого ребенка не потому, что хотел спрятать именно его. Спрятаться он хотел сам.

— В каком это смысле?

— Объясняю. Он кинул своих партеров, сбежал от них, сменил имя. Они искали его. Как они могли его найти? Да очень просто. Одинокий мужчина, который живет со своим сыном-дауном — не так уж часто встречающаяся комбинация. Да и просто даун, поступивший в определенное время в какую-то клинику. Достаточно проверить адресные столы, справочные бюро, поликлиники и больницы по всем возможным городам… Сына он обожал, избавиться от него не мог, да и расставаться с ним не хотел. Вот и придумал такой ход. А его преследователи не сразу сообразили, что надо искать не отца и сына, а одного человека.

— В результате они его нашли…

— Это было просто, — встрял Жаров, пораженный внезапной мыслью. — После новогодней ночи, зная, что мы не отстанем от него, Власову ничего не оставалось, как замести следы. Вещи из комнаты сына они сожгли, а самого его отдали в больницу. Он рисковал, и риск не оправдал себя. Кто-то в этой больнице был уже куплен киллерами и немедленно просигналил о поступившем пациенте.

— Может быть, так, а может, и нет… — проговорил Пилипенко. — Сдается мне, что преследователи вышли на Власова раньше. Скажем, через агентство, которое поставляет персонал для таких особняков — поваров, садовников, горничных…

Пилипенко пристально посмотрел на девушку, до сих пор молча сидевшую в углу.

— Именно через горничную они и могли узнать, что происходит в доме Власова. Что вы на это скажете, Наташа?

Девушка опустила голову. Казалось, она напряженно думает над ответом.

— Или, может быть… — повысил голос Пилипенко. — Горничная и есть киллер? Не она ли обманом проникла в дом Власова? Не она ли ждала удобного момента и наконец застрелила тех, кто сам так много сделал для того, чтобы как раз именно этого избежать?

— Да что вы такое говорите! — воскликнула девушка, поднимаясь. — Я честный, добросовестный работник, у меня есть рекомендации…

— Берегись! — вдруг крикнул Минин Жарову, который сидел ближе всех к двери.

Девушка вдруг резко выбросила вперед ногу, ее юбка взметнулась, оголив сильные мускулистые ляжки. Жаров молниеносно схватил ее за ступню и резко крутанул так, что девушка оказалась на полу, не в состоянии сопротивляться. Ее косички бессильно разметались в разные стороны по паркету.

— Я этому в армии научился, — пояснил Жаров. — Как усмирять всяких каратистов.

— Не надо тут разыгрывать Лару Крофт, — миролюбиво сказал Пилипенко.

Он подошел к девушке и нагнулся над нею.

— Я прав, Наташа? Ты и в самом деле добросовестный работник, но по другой части?

— Да пошли вы все! — злобно воскликнула она. — Я делала свою работу, только и всего.

Клюев сцепил ее руки браслетами за спиной, усадил на свой стул.

— Поверить не могу! — сказал Минин.

— Ну что же? Дашь показания? — обратился к девушке следователь.

— Мое дело маленькое, — помолчав, сказала она. — Этот Власов, как он стал себя называть, сбежал от уважаемых людей, прихватив общак. Мы пять лет его искали, именно проверяя больницы, адресные столы, похоронные бюро на предмет дауна. Ибо все знали, что мужик души в своем сыне не чает, даже таком. Должен же человек кого-то любить? Даже такой человек… И вот, одному пришло в голову прошерстить именно конторы по найму персонала, ведь не стал бы он жить в какой-нибудь квартире? Непременно обзавелся бы особняком на украденное бабло. Так и вышли на него. Прошлой горничной дали в зубы приличные деньги, чтоб освободила место. Я же чуть раньше оформилась в агентстве на возможную вакансию. А потом мне пришлось пострелять. Если вы обеспечите мне защиту, то я назову имена и координаты заказчиков.

— Да уж, придется обеспечить защиту, — сказал Пилипенко. — Пожизненную.

В комнате воцарилась тишина. Все, кроме Жарова, молча смотрели на эту девушку, которая, устроив косички на плечах, поглядывала по сторонам своими светлыми глазами.

Жаров больше не смотрел в ее сторону. Он сидел, опустив голову и кусая губы от досады. А ведь еще несколько минут назад он раздумывал: вот, когда совещание закончится, подойдет к ней, пригласит куда-нибудь… Провалилась очередная попытка влюбленности. Только дружба в этой жизни имеет значение. Жаров, параболическим вывертом взгляда обогнув лицо Наташи, по

очереди посмотрел на Пилипенко, Минина, Клюева — этих уже довольно солидных людей, с которыми учился в одной школе и о которых знал все. Да, только дружба — и больше ничего.

Содержание

1 Призрак с арбалетом 2
2 Легенда о Фарфоровом гроте 21
3 Формула Кошачьего царя 51
4 Маньяк-мертвец 77
5 Смерть в лабиринте 98
6 Тайна «Марии Целесты» 117
7 Солнечный удар 147
8 Проклятие древней гробницы 173
9 Покрывало вдовы 213
10 Чужая рука 234
11 Смерть приходит из книг 253
12 Санта-Клаус и другие 278